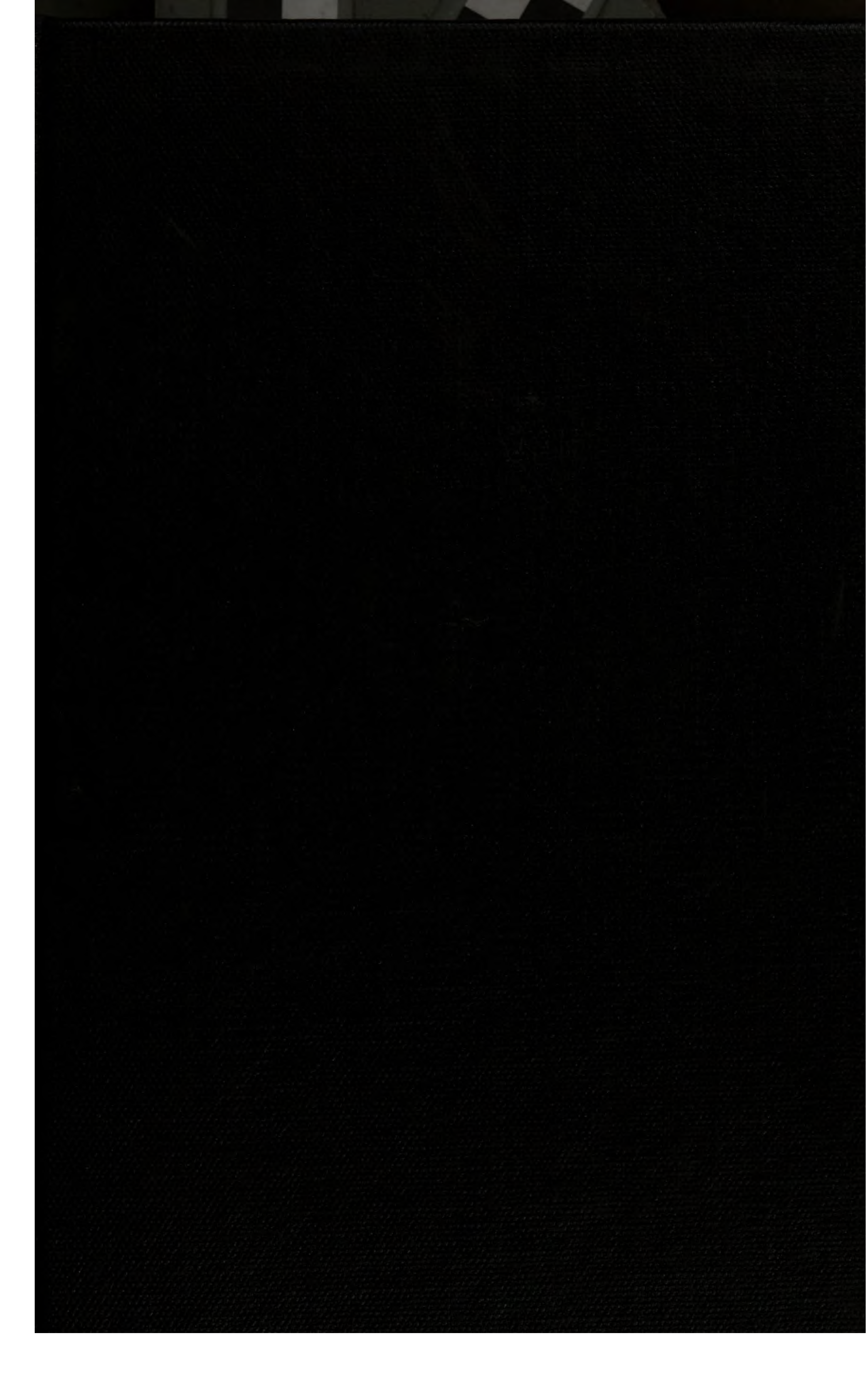

ІЮНЬ. 1907.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія **Н. Н. Клобукова**, Лиговская ул., д. № 34.
1907.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 руб.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—65 коп.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже **15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

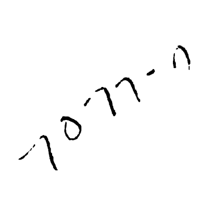
1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія уничтожаются.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ НАШИМЪ вѣрнымъ подданнымъ:

По повелѣнію и указаніямъ НАШИМЪ, со времени роспуска Государственной Думы перваго созыва, Правительство НАШЕ принимало послѣдовательный рядъ мѣръ къ успокоенію страны и установленію правильнаго теченія дѣлъ государственныхъ.

Созванная НАМИ вторая Государственная Дума призвана была содѣйствовать, согласно Державной Волѣ НАШЕЙ, успокоенію Россіи: первѣе всего работою законодательной, безъ которой невозможны жизнь Государства и усовершенствованіе его строя, затѣмъ разсмотрѣніемъ росписи доходовъ и расходовъ, опредѣляющей правильность государственнаго хозяйства, и, наконецъ, разумнымъ осуществленіемъ права запросовъ Правительству, въ цѣляхъ укрѣпленія повсемѣстно правды и справедливости.

Обязанности эти, ввѣренныя НАМИ выборнымъ отъ населенія, наложили на нихъ тѣмъ самымъ тяжелую отвѣтственность и святой долгъ пользоваться правами своими для разумной работы на благо и утвержденіе Державы Россійской.

Таковы были мысль и воля НАШИ при дарованіи населенію новыхъ основъ государственной жизни.

Къ прискорбію НАШЕМУ, значительная часть состава второй Государственной Думы не оправдала ожиданій НАШИХЪ. Не съ чистымъ сердцемъ, не съ желаніемъ укрѣпить Россію и улучшить ея строй, приступили многія изъ присланныхъ отъ населенія лицъ къ работѣ, а съ явнымъ стремленіемъ увеличить смуту и способствовать разложенію Государства.

Дѣятельность этихъ лицъ въ Государственной Думѣ послужила неопреодолимымъ препятствіемъ къ плодотворной работѣ. Въ среду самой Думы внесенъ былъ духъ вражды, помѣшавшій сплотиться достаточному числу членовъ ея, желавшихъ работать на пользу родной земли.

По этой причинѣ выработанныя Правительствомъ НАШИМЪ обширныя мѣропріятія Государственная Дума или не подвергала вовсе разсмотрѣнію, или замедляла обсужденіемъ, или отвергала, не остановившись даже передъ отклоненіемъ законовъ, каравшихъ открытое восхваленіе преступленій и сугубо наказывавшихъ сѣятелей смуты въ войскахъ. Уклонившись отъ осужденія убійствъ и насилій, Государственная Дума не оказала въ дѣлѣ водворенія порядка нравственнаго содѣйствія Правительству, и Россія продолжаетъ переживать позоръ преступнаго лихолѣтія.

Медлительное разсмотрѣніе Государственною Думою росписи государственной вызвало затрудненіе въ своевременномъ удовлетвореніи многихъ насущныхъ потребностей народныхъ.

Право запросовъ Правительству значительная часть Думы превратила въ способъ борьбы съ Правительствомъ и возбужденія недовѣрія къ нему въ широкихъ слояхъ населенія.

Наконецъ, свершилось дѣяніе, неслыханное въ лѣтописяхъ исторіи. Судебною властью былъ раскрытъ заговоръ цѣлой части Государственной Думы противъ Государства и Царской Власти. Когда же Правительство НАШЕ потребовало временнаго, до окончанія суда, устраненія обвиняемыхъ въ преступленіи этомъ пятидесяти пяти членовъ Думы и заключенія наиболѣе уличаемыхъ изъ нихъ подъ стражу, то Государственная Дума не исполнила немедленно законнаго требованія властей, не допускавшаго никакого отлагательства.

Все это побудило НАСЪ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 3-го сего Іюня, Государственную Думу второго созыва распустить, опредѣливъ срокъ созыва новой Думы на 1-е Ноября сего 1907 года.

Но вѣря въ любовь къ Родинѣ и государственный разумъ народа НАШЕГО, МЫ усматриваемъ причину двукратнаго неуспѣха дѣятельности Государственной Думы въ томъ, что по новизнѣ дѣла и несовершенству избирательнаго закона, законодательное учрежденіе это пополнялось членами, не явившимися настоящими выразителями нуждъ и желаній народныхъ.

Посему оставляя въ силѣ всѣ дарованныя подданнымъ НАШИМЪ Манифестомъ 17 Октября 1905 года и Основными Законами права, воспріяли МЫ рѣшеніе измѣнить лишь самый способъ призыва выборныхъ отъ народа въ Государственную Думу, дабы каждая часть народа имѣла въ ней своихъ избранниковъ.

Созданная для укрѣпленія Государства Россійскаго, Государственная Дума должна быть русскою и по духу.

Иныя народности, входящія въ составъ Державы НАШЕЙ, должны имѣть въ Государственной Думѣ представителей нуждъ своихъ, но не должны и не будутъ являться въ числѣ, дающемъ имъ возможность быть вершителями вопросовъ чисто русскихъ.

Въ тѣхъ же окраинахъ Государства, гдѣ населеніе не достигло достаточнаго развитія гражданственности, выборы въ Государственную Думу должны быть временно пріостановлены.

Всѣ эти измѣненія въ порядкѣ выборовъ не могутъ быть проведены обычнымъ законодательнымъ путемъ черезъ ту Государственную Думу, составъ коей признанъ НАМИ неудовлетворительнымъ, вслѣдствіе несовершенства самаго способа избранія ея членовъ. Только Власти, даровавшей первый избирательный законъ, исторической Власти РУССКАГО ЦАРЯ, довлѣетъ право отмѣнить оный и замѣнить его новымъ.

Отъ Господа Бога вручена НАМЪ Власть Царская надъ народомъ НАШИМЪ. Передъ Престоломъ Его МЫ дадимъ отвѣтъ за судьбы Державы Россійской.

Въ сознаніи этомъ черпаемъ МЫ твердую рѣшимость довести до конца начатое НАМИ великое дѣло преобразованія Россіи и даруемъ ей новый избирательный законъ, обнародовать который повелѣваемъ Правительствующему Сенату.

Отъ вѣрныхъ же подданныхъ НАШИХЪ МЫ ждемъ единодушнаго и бодраго, по указаному НАМИ пути, служенія Родинѣ, сыны которой во всѣ времена являлись твердымъ оплотомъ ея крѣпости, величія и славы.

Данъ въ Петергофѣ, въ 3-ій день Іюня въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ седьмое, Царствованія же НАШЕГО въ тринадцатое.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано: «НИКОЛАЙ»

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ.

ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМУ СЕНАТУ.

Утвердивъ сего числа новое Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу, препровождаемъ узаконеніе сіе, со всѣми къ нему приложеніями, въ Правительствующій Сенатъ для немедленнаго обнародованія.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою подписано:

Въ Петергофѣ. «НИКОЛАЙ»

3 Іюня 1907 года.

Скрѣпилъ: Предсѣдатель Совѣта Министровъ *Столыпинъ.*

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «*УТВЕРЖДАЮ*».

Въ Петергофѣ.

3 Іюня 1907 года.

Скрѣпилъ: Предсѣдатель Совѣта Министровъ *Столыпинъ.*

ПОЛОЖЕНІЕ

О ВЫБОРАХЪ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ.

Глава первая.

Общія положенія.

Ст. 1. Выборы въ Государственную Думу производятся: 1) по губерніямъ и областямъ, указаннымъ въ ст. ст. 2—4 сего Положенія и 2) по городамъ: С.-Петербургу и Москвѣ, а также Варшавѣ, Кіеву, Лодзи, Одессѣ и Ригѣ.

Ст. 2. Выборы въ Государственную Думу отъ губерній, управляемыхъ по Общему Учрежденію, а равно отъ губерній Тобольской и Томской, отъ области Войска Донского и отъ городовъ: С.-Петербурга, Москвы, Кіева, Одессы и Риги производятся на основаніяхъ, указанныхъ въ статьяхъ 6 и слѣдующихъ сего Положенія.

Ст. 3. Выборы въ Государственную Думу отъ губерній и городовъ Царства Польскаго, отъ губерній Енисейской и Иркутской, а равно отъ православнаго населенія Люблинской и Сѣдлецкой губерній и отъ казаковъ Уральскаго казачьяго войска производятся на основаніяхъ, указанныхъ въ Положеніи о выборахъ въ Государственную Думу изд. 1906 г. (Св. Зак. т. I ч. 2).

Примѣчаніе. Отдѣльные выборы члена Государственной Думы отъ города Иркутска не производятся. Лица, владѣющія избирательнымъ цензомъ по городу Иркутску, образуютъ общій съѣздъ городскихъ избирателей совмѣстно съ городскими избирателями Иркутскаго уѣзда; число выборщиковъ отъ съѣздовъ Иркутской губерніи опредѣляется приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

Ст. 4. Выборы въ Государственную Думу по областямъ и губерніямъ Кавказскаго края, по областямъ Амурской, Приморской и Забайкальской, а равно отъ русскаго населенія Виленской и Ковенской губерній и города Варшавы производятся на основаніи особыхъ, приложенныхъ у сего правилъ.

Ст. 5. Число членовъ Государственной Думы по губерніямъ, областямъ и городамъ устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

Ст. 6. Избраніе членовъ Государственной Думы по губерніямъ и областямъ (ст. 1 п. 1) производится губернскимъ избирательнымъ собраніемъ. Собраніе это образуется подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства или лица, его замѣняющаго, изъ выборщиковъ, избираемыхъ въ каждомъ уѣздѣ: 1) съѣздомъ

землевладѣльцевъ; 2) первымъ съѣздомъ городскихъ избирателей; 3) вторымъ съѣздомъ городскихъ избирателей; 4) съѣздомъ уполномоченныхъ отъ волостей и 5) съѣздомъ уполномоченныхъ отъ казачьихъ станицъ въ губерніяхъ, гдѣ таковыя имѣются. Сверхъ того, въ губерніяхъ, указанныхъ въ росписаніи, приложенномъ къ статьѣ 8, въ избраніи членовъ Государственной Думы, въ составѣ губернскаго избирательнаго собранія участвуютъ выборщики, избираемые губернскими съѣздами уполномоченныхъ отъ рабочихъ въ предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности.

Ст. 7. Избраніе членовъ Государственной Думы отъ указанныхъ въ статьѣ 2 городовъ производитсл посредствомъ прямой подачи голосовъ.

Ст. 8. Общее число выборщиковъ по каждой губерніи или области, а равно распредѣленіе ихъ между уѣздами и съѣздами, устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

Ст. 9. Въ выборахъ не участвуютъ: 1) лица женскаго пола; 2) лица моложе двадцати пяти лѣтъ; 3) обучающіеся въ учебныхъ заведеніяхъ; 4) воинскіе чины арміи и флота, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ; 5) бродячіе инородцы и 6) иностранные подданные.

Ст. 10. Кромѣ указанныхъ въ предшедшей статьѣ (9) лицъ, въ выборахъ не участвуютъ также: 1) подвергшіеся суду за преступныя дѣянія, влекущія за собой лишеніе или ограниченіе правъ состоянія, либо исключеніе изъ службы, а равно за кражу, мошенничество, присвоеніе ввѣреннаго имущества, укрывательство похищеннаго, покупку и принятіе въ закладъ завѣдомо краденаго или полученнаго черезъ обманъ имущества и ростовщичество, когда они судебными приговорами не оправданы, хотя бы послѣ состоявшагося осужденія они и были освобождены отъ наказанія за давностью, примиреніемъ, силою Всемилостивѣйшаго манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; 2) отрѣшенные по судебнымъ приговорамъ отъ должности—въ теченіе трехъ лѣтъ со времени отрѣшенія, хотя бы они и были освобождены отъ сего наказанія за давностью, силою Всемилостивѣйшаго манифеста или особаго Высочайшаго повелѣнія; 3) состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ по обвиненіямъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ пунктѣ 1 сей статьи или влекущихъ за собою отрѣшеніе отъ должности; 4) подвергшіеся несостоятельности впредь до опредѣленія свойства ея; 5) состоящіе подъ опекой; 6) несостоятельные, о которыхъ дѣла сего рода приведены уже къ окончанію, кромѣ тѣхъ, несостоятельность коихъ признана несчастною; 7) лишенные духовнаго сана или званія за пороки, или же исключенные изъ среды обществъ и дворянскихъ состояній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ и 8) осужденные за уклоненіе отъ воинской повинности.

Ст. 11. Не принимаютъ участія въ выборахъ: 1) Губернаторы и Вице-Губернаторы, а равно Градоначальники и ихъ Помощники— въ предѣлахъ подвѣдомственныхъ имъ мѣстностей, 2) лица, зани-

мающія полицейскія должности—въ губерніи, области или городѣ, по коимъ производятся выборы.

Ст. 12. Никто не можетъ имѣть на выборахъ болѣе одного голоса.

Каждый избиратель можетъ осуществлять свое право на участіе въ выборахъ лишь въ одномъ съѣздѣ (ст. 27) или разрядѣ (ст. 42) избирателей. Лица, владѣющія избирательными цензами въ предѣлахъ двухъ или болѣе уѣздовъ или городовъ, указанныхъ въ статьѣ 2, осуществляютъ свое право на участіе въ выборахъ въ съѣздѣ или разрядѣ, ими избранномъ. При семъ соблюдаются правила, установленныя въ статьяхъ 61—63 сего Положенія.

Ст. 13. Лица, владѣющія недвижимымъ имуществомъ, въ томъ числѣ и лица, указанныя въ пунктѣ 4 статьи 9 сего Положенія. могутъ предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу для участія въ выборахъ своимъ сыновьямъ.

Ст. 14. Лица женскаго пола могутъ предоставлять свои цензы по недвижимому имуществу для участія въ выборахъ своимъ мужьямъ и сыновьямъ.

Ст. 15. Довѣренности на предоставленіе имущественнаго ценза для участія въ выборахъ (ст. 13—14) не могутъ быть выдаваемы лицамъ, которыя не допускаются къ участію въ выборахъ по основаніямъ, указаннымъ въ статьяхъ 9—11. Довѣренности эти могутъ быть засвидѣтельствованы какъ нотаріальнымъ порядкомъ, такъ равно начальствомъ уполномочивающихъ лицъ, полиціей, мировымъ либо городскимъ судьею и земскимъ или крестьянскимъ начальникомъ.

Ст. 16. Если нѣсколько лицъ имѣютъ недвижимое имущество въ общемъ нераздѣльномъ владѣніи, то каждое изъ нихъ считается владѣльцемъ причитающейся на его долю части имущества и согласно сему пользуется правомъ голоса на выборахъ.

Ст. 17. Въ мѣстностяхъ, въ коихъ нѣтъ Губернскихъ Предводителей дворянства, указанныя въ семъ Положеніи обязанности ихъ возлагаются на лицъ, назначаемыхъ Высочайшею властью. Обязанности прочихъ должностныхъ лицъ, въ семъ Положеніи упомянутыя, въ мѣстностяхъ, гдѣ таковыхъ лицъ не имѣется, исполняются другими, соотвѣтствующими по роду обязанностей должностными лицами, по указанію Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Ст. 18. Подача заявленій и жалобъ по дѣламъ о выборахъ не останавливаетъ выборнаго производства.

Ст. 19. При исчисленіи сроковъ на подачу жалобъ и заявленій, относящихся къ производству выборовъ, началомъ срока считается день, слѣдующій за совершеніемъ дѣйствія или объявленіемъ рѣшенія, на которыя приносится жалоба. Если послѣдній день срока приходится на день неприсутственный, то окончаніемъ срока считается первый слѣдующій затѣмъ присутственный день.

Ст. 20. Преступныя дѣянія, совершенныя при производствѣ выборовъ въ Государственную Думу, подлежатъ преслѣдованію и наказанію на основаніи Именного Высочайшаго указа 8 Марта 1906 г. (собр. узак., 353).

Ст. 21. Издержки, вызываемыя исполненіемъ обязанностей, воз-

ложенныхъ симъ Положеніемъ на земскія и городскія управы и учрежденія, ихъ замѣняющія, относятся на счетъ подлежащихъ земствъ и городовъ; прочія издержки по производству выборовъ относятся на счетъ казны.

Ст. 22. Для избирательныхъ собраній и съѣздовъ предоставляются безвозмездно помѣщенія уѣздныхъ съѣздовъ, съѣздовъ мировыхъ судей, мировыхъ съѣздовъ, а равно дворянскихъ и земскихъ собраній, городскихъ думъ и замѣняющихъ ихъ учрежденій. Въ случаѣ недостаточности означенныхъ помѣщеній, избирательныя собранія и съѣзды происходятъ въ безвозмездно предоставляемыхъ для этой цѣли помѣщеніяхъ иныхъ правительственныхъ (кромѣ полицейскихъ) или общественныхъ установленій, по указанію Губернатора или Градоначальника по принадлежности.

Ст. 23. Всѣ распоряженія, относящіяся къ составленію избирательныхъ списковъ и производству выборовъ, возлагаются на Министра Внутреннихъ Дѣлъ.

Ст. 24. Общій надзоръ за правильнымъ производствомъ выборовъ возлагается, подъ руководствомъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на Губернаторовъ и Градоначальниковъ по принадлежности. Имъ предоставляется требовать отъ подлежащихъ мѣстъ и лицъ свѣдѣнія о ходѣ и порядкѣ выборовъ, обозрѣвать выборныя производства и давать указанія къ обезпеченію правильнаго хода выборовъ, а также, въ порядкѣ надзора, предлагать объ усмотрѣнныхъ неправильностяхъ на обсужденіе уѣздныхъ и губернскихъ по дѣламъ о выборахъ коммиссій приносить протесты на постановленія уѣздныхъ по дѣламъ о выборахъ коммиссій въ губернскія коммиссіи и объ отмѣнѣ рѣшеній сихъ послѣднихъ представлять Правительствующему Сенату.

Ст. 25. Подробности порядка производства выборовъ, непредусмотрѣнныя настоящимъ Положеніемъ, опредѣляются инструкціей Министра Внутреннихъ Дѣлъ, публикуемой во всеобщее свѣдѣніе чрезъ Правительствующій Сенатъ.

Ст. 26. Представленія о разъясненіи сомнѣній по примѣненію сего Положенія вносятся въ Правительствующій Сенатъ и разрѣшаются въ Первомъ его Департаментѣ окончательно, по выслушаніи заключенія Оберъ-Прокурора, большинствомъ голосовъ присутствующихъ Сенаторовъ, въ случаѣ же равенства голосовъ—по мнѣнію, принятому Сенаторомъ, исполняющимъ обязанности Первоприсутствующаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Объ избирательныхъ съѣздахъ.

Ст. 27. Съѣзды избирателей созываются въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ, по принадлежности, подъ предсѣдательствомъ: съѣзды землевладѣльцевъ и уполномоченныхъ отъ волостей—уѣзднаго предводителя дворянства, съѣзды городскихъ избирателей, а также съѣзды уполномоченныхъ отъ рабочихъ—подъ предсѣдательствомъ городского головы губернскаго или уѣзднаго города, по принадлежности, или лицъ, ихъ замѣняющихъ. Для уѣздовъ, ука-

занныхъ въ статьѣ 2 городовъ, образуются въ сихъ городахъ отдѣльные съѣзды городскихъ избирателей уѣзда. Въ случаѣ невозможности для предводителя дворянства или городского головы предсѣдательствовать въ какомъ-либо изъ отдѣленій избирательнаго съѣзда (ст. ст. 29 и 35) предсѣдательство въономъ возлагается на особое лицо, приглашаемое Губернаторомъ изъ числа избирателей.

Ст. 28. Въ съѣздѣ землевладѣльцевъ участвуютъ: 1) лица, владѣющія не менѣе одного года въ уѣздѣ, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, обложенною сборомъ на земскія повинности землею въ количествѣ, опредѣленномъ для каждаго уѣзда въ приложенномъ къ сей статьѣ росписаніи; 2) лица, владѣющія въ уѣздѣ на посессіонномъ правѣ горнозаводскими дачами въ количествѣ, указанномъ въ томъ же росписаніи; 3) лица, владѣющія не менѣе одного года въ уѣздѣ на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія инымъ, кромѣ земли, недвижимымъ, не составляющимъ торгово-промышленнаго заведенія, имуществомъ, стоимостью по земской оцѣнкѣ не ниже пятнадцати тысячъ рублей; 4) уполномоченные отъ лицъ, владѣющихъ въ уѣздѣ землею (п. 1) или инымъ недвижимымъ имуществомъ (п. 3), если количество такой земли, либо стоимость такого имущества не достигаютъ размѣровъ, дающихъ право непосредственнаго участія въ съѣздѣ землевладѣльцевъ, и 5) уполномоченные отъ настоятелей церквей и молитвенныхъ домовъ всѣхъ вѣроисповѣданій, если церковь или причтъ, либо молитвенный домъ владѣютъ въ уѣздѣ землею.

Ст. 29. Съѣздъ землевладѣльцевъ можетъ быть раздѣляемъ, по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на отдѣленія: 1) по мѣстностямъ уѣзда или по разрядамъ избирателей соотвѣтственно роду владѣемаго ценза и 2) по національностямъ избирателей. Положенное на съѣздъ число выборщиковъ распредѣляется между отдѣленіями: въ первомъ случаѣ — соотвѣтственно общей площади земли и оцѣночной стоимости иного недвижимаго имущества, принадлежащихъ лицамъ, имѣющимъ участіе въ каждомъ изъ отдѣленій съѣзда какъ непосредственное, такъ и черезъ уполномоченныхъ, а во второмъ случаѣ — въ соотвѣтствіи съ общей площадью частной земельной собственности въ уѣздѣ, состоящей во владѣніи лицъ каждой національности.

Ст. 30. Означенные въ пунктахъ 4 и 5 статьи 28 уполномоченные отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ и отъ настоятелей церквей и молитвенныхъ домовъ всѣхъ вѣроисповѣданій избираются на предварительномъ ихъ съѣздѣ. Смотря по мѣстнымъ удобствамъ, или созывается одинъ общій для всего уѣзда съѣздъ, или образуется, по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, нѣсколько съѣздовъ. Отдѣльные предварительные съѣзды могутъ быть образуемы какъ по мѣстностямъ уѣзда, такъ и по разрядамъ избирателей, соотвѣтственно роду и размѣру владѣемыхъ цензовъ. Предсѣдательствованіе на предварительномъ съѣздѣ возлагается на уѣзднаго предводителя дворянства или лицо, его замѣняющее. Въ случаѣ образованія въ уѣздѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ предварительныхъ съѣздовъ и невозможности для уѣзднаго предводителя

дворянства предсѣдательствовать на этихъ съѣздахъ, Губернатору предоставляется, для предсѣдательствованія въ означенныхъ съѣздахъ, приглашать избирателей изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ съѣздѣ землевладѣльцевъ или предварительномъ съѣздѣ даннаго уѣзда.

Въ уѣздахъ со смѣшаннымъ населеніемъ предварительные съѣзды могутъ быть раздѣляемы по національностямъ, съ соблюденіемъ порядка, указаннаго въ статьѣ 29.

Ст. 31. Число уполномоченныхъ, подлежащихъ избранію на предварительномъ съѣздѣ, опредѣляется количествомъ земли, числящейся за лицами, явившимися на съѣздъ, и итогомъ оцѣночной стоимости другого принадлежащаго имъ недвижимаго имущества, полагая по одному уполномоченному на полный избирательный цензъ, установленный для участія въ съѣздѣ землевладѣльцевъ.

Ст. 32. Въ первомъ съѣздѣ городскихъ избирателей участвуютъ: 1) лица, владѣющія не менѣе года, въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, стоющимъ по оцѣнкѣ, опредѣленной для взиманія земскаго или городского сбора: въ городахъ губернскихъ, областныхъ или входящихъ въ составъ градоначальствъ, а равно въ тѣхъ, населеніе коихъ превышаетъ двадцать тысячъ душъ,—не менѣе тысячи рублей, а въ остальныхъ городскихъ поселеніяхъ—не менѣе трехсотъ рублей, и 2) лица, не менѣе года владѣющія въ предѣлахъ уѣзда требующимъ выборки промыслового свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ: торговымъ—одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ—одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промыслового налога не менѣе пятидесяти рублей въ годъ.

Ст. 33. Во второмъ съѣздѣ городскихъ избирателей участвуютъ: 1) лица, владѣющія не менѣе года, въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, недвижимымъ имуществомъ, стоющимъ по оцѣнкѣ, опредѣленной для взиманія земскаго или городского сбора: въ городахъ губернскихъ, областныхъ или входящихъ въ составъ градоначальствъ, а равно въ тѣхъ, населеніе коихъ превышаетъ двадцать тысячъ душъ—менѣе тысячи рублей, а въ остальныхъ городскихъ поселеніяхъ—менѣе трехсотъ рублей; 2) лица, владѣющія въ предѣлахъ уѣзда не менѣе года торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, требующимъ выборки промыслового свидѣтельства, за исключеніемъ тѣхъ, которые участвуютъ въ первомъ съѣздѣ городскихъ избирателей; 3) лица, уплачивающія въ предѣлахъ уѣзда не менѣе года государственный квартирный налогъ; 4) лица, уплачивающія въ предѣлахъ уѣзда не менѣе года основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія; 5) лица, не менѣе года занимающія въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда на свое имя отдѣльную квартиру, и 6) лица (за исключеніемъ нижнихъ служителей и рабочихъ), не менѣе года проживающія въ предѣлахъ уѣзда и не менѣе года получающія опредѣленное содержаніе или пенсію по-

службѣ государственной или по службѣ въ земскихъ, городскихъ либо сословныхъ учрежденіяхъ или на желѣзныхъ дорогахъ.

Ст. 34. Къ городскимъ поселеніямъ причисляются въ отношеніи производства выборовъ въ Государственную Думу тѣ мѣстечки, въ которыхъ имѣется мѣщанское управленіе и взимается государственный налогъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ (Уст. Прям. Нал., изд. 1903 г., ст. 1 п. 15).

Ст. 35. Съѣзды городскихъ избирателей могутъ быть раздѣляемы, по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на отдѣленія по мѣстностямъ или по роду владѣемыхъ цензовъ, а въ уѣздахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ по національностямъ. Положенное на съѣздъ число выборщиковъ распредѣляется между отдѣленіями въ соотвѣтствіи съ числомъ избирателей, причисленныхъ къ каждому отдѣленію.

Примѣчаніе. Въ отношеніи производства выборовъ Севастопольское градоначальство причисляется къ Симферопольскому уѣзду, Таврической губерніи; городъ Кронштадтъ — къ Петергофскому уѣзду, С.-Петербургской губерніи, а градоначальства: Керчь-Еникальское — къ Өеодосійскому уѣзду, Таврической губерніи, и Николаевское—къ Херсонскому уѣзду и губерніи.

Ст. 36. Въ Архангельской губерніи, а равно въ губерніяхъ Тобольской и Томской предварительные съѣзды и съѣзды землевладѣльцевъ не образуются. Лица, имѣющія право участія въ съѣздѣ землевладѣльцевъ, причисляются въ каждомъ уѣздѣ названныхъ губерній къ первому съѣзду городскихъ избирателей, а лица, имѣющія право участія въ предварительныхъ съѣздахъ — къ второму съѣзду городскихъ избирателей. Въ Ставропольской губерніи лица, имѣющія право участія въ первомъ съѣздѣ городскихъ избирателей, образуютъ одинъ общій съѣздъ вмѣстѣ съ лицами, имѣющими участіе въ съѣздѣ землевладѣльцевъ.

Ст. 37. Въ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ волостей участвуютъ выборные отъ волостныхъ сходовъ уѣзда, по два отъ каждаго схода. Выборные эти избираются волостными сходами изъ числа крестьянъ - домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу сельскихъ обществъ данной волости или приписанныхъ къ ней, которые, владѣя въ предѣлахъ волости надѣльной или пріобрѣтенной въ собственность землей и проживая въ ней не менѣе года, лично ведутъ хозяйство.

Въ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ казачьихъ станицъ участвуютъ выборные отъ станичныхъ сборовъ уѣзда въ числѣ двухъ отъ каждой станицы. Выборные эти избираются станичными сборами изъ числа членовъ станичныхъ обществъ войскового сословія домохозяевъ, владѣющихъ казачьей или пріобрѣтенной въ собственность землей и лично ведущихъ на ней хозяйство.

Ст. 38. Въ уѣздахъ съ смѣшаннымъ населеніемъ съѣзды уполномоченныхъ отъ волостныхъ сходовъ, по распоряженію Министра Внутреннихъ Дѣлъ, могутъ быть раздѣляемы по національностямъ съ распредѣленіемъ между ними выборщиковъ, въ соотвѣтствіи съ числомъ уполномоченныхъ, входящихъ въ составъ каждаго отдѣленія.

Ст. 39. Въ губерніяхъ Тобольской и Томской въ уѣздѣ уполно-

моченныхъ отъ волостей участвуютъ: 1) уполномоченные, избираемые, по два отъ каждой волости, волостными сходами въ мѣстностяхъ, гдѣ волости образованы на основаніи Общаго Положенія о крестьянахъ (Особ. Прил. Зак. Сост., изд. 1902 г. кн. I, ст. 472); 2) уполномоченные отъ волостей, образованныхъ на основаніи приложенныхъ къ ст. 70 (прим.) Учрежденія Сибирскаго правилъ, избираемые, по два отъ каждой волости, мірскимъ сходомъ повѣренныхъ, отряжаемыхъ по одному отъ каждыхъ ста душъ населенія волости (Учр. Сиб., изд. 1892 г., ст. 70, прим., прил.: ст. 10—12); и 3) уполномоченные отъ кочевыхъ инородцевъ, по одному на нѣсколько стойбищъ или улусовъ, избираемые тѣмъ же порядкомъ, какимъ выбираются головы и выборные въ инородныя управы (Пол. Инор., изд. 1892 г., ст. ст. 55, 56 и 58).

Ст. 40. Въ Астраханской губерніи образуется, кромѣ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей, одинъ общій съѣздъ уполномоченныхъ отъ станицъ Астраханскаго казачьяго войска, расположенныхъ въ предѣлахъ какъ Астраханской, такъ и Самарской и Саратовской губерній. Съѣздъ созывается въ г. Астрахани подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго Наказнымъ Атаманомъ, и избираетъ положенное по росписанію (ст. 8) число выборщиковъ въ Астраханское губернское избирательное собраніе.

Ст. 41. Въ губерніяхъ Курляндской, Лифляндской и Эстляндской уполномоченные отъ волостей избираются на общемъ волостномъ сходѣ изъ числа домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу данной волости и проживающихъ не менѣе года въ предѣлахъ волости. Въ Измаиловскомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи, вмѣсто съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей, образуется съѣздъ уполномоченныхъ отъ сельскихъ общинъ, по одному отъ каждой общины. Уполномоченные эти избираются въ каждой общинѣ общимъ собраніемъ не менѣе года проживающихъ въ предѣлахъ общины и лично ведущихъ хозяйство владѣльцевъ надѣльной земли, созываемымъ подъ предсѣдательствомъ примара общины.

Ст. 42. Въ указанныхъ въ статьѣ 2 городахъ избраніе членовъ Государственной Думы производится отдѣльно двумя разрядами избирателей. Въ выборахъ по первому разряду участвуютъ: 1) лица, владѣющія въ предѣлахъ города на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, не менѣе года, недвижимымъ имуществомъ, стоющимъ по оцѣнкѣ, опредѣленной для взиманія городского сбора: въ столицахъ — не менѣе трехъ тысячъ рублей, а въ остальныхъ городахъ не менѣе тысячи пятисотъ рублей; 2) лица, владѣющія въ предѣлахъ города не менѣе года требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ: а) въ столицахъ —торговымъ—перваго разряда, промышленнымъ — одного изъ первыхъ трехъ разрядовъ или пароходнымъ, по содержанію котораго уплачивается не менѣе пятисотъ рублей въ годъ основного промысловаго налога, б) въ прочихъ городахъ—торговымъ—первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ — одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, по содержанію котораго уплачивается не менѣе пятидесяти рублей въ годъ основного промысловаго налога.

Въ выборахъ по второму разряду участвуютъ: 1) лица, владѣю-

шія въ предѣлахъ города не менѣе года на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, недвижимымъ имуществомъ, оцѣненнымъ для взиманія городского сбора въ суммѣ ниже: въ столицахъ—трехъ тысячъ рублей, а въ остальныхъ городахъ—тысячи пятисотъ рублей; 2) лица, владѣющія въ предѣлахъ города не менѣе года торгово-промышленнымъ предпріятіемъ, требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства, за исключеніемъ тѣхъ, которые даютъ право участія въ выборахъ по первому разряду; 3) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города не менѣе года основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія; 4) лица, уплачивающія въ предѣлахъ города не менѣе года государственный квартирный налогъ; 5) лица, не менѣе года занимающія въ предѣлахъ города на свое имя отдѣльную квартиру, и 6) лица (за исключеніемъ нижнихъ служителей и рабочихъ), не менѣе года проживающія въ предѣлахъ города и не менѣе года получающія опредѣленное содержаніе или пенсію по службѣ государственной или по службѣ въ земскихъ, городскихъ, либо сословныхъ учрежденіяхъ или на желѣзныхъ дорогахъ.

Ст. 43. Въ губернскомъ съѣздѣ уполномоченныхъ отъ рабочихъ участвуютъ уполномоченные отъ рабочихъ тѣхъ, находящихся въ поименованныхъ въ приложеніи къ статьѣ 8 губерніяхъ фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности, въ коихъ общее число рабочихъ мужского пола не менѣе пятидесяти, кому бы сіи предпріятія ни принадлежали.

Примѣчаніе. Къ предпріятіямъ фабрично-заводской промышленности причисляются и желѣзно-дорожныя мастерскія, съ указаннымъ въ сей статьѣ общимъ числомъ рабочихъ мужского пола.

Ст. 44. Рабочіе избираютъ изъ своей среды уполномоченныхъ по слѣдующему разсчету: въ предпріятіяхъ съ общимъ числомъ рабочихъ мужского пола отъ пятидесяти до тысячи—одного уполномоченнаго, а въ предпріятіяхъ съ общимъ числомъ рабочихъ свыше тысячи—по одному уполномоченному на каждую полную тысячу рабочихъ. Въ уполномоченные могутъ быть избираемы рабочіе мужского пола, работающіе въ томъ предпріятіи, въ которомъ производятся выборы, не менѣе шести мѣсяцевъ.

Глава третья.

О Губернскихъ и Уѣздныхъ по дѣламъ о выборахъ Коммиссіяхъ.

Ст. 45. Для повѣрки правильности выборовъ и разсмотрѣнія заявленій и жалобъ по дѣламъ о выборахъ учреждаются губернскія и уѣздныя по дѣламъ о выборахъ коммиссіи, а въ городѣ Одессѣ—городская по дѣламъ о выборахъ коммиссія.

Ст. 46. Губернскія по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя окружнаго суда, изъ предводителя дворянства уѣзда губернскаго города, предсѣдателя губернской земской или по дѣламъ земскаго хозяйства управы, городского головы губернскаго города, или лица, его замѣняющаго, одного изъ членовъ окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, непремѣннаго члена губернскаго по земскимъ и городскимъ или по городскимъ дѣламъ присутствія, одного изъ непремѣнныхъ членовъ

губернскаго присутствія или губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по назначенію губернатора, и старшаго совѣтника губернскаго правленія. Кромѣ того, въ составъ губернской по дѣламъ о выборахъ коммиссіи входитъ, по приглашенію губернатора, одинъ изъ начальниковъ мѣстныхъ губернскихъ управленій.

Ст. 47. Одесская городская по дѣламъ о выборахъ коммиссія образуется, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя окружнаго суда, изъ уѣзднаго предводителя дворянства, городского головы, предсѣдателя уѣздной земской управы, одного изъ членовъ окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, и одного изъ начальниковъ мѣстныхъ управленій, по приглашенію градоначальника.

Ст. 48. Въ губерніяхъ Тобольской и Томской губернскія по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя окружнаго суда, изъ управляющаго казенною палатою, одного изъ членовъ окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, городского головы губернскаго города и непремѣннаго члена общаго присутствія губернскаго управленія.

Ст. 49. Уѣздныя по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются подъ предсѣдательствомъ члена окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, изъ уѣзднаго предводителя дворянства, мирового или городского судьи, по назначенію съѣзда мировыхъ судей или общаго собранія окружнаго суда, по принадлежности, предсѣдателя уѣздной земской управы, городского головы уѣзднаго города и одного изъ земскихъ начальниковъ, по назначенію уѣзднаго съѣзда.

Ст. 50. Въ губерніяхъ Тобольской и Томской уѣздныя по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются подъ предсѣдательствомъ члена окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, предсѣдателя уѣзднаго съѣзда крестьянскихъ начальниковъ, городского головы или городского старосты и одного изъ крестьянскихъ начальниковъ по назначенію уѣзднаго съѣзда.

Ст. 51. Должностныя лица, входящія въ составъ губернской или уѣздной по дѣламъ о выборахъ коммиссіи, не принимаютъ участія въ рѣшеніи жалобъ на личныя ихъ дѣйствія.

Глава четвертая.

Объ избирательныхъ спискахъ.

Ст. 52. Списки лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ на съѣздахъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, составляются и содержатся въ исправности: по предварительному съѣзду и по съѣзду землевладѣльцевъ—уѣздною земскою управою или управою по дѣламъ земскаго хозяйства, а въ мѣстностяхъ—гдѣ такихъ управъ не имѣется,—уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ, а по первому и второму съѣздамъ городскихъ избирателей—городскою управою губернскаго или уѣзднаго города, по принадлежности, или учрежденіемъ, ее замѣняющимъ.

Ст. 53. Въ безуѣздныхъ городахъ и въ мѣстечкахъ, указанныхъ въ статьѣ 34, списки избирателей составляются: въ городахъ—

городскими управами или учрежденіями, ихъ замѣняющими, а въ мѣстечкахъ—мѣщанскими управами, отдѣльно для каждаго изъ сихъ городскихъ поселеній, и сообщаются городской управѣ уѣзднаго города.

Списки городскихъ избирателей для уѣздовъ, принадлежащихъ къ городамъ, перечисленнымъ въ статьѣ 2, составляются городскими управленіями сихъ городовъ.

Ст. 54. Лица, имѣющія по владѣемымъ ими цензамъ право на участіе въ выборахъ по первому и второму съѣздамъ городскихъ избирателей, вносятся въ списокъ по тому съѣзду, который сами укажутъ, а если такого заявленія не послѣдуетъ, то въ списокъ по первому съѣзду.

Ст. 55. Въ указанныхъ въ статьѣ 2 городахъ списки лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ, составляются по каждому изъ двухъ разрядовъ избирателей и содержатся въ исправности городскою управою.

Ст. 56. Лица, имѣющія право участія въ выборахъ по обоимъ разрядамъ избирателей (ст. 55), включаются въ списокъ по тому изъ разрядовъ, который сами укажутъ, а если такого заявленія не послѣдуетъ, то въ списокъ избирателей перваго разряда.

Лица, имѣющія по избирательнымъ цензамъ право участія въ выборахъ въ двухъ или нѣсколькихъ избирательныхъ участкахъ (ст. 135), включаются въ списокъ того участка, который сами укажутъ, а если такого заявленія не послѣдуетъ, то въ списокъ того участка, въ которомъ имѣютъ мѣсто жительства.

Ст. 57. Лица, пользующіяся правомъ участія въ выборахъ по занимаемымъ ими квартирамъ, по коимъ не уплачивается квартирный налогъ, или по получаемымъ ими пенсіямъ, если желаютъ воспользоваться правомъ участія въ выборахъ, обязаны письменно заявить о томъ учрежденію, составляющему избирательные списки, до распубликованія послѣднихъ, съ представленіемъ надлежащихъ удостовѣреній.

Прочія лица, имѣющія самостоятельное право участія въ выборахъ, вносятся въ списки независимо отъ ихъ о томъ заявленія.

Ст. 58. Лица, желающія принять участіе въ выборахъ по недвижимому имуществу своихъ отцовъ, матерей или женъ, обязаны представить довѣренности (ст. 15) до распубликованія избирательныхъ списковъ въ учрежденія, составляющія избирательные списки, а послѣ распубликованія послѣднихъ въ теченіе двухъ недѣль—въ подлежащія коммиссіи по дѣламъ о выборахъ, для внесенія въ списки въ порядкѣ исправленія послѣднихъ.

Ст. 59. Учрежденія, на которыя возлагается составленіе избирательныхъ списковъ, имѣютъ право пользоваться необходимыми для сего свѣдѣніями, находящимися въ дѣлахъ подлежащихъ присутственныхъ мѣстъ и у должностныхъ лицъ. Списки лицъ, уплачивающихъ промысловый или государственный квартирный налогъ, сообщаются симъ учрежденіямъ казенными палатамм и мѣстными податными инспекторами, а списки лицъ, имѣющихъ участіе въ выборахъ по получаемому ими содержанію,—учрежденіями, въ коихъ означенныя лица состоятъ на службѣ.

Ст. 60. Лица, имѣющія право участія въ выборахъ, вносятся въ избирательные списки по алфавиту. Относительно каждаго лица отмѣчается: 1) его имя, отчество и фамилія и 2) избирательный цензъ. Относительно лицъ, участвующихъ въ выборахъ по недвижимому имуществу ихъ отцовъ, матерей или женъ, дѣлается въ спискахъ соотвѣтствующая отмѣтка.

Ст. 61. Рабочіе, имѣющіе право участія въ выборахъ, на основаніяхъ, указанныхъ въ статьѣ 43, не подлежатъ внесенію въ избирательные списки по съѣздамъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, хотя бы и владѣли установленнымъ для того цензомъ, а равно не участвуютъ въ избраніи уполномоченныхъ отъ волостныхъ сходовъ и станичныхъ сборовъ.

Ст. 62. Лица, принадлежащія къ составу сельскихъ и волостныхъ обществъ уѣзда, не подлежатъ внесенію въ списки землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей по сему уѣзду, хотя бы и владѣли установленнымъ для того цензомъ.

Ст. 63. Владѣніе землею, входящею въ составъ надѣльныхъ крестьянской либо станичной земель, а также крестьянской повинностной земли въ Лифляндской губерніи, крестьянской арендной земли въ Эстляндской губерніи и на островѣ Эзелѣ и крестьянскихъ участковъ въ Курляндской губерніи, хотя бы означенныя земли были выкуплены въ собственность, не даетъ владѣльцамъ оныхъ права на внесеніе ихъ въ избирательный списокъ землевладѣльцевъ.

Ст. 64. Владѣлецъ имѣнія, соотвѣтствующаго въ цѣломъ составѣ по размѣрамъ установленному закономъ цензу, но расположеннаго въ двухъ или менѣе смежныхъ уѣздахъ, изъ коихъ въ каждомъ количество земли не достигаетъ размѣра, установленнаго для участія въ выборахъ, вносится въ избирательный списокъ того уѣзда, который владѣлецъ укажетъ, а если такого заявленія не послѣдуетъ, то включается въ списокъ того уѣзда, гдѣ находится большая часть имѣнія.

Ст. 65. При исчисленіи годичнаго срока владѣнія недвижимымъ имуществомъ принимается въ разсчетъ и срокъ владѣнія симъ имуществомъ наслѣдодателя въ восходящей линіи.

Ст. 66. Для участія въ выборахъ на основаніи п. 5 ст. 28 въ подлежащіе избирательные списки вносятся настоятели церквей и молитвенныхъ домовъ.

Ст. 67. Директоры (предсѣдатели) и члены правленій такихъ акціонерныхъ обществъ и компаній, равно какъ паевыхъ и иныхъ товариществъ по участкамъ, кои владѣютъ фабриками, заводами или горными промыслами, а также управляющіе сими фабриками, заводами или промыслами, если перечисленныя лица уплачиваютъ основной промысловый налогъ на личныя промысловыя занятія внѣ предѣловъ того города или уѣзда, въ коихъ находятся тѣ фабрики, заводы или промыслы, вносятся въ избирательные списки по мѣсту нахожденія фабрики, завода или промысла, а не по мѣсту уплаты налога. Если общества, компаніи и товарищества владѣютъ фабриками, заводами или горными промыслами въ разныхъ городахъ или уѣздахъ, то каждое изъ упомянутыхъ лицъ включается въ

избирательный списокъ того изъ означенныхъ городовъ или уѣздовъ, который само изберетъ.

Ст. 68. Избирательные списки публикуются не позднѣе какъ за четыре недѣли до выборовъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и, сверхъ того, объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ списковъ.

Ст. 69. Списокъ избирателей, съ относящимися къ нему документами, можетъ быть обозрѣваемъ заинтересованными лицами въ помѣщеніи учрежденія, коимъ онъ составляется, въ дни и часы, для сего назначенные.

Ст. 70. Лица, не внесенныя въ избирательные списки или до начала выборовъ утратившія избирательный цензъ, въ выборахъ не участвуютъ.

Ст. 71. Ко времени производства выборовъ въ каждомъ предпріятіи, рабочіе котораго принимаютъ участіе въ выборахъ (ст. 43), вывѣшивается, за подписью подлежащаго должностного лица фабричнаго или горнаго надзора, а въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ—начальника мастерской, объявленіе объ общемъ числѣ рабочихъ даннаго предпріятія и числѣ подлежащихъ избранію отъ нихъ уполномоченныхъ.

Ст. 72. Общій по губерніи списокъ предпріятій, въ коихъ производятся выборы (ст. 43), съ указаніемъ общаго числа рабочихъ и числа подлежащихъ избранію отъ нихъ уполномоченныхъ, оглашается Губернаторомъ во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этого списка.

Ст. 73. Въ теченіе двухъ недѣль со дня распубликованія избирательныхъ списковъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ заинтересованныя лица могутъ подавать жалобы и заявленія о неправильности и неполнотѣ указанныхъ въ статьѣ 52 списковъ—въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію, а упомянутыхъ въ статьѣ 55 списковъ—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію, по городу же Одессѣ—въ городскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію.

Ст. 74. По разсмотрѣніи избирательныхъ списковъ и поступившихъ жалобъ и заявленій, подлежащая коммиссія объявляетъ лицамъ, подавшимъ жалобы и заявленія, о своихъ по онымъ постановленіяхъ. Измѣненія, внесенныя въ первоначальные списки, публикуются въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и, сверхъ того, объявляются во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этихъ измѣненій.

Ст. 75. Послѣ опубликованія въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ объ исправленіи списковъ никакія въ нихъ дополненія или измѣненія не допускаются, за исключеніемъ тѣхъ, которыя могутъ послѣдовать въ разрѣшеніе жалобъ, принесенныхъ на постановленіе подлежащей коммиссіи, или въ порядкѣ надзора.

Глава пятая.
О производствѣ выборовъ.
ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.
О подготовительныхъ собраніяхъ.

Ст. 76. Избирателямъ и выборщикамъ предоставляется образовывать особыя подготовительныя собранія для совѣщанія о лицахъ, достойныхъ быть избранными.

Ст. 77. Въ подготовительныхъ собраніяхъ избирателей принимаютъ участіе только лица, внесенныя въ списокъ избирателей даннаго избирательнаго съѣзда или даннаго избирательнаго разряда, а также предсѣдатель этого съѣзда.

Въ подготовительныхъ собраніяхъ выборщиковъ могутъ присутствовать только выборщики одного и того же избирательнаго собранія, а также предсѣдатель его.

Ст. 78. Подготовительныя собранія избирателей и выборщиковъ могутъ происходить лишь въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

Ст. 79. О времени и мѣстѣ подготовительнаго собранія избиратели и выборщики заявляютъ начальнику мѣстной полиціи не позднѣе, какъ за двадцать четыре часа до собранія, съ приложеніемъ именныхъ списковъ устроителей.

Ст. 80. Начальнику мѣстной полиціи предоставляется назначать для присутствія въ подготовительномъ собраніи избирателей одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ, по требованію котораго собраніе должно быть немедленно закрыто.

Ст. 81. Подготовительныя собранія избирателей могутъ быть закрываемы полиціею только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда собраніе явно отклонится отъ предмета его занятій; 2) когда въ собраніи высказываются сужденія, возбуждающія вражду одной части населенія противъ другой; 3) когда въ собраніи производятся неразрѣшенные денежные сборы; 4) когда въ немъ оказываются лица, въ собранія не допускаемыя, и лица эти не покинутъ собранія или не будутъ изъ него удалены, и 5) когда нарушенъ порядокъ собранія мятежными возгласами, либо заявленіями, восхваленіемъ либо оправданіемъ преступленій, возбужденіемъ къ насилію либо неповиновенію властямъ, или же распространеніемъ преступныхъ воззваній либо изданій, и, вслѣдствіе того, собраніе приняло характеръ, угрожающій общественнымъ спокойствію и безопасности.

Ст. 82. Въ подготовительныхъ собраніяхъ выборщиковъ чины полиціи не присутствуютъ, но наблюдаютъ за тѣмъ, чтобы посторонія лица не имѣли доступа въ помѣщеніе, въ которомъ происходитъ собраніе.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.
О производствѣ выборовъ уполномоченныхъ на волостныхъ сходахъ, станичныхъ сборахъ и отъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ.

Ст. 83. Избраніе уполномоченныхъ отъ волостей и станицъ въ избирательные съѣзды производится наличнымъ составомъ выбор-

ныхъ отъ сельскихъ и станичныхъ обществъ, избранныхъ для рѣшенія текущихъ дѣлъ.

Ст. 84. Выборы уполномоченныхъ отъ волостей и станицъ назначаются въ каждомъ уѣздѣ, по возможности, въ одинъ и тотъ же день, опредѣляемый Губернаторомъ.

Ст. 85. При производствѣ выборовъ на волостныхъ сходахъ и станичныхъ сборахъ, а также на общихъ собраніяхъ владѣльцевъ надѣльной земли въ Измаильскомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи, могутъ присутствовать исключительно лица, входящія въ составъ сихъ сходовъ, сборовъ и собраній.

Ст. 86. Выборы уполномоченныхъ отъ волостей и станицъ производятся на волостныхъ сходахъ и станичныхъ сборахъ закрытою подачею голосовъ посредствомъ баллотировки.

Ст. 87. Приговоры волостныхъ сходовъ и станичныхъ сборовъ, а также общихъ собраній владѣльцевъ надѣльной земли въ Измаильскомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи, объ избраніи уполномоченныхъ представляются, не далѣе слѣдующаго за выборами дня, волостными старшинами и станичными атаманами, а равно примарами сельскихъ общинъ въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію.

Примѣчаніе. Приговоры волостныхъ сходовъ по предмету, указанному въ сей статьѣ, не подлежатъ разсмотрѣнію земскихъ начальниковъ и соотвѣтствующихъ имъ должностныхъ лицъ.

Ст. 88. Жалобы на постановленія волостныхъ сходовъ и станичныхъ сборовъ, а также общихъ собраній владѣльцевъ надѣльной земли въ Измаильскомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи, по дѣламъ о выборахъ уполномоченныхъ подаются, въ трехдневный со дня производства выборовъ срокъ, или непосредственно въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію, или волостнымъ старшинамъ, либо станичнымъ атаманамъ, либо примарамъ, по принадлежности, для безотлагательнаго представленія сихъ жалобъ въ означенную коммиссію.

Ст. 89. Волостнымъ сходамъ и станичнымъ сборамъ, а также общимъ собраніямъ владѣльцевъ надѣльной земли въ Измаильскомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи, предоставляется назначать избраннымъ отъ нихъ уполномоченнымъ особое вознагражденіе изъ волостныхъ, мірскихъ, станичныхъ и общинныхъ сборовъ на покрытіе расходовъ по поѣздкѣ уполномоченныхъ для участія въ выборахъ въ уѣздный городъ.

Ст. 90. Избраніе уполномоченныхъ отъ рабочихъ производится во всѣхъ предпріятіяхъ губерніи, по возможности, въ одинъ и тотъ же день, назначаемый Губернаторомъ.

Ст. 91. Способъ и порядокъ избранія уполномоченныхъ опредѣляется самими рабочими каждаго предпріятія. Для поддержанія порядка во время выборовъ и для руководства ходомъ послѣднихъ рабочіе избираютъ изъ своей среды одного или нѣсколькихъ предсѣдателей.

Примѣчаніе. Избраніе уполномоченныхъ отъ рабочихъ производится въ помѣщеніяхъ, отводимыхъ для этой цѣли владѣльцами предпріятій. Во время производства выборовъ

лица, въ нихъ не участвующія, въ указанныя помѣщенія не допускаются.

Ст. 92. Жалобы на неправильности, допущенныя при избраніи уполномоченныхъ отъ рабочихъ, приносятся уѣзднымъ по дѣламъ о выборахъ коммиссіямъ. При разсмотрѣніи упомянутыхъ жалобъ въ составъ уѣздныхъ по дѣламъ о выборахъ коммиссій входитъ одинъ изъ чиновъ фабричнаго или горнаго надзора, по назначенію Губернатора.

Ст. 93. Списки уполномоченныхъ, избранныхъ рабочими каждаго предпріятія, подписываются предсѣдателями и не менѣе какъ десятью избирателями. Списки эти передаются фабричному или заводскому управленію или начальству желѣзно-дорожной мастерской, которыя немедленно препровождаютъ ихъ Губернатору. Копіи списковъ вывѣшиваются на видныхъ мѣстахъ для свѣдѣнія рабочихъ. Въ указанныхъ спискахъ должны быть обозначены: имя, отчество, фамиліля, званіе и возрастъ лицъ, избранныхъ въ уполномоченные.

Ст. 94. Общій по губерніи или области списокъ уполномоченныхъ отъ рабочихъ, съ указаніемъ предпріятій, отъ которыхъ уполномоченные избраны, оглашается Губернаторомъ во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность этого списка.

Ст. 95. Уполномоченнымъ отъ рабочихъ, въ случаѣ ихъ о томъ ходатайства, возмѣщаются изъ казны путевыя издержки по поѣздкамъ въ губернскій городъ на съѣзды по разсчету пяти копѣекъ на версту въ оба пути.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

О производствѣ выборовъ на предварительныхъ и избирательныхъ съѣздахъ.

Ст. 96. Съѣзды избирателей и предварительные съѣзды открываются въ дни, назначаемые Губернаторомъ, который о времени и мѣстѣ ихъ открытія оглашаетъ во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ гласность такого объявленія.

Ст. 97. Выборы на предварительныхъ съѣздахъ, а равно на тѣхъ избирательныхъ съѣздахъ и отдѣленіяхъ послѣднихъ, въ составъ которыхъ входитъ по спискамъ менѣе пятисотъ лицъ, производятся закрытою подачею голосовъ посредствомъ баллотировки шарами.

Выборы на избирательныхъ съѣздахъ и въ отдѣленіяхъ послѣднихъ, въ составъ коихъ входитъ по спискамъ болѣе пятисотъ лицъ, производятся закрытой подачей голосовъ посредствомъ записокъ.

Ст. 98. Предварительные и тѣ избирательные съѣзды, выборы на коихъ производятся посредствомъ баллотировки шарами (ст. 97), открываются въ двѣнадцать часовъ дня и продолжаются до тѣхъ поръ, пока не будутъ пробаллотированы всѣ избиратели, изъявившіе на то желаніе. Лица, прибывшія послѣ приступа къ выборамъ, къ участію въ нихъ не допускаются.

На съѣздахъ, по коимъ выборы производятся посредствомъ

записокъ, подача послѣднихъ производится одинъ день, начиная съ девяти часовъ утра и до девяти часовъ вечера.

Ст. 99. При производствѣ выборовъ въ съѣздахъ, кромѣ предсѣдателей, могутъ присутствовать исключительно лица, имѣющія право участія въ выборахъ по данному съѣзду.

Ст. 100. Способъ удостовѣренія личности избирателей и уполномоченныхъ, а равно провѣрка ихъ полномочій предоставляется предсѣдателю съѣзда.

Ст. 101. Открывая избирательный съѣздъ, предсѣдатель прочитываетъ статьи закона, относящіяся до порядка выборовъ и условій участія въ оныхъ, а равно избирательный списокъ. Засимъ на съѣздахъ, выборы по коимъ производятся посредствомъ баллотировки шарами, составляется актъ о числѣ прибывшихъ на съѣздъ лицъ, а на предварительномъ съѣздѣ—также и о количествѣ земли, числящейся за явившимися на съѣздъ лицами, и объ итогѣ оцѣночной стоимости иного принадлежащаго имъ недвижимаго имущества, а равно о числѣ подлежащихъ выбору уполномоченныхъ.

Ст. 102. Уполномоченные отъ предварительныхъ съѣздовъ, а равно выборщики могутъ быть избираемы только изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ выборахъ въ томъ именно съѣздѣ, гдѣ выборы производятся.

Ст. 103. Баллотировкѣ въ уполномоченные и выборщики могутъ быть подвергаемы только лица, заявившія предсѣдателю о согласіи своемъ баллотироваться.

Ст. 104. Лица, избранныя въ выборщики посредствомъ записокъ, немедленно извѣщаются о томъ коммиссіей и, если не заявятъ въ теченіе трехъ сутокъ со дня полученія извѣщенія, объ отказѣ отъ принятія званія выборщика, считаются принявшими это званіе.

Ст. 105. Каждый избиратель лично подаетъ свою избирательную записку. Въ запискѣ указываются имена и фамиліи лицъ, за которыхъ подается голосъ, въ числѣ, не превышающемъ общаго числа подлежащихъ избранію. Имя предлагаемаго къ избранію лица не должно повторяться въ одной и той же запискѣ. Подобныя повторенія, а равно имена лицъ, предложенныхъ сверхъ положеннаго числа, считая по порядку записи именъ, при подсчетѣ голосовъ въ соображеніе не принимаются.

Ст. 106. Уполномоченными отъ предварительныхъ съѣздовъ, а равно выборщиками отъ избирательныхъ съѣздовъ признаются лица, за коихъ подано болѣе половины голосовъ, участвующихъ въ съѣздѣ въ порядкѣ большинства полученныхъ голосовъ; въ случаѣ же ихъ равенства—избраніе опредѣляется по жребію. Если означеннымъ путемъ не будетъ избрано положеннаго по росписанію на съѣздъ количества выборщиковъ, то производятся дополнительные выборы недостающаго числа выборщиковъ: 1) по съѣздамъ, въ которыхъ избраніе производится посредствомъ баллотировки—на слѣдующій, за окончаніемъ выборовъ, день, 2) по съѣздамъ, въ коихъ избраніе производится посредствомъ записокъ—въ новый срокъ, при чемъ избранными считаются получившіе относительное большинство голосовъ.

Ст. 107. О числѣ избирательныхъ и неизбирательныхъ голосовъ, полученныхъ каждымъ лицомъ, подвергавшимся баллотировкѣ въ подлежащемъ съѣздѣ, отмѣчается въ особомъ выборномъ листѣ. Для отмѣтки голосовъ съѣзду предоставляется избирать изъ своей среды особыхъ счетчиковъ въ помощь предсѣдателю при баллотировкѣ. По окончаніи выборовъ, выборный листъ прочитывается съѣзду и, вслѣдъ затѣмъ, подписывается предсѣдателемъ, а также выразившими желаніе подписаться наличными избирателями.

Ст. 108. На съѣздахъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, выборы по коимъ производятся посредствомъ записокъ, образуется для принятія записокъ и ихъ подсчета коммиссія изъ предсѣдателя съѣзда и членовъ, приглашаемыхъ имъ въ числѣ не менѣе трехъ изъ состава избирателей даннаго съѣзда. Подсчетъ избирательныхъ записокъ производится коммиссіей въ открытомъ засѣданіи на слѣдующій день послѣ ихъ подачи, начиная съ девяти часовъ утра. По окончаніи подсчета составляется актъ о числѣ поданныхъ за каждое лицо голосовъ, который подписывается предсѣдателемъ, членами коммиссій и желающими изъ числа избирателей.

Ст. 109. Въ тѣхъ городскихъ поселеніяхъ уѣзда, въ коихъ образованіе отдѣльныхъ съѣздовъ городскихъ избирателей (ст. 35) представляется, по мѣстнымъ условіямъ, невозможнымъ, могутъ быть устанавливаемы, въ случаяхъ, указанныхъ въ 2 ч. 97 ст. сего Положенія, съ разрѣшенія Губернатора, особые избирательные ящики для принятія избирательныхъ записокъ.

Обязанности избирательныхъ коммиссій по пріему записокъ исполняются въ семъ случаѣ мѣстнымъ городскимъ головою или замѣняющимъ его лицомъ, при участіи приглашаемыхъ имъ избирателей въ числѣ не менѣе трехъ. Подсчетъ же поданныхъ записокъ производится избирательной коммиссіей того съѣзда городскихъ избирателей, къ которому относится данное поселеніе.

Ст. 110. Избирательные съѣзды, ограничиваясь производствомъ выборовъ, не входятъ ни въ какія разсужденія и не въ правѣ дѣлать никакихъ постановленій или распоряженій, не относящихся до производства выборовъ.

Ст. 111. По окончаніи выборовъ и подсчета голосовъ предварительные и избирательные съѣзды закрываются. Не позднѣе слѣдующаго дня все выборное производство представляется предсѣдателями съѣздовъ: по предварительному съѣзду и съѣздамъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей—въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію, а по съѣзду уполномоченныхъ отъ рабочихъ—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію.

Ст. 112. Въ трехдневный срокъ со дня закрытія съѣздовъ и избирательныхъ коммиссій заинтересованныя лица могутъ приносить жалобы: въ уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію—на неправильности, допущенныя при производствѣ выборовъ на съѣздахъ, и въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію—на неправильности, допущенныя при избраніи выборщиковъ отъ рабочихъ.

При разсмотрѣніи жалобъ на неправильности, допущенныя при избраніи выборщиковъ отъ рабочихъ, въ составъ губернскихъ по

дѣламъ о выборахъ коммиссій входитъ одинъ изъ чиновъ фабричнаго или горнаго надзора, по назначенію Губернатора.

Ст. 113. По обозрѣніи выборнаго производства и разсмотрѣніи принесенныхъ на выборы жалобъ, уѣздная или губернская по дѣламъ о выборахъ коммиссія, если усмотритъ къ тому основанія, отмѣняетъ произведенные выборы въ отношеніи всѣхъ или нѣкоторыхъ лицъ, избранныхъ отъ подлежащаго съѣзда. Коммиссія о своихъ постановленіяхъ по принесеннымъ ей жалобамъ объявляетъ лицамъ, ихъ подавшимъ.

Въ случаѣ отмѣны выборовъ по отношенію къ отдѣльнымъ выборщикамъ на мѣсто ихъ вступаютъ, въ порядкѣ старшинства избирательныхъ голосовъ, слѣдующія за ними лица, удовлетворяющія требованіямъ, установленнымъ для избранія. Если таковыхъ лицъ не окажется, а равно въ случаѣ отмѣны выборовъ во всей ихъ совокупности, назначаются установленнымъ порядкомъ дополнительные или новые выборы.

Ст. 114. Въ трехдневный срокъ со дня объявленія постановленія уѣздной или губернской по дѣламъ о выборахъ коммиссіи заинтересованныя лица могутъ принести жалобу: на постановленіе уѣздной—въ губернскую коммиссію, на постановленіе сей послѣдней—въ Правительствующій Сенатъ. Жалоба подается въ уѣздную или губернскую коммиссію, по принадлежности, и представляется, съ необходимыми объясненіями, уѣздною коммиссіею въ недѣльный, а губернскою—въ двухнедѣльный срокъ:—первою—въ губернскую по дѣламъ о выборахъ коммиссію, а второю—въ Правительствующій Сенатъ.

Ст. 115. Списки выборщиковъ въ губернскія избирательныя собранія составляются уѣздными по дѣламъ о выборахъ коммиссіями, а списки выборщиковъ отъ рабочихъ—губернскою по дѣламъ о выборахъ коммиссіею и безотлагательно сообщаются Губернатору, для распубликованія въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ и, сверхъ того, объявляются коммиссіею во всеобщее свѣдѣніе способомъ, наиболѣе обезпечивающимъ, по мѣстнымъ условіямъ, гласность этихъ списковъ.

Ст. 116. Въ спискахъ выборщиковъ, при опубликованіи ихъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, отмѣчается: 1) имя, отчество и фамилія выборщика; 2) городъ, уѣздъ и волость, либо станица или же община въ Измаильскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи, по которымъ лицо это избрано; 3) постоянное мѣстожительство выборщика и 4) свѣдѣнія о служебномъ положеніи или родѣ занятій, а также, по возможности, и о полученномъ образованіи. Одновременно съ распубликованіемъ списки разсылаются выборщикамъ.

Ст. 117. Выборщикамъ, въ случаѣ ихъ о томъ ходатайства, возмѣщаются изъ казны путевыя издержки по поѣздкѣ въ губернскій городъ на избирательное собраніе, по расчету пяти копѣекъ на версту отъ уѣзднаго города до губернскаго и обратно.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

О производствѣ выборовъ членовъ Государственной Думы отъ губернскихъ избирательныхъ собраній.

Ст. 118. Выборы членовъ Государственной Думы въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ производятся въ дни, назначаемые Высочайшими указами, которые Министръ Внутреннихъ дѣлъ испрашиваетъ черезъ Совѣтъ Министровъ и представляетъ Правительствующему Сенату для распубликованія.

Ст. 119. Избирательныя собранія открываются въ двѣнадцать часовъ дня и продолжаютъ свои дѣйствія, съ необходимыми перерывами, до тѣхъ поръ, пока не будетъ избрано все положенное отъ губерніи число членовъ Государственной Думы. Продолжительность перерывовъ опредѣляется самимъ собраніемъ, но каждый отдѣльный перерывъ не можетъ превышать двѣнадцати часовъ. Выборщики, прибывшіе послѣ приступа къ выборамъ, къ участію въ нихъ не допускаются.

Ст. 120. При производствѣ выборовъ въ избирательныхъ собраніяхъ, кромѣ предсѣдателей, могутъ присутствовать исключительно выборщики, имѣющіе право участія въ выборахъ по данному избирательному собранію.

Ст. 121. Избирательное собраніе считается состоявшимся, если прибудетъ въ него не менѣе половины выборщиковъ. Въ противномъ же случаѣ собраніе вновь созывается черезъ семь дней и считается состоявшимся при всякомъ числѣ прибывшихъ выборщиковъ.

Ст. 122. Открывая избирательное собраніе, предсѣдатель прочитываетъ статьи закона, относящіяся до порядка выборовъ и условій участія въ оныхъ, и списокъ выборщиковъ. Засимъ составляется актъ о числѣ выборщиковъ, прибывшихъ въ собраніе.

Ст. 123. Губернское избирательное собраніе въ составѣ всѣхъ прибывшихъ въ оное выборщиковъ прежде всего избираетъ: 1) въ губерніяхъ, управляемыхъ по Общему Учрежденію, а равно въ Тобольской и Томской и въ области Войска Донского—одного члена Думы изъ числа выборщиковъ отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ волостей; 2) въ губерніяхъ, управляемыхъ по общему Учрежденію, за исключеніемъ Архангельской, а равно въ области Войска Донского—одного члена Думы изъ числа выборщиковъ отъ съѣздовъ землевладѣльцевъ; 3) въ губерніяхъ: Архангельской, Астраханской, Витебской, Волынской, Вологодской, Вятской, Гродненской, Калужской, Кіевской, Ковенской, Костромской, Курляндской, Лифляндской, Минской, Могилевской, Новгородской, Олонецкой, Пензенской, Подольской, Псковской, Симбирской, Эстляндской, Ярославской, Тобольской и Томской—одного члена Думы изъ числа выборщиковъ отъ перваго или второго съѣзда городскихъ избирателей; 4) въ остальныхъ губерніяхъ, управляемыхъ по Общему Учрежденію, кромѣ Ставропольской, а равно въ области Войска Донского—по одному члену Думы изъ числа выборщиковъ отъ перваго и отъ второго съѣзда городскихъ избирателей; 5) въ губер-

ніяхъ Астраханской, Оренбургской и области Войска Донского—по одному члену Думы изъ числа выборщиковъ отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ казачьихъ станицъ и 6) въ губерніяхъ С.-Петербургской, Московской, Владимірской, Екатеринославской, Костромской и Харьковской—по одному члену Думы изъ числа выборщиковъ отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ рабочихъ. Затѣмъ избирательное собраніе въ томъ же составѣ избираетъ изъ числа всѣхъ вообще имѣющихъ право участія въ немъ выборщиковъ остальное, положенное росписаніемъ, число членовъ Думы.

Ст. 124. Избраніе въ члены Государственной Думы производится закрытой подачей голосовъ посредствомъ баллотировки шарами. Избранными въ члены Думы считаются лица, получившія болѣе половины голосовъ выборщиковъ, принимавшихъ участіе въ избраніи, въ порядкѣ старшинства полученныхъ балловъ. Въ случаѣ равенства голосовъ избраніе опредѣляется жребіемъ.

Ст. 125. Предварительно баллотировки избирательнымъ собраніемъ намѣчаются закрытою подачею голосовъ, посредствомъ записокъ, кандидаты. Кандидаты эти подвергаются засимъ баллотировкѣ въ порядкѣ большинства полученныхъ голосовъ. Кандидаты, получившіе по запискамъ менѣе трехъ голосовъ, баллотировкѣ не подвергаются.

Ст. 126. Если по окончаніи баллотировки кандидатовъ, предложенныхъ въ члены Государственной Думы изъ состава отдѣльнаго разряда выборщиковъ, ни одинъ изъ нихъ не получитъ болѣе половины голосовъ (ст. 124), то собраніе, не переходя къ дальнѣйшимъ выборамъ, производитъ вторичные выборы членовъ Думы изъ того же разряда выборщиковъ, при чемъ избраннымъ признается получившій наибольшее число избирательныхъ балловъ въ порядкѣ старшинства послѣднихъ.

Тѣмъ же порядкомъ производится и выборъ недостающаго числа членовъ Думы изъ общаго состава выборщиковъ, если по окончаніи баллотировки кандидатовъ, предложенныхъ въ члены Думы изъ общаго состава выборщиковъ, число ихъ, получившее болѣе половины голосовъ, не достигнетъ числа подлежащихъ избранію членовъ Думы.

Ст. 127. Въ члены Государственной Думы могутъ быть избираемы только выборщики, входящіе въ составъ собранія, отъ котораго производятся выборы, и изъявившіе на то свое согласіе. Лица, занимающія на гражданской государственной службѣ должность съ опредѣленнымъ окладомъ содержанія, въ случаѣ избранія ихъ въ члены Думы, обязаны оставить занимаемую ими должность.

Ст. 128. Въ члены Государственной Думы не могутъ быть избираемы лица, не знающія русскаго языка.

Ст. 129. О числѣ избирательныхъ и не избирательныхъ голосовъ, полученныхъ каждымъ выборщикомъ, подвергавшимся баллотировкѣ въ избирательномъ собраніи, отмѣчается въ особомъ выборномъ листѣ. Для отмѣтки голосовъ собранію предоставляется избирать изъ своей среды особыхъ счетчиковъ въ помощь предсѣдателю при баллотировкѣ. По окончаніи выборовъ, выборный листъ прочитывается избирательному собранію и подписывается предсѣ-

дателемъ, а также выразившими желаніе подписаться наличными выборщиками.

Ст. 130. Избирательныя собранія, ограничиваясь производствомъ выборовъ, не входятъ ни въ какія разсужденія и не въ правѣ дѣлать никакихъ постановленій или распоряженій, не относящихся до производства выборовъ.

Ст. 131. По окончаніи выборовъ избирательныя собранія закрываются. Не позднѣе слѣдующаго дня все выборное производство представляется предсѣдателями собраній Губернатору.

Ст. 132. Губернаторъ немедленно, по полученіи выборнаго производства, препровождаетъ его въ Государственную Думу, списки же лицъ, избранныхъ въ члены Думы, представляетъ Правительствующему Сенату для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

О производствѣ выборовъ членовъ Государственной Думы въ городахъ, поименованныхъ въ статьѣ 2 сего Положенія.

Ст. 133. Въ городахъ, поименованныхъ въ статьѣ 2, избраніе членовъ Государственной Думы производится закрытой подачей голосовъ посредствомъ записокъ. День выборовъ назначается порядкомъ, указаннымъ въ ст. 118.

Ст. 134. Каждый разрядъ городскихъ избирателей (ст. 42) выбираетъ членовъ Государственной Думы отдѣльно изъ числа лицъ, имѣющихъ участіе въ выборахъ по данному разряду.

Ст. 135. Для принятія избирательныхъ записокъ и счета голосовъ городъ раздѣляется, по росписанію, устанавливаемому Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, на избирательные участки.

Ст. 136. Въ каждомъ участкѣ учреждаются участковыя избирательныя коммиссіи, въ составѣ предсѣдателя и не менѣе двухъ членовъ, по приглашенію городского головы, изъ числа избирателей даннаго участка. Для общаго же подсчета поданныхъ голосовъ образуется въ каждомъ городѣ городская избирательная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ городского головы, изъ предсѣдателей всѣхъ участковыхъ избирательныхъ коммиссій.

Ст. 137. Выборы производятся въ помѣщеніяхъ, отводимыхъ для сего городскою управою.

Ст. 138. Каждый избиратель лично подаетъ избирательную записку. Въ запискѣ указываются имена, отчества и фамиліи лицъ, за которыхъ избиратель подаетъ голосъ, въ числѣ, не превышающемъ общаго числа членовъ Государственной Думы, подлежащихъ избранію по каждому разряду избирателей. Имя лица, избираемаго въ члены Думы, не можетъ повторяться въ одной и той же избирательной запискѣ. Подобныя повторенія, а равно имена лицъ, предложенныхъ въ члены Думы, сверхъ положеннаго числа, считая по порядку записи именъ, при подсчетѣ голосовъ, въ соображеніе не принимаются.

Ст. 139. Подача записокъ производится въ одинъ день, отъ девяти часовъ утра до девяти часовъ вечера. На слѣдующій день послѣ подачи записокъ, производится каждою участковою избира-

тельною коммиссіею, отдѣльно по каждому разряду избирателей, подсчетъ поданныхъ голосовъ, а на третій день въ городской избирательной коммиссіи производится общій подсчетъ голосовъ, поданныхъ по всѣмъ участкамъ города.

Ст. 140. Избранными въ члены Государственной Думы отъ каждаго разряда избирателей считаются лица, получившія болѣе половины голосовъ, поданныхъ на выборахъ въ порядкѣ ихъ старшинства. Въ случаѣ безуспѣшности, выборы недостающаго числа членовъ Думы производятся въ новый срокъ, при чемъ избранными считаются получившіе наибольшее количество голосовъ.

Ст. 141. По окончаніи выборовъ, не позднѣе слѣдующаго за выборами дня, все выборное производство представляется предсѣдателемъ городской избирательной коммиссіей Губернатору или Градоначальнику, по принадлежности, который препровождаетъ производство въ Государственную Думу, а списокъ лицъ, избранныхъ въ члены Думы, представляетъ Правительствующему Сенату для распубликованія во всеобщее свѣдѣніе.

ОТДѢЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

О порядкѣ повѣрки полномочій членовъ Государственной Думы.

Ст. 142. Повѣрка правъ избранныхъ членовъ Государственной Думы принадлежитъ самой Думѣ. Жалобы на неправильность производства выборовъ въ члены Думы приносятся заинтересованными лицами на имя Думы. Жалобы эти подаются въ трехдневный срокъ со дня окончанія выборовъ Губернатору или Градоначальнику, по принадлежности, и препровождаются имъ въ Думу, съ объясненіями предсѣдателя избирательнаго собранія, а въ городахъ, поименованныхъ въ статьѣ 2, предсѣдателя городской избирательной коммиссіи, въ недѣльный срокъ со дня полученія жалобы.

Ст. 143. Постановленіе Государственной Думы объ отмѣнѣ выборовъ въ члены Государственной Думы, по неправильности ихъ, получаетъ силу въ томъ случаѣ, если принято большинствомъ двухъ третей наличныхъ членовъ Думы въ общемъ ея собраніи.

Ст. 144. Въ случаѣ отмѣны Государственною Думою выборовъ по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ Думы на ихъ мѣсто вступаютъ, въ порядкѣ старшинства избирательныхъ балловъ, слѣдующія за ними лица изъ соотвѣтствующаго разряда выборщиковъ или изъ общаго состава собранія, по принадлежности, получившія болѣе половины голосовъ. Если таковыхъ лицъ не окажется, а равно въ случаѣ отмѣны избранія всѣхъ членовъ Думы отъ данной губерніи или области производятся новые выборы подлежащими избирательными собраніями въ составѣ выборщиковъ, которые избраны были на текущее пятилѣтіе.

Въ случаѣ отмѣны Государственною Думою выборовъ въ городахъ, поименованныхъ въ статьѣ 2 сего Положенія, въ полномъ ихъ объемѣ или по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, производятся новые или дополнительные выборы по тому разряду избирателей, по коему они отмѣнены.

Ст. 145. Указанный въ предшедшей (144) статьѣ порядокъ со-

блюдается и въ случаѣ выбытія члена Государственной Думы за отказомъ отъ сего званія или по инымъ причинамъ, если при томъ до наступленія срока общихъ выборовъ въ Думу остается болѣе года.

Ст. 146. Списокъ лицъ, избранныхъ въ члены Государственной Думы, составляетъ Правительствующимъ Сенатомъ на основаніи представленій Губернаторовъ и Градоначальниковъ и публикуется имъ во всеобщее свѣдѣніе.

Ст. 147. Лица, занесенныя въ опубликованный Правительствующимъ Сенатомъ списокъ, впредь до отмѣны ихъ избранія Государственною Думою, пользуются всѣми правами, присвоенными членамъ Думы.

Подписалъ: Предсѣдатель Совѣта Министровъ *Столыпинъ*.

Приложеніе къ статьѣ 3 (прим.).

РОСПИСАНІЕ

числа губернскихъ выборщиковъ въ Иркутской губерніи.

Названіе губерніи и уѣздовъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ: Отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	Отъ съѣзда городскихъ избирателей.
Иркутская.			
Иркутскій	9	3	6
Балаганскій	4	3	1
Верхоленскій	2	1	1
Киренскій	3	2	1
Нижнеудинскій	2	1	1
	20	10	10

Приложеніе I къ статьѣ 4.

О производствѣ выборовъ отъ губерній и областей Кавказскаго края.

Ст. 1. Выборы членовъ Государственной Думы отъ губерній и областей Кавказскаго края производятся на общихъ основаніяхъ, симъ Положеніемъ установленныхъ, съ изъятіями, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ указанными.

Ст. 2. Общее число выборщиковъ по каждой губерніи и области и распредѣленіе ихъ между уѣздами, округами, отдѣлами и съѣздами устанавливаются приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

Ст. 3. Въ отношеніи производства выборовъ Кавказскій край раздѣляется на шесть избирательныхъ округовъ. *Первый округъ* составляютъ Кубанская и Терская области и Черноморская губернія, *второй*—Тифлисская губернія, *третій*—Кутаисская губернія, *четвертый*—Дагестанская область съ Закатальскимъ округомъ, *пятый*—Бакинская, Елисаветпольская и Эриванская губернія и *шестой*—Карсская и Батумская области съ Сухумскимъ округомъ.

Ст. 4. Русское населеніе Закавказья (за исключеніемъ Черно-

морской губерніи) избираетъ отдѣльно отъ остального населенія одного члена Государственной Думы на основаніи правилъ, изложенныхъ ниже въ ст.ст. 27—37.

Ст. 5. Въ каждомъ уѣздѣ, округѣ или отдѣлѣ образуются три избирательныхъ съѣзда: 1) съѣздъ землевладѣльцевъ, 2) съѣздъ городскихъ избирателей и 3) съѣздъ уполномоченныхъ отъ участковыхъ сходовъ или отъ сходовъ сельскихъ округовъ, по принадлежности. Въ отдѣлахъ Кубанской области, а равно въ тѣхъ отдѣлахъ Терской области, въ коихъ имѣются казачьи станицы, образуется, сверхъ указанныхъ трехъ съѣздовъ, особый избирательный съѣздъ уполномоченныхъ отъ казачьихъ станицъ.

Ст. 6. Въ Терской и Кубанской областяхъ, независимо отъ общаго для этихъ областей совмѣстно съ Черноморской губерніей избирательнаго собранія, образуется въ каждой избирательное собраніе изъ выборщиковъ отъ съѣздовъ уполномоченныхъ отъ казачьихъ станицъ каждой области. Выборщики эти въ общемъ избирательномъ собраніи участія не принимаютъ.

Ст. 7. Для производства выборовъ Намѣстнику Кавказскому предоставляется, въ случаѣ признанной имъ необходимости, въ предѣлахъ одной и той же губерніи либо области: 1) соединять отдѣльные уѣзды, округа или отдѣлы, съ образованіемъ для нихъ соединенныхъ избирательныхъ съѣздовъ, и 2) землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей даннаго уѣзда, округа или отдѣла присоединять къ соотвѣтствующимъ съѣздамъ другого уѣзда, округа или отдѣла.

Ст. 8. Выборщики отъ рабочихъ избираются, на общихъ основаніяхъ, въ нижепоименованныхъ губерніяхъ и городахъ Кавказскаго края въ слѣдующемъ числѣ: Въ Бакинской—4, въ Батумской области—1, въ Тифлисской—2 и въ Кубанской области съ Черноморскою губерніею—2.

Ст. 9. Мѣсто созыва съѣздовъ избирателей въ уѣздахъ, округахъ и отдѣлахъ, управленіе коими сосредоточивается не въ городѣ, опредѣляется Губернаторомъ или Начальникомъ области, по принадлежности.

Ст. 10. Въ избирательномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ участвуютъ непосредственно: въ губерніяхъ и областяхъ Закавказья—лица, уплачивающія съ принадлежащихъ имъ земельныхъ или иныхъ, не составляющихъ торгово-промышленнаго заведенія, имуществъ не менѣе тридцати рублей земскихъ сборовъ въ годъ, въ областяхъ же Терской и Кубанской - лица, уплачивающія съ принадлежащихъ имъ земельныхъ имуществъ не менѣе шести рублей шестидесяти копѣекъ въ годъ государственнаго поземельнаго налога.

Ст. 11. Лица, уплачивающія съ недвижимаго имущества, принадлежащаго имъ въ уѣздѣ, округѣ или отдѣлѣ не менѣе года, на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія, земскіе сборы или государственный поземельный налогъ въ суммахъ, менѣе указанныхъ въ предшедшей (10) статьѣ,—участвуютъ въ выборахъ чрезъ уполномоченныхъ.

Ст. 12. Къ городскимъ поселеніямъ причисляются, въ отношеніи прoизводства выборовъ въ Государственную Думу, мѣстечки: Артвинъ,

Батумской области, Зугиды и Редутъ-Кале, Кутаисской губерніи, Сальяны, Бакинской губерніи, Кагызманъ, Ардаганъ и Ольта, Карсской области.

Ст. 13. Для избранія уполномоченныхъ отъ участковыхъ сельскихъ сходовъ, селенія, аулы и колоніи губерній и областей Кавказскаго края, за исключеніемъ Батумской и Карской областей, соединяются въ участки по особымъ росписаніямъ, составляемымъ губернскими или областными начальствами и утверждаемымъ Намѣстникомъ. Въ подобные же участки могутъ быть соединяемы, по распоряженію Намѣстника, и малолюдныя казачьи станицы.

Ст. 14. Участковый сходъ созывается въ одномъ изъ селеній, ауловъ, или колоній участка, по указанію губернскаго или областного начальства, подъ предсѣдательствомъ старшины даннаго поселенія. Сходъ этотъ образуется изъ выборныхъ отъ входящихъ въ составъ участка селеній, ауловъ и колоній. Выборные избираются на сходахъ по одному на каждые десять дворовъ. Поселенія, имѣющія менѣе десяти дворовъ, избираютъ одного выборнаго.

Ст. 15. Участковые сельскіе сходы, а равно казачьи станичные сборы и участки (ст. 13) избираютъ по два уполномоченныхъ каждый.

Ст. 16. Въ областяхъ Батумской и Карсской уполномоченные избираются сходами сельскихъ округовъ, по два отъ каждаго схода.

Ст. 17. Списки лицъ, имѣющихъ право участія въ съѣздахъ землевладѣльцевъ, составляются и содержатся въ исправности: въ губерніяхъ и областяхъ Закавказья—уѣздными или окружными начальниками, въ областяхъ же Терской и Кубанской—атаманами отдѣловъ и окружными начальниками, по принадлежности. Списки городскихъ избирателей ведутся городскими управами, а въ городахъ и мѣстечкахъ, въ коихъ завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ образовано на основаніи статьи 133 (по прод 1895 г.) Учрежденія управленія Кавказскаго края, - полицейскими учрежденіями.

Ст. 18. Избирательные списки, взамѣнъ распубликованія въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, выставляются для обозрѣнія въ учрежденіяхъ, составляющихъ эти списки, съ примѣненіемъ въ отношеніи обжалованія и провѣрки сихъ списковъ общихъ, установленныхъ симъ Положеніемъ, сроковъ и порядка.

Ст. 19. Въ съѣздахъ землевладѣльцевъ, какъ избирательныхъ, такъ и предварительныхъ, а равно въ съѣздахъ уполномоченныхъ отъ участковыхъ сельскихъ сходовъ или сходовъ сельскихъ округовъ предсѣдательствуетъ въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ не имѣется уѣздныхъ предводителей дворянства, мировой судья по назначенію: въ Кубанской и Терской областяхъ—съѣзда мировыхъ судей, а въ остальныхъ мѣстностяхъ—общаго собранія подлежащаго окружнаго суда, по принадлежности. Мировые же судьи предсѣдательствуютъ и въ съѣздахъ городскихъ избирателей тѣхъ уѣздовъ, управленіе коихъ сосредоточено въ мѣстечкахъ, управляемыхъ полицейскими учрежденіями (Учр. Кавк., ст. 133, по прод. 1895 г.).

Ст. 20. Губернскія и областныя по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются въ губерніяхъ Бакинской, Кутаисской, Елизаветпольской,

Тифлисской и Эриванской, а равно въ областяхъ Кубанской и Терской. Вѣдѣнію Бакинской коммиссіи подчиняются, кромѣ Бакинской губерніи, также Дагестанская область и Закатальскій округъ, Кутаисской—Батумская область и Сухумскій округъ, Эриванской —Карсская область и Кубанской—Черноморская губернія.

Ст. 21. Губернскія и областныя по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя окружнаго суда, изъ управляющаго казенною палатою, предводителя дворянства уѣзда губернскаго города, одного изъ членовъ окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, городского головы губернскаго или областного города и одного изъ членовъ—дѣлопроизводителей губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по назначенію Губернатора, или одного изъ членовъ губернскаго по поселянскимъ дѣламъ присутствія, также по назначенію Губернатора. Управляющій Ставропольскою казенною палатою можетъ замѣнять себя, по отношенію къ участію въ Терской областной по дѣламъ о выборахъ коммиссіи, начальникомъ отдѣленія сей палаты. Въ Терской и Кубанской областныхъ по дѣламъ о выборахъ коммиссіяхъ, вмѣсто члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, участвуетъ одинъ изъ совѣтниковъ областного правленія, по назначенію Начальника области.

Ст. 22. Коммиссіи по дѣламъ о выборахъ въ уѣздахъ, округахъ и отдѣлахъ образуются, подъ предсѣдательствомъ члена окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, изъ уѣзднаго предводителя дворянства, мирового судьи, по назначенію: въ Кубанской и Терской областяхъ—съѣзда мировыхъ судей, а въ остальныхъ мѣстностяхъ—общаго собранія подлежащаго окружнаго суда, по принадлежности, городского головы уѣзднаго города (тамъ, гдѣ онъ есть), податного инспектора (тамъ, гдѣ онъ есть) и мирового посредника, по назначенію губернскаго начальства.

Примѣчаніе. Тифлисской судебной палатѣ предоставляется въ общемъ собраніи департаментовъ назначать предсѣдателей коммиссій по дѣламъ о выборахъ Нальчикскаго округа и Моздокскаго отдѣла, Терской области, изъ числа членовъ другихъ, входящихъ въ округъ палаты, окружныхъ судовъ.

Ст. 23. Въ уѣздахъ, округахъ и отдѣлахъ, гдѣ нѣтъ уѣздныхъ предводителей дворянства, вмѣсто нихъ, въ коммиссіи участвуетъ одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, по приглашенію Намѣстника.

Ст. 24. Въ мѣстностяхъ, гдѣ не образованы крестьянскія учрежденія, губернскимъ и областнымъ начальствамъ предоставляется замѣнять мировыхъ посредниковъ другими должностными лицами, съ тѣмъ, однако, чтобы въ составъ коммиссіи не могли быть назначаемы лица, обязанныя, по закону, составлять избирательные списки, а равно чины мѣстной полиціи.

Ст. 25. Надзоръ за производствомъ выборовъ въ избирательномъ собраніи, общемъ для Терской и Кубанской областей и Черноморской губерніи, возлагается на Начальника Кубанской области; собраніе это созывается въ городѣ Екатеринодарѣ. Надзоръ за производствомъ выборовъ въ избирательномъ собраніи, общемъ для губерній Бакинской, Елизаветпольской и Эриванской, возлагается на Елиза-

ветпольскаго Губернатора; собраніе это созывается въ городѣ Елизаветполѣ. Надзоръ за производствомъ выборовъ въ избирательномъ собраніи, общемъ для Карсской и Батумской областей, совмѣстно съ Сухумскимъ округомъ, возлагается на Военнаго Губернатора Батумской области; собраніе это созывается въ городѣ Батумѣ. По Сухумскому и Закатальскому округамъ надзоръ за производствомъ выборовъ, а равно опубликованіе списковъ выборщиковъ возлагаются на мѣстныхъ окружныхъ начальниковъ, подъ высшимъ наблюденіемъ Намѣстника.

Ст. 26. Избирательное собраніе, общее для Бакинской, Елизаветпольской и Эриванской губерній, раздѣляется на два отдѣленія. Одно отдѣленіе образуютъ выборщики мусульмане, а другое—остальные выборщики. Каждое отдѣленіе выбираетъ изъ своей среды по одному члену Государственной Думы.

Ст. 27. Къ русскому населенію въ Закавказьи, въ отношеніи производства выборовъ въ Государственную Думу (ст. 4), причисляются лица русскаго происхожденія: православные, старообрядцы и лютеране. Ближайшее, въ отдѣльныхъ случаяхъ, указаніе, кто именно долженъ быть причисляемъ къ лицамъ русскаго происхожденія, предоставляется Намѣстнику, распоряженія коего по сему предмету признаются окончательными и обжалованію не подлежатъ.

Ст. 28. Въ избраніи члена Государственной Думы отъ русскаго населенія въ Закавказьи принимаетъ участіе лишь населеніе уѣздовъ и округовъ, перечисленныхъ въ приложенномъ къ сей статьѣ росписаніи.

Ст. 29. Для избранія члена Государственной Думы отъ русскаго населенія Закавказья, образуется въ городѣ Тифлисѣ, подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго Высочайшей Властью, избирательное собраніе изъ выборщиковъ отъ уѣздныхъ съѣздовъ городскихъ избирателей и уѣздныхъ съѣздовъ сельскихъ избирателей, число коихъ, а равно распредѣленіе ихъ по губерніямъ и областямъ устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

Ст. 30. Уѣзды и округа, въ коихъ образуются уѣздные съѣзды городскихъ избирателей и уѣздные съѣзды сельскихъ избирателей, указаны въ росписаніи, приложенномъ къ статьѣ 28 сихъ правилъ.

Ст. 31. Положенное на губернію или область число выборщиковъ распредѣляется между уѣздами (округами), въ соотвѣтствіи съ общей численностью русскаго населенія въ уѣздахъ, а въ предѣлахъ уѣзда между съѣздами—въ соотвѣтствіи съ численностью русскаго сельскаго и городского населенія Намѣстникомъ.

Ст. 32. Въ съѣздахъ городскихъ избирателей русскаго происхожденія участвуютъ: 1) лица, принадлежащія къ числу городскихъ избирателей, 2) священно и церковно-служители русскихъ городскихъ приходовъ и настоятели старообрядческихъ общинъ въ городахъ, хотя бы они и не владѣли цензомъ, дающимъ право участія въ выборахъ, и 3) лица, имѣющія право участія въ съѣздѣ землевладѣльцевъ по данному уѣзду.

Ст. 33. Въ съѣздахъ сельскихъ избирателей участвуютъ: 1) уполномоченные отъ осѣдлыхъ русскихъ жителей селеній, въ коихъ числится свыше ста душъ обоего пола русскаго происхожденія, и 2) священно и церковно-служители русскихъ сельскихъ приходовъ

и настоятели старообрядческихъ общинъ въ уѣздахъ, хотя бы они и не владѣли цензомъ, дающимъ право на участіе въ выборахъ.

Ст. 34. Означенные въ статьѣ 33 уполномоченные избираются русскимъ населеніемъ тѣмъ же порядкомъ, какъ и должностныя лица сельскаго управленія на Кавказѣ, по одному отъ каждаго поселенія. Въ поселеніяхъ съ числомъ русскихъ жителей отъ ста до пятисотъ избирается одинъ уполномоченный, въ селеніяхъ же съ населеніемъ свыше пятисотъ жителей русскаго происхожденія—по одному уполномоченному на каждые пятьсотъ душъ.

Ст. 35. Селенія съ количествомъ осѣдлыхъ русскихъ жителей, не достигающимъ ста душъ обоего пола, распоряженіемъ подлежащихъ губернскихъ или областныхъ начальствъ, присоединяются для избранія уполномоченныхъ къ ближайшимъ селеніямъ или, въ случаѣ смежности такихъ незначительныхъ поселковъ, объединяются для избранія уполномоченныхъ въ участки съ числомъ не менѣе ста жителей обоего пола русскаго происхожденія.

Ст. 36. Списки лицъ, имѣющихъ право участія въ уѣздныхъ съѣздахъ городскихъ избирателей, составляются и оглашаются во всеобщее свѣдѣніе въ общемъ, установленномъ на этотъ предметъ, порядкѣ.

Ст. 37. Надзоръ за правильностью производства выборовъ въ избирательномъ собраніи выборщиковъ отъ русскаго населенія Закавказья принадлежитъ Тифлисскому Губернатору.

Приложеніе къ статьѣ 2.

РОСПИСАНІЕ

числа губернскихъ и областныхъ выборщиковъ Кавказскаго Края.

Наименованіе губерній, областей, уѣздовъ, округовъ и отдѣловъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ отъ съѣздовъ: Уполномоченныхъ отъ сходовъ.	Уполномоченныхъ отъ казач. станицъ.	Землевладѣльцевъ.	Городскихъ избирател.
I Избирательный округъ.					
1. Кубанская область и Черноморская губернія.	100	10	45	31	41
2. Терская область.	49	10	15	18	6
II Избирательный округъ.					
3. Тифлисская губернія.	55	12	—	29	14
III Избирательный округъ.					
4. Кутаисская губернія	38	9		22	7
IV Избирательный округъ.					
5. Дагестанская область и Закатальскій округъ . . .	33	24	—	4	5

Наименованіе губерній, областей, уѣздовъ, округовъ и отдѣловъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ отъ съѣздовъ: Уполномоченныхъ отъ сходовъ.	Землевладѣльцевъ.	Городск. избирателей.
V Избирательный округъ.				
6. Бакинская губернія	34	10	12	12
7. Елисаветпольская губернія . .	36	9	22	5
8. Эриванская губернія.	35	14	16	5
VI Избирательный округъ.				
9. Карсская область	13	9	—	4
10. Батумская область и Сухумскій округъ. . .	14	5	4	5

Приложеніе къ статьѣ 28 правилъ о производствѣ выборовъ отъ губерній и областей Кавказскаго края.

Съѣзды городскихъ избирателей созываются въ слѣдующихъ уѣздахъ: Тифлисскомъ, Тифлисской губерніи, Кутаисскомъ и Сенакскомъ (въ гор. Поти), Кутаисской губерніи, Елизаветпольскомъ, Елизаветпольской губерніи, Эриванскомъ и Александропольскомъ, Эриванской губерніи, Бакинскомъ и Ленкоранскомъ. Бакинской губерніи, Батумскомъ округѣ, Батумской области, Кайтаго-Табасаранскомъ (въ городѣ Дербентѣ) и Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округахъ, Дагестанской области, Карсскомъ округѣ, Карской области, и Сухумскомъ округѣ.

Съѣзды сельскихъ избирателей образуются въ слѣдующихъ уѣздахъ: Тифлисскомъ, Ахалкалакскомъ, Борчалинскомъ, Горійскомъ и Сигнахскомъ, Тифлисской губерніи, Елизаветпольскомъ, Зангезурскомъ, Казахскомъ и Шушинскомъ, Елизаветпольской губерніи, Александропольскомъ и Новобаязетскомъ, Эриванской губерніи, Геокчайскомъ, Джеватскомъ, Кубинскомъ, Ленкоранскомъ и Шемахинскомъ, Бакинской губерніи, Батумскомъ округѣ, Батумской области, Темиръ-Ханъ-Шуринскомъ округѣ, Дагестанской области, Карсскомъ и Ардаганскомъ округахъ, Карсской области, и Сухумскомъ округѣ.

Приложеніе къ статьѣ 29 правилъ о выборахъ отъ губерній и областей Кавказскаго края.

РОСПИСАНІЕ

числа выборщиковъ отъ русскаго населенія по губерніямъ и областямъ Закавказья (кромѣ Черноморской губерніи).

Названіе губерній и областей.	Число выборщиковъ.
Бакинская губернія	21
Елизаветпольская „	6
Кутаиская „	2
Тифлисская „	21
Эриванская „	4
Батумская область и Сухумскій окр.	5
Дагестанская область	4
Карсская „	7
	70

Приложеніе II къ ст. 4.

О производствѣ выборовъ отъ областей Амурской, Приморской и Забайкальской.

Ст. 1. Выборы членовъ Государственной Думы въ областяхъ Амурской, Приморской и Забайкальской производятся на общихъ основаніяхъ, установленныхъ симъ Положеніемъ, съ изъятіями, въ нижеслѣдующихъ статьяхъ указанными.

Ст. 2. Общее число выборщиковъ по каждой области и распредѣленіе ихъ между уѣздами и съѣздами устанавливается приложеннымъ къ сей статьѣ росписаніемъ.

Ст. 3. Выборы членовъ Государственной Думы отъ Амурскаго и Уссурійскаго и отъ Забайкальскаго казачьихъ войскъ производятся избирательными собраніями выборщиковъ отъ всѣхъ станицъ подлежащихъ войскъ. Выборщики эти избираются станичными сборами по два отъ каждой станицы изъ числа состоящихъ членами станичныхъ обществъ войскового сословія казаковъ домохозяевъ, владѣющихъ казачьей или пріобрѣтенной въ собственность землею и лично ведущихъ на ней хозяйство.

Ст. 4. Для избранія члена Государственной Думы отъ городского и осѣдлаго сельскаго населенія, не принадлежащаго къ числу инородцевъ и казаковъ, образуются въ областяхъ Амурской и Приморской областныя избирательныя собранія выборщиковъ. Выборщики эти избираются по каждому уѣзду двумя съѣздами: 1) съѣздомъ городскихъ избирателей и 2) съѣздомъ уполномоченныхъ отъ волостей и сельскихъ участковъ. Въ уѣздахъ Приморской области Охотскомъ, Гижигинскомъ, Петропавловскомъ, Анадырскомъ, на Командорскихъ островахъ и на территоріи Уссурійскаго казачьяго войска избирательныхъ съѣздовъ не полагается. Лица, владѣющія въ перечисленныхъ уѣздахъ и на Командорскихъ островахъ цензомъ, дающимъ, на основаніи ст. ст. 32 и 33 Положенія и ст. 8 сихъ правилъ, право участія въ съѣздахъ городскихъ избирателей, могутъ осуществлять это право въ съѣздѣ городскихъ избирателей по городу Николаевску, Приморской области. Лица, владѣющія таковымъ же цензомъ на территоріи Уссурійскаго казачьяго войска, распоряженіемъ Приамурскаго Генералъ-Губернатора, для осуществленія этого права, причисляются къ съѣздамъ городскихъ избирателей смежныхъ уѣздовъ Хабаровскаго и Никольско-Уссурійскаго.

Ст. 5. Для избранія члена Государственной Думы отъ городского, осѣдлаго сельскаго и инородческаго населенія, не принадлежащаго къ числу казаковъ, образуется въ Забайкальской области областное избирательное собраніе выборщиковъ. Выборщики эти избираются по каждому уѣзду тремя съѣздами: 1) съѣздомъ городскихъ избирателей, не принадлежащихъ къ числу инородцевъ и казаковъ, 2) съѣздомъ уполномоченныхъ отъ волостей и сельскихъ участковъ осѣдлаго населенія и 3) съѣздомъ уполномоченныхъ отъ инородческихъ волостей.

Ст. 6. Въ областныхъ избирательныхъ собраніяхъ, а равно въ избирательныхъ собраніяхъ выборщиковъ отъ станицъ казачьихъ войскъ (ст. ст. 3, 4 и 5) предсѣдательствуютъ лица, назначаемыя Высочайшею Властью. Мѣста созыва областныхъ избирательныхъ собраній и собраній выборщиковъ опредѣляются областнымъ начальствомъ, съ утвержденія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, въ предѣлахъ каждой области.

Ст. 7. Съѣзды городскихъ избирателей образуются подъ предсѣдательствомъ городскихъ головъ или лицъ, ихъ замѣняющихъ, а въ мѣстностяхъ, гдѣ ихъ нѣтъ,—подъ предсѣдательствомъ мировыхъ судей, по назначенію общаго собранія подлежащаго окружнаго суда.

Ст. 8. Лица, имѣющія право участія въ выборахъ по основаніямъ, указаннымъ въ статьяхъ 28 и 30 Положенія, участвуютъ

въ выборахъ въ составѣ подлежащихъ съѣздовъ городскихъ избирателей.

Ст. 9. Необъединенныя въ волости поселенія могутъ быть присоединяемы, для избранія уполномоченныхъ, къ ближайшимъ волостямъ распоряженіемъ областного начальства, которому предоставляется также соединять эти поселенія въ особые сельскіе избирательные участки съ такимъ разсчетомъ, чтобы въ каждомъ участкѣ было не менѣе двухъ тысячъ населенія обоего пола.

Ст. 10. На съѣздахъ уполномоченныхъ отъ волостей и сельскихъ участковъ осѣдлаго населенія и на съѣздахъ уполномоченныхъ отъ инородческихъ волостей предсѣдательствуютъ Мировые Судьи, по назначенію общаго собранія подлежащаго окружнаго суда.

Ст. 11. Уполномоченные (ст. 5 п. 2) отъ сельскихъ участковъ избираются на участковомъ сходѣ, образуемомъ, подъ предсѣдательствомъ сельскаго старосты селенія, въ которомъ собранъ сходъ, изъ выборныхъ отъ входящихъ въ составъ участка поселеній, по разсчету одного выборнаго на каждые десять дворовъ, но во всякомъ случаѣ по одному отъ каждаго поселенія.

Ст. 12. Уполномоченные отъ волостей и сельскихъ участковъ осѣдлаго населенія и отъ инородческихъ волостей избираются по разсчету одного на каждыя двѣ тысячи населенія, но во всякомъ случаѣ по одному отъ каждой волости или участка.

Ст. 13. Тѣ изъ сельскихъ обывателей-домохозяевъ, которые хотя и не устроены въ поземельномъ отношеніи, но имѣютъ постоянное жительство въ предѣлахъ волости или участка, не лишаются права участія въ назначеніи выборныхъ въ волостные и участковые сходы, на коихъ производится избраніе уполномоченныхъ.

Ст. 14. Списки уѣздныхъ землевладѣльцевъ составляются и содержатся въ исправности уѣздными полицейскими управленіями, а въ горныхъ округахъ Амурской области—горными исправниками.

Ст. 15. Составленіе и содержаніе въ исправности списковъ городскихъ избирателей возлагается на городскія управы или на городскихъ старостъ, гдѣ имѣются эти должностныя лица, въ остальныхъ же городахъ, равно какъ и въ уѣздахъ, въ которыхъ не имѣется городскихъ поселеній,—на уѣздныя полицейскія управленія.

Примѣчаніе. Списки лицъ, владѣющихъ на территоріи Уссурійскаго казачьяго войска цензомъ, дающимъ право участія въ городскихъ съѣздахъ, составляются Войсковымъ Правленіемъ Уссурійскаго казачьяго войска отдѣльно для избирателей, причисленныхъ въ отношеніи участія въ выборахъ къ Хабаровскому уѣзду, и отдѣльно для избирателей, причисленныхъ въ Никольско-Уссурійскому уѣзду.

Ст. 16. Избирательные списки, взамѣнъ распубликованія въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ, выставляются для обозрѣнія въ учрежденіяхъ, составляющихъ эти списки, съ примѣненіемъ въ отношеніи обжалованія и провѣрки сихъ списковъ, общихъ, установленныхъ настоящимъ Положеніемъ, сроковъ и порядка.

Ст. 17. Областныя по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя окружнаго суда, изъ управляющаго казенною палатою, одного изъ членовъ окружнаго суда,

по назначенію общаго его собранія, непремѣннаго члена областного по крестьянскимъ дѣламъ присутствія (тамъ, гдѣ онъ есть) и городского головы областного города, а также одного изъ мѣстныхъ обывателей, владѣющихъ въ предѣлахъ области землею или инымъ недвижимымъ имуществомъ, по приглашенію Генералъ-Губернатора. Входящимъ въ составъ Амурской и Приморской областныхъ коммиссій управляющимъ мѣстными казенными палатами предоставляется замѣнять себя въ упомянутыхъ коммиссіяхъ начальниками отдѣленія палаты.

Примѣчаніе. Жалобы на неправильности, допущенныя при избраніи выборщиковъ отъ станицъ Уссурійскаго казачьяго войска, приносятся непосредственно въ Приморскую областную по дѣламъ о выборахъ въ Государственную Думу коммиссію. Къ обязанностямъ той же коммиссіи относится и повѣрка правильности означенныхъ выборовъ.

Ст. 18. Уѣздныя по дѣламъ о выборахъ коммиссіи образуются, подъ предсѣдательствомъ члена окружнаго суда, по назначенію общаго его собранія, изъ мирового судьи, по назначенію того же собранія суда, городского головы уѣзднаго города или замѣняющаго его лица (тамъ, гдѣ они есть), одного изъ крестьянскихъ начальниковъ, по назначенію подлежащаго уѣзднаго съѣзда (тамъ, гдѣ они есть), и по приглашенію Губернатора одного изъ мѣстныхъ обывателей, владѣющихъ въ уѣздѣ землею или инымъ недвижимымъ имуществомъ.

Примѣчаніе. На территоріи Уссурійскаго казачьяго войска уѣздной коммиссіи по дѣламъ о выборахъ не образуется и таковая замѣняется для населенія, причисленнаго для участія въ выборахъ къ Хабаровскому и Никольско-Уссурійскому съѣздамъ городскихъ избирателей, уѣздными по дѣламъ о выборахъ въ Государственную Думу коммиссіями Хабаровскаго и Никольско-Уссурійскаго уѣздовъ, по принадлежности.

Приложеніе I къ статьѣ 2.

РОСПИСАНІЕ

числа выборщиковъ въ областяхъ Амурской и Приморской.

Области и уѣзды.	Общее число выборщиковъ по уѣзду.	Въ томъ числѣ отъ съѣздовъ: Уполномоченныхъ отъ волостей и сельск. участковъ.	Городскихъ избирателей.
1. Амурская область	15	10	5
	15	10	5
2. Приморская область.			
Хабаровскій	4	1	3
Удскій	2	1	1
Южно-Уссурійскій	15	9	6
	21	11	10

Приложеніе II къ статьѣ 2.

РОСПИСАНІЕ

числа выборщиковъ въ Забайкальской области.

Область и уѣзды.	Общее число выборщик. по уѣзду.	Въ томъ числѣ отъ съѣзд. Уполномоченныхъ отъ волостей и сельск. участковъ осѣдл. населенія.	Уполномоченныхъ отъ инородческ. волостей.	Городскихъ избирателей.
Забайкальская обл.				
Читинскій	9	4	4	1
Акшинскій	3	1	1	1
Баргузинскій	3	1	1	1
Верхнеудинскій	11	7	3	1
Нерчинскій	3	1	1	1
Нерчинско-Заводскій	4	2	1	1
Селенгинскій	6	2	3	1
Троицкосавскій	3	1	1	1
	42	19	15	8

Подписалъ: Предсѣдатель Совѣта Министровъ *Столыпинъ*.

Приложеніе III къ ст. 4.

О порядкѣ избранія членовъ Государственной Думы отъ русскаго населенія Виленской и Ковенской губерній.

Ст. 1. Русское населеніе Виленской и Ковенской губерній, отдѣльно отъ прочаго населенія, избираетъ изъ общаго числа членовъ Государственной Думы, положенныхъ на данныя губерніи, двухъ членовъ Думы по Виленской губерніи и одного—по Ковенской на основаніи нижеслѣдующихъ правилъ.

Ст. 2. Въ отношеніи производства выборовъ въ Государственную Думу къ русскому населенію въ губерніяхъ Виленской и Ковенской причисляются лица русскаго происхожденія: православные, старообрядцы и лютеране.

Ближайшее опредѣленіе въ отдѣльныхъ случаяхъ, кто именно долженъ быть признаваемъ лицомъ русскаго происхожденія, предоставляется Виленскому, Ковенскому и Гродненскому Генералъ-Губернатору. Разъясненія его по этому предмету считаются окончательными и обжалованію не подлежатъ.

Ст. 3. Избраніе членовъ Государственной Думы отъ русскаго населенія производится избирательными собраніями, созываемыми въ городахъ Вильнѣ и Ковнѣ, въ составѣ сорока выборщиковъ каждое, подъ предсѣдательствомъ особыхъ лицъ, назначаемыхъ Высочайшею Властью.

Ст. 4. Для избранія означенныхъ въ ст. 3 выборщиковъ въ каждомъ уѣздѣ созывается съѣздъ уполномоченныхъ отъ русскаго сельскаго населенія и съѣздъ городскихъ избирателей русскаго происхожденія.

Ст. 5. Виленскому, Ковенскому и Гродненскому Генералъ-Губер-

натору предоставляется соединять, для производства выборовъ, уѣзды съ небольшимъ количествомъ русскаго населенія и образовывать для нихъ соединенные избирательные съѣзды. Въ этомъ случаѣ Генералъ-Губернаторъ опредѣляетъ, въ какую изъ уѣздныхъ по дѣламъ о выборахъ коммиссій должны быть приносимы жалобы на неправильности, допущенныя при производствѣ выборовъ въ соединенныхъ съѣздахъ.

Ст. 6. Общее число выборщиковъ, указанное въ статьѣ 3, распредѣляется Виленскимъ, Ковенскимъ и Гродненскимъ Генералъ-Губернаторомъ между уѣздами въ соотвѣтствіи съ общей численностью русскаго населенія въ уѣздахъ, а между съѣздами въ предѣлахъ уѣзда—въ соотвѣтствіи съ численностью русскаго сельскаго и городского населенія.

Ст. 7. Уполномоченные отъ русскаго сельскаго населенія избираются особыми волостными сходами, которые происходятъ подъ предсѣдательствомъ лицъ, назначаемыхъ земскимъ начальникомъ изъ числа членовъ схода. На волостныхъ сходахъ имѣютъ право участвовать всѣ проживающіе въ предѣлахъ волости домохозяева русскаго происхожденія, достигшіе двадцати пяти лѣтъ и владѣющіе надѣльной или пріобрѣтенной въ собственность землей, а равно священно и церковно-служители сельскихъ православныхъ приходовъ и настоятели старообрядческихъ молитвенныхъ домовъ волости, хотя бы они и не владѣли цензомъ, дающимъ право на участіе въ выборахъ. Избраніе уполномоченныхъ на волостныхъ сходахъ производится изъ числа лицъ, имѣющихъ право участія въ сихъ сходахъ, съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для избранія уполномоченныхъ отъ волостей.

Ст. 8. Волости съ русскимъ населеніемъ отъ пятисотъ до двухъ тысячъ человѣкъ обоего пола избираютъ одного уполномоченнаго, съ населеніемъ отъ двухъ до пяти тысячъ человѣкъ—двухъ уполномоченныхъ и съ населеніемъ свыше пяти тысячъ человѣкъ—трехъ уполномоченныхъ.

Ст. 9. Волости, въ коихъ количество русскаго населенія обоего пола не достигаетъ пятисотъ человѣкъ, распоряженіемъ подлежащаго Губернатора причисляются для участія въ избраніи уполномоченныхъ къ сосѣднимъ волостямъ. Соединенные волостные сходы избираютъ уполномоченныхъ по разсчету, указанному въ ст. 8, въ соотвѣтствіи съ количествомъ русскаго населенія въ волостяхъ.

Ст. 10. Выборщики отъ русскаго городского населенія избираются съѣздами городскихъ избирателей, въ которыхъ участвуютъ лица русскаго происхожденія, владѣющаго цензомъ, дающимъ право участія въ съѣздѣ городскихъ избирателей, а равно священно и церковно-служители православныхъ городскихъ приходовъ и настоятели старообрядческихъ молитвенныхъ домовъ въ городахъ, хотя бы они и не владѣли цензомъ, дающимъ право участія въ съѣздѣ городскихъ избирателей.

Ст. 11. Лица русскаго происхожденія, владѣющія недвижимымъ имуществомъ, дающимъ право непосредственнаго участія въ съѣздѣ землевладѣльцевъ, участвуютъ въ избраніи выборщиковъ въ съѣз-

дахъ уполномоченныхъ отъ сельскаго населенія (ст. 4) на одинаковыхъ съ сими уполномоченными основаніяхъ.

Лица русскаго происхожденія, владѣющія недвижимымъ имуществомъ, дающимъ право участія въ предварительномъ съѣздѣ, образуютъ особые предварительные съѣзды, подъ предсѣдательствомъ лицъ, назначаемыхъ Губернаторомъ. Уполномоченные, избираемые этими съѣздами съ соблюденіемъ общихъ, установленныхъ для предварительныхъ съѣздовъ, правилъ, участвуютъ въ съѣздахъ уполномоченныхъ отъ сельскаго населенія (ст. 4) на одинаковыхъ съ сими уполномоченными основаніяхъ.

Ст. 12. Списки лицъ русскаго происхожденія, имѣющихъ право участія въ съѣздахъ землевладѣльцевъ, составляются уѣздными полицейскими управленіями, а лицъ, имѣющихъ право участія въ съѣздахъ городскихъ избирателей, городскими управами и замѣняющими ихъ учрежденіями.

Въ отношеніи порядка и сроковъ опубликованія и обжалованія сихъ списковъ соблюдаются общія, установленныя по сему предмету, правила.

Ст. 13. Списки домохозяевъ русскаго происхожденія, имѣющихъ право участія въ волостныхъ сходахъ (ст. 7), составляются волостными правленіями и провѣряются мѣстными приходскими священниками. Означенные въ настоящей статьѣ списки выставляются для всеобщаго обозрѣнія въ помѣщеніи волостного правленія и въ недѣльный со дня выставленія списковъ срокъ на нихъ могутъ быть приносимы заинтересованными лицами жалобы въ подлежащую уѣздную по дѣламъ о выборахъ коммиссію.

Ст. 16. Съѣзды уполномоченныхъ отъ русскаго сельскаго населенія и съѣзды городскихъ избирателей русскаго происхожденія созываются въ уѣздныхъ городахъ подъ предсѣдательствомъ лицъ, назначаемыхъ Виленскимъ, Ковенскимъ и Гродненскимъ Генералъ-Губернаторомъ,

Ст. 15. При производствѣ выборовъ на съѣздахъ уполномоченныхъ и съѣздахъ городскихъ избирателей, а равно при избраніи членовъ Государственной Думы въ избирательныхъ собраніяхъ соблюдаются общія правила, установленныя по сему предмету настоящимъ Положеніемъ.

Подписалъ: Предсѣдатель Совѣта Министровъ *Столыпинъ*.

Приложеніе IV къ статьѣ 4.

Правила о порядкѣ избранія члена Государственной Думы отъ русскаго населенія города Варшавы.

Ст. 1. Для избранія члена Государственной Думы отъ русскаго населенія города Варшавы образуется подъ предсѣдательствомъ президента города избирательное собраніе изъ двадцати выборщиковъ, избираемыхъ проживающими въ Варшавѣ лицами русскаго происхожденія, имѣющими право участія въ выборахъ въ Государственную Думу.

Примѣчаніе. Ближайшее опредѣленіе того, кто именно

должень быть признаваемъ лицомъ русскаго происхожденія, предоставляется Варшавскому Генералъ - Губернатору. Разъясненія его по сему предмету считаются окончательными и обжалованію не подлежатъ.

Ст. 2. Списокъ лицъ русскаго происхожденія, имѣющихъ право участія въ избраніи члена Государственной Думы по городу Варшавѣ, составляется и содержится въ исправности мѣстнымъ городовымъ магистратомъ.

Лица, занесенныя въ этотъ списокъ, въ общихъ выборахъ по городу Варшавѣ не участвуютъ.

Ст. 3. Въ отношеніи опубликованія и обжалованія упомянутаго въ статьѣ 2 списка соблюдаются общія, установленныя по сему предмету, правила.

Ст. 4. Для избранія выборщиковъ русскаго происхожденія городъ раздѣляется, съ утвержденія Генералъ-Губернатора, на особые избирательные участки, при чемъ подлежащіе избранію выборщики распредѣляются между участками въ соотвѣтствіи съ числомъ избирателей, занесенныхъ въ списокъ по каждому изъ этихъ участковъ.

Ст. 5. Избраніе выборщиковъ производится въ порядкѣ, опредѣленномъ статьею 102 Положенія о выборахъ въ Государственную Думу, по изданію 1906 года.

Ст. 6. Избраніе Члена Государственной Думы въ собраніи выборщиковъ отъ русскаго населенія города Варшавы производится съ соблюденіемъ общихъ правилъ, установленныхъ для городскихъ избирательныхъ собраній въ губерніяхъ Царства Польскаго.

Подписалъ: Предсѣдатель Совѣта Министровъ *Столыпинъ.*

Приложеніе къ статьѣ 5-ой.

РОСПИСАНІЕ

Губерніи, обл. и города.	Число членовъ Государственной Думы.
I. По Европейской Россіи.	
1. Архангельская	2
2. Астраханская	4
3. Бессарабская	9
4. Виленская:	
отъ русскаго населенія	2
отъ прочаго населенія	5
5. Витебская	6
6. Владимірская	6
7. Вологодская	5
8. Волынская	13
9. Воронежская	12
10. Вятская	8
11. Гродненская	7
12. Область Войска Донского	12
13. Екатеринославская	10
14. Казанская	10
15. Калужская	5
16. Кіевская:	
отъ города Кіева	2 [1]
отъ прочихъ городовъ и отъ уѣздовъ	13
17. Ковенская:	
отъ русскаго населенія	1
отъ прочаго населенія	5
18. Костромская	6
19. Курляндская	3
20. Курская	11
21. Лифляндская:	
отъ города Риги	2 [2]
отъ прочихъ городовъ и отъ уѣздовъ	4
22. Минская	9
23. Могилевская	7
24. Московская:	
отъ города Москвы	4
отъ прочихъ городовъ и отъ уѣздовъ	6
25. Нижегородская	7
26. Новгородская	6
27. Олонецкая	3
28. Оренбургская	6
29. Орловская	9
30. Пензенская	6
31. Пермская	9
32. Подольская	13
33. Полтавская	12
34. Псковская	5
35. Рязанская	8
36. Самарская	13
37. С.-Петербургская:	
отъ города С.-Петербурга	6 [1]
отъ прочихъ городовъ и отъ уѣздовъ	4
38. Саратовская	11
39. Симбирская	6
40. Смоленская	6
41. Ставропольская	3
42. Таврическая	6
43. Тамбовская	12
44. Тверская	8
45. Тульская	6
46. Уфимская	8
47. Харьковская	11
48. Херсонская:	
отъ города Одессы	2 [2]
отъ прочихъ городовъ и отъ уѣздовъ	10
49. Черниговская	10
50. Эстляндская	3
51. Ярославская	5
Итого по Европейск. Россіи	403
II. По Царству Польскому.	
52. Варшавская:	
отъ города Варшавы	2 [3]
отъ прочихъ городовъ и отъ уѣздовъ	1
53. Калишская	1
54. Кѣлецкая	1
55. Ломжинская	1
56. Люблинская	1

Примѣчанія къ пунктамъ 1–29:

1) по одному отъ каждаго разряда избирателей.

2) по два отъ каждаго разряда избирателей.

Примѣчанія къ пунктамъ 30–56:

1) по три отъ каждаго разряда избирателей.

2) по одному отъ каждаго разряда избирателей.

3) въ томъ числѣ одинъ отъ русскаго населенія.

57. Петроковская:
отъ города Лодзи 1
отъ прочихъ городовъ и отъ уѣздовъ 1
58. Плоцкая 1
59. Радомская 1
60. Сувалкская 1
61. Сѣдлецкая 1
62. Отъ православнаго населенія Люблинской и Сѣдлецкой губерній 1

Итого по губ. Царства Польск. 14

III. По Кавказскому краю.

63. Отъ войскового населенія Кубанскаго казачьяго войска 1
64. Отъ войскового населенія Терскаго казачьяго войска. 1
65. Отъ населенія Кубанской и Терской областей, не принадлежащаго къ числу казаковъ, и отъ населенія Черноморской губерніи . . 1
66. Отъ Тифлисской губерніи . 1
67. Отъ Кутаисской губерніи . 1
68. Отъ губерній: Бакинской, Елизаветпольской и Эриванской 2
69. Отъ Карсской и Батумской областей и Сухумскаго округа 1
70. Отъ Дагестанской области и Закатальскаго округа . 1
71. Отъ русскаго населенія Закавказья 1

Итого по Кавказскому краю . 10

IV. По Азіатской Россіи.

72. Тобольская 3
73. Томская 4
74. Иркутская 1
75. Енисейская 1
76. Забайкальская область:
отъ войскового населенія Забайкальскаго казачьяго войска 1
отъ прочаго населенія . . 1
77. Амурская:
отъ городского и сельскаго населенія, не принадлежащаго къ числу инородцевъ и казаковъ 1
78. Приморская:
отъ городского и сельскаго населенія, не принадлежащаго къ числу инородцевъ и казаковъ 1
79. Отъ войскового населенія Уральскаго казачьяго войска 1
80. Отъ войскового населенія Амурскаго и Уссурійскаго казачьихъ войскъ 1

Итого по Азіатской Россіи . 15

Всего по Имперіи 442

Приложеніе къ статьѣ 8.

РОСПИСАНІЕ.

числа губернскихъ выборщиковъ.

Наименованіе губерній и уѣздовъ.	Число выборщиковъ.	Въ томъ числѣ: Отъ съѣзда уполномоченныхъ отъ волостей.	Отъ съѣзда землевладѣльцевъ.	Отъ 1-го съѣзда городскихъ избирателей.	Отъ 2-го съѣзда городскихъ избирателей.	Отъ губерн. съѣзда уполномочен. отъ рабочихъ.
1. Архангельская. . . .	46	9	26		10	1
2. Астраханская . . .	46	5 5*)	12	16	7	1
3. Бессарабская . . .	115	23	66	16	10	—
4. Виленская.	76	19	38	10	8	1
5. Витебская.	106	31	48	14	13	—
6. Владимірская . . .	89	13	38	18	14	6
7. Вологодск.	75	19	32	13	11	—
8. Волынская.	158	42	83	17	14	2
9. Воронежск.	140	35	75	15	13	2
10. Вятская . .	109	23	53	17	12	4
11. Гродненск.	107	38	44	12	11	2
12. Область войска Донск.	142	11 20	79	18	11	3
13. Екатеринославская .	108	18	62	15	9	4
14. Казанская.	117	33	50	18	14	2
15. Калужская.	77	14	35	14	12	2
16. Кіевская .	150	36	78	16	15	5
17. Ковенская.	75	23	35	9	8	—
18. Костромск.	90	17	42	13	13	5
19. Курляндск.	62	11	24	14	11	2
20. Курская. .	137	31	71	17	16	2
21. Лифляндская. . . .	78	12	43	10	10	3
22. Минская. .	137	41	71	12	11	2
23. Могилевск.	125	35	64	13	12	1
24. Московская.	94	15	42	15	13	9
25. Нижегородская . . .	100	21	50	15	12	2
26. Новгородская . . .	98	16	55	13	12	2
27. Олонецкая.	60	17	26	9	8	—
28. Оренбургск.	66	11 9	32	7	6	1
29. Орловская.	113	23	58	17	13	2
30. Пензенская.	92	22	47	11	10	2
31. Пермсквя .	120	26	59	17	13	5
32. Подольская	150	42	76	16	14	2
33. Полтавская.	155	21	100	17	16	1
34. Псковская.	70	14	38	10	8	—

*) Отъ волостей, отъ станицъ, отъ съѣзда уполномоченныхъ.

35. **Рязанская**	104	24	52	14	13	1
36. **Самарская**	131	33	76	13	8	1
37. **С.-Петербургская**	70	8	31	15	10	6
38. **Саратовская**	127	27	68	18	12	2
39. **Симбирская**	80	17	43	10	9	1
40. **Смоленская**	95	16	51	14	13	1
41. **Ставропольская** . . .	45	15	24		6	—
42. **Таврическая**	86	18	45	13	9	1
43. **Тамбовская**	125	26	70	14	13	2
44. **Тверская** .	106	22	54	15	13	2
45. Тульская .	92	16	46	15	13	[illegible]
46. Уфимская .	110	30	58	12	7	[illegible]
47. Харьковск.	134	30	71	17	12	[illegible]
48. Херсонская.	123	20	76	14	9	[illegible]
49. Черниговская . . .	127	26	65	17	17	[illegible]
50. Эстляндск.	46	6	26	7	5	[illegible]
51. Ярославск.	77	12	36	16	11	[illegible]
52. Тобольская.	46	10	25	11	—	—
53. Томская .	45	11	25		9	—

— ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. *Второе* изд. 1906 г. 24 стр. Цѣна 5 к.

Ѳ. Крюковъ. КАЗАЦКІЕ МОТИВЫ. 1907 г.—438 стр. Ц. 1 руб. Казачка.—Въ родныхъ мѣстахъ.—Станичники.—Изъ дневника учителя Васюхина.—Кладъ.—Картинки школьной жизни.—Къ источнику исцѣленій.—Встрѣча.

Н. Е. Кудринъ (Н. С. Русановъ). ОЧЕРКИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦІИ. *Второе* изд. 1903 г.—612 стр. Ц. 1 р. 50 к. Народъ и его характеръ. — Наука, литература и печать. — Борьба реакціи и прогресса въ идейной и политической сферахъ.—Дѣло Дрейфуса.—Идейное пробужденіе.

— ГАЛЛЕРЕЯ СОВРЕМЕННЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ЗНАМЕНИТОСТЕЙ. Съ 12 портрет. Изд. 1906 г. 499 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пастэръ. — Додэ. — Золя. — Клемансо. — Вальдекъ Руссо. — Комбъ. — Рошфоръ.—Жоресъ.—Гэдъ.—Анатоль Франсъ.—Поль Бурже.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). ИСТОРИЧЕСКІЯ ПИСЬМА. Изд. *третье*. 1906 г. — 380 стр. Ц. 1 р.

— ФОРМУЛА ПРОГРЕССА Н. К. МИХАЙЛОВСКАГО. НАУЧНЫЯ ОСНОВЫ ИСТОРІИ ЦИВИЛИЗАЦІИ. 1906 г. 143 стр. Цѣна 40 коп.

А. Леонтьевъ. РАВНОПРАВНОСТЬ. *Второе* изд. 1906 г. 16 стр. Цѣна 5 коп.

— СУДЪ И ЕГО НЕЗАВИСИМОСТЬ. Изд. 1905 г. 24 стр. Ц. 5 к.

Ек. Лѣткова. ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. I. Мертвая зыбь. *Третье* изд. 1906 г.—222 стр. Ц. 1 р.

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. II (распроданъ).

— ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ. Т. III. Изд. 1903 г. — 316 стр. Ц. 1 р. Рабъ.—Оборванная переписка.—На мельницѣ.—Облачко.—Безъ фамиліи (Софья Петровна и Таня).

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Записки бывшаго каторжника. Т. I. *Третье* изд. 1903 г.—386 стр. Ц. 1 р. 50 к. Въ преддверіи.—Шелаевскій рудникъ.—Ферганскій орленокъ.—Одиночество.

— ВЪ МІРѢ ОТВЕРЖЕННЫХЪ. Т. II. *Третье* изд. 1906 г.—402 стр. Ц. 1 р. 50 к. Съ товарищами.—Кобылка въ пути.—Среди сопокъ.—Эпилогъ.—Post-scriptum автора.

— ПАСЫНКИ ЖИЗНИ. Разсказы. *Второе* изд. 1903 г.—367 стр. Ц. 1 р. Юность (изъ воспоминаній неудачницы).—Пасынки жизни.—Чортовъ яръ.—Любимцы каторги.—Искорка.—Не досказанная правда.—На китайской рѣкѣ.—Ганя.

— ОЧЕРКИ РУССКОЙ ПОЭЗІИ. Изд. 1904 г. — 406 стр. Ц. 1 р. 50 к. Пушкинъ.—Некрасовъ.—Фетъ.—Тютчевъ.— Надсонъ. — Современныя миніатюры.—О старомъ и новомъ настроеніи.

— ВМѢСТО ШЛИССЕЛЬБУРГА. I. Вѣсти изъ политической каторги. *Л. Мельшина*. — II. На Амурской колесной дорогѣ. *Р. Бравскаго*. Изд. 1906 г.—40 стр. Ц. 8 коп.

Н. К. Михайловскій. СОЧИНЕНІЯ. Шесть томовъ по 2 р.

Т. I. Что такое прогрессъ?—Теорія Дарвина и общественная наука.—Аналогическій методъ въ общественной наукѣ.—Борьба за индивидуальность.—Вольница и подвижники.—Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1872 и 1873 гг.

Т. II. Преступленіе и наказаніе.—Герои и толпа.—Научныя письма.—Патологическая магія. — Изъ литературныхъ и журнальныхъ замѣтокъ 1874 г.

Т. III. Философія исторіи Луи Блана.—Вико и его „новая наука".—Новый историкъ еврейскаго народа.—Что такое счастье?—Записки Профана.

Т. IV. Жертва старой русской исторіи.—Идеализмъ, идолопоклонство и реализмъ. — Суздальцы и суздальская критика. — Карлъ Марксъ передъ судомъ г. Ю. Жуковскаго.—Въ перемежку.—Письма къ ученымъ людямъ.—Житейскія и художественныя драмы.—Литературныя замѣтки 1878—1880 г.г.

Т. V. Жестокій талантъ. — Гл. И. Успенскій. — Щедринъ. — Герой безвременья.—Н. В. Шелгуновъ.—Записки современника.—Письма посторонняго.

Т. VI. Вольтеръ.—Графъ Бисмаркъ.—Иванъ Грозный въ русской литературѣ.—Дневникъ читателя.—Письма о разныхъ разностяхъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Т. I. Изданіе *второе.* 1905 г. 504 стр. Ц. 2 руб. Мой первый литературный опытъ. „Разсвѣтъ". „Книжный Вѣстникъ". „Отеч. Записки".—Некрасовъ, Салтыковъ, Елисеевъ, Успенскій, Шелгуновъ.—О гр. Толстомъ. — Письмо К. Маркса. — Кающіеся дворяне. Идеалы и идолы. — Г. З. Елисеевъ.

— ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ и СОВРЕМЕННАЯ СМУТА. Томъ II. Изданіе *второе*—496 стр. Ц. 2 р. Нордау о вырожденіи. Декаденты, символисты, маги и проч.—Основы народничества Юзова.—Объ экономическомъ матеріализмѣ.—Изъ писемъ марксистовъ.—О Фр. Ничше.

— ОТКЛИКИ. Т. I. Изд. 1904 г. — 492 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1895 г. по январь 1897 г.

— ОТКЛИКИ. Т. II. Изд. 1904 г. — 431 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ января 1897 г. по декабрь 1898 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. I. Изд. 1905 г.—489 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ декабря 1898 г. по апрѣль 1901 г.

— ПОСЛѢДНІЯ СОЧИНЕНІЯ. Т. II. Изд. 1905 г. — 504 стр. Ц. 1 р. 50 к. Статьи съ сентября 1901 г. по янв. 1904 г. (мѣсяцъ смерти автора).

— Изъ романа „КАРЬЕРА ОЛАДУШКИНА". Изданіе 1906 г. 240 стр. Ц. 75 к.

В. А. Мякотинъ. ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКАГО ОБЩЕСТВА. Изд. *второе* 1906 г.—400 стр. Ц. 1 р. 25 к. Протопопъ Аввакумъ. — Кн. Щербатовъ.—На зарѣ русской общественности (Радищевъ).—Изъ Пушкинской эпохи.—Т. Н. Грановскій. — К. Д. Кавелинъ. — Памяти Глѣба Успенскаго. — Памяти Н. К. Михайловскаго.

— НАДО ЛИ ИДТИ ВЪ ДУМУ. Изд. *второе* 1906 г. 40 стр. Цѣна 10 коп.

А. О. Немировскій. НАПАСТЬ. Повѣсть (изъ холерной эпидеміи 1892 г.). Изд. 1898 г.—236 стр. Ц. 1 р.

А. А. Николаевъ. КООПЕРАЦІЯ. Изд. 1906 г. 56 стр. Ц. 10 к.

А. Б. Петрищевъ. ЦЕРКОВЬ И ШКОЛА. Изд. 1906 г. Ц. 15 к.

С. Подъячевъ. Т. I. МЫТАРСТВА.—Изд. 1905 г.—296 стр. Ц. 75 коп.—Московскій работный домъ.—По этапу.

— Т. II. СРЕДИ РАБОЧИХЪ. — Изд. 1905 г. — 287 стр. Цѣна 75 коп.

А. В. Пѣшехоновъ. ЗЕМЕЛЬНЫЯ НУЖДЫ ДЕРЕВНИ. Основныя задачи аграрной реформы. Изд. *третье* 1906 г.—155 стр. Цѣна 60 коп.

— КРЕСТЬЯНЕ И РАБОЧІЕ въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Изд. *третье* безъ перемѣнъ. 1906 г. 64 стр. Ц. 25 к.

А. В. Пѣшехоновъ. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВІЯ. *Второе* изд. 1906 г. 80 стр. Ц. 30 к.

— ХЛѢБЪ, СВѢТЪ и СВОБОДА. *Четвертое* изд. 1906 г. 84 стр. Ц. 10 к.

— АГРАРНАЯ ПРОБЛЕМА въ связи съ крестьянскимъ движеніемъ. Изд. 1906 г. 135 стр. Ц. 40 к.

— СУЩНОСТЬ АГРАРНОЙ ПРОБЛЕМЫ. Отдѣльный оттискъ изъ книги „Аграрная проблема". 1906 г. 32 стр. Ц. 6 к.

— КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ. 1906 г. 103 стр. Цѣна 25 коп.

— НАКАНУНѢ. Изд. 1906 г. 214 стр. Ц. 60 к.

— ПРОГРАММНЫЕ ВОПРОСЫ. Вып. I. Основныя положенія. Ц. 10 коп. Вып. II. Историческія предпосылки. Ц. 10 коп.

С. А. Савинкова. ГОДЫ СКОРБИ (Воспоминанія матери). Изд. 1906 г. 64 стр. Ц. 15 коп.

П. Тимофеевъ. ЧѢМЪ ЖИВЕТЪ ЗАВОДСКІЙ РАБОЧІЙ. 1906 г. 117 стр. Ц. 40 к.

Карлъ Шурцъ. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ НѢМЕЦКАГО РЕВОЛЮЦІОНЕРА. 1907 г.—132 стр. Ц. 30 к.

Викторъ Черновъ. МАРКСИЗМЪ и АГРАРНЫЙ ВОПРОСЪ. Историко-критическій очеркъ. Ч. I. Изд. 1906 г. 246 стр. Ц. 75 к.

Б. Эфруси. ОЧЕРКИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ. *Второе* изд. 1906 г.—274 стр. Ц. 1 руб.

С. Н. Южаковъ. «ДОБРОВОЛЕЦЪ ПЕТЕРБУРГЪ». Дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изд. 1894 г.—350 стр. Ц. 1 р. 50 к.
Въ странѣ хунхузовъ и тумановъ. — На теплыхъ водахъ.

П. Я. — П. Якубовичъ (Л. Мельшинъ). СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. I (1878—1897 гг.). *Пятое* изд. 1903 г.—282 стр. Ц. 1 р.

— СТИХОТВОРЕНІЯ. Т. II (1898 — 1905). *Третье*, дополненное, изд. 1906 г.—316 стр. Ц. 1 р.

— РУССКАЯ МУЗА. Избранныя, оригинальныя и переводныя, стихотворенія 112 русскихъ поэтовъ, съ краткими ихъ характеристиками. Компактный томъ въ два столбца; больше 30.000 стиховъ. Изд. 1904 г. Ц. 1 р. 75 к.

Въ конторѣ «Р. Б.» продаются и нѣкоторыя чужія изданія:

Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. Съ 29 портретами, 30 біографіями. Изд. 1907 г. въ пользу бывшихъ шлиссельб. узниковъ. Цѣна 3 р.

Л. Мельшинъ (П. Ф. Якубовичъ). ШЛИССЕЛЬБУРГСКІЕ МУЧЕНИКИ. Весь чистый сборъ въ пользу бывшихъ шлиссельбургскихъ узниковъ. Изд. 1906 г.—32 стр. Ц. 15 к.

М. Фроленко. МИЛОСТЬ. (Изъ воспоминаній объ Алексѣевскомъ равелинѣ). Изд. 1906 г. 16 стр. Ц. 10 к.

Вѣра Фигнеръ. СТИХОТВОРЕНІЯ. Изд. 1906 г. Ц. 20 к.

Въ защиту слова. СБОРНИКЪ СТАТЕЙ и СТИХОТВОРЕНІЙ: IV-е изданіе (удешевленное) безъ перемѣнъ. 225 стр. Ц. 75 к.

Эдмъ Шампьонъ. ФРАНЦІЯ НАКАНУНѢ РЕВОЛЮЦІИ по наказамъ 1789 года. 1906 г. 220 стр. Ц. 50 к.

Даніэль Стернъ. ИСТОРІЯ РЕВОЛЮЦІИ 1848 г.—Изд. 1907 г. Два тома, по 75 к. каждый.

С. Н. Южаковъ. ВОПРОСЫ ПРОСВѢЩЕНІЯ. Цѣна 1 р. 50 к.

— СОЦІОЛОГИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ. Т. II (т. I распроданъ). Цѣна 1 руб. 50 коп.

П. Л. Лавровъ (Миртовъ). НАРОДНИКИ И ПРОПАГАНДИСТЫ. Цѣна 1 руб.

СЪ НАЧАЛА.

I.

— Сегодня же и поѣзжайте на мѣсто!—строго сказалъ мнѣ на прощанье инспекторъ.

Я пообѣдалъ у своего товарища, Ѳедора Демьяныча Сушкова, тоже бывшаго сельскаго, а теперь городского учителя, взялъ свой багажъ—небольшой узелъ съ постелью и книгами—и пошелъ на городской перевозъ.

Мнѣ нужно переѣхать черезъ Волгу, потомъ сдѣлать верстъ двадцать на лошадяхъ въ глухое село Свинухи. Вѣроятно, сегодня вечеромъ я буду на новомъ мѣстѣ.

До перевоза меня провожаютъ двое: Ѳедоръ Демьянычъ и его помощница по школѣ, Настасья Гавриловна. Сегодня суббота; они рано кончили занятія и рады прогуляться. Кажется, они влюблены другъ въ друга, потому что вокругъ нихъ все какъ-то ласково, тепло и окружено сіяніемъ. Настасья Гавриловна недавно окончила учительскую семинарію и прямо со скамьи попала въ городъ учительницей. Она дѣвица крѣпкая, румяная, веселая блондинка. Ея свѣтлые, выпуклые глаза смотрятъ на всѣхъ людей съ какимъ-то радостнымъ удивленіемъ, точно она пріѣхала съ сосѣдней планеты, и всѣ земные предметы и люди возбуждаютъ въ ней изумленіе. Ѳедоръ Демьянычъ учительствуетъ уже десять лѣтъ. У него рябое съ какими-то шрамами на щекахъ лицо, высокій лобъ и умные, ласковые глаза.

Уѣздный городокъ находится на правой сторонѣ Волги, но расположился не на высокомъ и крутомъ берегу, а за нимъ, въ болотистой, закрытой котловинѣ. Почему городокъ запалъ въ сырую яму, когда могъ бы раскинуться по высокому берегу,—неизвѣстно. На самомъ красивомъ возвышеніи онъ устроилъ лишь городское кладбище. И въ этомъ была, можетъ быть, не сознанная, но тяжелая и чисто рус-

ская мысль. Дескать, всю жизнь ты мучился, бѣдный человѣкъ, въ свиной долинѣ, такъ хоть послѣ смерти покойся на прекрасномъ возвышеніи, наслаждайся вѣчно красивыми видами и пей чистый воздухъ.

На восемь тысячъ жителей въ городѣ шестнадцать церквей и десять винныхъ лавокъ. Если слушать колокольный звонъ съ Волги, то кажется, что звонятъ подъ землей.

Изъ города перекинулась черезъ гребень и спускалась извилинами къ водѣ дорога. По ней взадъ и впередъ сновали, точно муравьи по протоптанной ими дорожкѣ, рабочіе съ лошадьми, возами и порожняки. Время осеннее, горячее, хлѣбное. Ожилъ и заплѣсневѣвшій городокъ.

Мы поднялись на высокій берегъ и присѣли отдохнуть на лавочкѣ.

Сѣрый, безъ тѣней, день. Волга тянется между берегами, какъ исполинское зеркало. Полукруглымъ, широкимъ изгибомъ она выкатилась изъ-за горы и спокойно, сразу всею своею шириною поплыла внизъ, налегая краями на безмолвные и тяжелые берега. И только тамъ, въ туманной дали, берега стали легкими, прозрачными; зеркало воды отдѣлилось отъ нихъ какими-то бѣлыми воздушными полосами и слилось съ далекимъ небомъ. Вдали, какъ прозрачное синее пятно, виднѣется пароходъ. Кажется, что онъ спускается съ неба на землю.

На берегу у воды копошатся люди, стоятъ сонныя баржи и двѣ пароходныхъ пристани. Слышатся крики, смѣхъ, стукъ пароходныхъ колесъ и свистки. Звуки мягкіе, расплывчатые, такіе же сѣрые, безъ рѣзкихъ оттѣнковъ и очертаній, какъ и этотъ безцвѣтный день. Звуки носятся надъ широкой рѣкой и мирно, покорно сливаются съ ея вздохами, съ дыханіемъ и шепотомъ заволжскихъ лѣсовъ. Сѣрая, влажная мгла закутываетъ ихъ, отнимаетъ всю яркость и силу. Она повисла надъ горами, надъ рѣкою и лѣсами, мягкая, робкая, грустно-покорная.

Среди Волги идетъ перевозъ: небольшой пароходъ и баржа, набитая телѣгами и лошадьми. Кое-гдѣ по водѣ видны лодки. И перевозъ, и лодки кажутся неподвижными.

— Во-о-онъ тамъ твои Свинухи!—показалъ пальцемъ за Волгу Сушковъ.—Видишь, темный лѣсъ, а тамъ степь. Въ степи глиняный оврагъ, а въ оврагѣ и Свинухи. Истинные, братецъ, Свинухи! Мнѣ кажется,—пошли туда цѣлый университетъ, а не то что меня али тебя, такъ и то они Свинухами останутся.

Я старался разглядѣть, гдѣ расположены эти самые несчастныя Свинухи, куда я ѣду учителемъ, можетъ быть, на

многіе годы. Съ высокаго берега открывался широкій видъ на всѣ стороны. За Волгой, здѣсь и тамъ, среди моря лѣсовъ, точно грязныя пятна, полегли рѣдкія деревни; несмѣло поднимаются надъ ними бѣлыя колокольни убогихъ церквей. И кажется, что подуетъ вѣтеръ—разволнуется вмѣстѣ съ Волгой зеленое лѣсное море и захлестнетъ своими волнами жалкія, насиженныя людьми, пятна убогой культуры. Съ досадой я рѣшилъ не смотрѣть, гдѣ расположены Свинухи. Все равно, сегодня буду тамъ и увижу.

— Э-э-э! Да перевозъ, кажется, на ту сторону поѣхалъ,—сказалъ Сушковъ.—Долго тебѣ ждать придется. Запоздаешь. Поѣдемъ, я тебя на лодкѣ перевезу. Поѣдете, Настасья Гавриловна?

Настасья Гавриловна согласилась. Мы пошли внизъ.

Саженяхъ въ двадцати отъ воды крутой берегъ понижался и входилъ въ воду осторожной, покатой отмывиной. Въ изгибѣ этой отмывины запала небольшая бухта, гдѣ стояли лодки. Но вчера къ берегу причалилъ плотъ и загородилъ въ маленькой бухтѣ всѣ лодки. Плотъ выгружало восемь рабочихъ. Они положили съ плота на берегъ двѣ тонкихъ лѣсины, зацѣпляли бревна возжами, тащили съ двухъ концовъ по осмыганнымъ, скользкимъ лѣсинамъ на берегъ и складывали въ кучу. Каждый конецъ бревна тащило по трое мужиковъ; остальные двое стояли на плоту, задѣвали кольями новыя бревна и накатывали ихъ на лѣсины. Мужики работали съ бранью, съ криками. Голоса у нихъ сиплые; лица злыя.

Повыше, у отвѣснаго берега, стояла сторожевая избушка, въ которой поселился временно хозяинъ плота, васильсурскій купецъ Требушковъ.

Мы съ Сушковымъ подошли къ рабочимъ.

— Послушайте, братцы! Какъ же намъ лодку взять? Вы ее тутъ совсѣмъ загородили,—обратился къ мужикамъ Сушковъ.

— Какъ взять! — захрипѣлъ рыжій мужикъ. — Руками взять-то, вотъ оно что. Руками...

Онъ растопырилъ заскорузлые пальцы и хапнулъ ими воздухъ, показывая, какъ взять лодку. Рубаха на груди у него разстегнута; голова лохматая безъ шапки; лицо въ грязныхъ полосахъ пота, который струился изъ копны волосъ по носу, щекамъ и шеѣ.

— Возьми вотъ, сними щеблеты-те, да портки-те, иди въ воду, вынь на берегъ и снеси на чистое мѣсто,—добавилъ рыжій.

Сушковъ забезпокоился.

— Непорядки, мужички! Вѣдь это вы загородили лодку, такъ вы и перенесите... Не нашъ плотъ...

— Ну, и не нашъ!—озлобленно закричалъ рыжій.

Выскочилъ другой, черный, тоже лохматый, маленькій мужиченко и закричалъ на Сушкова со злобой, съ бѣлой накипью въ углахъ губъ.

— Да ты што тутъ пришелъ за распорядитель такой! Откудашній ты! Чортъ изъ колодца, чортъ изъ болотца... Много васъ. Шляетесь тутъ, да бездѣльничаете... Смотри, какъ бы копыта не посшибали...

Сушковъ поблѣднѣлъ. Я удержалъ его за руку, чтобы онъ больше не разговаривалъ. Мы пошли къ хозяину плота.

Услышавъ крупный разговоръ, Настасья Гавриловна пошла къ намъ. Но Сушковъ махнулъ ей, чтобы не ходила.

Окно въ сторожкѣ было раскрыто. Купецъ Требушковъ сидѣлъ за столомъ и пилъ чай. Мы подошли къ окну. Сушковъ впереди.

— Позвольте познакомиться... Здѣшніе учителя...

Купецъ Требушковъ очень любезно вскочилъ, вышелъ изъ избушки, раскланивался съ нами и говорилъ, улыбаясь:

— Очень пріятно-съ. Чѣмъ могу высказать?

— Да вотъ, вашъ плотъ нашу лодку загородилъ. Такъ велѣли бы вы рабочимъ ее на чистое мѣсто вытащить... Вѣдь это вашъ плотъ?

— Нашъ. Самосильно, нашъ. Извините, хотѣли пристать повыше, да не вышло, съ теченіемъ не сладили.

— Такъ лодку велите вытащить?

— Сею минуту. Съ великимъ нашимъ удовольствіемъ.

Требушковъ надѣлъ поддевку, картузъ, который примялъ на головѣ обѣими ладонями, и, поглаживая себя по жилеткѣ, пошелъ съ нами къ мужикамъ. Они тащили уже новое бревно, кричали, ругались, тянули изо всѣхъ силъ, падали въ мокрый песокъ, перемѣшанный съ мелкой галькой.

— Эй, мужички! Перетащите господамъ учителямъ ихнюю лодку на чистое мѣсто.

Мужики побросали веревки и покорно пошли къ лодкамъ.

— Которая ваша лодка-то?—спросилъ рыжій.

— Вотъ!—накинулся на него черный. Али не знаешь учителеву лодку?! Ну, тащи, лѣзь, Кузьма, въ воду, бери за носъ!

— Дружнѣй, робяты, хватайся, ну-у!

Лодка выползла на песокъ. Ухватившись за борты, мужики потащили ее по неглубокой водѣ вдоль самаго берега.

— Полюбовно надо дѣло дѣлать,—говорилъ рыжій.— Такъ завсягды лучше. Полюбовно. Дружнѣй, робяты.

— Нихчому было и къ купцу ходить,—укоризненно бормоталъ черный, вынимая изъ мокраго песка ноги.—Сказалъ бы,—лодку, молъ, мужички, вытащить... По доброму бы сказалъ. Мы и вытащили бы... А къ Требушкову нихчому.

Лодка соскользнула въ воду и закачалась.

— Катайтесь на доброе здоровье,—осклабился рыжій. И почесалъ въ затылкѣ.—На чаекъ бы...

Прочіе мужики тоже стояли молча, выжидательно.

Сушковъ далъ рыжему двугривенный. Всѣ мужики поклонились и пошли къ плоту по мелкой водѣ, отмывая отъ грязи ноги.

— Ты сбѣгалъ бы, Прокофій, за полбутылкой. Страсть выпить хочется!—послышался голосъ рыжаго.

Сушковъ съ Настасьей Гавриловной сѣли въ весла, а я на корму. Два-три удара веселъ, и мы выскользнули на стрежень. Лодка дрогнула и понеслась внизъ. Берегъ плавно закачался и всею своей тяжелой громадой, съ могильными крестами въ вышинѣ, съ кучею бревенъ, мужиками, пристанями, двинулся вверхъ. Быстрѣе пошли по небу сѣрыя облака. Мужики на берегу уже чуть видны; они копошатся тамъ, точно маленькіе разноцвѣтные жуки, и узоры обрывистаго берега теряютъ свои ясныя очертанія. Далеко, далеко стучитъ колесами пароходъ. Чуткая вода ясно доноситъ удары; слышно даже, какъ они стучатся въ дно лодки. Чѣмъ ближе мы къ срединѣ, тѣмъ шире и шире развертывается надъ нами сѣрое небо.

Сушковъ взмахиваетъ веслами широко, ровно и сильно. Его рябое лицо покраснѣло отъ напряженія и покрылось пôтомъ. Настасья Гавриловна поспѣваетъ за нимъ съ трудомъ. Размахъ ея слабѣе. Ей мѣшаетъ высокая грудь, платье въ талію. Она тоже закраснѣлась. Волоса сбиваются ей на лицо на глаза. Ей хорошо рядомъ съ Сушковымъ. Она еле сдерживается, чтобы не засмѣяться отъ усталости и радости.

— Потише, Ѳедоръ Демьянычъ. Я не поспѣю за вами.

Въ голосѣ ея слышится ласка.

Ѳедоръ Демьянычъ тоже ласково ворчитъ:

— Ну, вотъ и не поспѣю. А еще, туда же, въ весла напросилась.

Весла гнутся. Съ концовъ соскальзываютъ въ воду и долго кружатся за нами попарно свѣтлыя воронки. Вода шумливо болтаетъ подъ лодкой какой-то вздоръ. Мы всѣ сидимъ сосредоточенные, напряженные. Я держу ровно подъ угломъ къ теченію лодку, а они машутъ веслами упорно, безъостановочно.

Вотъ и берегъ близко. Теченіе стало тише. Сушковъ положилъ свое весло.

— Теперь ты греби, а мы отдохнемъ,—сказалъ онъ.

Я началъ грести рулевымъ весломъ къ пристани вдоль берега. Лодка пошла свободно. Сушковъ напутственно заговорилъ:

— Ну, братъ, до свиданья. На святки пріѣзжай къ намъ въ городъ. Зимой близко по льду-то. Послѣ Свинуховъ у насъ тебѣ, какъ въ столицѣ, покажется. Пиши намъ. Не унывай.

II.

Мнѣ стало грустно. Я почувствовалъ себя одинокимъ на песчаной отмели, среди цѣлаго озера возовъ, среди шума и гама мужиковъ. Шла спѣшная погрузка возовъ на баржу. Сегодня суббота; скопилось очень много народу, такъ что врядъ ли удастся перевезти всѣхъ засвѣтло. Придется работать и ночью.

На широкихъ сходняхъ по обѣимъ сторонамъ у перилъ стоятъ двое полицейскихъ, чтобы слѣдить за порядкомъ. У обоихъ лица красныя, точно кирпичемъ натертыя. Сабли на боку и пистолеты въ кобурѣ должны внушать мужикамъ страхъ; но для обычнаго употребленія у каждаго въ рукахъ по палкѣ. Полицейскіе смотрѣли на мужиковъ злобно, точно ежеминутно ожидали отъ нихъ нападенія.

Къ полицейскому подошелъ съ боку мужикъ.

— Чего тебѣ? Куда прешь?—закричалъ на него полицейскій.

— Нашъ чередъ таперича, вашбларodь...

Мужикъ что-то сунулъ полицейскому въ клешню, на которой была надѣта перчатка.

— Ну, проѣзжай, чортова голова, скорѣе, коли твоя очередь! Чего ротъ разинулъ, сивалдай? Не знаешь своей очереди?!

Мужикъ радостно заторопился, и одинъ за другимъ гуськомъ потянулось девять возовъ.

— Ишь, далъ ему, сунулъ, вотъ и ѣдетъ!—шептали въ сторонѣ мужики.—Эка деньги-то, деньги что дѣлаютъ! Богъ-не Богъ, а полбога есть. А безъ денегъ ты—трава, можно сказать, дымъ одинъ. Дунулъ на тебя—и нѣтъ...

И пошли перебирать отъ скуки весь запасъ своей мудрости.

Вдругъ одинъ небольшой мужиченко въ сѣромъ запыленномъ армякѣ, въ лаптяхъ, взмахнулъ руками, схватилъ свою чалую, заморенную и тоже пыльную лошаденку подъ уздцы и рѣшительно сказалъ:

— За деньги пущаютъ! А коли нѣтъ у меня денегъ, издыхать, что ли? Цѣлый день стою...

Сѣрое лицо его передергивалось отъ волненія и негодованія; все его худое тѣло выражало протестъ; движенія стали размашисты,—въ нихъ была трусливая рѣшимость. Лошадь его такъ застоялась, что вытянула шею и не хотѣла идти. Онъ зачмокалъ. Лошадь перевилась въ оглобляхъ, подпрыгнула, ребра заходили подъ кожей, и возъ, пересыпая колесами песокъ, тронулся на сходни.

Полицейскій, стоявшій слѣва, подошелъ къ мужику молча и сталъ его бить палкой. Изъ мужикова армяка полетѣла пыль. Такъ какъ вѣтру не было, то скоро и полицейскій, и мужикъ скрылись въ облакѣ пыли. Только видно было сквозь туманъ, какъ двигались на мосту двѣ тѣни: одна, высокая, махала рукой, а другая, сутулая, старалась отъ первой тѣни скрыться. Наконецъ, полицейскій, совсѣмъ багровый, отошелъ къ периламъ и, скашивая въ сторону кровавые глаза, выругался:

— Ишь, гужеѣдъ проклятый, самовольничать вздумалъ!..

Все стояло тихо, мирно; немного покачнувшійся на бокъ пароходикъ притаился за широкой спиной баржи; толпа мужиковъ, лошадей, стайка куликовъ на мокромъ пескѣ... Облако пыли откачнулось въ сторону. На мѣстѣ двухъ тѣней остался одинъ мужикъ. Онъ ползалъ и искалъ на землѣ шапку. Къ нему подошелъ другой мужикъ и сказалъ:

— Скажи спасибо его благородію, что онъ изъ тебя пыль-то выбилъ. Въ городъ, братъ, пыльному не полагается. Городъ—не своя деревня.

Засмѣялись. Мужиченко нашелъ шапку, надѣлъ ее, вытеръ рукавомъ слюнявую бороду, пошелъ къ своему возу и ударилъ смирно стоявшую лошадь кулакомъ по мордѣ. Лошадь подалась назадъ, и возъ снова сталъ на старое мѣсто. Мужикъ отвернулся и размазалъ по лицу навернувшіяся слезы.

Одинъ молодой парень смѣялся, захлебываясь, точно пилъ горячій чай. Онъ подошелъ къ битому, но долго не могъ отъ смѣха выговорить ни слова. Наконецъ, пересталъ хлебать и сказалъ:

— А вѣдь не побей онъ тебя, ты и въ разумъ бы не пришелъ.

И снова началъ хлебать горячій чай.

Въ сторонѣ стояло нѣсколько порожнихъ телѣгъ. Мужики собирались къ отъѣзду въ деревню. Одинъ старикъ изъ села Востроносовки за полтину согласился довезти меня до Свинуховъ.

— Какъ тебя звать-то, сынокъ?—спросилъ онъ меня, прищуривая сѣрые, подъ густыми бровями, глаза.

— Петромъ, дѣдушка.

— Святого апостола Петра именинничекъ. Та-а-акъ! А меня Харлампіемъ зовутъ. Великомученика Харлампія святое имя ношу и такъ же, какъ и онъ, всю жизнь мучаюсь. Вотъ я сейчасъ гужи немного подкручу и поѣдемъ. Гужи поослабѣли. Садись въ телѣгу-то, усаживайся.

Дѣдушка Харлампій былъ похожъ на ежа, когда, облѣпленный кругомъ пожелтѣвшей листвой, спѣшитъ онъ осенью въ свое логово, осторожно пробираясь между кустами. При всякомъ шорохѣ онъ останавливается, прислушивается, угрожающе сопитъ носомъ и шевелитъ колючками. Горбатая отъ старости спина, крючками ноги и руки, всклокоченная борода, голова безъ шапки и заросшее волосами лицо. Даже на концѣ носа у него выросла прядь блѣдно-желтыхъ волосъ. Поэтому вся голова походила на мохнатый шаръ; этотъ шаръ оживляли два свѣтлыхъ, бойкихъ глаза.

— Побили мужика,—сказалъ дѣдъ Харлампій, садясь въ телѣгу и хлестнувъ по лошади кнутомъ.

— Но-о-о ты, дохлая!.. Побили мужичка, дурачка. Да и какъ его не бить, если онъ самъ свою шею всякому подставляетъ. Будешь сладкимъ—разлижутъ, это вѣрно пословица говоритъ... Но-о-о ты, дохлая!

Лошаденка у него черная, но отъ пыли стала голубая. Скоро на ея запыленной спинѣ, точно карта желѣзныхъ дорогъ, образовалась сѣть переплетающихся полосъ отъ ударовъ кнута. Она шла рысью неохотно и часто останавливалась и фыркала.

— Должно, дождикъ будетъ!—сказалъ Харлампій, оглядывая небо.—Что-то Вороной у насъ пофыркиваетъ. Но-о-о ты, драть тебя съ хвоста.

И по спинѣ Вороного протянулась новая полоса.

— Диви бы, чужіе были, а то вѣдь нашинскіе мужики-то, эти полицейскіе, изъ Вахрушина. А своего мужика, стервецы, побили. Народъ-то—чистые кобели. Живутъ два брата, кобеля, сосутъ одну матку, одну кость гложутъ. Попадутъ кобели къ разнымъ хозяевамъ—и ни за что готовы другъ другу горло перервать,—только хозяинъ свистни... Но-о, ты, материнъ сынъ, отцовъ пасынокъ!

Мы ѣхали, то удаляясь, то приближаясь къ рѣкѣ. Берегъ поднимался и становился обрывистымъ. Дорога вилась между холмами. Изъ-подъ берега къ самой дорогѣ иногда подползали кусты тальника и съ любопытствомъ заглядывали въ далекое поле. Телѣга мягко катилась по ровной, пыльной дорогѣ. Только внизу что-то неустанно и назойливо верещало, точно грифель по аспидной доскѣ. Воздухъ сырѣлъ. Пыль не взлетала изъ-подъ колесъ, не клубилась легкимъ

дымомъ, а переливалась надъ землею, точно длинное, сѣрое полотно, и снова ложилась на грязный подорожникъ и обломанную лебеду.

— Лѣснымъ сторожемъ я былъ,—говорилъ дѣдъ Харлампій,—со звѣрями жилъ. И сказать тебѣ правду, Петра... А какъ тебя по батюшкѣ величаютъ? Григорьичемъ! Такъ сказать тебѣ правду, Петра Григорьичъ, со звѣрями лучше жить, чѣмъ съ людьми. Привольнѣе. Звѣрь тебя даромъ не обидитъ,—нѣ-э-этъ! А человѣкъ обидитъ...

Темнѣло. Сѣрыя тучи спустились ниже, точно придавили землю. Становилось неуютно и скучно. Вспоминалась освѣщенная комната и удивленно ласковый взглядъ Настасьи Гавриловны. Волга, отражавшая небо и горы, потускнѣла, ослѣпла. Она задымилась сѣрыми туманами. И вся природа грустно, безнадежно блекла и умирала.

— А ужъ я ли не смиряюсь,—продолжая свои мысли, заговорилъ опять Харлампій.—Какъ Авраамъ. Вотъ со мной нынѣшней весной какой случай былъ. Сижу около своей избы, смотрю,—идетъ странникъ. Я побѣжалъ къ нему, упалъ на колѣни и говорю: „божій человѣкъ, не пройди мимо раба твоего, зайди въ мой домъ, раздѣли со мной трапезу.“ Привелъ я его въ домъ и оставилъ у себя жить.

— Ухожу я однова изъ дому, прихожу, а моего странника нѣтъ. Гляжу туда, сюда,—армяка моего и бриздолета нѣту... Бриздолетъ у меня старинный!.. Я за странникомъ побѣжалъ, догналъ и говорю ему...

Зазвучавшій было мотивъ библейскаго разсказа исчезъ, и поэтическое умиленіе дѣда смѣнилось другимъ настроеніемъ.

— И говорю ему: „Что-же это ты, божій человѣкъ, сдѣлалъ? Я тебя призрѣлъ, пригрѣлъ, напоилъ, накормилъ, а ты вонъ что сдѣлалъ: меня имущества моего лишилъ. Какъ же это такъ, милый ты человѣкъ? А! Мошенникъ ты эдакій! Эхъ ты, паскуда!—закончилъ дѣдъ съ явнымъ озлобленіемъ.

— Вотъ и маюсь такъ-то съ людьми. Маюсь, и сдержать себя не могу. Горячъ я очень. Миколаевская злобость во мнѣ. Никакъ не могу ее утишить. Подъ камень клалъ—не беретъ. Благодарю Бога и родителей, что грамотѣ меня не обучили.

— Почему такъ?—удивился я.

— А кабы я грамотный былъ, такъ меня давно и въ живыхъ-то не было бы. Спуску я никому бы не давалъ... Вотъ на службѣ на военной и вездѣ такъ: что, да почему, да какое у тебя право?.. Буйный я. Мысли у меня, какъ картечь, изъ головы во всѣ стороны—и впередъ, и назадъ. А если бы я ученый-то былъ,—бѣда!..

И дѣдъ кривыми растопыренными пальцами показалъ, какъ поражала бы людей его ученая мысль.

— Сколько бы народу перебило!.. Она, наука-то, глупому не въ пользу, а умному и во вредъ бываетъ.

— Какъ во вредъ? Развѣ вредно все понимать?

— А зачѣмъ понимать-то?—таинственно зашепталъ дѣдъ, точно боялся, что насъ кто-нибудь можетъ подслушать.— Вотъ я понимаю, что полицейскій напрасно мужичка побилъ. Такъ легче ли мнѣ отъ этого?.. Какъ говоритъ Соломонъ: „Кто умножитъ познаніе, умножитъ скорбь". Эхъ, родной! Живу я на свѣтѣ восьмой десятокъ и вижу: умножилась въ мірѣ скорбь, сильно умножилась. Скорбь и злоба. Правды нѣтъ на землѣ, а вся неправда отъ сильныхъ. Охъ, тяжелые годы настанутъ, тяжелые. Чую я, вотъ какъ чую... Кто мнѣ говоритъ объ этомъ—и самъ не знаю. Небо ли, лѣсъ ли, вся ли моя долгая жизнь...

Дѣдъ мечтательно умолкъ.

Что-то грустное зарождалось отовсюду. Грусть сочилась изъ земли, падала сѣрыми облаками съ неба, сырымъ холодомъ пробиралась изъ рѣки и охватывала душу томленіемъ безпривѣтливаго одиночества, робкой слабости.

Сверху бѣжалъ пассажирскій пароходъ. Снизу, невдалекѣ отъ насъ, съ широкими одутлыми боками тащился буксирный и везъ за собой четыре баржи. Пассажирскій пароходъ весело и легко стучалъ колесами, подвигался быстро, точно скатывался по гладкому льду, и блестѣлъ въ многочисленныя окна электрическими огнями, точно весь горѣлъ внутри.

Буксирный шелъ во мракѣ, угрюмо, только на его мачтѣ высоко свѣтился слезою зеленый фонарь. Онъ двигался медленно и тяжело бухалъ по водѣ своими несоразмѣрно большими, точно рачьи клешни, колесами.

Пассажирскій вдругъ засвистѣлъ задорнымъ, бойкимъ теноромъ, точно кричалъ: „Эй, мужикъ, держи вправо!"

Буксирный отвѣчалъ хриплымъ, надтреснутымъ басомъ вяло и неохотно, какъ человѣкъ подъ тяжелой ношей: дескать, ладно, слышу! Не ори, пустоплясъ, и безъ тебя скверно на душѣ.

Пассажирскій пароходъ уже далеко ушелъ, скрылся за поворотомъ, а буксирный все еще стучалъ своими тяжелыми плицами около, и въ сѣромъ сумракѣ вечера все еще виднѣлись и его одутлые бока, и черная труба, и такъ же скучно, какъ безнадежная жизнь, тянулись за нимъ безмолвныя, темныя баржи.

Казалось, само небо падаетъ клочьями на землю. Тучи

спустились совсѣмъ низко, поползли по полямъ грязнымъ туманомъ.

Онѣ скатывались въ долины, охватывали кусты, шмыгали подъ деревьями, точно искали чего-то по тусклому полю, по безмолвнымъ перелѣскамъ.

Чудилось: доселѣ неповинно-печальные лѣса, поля, долины, холмы, увлекаемые прилипчивымъ сѣрымъ туманомъ, вдругъ закачались и куда-то поплыли, какъ льдины въ половодье.

Даль приближала къ намъ со всѣхъ сторонъ свое мутное, безглазое лицо, смыкалась надъ нашими головами мѣшкомъ.

Стало холодно сразу, точно мы опустились въ колодезь Дѣдъ Харлампій отыскалъ въ соломѣ рваную шапченку и накрылъ ею копну перепутавшихся волосъ; одѣлъ старый азямъ.

Пошелъ мелкій, непрерывный дождь. Пыльная дорога скоро размякла. Мы поѣхали шагомъ. Харлампій уже не гналъ лошадь. Онъ прижался въ передній уголъ телѣги и лишь изрѣдка чмокалъ губами, чтобы лошадь не подумала, что онъ спитъ.

Наконецъ, все потонуло во тьмѣ. Тьма отъ земли до неба. Тьма, когда свѣтлый день кажется невозможнымъ. Человѣкъ перестаетъ чувствовать свои границы: то кажется, что тѣло сдѣлалось маленькимъ, какъ у козявки, то будто раздалось во всѣ стороны, стало широкимъ и окрылилось безконечнымъ мракомъ.

Телѣга мягко перекатывается со стороны на сторону. Колеса хлюпаютъ и шуршатъ въ жидкой грязи.

Это напоминаетъ всплески волнъ о дно лодки. Временами, дѣйствительно, кажется, что мы ѣдемъ на лодкѣ по водѣ. Иногда же сдается, что мы стоимъ на одномъ мѣстѣ, а телѣгу нашу нарочно кто-то толкаетъ и качаетъ, чтобы ѕсона омануть.

я Эти настроенія, вѣроятно, владѣютъ и Харлампіемъ. Онъ другъ встрепенулся. Ему хочется провѣрить дѣйствительность.

— Ночь-то темна, лошадь-то черна, ѣду, ѣду, да пощупаю! Но, ты, дохлая!

Послышался мягкій ударъ мокрымъ кнутомъ по мокрому тѣлу. Однако, лошадь шагу не прибавила.

— Скоро ли, дѣдушка?—съ тоской спрашиваю я.

Голосъ мой кажется мнѣ страннымъ, точно говорю не я, а кто-то другой, рядомъ.

— А хто ее знаетъ. Надо быть, скоро... Ничего не видно. Вишь, темь какая, какъ у грѣшника на душѣ.

Ѣдемъ снова и долго. Я уже теряю надежду когда-

нибудь пріѣхать въ село. Меня промочило насквозь, и я сижу, не шевелясь. Мнѣ кажется, что ѣду я въ этомъ мракѣ съ самаго моего рожденія.

Издалека доносится стукъ пароходныхъ колесъ объ воду. Точно кто-то куетъ въ глубинѣ земли, часто стучитъ тяжелыми молотками. Слышенъ далекій свистокъ парохода, похожій на стонъ. Будто кто-то затерялся въ этомъ страшномъ мракѣ и кричитъ изъ послѣднихъ силъ, зоветъ безъ надежды на помощь.

— Харлампій!—съ тоской говорю я.

Старикъ пошевелился. Онъ безъ словъ понимаетъ меня.

— Теперь, надо быть, скоро.

И опять оцѣпенѣлъ.

Когда мы молчимъ, тьма налетаетъ на насъ плотнѣе, тяжелѣе. Дождь не сѣчетъ, не стучитъ каплями. Точно сама мокрая тьма обхватываетъ все встрѣчное и источаетъ воду. Кто-то умываетъ мнѣ лицо и руки мокрою кисеею и силится напитать холодной влагой самое тѣло.

III.

Вдругъ мы ухнули куда-то внизъ. Лошадь побѣжала быстро.

— Тр-р-р, дьяволъ! Заскакала подъ гору-то. Ну, вотъ и Свинухи! Пріѣхали.

— Да гдѣ же село?—спросилъ я недовѣрчиво.

— Вотъ оно. Это спускъ въ оврагъ... А тамъ внизу-то и Свинухи.

Въ самомъ дѣлѣ, впереди въ мокромъ мракѣ блеснулъ огонь. Тявкнула, словно для очистки совѣсти, по долгу собачьей службы, дворняжка. Сторожъ ударилъ въ колоколъ часы. Звуки грустные, таинственно печальные. Подъ ночные звуки колокола почему-то всегда думается о смерти, о вѣчности... Въ деревняхъ, заслышавъ звонъ часового колокола, говорятъ: „Мертвецовъ на водопой погнали".

Пробило девять часовъ.

— Куда ты ночевать-то?—спросилъ Харлампій.—Фатера твоя, чай, нетопленая, да и заперта, поди.

— Не знаю, дѣдушка! Кто здѣсь въ селѣ не изъ мужиковъ-то?

— Да, вѣдь, кто тутъ! Попъ, да дьячокъ, да царевъ кабачокъ?

— Ну, вотъ и поѣдемъ къ дьячку. Чай, приметъ.

Мы переѣхали навозную плотину, огородившую стоячій и вонючій прудъ. Должно быть, тучи немного раздвинулись

надъ нами: видны дома; бѣлымъ столбомъ брезжитъ во мракѣ колокольня. Налѣво слезливо мигаетъ въ окнѣ огонь.

— Вотъ онъ и не спитъ, псаломщикъ-то,—сказалъ дѣдъ.

Лошадь остановилась у воротъ. Грязное и маленькое оконце свѣтило чуть-чуть, точно нарисованное на картинѣ. Но за то кругомъ все окончательно тонуло въ темнотѣ. Дѣдъ скатился чернымъ комомъ черезъ наклеску и куда-то пропалъ, точно провалился въ землю. За нимъ свалился и я. Ноги отсидѣлись. По подошвамъ забѣгали иголки. Стало смѣшно и больно.

— Сюда ступай!—приглашалъ изъ темноты дѣдъ.

Я нащупалъ калитку и пошелъ во дворъ. Захрюкала капризно, со слезами въ голосѣ, свинья. Хлюпала подъ ногами грязь.

— Сюда, сюда иди! А тамъ на свиней наступишь,—приглашалъ дѣдъ.

Онъ, точно духъ, былъ невидимъ, а голосъ его раздавался то направо, то налѣво отъ меня. Наконецъ, я его нащупалъ около двери.

Вошли въ избу. Налѣво печь; остальная часть избы перегорожена пополамъ. Въ передней половинѣ за перегородкой былъ свѣтъ.

— Кто тамъ?—спросилъ оттуда разбитый голосъ.

— Это я, востроносовскій Харлампій.

— Ты что же, къ моей милости пришелъ?

— Вотъ баринъ тутъ...

— Какой баринъ?

— Учитель новый...

Псаломщикъ испуганно выглянулъ изъ-за перегородки. Я увидѣлъ толстое, бритое, какъ у актера, заскорузлое лицо съ выпуклыми глазами.

— Милости прошу, — сказалъ онъ недоумѣвающимъ тономъ.

— Извините, я только что пріѣхалъ въ Свинухи. Ночевать негдѣ, такъ я прошу васъ, пріютите меня на ночь.

— Это можно... Только не знаю, понравится ли вамъ у меня. Не уютно, не казисто...

— Ничего.

Въ избѣ у него было, дѣйствительно, неуютно. Всѣ стѣны ободраны, точно хозяинъ собирался оклеивать избу новыми обоями и ободралъ старыя, но новыми не оклеилъ. Полъ грязный. Двѣ скамейки и столъ—вся мебель. Пахло сыростью и гнилью, какъ въ погребѣ. Хозяинъ одѣтъ въ валенки и тулупъ. Въ комнатѣ холодно, мнѣ показалось даже холоднѣе, чѣмъ въ полѣ. У меня сразу застучали зубы. По всему тѣлу пошла утомительная, лихорадочная дрожь.

— Надо, пожалуй, печку протопить, а? Какъ вы думаете?!—спросилъ хозяинъ, замѣтивъ, что я дрожу.

— Какъ хотите...

— Дровъ-то мнѣ не даютъ міромъ, а купить... видите ли, кусаются они, дрова-то. Три рублика тысяча кизячковъ. Вотъ снѣгъ выпадетъ, тогда, некуда дѣваться, будемъ каждый день топить.

Я испугался, что онъ не затопитъ печь.

— И теперь ужъ холодно... Я просто замерзъ...

— Такъ мы протопимъ,—неохотно сказалъ псаломщикъ и крикнулъ:

— Домна, а, Домна!

Вошла откуда-то старая, безобразная старуха. Ротъ у нея ввалился. Только одинъ желтый клыкъ стоялъ на пути у нижней губы и не давалъ ей провалиться совершенно: нижняя губа натянулась на клыкѣ, точно парусъ. Этотъ клыкъ часто выскакивалъ наружу и подходилъ къ самому носу.

— Принеси-ка, Домна, кизячковъ штукъ пять, протопи печку. Да самоварчикъ наставь.

Домна надѣла на себя рваную шубу и вышла.

Харлампій внесъ мои пожитки, получилъ деньги и тоже ушелъ.

Хозяинъ неловко двигался по комнатѣ, точно чего-то искалъ, хотя въ ней ровно ничего не было, кромѣ скамей и стола.

— Просвѣщать насъ пріѣхали? Гы, гы, гы! Свинушинцы чорта боятся и насъ кормятъ, хоть самимъ имъ жрать нечего.

— При чемъ же тутъ чортъ?

— А какъ же! Коли народъ чорта бояться перестанетъ,— наше дѣло швахъ. Пропали мы. Гы, гы, гы!

Онъ смѣялся непріятнымъ смѣхомъ, точно плакалъ. Его выпуклые глаза при этомъ слезились.

— Вотъ мы съ попомъ ходимъ по домамъ со святой водой, изъ домовъ чертей выгоняемъ. Кропимъ въ домахъ, въ курникахъ, хлѣвахъ, даже въ печахъ. Такъ и говоримъ мужикамъ: „Безъ нашихъ молитвъ вы помрете, черти васъ задушатъ“. Вѣрятъ. Не всѣ, а многіе вѣрятъ.

Вошла Домна и затопила печку.

— А сказать,—нѣтъ, молъ, чорта,—нельзя, никакъ невозможно. Чуть не такъ сдѣлаешь—и то бѣда... Вотъ я на Рождество по селу славить ходилъ. Четыреста домовъ,— четыреста тропарей да четыреста кондаковъ, всего восемь сотъ разъ пропѣть надо. Надоѣстъ. Ну, и пою въ сокращеніи. Такъ одна баба разсердилась: „Ты, говоритъ, не такъ

поешь!..“ И давай меня бранить. Я сѣлъ на лавку и молчу. Она бранилась, бранилась, пошла въ сѣни, да кричитъ оттуда: „Иди, бери, что ли, лопай, принесла!..“ Вотъ какъ! За сокращеніе... А скажи-ка я что-нибудь худое про чорта,—бѣда! Темный народъ...

— Разъ не повѣрятъ, два не повѣрятъ, а въ третій и повѣрятъ,—сказалъ я.

— Да къ чему же намъ это?—вытаращивъ глаза, удивился псаломщикъ.—Дураки, что ли, мы? Зачѣмъ мы будемъ чорта уничтожать? А что мы тогда жрать будемъ?

Я посмотрѣлъ на дьячка съ удивленіемъ: шутитъ онъ, или нѣтъ?

— Вѣрно говорю. Да вѣдь у каждаго для мужика свой чортъ есть. У насъ, къ примѣру, чортъ настоящій, а у учителя—грамматика, задачи, каллиграфія, орѳографія... У доктора—микробы, бациллы... У урядника, у земскаго начальника—законъ... Разные черти бываютъ. Мы своими, а вы своими чертями кормитесь. Гы, гы, гы! Такъ у насъ дѣло и двигается. Ѣздимъ на мужикѣ во славу Божію.

Вошла Домна и принесла заплѣсневѣвшій самоваръ. Псаломщикъ заварилъ чай, принесъ кусокъ хлѣба, изъѣденный тараканами, и два яйца, которыя сварилъ въ самоварѣ.

— Кушайте, прошу васъ.

— Вы не женаты?—спросилъ я.

— Нѣтъ. Лишній расходъ. А одинъ-то я какъ-нибудь, по-спартански... Да у меня вонъ она, сожительница...

Дьячекъ неопредѣленно мотнулъ головой.

— Какая сожительница?

— Домна.

— Вы шутите?

— Нѣтъ. Она у меня прислугой, корову доитъ, по хозяйству ходитъ, ну и для всего... Гы, гы, гы... Что? Старовата? Конечно. Да вѣдь иныя, какъ ихъ страсть-то неистовая обуяетъ, на скотъ падаютъ. Прочитайте въ требникѣ... А это всетаки, баба.

— А сколько же ей лѣтъ?—спросилъ я нечаянно.

— Песъ ее знаетъ, сколько. Домна! Сколько тебѣ лѣтъ отъ роду?

Долго не было слышно никакого отвѣта.

— Домна, спишь, что ли?

— Считаю!—отвѣтила раздраженно Домна.

— Ну, сколько же?

— Должно, за шестьдесятъ перевалило.

Долго молчали. За перегородкой уже храпѣла Домна. Вѣтеръ вылъ въ трубѣ. Оборванная комната смотрѣла не-

уютно. Маленькая лампочка свѣтила плохо сквозь закопченое и засиженное мухами стекло. Вѣроятно, оно не мыто все лѣто. Толстое, грязное лицо дьячка было равнодушно. Въ этомъ равнодушіи къ себѣ и окружающему было что-то ужасное. Въ душу мою закрадывалась холодная тоска.

— Давно ли вы здѣсь?—спросилъ я, чтобы начать снова разговоръ.

— Лѣтъ, поди, двѣнадцать будетъ.

— А гдѣ учились?

— Въ семинаріи. Изъ пятаго класса я вышелъ. Молодъ былъ, такъ по глупости, не стерпя сердца, и вышелъ.

— Какъ это, разскажите.

— Былъ у насъ архіерей. Знаете, чай,—Гурій! Недавно отъ насъ переведенъ. Не архіерей былъ, а пьяный мужикъ. Духовенство онъ гонялъ, этихъ попишекъ,—не приведи Господи! Изъ конца губерніи въ другой конецъ. И билъ даже, собственноручно билъ. Вотъ однажды, такъ-то и со мной случилось. Проповѣди мы, семинаристы, говорили въ соборѣ, учились. Назначили и меня. Я прочиталъ проповѣдь, да скоро очень: попы въ алтарѣ не успѣли выпить да закусить. Вхожу въ алтарь, а Гурій на меня какъ набросится: „Ты что же, говоритъ, подлецъ, по двѣ минуты паствѣ проповѣди говорить будешь?“ Какъ размахнется, да кулакомъ меня по мордѣ какъ звѣзданетъ!.. Я тогда и разсердился, вышелъ изъ семинаріи. Потомъ черезъ годъ одумался. Пошелъ къ нему, попросилъ мѣста,—онъ и далъ. Поцѣловалъ я ему руку, ту самую, которою онъ меня по рожѣ хватилъ. Цѣловалъ, да думалъ: „Укусить, развѣ, въ отместку?“ Только сдержался. Вотъ и служу. Собачья жизнь.

— Отчего же не перемѣните?

— Дуракъ я, что ли!—обидѣлся псаломщикъ.—Гдѣ же лучше мѣсто можно найти?

— Гдѣ угодно. Міръ не клиномъ сошелся.

— Нигдѣ на землѣ нѣтъ такихъ мѣстъ, чтобы человѣка задаромъ кормили. Только у духовенства.

— За то можно быть удовлетвореннымъ нравственно...

Дьячекъ посмотрѣлъ на меня не то злобно, не то съ удивленіемъ.

— Это вы про что? Про идеи? Фю-у-у! Оставьте. Прежде всего—брюхо... Кушайте, пожалуйста. Да устали, чай, спать хотите.

Дьячекъ составилъ мнѣ двѣ скамейки, положилъ на нихъ обрывокъ кошмы и, въ раздумьи сказалъ:

— И у насъ тоже мужики про землю услыхали... Дескать, землю у помѣщиковъ отымемъ. Почуяли носомъ земельный запахъ. На глинѣ живутъ, такъ черноземъ издали

чуютъ. Теперь и будутъ мычать, какъ голодные телята: „Му-у-у, земля! Му-у-у, земля!“ Только, по моему, ни къ чему мужикамъ земля...

— Почему вы такъ думаете?—спросилъ я, видя, что псаломщикъ остановился.

— Сами разсудите. Теперь они съ голоду дохнутъ, а насъ съ попомъ всетаки кормятъ. Что будетъ, если богаты будутъ?! Да тогда они въ деревнѣ себѣ архіерея посадятъ, да каждый день и будутъ его въ задъ цѣловать... Нѣтъ, куда имъ земля. Такъ лучше. Гы, гы, гы.

Онъ взялъ лампу и пошелъ принести изъ второй комнаты мою постель. Я заглянулъ туда. Тамъ на какихъ-то мохрахъ спала старуха Домна. Ея беззубый ротъ былъ открытъ. По сморщеннымъ, ввалившимся щекамъ гуляли клопы и съ любопытствомъ заглядывали въ черный проваль рта.

— Ишь ты, спящая красавица! Гы, гы, гы! И сколько она у меня этихъ клоповъ развела, страсть.

Я легъ на постель. Дьячекъ свернулся въ тулупѣ на полу.

— Безъ насъ не могутъ жить мужики. Несчастными себя почитаютъ. Три года назадъ попа отъ насъ перевели, а новый долго не ѣхалъ. Такъ затосковались всѣмъ селомъ. Ко мнѣ все ходили, спрашивали: „скоро ли?“ Когда попъ къ намъ ѣхалъ, такъ пять верстъ мужики и бабы его тарантасъ на себѣ въ село везли. Гогочутъ, кричатъ, поздравляютъ другъ друга съ праздникомъ. Всѣмъ селомъ перепились отъ радоети. И меня, черти, поздравляютъ.. Тьфу!

Дьячекъ плюнулъ и икнулъ, точно его тошнило отъ этихъ воспоминаній.

— А у того же попа на прошлой недѣлѣ съ гумна мѣръ десять пшеницы украли, аспиды. Попъ хочетъ великимъ постомъ на исповѣди вывѣдать, кто укралъ. Узнаетъ, это вѣрно говорю. Настоящій сыщикъ. Правильный попъ.

Дьячекъ долго жужжалъ, лежа на полу.

IV.

Снилось мнѣ что-то отрывочное, безформенное, мрачное и тоскливое. Помню лишь, что и во снѣ передо мной часто мелькало толстое дьячково лицо и, точно отвѣчая на мои настроенія, говорило: „Ничего, не робь, привыкнешь! Я вотъ привыкъ и живу себѣ, даже и очень хорошо. Привы-ы-кнешь!“

Отъ этого утѣшенья мнѣ становилось во снѣ тоскливо до отчаянія.

Проснулся я, когда псаломщикъ уже возвратился отъ утрени. За окнами обливалось слезами сѣрое осеннее утро. Въ комнатѣ мнѣ показалось еще грязнѣе и неуютнѣе, чѣмъ наканунѣ вечеромъ.

— Проснулись! — постарался улыбнуться привѣтливой хозяйской улыбкой псаломщикъ.—Скоро къ обѣднѣ пойдемъ. Вы, чай, тоже пойдете?

— Надо сходить...

— То-то! Нужно ходить,—наставительно сказалъ онъ.— И къ заутренѣ, и къ обѣднѣ ходить. А то попъ донесетъ по начальству... А можетъ, и я донесу,—добавилъ онъ серьезно.

Зазвонилъ колоколъ къ обѣднѣ. Звонъ гнусавый, надтреснутый, точно голосъ слѣпого нищаго.

— Неужто попъ у васъ доносчикъ?—спросилъ я.

— А то какъ же! Непремѣнно.

— На кого же онъ доносилъ?

— На всѣхъ. На бывшаго учителя доносилъ. Тотъ, по болѣзни, скоромное въ посту ѣлъ. Такъ вотъ попъ на него донесъ, въ лютеранской ереси обвинялъ. „Народъ, говоритъ, развращаетъ“. На меня доноситъ, на мужиковъ. Ничего, дѣло свое знаетъ. Славный попъ...

— Какой же славный, коли доносчикъ!

— Да кто же не доноситъ? Всѣ доносятъ—тайно, али явно. Безъ доносовъ никакъ не возможно. На этомъ вся жизнь держится.

Домна возилась около печки, злобно ругала и лягала кошку, которая вертѣлась у нея подъ ногами. Въ комнатѣ чадило саломъ. Гнусавилъ колоколъ; плакали грязныя окна. Хотѣлось плакать и мнѣ.

Когда мы собрались идти въ церковь, на улицѣ послышались крики. Мы вышли съ дьячкомъ на крыльцо. Изъ-за церкви черезъ площадь бѣжало къ намъ пять мужиковъ съ палками въ рукахъ. Нѣкоторые были безъ шапокъ. Передъ ними саженяхъ въ десяти катился, прыгалъ какой-то пестрый комочекъ. Оказалось, это была ласка. Проѣзжій татаринъ-скорнятникъ упустилъ звѣрька и обѣщалъ пятакъ тому, кто его поймаетъ. Теперь ласку увидѣли мужики и бѣжали за ней съ гиками, радостнымъ озлобленіемъ и старались подшибить ее палкой. Звѣрекъ бѣжалъ прямо къ намъ, надѣясь скрыться въ постройкахъ. Изрѣдка мужики бросали въ него на бѣгу палкой, но звѣрь отчаянно прыгалъ, избѣгая смертельнаго удара, наконецъ—юркнулъ подъ дьячково крыльцо.

Мужики окружили насъ внезапно, точно вихрь, и начали стучать по крыльцу палками. Одинъ здоровый, молодой мужикъ, съ громаднымъ до ушей ртомъ и толстыми слюнявыми губами, ругался разными скверными словами, тыкалъ палкой подъ крыльцо и визжалъ, какъ поросенокъ.

— Выходи-и-и-и!

Другіе три мужика, молча и тяжело дыша, метались вокругъ, точно подъ крыльцомъ скрылся ихъ злѣйшій врагъ. И только одинъ мужикъ съ бородой длинной, плотной и узкой, какъ коровій хвостъ, стоялъ спокойно, вытиралъ рукавомъ рваной рубахи со лба потъ и говорилъ:

— Бросьте, братцы, айда домой. Ну ее къ отцу дьякону!

— Да вы, мужики, у насъ крыльцо разломаете!—сказалъ дьячокъ, глядя на нихъ съ усмѣшкой.

Но они продолжали кружиться около крыльца, ложились на землю брюхомъ, вскакивали. А большеротый парень все визжалъ съ остервенѣніемъ:

— Выходи-и-и, собачья голова!

Вдругъ ласка выскочила изъ-подъ крыльца и побѣжала дальше въ гумна. Мужики, точно стая голодныхъ волковъ, съ крикомъ, рычаньемъ, бранью снова бросились за звѣрькомъ. Спокойно стоявшій мужикъ тоже метнулся за ними, будто его сдунуло съ мѣста вѣтромъ; борода его мелькнула за спиной въ воздухѣ, точно онъ отмахнулся ею отъ мухъ. Рубахи вздулись у нихъ на спинахъ пузырями. Полетѣли снова палки, послышались брань и гоготанье. Въ догонку имъ потянулся тоскливый осенній туманъ съ безконечнымъ дождемъ.

Вокругъ площади стояли прибитые къ землѣ, покривившіеся, смоченные дождемъ дома и глядѣли на насъ слезящимися, тусклыми окнами. Нѣкоторые дома повернулись къ площади бокомъ, точно хотѣли сказать: „И чего тутъ смотрѣть! Тоска. Скоро ли смерть...“

Дьячекъ засмѣялся и сказалъ:

— Вотъ дьяволы!..

Свинухи полегли по сухому глинистому долу. Обрывистые края обваливались, глина расползалась вмѣстѣ съ вешней водой и дождями по селу и дѣлала его въ дожди непролазно-грязнымъ. Дома все больше старые, съ одутлыми, какъ у коровъ, боками; черныя ребра ихъ густо промазаны глиной. Глиной вмазаны окна, стекла; глиняные дворы, кладовушки. Свиньи ходятъ по уши въ глинѣ. Глиной здѣсь все мажется охотно и въ изобиліи. Все село имѣетъ желтый цвѣтъ, только почернѣвшія соломенныя крыши, точно рваные картузы, покрываютъ свинушинскіе дома и вносятъ нѣкоторое разнообразіе въ желтое глиняное царство.

Вся свинушинская культура, нажитая за цѣлые десятки, а можетъ—и сотни лѣтъ, пріютилась почти въ самомъ концѣ села, на площади. Церковь, дома попа и дьячка и училище. За церковью — кладбище. Штукъ пять цѣлыхъ крестовъ, нѣсколько палокъ, а то все простые глиняные бугорки, да и тѣ расплылись по погосту отъ дождя, точно блины. Недолго живетъ здѣсь память о мертвыхъ. Про того, кто умеръ, говорятъ—„отмаялся".

Бѣлая церковка съ зеленой крышей куталась въ туманы осенняго дождя и, казалось, съ удивленіемъ оглядывалась на лохматыя избы, точно спрашивала сама себя: „какъ я сюда попала?" Засиженные голубями колокола шептались съ мокрымъ вѣтромъ гнусавымъ шепотомъ.

Подъ карнизомъ, надъ самымъ входомъ въ церковь, стояла облупившаяся отъ солнца и дождей икона Николая-Чудотворца съ однимъ глазомъ. Тутъ же рядомъ, на кучѣ птичьяго помета, сидѣла, нахохлившись, голубка, а около нея похотливо курлыкалъ голубь.

На площади, въ разныхъ мѣстахъ, въ туманѣ дождя виднѣлись темныя фигуры. Свинушинцы собирались въ церковь.

На паперти бросалась въ глаза обычная картина страшнаго суда: сверху до низу по ней извивался зеленый змій; Іуда горѣлъ въ огнѣ; левъ изрыгалъ съѣденнаго имъ когда-то человѣка... Въ одномъ углу—адскій глазъ, а въ другомъ—адскій зубовный скрежетъ въ видѣ двухъ перекосившихся челюстей...

Въ церкви было десятка два мужиковъ и бабъ. Они стояли въ безпорядкѣ, точно шахматы на доскѣ къ концу игры. Часы читалъ отставной псаломщикъ, старый старикъ, Лука Митричъ. Сѣдая косичка прыгала на его облѣзломъ затылкѣ. Онъ шамкалъ беззубымъ ртомъ, и разобрать что-нибудь изъ его чтенія было трудно. Его старческая, беззубая нижняя челюсть не поспѣвала за довольно еще бойкимъ языкомъ. Языкъ бѣжалъ впередъ, точно шаловливый мальчишка убѣгаетъ отъ своего стараго дѣда. Подбородокъ же напоминалъ стараго старика съ клюкою: онъ шлепаетъ за внукомъ тяжелыми ногами, трясетъ сѣдой головой, хочетъ догнать, но не можетъ и въ безсиліи грозитъ шалуну палкой.

Впрочемъ, никто и не заботится, чтобы читаемое было понятно. Всѣмъ казалось, что попъ съ дьячкомъ каждый праздникъ произносятъ въ церкви какія-то таинственныя заклинанія. Мужики въ это время приходятъ въ церковь и молятся, подсобляютъ попу съ дьячкомъ умилостивлять страшнаго Бога, каются во грѣхахъ, ставятъ свѣчки, поку-

паютъ просвирки, потому что Богу все это очень нравится. А понимать слова—лишнее дѣло!

Входили мужики, бабы и вносили съ собой запахъ глины, дегтя и прѣлой соломы. Войдя въ церковь, они долго раскачивались, точно игрушечные болванчики, кланялись направо, налѣво, впередъ и становились каждый на излюбленное мѣсто. Нѣкоторые подходили къ свѣчному ящику, и тогда черезъ плечи съ рукъ на руки переходила къ иконостасу тоненькая свѣчечка, святая, таинственная жертва Богу. Кто посылалъ Богу свѣчку съ надеждой попасть въ рай, а кто просто давалъ Богу въ долгъ. Были увѣрены, что Богъ за все платитъ, самое меньшее, вдесятеро. Пріятно имѣть такого богатаго и надежнаго должника!

Обо всемъ этомъ написано въ священныхъ книгахъ. Гдѣ написано—неизвѣстно, но написано несомнѣнно.

Лица у всѣхъ желто-коричневыя, истрескавшіяся, точно сдѣланы, какъ и все въ Свинухахъ, изъ глины. Бороды и волосы на головѣ почти у всѣхъ рыжіе или желтые, какъ, мочала. Только сзади,—женская толпа расцвѣтилась голубыми зелеными, красными пятнами платковъ. Все остальное въ тонахъ глины, песку, старой соломы.

Дьячокъ провелъ меня въ алтарь къ попу, который стоялъ у жертвенника и, подъ невнятное басистое бормотанье, вырывалъ копьемъ куски просфоры и кидалъ ихъ на блюдце. Попъ—высокій, широкоплечій брюнетъ съ громадными руками, величиною съ тѣ бронзовыя руки, какія вывѣшиваются надъ дверями перчаточныхъ магазиновъ. Все лицо его заросло густыми, неровными прядями волосъ: напримѣръ, баки висѣли ниже бороды. На головѣ растительность черная и густая сверхъ мѣры. Въ его присутствіи алтарь казался тѣснымъ, и вся церковная утварь—игрушечно-маленькой.

Началась служба. Попъ ходилъ съ кадиломъ вокругъ престола, размашисто и непринужденно, точно на гумнѣ вокругъ вороха пшеницы; громко кашлялъ, плевался, а церковную утварь расталкивалъ по престолу локтями, швыряя, точно вилы, грабли и лопаты. Смятая, затасканная риза не влѣзала на его широкія плечи и закрывала его только до поясницы.

Пѣвчіе пѣли вразбродъ, разными голосами. И пѣніе ихъ напоминало тотъ смѣшанный гамъ, когда стада возвращаются вечеромъ съ поля: мычатъ коровы, блеютъ овцы, кудахчутъ куры, хрюкаютъ свиньи. Пѣли старательно, вытянувъ шеи, съ потными лицами.

Дьячекъ не пѣлъ и прогуливался съ клироса въ алтарь, изъ алтаря на амвонъ. На маломъ и большомъ выходѣ онъ

шелъ впереди попа съ подсвѣчникомъ, равнодушный и скучный, какъ наемный факельщикъ у похоронной колесницы.

При выходѣ съ дарами попъ стоялъ долго на амвонѣ съ чашей и дискосомъ, перечисляя, кого помянетъ Богъ во царствіи своемъ: царствующій домъ, святѣйшій синодъ, архіерея нашей губерніи, христолюбивое воинство — и, только отвернувшись, по дорогѣ въ алтарь, процѣдилъ сквозь зубы: „и васъ всѣхъ православныхъ христіанъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи своемъ...“

Церковь была полна народомъ. Окаменѣлыя лица, неподвижные, невидящіе глаза. Подъ угловатыми черепами ползали темныя, тяжелыя мысли. Полусонныя и слѣпыя мысли лѣнивымъ полетомъ совершали изъ церкви осмотръ обычной обстановки жизни: домъ, свиньи, сорокъ мѣръ пшеницы, куча навозу, староста, подати, больная жена... Обойдя весь этотъ несложный міръ отношеній и интересовъ, она возвращалась въ церковь и ползала здѣсь по закапаннымъ воскомъ ликамъ святыхъ, по паникадиламъ и подсвѣчникамъ. При громкомъ возгласѣ попа или крикѣ пѣвчихъ мысль проворно и пугливо пряталась подъ шишковатый лобъ и лежала тамъ, прижавшись, какъ забитая собака въ конурѣ. Потомъ медленно, съ оглядками, снова выходила на волю и снова ползала по стѣнамъ, иконамъ, обходила старыми путями хлѣвы, амбары, улицы, ходила тощая, голодная и не находила себѣ пищи, чтобы насытиться.

Передъ причастіемъ пѣвчіе вздумали даже спѣть что-то мудреное по нотамъ и долго шептались. Единственный басъ заранѣе покраснѣлъ отъ напряженія. Сразу закричали такъ сильно, точно подъ ними провалился полъ. Многіе вздрогнули.

Въ концѣ обѣдни попъ вышелъ читать по книжкѣ [illegible] проповѣдь. Зашевелилось свинушинское стадо и пододвинулось ближе къ амвону.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! — сказалъ попъ, крестясь бронзовой мохнатой рукой.

Онъ строго и внимательно оглядѣлъ толпу мужиковъ и бабъ, точно старался отгадать, кто укралъ у него десять мѣръ пшеницы. Передъ нимъ волновалось бородатое, коричневое лицо со множествомъ глазъ, въ глубинѣ которыхъ засвѣтилась слабая надежда услышать такое слово, которое озаритъ сумрачную и грязную мужицкую жизнь, научитъ, какъ избыть нужду, стать праведнымъ, чистымъ и богатымъ.

Попъ читалъ о томъ, что Божіе милосердіе безгранично, что Богородица непрестанно ходатайствуетъ передъ своимъ

Сыномъ о грѣшномъ мірѣ. Нѣтъ такого грѣшника, котораго не принялъ бы Господь по молитвамъ своей матери.

Слова попа, безучастныя, несогрѣтыя любовью, падали въ толпу, какъ холодный градъ. Но разинутые отъ напряженнаго вниманія рты ловили и холодный градъ, согрѣвали его и глотали, какъ живительныя капли.

— Есть же, значитъ, справедливость на небѣ!—думалось имъ.—Есть же такое милосердіе, которое ничѣмъ нельзя порушить!

Попъ иногда отрывался отъ книги и переводилъ цвѣты семинарскаго краснорѣчія на понятный свинушинскій языкъ.

— И нѣтъ такого грѣха, который могъ бы превзойти своей дерзостью Господне милосердіе... Это значитъ: какъ бы человѣкъ ни согрѣшилъ, стоитъ только ему принести искреннее раскаяніе—и Господь проститъ его.

Попъ оглянулъ свое стадо. На заросшихъ мхомъ и мочалой лицахъ затеплилось умиленіе; кое-гдѣ по трещинамъ щекъ показались слезы... Лицо попово стало злымъ. Слова проповѣди и его собственныя разъясненія показались ему преступнымъ попустительствомъ, разрѣшеніемъ на грабежъ и убійства. Онъ вспомнилъ про свою пшеницу, съ раздраженіемъ захлопнулъ книгу и сказалъ съ убѣжденной ненавистью:

— Но грабители, воры и мошенники не получатъ прощенія ни въ сей жизни, ни въ будущей... Это вѣрно.

Онъ сжалъ могучій кулакъ и положилъ его на аналой, точно увѣсистый булыжникъ, во свидѣтельство правоты послѣднихъ словъ.

— Не получатъ!—повторилъ онъ.—Такъ и знайте. Аще что свяжете на земли, будетъ связано на небеси, что разрѣшите, будетъ разрѣшено... Такъ самъ Господь Богъ сказалъ. А я не разрѣшаю, и вамъ нечего надѣяться. Грабить я не позволю... Аминь.

Умиленіе отъ сознанія высшаго милосердія сдунуло съ толпы. Въ храмѣ пахнуло иными настроеніями. Свинушинцы вернулись въ міръ жестокой свинушинской дѣйствительности, гдѣ никто не прощаетъ, и гдѣ за грошъ каждый готовъ перегрызть другому горло.

Закричали въ разбродъ пѣвчіе. За окнами плакалъ осенній день. Толпа закружилась и потекла къ выходу.

Попъ сказалъ свинушинцамъ, чтобы они завтра приводили въ школу дѣтей. Когда я прикладывался ко кресту, попъ пригласилъ меня къ себѣ пить чай.

На паперти со мной поздоровался бородатый мужикъ Это школьный сторожъ Трофимъ, или, по общему наименованію, Троша. Онъ весь былъ четыреугольный: четыреуголь-

ное лицо, четыреугольная борода и такое же туловище. Казалось, что когда Трошу дѣлали,—то забыли закруглить по угламъ. Онъ обѣщался прибрать и затопить въ школѣ мою квартиру.

Я пошелъ къ попу.

V.

Въ горницѣ съ крашеными, перекосившимися половицами никого не было. Вѣнскіе стулья вдоль стѣнъ; цвѣты въ кадкахъ по угламъ. Часы на стѣнѣ съ длиннымъ, длиннымъ маятникомъ и съ длиннымъ бѣлымъ циферблатомъ, похожимъ на моисеевы скрижали, встрѣтили меня удивленнымъ взглядомъ. На полу лежала съ закрытыми глазами, раскинувъ руки, кукла. Въ сосѣдней комнатѣ слышалась возня дѣтей. Оттуда выглянулъ было бѣлокурый мальчикъ лѣтъ пяти, но, увидѣвъ чужого человѣка, положилъ въ ротъ палецъ и немедленно скрылся. Скоро глаза его показались въ промежуткѣ между косякомъ и дверью. Къ нимъ снизу присоединилась другая пара глазъ. Возня стихла.

Пришелъ Лука Митричъ, тотъ, что читалъ часы, почти слѣпой старикъ; онъ сѣлъ на краешекъ стула и застылъ, точно заснулъ. Вошла попадья, бѣлокурая маленькая женщина, съ большими испуганными глазами, молча поздоровалась и убѣжала въ другую комнату.

Горница наполнилась шумомъ съ приходомъ попа. Онъ поздоровался съ Лукой Митричемъ и со мной, оглядѣлъ меня съ головы до ногъ испытующе и, расчесывая бороду большимъ гребнемъ, сказалъ: „прошу!“ такимъ тономъ, точно хотѣлъ сказать: „прошу не забываться!“

Съ приходомъ попа Лука Митричъ ожилъ. У него былъ видъ заговорщика. Онъ все косился въ мою сторону, видимо собираясь говорить съ попомъ по секрету.

— Да чего оглядываешься,—сказалъ попъ.—Говори, что надо.

Лука Митричъ испугался и заговорилъ торопливо:

— Про дьяка про нашего хотѣлъ я поговорить съ вами, батюшка, про Андрея Климыча. Народъ онъ портитъ, вотъ что. Портитъ, говорю, народъ. А народъ, сами знаете, батюшка, сталъ баловной, непокорливый. Бога не боятся, другъ друга не стыдятся.

— Чѣмъ же онъ портитъ?—съ раздраженіемъ спросилъ попъ.

Лука Митричъ замигалъ слѣпыми глазками и еще пуще заторопился. Опять подбородокъ поплелся въ догонку за бойкимъ языкомъ.

— Вчера онъ что сдѣлалъ. Ѣздилъ куда-то; телѣгу у меня бралъ, а лошадь у Сысоя. Пріѣхалъ и прямо къ Сысою. Лошадь отпрягъ и Сысою отдалъ, а телѣгу на себѣ ко мнѣ повезъ. Духовное-то лицо, да съ телѣгой по улицѣ!.. Ну, это съ полагоря. Догоняетъ онъ мужика, Терентія Кизякова, кричитъ ему: „Терентій Силантьичъ, садись въ телѣгу, довезу!“ Тотъ застыдился, говоритъ: „Что вы, Андрей Климычъ, рази можно!.. Какъ вы наши отцы...“ Андрей-то Климычъ ему и бухни: „Ничего, голубчикъ, не стѣсняйся. Вѣдь мы съ попомъ не стѣсняемся, ѣздимъ на васъ. Отчего же ты на мнѣ не хочешь проѣхаться? Садись!“ Такія слова, да по нынѣшнимъ-то временамъ! Да рази это возможное дѣло! А!..

Собрали чай. Всѣ сѣли за столъ. Попадья прятала отъ меня свое лицо за пузатый самоваръ и все время сидѣла молча.

— Непорядки пошли вездѣ, непорядки,—скрипѣлъ Лука Митричъ.—Мужичишкамъ много воли дали. Драть бы ихъ, драть! Безъ этого ни въ коемъ случаѣ невозможно обойтись. Таперича я живу въ своей избѣ. Рядомъ колодезь мірской. Мнѣ воды не даютъ. Говорятъ: „Плати! Мы колодезь рыли, трудились, а ты не рылъ, не трудился; плати за воду по копѣйкѣ въ день, тридцать копѣекъ въ мѣсяцъ, три шесть гривенъ въ годъ“. Да гдѣ мнѣ взять вамъ такія деньги, василиски!.. А Андрей Климычъ такія слова говоритъ!..

— Да-а-а,—ворчалъ попъ.—Языкоболіе у Андрея Климыча великое. Внушу, непремѣнно внушу.

Лука Митричъ, изложивъ свою жалобу, умолкъ и повялъ,— сидѣлъ, не шевелясь. А попъ совалъ себѣ въ ротъ лепешки, хлебалъ съ шумомъ чай и разглагольствовалъ.

— Нѣ-э-этъ, съ мужикомъ нужно особое обращеніе. Каждое растеніе, каждый скотъ своего ухода требуетъ, и съ мужикомъ тоже нельзя кое-какъ, да какъ-нибудь, надо умѣючи. Въ кулакѣ надо его держать. Жать его нужно вотъ какъ, до послѣдняго соку.

Попъ поднялъ надъ стаканомъ свой мохнатый кулакъ, точно въ кулакѣ у него уже сидѣлъ мужикъ, и онъ хотѣлъ выжать изъ него въ стаканъ послѣдніе соки.

— Вотъ если такъ съ мужикомъ обращаться, тогда онъ и любить, и уважать будетъ...

Во время своей рѣчи попъ часто спрашивалъ Луку Митрича: „не такъ ли, Лука Митричъ?“—точно боялся, чтобы старикъ незамѣтно не уснулъ или не померъ. Тогда дьячокъ трясъ косичкой и испуганно отвѣчалъ:

— Истину говорите, батюшка, истину.

Въ концѣ чаепитія къ попу пришелъ мужикъ. Чтобы

показать намъ на практикѣ, какъ нужно обращаться съ мужиками, попъ нахмурился и строго спросилъ:

— Что тебѣ? Зачѣмъ пришелъ?

Мужикъ положилъ подъ мышку шапку, сложилъ руки ковшичкомъ и попросилъ благословить. Попъ сунулъ мужику въ бороду руку и снова спросилъ:

— Что нужно?

— Да вотъ, батюшка, свидѣтельство бы моему Мишкѣ о рожденьи.

— А-а-а! Тебѣ свидѣтельство нужно, такъ пришелъ, а когда у отца духовнаго помочь была, — не пришелъ. Не любишь отцу духовному помогать.

— Да я...

— Ну, что „ты!“ Всѣ вы неблагодарные, — сколько вамъ добра ни дѣлай... Три рубля за свидѣтельство.

— Да я...

— Три рубля, говорю, принеси за свидѣтельство.

Попъ положилъ въ раздраженіи ногу на ногу. Мужикъ хотѣлъ говорить и оправдаться, но попъ не давалъ ему сказать ни слова. Тогда мужикъ повалился попу въ ноги.

— Прости, батюшка!

— Нечего, нечего. Москва слезамъ не потатчица. Три рубля...

— Прости, батюшка!

— Вставай! Три рубля.

— Не встану, пока не простишь.

Долго лежалъ мужикъ на полу, а попъ сидѣлъ и курилъ папиросу. Мнѣ было стыдно и больно. Наконецъ, попъ сказалъ:

— Ну, Богъ тебя проститъ, вставай.

Мужикъ всталъ и поцѣловалъ у попа руку.

— Зачѣмъ тебѣ свидѣтельство?

Я всталъ и ушелъ отъ попа. Мужикъ что-то долго объяснялъ.

Я зашелъ къ Андрею Климычу взять отъ него свои пожитки. Въ калиткѣ, при выходѣ, столкнулся съ мужикомъ, который шелъ отъ попа къ дьячку. Увидѣвъ меня, онъ таинственно оглянулся и зашепталъ, засмѣявшись глазами:

— Погорячился, долгогривый, а всетаки взялъ только полтинникъ. За марку, да полтинникъ. А не поклонись я, содралъ бы рублевку, какъ Богъ святъ. Любятъ почетъ, жеребячья порода.

И мужикъ засмѣялся искреннимъ и радостнымъ смѣхомъ, въ которомъ ясно звучала увѣренность, что онъ вовлекъ попа въ невыгодную сдѣлку: попъ получилъ поклоны, а у него — остались деньги...

VI.

Въ школѣ и квартирѣ моей было все грязно, какъ въ ночлежкѣ. Повсюду ходили тараканы. Изъ щелей выглядывали клопы. Въ классѣ шкафъ съ растрепанными учебниками, поломанныя парты и голыя стѣны. Только на самомъ свѣтломъ мѣстѣ висѣла единственная картина изъ священной исторіи, на которой были нарисованы Адамъ и Ева въ раю. Было не мало попытокъ перомъ и карандашемъ дорисовать на тѣлѣ нашихъ голыхъ прародителей то, чего, по мнѣнію свинушинцевъ, изъ ложной скромности не изобразилъ художникъ. Тѣло Евы было все затыкано грязными пальцами. Подъ картиной на полу свернута была Трошина постель. Очевидно, картина висѣла здѣсь по его желанію.

Скоро наступилъ вечеръ. Приходилъ провѣдать меня на новосельи дьячекъ, Андрей Климычъ. Онъ сидѣлъ долго, говорилъ про чертей, про мужиковъ, которыхъ ругалъ быками, свиньями, баранами, ослами... Видно было, что дьячекъ находилъ въ свинушинцахъ черты многихъ домашнихъ скотовъ, но еще не установилъ окончательно, къ какому разряду причислить ихъ по всей справедливости. Ругался онъ безъ злобы, но отъ его брани становилось какъ-то особенно тяжело на душѣ: казалось, что и квартира моя становится грязнѣе, и даже самый день меркнетъ отъ дьячковыхъ разговоровъ. Уходя домой, онъ утѣшалъ меня точь въ точь такъ, какъ я видѣлъ во снѣ:

— Ничего, привы-ы-ыкнете! Ничего.

Трофимъ пришелъ въ сумеркахъ пьяный; напился, какъ онъ объяснилъ, отъ радости, что пріѣхалъ новый учитель. Онъ присѣлъ на корточкахъ въ моей комнатѣ въ углу, точно деревянный, четыреугольный, плохо сдѣланный самоѣдскій идолъ, и, рыгая на меня, старался что-то разсказать. Когда же я хотѣлъ его выпроводить изъ своей квартиры, онъ уперся и объяснилъ, что пришелъ ко мнѣ по долгу службы.

— Вѣдь ты кто? Учитель! Робячій мучитель! А я сторожъ, Троша. Кому — Троша, а кому и Трофимъ Финогеновичъ. Я тебѣ докладываю. И ты обязанъ выслушать. Почему я пьянъ?.. Мнѣ еще и Лексѣй Миколаичъ, учитель помершій, говаривалъ: „Брось, Троша, пьянство!“ А я говорю ему: „Я брошу, а другой кто подыметъ, да намучается.“ Нѣтъ ужъ, видно, кому что досталось. Всякій несетъ свой хрестъ...„ Лексѣй Миколаичъ померъ. И ты помрешь. Это я тебѣ надежно говорю. Помрешь. И къ

чему эти учителя?! Баловство одно... Трофимъ Финогентовичъ знаетъ, ты его слушай. Троша пятерыхъ учителей пережилъ. Учителя мѣняются, а Троша одинъ. Учитель помретъ, а Троша все живетъ... Вотъ я тебѣ и доложилъ, чтобы ты зналъ. Да. А ты меня хотѣлъ выгнать...

Долго еще Троша что-то бормоталъ, потомъ осѣлъ въ уголъ, точно мѣшокъ съ пескомъ, и захрапѣлъ нестерпимо и зловонно. Вытащить его у меня не хватило силы. Я устроился на ночь въ классѣ.

Долго не могъ уснуть. Все думалъ.

Раньше мнѣ казалось, что я—какъ свѣтильникъ: стоитъ мнѣ появиться во мракѣ деревни—и все вокругъ меня засіяетъ. Оказалось, я не только не свѣтилъ никому своимъ присутствіемъ, но чувствовалъ себя здѣсь во мракѣ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Самъ я ползаю по землѣ, какъ слѣпой щенокъ. Какія у меня знанія! Но, вѣдь, были же люди, великіе люди. И сказали они слова, Боже мой, какія слова! Если бы камни способны были понимать эти слова, то и камни поднялись бы со дна моря, зашевелились бы и ожили!

А вотъ люди не знаютъ этихъ словъ и не понимаютъ.

Будда, Моисей, Христосъ, Магометъ, сотни философовъ и поэтовъ всѣхъ временъ и народовъ говорили о томъ, что человѣкъ можетъ стать свободнымъ, можетъ устроить прекрасную жизнь.

А люди до сихъ поръ не разумны, не свободны, и жизнь ихъ полна ужаса и злобы.

И, несмотря на то, что отдѣльные люди горятъ свѣтлыми идеалами уже многія тысячи лѣтъ, жизнь всѣхъ людей такъ же, какъ и тысячи лѣтъ назадъ, подобна жизни звѣрей. И все еще человѣчество стоитъ въ началѣ длинной дороги къ своему совершенству. Нужно начинать все съ начала. Все, что сдѣлали до сихъ поръ люди: желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, пароходы, всѣ науки, искусства,—все это только подготовка человѣчества, сборы въ тотъ радостный путь, въ концѣ котораго свѣтитъ равенство, братство, свобода.

Нельзя угнаться словомъ за ночною мыслью. Она, какъ громадный электрическій прожекторъ, быстрыми лучами вонзается во мракъ прошедшаго и будущаго, выхватываетъ безчисленное множество предметовъ, сравниваетъ, обобщаетъ... Чувствуешь, что въ душѣ что-то огромное, важное, а словъ такихъ на человѣческомъ языкѣ нѣтъ. На словахъ все выходитъ маленькимъ, обычнымъ, какъ и вся обычная человѣческая жизнь.

Новая жизнь дастъ и новый языкъ, огненный и стращ-

ный. Онъ, какъ молнія, будетъ однимъ своимъ словомъ освѣщать мракъ жизни и души человѣческой. И тогда все, что скажетъ одинъ, будетъ понятно всѣмъ людямъ.

Тогда будетъ возможно равенство, братство, свобода.

А теперь мы пока стоимъ въ началѣ свѣтлой, общей жизни, яркаго, общаго всѣмъ людямъ слова. Теперь каждый роется во мракѣ собственнаго существованія и не находитъ оттуда выхода.

Съ начала, съ начала!

По корридору ходилъ и рыгалъ Троша. Таинственно, точно голосъ изъ-за гроба, звучалъ часовой колоколъ. Осенній мракъ тяжело придавилъ въ глиняномъ оврагѣ мокрую деревню.

Казалось, что разсвѣта не будетъ никогда.

С. Кондурушкинъ.

Изъ воспоминаній о пережитомъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предки моего отца. Дѣдъ Иванъ Романовичъ. Мой отецъ. Бракъ моихъ родителей. Сватъ Максимъ. Мое появленіе на свѣтъ и первыя «впечатлѣнья бытія».

I.

Предки мои со стороны отца были выходцы изъ Польши. Со временемъ они обрусѣли, утратили потомственное дворянство и превратились въ черниговскихъ казаковъ. Но они не были простыми строевыми казаками-пахарями,—были людьми зажиточными и образованными; одинъ изъ нихъ владѣлъ даже пороховымъ заводомъ при гетманѣ Мазепѣ Дѣдъ мой Иванъ Романовичъ, въ свою очередь, владѣлъ небольшимъ имѣньицемъ въ Новгородъ-сѣверскомъ уѣздѣ, близъ села Шатрищъ, и жилъ паномъ, принадлежа къ мѣстной интеллигенціи, занималъ даже одно время должность исправника. Въ 1812 г. онъ былъ въ ополченіи. Онъ имѣлъ возможность прожить безбѣдно всю долгую жизнь свою. Къ сожалѣнію, много повредила ему широкая и необузданная натура. Онъ любилъ веселую компанію, любилъ кутнуть во всю казацкую ширь; да и въ трезвомъ состояніи не зналъ счета деньгамъ и бросалъ ихъ направо и налѣво.

Необузданный во всемъ, онъ былъ необузданъ и въ гнѣвѣ. Домашніе трепетали, ежеминутно ожидая отъ него дикой расправы. До какой степени боялся его мой отецъ, можно судить по слѣдующему случаю. Однажды, купаясь въ рѣчкѣ, онъ увидѣлъ, что къ берегу подходитъ родитель. Онъ такъ перепугался, что спрятался тотчасъ же въ воду, надѣясь, что старикъ его не замѣтитъ. Но когда вынырнулъ, — въ ужасѣ увидѣлъ, что отецъ стоитъ на берегу и смотритъ на него, а затѣмъ начинаетъ раздѣваться, предполагая, что сынъ тонетъ. Но испугъ старика не замедлилъ перейти въ неистовый порывъ гнѣва, когда онъ убѣдился, что сынъ лишь прячется отъ него. И вотъ, когда мальчикъ вышелъ на

берегъ, старикъ привязалъ его къ дереву и до безчувствія избилъ ремнемъ.

Схоронивъ двухъ женъ, старикъ мало по малу промоталъ все свое добро и на старости остался безъ крова и пищи. Ему оставалось лишь прибѣгнуть къ великодушію двухъ своихъ замужнихъ дочерей. И вотъ, подобно Лиру, онъ проживалъ то у одной, то у другой, при чемъ для довершенія сходства съ Лиромъ, каждое гощеніе заканчивалось жестокою ссорою, сопровождавшеюся проклятіями, посылаемыми на голову дочери и обѣщаніемъ никогда впредь не переступать ея порога. Послѣ этого онъ переѣзжалъ ко второй дочери; но далѣе шекспировская трагедія превращалась уже въ комедію, такъ какъ, поссорившись и со второю дочерью, старикъ, вмѣсто того, чтобы отправиться въ степь и подвергаться тамъ буйству стихій, возвращался, какъ ни въ чемъ не бывало, къ первой.

Со смертію младшей дочери, Екатерины, эти періодическіе переѣзды, конечно, прекратились. Къ тому же, вступивъ въ періодъ глубокой старости, старикъ смирился духомъ и до смерти прожилъ у Евфросиньи. Умеръ же онъ далеко за 80 лѣтъ. Онъ былъ здоровъ и бодръ, какъ вдругъ получилъ извѣстіе о смерти сына, моего отца. Извѣстіе такъ его поразило, что онъ пересталъ принимать пищу, ослабѣлъ, слегъ и черезъ нѣсколько дней умеръ.

II.

Существуютъ люди, словно какимъ-то злымъ рокомъ обреченные всю жизнь терпѣть неудачи. Къ числу такихъ неудачниковъ принадлежалъ мой отецъ. Дѣтство его было самое безотрадное. Изо дня въ день приходилось ребенку жить подъ страхомъ отцовской плети. Еще горше пошла жизнь, когда въ домѣ поселилась злая мачиха. Какъ ненавидѣли ее дѣти, можно судить по тому, что когда младшій ихъ братишка умеръ отъ кровотеченія изъ носа, они были убѣждены, что это мачиха опоила его какимъ-то зельемъ.

Учился отецъ мой въ новгородъ-сѣверской гимназіи. Но, что это была за гимназія и чему въ ней учили, показываетъ хотя бы тотъ фактъ, что отецъ мой по окончаніи курса въ ней вѣрилъ и въ глазъ, и въ три свѣчи, и въ тяжелые дни, и въ то, что одни люди, поселяясь въ чужой домъ, приносятъ счастіе, а другіе—несчастіе; онъ не имѣлъ даже понятія, куда дѣвается пища послѣ того, какъ мы ее проглатываемъ. Онъ наивно предполагалъ, что вода проходитъ разомъ черезъ всѣ внутренности человѣка, и увѣрялъ, что пить воду очень полезно, такъ какъ она промываетъ легкія.

Тѣмъ не менѣе, по окончаніи курса въ гимназіи, онъ пробрался въ Петербургъ съ цѣлью поступить въ университетъ. Но, бли-

стательно провалившись на пріемныхъ экзаменахъ, онъ ограничился торною дорожкою гражданской службы. Дальніе родственники опредѣлили его въ коммисаріатъ, а потомъ онъ перешелъ въ сенатъ, гдѣ и служилъ до отставки.

Какъ трудно было ему въ первые годы въ Петербургѣ, можно судить по тому, что, пріѣхавши въ Петербургъ почти въ одно время съ Гоголемъ (въ 1827 г.), онъ перещеголялъ великаго писателя въ томъ отношеніи, что послѣдній «отхваталъ» одну лишь зиму въ лѣтней шинели, а отецъ мой не одну зиму щеголялъ въ одномъ лишь форменномъ вицъ-мундирчикѣ. Чтобы не замерзнуть, онъ обкладывалъ себя съ головы до ногъ между бѣльемъ и платьемъ писчею бумагою, и впослѣдствіи увѣрялъ, что бумага согрѣвала его лучше всякихъ мѣховъ.

Не удалась отцу моему ученая карьера, но нельзя сказать чтобы и на гражданской службѣ повезло. Перейдя въ сенатъ, онъ застрялъ тамъ въ должности регистратора, которая давала ему всего 46 рублей мѣсячнаго жалованья, и ничего не выслужилъ послѣ 35-лѣтней лямки, кромѣ чина коллежскаго ассесора, пряжки и пенсіи въ 14 рублей.

Замѣчательно, что, терпя однѣ неудачи и проведя всю жизнь въ нищетѣ, отецъ мой не упалъ духомъ, не повѣсился и не спился. Онъ былъ обязанъ этимъ, конечно, полному отсутствію честолюбія, врожденному умѣнью довольствоваться малымъ и находить счастіе и наслажденіе жизнію даже въ такихъ скромныхъ ея благахъ, какъ жирный борщъ съ малороссійскимъ саломъ или пулька преферанса на мѣлокъ.

Большую роль игралъ въ этомъ и завидный сангвиническій темпераментъ. Отецъ мой ничего не могъ дѣлать, не увлекаясь до самозабвенія. Даже въ такія чисто механическія работы, какъ переписка или колка сахару, онъ уходилъ весь. Въ то-же время, въ высшей степени нервный, онъ мгновенно воспламенялся, какъ порохъ, отъ всякой малости, хотя такъ же быстро и угасалъ. Достаточно было ему поставить большой ремизъ въ игрѣ или сдѣлать кляксу на переписываемой бумагѣ, какъ онъ впадалъ въ полное отчаяніе: вскакивалъ съ мѣста, начиналъ рвать волосы на головѣ и причитать, что онъ несчастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, что ему только и остается, что повѣситься или утопиться. Но проходило не болѣе четверти часа, какъ отъ этого отчаянія не оставалось и слѣда: онъ снова говорилъ, что надъ нимъ благословеніе Божіе, и что онъ счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ; безпечно игралъ на гитарѣ и распѣвалъ подъ ея аккомпаниментъ свои малороссійскія пѣсни.

III.

Сошлись мои родители совершенно случайно. Не сладкая любовь, а горькая нужда потянула ихъ другъ къ другу. Имъ было совсѣмъ не до романовъ. Отецъ мой такъ назябся, бѣгая на службу въ одномъ вицъ-мундирѣ, и такъ наголодался въ дешевенькихъ кухмистерскихъ, что когда ему приблизилось къ 30 годамъ, и служебное положеніе его нѣсколько упрочилось, ему страстно захотѣлось имѣть хоть жалкій уголъ—да свой, горшокъ щей, сваренный на домашнемъ очагѣ...

Мать же моя, послѣ замужства старшей сестры и смерти матери, оставалась старшей въ домѣ, и все хозяйство лежало на ея рукахъ. Отецъ ея получалъ гроши въ видѣ пенсіи и заработка кистью. Не легко было сводить концы съ концами, прокармливая ораву болѣе десяти душъ. Къ тому же, семья была недружная: дня не проходило безъ ссоръ и дрязгъ. Впослѣдствіи члены ея разсѣялись по взаимной враждѣ и при встрѣчахъ не кланялись другъ другу. Были и такіе, которые пропали безслѣдно,—спились, либо бѣжали въ Америку.

Стукнуло матери моей 30 лѣтъ, и еще два года перекинулось на четвертый десятокъ. Она потеряла всякую надежду вырваться изъ семейнаго ада и готова была пойти за перваго, кто посватался бы къ ней. И вотъ, вмѣсто купидона съ крылышками и колчаномъ за спиною, явился ярославскій скупщикъ и доказалъ, что русскій мужикъ способенъ не только прокормить двухъ генераловъ на необитаемомъ островѣ, но и сыскать жениха для перезрѣлой дѣвицы.

Это былъ холщевникъ Максимъ, главная профессія котораго состояла въ томъ, что онъ скупалъ у ярославскихъ кустарей полотна ручного тканья и разносилъ ихъ по домамъ. Но была у него и другая профессія: разнося полотна, переносилъ онъ изъ дома въ домъ сплетни, любовныя письма, занимался и сватовствомъ.

Максимъ этотъ игралъ большую роль въ моей семейной хроникѣ. Въ семьѣ моей матери было много невѣстъ, и онъ пересваталъ всѣхъ моихъ тетокъ. Я хорошо помню его: средняго роста плотно скроенный мужикъ, съ рябымъ лицомъ и большой рыжей окладистой бородой лопатой, одѣтый въ синій кафтанъ, застегнутый на всѣ петли. Я любилъ его появленіе въ домѣ. Какъ придетъ, бывало, такъ и засыплетъ всѣхъ, какъ горохомъ, своими медовыми рѣчами, обильно уснащая ихъ пословицами, поговорками, риѳмами, прибаутками; божится, клянется, образа снимаетъ и, въ концѣ концовъ, всучитъ кусокъ лежалаго гнилого полотна и въ придачу жениха, хотя всего лишь коллежскаго регистратора, но такого, что не сегодня-завтра будетъ произведенъ въ генералы.

Сосваталъ Максимъ и моихъ родителей. Они могли всю жизнь прожить, не узнавъ о существованіи другъ друга, если бы Максимъ не явился къ нимъ обоимъ: матери наговорилъ объ отцѣ, что онъ такой умница, что чуть не звѣзды съ неба хватаетъ, — у начальства на первомъ счету, современемъ непремѣнно сенаторомъ сдѣлается. А что касается поведенія, то скромнѣе красной дѣвушки: не мотъ, не игрокъ; въ ротъ ни капельки,—только и дѣлаетъ, что пѣсни поетъ да на гитарѣ играетъ.

Отцу, въ свою очередь, было внушено, что мать моя — и хозяйка-то, и умница, и образованная, по-французски такъ и рѣжетъ. А у папеньки у ейнаго деньжищъ куры не клюютъ! Можно быть спокойнымъ: голой не выдадутъ, все приданое сошьютъ, какъ слѣдуетъ, — и шубу енотовую, и бѣлье голландское; дочка любимая, не обидятъ.

А далѣе все пошло своимъ порядкомъ—сговоръ, обрученіе, переговоры и торги о приданомъ, при чемъ два раза дѣло доходило до того, что женихъ готовъ былъ и на попятный, и снова Максимъ начиналъ бѣгать туда и сюда, пока дѣло, наконецъ, сладилось; 13 ноября 1836 года возложили на главы моихъ родителей вѣнцы, и счастливый отецъ мой первую зиму въ своей жизни щеголялъ въ енотовой шубѣ (хотя и самой дешевенькой, купленной на Апраксиномъ, — на такъ называемомъ «рыбьемъ» мѣху).

IV.

Хотя мои родители сошлись и не по взаимному влеченію, тѣмъ не менѣе, они вполнѣ осуществили извѣстную теорію любви, основанную на притяженіи противоположностей. Въ самомъ дѣлѣ: трудно представить себѣ людей болѣе во всемъ противоположныхъ.

Отецъ мой былъ смуглый брюнетъ. Мать—блондинка съ нѣжно-розовымъ цвѣтомъ лица, голубыми глазами и каштановыми волосами. Отецъ каждую минуту готовъ былъ подняться выше точки кипѣнія; мать была типичная флегма, спокойная, хладнокровная, разсудительная, малоподвижная, съ молодости расположенная къ тучности.

Оба свято соблюдали праздники и посты, но каждый былъ религіозенъ по-своему. Религіозность отца носила южный, католическій характеръ. Онъ очень любилъ благолѣпіе церковныхъ службъ, не пропускалъ ни одного торжественнаго богослуженія, особенно если пѣли хорошіе пѣвчіе; ни одинъ церковный праздникъ не обходился безъ него.

Религіозность матери носила характеръ сѣверный, протестантскій. Она рѣдко ходила въ церковь. «Молиться и дома можно,— говорила она,—заперщись, чтобы никто не видалъ, не мѣшалъ. А въ церкви одинъ соблазнъ; толкотня, давка, осматриваютъ другъ

друга съ головы до ногъ, шушукаются, судачатъ; того и гляди, осудишь кого,—до молитвы ли тутъ?» Дома она, дѣйствительно, порою молилась пламенно, обливаясь слезами. Любила она подчасъ читать что-нибудь божественное, и тоже при этомъ проливала не мало слезъ.

Замѣчательно, что при всей флегматичности она обладала сильнымъ воображеніемъ,—была за панибрата и съ небеснымъ царствомъ, и съ подземнымъ (т. е. съ царствомъ потребенныхъ). Къ ней часто во снѣ и на яву являлись то святые, не исключая самой Божіей Матери, то умершіе родные, утѣшали ее въ горестяхъ и предрекали исполненіе желаній. Когда однажды она была тяжко больна, къ ней являлся по ночамъ таинственный докторъ, выходившій изъ стѣны, давалъ ей совѣты и дѣлалъ строгіе выговоры, если она ихъ не исполняла, и она была убѣждена, что къ ней являлся, если не самъ Николай угодникъ, то, по меньшей мѣрѣ, Пантелѣй цѣлитель.

Противоположны были мои родители и въ употребленіи умственной пищи. Общаго у нихъ въ этомъ отношеніи было лишь то, что оба имѣли одинаково-смутное понятіе о томъ, что происходило на свѣтѣ, какъ въ Европѣ, такъ и въ ихъ отечествѣ. Имъ и въ голову не приходило, чтобы существовало какое-либо движеніе въ обществѣ или въ литературѣ. Они воображали, что лучше тѣхъ порядковъ, какіе существовали въ ихъ отечествѣ, не могло быть, что Россія—самая могучая держава и могла бы весь міръ завоевать, если бы только захотѣла.

При всемъ томъ, они любили «почитать», но вовсе не ради обогащенія ума знаніями или развитіемъ. Чтеніе имѣло для нихъ одинъ сказочный интересъ, и они съ равнымъ увлеченіемъ читали арабскія сказки и романы Вальтеръ-Скотта, «Петра Выжигина» и «Капитанскую дочь», романы Дюма и «Робинзона», журналы для взрослыхъ и дѣтей.

Но и тутъ они высказывали полную противоположность. Отецъ читалъ съ олимпійскимъ спокойствіемъ, и чтеніе не производило на него, повидимому, никакого впечатлѣнія. Никогда не случалось, чтобы онъ былъ не въ состояніи отстать отъ книги: на самой интересной страницѣ былъ способенъ отмѣтить ногтемъ мѣсто, до котораго прочелъ, загнуть страницу и закрыть книгу.

Мать же моя увлекалась чтеніемъ до самозабвенія, вся уходила въ книгу, радуясь и плача вмѣстѣ съ героями и переживая всѣ ихъ треволненія. Она швыряла книгу на полъ, если романъ кончался неблагополучно, и, напротивъ,—когда герои сочетались бракомъ, а злодѣи подвергались заслуженной казни и мукамъ преступной совѣсти, лицо ея принимало торжествующій видъ, какъ будто она выигрывала двѣсти тысячъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она любила по прочтеніи книги разсказывать окружающимъ содержаніе ея—съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разста-

новкой, со всѣми подробностями, обнаруживая при этомъ удивительную память и весьма недюжинный повѣствовательный даръ, при помощи котораго шаблонный романчикъ пріобрѣталъ въ ея устахъ обаятельно-поэтическій колоритъ.

При всѣхъ этихъ противоположностяхъ, родители мои прожили жизнь довольно дружно. Ссорились они при вспыльчивомъ характерѣ отца, правда, часто, но все это были мимолетныя ссоры изъ-за такихъ пустяковъ, что они тотчасъ же безслѣдно забывались.

Пальма первенства въ союзѣ принадлежала, само собою разумѣется, матери. При своемъ темпераментѣ отецъ не замедлилъ страстно къ ней привязаться, и при всякомъ случаѣ твердилъ всѣмъ и каждому, что Богъ послалъ ему ангела. Мать же лишь позволяла любить себя, а сама смотрѣла на мужа нѣсколько свысока, а порою и съ пренебреженіемъ, благодаря его вспыльчивости по пустякамъ и неудачливости. Сдерживая порывы этой вспыльчивости, а также страстишку отца къ картишкамъ, она твердо держала его въ уздѣ и мало по-малу настолько подчинила своей волѣ, что каждый истраченный имъ грошъ былъ у нея на отчетѣ.

V.

Унаслѣдовавши отъ бабушки плодородіе, мать моя, несмотря на позднее замужство, успѣла все-таки семь разъ разрѣшиться отъ бремени,—въ томъ числѣ два раза двойнями,—такъ что, если бы всѣ рожденные ею были живы, у нея было бы девять дѣтей. Но большинство умерло въ младенчествѣ, и выжили только я да младшая сестра Елена.

Родился я 15 сент. 1838 года, въ Семеновскомъ полку, гдѣ родители мои занимали маленькую квартирку въ двѣ комнатки. Вскорѣ послѣ того они переселились на Офицерскую улицу, въ домъ Герарда, въ которомъ отецъ мой получилъ мѣсто управляющаго и даровую квартирку въ двѣ-три комнаты.

Здѣсь пробудились первыя мои воспоминанія, относящіяся ко второму или третьему году. Такъ, я помню свою маленькую кроватку, въ которой я засыпалъ, крѣпко прижимая къ груди фарфоровую крышку масляницы, изображавшую утку. Неутѣшно ревѣлъ я, когда однажды эта утка упала и разбилась.

Помню дѣда, Ивана Ѳедоровича, котораго привезли къ намъ передъ смертью. Живо встаетъ въ моей памяти, какъ ввели въ нашу зальцу высокаго, сѣдого, изможденнаго старика, посадили на диванъ, и онъ болѣзненно сгорбился, стоная и охая. Помню гробъ въ той же зальцѣ, съ золотыми кистями, которыя очень меня забавляли. Помню, какъ пришелъ священникъ служить панихиду, а я завладѣлъ его посохомъ и началъ верхомъ на немъ скакать вокругъ гроба.

Однажды во время обѣда, мать съ тетею Вѣрой, поселившейся у насъ послѣ смерти дѣда, заговорили по поводу ходившихъ въ то время въ обществѣ слуховъ о томъ, что Петербургъ въ скоромъ времени провалится подъ землю. И надо же было случиться, что какъ разъ во время этого разговора внезапно подъ моей матерью подломилось кресло, и она всѣмъ тѣломъ грохнулась на полъ. Я въ паническомъ ужасѣ бросился вонъ изъ столовой, крича благимъ матомъ:

— Ай, маменька провалилась!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Переселеніе на Петербургскую сторону. Петербургская сторона въ 40-ые годы. Моя жизнь лѣтомъ и зимою. Монотонность и скука ея. Характеръ моего воспитанія. Шалости, игры и ихъ отвлеченность.

I.

Послѣ смерти дѣда и раздѣла его добра, на долю матери моей достался миніатюрный, имѣвшій всего пять оконъ по фасаду, домикъ на Петербургской сторонѣ, на Большой Никольской (нынѣ Звѣринской) улицѣ. За домомъ простирался обширный дворъ, а за нимъ — садъ, густо заросшій березами, сиренями, яблонями, съ столѣтнимъ развѣсистымъ дубомъ въ три обхвата.

По полученіи наслѣдства, отецъ мой оставилъ управленіе домомъ Герарда, и родители мои переселились въ собственное владѣніе. Это было въ началѣ 40-хъ годовъ. И вотъ, тамъ, въ глухомъ захолустьи Петербургской стороны, пришлось мнѣ прожить до тридцатилѣтняго возраста.

Петербургская сторона въ тѣ времена ни мало не походила на всѣ прочія части столицы. Немощенныя, обросшія травою улицы, непролазно-грязныя осенью и весною, пыльныя лѣтомъ и тонущія въ глубокихъ сугробахъ зимою, съ высокими дырявыми мостками вмѣсто тротуаровъ; приземистые, старенькіе домишки, съ высочайшими, почти отвѣсными тесовыми и черепичными кровлями, покрытыми мохомъ и травою, съ покосившимися воротами, на верху которыхъ росли обязательно березки; лабиринтъ глухихъ, кривыхъ, безлюдныхъ переулковъ и закоулковъ; масса садовъ, огородовъ и заросшихъ бурьяномъ пустырей; дохлыя кошки подъ сѣрыми заборами, кривившимися направо и налѣво, — все это напоминало именно захолустный заштатный городишко, а не уголокъ европейской столицы.

Обыватели Петербургской и сами не считали себя столичными жителями; отправляясь за Неву, говорили: «ѣдемъ на ту сторону, въ городъ».—Надо замѣтить при этомъ, что поѣздка «въ городъ» была цѣлымъ путешествіемъ, иногда даже не безопаснымъ.

Лѣтомъ путникъ рисковалъ утонуть, переѣзжая черезъ Неву въ непогоду; зимою—сбиться съ дороги въ сильную выогу ночью и попасть въ полынью, а не то быть ограбленнымъ и убитымъ въ безлюдной степи, какую представляла зимою замерзшая Нева. Прибавьте ко всему этому, что весною и осенью, во время ледохода, снимались мосты и прекращалось всякое сообщеніе съ городомъ на недѣлю и болѣе.

За то Петербургская сторона представляла такой замкнутый въ себѣ міръ, что можно было прожить всю жизнь, ни разу не побывавши «на той сторонѣ», такъ какъ на Ситномъ рынкѣ и Большомъ проспектѣ можно было достать все необходимое. Даже пенсіонерамъ, которыхъ множество проживало на Петербургской, не было надобности ѣздить «на ту сторону», такъ какъ главное казначейство въ то время помѣщалось въ Петропавловской крѣпости.

Это былъ своеобразный мірокъ отставныхъ и заштатныхъ чиновниковъ, пьющихъ мертвую и каждый вечеръ приходящихъ въ невмѣняемое состояніе, убогихъ кумушекъ-салопницъ, обивающихъ пороги господъ благодѣтелей, побирающихся, распивающихъ съ утра до вечера кофеи и разсуждающихъ при этомъ о близкой кончинѣ міра, горемычныхъ домовладѣльцевъ, полусумасшедшихъ, полуголодныхъ, одичалыхъ, ежедневно рисковавшихъ быть погребенными подъ развалинами своихъ ветхихъ домишекъ.

Весь этотъ убогій людъ велъ жизнь, не имѣвшую ничего общаго со столичною. Такъ, въ ведреные лѣтніе вечера все населеніе высыпало на улицы и располагалось на заваленкахъ у воротъ; взрослые грызли сѣмячки, судачили и сплетничали другъ на друга; мальчишки играли въ бабки или пускали змѣй; голубятники на крышахъ махали навязанными на шестахъ тряпками, гоняя голубей, а дѣвушки водили хороводы или играли въ горѣлки. По субботамъ можно было встрѣтить по улицамъ чиновниковъ въ халатахъ и старушекъ, плетущихся изъ бани съ багровыми лицами и съ вѣниками подъ мышкой. Въ семикъ дѣвушки обязательно завивали березку и носили ее по дворамъ съ пѣснями и плясками. Въ Рождество не только мальчишки, но и взрослые парни ходили по домамъ славить со звѣздою, а въ рождественскіе вечера появлялись по улицамъ толпы ряженыхъ въ маскахъ и съ шумомъ и гамомъ входили въ дома, гдѣ ставились въ окнахъ свѣчи нарочно для ихъ привлеченія.

За то въ будни, особенно зимою, уже въ шесть часовъ вечера Петербургская словно вымирала; улицы, слабо освѣщенныя рѣдкими фонарями, едва мигавшими своими жалкими ночниками, наполненными коноплянымъ масломъ, дѣлались пусты и небезопасны. Въ десять же часовъ гасились огни и въ самыхъ домахъ, и все погружалось въ непробудный сонъ до утра. Воцарялось мертвое молчаніе, прерываемое лишь изрѣдка трещоткою хожалаго, заунывь-

нымъ перезвономъ курантовъ на колокольнѣ Петропавловскаго собора и не менѣе заунывнымъ перекликаньемъ будочниковъ: «слуша-й!»

Равно и въ домашнемъ обиходѣ все отзывалось захолустною патріархальностью. Рано ложась спать, и вставали рано, съ пѣтухами. Обѣдали въ двѣнадцать часовъ утра, а послѣ обѣда отдыхали часика три-четыре. Кушанья варили въ русскихъ печахъ, и при этомъ ради экономіи старались заготовлять дома все, что было можно: кислую капусту, соленые грибы, бураки, бобы, варенья и пр. Пекли дома черный хлѣбъ, дѣлали квасъ. На Рождествѣ привозили съ Сѣнной говяжьи и свиныя туши, разрубали ихъ на части и солили на весь мясоѣдъ, и, кромѣ того, къ Пасхѣ коптили окорока.

Все это, вмѣстѣ взятое, разумѣется, не имѣло ничего общаго съ кипучей столичной жизнью, съ ея шумомъ и гамомъ, роскошными салонами и блестящими магазинами.

II.

О первыхъ пяти годахъ моего существованія память моя сохранила одни отрывочныя воспоминанія. Съ пяти же лѣтъ жизнь начинаетъ вырисовываться въ моей памяти уже не одними выдающимися эпизодами, а и общимъ своимъ колоритомъ.

Колоритъ этотъ былъ, по правдѣ сказать, довольно сумрачный, томительный, однообразный и скучный, свойственный бѣдной семьѣ, прозябавшей въ захолустьи Петербургской стороны.

Въ теченіе четырехъ или пяти лѣтнихъ мѣсяцевъ наша дѣтская жизнь (т. е. моя и сестры моей Клены, бывшей пятью годами моложе меня), правда, нѣсколько проясняясь, такъ какъ мы съ утра и до сумерокъ проводили время на дворѣ и въ саду, въ сообществѣ десятка мальчишекъ и дѣвчонокъ,—дѣтей полунищихъ обитателей подвальнаго этажа нашего дома.

Одѣтая въ жалкія рубища, полуголодная, ничему не обучаемая и предоставленная на волю Божію, эта дѣтвора была, однако, нисколько не менѣе, если не болѣе, младенчески-чиста душою, чѣмъ и выхоленныя въ барскихъ хоромахъ дворянскія дѣти. По крайней мѣрѣ, ни я, ни сестра моя не можемъ пожаловаться, чтобы заразились отъ нихъ чѣмъ бы то ни было дурнымъ.

Живо встаютъ передо мною эти лучшіе годы жизни, словно озаренные какимъ-то райскимъ сіяніемъ. Вспоминается безконечная вереница жаркихъ лѣтнихъ дней, когда даже та жалкая и чахлая природа, какая только могла быть въ маленькомъ садикѣ нашемъ, приводила меня въ восторгъ и кружила голову волшебными грезами. Лежа по часамъ на зеленой травѣ, я упивался и запахомъ розъ и левкоевъ, которыя въ обиліи

сажалъ отецъ, своими руками вспахивая куртинки и грядки, и обаятельнымъ шумомъ деревъ, ласково кивавшихъ мнѣ своими зелеными вѣтвями съ голубого неба, и веселымъ чириканьемъ невѣдомыхъ мнѣ птичекъ и жужжаньемъ пчелъ, и назойливымъ пискомъ комаровъ надъ самымъ ухомъ. А съ улицы въ это время доносились до слуха и выкрикиванье разносчиковъ, и звуки шарманки подъ аккомпаниментъ бубна, и «Вдоль по матушкѣ по Волгѣ», пѣсня, распѣваемая гдѣ-то вдали подгулявшею артелью плотниковъ,— все это сливалось въ моихъ ушахъ въ немолчный хоръ жизни, подмывавшій и звавшій въ какую-то невѣдомую и заманчивую даль...

Вспоминаются мнѣ и рѣзвыя игры съ толпою сверстниковъ, съ ихъ оглушительными криками и бѣготнею. Особенно врѣзалась мнѣ почему-то въ память игра въ бунты. Заключалась она въ томъ, что часть дѣтей выстраивалась въ двѣ шеренги съ палочками на плечахъ и изображала собою взбунтовавшійся полкъ. Къ полку этому выходилъ сначала великій князь, но тщетно старался обуздать бунтующихъ: они продолжали неистово кричать и грозить ружьями. Тогда выходилъ самъ императоръ и мигомъ укрощалъ мятежъ; воцарялось грозное молчаніе. Великій князь указывалъ ему на зачинщиковъ—и ихъ уводили подъ стражу и разсаживали по тюрьмамъ. Затѣмъ игра принимала другой характеръ: начиналась бѣготня, заключавшаяся въ томъ, что узники старались убѣжать изъ-подъ стражи, а тюремщики ловили ихъ и вновь водворяли въ темницы. Возможно, что игра эта была отголоскомъ 14-го декабря, послѣ котораго минуло въ то время не болѣе двадцати лѣтъ.

Особенно плѣняло насъ, дѣтей, необозримое поле, простиравшееся передъ Петропавловскою крѣпостью на мѣстѣ въ то время не существовавшаго еще Александровскаго парка и называвшееся почему-то «паратомъ».

Поле это было покрыто травою, и на немъ лѣтомъ паслось стадо коровъ; мальчишки пускали змѣи, а по праздникамъ бѣдный людъ располагался съ семьями на травкѣ пировать,—распивали кофе и водку, играли въ горѣлки, водили хороводы, пѣли хоровыя пѣсни подъ аккомпаниментъ гармоники и пр. Няньки водили на «паратъ» дѣтей.

Помню, однажды мнѣ вздумалось, вмѣстѣ съ главною подругой моего дѣтства Анютой, удрать самостоятельно на «паратъ», но мы не дошли еще до цѣли путешествія, какъ были настигнуты домашнею погонею и водворены на мѣсто жительства.

По вечерамъ, когда солнце садилось и смѣнялось безоблачно-яркою, палевою зарею, сіявшею золотомъ въ окнахъ домовъ и наполнявшею садъ прозрачными сумерками,—наигравшись, набѣгавшись и умаявшись за день, мы усаживались въ кружокъ въ завѣтномъ уголкѣ сада, подъ плакучею березою и, пугливо прислушиваясь къ шуму городской ѣзды, который, какъ волны

морского прибоя, немолчно грохоталъ за Невою, другъ передъ другомъ изощрялись въ разсказахъ о чертяхъ, мертвецахъ, привидѣніяхъ и тому подобныхъ ужасахъ.

Мало по малу мы такъ наэлектризовывали другъ друга всѣми этими разсказами, что доходили до настоящихъ галлюцинацій. Такъ однажды, когда мы вздумали посѣтить всею гурьбою маленькую дачку, построенную отцомъ въ концѣ сада, — мы скатились кубаремъ въ одну кучу съ довольно высокой и крутой лѣстницы, такъ какъ первый взобравшійся по ней на чердакъ увидѣлъ тамъ страшнаго старика съ большою сѣдою бородой...

Въ другой разъ того же старика мы увидѣли въ коровникѣ и рѣшили, что это самъ домовой, что́ подтверждали и всѣ домашніе: нѣкоторые изъ нихъ сами видѣли, какъ по ночамъ домовой бродилъ по двору въ видѣ высокаго сѣдого старика.

Лошадей у насъ въ домѣ не было, но коровъ иногда родители мои заводили, и всегда неудачно—именно вслѣдствіе того, что домовой не жаловалъ коровъ; пробовали заводить и бѣлую, и черную, и рыжую, но ни одною не могли угодить ему: упрется корова всѣми четырьмя ногами и ни за что не идетъ въ хлѣвъ, а если ее силой втаскивали,—начинала хирѣть, хворать, переставала давать молоко и, въ концѣ концовъ, издыхала. Впрочемъ, были скептики, которые утверждали, что тутъ виноватъ не домовой, а злые люди, которые, чтобы насолить за что-то отцу, нарочно разсыпали по конюшнѣ или вбивали въ конопатку стѣнъ волчью или медвѣжью шерсть. Корова чуяла запахъ звѣря и не шла въ конюшню.

III.

Но вотъ наступала осень, дожди, слякоть; дворъ наполнялся непролазною грязью, такъ что не было никакой возможности проходить черезъ него иначе, какъ по досщечкамъ, проложеннымъ отъ воротъ къ крыльцу. Вмѣстѣ съ тѣмъ прекращались и игры съ ребятами, и прогулки. По цѣлымъ днямъ приходилось сидѣть безвылазно въ комнатахъ. Одинъ день, какъ двѣ капли воды, походилъ на другой. Каждое утро отецъ уходилъ на службу; мать принималась за стряпню. Насъ засаживали за книжки. Въ 12 часовъ мать садилась обѣдать, а послѣ обѣда ложилась отдохнуть до трехъ часовъ; мы же, предоставленные себѣ, могли дѣлать, что угодно, лишь бы соблюдали тишину и не мѣшали матери спать.

Въ четыре часа приходилъ со службы отецъ и, въ свою очередь, садился обѣдать, при чемъ и мы не упускали случая пообѣдать вторично. Послѣ обѣда отецъ ложился часокъ-другой отдохнуть, и опять намъ вмѣнялось быть тише воды, ниже травы.

Затѣмъ тянулся безконечный вечеръ, тускло освѣщаемый сальною свѣчею. Мать принималась шить, штопать чулки, читать.

Отецъ углублялся въ бумаги или клеилъ гильзы и насыпалъ ихъ табакомъ.

Раза два въ недѣлю приходила къ намъ престарѣлая убогая дѣвица, которую мы прозвали «стрекозою», потому что всею фигурою она напоминала именно стрекозу, озображенную на одной изъ виньетокъ, приложенныхъ къ имѣвшимся у насъ басенамъ Крылова.

Кромѣ нея приходили изрѣдка сослуживцы отца, братья Клѣпцовы, оба большіе франта, завитые, напомаженные, въ цилиндрахъ. Но подъ цилиндрами въ головахъ у нихъ была феноменальная скудость мыслей. Кромѣ того, у нихъ имѣлось два отличія: первое заключалось въ томъ, что они всему удивлялись, а второе, что младшій братъ игралъ роль эхо старшаго: своихъ рѣчей не имѣлъ, а только повторялъ то, что произносилъ старшій.

— Удивительный!—восклицалъ старшій, объѣдаясь поданнымъ за ужиномъ пирогомъ.

— Поразительный!—вторилъ ему братъ.

— Артистически прекрасно!—произносилъ старшій, выслушавъ романсикъ, спѣтый тетею Вѣрою.

— Очаровательно!.. Божественно!..—вторилъ ему младшій.

— Представьте себѣ: поворачивая въ вашу улицу, я свалился и такъ расшибъ себѣ ногу, что вплоть до вашего дома шелъ и хромалъ, шелъ и хромалъ!

— Подумайте, въ самомъ дѣлѣ, братецъ-то...—вторилъ ему младшій:—на самомъ-таки поворотѣ въ вашу улицу упалъ и такъ расшибъ себѣ ногу, что до самаго вашего дома шелъ и хромалъ, шелъ и хромалъ.

— Удивительно!

— Поразительно!

Тотчасъ же по приходѣ гостей устраивался преферансикъ, по большей части на мѣлокъ, что не мѣшало отцу безпрестанно приходить въ азартъ. Послѣ каждой игры обязательно слѣдовали ожесточеннѣйшіе споры, кончавшіеся часто тѣмъ, что отецъ вскакивалъ, восклицая:

— Съ такими сапожниками, шулерами и подлецами никакого дѣла имѣть невозможно!

Затѣмъ онъ схватывался за волосы и ложился на диванъ, а гости брались за шапки. Стрекоза заливалась слезами, завязывая ленты своей шляпки; братья Клѣпцовы брались за свои цилиндры и въ полномъ недоумѣніи пожимали плечами.

— Подумайте, какой аффронтъ!—удивлялся старшій братъ.

— Вообразите, что за безобразіе!—вторилъ ему меньшой.

Долго мать уговаривала и останавливала обиженныхъ гостей, извиняясь передъ ними за горячность малороссійской натуры отца, увѣряя ихъ, что, въ сущности, онъ человѣкъ очень добрый и весьма ихъ цѣнитъ и любитъ. Гости, съ своей стороны, все только порыва-

лись уходить, а сами топтались на одномъ мѣстѣ. Наконецъ, отецъ схватывался съ дивана и самъ начиналъ уговаривать ихъ.

— Ну, полноте, ну, что такое! Простите, я просто погорячился. Давайте продолжать игру.

Стрекоза развязывала ленты и снимала шляпку; братья Клѣпцовы ставили снова свои цилиндры на фортепьяно и, какъ ни въ чемъ не бывало, садились за игру.

Что касается насъ, дѣтей, то не скажу, чтобы подобныя сцены насъ особенно потрясали. Должно быть, мы къ нимъ пригляделись, и онѣ вносили въ нашу жизнь нѣкоторое разнообразіе, иначе можно было умереть отъ скуки, созерцая безконечную и однообразную канитель преферансной пульки. Мы же съ сестрой обязательно присаживались къ играющимъ и въ продолженіе всей игры наблюдали, какъ они вистуютъ и пасуютъ.

IV.

Воспитаніе наше велось, конечно, по ветхозавѣтной домостроевской рутинѣ, и при томъ до такой степени спустя рукава, что я не знаю даже, правильно ли употреблять въ настоящемъ случаѣ слово *«воспитаніе»*, — развѣ только въ томъ буквальномъ смыслѣ, что *питали* насъ весьма усердно и обильно. Кромѣ того, что мы два раза обѣдали — сначала съ матерью, потомъ съ отцомъ, а затѣмъ ужинали, мы не разъ въ промежуткахъ бѣгали въ кухню за болѣе или менѣе увѣсистымъ ломтемъ вкуснаго домашняго ржаного хлѣба.

Драли насъ и за уши, и въ уголъ ставили, и на колѣни, иногда и посѣкали маленько, — все это, впрочемъ, въ умѣренной дозѣ, не особенно жестоко и больно...

Но худо было то, что наказывали насъ совсѣмъ зря. Многое, за что дѣйствительно стоило бы насъ пробрать, сходило намъ съ рукъ, за то вдругъ набрасывались на насъ за такія невинныя вещи, которыя не требовали ни малѣйшаго наказанія. Такъ, однажды мы забрались въ пустую собачью будку въ числѣ пяти или шести дѣтей. Одна дѣвчонка разыгрывала роль суки, остальныя были ея щенятами. Въ это время отецъ и мать возвращались откуда-то домой, и вотъ видятъ — лѣзутъ изъ будки одинъ за другимъ съ полдюжины ребятъ, и мы въ томъ числѣ, всѣ, конечно, перепачканные, перемазанные. Сейчасъ же послѣдовала порка, — а за что бы, казалось?..

Несмотря на то, что я былъ любимый сынокъ у матери, болѣе всего доставалось мнѣ. Сестра, по своей женской хитрости, всегда вывертывалась и выходила сухая изъ воды, а я попадался, какъ куръ во щи... Къ тому же, мальчикъ я былъ рѣзвый, вѣчно измышлявшій какія-нибудь непозволительныя шалости, и на меня

безпрестанно жаловались. То Андріану Иванычу, пьянчугѣ-чинушѣ занимавшему въ подвалѣ уголъ отъ жильцовъ, плевалъ изъ окна на лысину, то другому чиновнику-жильцу запускалъ изъ самострѣла въ щеку стрѣлу съ насаженной на концѣ булавкой. Особенно много доставалось отъ меня сестренкѣ.

Чтобы избавить мать отъ безпрестанныхъ расправъ со мною, придумано было средство, по правдѣ сказать, нѣсколько жестокое. Отецъ началъ брать меня съ собою на службу. Представьте себѣ муку для ребенка—съ девяти до четырехъ часовъ просиживать въ канцеляріи среди углубленныхъ въ бумаги чиновниковъ въ полной праздности. Единственнымъ моимъ развлеченіемъ въ это время было калякать на лѣстницѣ со сторожами или ходить, по порученію отца, по чиновникамъ и раздавать имъ бумаги, заставляя расписываться въ большущей книгѣ. Хуже всего было то, что къ такой ужасной мѣрѣ укрощенія отецъ прибѣгалъ не зимою, когда все равно и дома была порядочная скука, а лѣтомъ, когда на дворѣ было такъ весело и шумно.

Результатомъ монотонности жизни и бѣдности впечатлѣній было то, что мы съ сестрой мало-по-малу создали свой особенный фантастическій міръ, вполнѣ отрѣшенный отъ окружающей дѣйствительности, и всецѣло ушли въ него. Это былъ міръ сказокъ, разсказываемыхъ намъ прислугою или вычитанныхъ изъ книгъ.

Всѣ наши игры заключались въ томъ, что я, въ образѣ храбраго витязя, ѣхалъ спасать ослѣпительную красавицу съ мѣсяцемъ на лбу, заключенную въ терему злымъ волшебникомъ, а сестра, въ свою очередь, воображала, что ее спасаетъ Бова-королевичъ отъ преслѣдованія лихихъ разбойниковъ.

И не только мы витали въ своемъ фантастическомъ мірѣ во время самыхъ игръ, но и во всѣ часы дня, когда обѣдали, ужинали или ложились спать. Отецъ и мать, сидя съ нами за столомъ, и не подозрѣвали, что пользуются обществомъ Еруслана Лазаревича и Забавы Путятишины, мы же отлично знали, что обѣдали подъ сосною на скатерти самобранкѣ, и я безпрестанно оглядывался на буфетъ, въ опасеніи, какъ бы татаринъ не увелъ моего вѣрнаго коня. Когда же ложился спать, я нѣжно обнималъ и прижималъ къ сердцу свою жену, только-что освобожденную мною изъ плѣна татарскаго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Трагедія тети Вѣры. Холера 1848 года. Бѣлый терроръ. Пожаръ въ сенатѣ. Первоначальное обученіе подъ ферулою матери, отца и тети Надежды Ивановны. Ученіе въ приготовительныхъ школахъ. Студентъ Никоновъ. Что я читалъ въ дѣтствѣ.

I.

День за днемъ, какъ двѣ капли воды, одинъ на другой похожіе своимъ однообразіемъ и монотонностью,—я и не замѣтилъ, какъ прожилъ десять лѣтъ, и ничѣмъ особеннымъ они не ознаменовались, кромѣ двухъ оставшихся въ моей памяти событій: трагедіи тети Вѣры и холеры 1848 года.

Я говорилъ уже выше, что тетя Вѣра поселилась у насъ, послѣ смерти дѣда, когда мнѣ было лѣтъ пять, а ей двадцать. Это была типическая Петербургской стороны барышня. Все образованіе ея заключалось въ томъ, что она умѣла бренчать легонькія пьески на фортепьянахъ и произнести нѣсколько незамысловатыхъ фразъ на смѣси французскаго съ нижегородскимъ; за то была мастерица печь кулебяки, вышивать на пяльцахъ, штопать чулки и т. п. Вдобавокъ, была большая рѣзвушка и хохотунья.

Какъ и всѣмъ подобнымъ барышнямъ, выйти замужъ было у ней страстное желаніе, и о суженомъ она гадала безпрестанно то на картахъ, то по «Оракулу». Наклеивались и кое-какіе женишки. Такъ, рьяно ухаживалъ за нею нѣкій Іосифъ Ѳедоровичъ,—человѣкъ высокаго роста, плотный, съ добродушнымъ лицомъ, не глупый. Кромѣ какой-то службы, онъ бралъ у литераторовъ переписывать рукописи, которыя носилъ намъ для прочтенія раньше появленія ихъ въ печати. Я очень любилъ его, правда, не совсѣмъ безкорыстною любовью: иногда онъ дарилъ мнѣ дѣтскія книжечки, и каждый разъ, когда приходилъ къ намъ, я смотрѣлъ ему въ руки, не несетъ ли онъ что-либо и для меня.

Кромѣ Іосифа Ѳедоровича, былъ еще претендентъ на руку и сердце тети,—сослуживецъ отца, сенатскій секретарь Иванъ Тимофеевичъ Дементьевъ, маленькій, субтильный человѣчекъ, очень живой и острый.

Но въ то время, какъ Іосифа Ѳедоровича тетя браковала и позволяла себѣ такія обидныя издѣвательства, которыя онъ спускалъ только потому, что очень любилъ ее,—Дементьевъ, за котораго она была не прочь выйти, медлилъ почему-то предложеніемъ, по всей вѣроятности, по ея безприданности. Такъ шли дѣла, когда внезапно явился третій женихъ, который и оказался ея суженымъ—не на радость, а на погибель.

Самое появленіе его на горизонтѣ нашей жизни окружено въ моей памяти мистическимъ ужасомъ.

До какой степени Петербургская сторона считалась въ то время загороднымъ мѣстомъ, можно судить по тому, что отецъ въ концѣ сада выстроилъ маленькую дачку въ три комнатки, и ежегодно въ ней жила какая-нибудь семья, жаждущая провести лѣто среди зелени и подышать свѣжимъ вачевскимъ воздухомъ. Иногда же, когда въ домѣ предпринимался большой ремонтъ, мы и сами перебирались на эту дачку, какъ было и въ то лѣто, когда тетя вышла замужъ.

Однажды, часа въ три жаркаго лѣтняго дня, когда отецъ былъ еще на службѣ, мать съ тетей отправились посмотрѣть, что дѣлаютъ въ большомъ домѣ рабочіе. Но какъ только они взошли на крыльцо, тетя вскрикнула и такъ откинулась назадъ, что чуть не столкнула съ лѣстницы мать. Оказалось, ей померещилось, будто изъ-за двери высунулся человѣкъ въ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ и такъ же быстро снова спрятался за дверь. Бросились туда, но за дверью, равно какъ и во всѣхъ сѣняхъ, никого не оказалось.

Мать и тетя вернулись домой, сильно перепуганныя и взволнованныя. Много было толковъ и предположеній о странномъ видѣніи. Прошла недѣля. Какъ вдругъ явился сватъ Максимъ и объявилъ, что наклевывается женишокъ, интендантскій чиновникъ, Павелъ Михѣевичъ Купріановъ, вдовецъ съ восьмилѣтнимъ сыномъ. Максиму отвѣтили, что очень рады видѣть г-на Купріанова.

Господинъ Купріановъ не замедлилъ явиться, и тетя, какъ только увидѣла его, сдѣлалась бѣлѣе полотна: выглянувшій изъ-за дверей призракъ былъ именно Купріановъ.

Это обстоятельство послужило къ сближенію брачущихся. Тетя пришла къ твердому убѣжденію, что недаромъ ей померещился Купріановъ, что онъ и никто иной долженъ быть ея суженымъ; такъ что когда Купріановъ сдѣлалъ ей предложеніе, она приняла его безъ малѣйшихъ колебаній.

II.

Начались обычныя приготовленія къ свадьбѣ: сговоръ, обрученіе, шитье приданаго и пр. Вдругъ за нѣсколько дней до свадьбы явилась къ намъ незнакомая женщина, рекомендовалась матерью жениха и начала умолять, чтобы не выдавали тетю за сына ея, не губили напрасно дѣвушки, такъ какъ онъ человѣкъ злой, развратный, выгналъ изъ дома родную мать свою на голодъ и холодъ и, сверхъ того, находится въ связи съ родной сестрой, женщиной также злой и развратной, загубившей первую жену своего брата-любовника...

Всѣ были крайне смущены въ нашемъ домѣ такими рѣчами старухи. Родители мои не знали, что дѣлать и какъ быть; тетя плакала и ходила, какъ потерянная. Сообщили объ этомъ жениху. Онъ крайне обидѣлся и сказалъ, что если къ нему питаютъ такъ мало довѣрія, что готовы повѣрить сумасшедшей старухѣ, которая сама уѣхала отъ него, а теперь порочитъ его на всѣхъ перекресткахъ, разсказывая, что только взбредетъ ей въ голову, то, само собою разумѣется, ему остается лишь отказаться отъ брака ради сохраненія своей чести, и онъ готовъ тотчасъ же возвратить обручальное кольцо.

Тетя встала и, протянувъ ему руку, торжественно объявила, что она не вѣритъ никакимъ сплетнямъ, и, что бы ни говорили о немъ, выйдетъ за него, такъ какъ въ этомъ бракѣ видитъ предопредѣленіе свыше.

Въ назначенный день сыграли свадьбу, какъ слѣдуетъ, съ шампанскимъ, музыкой, танцами, въ какой-то обширной квартирѣ съ садомъ. Затѣмъ родные стали ожидать пріѣзда молодыхъ съ визитомъ. Они, дѣйствительно, явились на третій день, но, Боже, въ какомъ ужасномъ видѣ!

Какъ разъ передъ самымъ ихъ пріѣздомъ разразилась сильная гроза съ вихремъ и съ градомъ. Молодые ѣздили съ визитами въ коляскѣ. Лошади испугались грозы и понесли. Какъ только остались оба живы! пріѣхали измокшіе, перепуганные. Но кромѣ того, Купріановъ, никому не кланяясь и пылая гнѣвомъ, съ первыхъ словъ напустился на моихъ родителей съ бранью и угрозами, утверждая, что за него обманомъ выдали сумасшедшую.

Отецъ и мать оправдывались, увѣряли, что родители ея были люди здоровые, и до замужства она не обнаруживала ни малѣйшихъ признаковъ помѣшательства; неужели, будучи цѣлый мѣсяцъ женихомъ и видясь съ ней ежедневно, онъ не замѣтилъ бы, если бы невѣста обнаружила хоть разъ маленькую ненормальность?

Что касается тети Вѣры, она была неузнаваема: блѣдная, какъ полотно, исхудалая, какъ послѣ тяжкой болѣзни, съ блуждающими глазами, она вопила:

— Я у васъ останусь, я не пойду къ нему... Это не человѣкъ... это самъ дьяволъ... У него копыта вмѣсто ногъ... Онъ по ночамъ летаетъ по комнатамъ... Да, да! Взовьется къ потолку, летаетъ и свиститъ, летаетъ и свиститъ...

Не помню, чѣмъ кончилась эта сцена. Вѣроятно, насъ, дѣтей, поскорѣе увели. Молодые вскорѣ уѣхали, и мнѣ уже рѣдко приходилось видѣть тетю Вѣру. Повидимому, послѣ того ни самъ Купріановъ не являлся къ намъ, ни ее не пускалъ.

Помѣшательство тети имѣло тихій характеръ. Иногда она впадала въ бредъ въ родѣ вышеприведеннаго, и тогда ей мерещились страшныя галлюцинаціи; чаще же всего она находилась какъ бы въ забытьи. Когда къ ней обращались, она словно просыпалась

и отвѣчала односложными «да», «или нѣтъ». Лицо ея неизмѣнно носило одно и то же страдальческое выраженіе.

Проживъ послѣ того не болѣе четырехъ или пяти лѣтъ, она умерла медленною и мучительною смертью отъ горловой чахотки. Купріяновъ послѣ ея похоронъ исчезъ съ нашего горизонта, и мы съ тѣхъ поръ не имѣли о немъ никакихъ извѣстій.

Случись эта самая катастрофа съ тетею Вѣрою лѣтъ десять спустя, я не замедлилъ бы подыскать къ ней реальныя причины, отнесясь отрицательно къ предположеніямъ о какихъ бы то ни было зельяхъ и колдовствахъ. Но мнѣ было въ ту пору не болѣе восьми лѣтъ, и весь воздухъ въ нашемъ домѣ былъ насыщенъ мистицизмомъ. Всѣ вокругъ въ одинъ голосъ утверждали, что тетю, навѣрное, золовка чѣмъ-нибудь опоила. Мы еще болѣе, чѣмъ прежде, начали бояться темныхъ угловъ и закоулковъ въ нашемъ домѣ Разъ Купріяновъ, этотъ демонъ въ образѣ человѣка, явился тетѣ изъ-за двери, то развѣ не могъ онъ такимъ же образомъ показаться кому-нибудь и изъ насъ? Или что стоило ему пролетѣть со свистомъ надъ нашими кроватками? И когда тетю отпѣвали въ церкви, пугливо смотрѣли мы на ноги Купріянова, убѣжденные въ томъ что въ сапогахъ его скрываются копыта...

III.

Вторымъ крупнымъ событіемъ въ моей жизни была холера 1848 года. Много послѣ того пережилъ я холеръ, но ни одна не произвела на меня такого впечатлѣнія, какъ эта,—тою общественною паникою, какою она сопровождалась.

Въ самой природѣ было что-то грозное и зловѣщее. Лѣто было необычайно сухое и знойное. Горѣли лѣса и болота, наполняя воздухъ удушливымъ смрадомъ. Небо отъ этой гари было желто-сѣрое, и солнце катилось въ видѣ багроваго шара, на который можно было свободно смотрѣть безъ боли въ глазахъ.

Къ счастью, никто въ семействѣ нашемъ, ни даже въ домѣ не захворалъ холерою. Но живо помню тревожныя лица и разговоры старшихъ; помню вереницы похоронъ, каждое утро тянувшіяся по улицѣ мимо нашего домика, помню тревоги по случаю заболѣванія и смертей въ сосѣднихъ домахъ. Помню, какъ я стоялъ съ отцомъ въ несмѣтной толпѣ на Исакіевской площади на какомъ-то публичномъ молебствіи объ отвращеніи народнаго бѣдствія, при чемъ мнѣ и теперь еще слышится тотъ глухой грохотъ, съ какимъ вся многотысячная толпа опустилась на колѣни.

Осталось въ моей памяти и тревожное впечатлѣніе того смутнаго волненія, какое съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе овладѣвало населеніемъ столицы и грозило разразиться бунтомъ въ родѣ того, какой произошелъ на Сѣнной площади въ холеру 1831 года.

Говорили о подсыпателяхъ, которые проникаютъ подъ разными предлогами въ кухни и отравляютъ воду въ кадкахъ, о томъ, что нѣсколько такихъ подсыпателей съ подозрительными склянками и порошками, найденными у нихъ въ карманахъ, были избиты толпою и отведены въ участки въ растерзанномъ видѣ; говорили о нападеніи на санитарныя кареты, въ которыя якобы забирали съ улицъ пьяныхъ, принимая ихъ за холерныхъ, говорили о заживо-погребенныхъ и т. п.

Я помню, что родители мои, въ свою очередь, поспѣшили убрать кадку съ водою изъ сѣней въ кухню и подозрительно смотрѣли на каждаго незнакомаго, приходившаго къ намъ во дворъ или кухню.

Холерный 1848 годъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, революціоннымъ годомъ. Но крупныя европейскія событія не только не оставили во мнѣ ни малѣйшаго впечатлѣнія, но даже и не подозрѣвались мною.

Надо замѣтить при этомъ, что у меня были два родныхъ дяди офицеры, служившіе въ армейскихъ полкахъ; изрѣдка пріѣзжали они въ Петербургъ и останавливались у насъ. Я очень радовался каждый разъ ихъ пріѣзду,—и тѣмъ игрушкамъ, которыя они дарили мнѣ каждый разъ, и тѣмъ прибауткамъ и шуткамъ, которыя они въ обиліи расточали, и непрестанной познѣ ихъ со мною. Самый дорожный запахъ, какой они приносили съ собою, — смѣсь сѣна и дегтя,—особенно какъ-то радовалъ меня. Я, конечно, тотчасъ же сближался съ ихъ денщиками, и они носились со мною по саду, сажая меня къ себѣ за спину. Каждый разъ, когда дяди уѣзжали, я становился носомъ въ уголъ и предавался горькимъ слезамъ.

Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ дядя Илья Ивановичъ, помню, тревожно шептался съ родителями моими о чемъ-то совсѣмъ непонятномъ мнѣ: какихъ-то людей собирались казнить; они были уже выведены на площадь; на нихъ были уже надѣты бѣлые балахоны, какъ вдругъ прилетѣлъ курьеръ изъ дворца съ высочайшимъ повелѣніемъ объ отмѣнѣ казни и помилованіи...

И когда я вздумалъ просить родителей разъяснить мнѣ, въ чемъ дѣло, они отвѣчали, что мнѣ рано еще объ этомъ знать, и чтобы я держалъ языкъ за зубами и отнюдь никому не болталъ о томъ, что слышалъ, а то будетъ бѣда.

Вообще нужно замѣтить, что всюду въ тѣ времена царилъ паническій страхъ передъ какою-то неотвратимою бѣдою. Каждое появленіе на дворѣ «кварташки» съ краснымъ воротникомъ и треуголкѣ внушало чуть не смертный ужасъ. Чуть заходила рѣчь о какихъ-либо общественныхъ дѣлахъ или высочайшихъ особахъ, сейчасъ же начинали трусливо шептаться, при чемъ дѣти отсылались въ другія комнаты. Родители мои, живя въ своемъ собственномъ домѣ и не имѣя никакихъ сосѣдей за стѣною,—тѣмъ не менѣе,

не разъ говорили, что слѣдуетъ о нѣкоторыхъ вещахъ говорить какъ можно осторожнѣе, такъ какъ сами стѣны имѣютъ уши.

Какъ великъ былъ страхъ въ тѣ времена, можно судить по слѣдующему эпизоду. Въ сенатѣ, въ томъ самомъ департаментѣ, гдѣ состоялъ мой отецъ, случился ничтожный пожаръ: загорѣлся деревянный ящикъ съ дровами, стоявшій между печкою и шкафомъ съ дѣлами, при чемъ слегка обгорѣлъ шкафъ, но дѣла, заключавшіяся въ немъ, остались неповрежденными.

Если нужно было по поводу этого событія произвести слѣдствіе, то, казалось бы, совершенно достаточно было слѣдствія домашняго, произведеннаго на мѣстѣ, днемъ, при собравшихся на службу чиновникахъ.

Нѣтъ, какъ можно! Предписано было свыше произвести строжайшее секретное разслѣдованіе; едва ли не была составлена особенная для этой цѣли коммиссія, при чемъ подлежащихъ допросамъ чиновниковъ препровождали,—не знаю ужъ куда,—не иначе, какъ по ночамъ, подъ конвоемъ жандармовъ.

Послѣ этого понятно, какую сенсацію произвело у насъ въ домѣ появленіе ночью жандарма, пріѣхавшаго за отцомъ, чтобы везти его къ допросу. Мать плакала, благословляя его образомъ и дѣлала наставленія, какъ себя держать и что отвѣчать на допросѣ.

IV.

Если нравственное воспитаніе наше хромало, за то объ умственномъ родители наши заботились, какъ только могли. Отецъ изъ послѣднихъ скудныхъ средствъ умудрился провести меня черезъ гимназію, благодаря тому, что жизнь въ тѣ времена была дешева, и плата въ гимназіяхъ не превышала 30 рублей въ годъ. Сестру также пристроили на казенный счетъ въ Александровскую половину Смольнаго монастыря.

Грамотѣ начали учить меня очень рано, и неграмотнымъ я себя не помню. Учителей въ дѣтствѣ было у меня много. Азбукѣ учила меня мать, конечно, по старинному, по слогамъ, при чемъ, по ея словамъ, въ нѣсколько дней я уже научился быстро читать. Отецъ училъ меня ариѳметикѣ, а тетя Надежда Ивановна языкамъ.

Тетя Надежда Ивановна, одна изъ младшихъ сестеръ матери, была женщина среднихъ лѣтъ, вдова. Кончивъ курсъ въ одномъ изъ институтовъ, она гувернерствовала; въ промежуткахъ же между мѣстами проживала то у одной, то у другой изъ сестеръ; прожила и у насъ годъ-другой.

Женщина это была не злая,—шутила, смѣялась и играла съ нами въ свободное время, но какъ только усаживала насъ за ученье, напускала на себя непомѣрную строгость. Чуть, бывало, запнешься въ чтеніи или не такъ произнесешь французское слово,

какъ уже получишь щелчокъ въ голову, а сдѣлаешь кляксу въ тетради, — станешь на колѣни и надѣнешь дурацкій колпакъ на голову съ надписью: «шалунъ», «неряха», «грубіянъ» и т. п.

Но странно,—вѣроятно потому, что строгость эта была напускная,—всѣ ея наказанія не столько насъ раздражали и ожесточали, сколько смѣшили. Мы умудрялись «играть», и стоя на колѣняхъ. Чуть выходила тетя въ другую комнату, мы тотчасъ же начинали вальсировать вокругъ комнаты и снова становились на колѣни, какъ только въ сосѣдней комнатѣ раздавались ея шаги.

Я никогда не забуду, какъ однажды, — только что поставила тетя меня и сестру на колѣни съ колпаками,—блеснула молнія и раздался сильный ударъ грома. Мы давай креститься и кланяться въ землю, нарочно стукаясь, что есть мочи, колпаками въ полъ, при чемъ, конечно, смяли ихъ въ блины, и такъ это насъ разсмѣшило, что мы такъ и раскачивались, стоя на колѣняхъ, въ истерическомъ хохотѣ, и напрасно тетя дѣлала свирѣпое лицо, угрожая намъ, чѣмъ могла,—никакими мѣрами строгости не могла унять насъ, и въ то же время искусала себѣ всѣ губы, чтобы самой не расхохотаться.

Шести или семи лѣтъ отдали меня сначала въ одну, потомъ въ другую приготовительную школу. Какіе были порядки въ этихъ школахъ, чему тамъ учили и выучивали ли чему, я не помню. Помню только, что въ одной изъ этихъ школъ я былъ настоящимъ мученикомъ, такъ какъ въ ней было много мальчиковъ значительно старше меня, и жестоко мнѣ отъ нихъ доставалось. Кромѣ насмѣшекъ, обидныхъ прозвищъ, тукманокъ и колотушекъ, рѣдкій день обходился безъ того, чтобы не съѣдали мой завтракъ, которымъ снабжала меня мать.

Изъ воспоминаній о первой школѣ осталось у меня одно весьма некрасивое. Какой-то воспитанникъ, мальчикъ лѣтъ уже пятнадцати, расшалившись, обозвалъ Сына Божія такими непечатными словами, что привелъ всѣхъ въ ужасъ. Нашлись благочестивыя дѣти, которыя тотчасъ же донесли объ этомъ начальницѣ, а она, тоже въ ужасѣ, доложила законоучителю, прося совѣта, какъ поступить съ мальчикомъ въ виду столь ужаснаго и неслыханнаго преступленія. Священникъ изрекъ приговоръ: мальчика выпороть, для примѣра, передъ всѣмъ классомъ.

Такъ и поступили. Откуда-то явился увѣсистый и длинный пукъ розогъ; спустили дерзновенному штанишки и, не помню ужъ кто, лакей или дворникъ всыпалъ ему десятокъ розогъ. И всѣ любовались этимъ зрѣлищемъ, въ томъ числѣ и сама начальница, женщина еще молодая!

Что касается второй школы, то помню только, какъ меня донимали тамъ писаніемъ подъ рядъ цыфръ безъ конца и упражненіями въ четырехъ дѣйствіяхъ надъ числами, занимавшими всю ширину аспидной доски, при чемъ едва замѣчалась малѣйшая

ошибка, — все стиралось, и я долженъ былъ продѣлать дѣйствіе сначала.

За полгода до пріемныхъ экзаменовъ былъ приглашенъ для приготовленія меня къ нимъ студентъ университета В. А. Никоновъ. Онъ приготовилъ меня какъ нельзя лучше, такъ что я могъ бы поступить и прямо во второй классъ гимназіи, мнѣ не было еще полныхъ десяти лѣтъ.

Я говорилъ уже выше, что родители мои любили «почитать» въ досужее время, и въ домѣ у насъ не переводились книги. Откуда-то доставались журналы: «Отечественныя Записки», «Современникъ», «Библіотека для чтенія», «Иллюстрація» Кукольника, альманахи, литературныя новинки вродѣ «Ста русскихъ литераторовъ», «Мертвыхъ душъ», «Тарантаса» гр. Сологуба. Излюбленнымъ же чтеніемъ у насъ въ дому были романы Ал. Дюма и Сю. И «Графъ Монтекристо», и «Парижскія тайны», и «Вѣчный жидъ»,—все это не миновало нашего дома.

И все это съ жадностью проглатывалось мною. Десертомъ для меня служили народныя сказки, а также «Котъ въ сапогахъ», «Конекъ Горбунокъ», и многое другое, что многократно перечитывалось мною самимъ, прочитывалось въ зимніе вечера въ кухнѣ и прислугѣ, которая каждый разъ слушала меня съ такимъ же увлеченіемъ, съ какимъ я читалъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Поступленіе въ гимназію. Испытанія и муки въ продолженіе перваго класса. Характеристика Ларинскій гимназіи. Директоръ, инспекторъ, учителя.

I.

Ближайшая гимназія отъ насъ была Четвертая, Ларинская, въ 6-ой линіи Васильевскаго острова. Въ нее-то я и поступилъ въ 1848 году. Живо помню день моего поступленія, ясный и теплый августовскій день. Въ 10 часовъ утра отецъ привелъ меня въ гимназію. Экзаменъ происходилъ въ пріемной комнатѣ, гдѣ былъ поставленъ длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. Главное мѣсто за столомъ занималъ высокаго роста, сухой, сѣдовласый старецъ, съ желтымъ лицомъ, съ орденомъ на шеѣ и съ гордою осанкой, директоръ Адамъ Андреевичъ Фишеръ, а справа и слѣва отъ него помѣщался весь ареопагъ экзаменующихъ. Поступающіе переходили отъ одного учителя къ другому, и экзаменъ каждаго продолжался не болѣе четверти часа.

По случаю холернаго времени классы въ тотъ годъ начались поздно, не раньше сентября. Первый годъ моего гимназичества былъ для меня поистинѣ мученическимъ.

Начать съ того, что уроки въ то время продолжались по полутора часа, и первый урокъ начинался въ восемь часовъ утра; съ 12 до 2-хъ часовъ ученики распускались по домамъ, а затѣмъ снова начинались уроки до четырехъ часовъ. Благодаря такому нелѣпому росписанію, на первомъ и послѣднемъ урокахъ зимою горѣли свѣчи; ученики же приходили въ гимназію и уходили домой почти впотьмахъ.

Отъ нашего дома до гимназіи было добрыхъ двѣ версты, и, чтобы поспѣвать къ первому уроку, мнѣ приходилось вставать въ семь часовъ утра и бѣжать въ потемкахъ, иногда въ жестокую стужу и вьюгу, черезъ безконечный Тучковъ мостъ. Для девятилѣтняго ребенка, жившаго до того времени въ домашней тепличной обстановкѣ, изнѣженнаго, рѣдко выпускаемаго на зимній холодъ, это было адской мукой. Я часто опаздывалъ, а меня за это наказывали. Не говорю уже о тѣхъ безпрестанныхъ простудахъ, какимъ я подвергался.

Но самымъ тяжелымъ игомъ были товарищи. Нужно сказать, что въ то время не существовало еще никакихъ ограниченій относительно срока пребыванія учениковъ въ гимназіи, и ученики могли оставаться въ одномъ классѣ лѣтъ по пяти. При такихъ порядкахъ, въ младшихъ классахъ, рядомъ съ десятилѣтними мальчуганами, возсѣдали юноши, годившіеся хоть сейчасъ подъ вѣнецъ. Особенно въ третьемъ классѣ можно было встрѣтить верзилъ, уже брившихся, говорившихъ басомъ, пившихъ водку, рѣзавшихся въ картишки и знакомыхъ со всѣми увеселительными заведеніями въ столицѣ.

Если принять въ соображеніе, что мало-мальски способные и нравственно-дисциплинированныя дѣти аккуратно переходили изъ класса въ классъ, а засиживались самые безпардонные лѣнтяи и шалопаи, то станетъ понятнымъ, какое деморализующее вліяніе оказывали подобныя чудовища, оборванныя, грязныя, растрепанныя, съ заспанными глазами, съ печатью наглости или идіотизма на лицѣ, грубыя, одичалыя и развратныя на сидѣвшихъ съ нимъ рядомъ малютокъ девяти и десяти лѣтъ. Понятно, что силою своихъ кулаковъ великовозрастные держали своихъ товарищей-новичковъ подъ игомъ необузданнаго деспотизма, тѣшились надъ ними вволю и въ то же время научали ихъ всякимъ пакостямъ.

Трудно передать, какой Содомъ представляли собою три первыхъ класса, расположенные въ рядъ направо отъ черной лѣстницы. Это былъ вѣчно бѣснующійся бедламъ, съ которымъ начальство не знало, какъ справиться. Въ каждую перемѣну между классами устраивались кулачные бои: классъ шелъ на классъ, и въ дверяхъ шла отчаянная потасовка, доходившая нерѣдко до выбитія зубовъ и тяжкихъ искалѣченій. Потушить разомъ всѣ свѣчки на послѣднемъ урокѣ, или же при входѣ учителя въ классъ разомъ спустить

на окнахъ всѣ сторы, а не то во время урока начать хоромъ отпѣвать глухого учителя русскаго языка Протопопова, — было дѣломъ самымъ обыкновеннымъ. Не проходило дня безъ какой-нибудь крупной шалости, затѣянной подъ предводительствомъ великовозрастныхъ. Не помогали никакія кары, ни даже розги, практиковавшіяся въ тѣ времена весьма щедро, при чемъ саженные мужланы, кряхтя и прося прощенія басомъ, ложились на скамью съ такою же покорностью, какъ и дѣти.

Къ довершенію всѣхъ бѣдъ, одного изъ великовозрастныхъ, нѣкоего Ломанова, назначили старшимъ класса. Старшіе считались помощниками гувернеровъ; они обязаны были слѣдить за порядкомъ и записывать нарушителей его. Пользуясь этой властью, нашъ старшій учредилъ цѣлую систему взяточничества. Какъ только дѣти собирались въ классъ, онъ тотчасъ-же начиналъ записывать въ свой штрафной списокъ первыхъ попавшихся ему на глаза. Каждый записанный долженъ былъ откупаться булками, перьями, карандашами, пеналами и т. п. Начинался безцеремонный торгъ, а кто не шелъ на выкупъ, того Ломановъ записывалъ двухкратно и троекратно, и тѣмъ болѣе тяжкому наказанію рисковалъ подвергнуться не покорившійся... Какъ теперь гляжу я на это чудовище, напоминавшее собою заматорѣлаго въ зуботычинахъ городового: средняго роста, шестнадцати-лѣтній мальчуганъ, приземистый и нѣсколько тучный, онъ поражалъ тупою деревянностью своего лица. На лицѣ этомъ словно было написано: оставьте надежду на снисхожденіе... Только, бывало, и думаешь, какъ бы не попасться на его алчные глаза.

II.

Но не отъ однихъ великовозрастныхъ терпѣлъ я. Проведя первые десять лѣтъ жизни въ теплѣ и холѣ, подъ маменькинымъ крылышкомъ, что называется въ ватѣ, я—былъ мальчикъ тщедушный, малосильный, застѣнчивый, робкій до послѣдней степени, неспособный ни отгрызнуться, ни отвѣтить на тукманку тукманкой же, и поэтому былъ своего рода паріей класса, мишенью для всевозможныхъ насмѣшекъ, издѣвательствъ и потасовокъ со стороны каждаго забіяки, которому только приходило въ голову потѣшиться надо мною.

Особенное же огорченіе для меня составляло то, что меня не пускали въ гимназію одного, а непремѣнно въ сопровожденіи нянюшки Катерины Никитишны, которая провожала меня въ гимназію, неся мою сумочку, и затѣмъ приходила за мною по окончаніи классовъ. Это обстоятельство окончательно роняло меня въ глазахъ товарищей и было причиною самыхъ безпощадныхъ насмѣшекъ съ ихъ стороны. Дошло до того, что самъ я получилъ прозвище «нянюшки», и товарищи перестали звать меня по фа-

миліи. Во время перемѣнъ, обступивши со всѣхъ сторонъ, дразнили меня хоромъ: «нянюшка! нянюшка! нянюшка!»—и чѣмъ болѣе злился я и выходилъ изъ себя, тѣмъ болѣе заливались они хохотомъ. Это такъ огорчало меня, что я началъ слезно умолять родителей не посылать болѣе за мною нянюшку. Но долгое время всѣ мои просьбы были тщетны. Катерина Никитишна, очень ко мнѣ привязанная и боявшаяся, что дорогой меня кто либо обидитъ, продолжала приходить за мною даже вопреки волѣ господъ, и только зимою я отдѣлался, наконецъ, отъ нея; но прозвище «няньки» продолжало тяготѣть надо мною вплоть до третьяго класса.

Вообще могу сказать, что я не зналъ въ своей жизни болѣе тяжелаго и мрачнаго года, какъ тотъ, какой пережилъ въ первомъ классѣ гимназіи.

Но всему бываетъ конецъ,—кончились и мои испытанія. При переходѣ во второй классъ, въ 1849 году, порядки въ гимназіи измѣнились. Явилось новое распредѣленіе уроковъ; они теперь начинались съ девяти часовъ и продолжались до двухъ съ половиной сплошь, безъ тѣхъ большихъ промежутковъ, какъ прежде. Вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ введенъ новый законъ, по которому ученики не могли оставаться болѣе двухъ лѣтъ въ одномъ классѣ. Всѣ, утратившіе возможность продолжать курсъ, должны были выйти. Младшіе классы, такимъ образомъ, очистились отъ разъѣдавшей ихъ язвы, и гимназіи по распорядкамъ уроковъ и перемѣнъ приняли тотъ видъ, какой, съ нѣкоторыми измѣненіями, онѣ сохраняютъ и понынѣ.

Всѣ эти перемѣны сразу дали себя почувствовать. Я положительно ожилъ, и съ плечъ моихъ словно свалилась пудовая тяжесть. Кончилось необузданное владычество грубой силы, и раннія вставанья до зари, и возвращенія домой при тускломъ мерцаніи фонарей—голоднымъ, измученнымъ отъ усталости, а иногда и избитымъ. Да, наконецъ, и я освоился уже съ гимназической лямкой.

III.

Ларинская гимназія считалась одною изъ лучшихъ въ Петербургѣ, образцовою. Здѣсь начинали въ качествѣ учителей свою карьеру молодые магистранты, будущіе профессора; таковы въ мое время были М. М. Стасюлевичъ, Ѳ. Ѳ. Петрушевскій, К. Я. Люгебиль, Н. П. Корелкинъ. А такъ какъ, кромѣ того, Ларинская гимназія была ближайшею къ Педагогическому институту, и, къ тому же директоромъ ея былъ Адамъ Андреевичъ Фишеръ, читавшій педагогику въ институтѣ, то въ Ларинской гимназіи часто читали подъ руководствомъ Фишера свои пробные уроки и студенты института, готовившіеся въ учителя.

Во главѣ гимназіи стоялъ, какъ я уже говорилъ, Адамъ Андреевичъ Фишеръ. Это былъ выходецъ изъ Вѣны, гдѣ воспитывался въ іезуитскомъ лицеѣ и въ вѣнскомъ университетѣ. Пріобрѣтя расположеніе министра Уварова, онъ читалъ лекціи по философіи и педагогикѣ въ с.-пб-скомъ университетѣ, педагогическомъ институтѣ и въ духовной академіи; сверхъ того, съ 1835 по 1861 былъ директоромъ Ларинской гимназіи.

Очень плохо владѣвшій до самой своей смерти русскимъ языкомъ, Фишеръ не преставлялъ собою выдающагося и даровитаго профессора на тѣхъ каѳедрахъ, которыя занималъ, и слушатели его не относились съ особымъ уваженіемъ къ нему и къ его лекціямъ. Но, какъ педагогъ-практикъ, безспорно, онъ былъ однимъ изъ лучшихъ директоровъ петербургскихъ гимназій того времени. Онъ былъ человѣкъ высшаго образованія, и отъ него пахло Европой.

Всегда спокойный, сдержанный, не позволявшій себѣ съ воспитанниками ни одной оскорбительной грубости, въ мѣру строгій и въ мѣру снисходительный, онъ относился къ нимъ, какъ отецъ къ дѣтямъ. Онъ слѣдилъ за успѣхами и поведеніемъ каждаго воспитанника въ отдѣльности. Каждую субботу онъ проходилъ по всѣмъ классамъ; въ каждомъ прочитывалъ отмѣтки, выставленныя учителями, и дѣлалъ надлежащія нотаціи, ни мало не возвышая голоса, но столь внушительно, что доводилъ нѣкоторыхъ воспитанниковъ до слезъ. Въ то же время всѣ эти нотаціи отнюдь не имѣли характера начальническихъ выговоровъ и распеканій, а скорѣе всего—родительскихъ внушеній. При томъ, онъ никогда не держался того обскурантно-безсмысленнаго правила, практикующагося во всѣхъ отрасляхъ нашей пропитанной азіатскимъ деспотизмомъ жизни, по которому, при распутываніи какого-либо недоразумѣнія, высшій всегда оказывается во что бы то ни стало правымъ, а низшій—кругомъ виноватымъ. Онъ нелицепріятно разбиралъ жалобы инспектора и учителей на воспитанниковъ и наоборотъ, и если оказывалось, что воспитанникъ былъ правъ, а учитель или инспекторъ виноваты, онъ принималъ сторону воспитанника, и случалось, что тутъ же дѣлалъ выговоръ нападавшимъ несправедливо на воспитанника, не стѣсняясь при этомъ прикрикнуть на самого инспектора, котораго онъ, сказать къ слову, недолюбливалъ за его неотесанность, грубость и несправедливость.

Большую честь Фишеру дѣлало и то, что онъ обращалъ вниманіе не на однѣ отмѣтки и аттестаціи воспитанниковъ со стороны учителей и гувернеровъ, а и на способности, темпераменты и всѣ условія ихъ жизни. Если онъ видѣлъ, что воспитанникъ имѣлъ особую наклонность къ какому-нибудь предмету, онъ всячески поощрялъ мальчика, возбуждалъ въ немъ соревнованіе, дѣлалъ ему нѣкоторыя льготы, въ родѣ того, что внушалъ учителямъ не слишкомъ много требовать съ него по другимъ предметамъ.

Такимъ образомъ, было немыслимо, чтобы ученикъ, выказывавшій необыкновенныя способности по математикѣ или музыкѣ, портилъ свою карьеру изъ-за какой-нибудь единицы изъ латинскаго языка. Этотъ рѣдкій педагогическій тактъ невольно переходилъ отъ директора къ учителямъ, и тѣ, въ свою очередь, относились къ ученикамъ безъ черствой суровости и безсердечнаго формализма.

Времена тогда были мрачныя и суровыя. Угодить съ гимназической скамьи въ солдаты, въ арестантскія роты, безъ выслуги, было очень легко. Высшее начальство было все военное. Одинъ гр. Мусинъ-Пушкинъ чего стоилъ. О его бѣшеномъ нравѣ и непроходимой глупости ходили анекдоты. Ему ничего не значило посадить Тургенева въ часть подъ каланчу за некрологъ о Гоголѣ. Я никогда не забуду, какъ бѣшено затопалъ онъ ногами съ угрозами красной шапкой, когда въ его присутствіи у одного ученика седьмого класса, В. Макушева (впослѣдствіи профессора славянскихъ нарѣчій въ варшавскомъ университетѣ), появилась на губахъ самая невинная улыбка. Тѣмъ не менѣе въ директорѣ нашемъ мы постоянно видѣли гуманнаго заступника.

Однажды пансіонеры, недовольные экономомъ за его скверный столъ, учинили гимназическій бунтъ: истребили всю посуду; бросились въ залъ и тамъ начали срывать со стѣнъ картины и бросать ихъ на полъ, разбивая въ дребезги стекла. Директоръ безъ труда успокоилъ воспитанниковъ и такъ ловко замялъ всю эту кутерьму, что дальше гимназическихъ стѣнъ слухъ о ней не распространился, и все дѣло ограничилось дисциплинарными наказаніями.

Что касается розогъ, «тотэньки розоньки», какъ выражался директоръ, практиковавшихся въ низшихъ классахъ, то нельзя было ставить и этого въ вину директору. Розги входили всецѣло въ систему воспитанія того времени. Не поставить въ годовомъ отчетѣ, подаваемомъ директоромъ въ высшія инстанціи, цыфры высѣченныхъ въ теченіе года, было такъ же немыслимо, какъ не обозначить, сколько въ теченіе года было больныхъ воспитанниковъ или учителей, и свидѣтельствовало бы о невыполненіи директоромъ возложенныхъ на него обязанностей. Къ тому же, Фишеръ былъ человѣкъ своего времени: онъ родился въ 1799 году, и его, навѣрное, самого посѣкали въ Вѣнскомъ іезуитскомъ коллегіумѣ...

IV.

Совсѣмъ другого рода человѣкъ былъ инспекторъ, Василій Петровичъ Серебровскій. Средняго роста, тучный,—что вдоль, что поперекъ,—онъ представлялъ собою движущійся кубъ, на который была насажена огромная голова съ мясистымъ рябымъ лицомъ и толстыми губами. Неповоротливый, неуклюжій, неладно скроенный,

но крѣпко сшитый, онъ былъ живымъ олицетвореніемъ Собакевича. Говорилъ онъ владимірскимъ нарѣчіемъ, съ густымъ произношеніемъ на букву «о».

О немъ говорили, что онъ былъ нѣжный семьянинъ и игралъ на какомъ-то инструментѣ, что не мѣшало ему, однако, имѣть массу антипедагогическихъ пороковъ. Передъ директоромъ онъ низкопоклонничалъ, и, какъ бы тотъ его ни третировалъ, стоялъ передъ нимъ безотвѣтно руки по швамъ; съ воспитанниками же былъ грубъ и глупъ, золъ и злопамятенъ.

Курьезнѣе всего было то, что это воронье пугало имѣло претензію на остроуміе, но остроуміе это имѣло, конечно, такой же топорный характеръ, какъ и все, что исходило изъ устъ Серебровскаго. Такъ, въ одномъ классѣ со мною былъ воспитанникъ, очень дружный со мною—Чевскій. И вотъ Серебровскій, во время перемѣнъ, входя въ классъ и увидѣвъ меня, обязательно произносилъ: «Это—Скабичевскій? А гдѣ—Чевскій?»—А если въ глаза ему бросался сначала Чевскій, то спрашивалъ: «Это Чевскій? А гдѣ Скабичевскій». — Если нужно было позвать сторожа, онъ острилъ: «Лё сольда, поди сюда!»—и т. д.

Я не буду упоминать о всѣхъ учителяхъ, которые учили у насъ въ младшихъ и старшихъ классахъ; обращу лишь вниманіе на тѣхъ, которые наиболѣе выдавались и потому яснѣе сохранились въ моей памяти.

Такъ, наиболѣе памятенъ мнѣ,—тѣмъ болѣе, что я учился у него въ продолженіе всего курса, — законоучитель, священникъ морского корпуса, отецъ Василій Березинъ. Высокаго роста, худощавый, съ сѣдою бородою и суровымъ лицомъ, онъ поражалъ своею величавостью, которая казалась намъ еще болѣе внушительною вслѣдствіе его медленной походки, столь же медленныхъ движеній и тихой рѣчи съ разстановками. Когда онъ шелъ въ классы по коридорру съ журналомъ подъ мышкой, казалось— тихо и величаво плыло какое-то таинственное видѣніе; слова онъ не произносилъ, а изрекалъ и, казалось, что они ниспадали свыше.

Учитель онъ былъ добрый, невзыскательный, баллы ставилъ щедро, довольствуясь тѣмъ, чтобы ученики заданный урокъ знали отъ доски до доски. Но, при всемъ уваженіи къ нему, нельзя сказать, чтобы мы любили его: насъ отпугивали отъ него величавость и холодъ, которымъ отъ него вѣяло. Ни улыбки, ни ласковаго привѣтливаго слова,—дѣтей это всегда пугаетъ и отдаляетъ отъ человѣка.

Своей торжественности отецъ Василій измѣнялъ лишь во время пріѣздовъ въ гимназію протоіерея Райковскаго, которому поручено было наблюдать за преподаваніемъ Закона Божія. Березинъ очень недолюбливалъ его. Какъ только получалось извѣстіе, что пріѣхалъ Райковскій, онъ обращался къ ученикамъ съ просьбою убрать съ партъ «запрещенныя книги». Подъ запрещенными же книгами под-

разумѣвались «Чтенія изъ четырехъ евангелистовъ» на русскомъ языкѣ. Руководство это было контрабандою, такъ какъ высшее начальство требовало, чтобы новый завѣтъ проходился непремѣнно на славянскомъ языкѣ.

Когда Райковскій входилъ въ классъ, Березинъ спѣшилъ къ нему навстрѣчу и лобызался съ нимъ іудинымъ поцѣлуемъ. Въ то же время движенія его дѣлались порывисты, походка учащалась; онъ взглядывалъ на Райковскаго съ нескрываемою враждою и едва отвѣчалъ ему, цѣдя слова сквозь зубы; а когда ревизоръ уходилъ, не могъ удержаться, чтобы не обратиться къ ученикамъ съ нѣсколькими язвительными замѣчаніями на его счетъ, — однимъ словомъ, совсѣмъ сходилъ съ небесъ и дѣлался самымъ простымъ смертныхъ.

Я никогда не забуду, какъ однажды Березинъ вошелъ въ нашъ классъ (я былъ въ то время въ седьмомъ уже классѣ) въ сильномъ волненіи, весь пылая гнѣвомъ. Долго сидѣлъ онъ неподвижно на каѳедрѣ, отирая потъ съ лица и приходя въ себя. Наконецъ, изрекъ:

— Я не могъ... стерпѣть... Кровь во мнѣ... вся... возмутилась... русская кровь... Нѣмчура проклятая... хуже псовъ смердящихъ... Псы лижутъ руки, дающія имъ пищу... А эти звѣри неблагодарные... ѣдятъ нашъ русскій хлѣбъ... наживаются на нашъ счетъ... можно сказать... кровь нашу сосутъ, какъ клопы... и вмѣсто благодарности поносятъ насъ... на всѣхъ перекресткахъ... готовы живьемъ проглотить... И подумать только... это вашъ пастырь... волкъ в овечьей шкурѣ... Я не могъ стерпѣть... кровь во мнѣ заговорила... Я ему плюнулъ въ лицо... при всѣхъ...

— Кто же васъ обидѣлъ?—рѣшился кто-то спросить его.

Промолчавъ нѣсколько секундъ, онъ проговорилъ къ нашему изумленію: «Вашъ учитель латинскаго языка Люигебиль... Онъ радуется, что взяли Севастополь... что Россія унижена... опозорена... говоритъ, что это ей пойдетъ въ пользу... Пусть же этому бусурману... извергу... пойдетъ въ пользу мой плевокъ... въ его поганую харю!»

Представьте себѣ наше изумленіе. Дѣло въ томъ, что учитель латинскаго языка, Люигебиль, подобно многимъ либераламъ того времени, ожидавшимъ большихъ реформъ послѣ севастопольскаго погрома, вздумалъ поспорить съ отцомъ Василіемъ во время перемѣны между уроками, и вотъ чѣмъ кончился ихъ политическій споръ.

V.

Прямую противоположность отцу Березину представлялъ учитель географіи, Андрей Петровичъ Парамоновъ. Онъ вышелъ изъ низшихъ слоевъ общества, не то изъ крестьянъ, не то изъ мѣщанъ, не кончилъ никакихъ курсовъ и, тѣмъ не менѣе, какими-то

путями пробрался въ учители географіи въ столичной гимназіи. Должно быть, это было въ тѣ времена возможно.

Невысокаго роста, приземистый и плотно сложенный силачъ, онъ въ то же время отличался крайнею подвижностью, съ которою перелеталъ изъ одного конца класса въ другой. Живой и бурный темпераментъ его не могъ ограничиться сухою номенклатурою географіи, и, задавая урокъ по Ободовскому, онъ всѣ часы проводилъ въ непрерывныхъ разсказахъ. Разсказы эти далеко выходили изъ географическаго русла. Классъ превращался въ салонъ, въ которомъ болтали о погодѣ, о выдающихся городскихъ новостяхъ, разсказывали анекдоты. Были такіе коньки, на которые нарочно старались подсаживать Парамонова, зная, что—разъ онъ сядетъ на такого конька, разсказъ будетъ длиться до конца урока. Таковъ былъ, напримѣръ, разсказъ о томъ, какъ онъ у своей кухарки выдавливалъ ногтоѣдный нарывъ, или объ ужасныхъ послѣдствіяхъ сифилиса, или также о томъ, какъ проводятъ барки съ хлѣбомъ черезъ боровичскіе пороги. Но верхъ восторга представлялъ разсказъ о бородинскомъ сраженіи, о пожарѣ Москвы, вообще о войнѣ 1812 года. Тутъ учитель увлекался до того, что начиналъ бѣгать по классу, изображая сраженія въ лицахъ. Однажды онъ дошелъ до такого воинственнаго азарта, что наскочилъ на классную доску, какъ на воображаемаго непріятеля, и доска рухнула, наполнивши всю гимназію страшнымъ грохотомъ. Это подсаживаніе Парамонова на любимые коньки дѣлалось не спроста, а по заранѣе обдуманному плану особенными мастерами по этой части. У насъ существовалъ даже для этого особенный терминъ: «заговаривать» Парамонова.

Болѣе же всѣхъ учителей въ младшихъ классахъ мы любили преподавателя математики Егорова. Это былъ невысокаго роста брюнетъ, человѣкъ еще очень юный. Его доброта, привѣтливость, знаніе предмета и умѣнье преподавать дѣлали его кумиромъ класса. Учиться у него было крайне легко. Я не запомню, чтобы классныя или домашнія занятія по его предмету составляли малѣйшее затрудненіе для насъ, а между тѣмъ—ни одна изъ гимназическихъ наукъ не врѣзалась такъ крѣпко въ мою голову, какъ ариѳметика.

Изъ преподавателей старшихъ классовъ наиболѣе свѣтлую память оставилъ по себѣ учитель словесности Николай Павловичъ Корелкинъ. Это былъ молодой человѣкъ средняго роста, съ блѣднымъ, плоскимъ лицомъ, въ очкахъ на маленькомъ носикѣ, приподнятомъ кверху. Онъ принадлежалъ къ тому рѣдкому типу учителей, вліяніе которыхъ отражается на всю жизнь учениковъ. Человѣкъ начитанный, обладавшій недюжинными знаніями по сравнительной филологіи, магистрантъ по этой спеціальности, идеалистъ и гегельянецъ, онъ вліялъ на насъ не одними своими знаніями, но и всею лучезарною своею личностью, которая сіяла передъ нами блескомъ, согрѣвающимъ, ободряющимъ и манящимъ въ не-

вѣдомую, свѣтлую даль. Онъ не искалъ популярности, не обладалъ блеетящимъ даромъ слова, былъ порою болѣзненно-вялъ, порою строгъ и требователенъ, но каждое слово его было проникнуто такимъ искреннимъ, горячимъ и сердечнымъ убѣжденіемъ, такъ обаятельно дѣйствовалъ его тихій и больной голосъ, слова, съ гримасою невыразимой боли вырывавшіяся изъ его страждущей груди, что рѣчь его глубоко врѣзывалась въ наши сердца. Послѣ перваго же года его преподаванія мы всѣ почувствовали себя нравственно возрожденными. Кругъ занятій, чтеніе, мечты о будущемъ,—все радикально измѣнилось. Брошены были и Дюма, и Поль-де-Кокъ, и бѣготня по Большому проспекту съ папиросой въ зубахъ. Вмѣсто всего этого, съ жаромъ начали мы изучать русскую литературу, и главными любимцами нашими сдѣлался Гоголь и всѣ его послѣдователи. Въ то же время мы начали мечтать объ университетѣ, наукѣ, философіи, зарылись въ книги и ни о чемъ не заботились, какъ лишь о томъ, чтобы сдѣлаться мыслящими и развитыми людьми.

Къ сожалѣнію, уроки Н. П. Корелкина продолжались лишь три года. Усиленныя занятія, при слабомъ здоровьи, имѣли результатомъ—скоротечную чахотку, которая въ одну весну свернула и уложила въ преждевременную могилу эту недюжинную силу. Живо помню я великолѣпный майскій день 1855 года, когда дружная толпа гимназистовъ провожала на Смоленское кладбище и несла на рукахъ гробъ дорогого учителя. Это была первая тяжкая утрата въ нашей жизни. Намъ казалось, что со смертію Корелкина отлетѣлъ отъ насъ нашъ добрый геній, угасъ свѣтильникъ, озарявшій намъ путь, и намъ осталось блуждать въ непроницаемомъ мракѣ. Въ то же время смерть его еще болѣе запечатлѣла въ нашихъ сердцахъ каждое его слово, каждое наставленіе. Передъ нами былъ теперь словно мученикъ идеи, показавшій намъ своимъ примѣромъ, какъ нужно жертвовать собою во имя высшихъ человѣческихъ интересовъ, и каждое слово его, оставшееся въ нашей памяти, получило ореолъ святости.

Въ связи съ личностью Н. П. Корелкина стоятъ воспоминанія о литературныхъ бесѣдахъ, старинномъ гимназическомъ учрежденіи, весьма полезномъ. Литературныя бесѣды устраивались по два раза въ мѣсяцъ, по вечерамъ, съ шести до восьми часовъ. На нихъ читались ученическія сочиненія на темы по исторіи русской литературы, всеобщей исторіи и прочимъ предметамъ гимназическаго курса; иногда же и беллетристическія. Темы разрабатывались по источникамъ подъ руководствомъ учителей; каждый ученикъ шестого и седьмого классовъ обязанъ былъ представить одно такое сочиненіе. Слушателями на бесѣды допускались всѣ ученики старшихъ классовъ, начиная съ четвертаго. Передъ партами наиболѣе помѣстительнаго класса ставился столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, за которымъ возсѣдали директоръ,

инспекторъ, Карелкинъ и учитель по тому предмету, къ которому относилась тема. Ученикъ же, представившій сочиненіе, садился на каѳедру и читалъ свое произведеніе, послѣ чего слѣдовалъ диспутъ, при чемъ сочинитель обязанъ былъ оппонировать возраженія присутствующихъ. Затѣмъ сочиненіе съ отзывомъ учителя препровождалось на усмотрѣніе попечителя округа. Тамъ дѣлался выборъ изъ представленныхъ въ теченіе года сочиненій отъ всѣхъ гимназій учебнаго округа, и два-три сочиненія, признанныя лучшими, удостоивались почетнаго отзыва въ годовомъ отчетѣ, печатавшемся въ «Журналѣ министерства народ. просв». Удостоенныя такого похвальнаго отзыва, сочиненія препровождались обратно въ гимназіи для храненія въ гимназическомъ архивѣ. Это были своего рода лавры, снискать которые было не легко, если принять во вниманіе, что изъ массы сочиненій, препровождавшихся въ министерство изъ всѣхъ гимназій округа, удостоились похвальнаго отзыва не болѣе двухъ-трехъ. Это придавало бесѣдамъ характеръ своего рода олимпійскихъ игръ. Ученики очень охотно посѣщали ихъ, и ни одинъ воспитанникъ, маломальски владѣвшій перомъ, не упускалъ случая вступить въ состязаніе. Не знаю, такъ ли это было въ другихъ гимназіяхъ, но у насъ, благодаря энергическимъ стараніямъ Корелкина, умѣвшаго и задавать темы по своему предмету, и помогать разрабатывать ихъ, и направлять пренія на диспутахъ,—литературныя бесѣды приносили несомнѣнную пользу.

VI.

Что касается языковъ, то они, конечно, не особенно процвѣтали въ нашей гимназіи. Особенно не везло нѣмецкому языку, бывшему въ рукахъ Пореша, бездарнаго, безтолковаго и вздорнаго нѣмца, который только и дѣлалъ, что заставлялъ насъ долбить наизусть нѣмецкую граматику по-нѣмецки, и мы отбарабанивали текстъ, ни въ зубъ не понимая, что сходитъ съ нашего языка.

Учитель французскаго языка Тами оставилъ по себѣ, во всякомъ случаѣ, болѣе добрую память. Строгій и требовательный, онъ заставлялъ насъ учиться у него основательно, и послѣ его курса мнѣ небольшихъ усилій стоило усвоить французскій языкъ настолько, чтобы свободно читать французскія книги.

Что касается древнихъ языковъ, то, несмотря на то, что гимназіи были въ то время классическія, древніе языки были еще въ большомъ забросѣ. Впрочемъ, при мнѣ не долго царилъ у насъ классицизмъ. Онъ находился въ то время въ опалѣ, такъ какъ правительство, продолжая еще жить традиціями временъ первой Французской революціи, полагало, что юноши дѣлаются революціо-

нерами ни отчего иного, какъ оттого, что напитываются впечатлѣніями, навѣваемыми древними республиками, и берутъ пагубные примѣры съ ихъ доблестныхъ героевъ. Для избѣжанія этого въ 1853 году гимназіи были превращены въ реальныя. Оставили одинъ латинскій языкъ; греческій же замѣнили естествознаніемъ. Правда, естествознаніе это ограничивалось одною номенклатурою животныхъ, растеній и минераловъ, по тощимъ учебникамъ, безъ демонстрацій и опытовъ. Особенно безсмысленно было преподаваніе минералогіи. Одолѣть ее, не увидя въ глаза ни одного минерала, не было человѣческой возможности. Я никогда не забуду фантастическаго выпускного экзамена по этому предмету, на которомъ ученики отвѣчали бойко и безъ запинки, дѣлая наобумъ такія невѣроятныя опредѣленія, что золото выходило похожимъ на плавиковый шпатъ, а малахитъ получалъ всѣ признаки олова. Экзаменъ, тѣмъ не менѣе, сошелъ превосходно, такъ какъ изъ присутствующихъ одинъ преподаватель зналъ минералогію, но онъ былъ предувѣдомленъ, что весь классъ ничего не знаетъ, и экзамену грозитъ полное fiasco, и, въ опасеніи этого, онъ только и дѣлалъ, что въ изумленіи таращилъ глаза, слушая отвѣты учениковъ.

Преподавателемъ по естественнымъ наукамъ былъ у насъ Дм. С. Михайловъ, магистръ ботаники, оставленный при университетѣ, занимавшій впослѣдствіи каѳедру на естественномъ факультетѣ, а позже большія административныя должности по министерству нар. пр. вплоть до попечителя оренбургскаго округа. Но меня до сей поры удивляетъ, какъ онъ могъ преуспѣть и въ научной, и въ административной областяхъ, будучи по своей феноменальной сонливости олицетвореніемъ Морфея... Мало того, что каріе глаза его были вѣчно заспаны, черные волосы безпорядочными космами висѣли по лбу, какъ у человѣка, только что разставшагося съ постелью, а щеки были опухшія, какъ это бываетъ съ людьми переспавшими, но и во время урока на каѳедрѣ онъ продолжалъ спать. Вызоветъ, бывало, ученика, и тотъ съ мѣста отвѣчаетъ, что придетъ въ голову: отъ опредѣленія гориллы переходитъ къ молитвѣ «Отче нашъ», кстати прочтетъ тутъ же и «Вѣрую», закончитъ же стихотвореніемъ Пушкина. Михайловъ такъ и похрапываетъ, положивши голову на руку. Наконецъ, ученикъ заявляетъ, что онъ кончилъ. Михайловъ поднимаетъ голову, осматривается съ изумленіемъ, словно не можетъ сразу понять, гдѣ онъ находится, и, безцеремонно зѣвая во весь ротъ, спрашиваетъ у всего класса:

— Ну, что? Какъ по вашему? Хорошо онъ отвѣчалъ?

— Отлично, лучше и нельзя!—отвѣчаетъ классъ общимъ хоромъ.

Михайловъ молча ставитъ воспитаннику пятерку и снова немедленно же засыпаетъ. Мы объясняли эту сонливость учителя

тѣмъ, что онъ недавно женился, и супруга мѣшаетъ ему выспаться по ночамъ, какъ слѣдуетъ...

Отъ уваровскаго классицизма остался одинъ латинскій языкъ, но и онъ не особенно процвѣталъ у насъ. Преподаватель его, Люигебиль, обладалъ громадными филологическими познаніями, сдѣлавшими его впослѣдствіи почтеннымъ профессоромъ, но учитель онъ былъ до послѣдней степени плохой. Онъ имѣлъ такой мягкій характеръ, что классъ тотчасъ же сѣлъ на него, что называется, верхомъ, и у него не хватало настолько даже строгости, чтобы заставлять учениковъ оставаться на своихъ мѣстахъ. Какъ только войдетъ онъ, бывало, въ классъ, всѣ сейчасъ же бросятся къ нему, обступятъ его со всѣхъ сторонъ,—одни лѣзутъ на каѳедру, другіе начинаютъ ходить по классу парами и вести бесѣду, какъ въ перемѣну между уроками, третьи что-то пишутъ или читаютъ романы, четвертые ложатся на скамью спать, пятые выходятъ изъ класса, входятъ, хлопая при этомъ со всего размаха дверями. Словомъ, воцаряется полный хаосъ. Вызываетъ онъ, бывало, ученика, и тотъ ему прямо заявляетъ, что и не думалъ готовить урока, такъ какъ у него бабушка захворала.

— Что же я вамъ поставлю? — спрашиваетъ Люигебиль, въ сокрушеніи.

— Если по всей справедливости, то слѣдуетъ поставить нуль, ну а по снисходительности можно и единицу,—хладнокровно отвѣчаетъ воспитанникъ.

— Ну, такъ и быть, на этотъ разъ поставлю вамъ два,—рѣшаетъ учитель.

Въ мѣсячной же вѣдомости всетаки являлась тройка. Послѣ этого у кого же могла явиться охота долбить исключенія или мучиться надъ распутываніемъ головоломныхъ конструкцій!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Переходъ отъ дѣтства къ отрочеству. Географическія открытія и паломничества. Вліяніе на меня розогъ. Преждевременное развитіе чувственности. Кризисъ. Религіозный энтузіазмъ и аскетизмъ. Вліяніе на меня Пушкина и Гоголя. Повѣсть „Пьяница", и мой тріумфъ на литературной бесѣдѣ въ гимназіи. Мои домашнія занятія въ послѣднихъ классахъ. Вліяніе на меня „Обыкновенной исторіи" Гончарова. Театроманія.

I.

Первые четыре года гимназическаго курса были для меня годами перехода отъ дѣтства къ отрочеству. Сказочныя игры съ сестрою мало-по-малу прекращаются; я весь ухожу въ книги.

У мальчиковъ-подростковъ бываетъ обыкновенно полоса страсти къ бродяжничеству. Любимымъ чтеніемъ у нихъ въ это время являются разсказы о дѣвственныхъ странахъ и чудесныхъ при

ключеніяхъ дикарей и отважныхъ путешественниковъ. У наиболѣе смѣлыхъ возникаетъ желаніе самимъ ринуться въ Америку или Африку. Я, въ свою очередь, жадно зачитывался Робинзономъ и Куперомъ (ни Жюля Верна, ни Майнъ-Рида тогда еще не было). Но у меня не хватало ни предпріимчивости, ни воинственности, чтобы улепетнуть за моря и океаны. Тѣмъ не менѣе, инстинктъ бродняжничества проявился и у меня въ оригинальномъ видѣ. Я вообразилъ себя географомъ, предпринимавшимъ ученыя экспедиціи съ цѣлью открытія новыхъ странъ. Роль этихъ странъ играли улицы и части города. Лѣтомъ, какъ только кончался нашъ ранній обѣдъ въ первомъ часу, я отправлялся въ свою экспедицію,—въ Галерную гавань, въ Коломну, на Пески и пр.—и возвращался домой часовъ въ восемь. При этомъ я составлялъ карту Петербурга, занося въ нее вновь открытыя мною улицы.

По воскресеньямъ ученыя экспедиціи замѣнялись религіозными поломничествами: я ходилъ къ обѣднѣ каждое воскресенье въ новую церковь. При этомъ разсматривались образа, иконостасы, сравнивались басы протодіаконовъ, дикція поповъ.

Я уже говорилъ, что, съ переходомъ во второй классъ, я ожилъ духомъ и освоился съ гимназическою лямкою. Но это надо понимать крайне условно: всетаки жизнь моя была очень тяжелая.

Мальчикъ я былъ смирнехонькій, ни въ какихъ шалостяхъ и дракахъ не участвовалъ. Ни разу меня въ гимназіи не высѣкли. Тѣмъ не менѣе, надо мною вѣчно висѣла Дамокловымъ мечемъ розга.

Дѣло въ томъ, что по субботамъ выдавались воспитанникамъ билеты, на которыхъ прописывалось, какъ въ теченіе недѣли ученикъ себя велъ и учился. Билетъ подписывался родителями и въ понедѣльникъ возвращался инспектору. У отца моего было такое условіе: каждый разъ, какъ я принесу билетъ съ плохой аттестаціей, я долженъ ожидать розогъ.

Какъ ни вредно дѣйствіе розогъ на природу ребенка, но весь этотъ вредъ не можетъ сравняться съ тѣмъ гибельно-растлѣвающимъ вліяніемъ, какое на меня имѣло одно только ожиданіе предстоящей порки.

Въ самомъ дѣлѣ: единицу приходилось иной разъ получить не въ концѣ, а въ самомъ началѣ недѣли, и такимъ образомъ предстояло до субботы мучиться ожиданіемъ расправы. Ничто не радовало, не веселило. Съ каждымъ днемъ страхъ увеличивался и въ субботу принималъ характеръ потрясающей лихорадки. Голова кружилась, и зубъ на зубъ не попадалъ. Я не могъ ни ѣсть, ни пить. Должно быть, хорошъ я былъ по возвращеніи домой, такъ какъ мать при первомъ же взглядѣ на меня догадывалась, въ чемъ дѣло, и начинала уговаривать меня, чтобы я постарался сдѣлать веселое лицо,—по крайней мѣрѣ, пока отецъ не сядетъ за обѣдъ и не поѣстъ супу.

Тщетны были увѣщанія доброй матушки: до веселыхъ ли физіономій мнѣ было, когда у меня дрожала положительно каждая жилочка! Стоило взглянуть на меня отцу, чтобы, въ свою очередь, догадаться, что дѣло не ладно.

— А! опять дурной билетъ въ сумкѣ? Ты не хочешь учиться, не хочешь понять, чего стоитъ мнѣ твоя гимназія! Изъ послѣднихъ кишокъ тянусь, чтобы сдѣлать изъ тебя человѣка, а ты ничего этого знать не хочешь, плюешь на всѣ мои заботы о тебѣ! Лѣнтяешь и балбѣсничаешь! Нечего теперь нюни-то распускать! Снимай штаны!..

И начиналась расправа.

II.

Послѣдствія такой розочной системы воспитанія были поистинѣ ужасны. Отъ природы снабженный здоровой комплекціей и никогда не страдавшій никакими органическими недугами, я положительно таялъ годъ отъ года: былъ худъ, блѣденъ, съ зловѣщими синяками подъ глазами. Куда дѣлись рѣзвость и живость, какими я отличался въ догимназическую пору. Я сдѣлался теперь крайне неловокъ, ненаходчивъ, съ трудомъ могъ связать двѣ-три фразы, сталъ до того застѣнчивъ, что перейти черезъ комнату, въ которой находилось большое и мало мнѣ знакомое общество, было для меня немыслимо. Умственныя способности мои тоже гасли; слабѣли и соображеніе, и память; съ каждымъ годомъ труднѣе давалось мнѣ ученье, что увеличивало опасность субботнихъ казней.

За то въ тринадцать лѣтъ проявилась во мнѣ и съ каждымъ годомъ начала сильнѣе развиваться чувственность. Конечно, я былъ обязанъ этимъ всѣмъ условіямъ окружавшей меня городской жизни. Тутъ дѣйствовали и чтеніе французскихъ романовъ, и скабрезные разговоры товарищей. Да и дома было чему научиться: домашніе, по простотѣ, нимало не стѣснялись при дѣтяхъ сообщать другъ другу, кто съ кѣмъ связался и жилъ, такъ что около десяти лѣтъ я зналъ уже употребленіе слова «жить» въ кавычкахъ. Розга же еще болѣе разжигала во мнѣ чувственность.

Я окружилъ себя такими же ноплыми мальчишками, какимъ былъ самъ. Мы то и дѣло бродили по Невскому и Пассажу, заглядывали подъ шляпки, приставали къ женщинамъ легкаго поведенія, ограничиваясь, впрочемъ, по неимѣнію денегъ въ карманѣ и малолѣтству, одною болтовнею. При этомъ, какъ только мы сходились, такъ начинались у насъ разговоры и анекдоты самого грубаго циническаго характера. Въ то же время началъ я и курить.

Къ счастію, это безшабашное настроеніе продолжалось не болѣе

года. Въ 1853 году произошелъ во мнѣ переломъ, въ результатѣ котораго я сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ.

Переломомъ этимъ я былъ обязанъ дальнему родственнику Павлу Михайловичу Житкову. Это былъ молодой человѣкъ, скромный и застѣнчивый еще болѣе, чѣмъ я. Онъ пріѣхалъ изъ Малороссіи учиться въ Академіи Художествъ. Отецъ пріютилъ его въ нашемъ семействѣ, и онъ жилъ въ одной комнатѣ со мною. Судьба его была печальна. Послѣ двухъ-трехъ лѣтъ жизни въ Петербургѣ онъ не вынесъ петербургскаго климата, получилъ злѣйшую чахотку и, отправившись на родину, умеръ въ скоромъ времени. Памятью о немъ остались у меня портреты отца и мой, писанные имъ какъ разъ въ то время, о которомъ идетъ у насъ рѣчь.

Живя въ одной комнатѣ со мною, онъ, должно быть, подмѣтилъ мои эротическія наклонности, и вотъ однажды во время нашей бесѣды свелъ рѣчь на то, какія послѣдствія ожидаютъ дѣтей, которыя сходятся съ женщинами преждевременно, когда у нихъ не успѣли еще развиться вполнѣ ни легкія, ни мозгъ, и они еще растутъ. Такихъ несчастныхъ дѣтей неминуемо ожидаютъ истощеніе, сумашествіе и смерть.

Рѣчи эти, подкрѣпленныя учеными авторитетами и примѣрами, произвели на меня тѣмъ большее впечатлѣніе, что онѣ говорились, какъ будто, вовсе не въ назиданіе, не имѣли, казалось, ко мнѣ никакого отношенія. Меня точно кто-нибудь нечаянно хватилъ обухомъ по головѣ! Я послѣ того не спалъ нѣсколько ночей сряду, ходилъ, какъ потерянный, считая себя буквально приговореннымъ къ смерти. Рѣчи эти казались мнѣ тѣмъ болѣе правдивыми, что я, и въ самомъ дѣлѣ, чувствовалъ себя скверно.

И вотъ начался совершаться во мнѣ полный переворотъ. Я удалилъ отъ себя всѣхъ своихъ безпутныхъ друзей, прекратилъ вечернія прогулки по улицамъ и весь углубился въ книги, съ цѣлью всего себя посвятить умственному и нравственному развитію.

Но не легко было угомонить раздраженную чувственность. Она постоянно давала знать о себѣ, и вотъ во мнѣ возникла страшная аскетическая борьба духа съ плотью. Я весь какъ-то раздвоился: то полный экстаза пламенно молился, по цѣлымъ часамъ простаивая на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя, налагая на себя самый строгій постъ, воздерживаясь отъ мяса и всего вкуснаго. То вдругъ падалъ, весь проникаясь сладострастными грезами, которыя преслѣдовали меня дома и въ гимназіи.

Аскетическая борьба эта не ограничивалась однимъ вреднымъ вліяніемъ на мои физическія силы, а дѣйствовала и на всю мою психику. Черная ипохондрія ни на минуту не оставляла меня. Все представлялось мнѣ въ мрачномъ свѣтѣ. Я считалъ себя выродкомъ изъ всего рода человѣческаго, чудовищемъ. Въ этомъ убѣжденіи утверждали меня и навязчивыя идеи отвратительно-ко-

щунскаго характера. Какихъ усилій ни дѣлалъ я, чтобы избавиться отъ нихъ, все было тщетно; напротивъ того, тѣмъ съ большею ясностью и навязчивостью онѣ стояли передо мною.

Само собою разумѣется, что при этомъ я считалъ себя такимъ невиданнымъ и неслыханнымъ грѣшникомъ, какого земля едва держала на своей поверхности,—хуже всѣхъ убійцъ и душегубовъ,—и, конечно, въ будущей жизни я ожидалъ себѣ на самомъ днѣ ада ужаснѣйшихъ мукъ, наравнѣ съ Каиномъ и Іудой Искаріотомъ!

III.

Никто изъ родныхъ и не подозрѣвалъ о моей болѣзни, приписывая исхудалость и блѣдность мою тяжести гимназическаго ученья. Между тѣмъ, къ переходу въ пятый классъ я до такой степени ослабѣлъ уже и физически, и умственно, что нечего было и думать о латинскомъ, а тѣмъ болѣе греческомъ языкѣ.

Въ тѣ времена гимназіи, начиная съ четвертаго класа, развѣтвлялись. Для желающихъ учиться въ высшихъ заведеніяхъ древніе языки были обязательны. Для нежелающихъ же существовало особенное отдѣленіе, въ которомъ вмѣстѣ съ прочими предметами гимназическаго курса, взамѣнъ древнихъ языковъ, читались бухгалтерія и законовѣдѣніе. Для воспитанниковъ этого отдѣленія, прозывавшихся у насъ «юристами», двери университетовъ были закрыты; имъ предоставлялось поступать на государственную службу съ чиномъ 14-го класса.

И вотъ на домашнемъ совѣтѣ было рѣшено, чтобы я по слабости и малоспособности отъ древнихъ языковъ отказался и перешелъ въ отдѣленіе юристовъ. Но и это не помогло. Я всетаки не осилилъ экзаменовъ и зазимовалъ въ четвертомъ классѣ.

Нужно ли говорить о томъ, что я шелъ домой съ акта, не слыша ногъ подъ собою, въ ожиданіи жестокой порки. Но вдругъ, къ моему удивленію, никакой порки не послѣдовало, отецъ ограничился ироническимъ поздравленіемъ и замѣчаніями въ родѣ того, что отъ такого лѣнтяя и негодяя, конечно, нельзя и ждать чего нибудь лучшаго.

Дѣло заключалось въ томъ, что незадолго передъ тѣмъ у матери моей была жестокая стычка изъ-за меня съ отцомъ. Мать рѣшительно и категорически потребовала, чтобы онъ разъ и навсегда отмѣнилъ по отношенію ко мнѣ свою розочную систему воспитанія, заявивъ, что впредь она не позволитъ ему не только замахнуться на меня, но даже и погрозить мнѣ сѣченьемъ, иначе—разсорится съ нимъ навсегда.

Кончился этотъ споръ тѣмъ, что отецъ смирился передъ настойчивыми доводами матери и далъ ей слово, что впредь не бу-

детъ меня трогать, предоставляя ей няньчаться со своимъ сокровищемъ, какъ ей будетъ угодно.

Вскорѣ оказалось, что мой провалъ на экзаменахъ для меня былъ счастьемъ. Къ слѣдующему же 1853—54 учебному году въ гимназіяхъ были уничтожены юридическія отдѣленія, и вмѣсто греческаго языка было введено естествовѣдѣніе. Гимназіи получили теперь единство, и всѣ стали имѣть доступъ въ университетъ, исключая старшихъ классовъ, начиная съ пятаго, которые латинскому языку раньше не учились и потому продолжали учиться законовѣдѣнію. Мнѣ же, какъ оставшемуся въ четвертомъ классѣ, ничто не мѣшало возвратиться къ латинскому языку, и такимъ образомъ мнѣ перестала грозить участь отца тащить чиновничью лямку, не кончивъ нигдѣ высшаго курса.

Въ продолженіе второго года пребыванія моего въ четвертомъ классѣ миновалъ мало-по-малу острый періодъ моей психической болѣзни. Одно избавленіе отъ вѣчнаго страха розогъ не могло не подѣйствовать благотворно. Я сразу ожилъ. Навязчивыя идеи не смущали болѣе моего духа, и я не воображалъ себя Каиномъ и Іудой. Съ рвеніемъ, доходившимъ до энтузіазма, предавался я саморазвитію въ видѣ обильнаго чтенія и упражненій въ литературныхъ работахъ, съ цѣлью сдѣлаться впослѣдствіи писателемъ.

IV.

Поэтомъ возмнилъ я себя съ 1851 года, когда мнѣ было двѣнадцать лѣтъ съ небольшимъ. Я въ это время упивался Пушкинымъ и, подъ обаяніемъ его звучныхъ стиховъ, началъ самъ слагать вирши въ видѣ посланій къ своимъ возлюбленнымъ, эпиграммъ, элегій, поэмъ, сначала въ мрачномъ байроновскомъ духѣ, а затѣмъ—религіозныхъ, на сюжеты изъ библіи: «Іосифъ Прекрасный», «Юдифь и Олофернъ». Отецъ переписалъ эти религіозныя поэмы и послалъ ихъ дѣду, который помѣстилъ ихъ въ кіотъ съ образами.

Но уже въ пятомъ классѣ моему стихотворству пришелъ конецъ. Этимъ я прежде всего былъ обязанъ суровой критикѣ Корелкина. Я подалъ ему въ качествѣ сочиненія стихи подъ заглавіемъ «Старый воинъ». Стихи были возвращены мнѣ съ слѣдующей рецензіей на поляхъ:

«Въ наше время, послѣ Пушкина и Лермонтова, стихъ такъ выработанъ и легокъ, что стихи негладкіе и, тѣмъ болѣе, неправильно сложенные рѣдко случается и читать. При этомъ авторъ совершенно напрасно думаетъ, что поэзія состоитъ въ риѳмованьи стиховъ, и что для риѳмы можно жертвовать смысломъ. Мы совѣтуемъ ему выработать прежде языкъ на сочиненіяхъ и пере-

водахъ въ прозѣ, а потомъ уже приступить къ стиху, если и тогда онъ увидитъ въ этомъ потребность»... Н. К.

Рецензія эта словно облила меня холодной водой. Къ тому же, и время было тогда совсѣмъ не стихотворное. Главный тонъ давалъ Гоголь, только что окончившій земное поприще. Возникала «натуральная школа». Какъ человѣкъ передовой, приверженецъ Бѣлинскаго и ярый поклонникъ Гоголя, Корелкинъ не переставалъ внушать намъ, что поэзія вовсе не обусловливается непремѣнно стихами, что въ иной прозѣ можетъ быть безконечно болѣе поэзіи, чѣмъ въ иныхъ стихахъ. Въ доказательство этого Корелкинъ читалъ намъ наиболѣе поэтическія мѣста изъ Гоголя, сопоставляя съ ними пресловутое посланіе Ломоносова Шувалову о пользѣ стекла.

Результатомъ такихъ внушеній было то, что я мало-по-малу совсѣмъ бросилъ писать стихи. Правда, изрѣдка я вновь возвращался къ нимъ, но уже не смотрѣлъ на нихъ, не какъ на серьезный трудъ или призваніе, а какъ на забаву.

Теперь моимъ кумиромъ и законодателемъ сдѣлался Гоголь. Я читалъ и перечитывалъ его отъ доски до доски и увлекался имъ до самозабвенія. И, разумѣется, у меня тотчасъ же явилось стремленіе подражать ему.

Въ шестомъ классѣ я былъ обязанъ представить сочиненіе для литературной бесѣды. Съ этою цѣлью я задумалъ повѣсть подъ заглавіемъ «Пьяница», изъ жизни мелкихъ канцеляристовъ, на которыхъ я наглядѣлся на Петербургской сторонѣ. Сюжетъ повѣсти заключался въ томъ, что канцеляристъ Дорофей Дорофеевичъ Дорофеевъ, получавшій въ мѣсяцъ десять рублей жалованья и обремененный семьею, спивается подъ гнетомъ нужды и униженій и умираетъ подъ заборомъ, оставивъ семью въ крайней нищетѣ.

16 декабря читалъ я свое сочиненіе на литературной бесѣдѣ. Всѣ остались довольны имъ. Корелкинъ сказалъ, что у меня есть дарованіе, и что писалъ я съ теплымъ чувствомъ къ своимъ героямъ. Директоръ сказалъ то же, но замѣтилъ, что не совѣтуетъ подражать Гоголю, выставляя грязную внѣшность, что и самъ Гоголь грѣшилъ этимъ противъ эстетическаго вкуса.

Тѣмъ не менѣе, директору такъ понравилось мое сочиненіе, что онъ просилъ меня дать ему списокъ его. Я съ готовностью исполнилъ просьбу, при чемъ отецъ переписалъ каллиграфически мое произведеніе.

Таковъ былъ мой первый литературный тріумфъ, принесшій мнѣ немалую пользу. Благодаря репутаціи литературнаго таланта, въ два послѣдніе года въ гимназіи я буквально почивалъ на лаврахъ, имѣя возможность лѣниться напропалую и никогда не готовить уроковъ: учителя относились ко мнѣ крайне снисходительно.

V.

Относясь спустя рукава къ гимназическимъ занятіямъ, я все свободное время сталъ посвящать чтенію и письму. Читалъ я теперь не все, что попадалось подъ руки, а съ выборомъ, систематически. Такъ, въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ курса я успѣлъ познакомиться со всѣми русскими классиками, начиная съ Ломоносова, Державина и Карамзина и кончая Жуковскимъ, Пушкинымъ, Гоголемъ и Лермонтовымъ. Позднѣйшей литературы для меня еще не существовало. Я не слыхалъ еще даже именъ Тургенева, Л. Толстого, Бѣлинскаго, а тѣмъ болѣе Герцена или Чернышевскаго.

Исключеніе было за однимъ Гончаровымъ. Случайно попалась мнѣ въ руки его «Обыкновенная исторія», перепечатанная послѣ появленія ея въ «Современникѣ» 1847 года, не помню ужъ въ какомъ-то маленькомъ сборничкѣ повѣстей и романовъ. Романъ этотъ былъ прочитанъ мною въ 1853 году, какъ разъ въ эпоху разгара моей влюбчивости, и произвелъ на меня ошеломляющее впечатлѣніе. Въ героѣ его, Александрѣ Адуевѣ, я тотчасъ же увидѣлъ себя, столь же, какъ и онъ, сентиментально прекраснодушнаго и, подобно ему, занимавшагося храненіемъ волосковъ, цвѣточковъ и тому подобныхъ «вещественныхъ знаковъ невещественныхъ отношеній». Мнѣ такъ сдѣлалось стыдно этого сходства, что я тотчасъ же собралъ всѣ хранимые мною сувенирчики, предалъ ихъ сожженію и далъ себѣ слово никогда болѣе не влюбляться.

Какъ и всѣ гимназисты старшихъ классовъ, я былъ большой театралъ и пользовался каждымъ случаемъ побывать въ театрѣ. Кромѣ того, что отецъ на Рождествѣ или на масляницѣ бралъ ложу въ третьемъ ярусѣ Александринскаго театра для всего нашего семейства, я нерѣдко забирался на верхотурку то съ жившими у насъ двоюродными братьями, то съ отцомъ.

Александринскій театръ былъ въ то время въ большой модѣ, посѣщался не одною сѣренькой публикой, какъ впослѣдствіи, а истыми театралами и бо-мондомъ. Блестящая драматическая труппа его стояла почти въ одномъ уровнѣ съ московскою. Стоитъ лишь вспомнить такія имена, какъ Мартыновъ, Самойловъ, Каратыгинъ, Максимовъ, Марковецкій, Читау, Снѣткова, Жулева, Линская и пр.

Впрочемъ, я былъ невзыскателенъ по части выбора пьесъ и въ оцѣнкѣ актеровъ былъ полный профанъ, слѣпо слѣдуя за голосомъ молвы. Любимѣйшими зрѣлищами для меня были трескучія мелодрамы съ обильными пролитіями если не крови, то слезъ, въ родѣ «Графа Угодино», «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», «Лучшая школа—царская служба» и т. п.

А. М. Скабичевскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ПОГОНЯ ЗА РЕКОРДОМЪ.

Повѣсть Отто Рунга.

Пер. съ нѣмецкаго **А. Баумберга**.

Мы, старшіе инженеры, въ теченіе многихъ лѣтъ работавшіе на заводѣ электрическихъ моторовъ Лэнъ и Комп., прекрасно помнимъ то утро, когда Мэджори и Сара Лэнъ въ первый разъ увидѣли наши машины въ дѣйствіи. Когда онѣ, въ сопровожденіи слуги-китайца, вошли въ залъ, гдѣ помѣщались двигатели, онѣ были до того похожи другъ на друга, что ихъ трудно было различить: почти незамѣтно было, что Мэджори на три года старше Сары. Ихъ пышные черные волосы были собраны на затылкѣ въ большой узелъ, проткнутый нѣсколькими серебряными стрѣлами; шитыя серебромъ японскія кимоно свободно облегали ихъ маленькія, чрезвычайно нѣжныя фигурки.

Это было въ 1894 году, въ то лѣто, когда онѣ съ матерью пріѣхали изъ Шанхая. Сарѣ было тогда восемь, Мэджори одиннадцать лѣтъ.

Дѣвочки взобрались на галлерею, которая на высотѣ трехъ этажей тянется вдоль стѣнъ громаднаго зала. Увидѣвъ передъ собой могучія черныя туловища динамо-машинъ и зловѣщія башни паровиковъ, услышавъ страшные раскаты глухихъ громовъ, вѣчно грохочущихъ въ этихъ громадныхъ помѣщеніяхъ, обѣ дѣвочки съ крикомъ испуга разомъ отвернулись и спрятали свои лица въ широкія синія шаровары апатично глядѣвшаго китайца.

Ихъ отецъ, который послѣ смерти своего брата занялъ постъ директора фирмы, прибѣжалъ на ихъ крикъ, взялъ ихъ къ себѣ, поднялъ каждую на руку и велѣлъ имъ опереться ногами о перила галлереи. Потомъ онъ ихъ высмѣялъ:

— Вы мои дѣвочки,—сказалъ онъ,—и боитесь своихъ старшихъ братьевъ, которые весь заводъ приводятъ въ

движеніе для меня! Посмотрите только, какіе они веселые, благонравные и послушные. Посмотрите, Мэджори и Сара, какъ они по моему знаку лягутъ и моментально замолкнутъ.

Онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ (я стоялъ за контрольнымъ столомъ), и шумъ сталъ медленно затихать; машины одна за другой умолкли. Отдаленный рокотъ тюрбины въ водѣ замеръ, цилиндры паровой машины со стономъ выпустили послѣдній паръ, стержни остановились, динамо-машины продолжали еще сердито ворчать, точно злыя собаки, но и онѣ должны были улечься медленно и покорно; постепенно на весь громадный, пропахшій озономъ залъ спускалось какое-то своеобразное томленіе, какая-то тонкая свѣжесть. Машины стали.

— Сара, Мэджори!—воскликнулъ директоръ Лэнъ,—смотрите, какъ онѣ меня слушаются, когда я подаю знакъ. Онѣ подъ моей властью и не причинятъ вамъ ничего дурного. Онѣ ваши старшіе братья, которые работаютъ на васъ и на меня; не бойтесь ихъ; посмотрите, какія онѣ красивыя и добрыя.

И дѣвочки молчали; опершись о плечи отца, онѣ стояли на желѣзныхъ перилахъ и, энергично сдвинувъ маленькія тонкія брови, съ напряженнымъ вниманіемъ глядѣли на десять огромныхъ динамо-моторовъ, которые, вновь пущенные въ ходъ, вращали свои громадные, обвитые проволокой магниты и развивали свои тысячи лошадиныхъ силъ. Издаваемый ими шумъ напоминалъ жужжаніе роющихся пчелъ, звукъ віолончели, который поднимается и повисаетъ среди равномѣрнаго рокота необъятныхъ водяныхъ массъ, разбивающихся о скалу.

Наверху въ мастерскихъ рабочіе удивленно глядѣли на моторы, которые вдругъ стали, на передаточные ремни, прекратившіе свой бѣгъ, на передаточную ось, которая перестала вращаться. Запыхавшіеся строгальные станки, сопя, застряли въ спираляхъ металлическихъ стружекъ, пилы прервали свой оглушительный визгъ, а съ наковаленъ вдругъ донесся трескъ пламени, разомъ разбухшаго, когда паровые молоты съ мертвымъ стукомъ остановились. Въ тысячи франковъ обошлись слезы Сары и Мэджори акціонерной компаніи, единственнымъ акціонеромъ которой былъ, правда, Чарльзъ Лэнъ.

Не припомню, чтобы я въ послѣдующіе годы когда-либо видѣлъ обѣихъ сестеръ не вмѣстѣ. Онѣ всегда ходили, обнявшись,—причемъ одна держала руку вокругъ шеи или таліи другой,—или хоть прикасаясь другъ къ другу пле-

чами. Ихъ всегда можно было видѣть въ паркѣ отцовской виллы гуляющими или спускающимися по вьющейся дорожкѣ, которая на разстояніи трехъ миль тянулась до Цюриха, вдоль бурлящаго Лимата.

Нѣтъ, рѣшительно не помню ихъ другъ безъ друга, и если мнѣ отъ времени до времени случалось бывать у ихъ родителей, я видѣлъ ихъ, поразительно похожихъ другъ на друга своими неподвижными лицами, сидящими рядомъ въ модныхъ тогда клѣтчатыхъ платьяхъ, на которыя, точно египетскія гривы, падали ихъ пышные волосы. Между ними существовала, очевидно, своеобразная близость, онѣ были какими-то духовными близнецами, и эта связь ничуть не страдала отъ того, что Мэджори была на три года старше. Казалось даже, какъ будто младшая задерживаетъ ростъ старшей. Онѣ разговаривали другъ съ другомъ на какомъ-то никому кромѣ нихъ непонятномъ жаргонѣ, посредствомъ подмигиваній и слабыхъ подергиваній нервныхъ широкихъ губъ. Черезъ ихъ руки, которыя постоянно искали другъ друга, проходилъ безпрерывный нервный токъ. Мы ихъ никогда не видѣли играющими, онѣ не искали подругъ, хотя въ той мѣстности было много равныхъ имъ по положенію богатыхъ семействъ. Я думаю, что прежде всего востокъ и далекое путешествіе сблизили ихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ большую роль играло также рано пробудившееся чутье, подсказывавшее имъ, что онѣ вмѣстѣ производили чрезвычайно выгодное впечатлѣніе. Мнѣ удалось замѣтить, что онѣ подыскивали извѣстный темпъ, извѣстный тактъ для своей походки, извѣстныя стилизованныя позы, которыя, какъ онѣ думали, выгодно выдѣляли ихъ наружность. Часто мы видѣли, какъ онѣ подъ синимъ полосатымъ индійскимъ плащомъ, наброшеннымъ на плечи обѣихъ, съ тонкой испанской тросточкой въ свободной рукѣ въ перчаткѣ, провожали своего отца, когда онъ со своей турецкой трубкой подъ жесткими усами, въ панамской шляпѣ и смокингѣ совершалъ свою вечернюю прогулку, или бралъ ихъ съ собой на легкія экскурсіи по окрестнымъ горамъ. Онъ самъ, еще стройный и физически сохранившійся мужчина, состоялъ къ этому времени предсѣдателемъ какого-то альпійскаго клуба и усердно карабкался по высотамъ.

Его супруга показывалась ежедневно въ три часа, когда фабричный гудокъ звалъ къ обѣденному перерыву; вся закутанная въ плэдъ, она возсѣдала высоко на „рикшѣ“ съ красными колесами, съ желтолицымъ слугой вмѣсто лошади, который возилъ ее гулять черезъ аллею въ пальмовый садъ курорта.

Позже, въ теченіе многихъ лѣтъ Мэджори и Сара проводили большую часть своего времени у насъ на заводѣ, куда

онѣ приходили ужъ безъ надзора, такъ какъ желтолицый слуга имѣлъ, вѣрно, болѣе важныя дѣла. Переходя изъ нашихъ конторъ въ центральную,—мы видѣли ихъ висящими высоко наверху на мелькавшемъ передвижномъ мостикѣ съ длинными свободно болтавшимися подъ юбками ногами. Такъ онѣ сидѣли цѣлыми часами, не говоря ни слова, не двигаясь ни однимъ членомъ, зачарованныя вѣчнымъ гудѣніемъ машинъ, ритмическимъ качаніемъ рычаговъ. И вдругъ, бывало, мы видимъ, какъ онѣ по желѣзной рѣшеткѣ витой лѣстницы спускаются внизъ и, почти лишенныя сознанія отъ головокруженія, опускаются на какую-нибудь кучу углей. Я предпринялъ съ ними не одно путешествіе на тяжеломъ подъемномъ кранѣ, громадное желѣзное туловище котораго царитъ на стальныхъ колоннахъ надъ всею ширью гигантскаго монтировочнаго отдѣленія. Сяду я, бывало, съ ними внутри крана, посажу ихъ обѣихъ на колѣни и начинаю объяснять имъ движеніе крана по діагонали впередъ и въ стороны, такъ что мы могли попасть въ любую часть зала. Молча и внимательно онѣ пытливыми, мигающими глазами слѣдили за желѣзнымъ крюкомъ крана, какъ онъ нащупывалъ, поднималъ и сдвигалъ различныя части машины,—то маховое колесо вѣсомъ въ двѣ тонны, то готовый якорь динамо-машины, шириною съ ворота.

Я не имѣю никакого представленія о дѣтяхъ, ихъ мысляхъ и фантазіяхъ, но я имѣлъ достаточно основанія предполагать, что Мэджори и Сара создавали промежъ себя самыя различныя фантазіи и даже замѣчательныя сказки про эти машины. Я, напримѣръ, навѣрно знаю, что каждая машина имѣла у нихъ особое имя.

Прежде всего большой центральный залъ съ его десятью динамо-машинами. Онъ былъ точно спокойно колыхающееся море, которое строго сковало свои бурныя силы; это передавалась сила теченія спокойнаго Лимата при помощи тюрбинъ. Но дѣвочки замѣчали, какъ время отъ времени въ это спокойное движеніе врывался какъ бы дьяволъ, какъ будто волны разбивались о скрытые стальные рифы. Этотъ напоръ исходилъ изъ середины зала, гдѣ громадная устарѣлой модели колоссъ-машина силою въ двѣ тысячи лошадей, подъ якоремъ вышиною въ два человѣческихъ роста, вращала свои черныя спицы. Ревъ этого гиганта покрывалъ весь остальной шумъ, терзая слухъ невѣроятно; онъ казался какъ бы дѣдомъ всѣхъ остальныхъ машинъ, озлобленнымъ ворчуномъ, который не въ состояніи поспѣть за вѣкомъ, вѣчно идетъ своимъ путемъ и бѣсится на безумную быстроту новыхъ временъ.

Я слышалъ, какъ Мэджори и Сара громко смѣялись и

издѣвались надъ этой устарѣлой машиной, какъ онѣ грозили дать ей отставку и назначить ей пенсію. О другихъ же машинахъ онѣ говорили съ преклоненіемъ, съ примѣсью дѣловитости и фантастики. Десять динамо-моторовъ онѣ называли „веселые мужчины", по имени, данному Л. Стефенсономъ опасной мели на берегу Шотландіи, гдѣ волны, разбиваясь, весело прыгаютъ и танцуютъ.

Онѣ приходили также въ залъ для опытовъ, которымъ завѣдывалъ я. Онѣ знали отдѣльно каждый изъ семи моторовъ постояннаго тока, которые стояли рядомъ на своихъ массивныхъ фундаментахъ. Онѣ останавливались передъ ними, заложивъ руки за спину, и разсматривали тихо скребущія щетки, которыя, точно большія шмели, прыгали по коммутатору. Время отъ времени я бралъ ихъ съ собой въ запретное помѣщеніе и соединялъ токъ подъ эбонитовой пластинкой, такъ что громадныя искры прорѣзали воздухъ, точно вѣнокъ сверкающихъ штыковъ. Или я позволялъ имъ пробовать силу маленькихъ моделей машинъ, подъ толчками которыхъ онѣ отъ боли и наслажденія поддергивали тонкими губами. Онѣ, бывало, просятъ все болѣе сильныхъ токовъ и выдерживали до 60 вольтовъ. Я прямо поражался ихъ выносливостью.

Точно молодыя гончія, онѣ, выставивъ впередъ носы, сопя отъ дикой энергіи, носились по громаднымъ помѣщеніямъ завода, изъ зданія въ зданіе, изъ модельной, гдѣ огромныя пилы, шипя, поднимались и опускались по бѣлымъ доскамъ, въ кузницы, гдѣ огонь валилъ и пылалъ изъ сотенъ горновъ, гдѣ мастера выковывали имъ кольца и браслеты изъ бессемеровской стали. Онѣ осторожно пробирались между покрытыми металлической пылью напильниками по мастерской, гдѣ желѣзныя опилки покрывали полъ до лодыжекъ, онѣ имѣли свои уголки и въ высокихъ красныхъ песочныхъ башняхъ литейной, которая вся была пропитана сѣрожелтыми металлическими парами.

Отецъ часто заставалъ ихъ на вагонеткахъ съ углемъ, катившихся по рельсамъ къ отстоявшему на четверть мили складу у вокзала. Покрытыя сажей, измазанныя масломъ, дѣвочки высоко возсѣдали на грудахъ угля.

Одинъ только разъ отецъ вмѣшался и увелъ ихъ съ собой. Это было тогда, когда онѣ, украсивъ себя гербомъ союза и кантональными цвѣтами, присоединились къ шествію стрѣлковъ и шли, держась за руки самаго извѣстнаго драчуна и скандалиста всего завода.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день мы увидѣли Мэджори одну, и ея платье со вчерашняго дня выросло до лодыжекъ; подъ юбкой новаго покроя она передвигала ноги непри-

вычно и несвободно, но ея подбородокъ крѣпко и энергично поднимался надъ воротникомъ, а выраженіе ея глазъ было, какъ у взрослаго и сознательнаго человѣка. Она остановилась передъ мастерскими, чтобы показаться намъ, но не вошла. Въ этотъ день она сообщила мнѣ, что съ согласія отца она рѣшила стать студенткой цюрихскаго политехникума.

Съ этого дня она ежедневно ѣздила на моторѣ отца въ Цюрихъ, а послѣ обѣда подъ моимъ руководствомъ работала въ мастерскихъ. Она набросилась на науки въ горячностью и энергіей, которыя мнѣ часто внушали опасенія. Такова ужъ натура женщины: даже наукѣ она отдается необдуманно и безудержно. Въ ея глазахъ былъ какой-то блескъ, въ ея движеніяхъ — гибкость, когда она, какъ у себя дома, двигалась между чертежнымъ столомъ и таблицами вычисленій; въ ней была та полугнѣвная и полужадная дрожь, которая характерна для семнадцатилѣтней дѣвушки, чему бы она ни отдавалась: спорту или наукѣ, баламъ или любви. Впрочемъ, она проявляла незаурядныя способности. Я рѣдко видалъ кого-нибудь, кто бы такъ ловко владѣлъ рейсфедеромъ и треугольникомъ; ея чертежи славились, а при сложныхъ вычисленіяхъ она не прибѣгала, — какъ мы всѣ — къ таблицамъ. Женщины быстро пріобрѣтаютъ навыкъ въ вычисленіяхъ, онѣ быстро создаютъ себѣ новыя умственныя сокровища для механическихъ пріемовъ, и въ этомъ имъ не мѣшаетъ непрерывная дѣятельность воображенія, какъ это бываетъ у мужчинъ.

Ея значеніе быстро поднялось. Отецъ, гордясь красотой, граціей и дѣльностью Мэджори, уже въ 1901 году, во время освященія вновь открытаго туннеля по дорогѣ отъ Эйгеръ-глетчера на Юнгфрау, назначилъ ее представителемъ фирмы, и Мэджори Лэнъ стояла на площадкѣ электрическаго локомотива завода Лэнъ и Комп., охватывая тонкими пальцами рукоятку рычага.

Эллiотъ Клейнъ впервые посѣтилъ заводы Лэна въ 1902 г. Тридцати лѣтъ отъ роду онъ сдѣлалъ одно изъ поразительнѣйшихъ изобрѣтеній нашего времени: электрическій аккумуляторъ почти идеальный, громадной работоспособности и сравнительно незначительнаго вѣса. Въ Америкѣ онъ продажей патентовъ нажилъ милліоны. Теперь онъ пріѣхалъ къ Лэну, чтобы договориться съ фирмой насчетъ передачи ей всѣхъ патентовъ.

Эллiотъ Клейнъ не американецъ, у него нѣтъ національности, онъ всю свою жизнь путешествовалъ съ тѣхъ поръ,

какъ онъ, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, бѣжалъ съ нѣмецкаго брига въ Сингапурѣ. Я думаю, что онъ нѣмецъ по происхожденію.

Когда онъ явился къ Лэну, ему было лѣтъ тридцать пять, но лихорадочная, нервная жизнь наложила на него тяжелую печать: нужда и лишенія въ началѣ, потомъ ночи, проводимыя надъ книгами послѣ цѣлаго дня работы въ лабораторіяхъ и конструкціонныхъ залахъ, пока не была разрѣшена задача, и его не посѣтило счастье, тяжелое, какъ непредвидѣнный конецъ трудовой жизни, ставшей привычкой. И стремленіе къ подвижности, которая до сихъ поръ разряжалась въ чрезмѣрной ежедневной работѣ, вновь охватило его и безудержно толкало въ путешествія изъ страны въ страну.

Онъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ новой виллѣ директора „Römerberg", которая была построена около теплыхъ ключей въ античномъ стилѣ. Мы съ нимъ сошлись и до сихъ поръ еще съ многолѣтними перерывами изрѣдка видаемся другъ съ другомъ. Между нимъ и Мэджори, вѣрно, уже во время перваго его посѣщенія завязались отношенія, о которыхъ въ слѣдующемъ году на банкетѣ, устроенномъ для всѣхъ инженеровъ фабрики, было объявлено оффиціально.

Мэджори, между тѣмъ, по прежнему работала въ своемъ бюро, ни на часъ не отрываясь отъ своихъ ежедневныхъ занятій. Клейнъ же по цѣлымъ часамъ бродилъ по парку, или сидѣлъ въ чертежной, выкуривая папиросу за папиросой, и сосредоточенно слѣдилъ за своей невѣстой, не удостоиваясь отъ нея ни одного взгляда. Въ немъ, впрочемъ, была какая-то лѣнивая меланхолія, которая часто раздражала, хотя я прекрасно понималъ всю мучительность того бездѣйствія, на которое онъ былъ осужденъ: законченное великое дѣло въ прошломъ и непонятная душа женщины, въ качествѣ компаса, въ будущемъ.

Я вспоминаю одинъ іюньскій день; Сара Лэнъ подкралась ко мнѣ сзади, погладила своей рукой мою и собиралась провожать меня при обходѣ мастерскихъ.

— Къ чему вы всѣ эти дни готовитесь?—спросила она.— Вы всѣ такъ таинственны. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ Мэджори стала невѣстой, вы всегда очень таинственны, и я чувствую себя исключенной изъ всего того, что вы дѣлаете.

— Сара,—сказалъ я,—у насъ, дѣйствительно, есть тайны. Мы на этихъ дняхъ заканчиваемъ автомобиль, къ которому будетъ примѣненъ аккумуляторъ Эллiота Клейна. Поэтому испытательный залъ закрытъ даже для Сары Лэнъ.

— Мой новый шуринъ,—продолжала она,—мнѣ вообще кажется загадочнымъ человѣкомъ. Мэджори очень далека отъ того, чтобы понимать его, и ея поведеніе по отношенію къ нему мнѣ кажется не подходящимъ. Но теперь вы мнѣ должны объяснить, въ чемъ собственно состоитъ его открытіе. Я навѣрное не такъ ужъ неспособна, чтобы не понять, хотя я по извѣстнымъ причинамъ и не сочла нужнымъ стать такой ученой, какъ Мэджори.

Я далъ ей популярное и поэтому лишь наполовину точное объясненіе.

— Это значитъ, слѣдовательно,—закончилъ я,—что все движеніе освобождается отъ предначертанныхъ провозныхъ путей, и экипажъ несетъ съ собой свой источникъ силы, какъ ѣздокъ—кормъ, какъ локомотивъ—запасъ угля. Элліотъ Клейнъ является революціонеромъ въ техникѣ, потому что онъ, видите ли, ненавидитъ предначертанные, освященные авторитетомъ пути. Но почему вы его считаете загадочнымъ человѣкомъ?

Она разсмѣялась, но ничего не отвѣтила. Ея глаза были совершенно спокойны и глядѣли на меня съ выраженіемъ превосходства, отъ котораго мнѣ стало не по себѣ. Они были окаймлены темными кругами и казались непроницаемыми, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясными. Меня она, очевидно, считала отнюдь не загадочнымъ, и я очень мало ее интересовалъ. Мнѣ въ первый разъ бросилось въ глаза, что ея голосъ сталъ болѣе глубокъ, что лицо ея вытянулось, и что въ отдѣльныхъ чертахъ ея была какъ бы нѣкоторая ассиметрія; это лицо было блѣдно, съ еле замѣтнымъ синеватымъ отливомъ, и глядѣло изъ-подъ пышныхъ черныхъ волосъ, какъ бы изъ-за темной чащи, точно животное, безпечное и любопытное, въ гордомъ сознаніи своей безопасности.

— Загадочно въ мистерѣ Клейнѣ то,—сказала она,—что его глаза никогда не улыбаются вмѣстѣ съ его губами, что онъ говоритъ нѣтъ, между тѣмъ какъ головой дѣлаетъ утвердительное движеніе, что онъ всегда глядитъ на мою сестру нелюбезно и даже иронически, какъ только она ищетъ его взгляда. Но когда она отворачивается отъ него и злится за то, что онъ не хочетъ постоянно разбирать съ нею эти вѣчные техническіе вопросы (что я, впрочемъ, прекрасно понимаю!), тогда онъ становится печальнымъ. Это загадочно. Это совсѣмъ какъ я, когда я, шутя, разумѣется, приближаю свою руку вплотную къ машинѣ, чтобы увидѣть, перескочитъ ли токъ въ меня, и потомъ опять отдаляю ее и опять приближаю. Видите, вотъ такъ!

— Сара!—вскрикнулъ я и схватилъ ее за руку. Она медленно отвернулась отъ громадной динамо-машины, передъ

которой она было остановилась. Это была та самая шумливая устарѣвшая машина, которая опекала всѣ остальныя, и зубчатыя магнитныя колеса которой, похожія на войлокъ, кряхтя, вращались, какъ бы набрасываясь на каждаго, кто къ ней приблизится, между тѣмъ какъ остальныя машины широкой мужской поступью шли своимъ опредѣленнымъ путемъ.

Сара сопровождала меня дальше.

— Почему вы молчите?—спросила она.

Но я продолжалъ молчать. Я былъ нѣкоторымъ образомъ сбитъ съ толку этимъ совершенно взрослымъ, чрезмѣрно разумнымъ лицомъ на фонѣ мрачныхъ пышныхъ волосъ, лицомъ, которое находилось въ странномъ несоотвѣтствіи съ хрупкой, еще безформенной фигурой дѣвочки. Я переживалъ чувство, похожее на то, которое испытываешь, когда, видя издали приближающуюся человѣческую фигуру, ошибаешься насчетъ пола ея и, вглядѣвшись ближе, бываешь вынужденъ исправить свою ошибку.

— Что вы?—сказала она,—я совершенно не боюсь машинъ. Подумайте только, какъ я къ нимъ привыкла. А всетаки есть еще такія обстоятельства, при которыхъ я ихъ не видѣла. Я ихъ видѣла приносящими только пользу.

— На то онѣ и существуютъ,—сказалъ я,—какъ и мы, люди.

Она покачала умной головкой.

— Вѣдь я уже всетаки достаточно стара, чтобы знать, какъ не вѣрно то, что вы говорите. У насъ, людей, назначеніе совсѣмъ, совсѣмъ другое.

Она молчала въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Идя рядомъ со мною, она старательно избѣгала коснуться меня и старалась точно попадать въ ногу. Она попробовала придать своему лицу выраженіе, которое я тотчасъ же узналъ, и она, дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ спросила:

— Вилли, вы находите, что я похожа на свою сестру?

— Да,—сказалъ я,—безусловно!

Она насмѣшливо расхохоталась.

— Мужчины всегда говорятъ: безусловно. Мужчины не понимаютъ ничего, что не безусловно. Разумѣется, я еще не похожа на свою сестру, но похожа на ту, какой она была въ моемъ возрастѣ, а черезъ три года я буду такой, какая она теперь.

— Несомнѣнно, Сара!

— Скажите мнѣ, Вилли, вы вѣрите въ то, что мужчины возвращаются?

— Что значитъ „возвращаются“?

— Я хочу сказать,—вѣрите ли вы, что мужчины возвращаются къ тому, что они первоначально искали?

— Да, Сара, этому я вѣрю. Мужчины всегда остаются вѣрными типу, и постольку они возвращаются. Но, Сара, у мужчинъ есть желанія, о силѣ которыхъ вы даже тогда, когда станете еще старше и умнѣе, чѣмъ теперь, не будете имѣть ни малѣйшаго представленія.

— Хорошо,—сказала она, очевидно, не обращая никакого вниманія на мои послѣднія слова.

Мы, пока что, дошли до испытательнаго отдѣленія и встрѣтились тамъ съ директоромъ Лэномъ, который какъ разъ собирался домой. Сара совершенно по-дѣтски прижалась къ его мощной фигурѣ. Онъ поднялъ ее за локти на нѣсколько вершковъ и разрѣшилъ ей войти въ запретное помѣщеніе.

Здѣсь, на возвышеніи изъ тяжелаго дуба, стояла нижняя часть новаго автомобиля Flying star со своими длинными, цилиндрическими, торпедообразными аккумуляторами патента Элліота Клейна. Мастеръ Давидъ Гицъ, который впослѣдствіи, во время большого конкурса, правилъ Flying star'омъ, руководилъ монтировкой. Мэджори Лэнъ сидѣла на скамейкѣ и наблюдала, а Клейнъ съ своимъ обычнымъ озабоченнымъ выраженіемъ пріютился на подоконникѣ. Онъ сидѣлъ, отдавшись своимъ мыслямъ и кусая своими большими зубами потухшую трубку.

Мэджори быстро обернулась.

— Вилли,—сказала она,—Элліотъ Клейнъ заявилъ, что онъ въ іюлѣ, во время большого всемірнаго состязанія, не поѣдетъ на Flying star'ѣ, хотя онъ самъ изобрѣлъ и нарисовалъ машину, хотя она будетъ носить мои инициалы.

— Нѣтъ,— сказалъ Элліотъ Клейнъ,—эту честь я предоставлю какому-нибудь наемному шофферу.

— Элліотъ Клейнъ боится,—сказала Мэджори безъ насмѣшки въ голосѣ.—Онъ увидитъ другого, болѣе храбраго на Flying star.

И она нагнулась къ мастеру, который въ эту минуту всей своей тяжестью налегъ на какой-то болтъ, чтобы всадить его въ отверстіе.

Элліотъ Клейнъ зажмурилъ глаза.

— Хорошо,—сказалъ онъ по-англійски,—пусть онъ управляетъ Flying stor. Онъ, какъ будто, созданъ для того, чтобы быть жокеемъ или гладіаторомъ. Въ его крови, несомнѣнно, есть движеніе *впередъ*, въ то время, какъ въ нашей есть только движеніе *назадъ*—изъ боязни, можетъ быть, или любопытства. Этотъ типъ въ наше лихорадочное и чувственное время находитъ себѣ примѣненіе. Та работа, которую въ

потѣ лица совершаемъ мы въ нашихъ лабораторіяхъ и кабинетахъ, какъ будто отдается въ расточительныя руки, какъ игрушка. Все равно! Мнѣ достаточно, что я создалъ средство, этимъ моя задача выполнена. Примѣнять средство кажется мнѣ чѣмъ-то жалкимъ даже тогда, когда рѣчь идетъ о рекордѣ на міровомъ состязаніи. Но у женщинъ дѣло обстоитъ иначе: онѣ преклоняются лишь тогда, когда онѣ видятъ дѣйствіе!

Мэджори ничего не сказала, она даже не посмотрѣла на него. Казалось, что она даже не чувствуетъ его близости и не слышитъ, что онъ говоритъ. Сара же подошла къ нему вплотную, такъ что ея рукавъ касался его, и я замѣтилъ, что по ея лицу прошла легкая дрожь.

Мастеръ, который ничего не понялъ изъ всего разговора, все еще стоялъ, нагнувшись надъ своей работой. Въ его худощавомъ, гладко выбритомъ лицѣ, дѣйствительно, было нѣчто, напоминающее холодную, сосредоточенную энергію жокея. Глаза тупые и, вмѣстѣ съ тѣмъ, повелительные, лежали втиснутые между вѣками, покрытыми сажей; сгорбленная спина, мускулатура которой при каждомъ его движеніи мощно колыхалась подъ тонкой рубахой, и дубиноподобныя руки кулачнаго бойца, которыя теперь, когда онъ выпрямился, тяжело свѣшивались съ его плечъ, казались какъ бы созданными для того, чтобы таскать неимовѣрныя тяжести... Онъ стоялъ, выжидая приказаній, и его циклопическое тѣло было освѣщено частью заревомъ горнила, частью синеватымъ дневнымъ свѣтомъ.

Мэджори, которую послѣднія слова Клейна совершенно не тронули, сидѣла, сложивъ руки на колѣняхъ; взглядъ ея впился въ Давида Гица, который все еще стоялъ, полуотвернувшись, неподвижный, точно остановленная машина; но мало-по-малу онъ какъ будто подпадалъ подъ вліяніе чужой силы, онъ весь передернулся, точно конь, почувствовавшій удила, быстро поднялъ глаза и заглянулъ въ глаза Мэджори. Больше минуты никто изъ нихъ не шевелился. Ни обычный глухой грохотъ машины, ни ритмическій стукъ кузнечныхъ молотовъ не могли помѣшать тому, чтобы эта минута казалась намъ совершенно беззвучной, какъ бы втиснутой въ то неимовѣрное напряженіе, которое каждаго изъ насъ неподвижно приковало къ его мѣсту.

И когда это напряженное состояніе стало для меня невыносимымъ, и я рѣшилъ положить ему конецъ, вдругъ раздался оглушительный свистъ и визгъ заводскихъ гудковъ, который пронесся по мастерскимъ и, точно вихрь, оторвалъ рабочихъ отъ наковаленъ и токарныхъ станковъ. Громадный мастеръ медленно выставилъ одну ногу, тяжело-

вѣсно поднялъ вторую, съ неимовѣрнымъ напряженіемъ повернулся къ намъ спиной и ушелъ.

Когда мы всѣ четверо шли черезъ фабричные дворы, Эллiотъ Клейнъ крѣпко сжалъ мою руку.

— Вы слышали?—прошипѣлъ онъ надъ моимъ ухомъ.— Она всегда такъ: выбираетъ крайности, которыя являются болѣе всего моими антагонистами, какъ будто для того, чтобы добиться какого-то равновѣсія, при которомъ никто изъ насъ не одержитъ верха. Она не хочетъ уступить и подчиниться мнѣ, можетъ быть, потому, что она знаетъ, что я не умѣлъ бы оцѣнить ея подчиненія.

Я пошелъ рядомъ съ Мэджори и старался завязать разговоръ, но каждая моя попытка подойти къ ней ближе разбивалась о ея совершенно непроницаемую улыбку. Намъ пришлось миновать литейную, гдѣ работа еще не прекратилась. Тяжелый корзинообразный котелъ беззвучно скользилъ по залу, двигаемый большимъ краномъ; послѣдній качался надъ плавильной печью, мощная грудь которой, точно окутанная черными клиньями, мрачно выглядывала изъ дыма и тьмы.

Но вотъ рабочій выбилъ длиннымъ шестомъ глиняную пробку изъ воронки, и огонь неуклюжимъ толчкомъ брызнулъ и разлился черезъ открытую втулку. И, точно во время мистическаго богослуженія, все помѣщеніе вдругъ наполнилось сѣрнистыми жирными парами, воздухъ сталъ приторнымъ и тропически жаркимъ, какъ въ парникѣ.

Мэджори обернулась ко мнѣ лицомъ, и я увидѣлъ, что въ ея глазахъ блестѣли слезы.

— Ахъ, м-ръ Циль,—прошептала она,—ахъ, Вилли, никто не знаетъ, какъ безгранично мое одиночество!

Заводъ быстро выбросилъ черезъ выходы тысячъ пять своихъ рабочихъ. Длинная вереница людей, которые въ своихъ синихъ блузахъ издали казались мѣшками, уносимыми двумя карликами, потянулись черезъ аллеи по мосту въ казармы рабочаго поселка. Идя домой, мы попали въ струю этихъ сгорбленныхъ, но бодрыхъ людей. Когда мы проходили мимо нихъ, они поворачивали голову черезъ плечо и по товарищески кивали Мэджори. Она имъ отвѣчала, и глаза ея свѣтились весельемъ и лаской. Эллiотъ Клейнъ, который теперь опять шелъ рядомъ со мной, обратилъ мое вниманіе на это.

— Смотрите только, какъ легкомысленно и неразумно женщины расточаютъ такіе дорогіе дары, какъ привѣтъ и улыбка. Что у нея общаго съ этими людьми?! Вѣдь она по своему общественному положенію и по своему богатству ихъ злѣйшій врагъ, но какое дѣло женщинѣ до общественнаго

положенія и до точекъ зрѣнія! Женщина зависитъ только отъ своихъ органовъ, и поэтому она является добромъ, полное обладаніе которымъ для насъ, скованныхъ разумомъ мужчинъ, недосягаемо. Смотрите, вотъ эта толпа рабовъ проходитъ мимо нея, сгорбленная и истощенная, а она имъ улыбается!..

— На что мы собственно надѣемся,—продолжалъ онъ,— мы, мужчины, когда хотимъ двигать впередъ время и людей? Восемь лѣтъ я работалъ надъ машиной, которая должна была служить дѣлу прогресса. Я видѣлъ передъ собою огромную общечеловѣческую цѣль. А теперь, теперь я мечтаю только объ одномъ: о мраморной виллѣ высоко надъ обрывомъ у Сенъ-Ремо, съ освѣщенными солнцемъ террасами, спускающимися къ Средиземному морю. Я мечтаю о покоѣ и тѣнистыхъ пальмахъ! И нѣтъ для меня во всемъ мірѣ ни одного человѣка, кромѣ Мэджори, Мэджори, которую я люблю, и отъ которой меня еще отдѣляютъ тысячи миль пустыни!

Мы подошли къ окруженному стѣной парку виллы, миновали гостиницу курорта, фундаментъ которой покрытъ зеленой слизью, поднимающейся изъ пѣнящихся въ этомъ мѣстѣ водъ Лимата. Среди водоворотовъ поднимались желтыя облачка дыма изъ теплыхъ ключей, вливающихся въ рѣку. По дорожкамъ гуляли паціенты парами подъ руку или въ креслахъ на колесахъ, большею частью опустившіеся, противные типы—старыя нарумяненныя дамы, которыя подъ дорогими шалями прятали подагрическія утолщенія на шеѣ и на рукахъ, рахитичныя дѣти съ кривыми ногами въ стилѣ рококо, унаслѣдовавшіе разныя болѣзни смертельно блѣдные люди съ впалыми переносицами, наконецъ, кутилы изъ Вѣны и Парижа, лѣчившіе свои старые грѣхи теплыми сѣрными купаньями.

— Смотрите,—сказалъ Элліотъ Клейнъ,—здѣсь ужъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ ходили эти самые или, можетъ быть, другіе паціенты, страдающіе тѣми же болѣзнями: сифилисомъ и размягченіемъ спинного мозга, болѣзнями, которыя они, обвитые вѣнками и одѣтые въ тоги, въ сопровожденіи своихъ слухъ и избранницъ своего гарема, нажили себѣ въ разгульной жизни стараго Рима. А тамъ внизу, гдѣ стоятъ теперь заводы, находились римскія колоніи, въ которыхъ рабы работали въ виноградникахъ и кузницахъ, пятитысячная толпа въ синихъ льняныхъ блузахъ, точно такая же, какую мы видѣли здѣсь сегодня. Въ теплыхъ ваннахъ, воняющихъ сѣроводородомъ, лежали милліонеры, ища исцѣленія, а ихъ рабы были сгорблены отъ работы и здоровенны, какъ тѣ, которые только что прошли мимо

насъ. Они устраивали бои и состязанія въ амфитеатрѣ сосѣдней долины; среди ихъ женщинъ, вѣрно, тоже была мода восторгаться циклопическими мускулами гладіаторовъ и мечтать о короткихъ жокейскихъ лицахъ послѣднихъ. Повтореніе, все повтореніе! Та культура погибла. Рабы возстали и уничтожили ее. Плебеи растоптали ее, когда господа стали христіански-сентиментальными и открыли прогрессу доступъ въ міръ рабовъ. Мы слишкомъ щедры, слишкомъ открыто, слишкомъ плебейски открыто восторгаемся тѣми, на челѣ которыхъ уже блиститъ несомнѣнное торжество грядущей побѣды. И въ наше время гладіаторъ имѣетъ наибольшіе шансы отнять у насъ власть и первымъ дѣломъ—нашихъ женщинъ, а черезъ нихъ еще больше, чѣмъ власть. Нѣтъ, я не вижу больше ничего впереди, я вижу только одно пустое верченіе, въ которомъ я принимаю участіе съ отвращеніемъ. Я не стану больше раздавать милостыню. Впрочемъ, я переживаю, очевидно, острый припадокъ подавленности и по очень ясной причинѣ стремительно падаю внизъ.

Мэджори, которая шла впереди, освободила свою руку изъ руки сестры, обернулась и долго глядѣла на Элліота Клейна.—Mon ami,—сказала она съ доброй и вмѣстѣ съ тѣмъ грустной улыбкой.

Сара Лэнъ взяла меня за руку.

— Ахъ, Вилли,—прошептала она,—никто не подозрѣваетъ, какъ безгранично мое одиночество!

Когда однажды утромъ Элліотъ Клейнъ, позавтракавъ у директора Лэна, пришелъ ко мнѣ, чтобы предложить сыграть партію на билльярдѣ въ клубѣ инженеровъ, я сейчасъ же понялъ, что онъ ищетъ случая поговорить со мной о своихъ сердечныхъ дѣлахъ. Долгіе годы, проведенные въ научныхъ занятіяхъ и путешествіяхъ, оторвали его отъ всякой интимной жизни, сдѣлали его спеціалистомъ въ одной отрасли науки, исключили его изъ всѣхъ остальныхъ сферъ мышленія. Теперь, придя во время отдыха въ нормальное состояніе, благодаря близости женщины, онъ былъ неопытенъ и чуждъ болѣзненныхъ ощущеній рефлексіи.

Въ зимнемъ саду мы прошли мимо г-жи Лэнъ, которая, вся закутанная плэдями, отдыхала на тропическомъ бамбуковомъ диванѣ. Около ея локтя стоялъ на колѣняхъ ея китаецъ передъ низкой, покрытой золотымъ лакомъ, табуреткой, на которой онъ разливалъ чай для своей госпожи и для себя въ двѣ тоненькія чашечки. Ея отягченная кольцами бѣлая рука, лѣниво отдыхая, лежала на гладко выбритомъ черепѣ слуги, косые кошачьи глаза котораго съ быстротой молніи обратились на насъ.

Дѣвушекъ въ тотъ день мы еще не видали, а самъ директоръ Лэнъ весь былъ поглощенъ своимъ электрическимъ роялемъ, который онъ себѣ построилъ для собственнаго удовольствія, заставляя его по цѣлымъ днямъ барабанить оглушительныя мазурки, соперничающія съ гуломъ работающихъ кузницъ.

Мы миновали садъ виллы. Корона ея голыхъ стѣнъ своими острыми зубьями врѣзывалась въ синій небосклонъ. Внизу въ саду и надъ террасами висѣлъ дикій виноградъ и глициніи, точно тяжелыя подушки, а вдоль дорожекъ парка стояли черными рядами колоннъ стволы кипарисовъ, острыя верхушки которыхъ, какъ гигантскія бархатныя знамена, подымались къ небу. Пруды, окаймленные бѣлымъ камнемъ, лежали у подошвы террасъ. Рѣзкій запахъ японскихъ ползучихъ розъ, розовый холмикъ на грядкахъ и стройныя клумбы вдоль дорожекъ наполняли воздухъ несказанно сладкой и опьяняющей нѣгой.

— Посмотрите!—сказалъ Эллiотъ Клейнъ,—вилла патриція! Садъ римскаго проконсула въ колоніи! Я чувствую на себѣ тяжесть всей имперіи, всѣхъ закрѣпощенныхъ его массъ. А мнѣ бы всетаки хотѣлось стоять здѣсь свободнымъ, съ приподнятыми, не обремененными плечами, какъ Чарльзъ Лэнъ, который и морально въ правѣ купить все за свои милліоны!

Въ билліардной большія стекла, образующія одну изъ стѣнъ, были подняты вверхъ, но широкія механическія гардины были спущены, и весь залъ былъ окутанъ зеленымъ свѣтомъ, точно акваріумъ. Мы нѣкоторое время, не играя, глядѣли на бѣлые костяные шары, которые лежали на зеленомъ полѣ билліарда, точно большіе грибы. Жара дѣйствовала на меня разслабляюще, и шаръ лѣниво реагировалъ на мои слабые толчки. Эллiотъ Клейнъ, наоборотъ, игралъ быстро и нервно, со страстностью, которая совсѣмъ не была похожа на него. Гладко выбритое лицо его было прорѣзано многочисленными линіями, идущими отъ носа къ угламъ рта, кожа лица, благодаря отраженію билліарднаго сукна, пріобрѣла холодный оттѣнокъ.

Наконецъ, мой партнеръ, подойдя было къ камину, чтобы налить себѣ стаканъ воды, заговорилъ.

— Со мной вчера вечеромъ,—началъ онъ,—приключилось нѣчто, что меня непріятно поразило и подкрѣпило тѣ разлагающія силы, которыя теперь свирѣпствуютъ въ моей душѣ. Утромъ я поѣхалъ по дѣлу въ Цюрихъ и вернулся лишь къ вечеру. Я былъ затѣмъ занятъ на заводѣ и не имѣлъ возможности повидаться съ Мэджори, которая, какъ вы знаете, до семи часовъ вечера работаетъ въ чертежной.

Въ восемь часовъ вечера я, бывало, встрѣчаюсь съ Мэджори въ паркѣ около пруда, гдѣ она утромъ забрасываетъ свои удочки. Вчера вечеромъ, въ восемь часовъ, я открылъ дверь въ маленькую бесѣдку надъ водой и кличу Мэджори по имени. Въ бесѣдкѣ тьма египетская. Но я замѣчаю, что одна изъ многихъ щелей въ досчатой стѣнѣ затемнена какой-то тѣнью и чувствую, что чья-то рука прикасается къ моей. Я чувствую около самаго лица своего теплоту женской щеки. „Мэджори“,—говорю я,—но не получаю отвѣта. Я хочу опять говорить, но мои уста замыкаются. Да, мои уста замыкаются чьимъ-то горячимъ ртомъ, который сильно прижимается къ моему. Я чувствую, что чьи-то руки гладятъ мои щеки. Я говорю, но все не получаю отвѣта. Ея тѣло покоится въ моихъ объятіяхъ съ любовью, какой я раньше никогда не зналъ въ ней, и я въ нерѣшительности размыкаю руки. „Мэджори“!— шепчу я. Мнѣ кажется, что случилось невѣроятное: Мэджори сама бросилась въ мои объятья, отказавшись отъ своей самостоятельности, забывъ свою ученость и свою сдержанность. Мэджори, забывшая все на свѣтѣ, осиленная своей побѣдоносной страстью! „Мэджори!“—восклицаю я. Но никто не отвѣчаетъ. И женщина быстро ускользаетъ изъ моихъ объятій. Я слышу, какъ дверь захлопнулась, и знаю, что я одинъ. Я остался, сбитый съ толку и полный самыхъ разнообразныхъ мыслей, встревоженный и вмѣстѣ съ тѣмъ весь горя послѣ этой встрѣчи. Я медленно иду на виллу и вхожу на веранду. Тамъ сидитъ Мэджори еще въ жакетѣ и, когда я вхожу, она медленно оборачивается ко мнѣ.

— Ты, вѣрно, сегодня напрасно ждалъ меня,—говоритъ она своимъ сухимъ, чрезмѣрно яснымъ тономъ.—У насъ въ послѣдніе дни много работы въ чертежной, и я только что вернулась оттуда. Flying star ужъ совершенно готовъ, и Давидъ Гицъ обѣщался управлять имъ.

Я не люблю, когда Мэджори говоритъ о машинахъ. Такія вещи не идутъ женщинамъ, „Ты, значитъ, сегодня не была у своихъ рыбъ?“ И, чтобы наказать ее за неожиданное кокетство послѣ встрѣчи нѣсколько минутъ тому назадъ, прибавляю: „Я и не ожидалъ встрѣтить тебя тамъ и пришелъ сюда прямо съ завода“.

Мэджори хитро улыбнулась, приблизительно такъ, какъ ящерица показываетъ свой языкъ. „Хорошо, что ты не пришелъ: Сара обѣщала мнѣ присмотрѣть за рыбами. Она только что вернулась и сообщила мнѣ, что она отпустила на волю всѣхъ попавшихся на мой крючекъ рыбъ“.

Я быстро оборачиваюсь и вижу за собой Сару, которая стоитъ, опершись о косякъ двери, еще запыхавшись отъ быстрой ходьбы, вся блѣдная, съ невыразимо смущеннымъ

или даже скорѣе жаднымъ выраженіемъ рта. И вижу, что ея глаза съ удивленіемъ и безпокойствомъ впились въ меня и горятъ совершенно не замаскированной страстью.

Мэджори же смѣялась. „Всѣ удочки теперь пусты“, — повторила она.

Я былъ пораженъ больше, чѣмъ вы, можетъ быть, можете себѣ представить. Я повернулся и ушелъ.

Когда онъ кончилъ, я ему сказалъ:

— Да, милый Элліотъ Клейнъ, я знаю Мэджори Лэнъ лучше, чѣмъ вы, я знаю Сару лучше, чѣмъ Мэджори. Сара, этотъ шестнадцатилѣтній бѣсенокъ, не шутка для взрослаго мужчины. Ея дикій темпераментъ погубитъ когда-нибудь ее самое или кого-нибудь другого. Съ Мэджори же дѣло уже теперь хуже.

— Да,—сказалъ онъ,—съ Мэджори дѣло хуже. Она избрала себѣ дѣятельность мужчины, хотя не освободилась изъ-подъ вліянія своей женской натуры. Какъ товарищъ въ моей сферѣ дѣятельности, она кажется мнѣ каррикатурой на меня самого; между тѣмъ, мнѣ нужно не кривое зеркало, а стимулирующее и возбуждающее меня средство или, по крайней мѣрѣ, подушка, когда я устаю и хочу отдохнуть. Но у женщинъ на первомъ планѣ, видно, стоятъ не мужчины. Какъ всѣ дикари, онѣ, эротичныя и религіозныя, вѣрятъ во всякій предметъ, которому онѣ по какой-либо причинѣ приписываютъ особую силу. Для Мэджори машины являются мощными фетишами, привычки и пути которыхъ она изучила, но элементарная сущность которыхъ остается для нея предметомъ поклоненія. Точно такъ же она восторгается мускулистой, грубой и неприкрытой силой шоффера, гладіатора. Она ищетъ мукъ, она хочетъ быть подчиненной этой нечеловѣческой силѣ, она жаждетъ объятій, которыя почти убиваютъ. Нѣтъ, для женщинъ міръ полонъ огромныхъ ужасныхъ фетишей да массы маленькихъ удобныхъ вещицъ, изъ которыхъ онѣ болѣе хитро, чѣмъ мы, неуклюжіе мужчины, умѣютъ извлекать пользу для себя. А на мужчину тяжело и разслабляюще дѣйствуетъ сознаніе, что онъ является не однимъ, а главное, не наивысшимъ изъ этихъ фетишей, которые женщины превозносятъ и обоготворяютъ. Мэджори увидѣла, что я создалъ нѣчто большое, и избрала меня. Но съ тѣхъ поръ она меня видѣла утомленнымъ, подавленнымъ, въ періодѣ сомнѣнія. „Большаго!“ кричитъ она: „Большаго!“ И, видя, что я отвѣчаю скептицизмомъ и даже застывшимъ пессимизмомъ, она ищетъ себѣ новыхъ фетишей. Когда оказалось, что не я богъ, она стала искать себѣ другого бога. Нѣтъ, женщины любятъ не мужчинъ!

— Мэджори держится вдали, чтобы сильнѣе дѣйствовать,—

нашелся я. — А если женщины рядомъ со своей большой любовью ищутъ себѣ и другихъ предметовъ увлеченія, онѣ это дѣлаютъ лишь для того, чтобъ показать свою способность любить и такимъ образомъ сильнѣе привлекать. И развѣ, дѣйствительно, женщина, которая насъ избѣгаетъ, не является сильнѣйшимъ пунктомъ влеченія? Впрочемъ, я надѣюсь, вы въ скоромъ будущемъ успокоите свою озлобленность, обновивъ свои большіе замыслы.

— Это другое дѣло,—сказалъ онъ. Онъ замолкъ, погрузился въ какую-то думу, направивъ взоръ въ одну точку около окна, и потомъ продолжалъ:

— Возможно, что я люблю Мэджори совсѣмъ не такой, какова она есть, а такъ, какъ мы любимъ мысль, которая еще не осуществлена, или скорѣе, какъ полуразвитую идею, къ которой мы все вновь возвращаемся. Можетъ быть, я ее люблю только, какъ слабый и поблекшій портретъ, какъ тонкій рѣзной профиль другой, которую я люблю.

— Теперь,—сказалъ я Элліоту Клейну,—вашъ ходъ.

Но вмѣсто того, чтобы толкнуть свой шаръ, онъ быстро сдѣлалъ шагъ впередъ, концомъ своего кія нажалъ пружину и спущенныя гардины взлетѣли вверхъ. Мы увидѣли на верандѣ Сару. Вся облитая сверкающимъ солнечнымъ свѣтомъ, она стояла, опершись о баллюстраду. Ея ухо было совершенно освобождено отъ тяжелыхъ волосъ—она подслушивала. Глаза ея смотрѣли въ пространство, безучастные и ясные. Она почти тотчасъ же пошла дальше, тихо напѣвая, точно погрузившись въ пріятныя мысли.

Прошелъ мѣсяцъ. Наступило 10 іюля. На дняхъ мимо завода должны пронестись автомобили, принимающіе участіе въ международномъ состязаніи Парижъ—Вѣна. Новый автомобиль, съ Элліотъ-Клейновскимъ аккумуляторомъ, также принимаетъ участіе въ конкурсѣ.

Фасадъ завода, выходящій на главную дорогу, весь украшенъ вѣнками изъ ельника и флагами цюрихскаго кантона. Дорога ведетъ здѣсь вдоль пѣнящихся потоковъ Лимата. Передъ большимъ главнымъ входомъ стоитъ столъ контрольной коммиссіи. Тамъ же наши мѣста. Мы весь день дежуримъ поочередно. Чарльзъ Лэнъ устроилъ для себя и для своихъ дамъ эстраду.

Незадолго до пяти часовъ утра мы получаемъ изъ Цюриха телеграмму: „Первые автомобили прошли“! Наше нетерпѣніе растетъ. Черезъ нѣсколько минутъ они будутъ здѣсь. На разсвѣтѣ они отдыхали въ Базелѣ. Теперь они въ бѣшеной гонкѣ находятся за горами. Но ихъ опережаютъ

различные слухи: по дорогѣ погибло четыре человѣка. Генри Ротшильдъ лежитъ мертвый въ Лангрѣ, и всемірный рекордъ уже побитъ быстротой сто двадцать километровъ въ часъ.

Вдоль дороги стоятъ одѣтые по праздничному обыватели со своими дамами. Полицейскіе въ зеленыхъ мундирахъ поддерживаютъ порядокъ. На крышахъ завода, желѣзнодорожныхъ вагонахъ и на кучахъ матеріала стоятъ наши рабочіе и ждутъ зрѣлища. Управляющій фабрики, Даніилъ Веберъ подходитъ къ намъ, спѣша и запыхавшись, со значкомъ парижскаго клуба на шапкѣ и съ желтой перевязью контрольной коммиссіи на рукавѣ, и кричитъ толпѣ, чтобъ она разступилась. Но, очевидно, для того, чтобы толпа разступилась, нужно, чтобы на ея глазахъ раздавлены были еще нѣсколько человѣкъ.

Веберъ читаетъ мнѣ и Элліоту Клейну телеграммы съ французскихъ и швейцарскихъ станцій. Вдругъ у калитки крадущимися шагами появляется Сара Лэнъ и однимъ прыжкомъ повисаетъ на его рукѣ. Она не улыбается, ея брови сдвинуты. Ея глаза похожи на черныя нотныя точки, прорѣзанныя черной чертой, лицо худое, и подъ слишкомъ короткимъ желтымъ платьемъ торчатъ ея длинныя ноги.—Они идутъ?—бормочетъ она сквозь зубы.—Они уже близко?

Ея сестра сидитъ, откинувшись, въ автомобилѣ своего отца около заводскихъ воротъ. Время отъ времени ея глаза встрѣчаются съ гнѣвнымъ взоромъ Элліота Клейна. Тогда она немного обнажаетъ свои зубы, но настоящая улыбка у нея не выходитъ. Ея рука конвульсивно сжимаетъ фотографическій аппаратъ: объективъ установленъ на моментальный снимокъ.

Толпа становится нетерпѣливѣе, возбужденнѣе, всѣхъ охватываетъ напряженіе. Всѣ заинтересованы всемірнымъ рекордомъ, гонками, которыя возбуждаютъ и волнуютъ душу каждаго современнаго человѣка, хотя онъ и не знаетъ ни причины, ни цѣли этихъ гонокъ. Парижъ—Вѣна черезъ всѣ горы въ два дня, меньше, чѣмъ въ два дня!

Утро ясное. На западѣ бѣлѣетъ ослѣпительный альпійскій снѣгъ, и легкій вѣтеръ приноситъ съ собой запахъ свѣжаго сѣна. Теплота притекаетъ какъ бы волнами. Всего только шесть часовъ утра.

— Съ дороги! Съ дороги!

Тамъ наверху на поворотѣ показывается желтый флагъ; онъ ярко горитъ на солнцѣ. Толпа съеживается, всѣ лица настораживаются. Зрители тамъ на поворотѣ превращаются въ какой-то живой комокъ, потомъ разсыпаются и сбѣгаютъ внизъ. Поднимается громадный столбъ пыли, точно дымъ

изъ пушки, пыль принимаетъ самыя разнообразныя очертанія, осѣдаетъ на равнинѣ въ видѣ широкихъ полукруговъ, и изъ сѣрыхъ массъ выливается громадный тяжелый колоссъ—автомобиль съ двумя, точно бронзовыми, мужчинами у руля. Это низкая повозка, которая подкатывается къ намъ съ замедленной скоростью, съ длиннымъ заостреннымъ носомъ—точно таранъ броненосца. Вотъ онъ! Галло! Онъ сталъ!

Изъ всѣхъ клапановъ вырывается горячій паръ, и въ одномъ изъ нихъ шипитъ и бурлитъ. Машина стоитъ, тяжелая, неуклюжая и, кажется, неспособная когда-либо двинуться вновь. И, точно изъ подъ киля парохода, по сторонамъ ея вьются лентообразныя струйки; уличная грязь прилипла ко всему ея туловищу. Она вся покрыта пылью, и лишь мѣстами дерзко сверкаетъ красный лакъ.

Контролеры оживленно жестикулируютъ. Инженеръ Веберъ на ломаномъ французскомъ языкѣ выкрикиваетъ свои вопросы. Толпа густо обступила машину. Сара Лэнъ взобралась на ступеньки, чтобы увидѣть шоффера въ синихъ консервахъ. И вотъ, двѣ нѣмыя фигуры поднимаются со своихъ высокихъ сидѣній и спускаются на землю, точно рыцари въ панцыряхъ.

Клеенка, подобно стальной бронѣ, охватываетъ ихъ тѣло; съ нея поднимается пыль. Тупыми, смертельно усталыми взорами глядятъ они черезъ стеклянные глаза маски. Но безпокойство побѣждаетъ ихъ усталость: черезъ минуту они должны отправиться дальше—много, много километровъ дальше.

Скорѣе, вина сюда! Какъ далеко еще до Люцерна? Кто впереди? Скорѣе телеграммы въ Парижъ, въ Бельфоръ. И вина! Вина!

Они срываютъ со рта мокрую кожаную тряпку и пьютъ прямо изъ графина золотистое вино.

Контролеры вслухъ отсчитываютъ секунды. Еще полминуты! Вдругъ прибѣгаетъ шофферъ съ ведромъ воды, которое онъ опрокидываетъ на машину. Вода стекаетъ, слизистая отъ пыли.

— Съ дороги! Съ дороги!

Они кричатъ, жестикулируютъ, поднимаютъ густую пыль, она попадаетъ имъ въ ноздри и заставляетъ чихать. Солнце жжетъ имъ плечи.

— Съ дороги! Съ дороги!

Черезъ мигъ появляется слѣдующій автомобиль. Десять фабричныхъ рабочихъ, задыхаясь отъ напряженія, оттаскиваютъ въ сторону первую машину. Хорошо! Теперь впередъ. Кряхтя, задвигался первый автомобиль, какъ бы собираясь сдѣлать съ разбѣгу скачокъ и потомъ стрѣлой умчаться

вдаль. Сара Лэнъ, заложивъ руки за спину, бросилась было вслѣдъ за нимъ. Теперь она возвращается, опираясь подбородкомъ о мое плечо.

— Вилли!—говоритъ она,—о Вилли, какъ тяжело оставаться здѣсь! Они сейчасъ будутъ на желѣзномъ мосту черезъ Лиматъ. Что, если они вдругъ слетятъ!

Она повисаетъ на моей рукѣ, ея дыханіе ускорено. Вдругъ она отрывается отъ меня, чтобы увидать вторую приближающуюся машину. Вотъ, четыре, пять,—онѣ слѣдуютъ другъ за другомъ безконечной вереницей. Въ гонкѣ участвуетъ семьсотъ автомобилей.

Мэджори сходитъ со своего сидѣнья и подходитъ ко мнѣ.

— Вилли,—говоритъ она,—нашей машины еще нѣтъ. Онъ не впереди. Flying star'а нѣтъ въ числѣ выигравшихъ.

Ея отецъ поворачивается къ ней и улыбается.

— Мэджори, — говоритъ онъ,—не безпокойся за нашу машину. Автомобили двинулись съ мѣста не одновременно. Мы ихъ не можемъ ожидать здѣсь раньше часу.

Сара повисаетъ на рукѣ отца. Онъ держитъ ее одной рукой за затылокъ, а другой за подбородокъ. Вдругъ онъ съ удивленнымъ лицомъ хватается за руку, которую она съ гнѣвной энергіей укусила. И въ эту же минуту она убѣгаетъ отъ него и съ распростертыми объятіями кидается навстрѣчу приближающемуся автомобилю.

Сигнальные флаги развѣваются безпрестанно. Автомобили прибываютъ другъ за другомъ или рядомъ въ бѣшеной гонкѣ и, останавливаясь, вырываютъ яму въ дорогѣ. Громадныя восьмимѣстныя кареты прилетаютъ съ небольшимъ для ихъ огромныхъ размѣровъ шумомъ. Сзади у нихъ прикрѣплены запасныя пневматическія шины. Въ ихъ пыльномъ хвостѣ летятъ новые моторы, издавая отрывистое, быстрое громыханіе, точно гусары, преслѣдующіе тяжелую артиллерію. Они останавливаются, и шофферы соскальзываютъ и стоятъ въ своихъ полосатыхъ трико. Лицо въ черныхъ очкахъ покрыто пылью, уши, волосы, шея,—все бѣло, какъ кость; они стоятъ, пошатываясь въ своихъ кожаныхъ курткахъ, свѣсивъ на грудь смертельно усталыя лица.

Шофферы толкаются вокругъ стола, поднимаютъ свои желтыя контрольныя бумажки, записываютъ что то въ таблицы. Между тѣмъ рабочіе притаскиваютъ корзины съ шампанскимъ. Раздаются тосты и шумъ.

Маленькій парижанинъ падаетъ точно въ обморокѣ со своего сидѣнья. Съ него срываютъ клеенчатый балахонъ и снимаютъ маску. Съ угловъ рта у него стекаютъ капли крови, и тонкое декадентское лицо, окаймленное густой чер-

ной бородой, квадратной, какъ у древне-персидскихъ царей, имѣетъ цвѣтъ воска. Ему предлагаютъ шампанское, но онъ вскакиваетъ, машетъ рукой, хочетъ ѣхать дальше, вырывается и, шатаясь, точно лунатикъ, взбирается на свое мѣсто. Въ его взглядѣ отчаяніе.

— Paris-Vienne! Paris-Vienne!—вскрикиваетъ онъ и во время ѣзды размахиваетъ въ воздухѣ трехцвѣтнымъ флагомъ. Его машина, какъ и онъ самъ, носитъ на себѣ печать смерти: рулевое колесо сломано, тормазъ связанъ зеленой вѣткой. Между спицами и крыльями торчатъ кучки свѣжей соломы. Съ бѣшенной быстротой машина несется по дорогѣ. Посреди города подымается башня, остатокъ старой тюрьмы. Она находится на главной дорогѣ. Тамъ стоитъ автомобиль со сломанной осью. Парижанинъ въ безсознательномъ состояніи мчится впередъ, легко задѣваетъ ворота города, но благополучно минуетъ ихъ. Онъ несется теперь съ быстротою въ сто километровъ въ часъ.

Люди вскрикиваютъ. Шофферъ на поврежденномъ автомобилѣ вытягиваетъ руку, зоветъ и кричитъ.

Вдругъ неимовѣрно быстрымъ маневромъ, на лету, французъ поворачиваетъ свою машину. На разстояніи всего трехъ метровъ отъ разбитаго автомобиля. Камни мостовой трещатъ подъ нимъ, и, со свистомъ прорѣзывая воздухъ, маленькій французъ почти подъ прямымъ угломъ въѣзжаетъ въ боковую улицу. Теперь онъ стоитъ, весь вытянувшись, безсмысленно глядя черезъ свои очки Онъ не слышитъ ни ликованій, ни рукоплесканій толпы. Его шофферъ, полумертвый съ болтающимися руками и ногами виситъ надъ крыломъ и лишь время отъ времени собирается съ силами, чтобы управлять краномъ клапана.

Вотъ опять новый. Но это англичане, уравновѣшенные и молчаливые люди. Каждое ихъ движеніе приспособлено къ драгоцѣнному времени. Они точно знаютъ, сколько времени они могутъ удѣлить и отдыху, не нанося себѣ ущерба. Они не сходятъ со своихъ мѣстъ, глотаютъ крутыя яйца, которыя имъ подаютъ, и протягиваютъ руки къ корзинѣ со свѣжей земляникой.—Вино? Нѣтъ, вина не надо! Прощайте! Дальше! Уѣзжаютъ. Гонка для нихъ дѣло. Они ѣдутъ на машинѣ своей фирмы за плату, они добиваются рекорда для всемірной рекламы.

Вотъ, высоко возсѣдая на длинноносомъ бѣломъ автомобилѣ, является Генри Ротшильдъ. Онъ не конкуррируетъ, онъ участвуетъ лишь, какъ зритель, чтобы пріятно пощекотать свои нервы. Онъ, впрочемъ, врачъ, его услуги могли бы понадобиться, если бы онъ только хотѣлъ удѣлить свое драгоцѣнное время: между Бельфоромъ и Парижемъ пере-

ѣхали двухъ людей. Ухмыляясь въ свою бѣлую бороду, онъ выслушиваетъ извѣстіе о своей смерти. Нѣтъ! Онъ благополучно прибылъ, только его шофферъ лежитъ мертвый въ Лангрѣ, разбитый о стѣну.

И опять кличъ: „Впередъ!“ Громадная карета обрисовываетъ свои исчезающіе контуры на фонѣ темнѣющаго воздуха. Тяжело катитится „Летучій голландецъ“. Онъ со своимъ нѣмымъ экипажемъ уносится по дорогѣ.

Уже далеко за полдень. Директоръ Лэнъ съ подзорной трубой сходитъ со сторожевой башни своей виллы. Flying star еще не виденъ. Можетъ быть, случилось несчастье? Давидъ Гитцъ правитъ имъ, а онъ идетъ на все, его ничто не остановитъ на пути, кромѣ смерти, которая несется за нимъ по пятамъ.

Нѣсколько шофферовъ сообщаютъ о несчасьи. Какой-то автомобиль разбился. Двое людей убито. Номеръ его такой-то. Это не Flying star. Они уѣзжаютъ дальше.

Мэджори возбужденная ходитъ взадъ и впередъ вдоль придорожнаго рва, подходя то къ отцу, то къ Веберу. А Эллiотъ Клейнъ, который стоитъ около меня, преслѣдуетъ ее своими глазами изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ и гладитъ свой чисто выбритый подбородокъ, такъ что лицо его становится еще длиннѣе. Нѣтъ, она не успокаивается ни на секунду.

— Отчего вы такъ безпокоитесь?—спрашиваетъ онъ ее.

— Ахъ, я больна.

Она отходитъ отъ него.

— Я сама не знаю... отчего нашей машины нѣтъ? Отчего нѣтъ Flying star?

Клейнъ нагибается ко мнѣ.

— Какое безуміе,—говоритъ онъ,—чего собственно люди добиваются этимъ громаднымъ количествомъ километровъ въ возможно болѣе короткое время? Чего они достигаютъ? Это модная страсть, которая носитъ въ самой себѣ свою месть и свою судьбу. Я ее знаю, я ее знаю... Мы не переносимъ уже никакихъ границъ. И этой же страстью заражены и наши женщины. Она придаетъ имъ особую красоту, которая совершенно невыносима, дѣлаетъ ихъ безумно соблазнительными... Смотрите! Смотрите!

— Flying star!—вскрикиваетъ вся толпа.

Пять тысячъ рабочихъ, которые всѣ внесли свою долю въ эту машину, выковали ея ребра, вылили ея шайбы, составили ея части, узнаютъ ее, ликуютъ и съ заводскихъ крышъ привѣтствуютъ ее. Вотъ она подлетаетъ, длинная, стройная, веретенообразная, точно жужжащее пушечное ядро; фуражка шофера едва выглядываетъ изъ-за крыла. Онъ прильнулъ щекой къ самому колесу, какъ будто онъ цѣлится.

Всѣ видятъ цвѣтъ машины—фіолетовый цвѣтъ Мэджори Лэнъ. Всѣ кричатъ и привѣтствуютъ. Далеко по улицамъ города несутся клики: „Flying star! Flying star!“

Точно подводная мина неудержимо прорѣзывающая воду, онъ несется черезъ волны пыли. Вотъ! Вотъ! Онъ здѣсь! Онъ стоитъ! Шофферъ подымается, опираясь на руль, а ѣздокъ соскакиваетъ такъ быстро, что съ его кожанаго панцыря поднимается пыль точно дымъ послѣ выстрѣла. Онъ срываетъ съ лица маску съ очками и дышитъ и дышитъ! А-а-а! Ему подаютъ вино, но онъ не хочетъ пить. Хриплымъ голосомъ онъ кидаетъ вопросы, ему отвѣчаютъ числами. Тутъ онъ срываетъ свою шапку и высоко поднимаетъ ее:

— Въ такомъ случаѣ мы впереди! Въ такомъ случаѣ Flying star первый!

Ему отвѣчаетъ громкое ура. Директоръ Лэнъ машетъ шапкой. Въ этотъ самый мигъ Мэджори Лэнъ выпускаетъ руку сестры, дѣлаетъ нѣсколько шаговъ впередъ, останавливается, идетъ дальше и вскакиваетъ на ступеньки мотора. Она быстро склоняется къ Давиду Гицу, ея руки обнимаютъ его запыленныя плечи, ея лицо поднимается къ его лицу. Она съ дикой страстностью прижимается къ нему, цѣлуетъ его губы одинъ, много разъ.

— Браво, Мэджори! — кричитъ ей отецъ, дѣлая знаки рукой. — Well done, Majory!

И толпа рукоплещетъ, дамы размахиваютъ носовыми платками, на толпу сыплются цвѣты.

Мэджори все еще стоитъ на площадкѣ. Въ этотъ моментъ Давидъ Гицъ поднимаетъ голову и черезъ ея плечо глядитъ на насъ.

И кажется, будто я въ первый разъ вижу это лицо.

Безъ шапки, только съ ремнемъ на головѣ, который замыкается пряжкой на низкомъ лбу, онъ изъ-подъ бровей, напоминающихъ собою челюсть, смотритъ въ далекую цѣль. Его черты сжаты и образуютъ тѣ твердые углы, которые знакомы намъ по древнимъ статуямъ атлетовъ. Нечеловѣческая суровость, дикіе и низкіе инстинкты изъ далекихъ временъ прошлаго явственны въ этомъ страшномъ лицѣ, которое, застывъ въ сосредоточенной энергіи, безъ сомнѣній идетъ навстрѣчу своей цѣли.

И мы всѣ, замолкнувъ вдругъ, глядимъ на него, какъ онъ сидитъ въ своей желѣзной каретѣ, неподвижный, точно идолъ на алтарѣ, между тѣмъ какъ женщина прячетъ свое лицо въ его черномъ панцырѣ. Мы его вдругъ всѣ узнаемъ, какъ нѣчто возставшее изъ темнѣйшихъ и мощнѣйшихъ теченій нашего времени, какъ дикій инстинктъ, какъ слѣпое безуміе нашихъ чувствъ, которое насъ гонитъ впередъ отъ цѣли

къ цѣли, пока мы всетаки, наконецъ, одинъ за другимъ не падемъ и не погибнемъ.

Мэджори все еще цѣпляется за него, все ея тѣло какъ будто проникнуто трепетомъ жизни, она будто охвачена его напряженіемъ, она живетъ тѣмъ токомъ, который живетъ въ немъ.

— Мэджори!—зоветъ ее отецъ.—Мэджори!—Она не двигается съ мѣста.

Кто-то кричитъ: „Стартъ!" Шоферъ бросается къ рулю, поворачиваетъ рукоятку, и колеса дѣлаютъ одинъ оборотъ. Мэджори все еще стоитъ на ступенькахъ. Лѣвая рука шофера крѣпко охватываетъ ея плечи.

— Съ дороги!—кричитъ кто-то.—Съ дороги, съ дороги, разступись, съ дороги!

И толпа раступается, оставляя свободнымъ какъ бы каналъ для проѣзда.

Я гляжу на Элліота Клейна. Онъ стоитъ съ поднятой вверхъ рукой, и его брови, точно двѣ арки высоко подняты надъ напряженными глазными впадинами. Онъ издаетъ тихое ворчаніе. Когда автомобиль, четыре раза обернувъ колеса, проходитъ мимо него, онъ быстрымъ движеніемъ стаскиваетъ Мэджори за руку со ступеньки.

Шоферъ кричитъ, протягиваетъ руку, но взоръ его смотритъ неизмѣнно впередъ, рука сжимаетъ колесо; въ дикомъ порывѣ автомобиль уносится, летитъ вверхъ по аллеѣ. Дальше! Дальше! Онъ скрывается изъ нашихъ глазъ, сплющивается, какъ бы сжатый линіями перспективы, достигаетъ размѣровъ муравья, взлѣзаетъ по вьющейся дорогѣ на возвышенность и исчезаетъ.

Элліотъ Клейнъ наблюдаетъ за Мэджори Лэнъ. Она вырвала свою руку изъ его руки и, тяжело дыша, глядитъ передъ собой. Ея губы толсты и влажно-красны, какъ будто она раздавила какой-нибудь плодъ губами. Солнце окрашиваетъ ея кожу въ желтый цвѣтъ, точно янтарь, и подъ жгучими лучами солнца изъ ея глазъ исчезаетъ таинственное выраженіе. Элліотъ Клейнъ круто поворачивается и уходитъ.

Съ шумомъ подлетаютъ новые автомобили. Все больше! больше! Темнѣетъ. На улицахъ загораются желтые ацетиленовые фонари, большія двойныя ворота завода открыты настежь, и десять электрическихъ машинъ поднимаютъ свои могучіе голоса, усиленные резонансомъ огромнаго желѣзнаго помѣщенія. Окруженныя рѣшетчатыми клѣтками столбовъ и проводныхъ трубъ, ихъ цилиндрическія башни выглядятъ, точно гигантскіе звѣри, содрогающіеся отъ страшнаго біенія пульса, которое, однако, не въ силахъ сдвинуть ихъ съ мѣста.

хоть бы на линію, чтобы догнать убѣгающихъ отъ нихъ колоссовъ. Ихъ автоматическіе звонки отбиваютъ каждыя пятнадцать минутъ, каждый часъ раздается гудокъ, распредѣляющій ихъ время, стрѣлка вольтометра свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ находятся подъ контролемъ и должны подчиниться. Красныя калильныя лампочки, вдѣланныя въ бѣлыя фарфоровыя стѣны, показываютъ путь перемѣннаго тока. Связанныя и порабощенныя такимъ образомъ, машины бѣснуются, сотрясая свое желѣзное одѣяніе, а стѣны огромнаго зданія бьются каждый разъ въ согласіи съ тысячью оборотовъ колесъ, производимыхъ въ минуту.

Летящіе моторы какъ будто насмѣхаются надъ этими прикованными гигантами и ихъ мощнымъ грохотомъ. Но чѣмъ болѣе воцаряется вечеръ, тѣмъ ярче горитъ электрическій свѣтъ среди пустыннаго мрака, тѣмъ выше растетъ ихъ сила.

Объятый ужасомъ, начинаетъ свой обходъ одинокій ночной сторожъ. Онъ вспоминаетъ прежняго сторожа, который разъ ночью во время своего путешествія черезъ страшный погребъ кабелей, гдѣ накоплены удушливые пары и гдѣ висятъ съ потолка сосульки селитры, вдругъ бросился бѣжать, охваченный паникой передъ рокотомъ этихъ желѣзныхъ чудовищъ, которыя, хвастая своей убійственной силой, рвали свои цѣпи все съ большей и большей дикостью— ночью, когда земля отправилась на покой, и все молчало.

Въ этотъ день мы, въ числѣ около пятидесяти, обѣдали за знаменитымъ круглымъ столомъ въ столовой Ремербурга. Участники большого электротехническаго конгресса, ежегодно собирающагося въ Цюрихѣ, предприняли экскурсію на заводъ и были приглашены къ директору Лэну. Присутствовали представители различныхъ фирмъ. Говорили объ образованіи большого европейскаго синдиката (въ противовѣсъ американскому динамо-тресту), который успѣлъ уже захватить англійскій рынокъ. За обѣденнымъ столомъ господствовало жуткое спокойствіе. Члены конгресса были утомлены, а насъ, каждаго въ отдѣльности, напряженіе послѣднихъ часовъ также обезсилило. Г-жа Лэнъ вышла въ первый разъ послѣ болѣзни, холодная и блѣдная, точно трупъ. Черный атласъ туго обтягивалъ ея фигуру и выдѣлялъ бюстъ, который колыхался въ своей худощавой, смертельно холодной наготѣ. Тамъ, гдѣ алмазное ожерелье охватывало длинную шею, носящую болѣзненную голову съ ея обиліемъ волосъ, казалось, будто алмазы расщепляли бѣлую кожу на тысячу

свѣтящихся частицъ. Китаецъ все время стоялъ за ея стуломъ, съ быстротой молніи исполняя всякое ея желаніе.

Сара и Мэджори сидѣли рядомъ, далеко отъ того человѣка, которому принадлежала Мэджори. Онѣ обѣ были въ бѣлыхъ платьяхъ изъ тонкой кисеи, и теперь опять, какъ въ дѣтствѣ, были совершенно похожи другъ на друга. Волоса тяжело свѣшивались на ихъ затылки, поддерживаемые узкими жемчужными лентами, и я видѣлъ, какъ онѣ во время обѣда безпрерывно прикасались другъ къ другу голыми плечами.

Высокій залъ съ куполомъ, бѣлыми и красными колоннами и помпейскими фресками на стѣнахъ, давилъ, несмотря на свой легкій стиль, — было невыносимо жарко. Отъ бокаловъ замороженнаго шампанскаго и большихъ букетовъ розъ, которые на громадныхъ серебряныхъ подставкахъ окружали стоявшія посреди зала севрскія вазы, поднимался знойный, одурманивающій запахъ, который не освѣжалъ воздуха, предчувствовавшаго грозу.

Вѣера дамъ трепетали вдоль стола; тяжелое дыханіе какъ будто передавалось черезъ рядъ обнаженныхъ бѣлыхъ шей и мягко волнующихся и дрожащихся волнъ шелковыхъ платьевъ. Властно и спокойно сидѣлъ директоръ Лэнъ въ своемъ креслѣ, занимая мѣсто, достаточное для двоихъ, упершись лѣвой рукой въ бокъ. Его взоръ блуждалъ, онъ собиралъ улыбающіеся и благосклонные взгляды. Гости подносили свои бокалы къ его бокалу. На всемъ обществѣ лежала печать аристократическаго сибаритства; серебряныя блюда проносились медленно, и пряный запахъ окутывалъ наше обоняніе. Такъ, вѣроятно, владыки римскихъ колоній, проконсулъ и его кліенты въ жаркій день, какъ этотъ, за громаднымъ столомъ, уставленнымъ серебромъ и цвѣтами, вмѣстѣ съ женщинами отдавались глубокому органическому покою, между тѣмъ, какъ тамъ, на большой аренѣ цирка, продолжался бой.

Я протянулъ свой бокалъ къ Мэджори Лэнъ, но ея взоръ скользнулъ мимо меня, я видѣлъ, что сближеніе невозможно; обѣ сестры слились другъ съ другомъ, въ этотъ моментъ онѣ какъ разъ обмѣнивались рукопожатіемъ, а Элліотъ Клейнъ улыбался улыбкой, которая напоминала собаку, скалящую зубы.

Два раза прогремѣлъ громъ, не очищая воздуха.

Со свода протянулась косая полоса солнечнаго луча—и оттуда же прорвался страшный громовой ударъ и ударился о столъ съ такой силой, что хрустальная и серебряная посуда на немъ зазвенѣла. И вслѣдъ затѣмъ раздался еще

одинъ короткій глухой ударъ, который оглушилъ и парализовалъ насъ, не разрядивъ тяжелаго воздуха.

Напрасно мистеръ Лэнъ поднялъ свой стаканъ и началъ:

— Господа! Стихія привѣтствуетъ насъ. Воздухъ въ честь конгресса заряженъ электрическими волнами. Облака напряглись, чтобы отдать землѣ свою скрытую энергію. Одинъ изъ нашихъ моторовъ какъ разъ теперь летитъ, гонимый этой гордой силой природы—электры, властительницы будущаго. Онъ несется съ быстротой полутораста километровъ въ часъ черезъ горы и долины. Да летятъ съ нимъ слава и побѣда. Господа участники конгресса, пожелаемъ побѣды нашей „Летучей звѣздѣ"!

Въ эту минуту Мэджори подняла свой стаканъ и чокнулась со своей сестрой. Ея зрачки совершенно суэились, какъ будто они впитывали въ себя тайныя мысли, но, когда Эллiотъ Клейнъ сталъ искать ея глазъ, ея вѣки опустились, и она стала похожей на спящую.

Когда мы встали изъ-за стола, было ужъ около одиннадцати часовъ, и стояла глубокая ночь. Время отъ времени прибывали еще послѣдніе автомобили. Шофферы совершенно закрыли лица масками, съ отверстіями для глазъ, и лишь приподнимали ихъ надъ ртомъ, чтобы за контрольнымъ столомъ влить въ себя шампанское. Тамъ, за контрольнымъ столомъ, послѣ работы стояли заводскіе рабочіе, неподвижные, съ трубками во рту. Я выхожу на улицу вмѣстѣ съ Эллiотомъ Клейномъ. До насъ доносятся крики, шумъ, волненіе. Четырехмѣстный моторъ уперся въ одно изъ деревьевъ аллеи. Спицы выскакиваютъ изъ ступицы, точно сверкающіе клинки. Изъ резервуара вырывается длинное, синее пламя, и въ слѣдующій мигъ пылающій бензинъ лижетъ своимъ огненнымъ языкомъ подушки и дерево автомобиля, раздается трескъ и шипѣнье; искры сыплются, точно конфетти, и резина черными каплями стекаетъ по дугамъ колесъ. Резиновыя кольца лопаются, издавая трескъ, точно отъ выстрѣла.

— Съ дороги! Съ дороги!

Несутся новые автомобили; горящій автомобиль стаскиваютъ въ придорожную канаву, тамъ онъ лежитъ и пылаетъ среди темной іюньской ночи, точно смоляной факелъ, освѣщающій путь мимо проходящимъ автомобилямъ. Мы все еще видимъ колеса моторовъ, летящихъ по вьющейся въ гору дорогѣ.

Эллiотъ Клейнъ беретъ меня за руку и уводитъ.

— Безуміе,—говоритъ онъ,—это все безуміе нашего времени, безуміе модной погони за рекордомъ. Несомнѣнный фактъ: съ нами все кончено, мы обречены, мы, разрѣшившіе

нашимъ нервамъ эту бѣшенную оргію. Все, что мы создали, изобрѣли, придумали на пользу человѣчества, мы расточаемъ этакимъ вотъ образомъ. Наступилъ конецъ кастѣ патриціевъ, къ которой мы принадлежимъ, теперь настало время народа, рабочихъ, которые стоятъ здѣсь и ждутъ очереди. Мы взорвали культуру, мы являемся ничѣмъ инымъ, какъ собраніемъ утонченныхъ варваровъ, а наши женщины... о Боже, наши женщины... Гдѣ Мэджори?—прервалъ онъ себя вдругъ.

— Мэджори танцуетъ,—сказалъ я.—Идемте.

Директоръ Лэнъ присоединился къ намъ. Получились телеграммы, которыя онъ самъ показываетъ. Передъ нами опять пронеслась гонка съ ея номерами и именами. Они уже миновали Интерлакенъ и приближаются теперь къ границѣ. Трудные переходы предстоятъ дальше. Flying star все еще на 150 километровъ впереди! Все благополучно!

Черезъ темный паркъ мы направились въ клубъ, расположенный въ глубинѣ заводскаго двора. Когда, проходя сквозь рядъ колоннъ, мы замѣчаемъ снопы свѣта, падающіе изъ оконъ, директоръ Лэнъ смѣется и говоритъ:

— Они тамъ внутри танцуютъ подъ звуки моего электрическаго рояля. Вы слышите, какъ онъ играетъ? Заводскіе моторы двигаютъ его. Наше время дѣлаетъ излишними даже музыкантовъ-виртуозовъ. Мы, какъ древніе римляне, имѣемъ своихъ рабовъ, которые тѣшатъ насъ изящными искусствами.

Мэджори и ея сестра танцовали. Держа легко руки другъ у друга на плечахъ, онѣ легко скользили по паркетному полу въ широкомъ кругу, который образовали инженеры вокругъ своихъ дамъ.

Пары еще стояли, наполовину обнявшись, элегантные и статные ученые—сливки всѣхъ націй, со своими, одѣтыми въ свѣтлое молодыми дамами, и всѣ съ восторгомъ глядѣли на обѣихъ танцующихъ сестеръ, очарованные благороднымъ ритмомъ ихъ движеній: старшая кружила вокругъ себя младшую, тихо совершая свой путь. А Сара, повернувъ лицо въ сторону, черезъ лѣвое плечо улыбалась разсѣянно и лѣниво, покорно слѣдуя прихотливымъ поворотамъ сестры. Мэджори покачивается, закинувъ голову; ея зубы сложились въ нѣжную, манящую улыбку. Вальсъ развѣваетъ ихъ бѣлыя платья. Черезъ открытыя двери въ медленную мелодію глухимъ напѣвомъ врывается грохотъ десяти огромныхъ динамомашинъ, которыя безпрерывно и неустанно работаютъ днемъ и ночью.

Элліотъ Клейнъ остался на порогѣ, легко наклонившись впередъ, и слѣдитъ за своей невѣстой, глаза которой, когда

она проносится мимо него, скользятъ по немъ, точно ласка. Но она тотчасъ забываетъ его, чтобы отдаться ритму танца. Когда сестры опять скользнули мимо насъ, я ей крикнулъ:

— Мэджори, Flying star впереди всѣхъ! Мы выигрываемъ.

Элліотъ Клейнъ сильно ударилъ по колѣну.

— Къ черту Flyig star!—говоритъ онъ. Но Мэджори услышала меня: я на минуту встрѣчаюсь съ ея сіяющими счастливыми глазами, между тѣмъ какъ Сара пронизываетъ меня острымъ взглядомъ.

Въ эту минуту поднимается директоръ Лэнъ. Инженеръ Веберъ съ обнаженной головой, весь задыхаясь, прибѣгаетъ изъ вестибюля. У него въ рукѣ вскрытая телеграмма, онъ блѣденъ и улыбается принужденно.

— Телеграмма изъ Букса,—говоритъ онъ.

Лэнъ хватаетъ телеграмму, читаетъ ее и ударяетъ ладонью по косяку окна.

Сестры остановились—и мы всѣ настораживаемся.

— Прекратите музыку!—кричитъ директоръ и прибавляетъ:—Flying star сорвался!

И видя, что никто не двигается, онъ, повышая голосъ, крикнулъ:

— Flying star сорвался въ Форарльбергѣ. Машина не подчинилась рулю и слетѣла съ высоты въ восемьсотъ метровъ. Шофферъ и ѣздокъ разбиты вдребезги! Flying star,—продолжалъ онъ послѣ перерыва,—взлетѣлъ на пятьдесятъ метровъ въ воздухъ, раньше чѣмъ онъ упалъ.

Затѣмъ онъ обернулся и быстро оставилъ залъ вмѣстѣ съ Веберомъ. И между тѣмъ какъ всѣ расходились, а инженеры и ихъ дамы безцѣльно смѣшались въ толпѣ, я услышалъ голосъ Элліота Клейна, покрывшій всѣ остальные голоса.

— Въ такомъ случаѣ моя машина побила міровой рекордъ. Тысячу метровъ внизъ и впередъ—въ безконечность!

— Гдѣ Мэджори?—спросилъ я.

Ни Мэджори, ни ея сестры не видно было.

— Идемте!—крикнулъ я и потянулъ его за собой. Онъ пошелъ и простоналъ:

— Да, гдѣ Мэджори!

— Она, вѣрно, оставила залъ,—сказалъ я медленно, но вмѣстѣ съ нимъ кинулся изъ зала въ паркъ. Тамъ пары еще прогуливались по аллеямъ.

— Не видѣли ли вы Мэджори?—спросилъ я. Они отрицательно качали головой, а нѣсколько молодыхъ людей сняли фонари съ своихъ велосипедовъ и пошли съ нами.

Элліотъ Клейнъ оставилъ мою руку.

— Почему бы случиться несчастью?—сказалъ онъ.—Мы

сегодня всѣ перебѣсились.—И онъ ворча поглядѣлъ на ищущихъ, которые, точно тѣни, скользили межъ деревьями.

— Никто не говоритъ, что случилось несчастье,—сказалъ я, чувствуя, что онъ правъ, что мы всѣ издерганы, утомлены, доведены до крайняго истощенія этимъ безумнымъ днемъ.

— Сюда!—крикнули нѣкоторые, указывая на лужайку въ паркѣ у завода, машинный залъ которой выдѣлялся въ темнотѣ, точно ярко освѣщенный храмъ.

— Онѣ побѣжали по этой дорогѣ. Мы прошли черезъ совершенно темныя кузницы; мы звали, но никто не отвѣчалъ. По крытому висячему мосту мы прошли въ центральное машинное отдѣленіе и на высокую галлерею въ южномъ концѣ залы.

Электрическія лампы висѣли, точно сверкающіе пауки на длинныхъ нитяхъ. А внизу, въ залѣ, съ бѣшенымъ грохотомъ работали десять машинъ; онѣ стонали подъ напряженіемъ своихъ десяти тысячъ винтовъ; онѣ шумѣли, онѣ бѣсновались.

Ночной сторожъ вышелъ намъ навстрѣчу, заспанный, шатающійся, съ электрической лампочкой на поясѣ. „Все благополучно“!—пробормоталъ онъ. Я видѣлъ, что и на него повліялъ минувшій день: онъ былъ потрясенъ грохотомъ и шумомъ завода, былъ близокъ къ паникѣ. И вдругъ я увидѣлъ, что Элліотъ Клейнъ былъ правъ: что все безнадежно, что время ужъ принадлежитъ не намъ, что мы, инженеры всего міра, повелители машинъ, не въ состояніи обуздать самыя глубокія силы, что онѣ теперь, пробудившись, бушуютъ въ насъ самихъ, разрываютъ насъ и толкаютъ насъ на безуміе, на отчаянное бѣгство. Чего мы хотѣли, что было нашей цѣлью, когда мы выковали эти колеса и винты изъ стали? Болѣе быстрое движеніе? Болѣе бѣшеная ѣзда черезъ извивы горной дороги навстрѣчу пропасти, паденію? Меня охватили глубокое озлобленіе и боязнь; какъ внезапный толчокъ, меня пронизала заманчивая, какъ сонъ, мысль о невыразимомъ покоѣ: почему бы сейчасъ,—лучше раньше, чѣмъ позже,—не спуститься и не упасть *добровольно*? Я не узнавалъ больше зала и машинъ. Онѣ мнѣ представились, какъ онѣ, вѣрно, представлялись бы деревенскимъ бабамъ, гигантскими бѣшеными силами, пущенными въ ходъ дѣтьми, шумящими пышными фетишами, которые, возвышаясь на своихъ тронахъ,—трясутъ свои гигантскіе члены подъ качающейся крышей.

Въ этотъ моментъ о мое ухо ударилось восклицаніе, сорвавшееся съ устъ моего спутника. Я видѣлъ, куда онъ указывалъ, внизъ въ залъ. Тамъ Мэджори и Ѳара прикурнули вмѣстѣ, наполовину сидя, наполовину стоя на колѣняхъ, на

основанiи средней машины, колесо которой высоко, какъ арка, кружилось надъ ними. Мы видѣли ихъ бѣлыя платья, и въ отдаленiи онѣ казались не больше, чѣмъ наша ладонь.

— Мэджори!—крикнули мы разомъ,—Мэджори!

Черезъ мигъ мы увидѣли Сару; она пятилась назадъ и на ходу издавала странный визгъ, не то смѣхъ, не то крикъ. Глухой толчокъ, трескъ и рокотъ, которые намъ, электротехникамъ, слишкомъ хорошо знакомы, прорѣзалъ воздухъ. За нами брызнули густые пучки огненныхъ лучей, вырывающихся изъ треснувшихъ трубъ. Нагибаясь подъ громообразнымъ рокотомъ, обступившимъ насъ со всѣхъ сторонъ, мы увидѣли Мэджори, тѣло Мэджори, висящее надъ колесомъ динамо-машины, взлетающее вверхъ, точно бѣлый флагъ на мачтѣ. Въ слѣдующiй мигъ она была взнесена вверхъ передаточнымъ ремнемъ. Ея бѣлое платье, разорванное во всю длину, пронеслось мимо галлереи, на которой мы стояли. Мы видѣли ее, бросаемую черезъ оси и колеса, ея распущенные волосы свернулись винтомъ. Машины выли, точно спущенная съ цѣпи свора. Больше мы ничего не видѣли...

Сильнымъ толчкомъ я бросилъ на землю Эллiота Клейна, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда онъ собирался поставить ногу на перила. Все помѣщенiе моментально наполнилось людьми, которые перекрикивали другъ друга и давали противорѣчивыя приказанiя. Директоръ Лэнъ прибѣжалъ, держа еще въ рукѣ газету. Я сечасъ же всѣмъ своимъ вѣсомъ набросился на тормазъ, находящiйся у контрольнаго стола. Машины еще ревѣли. Онѣ скалили зубы, издавали глухое чавканье, но, наконецъ, со стономъ улеглись. Вмѣстѣ съ тѣмъ погасъ свѣтъ.

Когда мы ощупью двигались впотьмахъ, я почувствовалъ, какъ двѣ худыя руки охватили мои колѣни, потомъ поднялись выше, добравшись до моихъ плечъ, и запахъ волосъ Сары Лэнъ защекоталъ мои нервы необычайно прiятно. Ея горячее дыханiе коснулось моей щеки, и она одинъ разъ за другимъ простонала:

— Она этого сама хотѣла... Мэджори этого сама хотѣла.

Лгала она, или между сестрами было какое-то таинственное соглашенiе, этого никто не знаетъ. Это одна изъ тѣхъ тайнъ, о которыхъ женщины не говорятъ. . . . .

. . . .

Эллiотъ Клейнъ на слѣдующiй же день покинулъ Цюрихъ. Я встрѣтилъ его въ дорожномъ костюмѣ въ вестибюлѣ виллы. Слуга понесъ его чемоданъ въ карету. Чарльзъ Лэнъ не показывался.

— Вы ѣдете?—спросилъ я.

— Да... послѣ того, что произошло...

Въ его голосѣ звучало спокойствіе, которое меня поразило. Онъ улыбнулся слабо, какъ бы украдкой. Я не могъ найти въ его лицѣ ничего страдальческаго.

— Мнѣ кажется,—сказалъ онъ,—я теперь опять смогу работать. Есть многое, что я отложилъ на долгое время. Я сегодня утромъ сдѣлалъ прогулку на свѣжемъ воздухѣ. Я работалъ надъ задачей, которая, по крайней мѣрѣ, поглотитъ меня, на два года. Придется переѣхать въ Берлинъ, гдѣ предо мною открыта самая большая лабораторія всей Германіи. Я пришлю вамъ свой адресъ.

Я попрощался съ нимъ, и экипажъ отъѣхалъ, повернувъ за лужайку, прямо къ воротамъ. Я повернулся, чтобы уйти. Передо мною стояла Сара Лэнъ. Больше я никого не видѣлъ. Она вытянула худую шею изъ черныхъ креповыхъ бантовъ. Ея глаза испытующе заглянули въ мои. Но я не могъ ничего прочесть въ нихъ: они были непроницаемы, эти золотистые глаза саламандры! Она медленно спросила:

— Онъ уѣзжаетъ?

И быстро прибавила со страхомъ и гнѣвомъ въ голосѣ:

— Когда онъ вернется?

Я долго глядѣлъ на нее.

— Къ вамъ,—сказалъ я, наконецъ,—къ вамъ, Сара и Мэджори, мужчина не возвращается!

Удовольствіе и страданіе.

Очень часто говорятъ, что мы желаемъ пріятнаго и стремимся избѣгнуть непріятнаго; многіе даже думаютъ, что достиженіе пріятнаго является единственной цѣлью нашихъ актовъ. Что же такое пріятное и непріятное, и каковы ихъ отношенія къ волевымъ процессамъ?

Пріятнымъ мы называемъ то, сознаніе чего сопровождается сознаніемъ пріятности или удовольствіемъ; непріятнымъ мы называемъ то, сознаніе чего сопровождается сознаніемъ непріятности или страданіемъ. Но что такое сознаніе пріятности чего-либо и сознаніе непріятности чего-либо?

При испытываніи чего-либо пріятнаго или непріятнаго мы должны различать сознаніе самой пріятности или непріятности и сознаніе того содержанія, которое мы оцѣниваемъ какъ пріятное или непріятное. Напримѣръ, я обоняю пріятный запахъ. Самый запахъ и пріятность его — различные психическіе факты: запахъ—опредѣленныя обонятельныя ощущенія, то содержаніе, которое я оцѣниваю какъ пріятное, которое мнѣ является какъ пріятное. Это—одинъ психическій фактъ. Сознаніе же пріятности—другой психическій фактъ: онъ не включенъ въ первый, а только сопровождаетъ его. Этотъ же самый запахъ, который для меня пріятенъ, можетъ для другого быть непріятнымъ. У меня эти обонятельныя ощущенія сопровождаются сознаніемъ пріятности, а у другого сознаніемъ непріятности. Между тѣмъ часто дѣлаютъ ошибку—смѣшиваютъ сознаніе какого-либо психическаго содержанія, оцѣниваемаго какъ пріятное или непріятное, съ сознаніемъ пріятности или непріятности. Напримѣръ, думаютъ, что сознавать боль значитъ сознавать также непріятность ея, что самое сознаніе боли и есть сознаніе непріятности. Но это невѣрно. Сознавать боль значитъ сознавать особаго рода ощущеніе; сознаніе этого ощущенія само не есть сознаніе непріятности, оно только сопровождается имъ. Но даже и сопровождается не всегда. Извѣстны патологическіе случаи, когда человѣкъ испытываетъ болевыя ощущенія съ удовольствіемъ, наслаждается видомъ и болѣзненностью своихъ язвъ.

Здѣсь болевыя ощущенія не только отдѣлены отъ сознанія непріятности, но даже сопровождаются сознаніемъ пріятности.

Кромѣ опасности смѣшенія фактовъ—сознанія пріятности или непріятности и сознанія содержанія, оцѣниваемаго, какъ пріятное или непріятное,—слѣдуетъ еще предовратить опасность смѣшенія значеній терминовъ. Названія «сознаніе пріятности» и «сознаніе непріятности» не представляютъ такой опасности. Кто не смѣшиваетъ самихъ фактовъ сознанія пріятности или непріятности съ сознаніемъ содержанія, тотъ всегда будетъ понимать подъ терминами «сознаніе пріятности» и «сознаніе непріятности» опредѣленныя значенія. Не такъ обстоитъ дѣло съ названіями «удовольствіе» и «страданіе». Въ своемъ точномъ, научномъ значеніи эти термины равносильны названіямъ «сознаніе пріятности» и «сознаніе непріятности». Но въ обыденной рѣчи ихъ слишкомъ часто употребляютъ неточно, означая этими наименованіями не только сознаніе удовольствія или страданія отъ чего либо, но и само это «что либо». Такъ говорятъ: «онъ любитъ ѣзду на велосипедѣ, катанье въ лодкѣ, охоту и другія удовольствія». Здѣсь подъ словомъ «удовольствія» понимаютъ не только сознаніе пріятности, являющееся при выполненіи этихъ актовъ, а и сами акты -- источники удовольствія. Вслѣдствіе такого колеблющагося значенія словъ «удовольствіе» и «страданіе» я въ этой статьѣ, для удобства читателя, буду постоянно пользоваться терминами «сознаніе пріятности» и «сознаніе непріятности»; читателя же прошу помнить, что эти названія у меня равносильны словамъ «удовольствіе» и «страданіе» и всегда могутъ быть ими замѣнены.

Относительно сознанія пріятности или непріятности извѣстны хорошо установленные факты. Эти факты имѣютъ важное значеніе для разъясненія вопроса, что такое сознаніе пріятности или непріятности чего-либо. Всякая гипотеза, пытающаяся отвѣтить на этотъ вопросъ, должна болѣе или менѣе полно объяснить эти факты. Эти факты слѣдующіе:

1) Сознаніе пріятности или непріятности можетъ сопровождать ощущенія, восиріятія, представленія, сужденія, эмоціи, волевые процессы.

2) Дѣятельность организма, полезная для его существованія, сопровождается большею частью сознаніемъ пріятности. Дѣятельность же организма, вредная для него, сопутствуется обыкновенно сознаніемъ непріятности.

3) Пріятное вызываетъ дѣятельность, служащую для достиженія его; непріятное вызываетъ дѣятельность, служащую къ удаленію его.

4) Сознаніе пріятности или непріятности сопровождаетъ ощущенія опредѣленной интенсивности и продолжительности. Сознаніе пріятности большею частью сопровождаетъ ощущенія малой и средней интенсивности и продолжительности; сознаніе же непрі-

ятности сопутствуетъ большею частью ощущеніямъ большой интенсивности и продолжительности.

5) Сознаніе пріятности или непріятности отдѣлимо отъ сознанія того, что является пріятнымъ или непріятнымъ. Всякій знаетъ, что значитъ «отвыкнуть». Мы постоянно отъ чего нибудь отвыкаемъ, и что когда-то являлось намъ привлекательнымъ, потомъ дѣлается непріятнымъ или нейтральнымъ. Мальчика, большого охотника до физическихъ упражненій, послѣдующая жизнь можетъ такъ перевоспитать, что малѣйшее лишнее движеніе будетъ ему въ тягость. Съ другой стороны, «привычка» превращаетъ непріятное въ нейтральное и даже пріятное. Всякій курильщикъ знаетъ, какъ отвратительны были ему первые опыты съ табакомъ.

6) Сознаніе пріятности можетъ быть присоединяемо къ тому, что является нейтральнымъ или даже непріятнымъ. Сознаніе непріятности можетъ быть присоединяемо къ тому, что является нейтральнымъ и даже пріятнымъ. Предшествующіе примѣры иллюстрируютъ и эти факты. Человѣкъ отвыкъ отъ физическихъ упражненій настолько, что малѣйшее движеніе ему теперь въ тягость; это значитъ, что сознаніе ощущеній, получаемыхъ отъ такихъ упражненій, не сопровождается болѣе сознаніемъ пріятности, но пріобрѣло себѣ въ спутники сознаніе непріятности. То же и съ курильщикомъ: отъ сознанія ощущеній, получаемыхъ при куреньи, отпало сопровождавшее его прежде сознаніе пріятности; но мѣсто отпавшаго занялъ новый спутникъ—сознаніе непріятности.

7) Сознаніе пріятности или непріятности никогда не возникаетъ отдѣльно, не соединеннымъ съ сознаніемъ того, что является пріятнымъ или непріятнымъ.

Таковы общеизвѣстные, хорошо установленные факты. Ихъ должна объяснить гипотеза, отвѣчающая на вопросъ, что такое сознаніе пріятности или непріятности. Такихъ гипотезъ нѣсколько, но ни одна не удовлетворяетъ этому требованію. Въ настоящей статьѣ я не имѣю возможности вдаваться въ критику этихъ гипотезъ; я скажу о нихъ только нѣсколько словъ, и, надѣюсь, читатель увидитъ, что ими нельзя объяснить многихъ изъ вышеуказанныхъ фактовъ. О метафизическихъ гипотезахъ нѣтъ надобности упоминать: онѣ утратили всякое значеніе; изъ научныхъ же болѣе видную роль въ современной психологіи играютъ слѣдующія.

Пріятность или непріятность считается свойствомъ самихъ ощущеній. Но какъ по этой гипотезѣ объяснить фактъ отдѣленія пріятности или непріятности отъ ощущеній? или фактъ присоединенія къ нимъ? Какъ объяснить фактъ, что дѣятельность организма, сопровождаемая сознаніемъ пріятности, большею частью полезна, а непріятная—вредна? Какъ объяснить фактъ, что пріятное вызываетъ у людей дѣятельность, служащую для достиженія его, а непріятное—дѣятельность, ведущую къ удаленію его? Быть можетъ, многимъ это кажется понятнымъ само собой, но на дѣлѣ

это совсѣмъ не такъ. Здѣсь вопросъ въ томъ, какова связь между психофизіологическими процессами пріятныхъ или непріятныхъ ощущеній и актами, служащими къ достиженію или удаленію ихъ? Чѣмъ обусловлено такое соотношеніе?

Гипотеза Meynert'а заключается въ слѣдующемъ. Онъ дѣлитъ всѣ движенія на агрессивныя и оборонительныя. Раздраженія, вызывающія оборонительныя движенія, сопровождаются затрудненіемъ проводимости въ мозгу и рефлекторнымъ съуженіемъ мозговыхъ артерій. Раздраженія же, ведущія къ движеніямъ агрессивнымъ, сопровождаются легкой проводимостью въ мозгу и расширеніемъ мозговыхъ артерій. Расширеніе и съуженіе артерій оказываютъ вліяніе на питаніе нервныхъ центровъ: расширеніе вызываетъ апноэтическую фазу питанія, съуженіе—диспноэтическую. Пріятное субъективное состояніе соотвѣтствуетъ апноэтической фазѣ питанія центровъ и легкой, безпрепятственной проводимости въ мозгу; непріятное субъективное состояніе соотвѣтствуетъ диспноэтической фазѣ питанія мозговыхъ клѣтокъ и затрудненной проводомости.

Эта гипотеза дѣлитъ всѣ движенія на агрессивныя и оборонительныя. Но существуетъ множество движеній, о которыхъ можно спорить, слѣдуетъ ли ихъ причислить къ агрессивнымъ или къ оборонительнымъ. Вѣроятно даже каждое движеніе можетъ быть безъ особенныхъ натяжекъ причислено къ той или другой группѣ. Человѣкъ ѣстъ, пьетъ. Съ одной стороны это—движенія агрессивныя, съ другой—оборонительныя: избавляютъ отъ мучительныхъ ощущеній голода, жажды. Человѣкъ охотится за звѣремъ. Съ одной стороны, это—агрессивныя движенія, съ другой—оборонительныя: избавляютъ отъ томительной «жажды сильныхъ ощущеній». Далѣе, какъ по этой гипотезѣ объяснить факты отдѣленія сознанія пріятности или непріятности отъ ощущеній и факты присоединенія его къ нимъ? Какъ объяснить то, что непріятный актъ путемъ привычки становится пріятнымъ? Человѣкъ хочетъ начать курить. Онъ беретъ въ ротъ папиросу. Она ему такъ противна, что онъ едва пересиливаетъ себя,—ему хочется ее бросить. Раздраженіе отъ папиросы вызываетъ движеніе обороны, рефлексъ отталкиванія, удаленія раздражителя. Но если это раздраженіе вызываетъ оборонительныя движенія, оно должно сопровождаться съуженіемъ артерій мозга, трудной проводимостью и дисноэтической фазой питанія центровъ; всему же этому соотвѣтствуетъ субъективное состояніе непріятности. Но вотъ человѣкъ привыкъ къ куренію—оно ему очень пріятно. Теперь уже нѣтъ движеній обороны: онъ не отбрасываетъ папиросу, а, напротивъ, съ удовольствіемъ ее держитъ во рту. Но вѣдь раздраженіе отъ папиросы осталось то же, что и прежде: такъ же возбуждаются периферическія окончанія чувствительныхъ нервовъ, такъ же это возбужденіе передается въ мозгъ. Если раздраженіе и всѣ его пути до

мозга тѣ же, то и теперь оно должно сопровождаться диспноэтической фазой питанія центровъ и трудной проводимостью, то есть должно вызывать субъективное состояніе непріятности. А между тѣмъ человѣкъ теперь испытываетъ удовольствіе. Если теперь раздраженіе папиросой не сопровождается диспноэтической фазой питанія центровъ и трудной проводимостью, то отчего различные результаты при одной и той же причинѣ? Если же оно сопровождается ими, отчего субъективное состояніе теперь—пріятное?

Münsterberg, интересуясь вопросомъ, какъ измѣняется при различныхъ состояніяхъ духа выполненіе движеній на память, дѣлалъ слѣдующіе опыты *). Онъ прицѣплялъ къ своей одеждѣ раздѣленную на миллиметры скалу такъ, что она выстояла впередъ отъ середины его груди, и учился брать на ней подъ руководствомъ зрѣнія сгибательнымъ и разгибательнымъ движеніемъ правой руки опредѣленныя длины. Длины онъ бралъ такъ: помѣстивъ большой и указательный пальцы по обѣимъ сторонамъ скалы у самой груди, онъ старался разгибаніемъ руки перемѣстить ихъ на 10 и на 20 сантиметровъ отъ себя; или помѣстивъ пальцы на дальнемъ концѣ скалы, онъ сгибательнымъ движеніемъ стремился перемѣстить ихъ на 10 и 20 сантиметровъ къ себѣ. При этомъ, конечно, получались ошибки. Когда онъ достигъ того, что ошибки стали очень незначительны, онъ началъ производить эти же опыты съ закрытыми глазами при различныхъ состояніяхъ духа. Тщательно записывались: состояніе духа и цифровыя данныя опытовъ. Послѣ 9-мѣсячныхъ опытовъ онъ высчиталъ среднія ошибки и среднія варіаціи ихъ при сгибательныхъ и разгибательныхъ движеніяхъ руки въ состояніяхъ удовольствія и недовольства. Оказалось, что въ состояніяхъ недовольства производились слишкомъ малыя разгибательныя движенія и слишкомъ большія сгибательныя; а въ состояніяхъ удовольствія, наоборотъ, получились слишкомъ малыя сгибательныя движенія и слишкомъ большія разгибательныя. Однимъ словомъ, при недовольствѣ замѣчается склонность къ сгибанію, отчего эти движенія усиливаются, а разгибательныя ослабляются; при удовольствіи же выступаетъ склонность къ разгибанію, усиливающая эти движенія и ослабляющая сгибательныя. На основаніи этихъ экспериментальныхъ данныхъ, а также соображеній біологическихъ, физіологическихъ и психофизическихъ Münsterberg высказываетъ слѣдующую гипотезу насчетъ сознанія пріятности или непріятности. Раздраженія, дойдя до мозга, вызываютъ психофизическіе процессы ощущеній и кромѣ того производятъ рефлекторно сгибательныя или разгибательныя движенія. Сами же сгибательныя и разгибательныя движенія раздражаютъ мѣстные чувствующіе нервы; эти послѣднія раздраженія, дойдя до мозга, вызываютъ тоже процессы ощущеній. Эти вторичныя ощущенія,—отъ

*) H. Münsterberg. Beiträge zur experimentellen Psychologie. IV s. 216.

сгибанія или разгибанія, присоединяются къ первичнымъ ощущеніямъ въ видѣ сознанія непріятности или пріятности. Тѣ первичныя ощущенія, за которыми рефлекторно послѣдовали сгибательныя движенія, сознаются непріятными; а тѣ, за которыми послѣдовали разгибательныя движенія—пріятными. Раздраженія, вызывающія рефлекторно сгибательныя движенія, вредны для организма; раздраженія же, производящія рефлекторно разгибательныя движенія,—полезны. Сгибательныя движенія аналогичны сокращенію протоплазмы амебы, которымъ она удаляется отъ раздражителя. Разгибаніе аналогично растяженію протоплазмы амебы, которымъ она приближается къ раздражителю. Понятно, что тѣ организмы побѣдятъ въ борьбѣ за существованіе, которые на вредныя раздраженія отвѣчаютъ движеніями удаленія, то-есть сгибательными, а на полезныя движеніями приближенія, то-есть разгибательными. Итакъ, соотвѣтствіе между вредомъ раздраженія и сгибательными движеніями, а также между пользой отъ раздраженія и разгибаніемъ развилось біологически. Подъ разгибательными движеніями кромѣ соотвѣтственныхъ движеній суставовъ слѣдуетъ понимать также вдыхательныя расширенія грудной клѣтки, расширенія сосудовъ, отверстій глазъ, ноздрей, раскрытіе рта; къ сгибательнымъ кромѣ таковыхъ движеній суставовъ нужно причислить также выдыхательныя съуженія грудной клѣтки, съуженіе сосудовъ, отверстій глазъ, ноздрей, закрытіе рта. Кромѣ того, эти движенія часто бываютъ весьма малыя, незамѣтныя.

Противъ этой гипотезы можно сдѣлать нѣсколько возраженій. Изъ нея вытекаетъ, что сгибательныя движенія—источникъ недовольства, разгибательныя—удовольствія; между тѣмъ никто этого не замѣчаетъ. Münsterberg самъ предвидитъ такое возраженіе и отражаетъ его заявленіемъ, что когда ощущенія сгибательныхъ и разгибательныхъ движеній являются объектомъ мысли, они не сознаются, какъ непріятность или пріятность, когда же они присоединяются къ другимъ объектамъ мысли, то сознаются какъ таковыя. Такое объясненіе мнѣ кажется неяснымъ и неубѣдительнымъ.

Непонятенъ, далѣе, и слѣдующій пунктъ. Ощущенія, получающіяся при сгибательныхъ и разгибательныхъ движеніяхъ и являющіяся въ сознаніи какъ непріятность и пріятность, конечно,—результатъ раздраженія периферическихъ окончаній чувствительныхъ нервовъ. Эти окончанія раздражаются перемѣнами, происходящими въ мышечной ткани при сокращеніяхъ. Но, спрашивается, развѣ въ мышечной ткани перемѣны различны, смотря по тому, будетъ ли результатомъ ея работы движеніе сустава въ ту или другую сторону, съуженіе или расширеніе какого-либо отверстія, какой-либо полости? Хотя сгибаніе и разгибаніе—движенія различныя, но они таковы потому, что различно расположены работающія части. А различны ли при этихъ движеніяхъ процессы въ мышеч-

ной ткани у периферическихъ окончаній чувствительныхъ нервовъ? Мы не имѣемъ основаній предполагать это. Но если эти процессы не различны, то почему периферическія окончанія чувствительныхъ нервовъ при работѣ мышцы для сгибанія должны раздражаться иначе, чѣмъ при работѣ ея для разгибанія. Münsterberg не настаиваетъ на томъ, что ощущенія, являющіяся въ сознаніи какъ пріятность и непріятность—результатъ раздраженія спеціально мышечныхъ чувствительныхъ нервовъ; онъ допускаетъ равное, а можетъ быть даже и большее участіе суставныхъ, сухожильныхъ чувствительныхъ нервовъ, раздраженныхъ мѣстными перемѣнами. Но тоже возраженіе не теряетъ силы и въ этихъ случаяхъ. Неужели процессы, раздражающіе периферическія окончанія суставныхъ чувствительныхъ нервовъ такъ различны при движеніяхъ суставныхъ поверхностей въ ту или другую сторону?

Какъ по этой гипотезѣ объяснить фактъ отдѣленія сознанія пріятности или непріятности отъ ощущеній и фактъ присоединенія его къ нимъ? Человѣкъ начинаетъ курить, куреніе ему крайне непріятно; значитъ, ощущенія отъ куренія вызываютъ рефлекторно сгибальныя движенія. Потомъ человѣкъ сталъ курильщикомъ; куренье ему очень пріятно. Значитъ, теперь тѣ же ощущенія вызываютъ рефлекторно разгибательныя движенія? Какъ объяснить замѣну однихъ рефлексовъ другими?

Эта гипотеза, повидимому, объясняетъ фактъ соотвѣтствія пріятныхъ ощущеній съ пользой для организма и непріятныхъ съ вредомъ для него. Но это объясненіе не кажущееся ли только? Простѣйшіе организмы, дѣйствительно, спасаются отъ вредныхъ раздраженій сокращеніемъ протоплазмы и, наоборотъ, достигаютъ полезныхъ растяженіемъ ея. Но фактъ соотвѣтствія вреда и непріятныхъ ощущеній, пользы и пріятныхъ установленъ наблюденіями надъ дѣятельностью людей и высшихъ животныхъ. Дѣятельность же этихъ организмовъ при удаленіи отъ вреднаго и при достиженіи полезнаго есть сочетаніе многихъ актовъ, крайне сложныхъ, въ составъ которыхъ входятъ и сгибательныя, и разгибательныя движенія. Неужели же и на такой высотѣ развитія, при крайней сложности аппаратовъ движеній и ихъ работы сохранилось соотвѣтствіе такого рода, что при удаленіи отъ вреднаго въ составъ выполняемыхъ актовъ входитъ больше движеній сгибательныхъ, а при достиженіи полезнаго—больше разгибательныхъ? Имѣемъ ли мы право на такое предположеніе?

Итакъ, мы видимъ, что гипотезы, имѣющія большее значеніе въ современной психологіи, не объясняютъ всѣхъ извѣстныхъ хорошо установленныхъ фактовъ относительно сознанія пріятности и непріятности.

Можетъ быть, сознаніе пріятности и непріятности—двѣ эмоціи, противоположныя другъ другу?

Но какъ такое предположеніе можетъ объяснить фактъ отдѣ-

ленія сознанія пріятности или непріятности отъ сознанія того, что является пріятнымъ или непріятнымъ? какъ объяснить противоположный фактъ—присоединенія? Мы можемъ привычкой непріятныя ощущенія превратить въ пріятныя; неужели же можемъ привычкой отдѣлить отъ нихъ одну эмоцію и присоединить другую? Какъ было бы возможно объяснить такую замѣну?

И какъ было бы возможно объяснить соотвѣтствіе одной эмоціи съ пользой для организма, другой—съ вредомъ для него?

Но если мы не можемъ принять ни одной изъ имѣющихся въ наукѣ гипотезъ насчетъ сознанія пріятности или непріятности, какъ мы объяснимъ отношенія пріятнаго или непріятнаго къ волевымъ процессамъ?

Мой взглядъ на волевые процессы какъ на круговыя реакціи даетъ мнѣ возможность найти отвѣтъ на вопросъ: что такое сознаніе пріятности или непріятности? Помощью этого отвѣта не трудно будетъ объяснить вышеуказанные хорошо установленные факты относительно сознанія пріятности или непріятности. Но для того, чтобы найти этотъ отвѣтъ, мы должны прежде всего обратиться къ самонаблюденію и проанализировать все происходящее въ нашемъ сознаніи въ то время, когда мы испытываемъ что-либо пріятное или непріятное.

Я уже сказалъ выше, что при испытываніи чего-либо пріятнаго или непріятнаго мы должны различать сознаніе самой пріятности или непріятности и сознаніе того содержанія, того «чего-либо», которое мы оцѣниваемъ какъ пріятное или непріятное. Тотъ психическій процессъ, въ которомъ сознается какое-либо содержаніе, являющееся намъ, оцѣниваемое нами, какъ пріятное или непріятное, я буду называть психическимъ процессомъ содержанія. Въ него не включено сознаніе самой пріятности или непріятности,—въ немъ сознается только то, что считается пріятнымъ или непріятнымъ, что сопровождается сознаніемъ пріятности или непріятности. Напримѣръ, человѣкъ ѣстъ шоколадъ, который онъ любитъ. Психическій процессъ вкусовыхъ и обонятельныхъ ощущеній отъ шоколада—психическій процессъ содержанія.

Мы различаемъ разныя степени пріятности и непріятности; точной градаціи, конечно, не существуетъ, но мы знаемъ слабую пріятность, среднюю и сильную—наслажденіе; также различаемъ слабую непріятность, среднюю и сильную—мученіе. Если нашъ анализъ всего, находящагося въ сознаніи во время испытыванія чего-либо пріятнаго или непріятнаго, можетъ намъ дать какія-либо характерныя черты, то онѣ будутъ замѣтны хорошо при среднихъ степеняхъ пріятности или непріятности; при сильныхъ выразятся еще рѣзче; а потомъ уже намъ не трудно будетъ уловить ихъ при слабыхъ степеняхъ. Поэтому при изученіи психическихъ явленій во время испытыванія чего-либо пріятнаго мы начнемъ анализъ со среднихъ степеней, перейдемъ къ высшимъ и окончимъ низ-

шими. Въ такомъ же порядкѣ разберемъ и психическія явленія при испытываніи чего-либо непріятнаго.

Итакъ, что мы находимъ въ сознаніи при испытываніи чего-либо пріятнаго въ средней степени?

Возьмемъ самый простой примѣръ: человѣкъ ѣстъ съ аппетитомъ любимое кушанье. Ощущенія отъ пищи, вкусовыя, обонятельныя, отъ давленія на слизистую оболочку полости рта, отъ температуры пищи—весь этотъ комплексъ есть психическій процессъ содержанія. Онъ сознается ярко, пребываетъ въ области яснаго сознанія *). Если человѣкъ ѣстъ съ удовольствіемъ, смакуетъ, то психическій процессъ содержанія — ощущенія отъ кушанья—всегда находится въ области яснаго сознанія. Когда же ясное сознаніе заполнено какимъ-либо сильнымъ впечатлѣніемъ, и человѣкъ ѣстъ полусознательно, машинально, пріятность пищи исчезаетъ. Онъ знаетъ, какъ онъ любитъ это блюдо, и можетъ впасть въ ошибку—думать, что испытывалъ пріятность во время ѣды. На самомъ же дѣлѣ этого не было. Нельзя ѣсть съ удовольствіемъ и внимательно слушать что-нибудь, потому что оба процесса требуютъ яснаго сознанія. Если мы будемъ внимательно слушать во время ѣды, вкусовыя ощущенія станутъ полусознательными, и пріятность ихъ исчезнетъ. Если же мы слушаемъ внимательно и ѣдимъ съ удовольствіемъ, то оба процесса не одновременны: мы слушаемъ не въ то время, когда пережевываемъ пищу, а въ свободные моменты, въ антракты. Итакъ, при испытываніи пріятнаго психическій процессъ содержанія всегда находится въ области яснаго сознанія и заполняетъ ее одинъ.

А что мы сознаемъ не ясно въ самый моментъ смакованія вкуснаго кушанья?—Мышечную дѣятельность процесса ѣды, свое «я», ближайшее окружающее. Замѣчательно, какъ съуживается поясъ неяснаго сознанія во время испытыванія чего-либо пріятнаго: «удовольствіе поглощаетъ». Въ нейтральномъ состояніи мы вообще сознаемъ не ясно гораздо больше объектовъ, чѣмъ въ пріятномъ. Это замѣтно даже на нашемъ примѣрѣ вкусной ѣды: во время антрактовъ мы не ясно сознаемъ множество вещей, въ моменты же смакованія—весьма мало. Итакъ, поясъ неяснаго сознанія при испытываніи чего-либо пріятнаго съуживается.

Психическій процессъ содержанія пребываетъ въ ясномъ сознаніи устойчиво. Вкуснаго кушанья ѣдятъ больше, чѣмъ обыкновеннаго; на пріятный цвѣтъ смотрятъ дольше: имъ любуются; жид-

*) Все, сознаваемое въ одинъ моментъ, сознается не одинаково ясно; все ясно сознаваемое составляетъ область яснаго сознанія; все не ясно сознаваемое—поясъ неяснаго сознанія. Область яснаго сознанія и поясъ неяснаго не слѣдуетъ понимать пространственно, то есть такъ, будто первая окружена вторымъ; подъ этими названіями просто подразумѣваются вся совокупность ясно сознаваемаго въ одинъ моментъ и вся совокупность сознаваемаго не ясно.

кость пріятнаго запаха хочется нюхать еще и еще. Обыкновенно психическіе процессы быстро смѣняютъ другъ друга въ ясномъ сознаніи, одни легко вытѣсняются другими. При испытываніи же чего-либо пріятнаго психическій процессъ содержанія весьма трудно устраняется изъ области яснаго сознанія. Тѣ наши рѣчи, которыя легко овладѣваютъ вниманіемъ человѣка въ нейтральномъ состояніи, могутъ не имѣть никакого успѣха при испытываніи слушателемъ чего-либо пріятнаго: имъ не вытѣснить изъ яснаго сознанія психическаго процесса содержанія. Этотъ фактъ легко просмотрѣть, потому что наши удовольствія обыкновенно состоятъ изъ отдѣльныхъ моментовъ и промежутковъ—антрактовъ. Сказанное относится только къ этимъ моментамъ.

Обыкновенно устойчивость какого-либо психическаго процесса въ ясномъ сознаніи сопровождается чувствомъ усилія; при чемъ въ неясномъ сознается что-нибудь въ родѣ «слѣдуетъ», «нужно», «я долженъ», «иначе нельзя». Ничего подобнаго нѣтъ при испытываніи чего-либо пріятнаго: психическій процессъ содержанія пребываетъ въ ясномъ сознаніи устойчиво, но легко, безъ всякаго чувства усилія. Его устойчивость является какъ бы сама собой; въ неясномъ сознаніи нѣтъ и слѣдовъ какихъ-нибудь «слѣдуетъ», «нужно»; самое «я» сознается весьма не ясно. Человѣкъ, съ аппетитомъ кушающій кусокъ за кускомъ, вовсе не думаетъ, что «ему слѣдуетъ» продолжать; напротивъ, онъ замѣчаетъ, что ѣда идетъ сама собой; кажется, будто видъ и вкусъ кушанья вызываютъ движенія, служащія для процесса ѣды. Такъ бываетъ постоянно; намъ кажется, будто пріятное владѣетъ силой направлять наши движенія къ достиженію его: пріятное насъ притягиваетъ, «привлекаетъ».

Итакъ, при испытываніи чего-либо пріятнаго психическій процессъ содержанія пребываетъ въ ясномъ сознаніи устойчиво, но легко, какъ бы самъ собою, безъ всякаго чувства усилія.

Всѣ эти черты выступаютъ гораздо рѣзче при испытываніи чего-либо чрезвычайно пріятнаго, при наслажденіи. Устойчивость психическаго процесса содержанія въ ясномъ сознаніи очень велика. Знатокъ, увлеченный картиной великаго мастера, не можетъ отъ нея «оторвать» глазъ. Что отвлечетъ горькаго пьяницу въ тотъ моментъ, когда онъ приложился къ стану вина? Поясъ неяснаго сознанія чрезвычайно съуженъ: «я» едва-едва сознается: человѣкъ «уходитъ» въ наслажденіе.

При испытываніи чего-либо слабо пріятнаго эти черты выражены мало, но онѣ существуютъ. Психическій процессъ содержанія не особенно устойчивъ въ ясномъ сознаніи, но всетаки устойчивѣе нейтральнаго. Поясъ неяснаго сознанія шире, чѣмъ при испытываніи пріятнаго средней интенсивности, но всетаки уже, чѣмъ при нейтральномъ состояніи.

Посмотримъ теперь, что мы найдемъ въ сознаніи во время испытыванія чего-либо непріятнаго средней интенсивности.

При испытываніи чего-либо непріятнаго могутъ быть 3 случая: 1) или человѣкъ знаетъ, какимъ актомъ онъ можетъ избавиться отъ непріятнаго, и не сознаетъ никакихъ препятствій къ выполненію этого акта; 2) или хотя человѣкъ и знаетъ, какъ освободиться отъ непріятнаго, но сознаетъ также препятствіе къ совершенію избавляющаго дѣйствія; 3) или человѣкъ не знаетъ, какъ можно прекратить испытываніе непріятнаго. Мы должны прослѣдить, что происходитъ въ сознаніи во всѣхъ этихъ 3 случаяхъ испытыванія непріятнаго.

Возьмемъ самый простой примѣръ: человѣкъ ощущаетъ довольно сильную боль. Если онъ знаетъ, какимъ актомъ можно прекратить страданіе и не сознаетъ никакихъ препятствій къ выполненію этого акта, то произойдетъ слѣдующее. Болевое ощущенье, какъ только оно сознано, сейчасъ же является въ области яснаго сознанія; одновременно съ нимъ болѣе или менѣе ясно сознается отрывочное желаніе *) выполнить такой актъ, который ведетъ къ прекращенію страданія; иногда болѣе или менѣе ясно сознается напряженіе мышцъ, работой которыхъ должно начаться выполненіе избавляющаго отъ страданія акта. Поясъ неяснаго сознанія съуженъ; такъ какъ въ этомъ поясѣ не сознается никакихъ препятствій къ совершенію избавляющаго дѣйствія—оно будетъ тотчасъ выполнено, и болевое ощущеніе исчезнетъ изъ сознанія. Все это происходитъ очень быстро. Здѣсь мы замѣчаемъ большую неустойчивость въ сознаніи психическаго процесса содержанія—въ нашемъ примѣрѣ—болевого ощущенія. Эта неустойчивость является какъ бы сама собой. Человѣкъ не говоритъ себѣ, что онъ «долженъ», что ему «слѣдуетъ» выполнить избавляющій актъ. Желаніе совершить его столь отрывочно, что выполненіе похоже на непроизвольное дѣйствіе. Намъ кажется, будто непріятное само владѣетъ силой вызывать и направлять наши движенія къ устраненію его.

При испытываніи непріятнаго человѣкъ часто сознаетъ препятствіе къ выполненію избавляющаго акта. Напримѣръ, больной удерживается по какимъ-либо соображеніямъ отъ пріема наркотическаго средства, которое можетъ утишить его боль. Психическій процессъ содержанія, болевое ощущеніе, сознается ясно; одновременно съ нимъ сознаются болѣе или менѣе ясно желаніе совершить избавляющій актъ и «не слѣдуетъ», а также чувство усилія. Не замѣчается, чтобы поясъ неяснаго сознанія былъ съуженъ. Психическій процессъ содержанія продолжительно пребываетъ въ ясномъ

*) Полнымъ желаніе является тогда, когда мы въ немъ, кромѣ главнаго содержанія—эффектовъ того дѣйствія, которое хотимъ выполнить, также сознаемъ дополнительное—свое настоящее положеніе, „я“, стремленіе. Чѣмъ меньше мы сознаемъ этого дополнительнаго содержанія, тѣмъ отрывочнѣе является желаніе.

сознанiи, но такое продолжительное пребыванiе — не результатъ устойчивости этого процесса. Напротивъ, здѣсь скрыта неустойчивость его. Исчезнетъ изъ сознанiя «не слѣдуетъ», и сейчасъ же будетъ выполненъ актъ, который устранитъ психическiй процессъ содержанiя. Пока же «не слѣдуетъ» сознается, будетъ пребывать въ сознанiи и психическiй процессъ содержанiя. Человѣкъ знаетъ, что виновникомъ этого пребыванiя является его «я».

Часто бываетъ, что человѣкъ, испытывая что-либо непрiятное, не знаетъ, какъ избавиться отъ него. Напр., больной не знаетъ, какими средствами освободиться отъ болевого ощущенiя. Психическiй процессъ содержанiя, болевое ощущенiе, сознается ясно; одновременно съ нимъ болѣе или менѣе ясно сознается желанiе найти путь избавленiя; болѣе или менѣе ясно сознается дѣятельность состоянiя безпокойства—метанье. Не замѣтно, чтобы поясъ неяснаго сознанiя былъ съуженъ. И здѣсь продолжительное пребыванiе въ ясномъ сознанiи психическаго процесса содержанiя — неустойчивость его. Въ прiятномъ состоянiи психическiй процессъ содержанiя устойчивъ, благодаря выполненiю дѣйствiй, служащихъ для его достиженiя. Здѣсь же психическiй процессъ содержанiя продолжительно пребываетъ въ сознанiи только потому, что нѣтъ средствъ къ удаленiю его.

Посмотримъ теперь, что мы находимъ въ сознанiи при испытыванiи чего-либо чрезвычайно непрiятнаго, то есть при мученьи. Въ томъ случаѣ, когда человѣкъ знаетъ, какъ избавиться отъ мученья, и не сознаетъ никакихъ препятствiй къ выполненiю избавляющаго дѣйствiя—оно будетъ моментально совершено, и ощущенiя отъ муки исчезнутъ изъ сознанiя. Все произойдетъ съ чрезвычайной быстротой. Только появились въ ясномъ сознанiи ощущенья отъ муки, и уже нѣтъ ихъ. Здѣсь неустойчивость психическаго процесса содержанiя—крайняя, и ярко выражено то, что она является какъ бы сама собой. Одновременно съ психическимъ процессомъ содержанiя не сознается никакого желанiя: человѣкъ уже въ послѣдующiй моментъ замѣчаетъ, что онъ выполнилъ тотъ актъ, который избавляетъ отъ мученья. Дѣло идетъ такъ, будто ощущенiя отъ муки сами вызвали и направили дѣйствiя, ведущiя къ уничтоженiю ихъ. Поясъ неяснаго сознанiя въ моментъ муки очень съуженъ.

Когда человѣкъ не исполняетъ избавляющаго акта потому, что сознаетъ препятствiе къ этому, и когда человѣкъ не знаетъ, какъ избавиться отъ непрiятнаго,—въ этихъ случаяхъ при испытыванiи мученья въ сознанiи имѣются такiя же психическiя явленiя, какъ и въ соотвѣтственныхъ случаяхъ при испытыванiи непрiятнаго средней интенсивности, но только рѣзче выраженныя.

При испытыванiи чего-либо непрiятнаго слабой интенсивности происходитъ слѣдующее. Черезъ весьма короткое время послѣ того, какъ въ ясномъ сознанiи появился психическiй процессъ

содержанія, возникаетъ болѣе или менѣе отрывочное желаніе совершить избавляющій актъ. Хотя оно присоединяется и довольно скоро къ психическому процессу содержанія, всетаки протекаетъ нѣкоторый весьма малый періодъ времени, когда этотъ процессъ находится въ ясномъ сознаніи одинъ. И важно то, что въ этотъ короткій періодъ онъ не является намъ непріятнымъ. Этотъ фактъ трудно замѣтить, но онъ существуетъ: мы начинаемъ считать какое-либо ощущенье непріятнымъ только съ того момента, когда въ нашемъ сознаніи является желаніе избавиться отъ него. Далѣе дѣло идетъ различно. Въ томъ случаѣ, когда человѣкъ знаетъ, каково должно быть избавляющее дѣйствіе, и не сознаетъ никакихъ препятствій къ выполненію его, оно будетъ немедленно совершено. Поясъ неяснаго сознанія при этомъ будетъ съуженъ весьма незначительно. Когда же человѣкъ не исполняетъ избавляющаго акта, сознавая препятствія къ этому, и когда онъ не знаетъ пути къ избавленію—въ этихъ случаяхъ при испытываніи чего-либо слабо непріятнаго въ сознаніи происходятъ такія же психическія явленія, какъ и при непріятномъ состояніи средней интенсивности, но только гораздо менѣе выраженныя.

Итакъ, при испытываніи чего либо не пріятнаго психическій процессъ содержанія всегда находится въ области яснаго сознанія. Поясъ неяснаго сознанія болѣе или менѣе съуженъ въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ знаетъ, каковъ долженъ быть избавляющій актъ, и не сознаетъ никакихъ препятствій къ выполненію его. Психическій процессъ содержанія неустойчивъ въ сознаніи; эта неустойчивость—разныхъ степеней; она тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе сознаваемая нами непріятность. Неустойчивость въ сознаніи психическаго процесса содержанія является результатомъ того, что желаніе совершить избавляющій актъ переходитъ въ исполненіе. При слабонепріятномъ состояніи это желаніе не такъ скоро возникаетъ и не столь быстро выполняется; при испытываніи чего-либо непріятнаго средней интенсивности все это совершается быстрѣе, и съ чрезвычайной быстротой—при сознаніи чего-либо крайне непріятнаго. За исключеніемъ случая муки, когда избавляющій актъ выполняется моментально, во всѣхъ остальныхъ желаніе совершить такой актъ находится въ сознаніи одновременно съ психическимъ процессомъ содержанія. Сильнѣе сознаваемая непріятность,—отрывочнѣе это желаніе. А чѣмъ оно отрывочнѣе, тѣмъ болѣе кажется, будто избавляющій актъ вызванъ и выполненъ самимъ психическимъ процессомъ содержанія. При испытываніи чего-либо слабо-непріятнаго, желаніе сов ршить избавляющій актъ возникаетъ въ сознаніи позднѣе психическаго процесса содержанія; но только съ этого момента, съ момента его возникновенія начинается сознаніене пріятности. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ психическій процессъ содержанія и желаніе выполнить избавляющее дѣйствіе пребываютъ въ сознаніи одновре-

менно. Если психическій процессъ содержанія и пребываетъ въ сознаніи болѣе или менѣе долго, это не означаетъ его устойчивости: такое пребываніе—результатъ сознанія противоположнаго избавляющему акту желанія («нельзя», «не слѣдуетъ») или обусловлено невозможностью избавленія. Въ этихъ случаяхъ сознаются чувство усилія и эмоціональное возбужденіе.

Итакъ, самонаблюденіе открываетъ намъ замѣчательный фактъ. То, что мы считаемъ пріятнымъ или непріятнымъ, сознается въ психическомъ процессѣ содержанія. Этотъ же процессъ находится при испытываніи чего-либо пріятнаго или непріятнаго въ опредѣленномъ отношеніи къ другимъ одновременнымъ психическимъ процессамъ. Для состояній пріятныхъ, это отношеніе—одного рода, для состояній непріятныхъ—другого. Чѣмъ интенсивнѣе сознаваемыя пріятность или непріятность, тѣмъ рѣзче выражены эти отношенія. Я считаю этотъ фактъ разгадкой вопроса: что такое сознаніе пріятности или непріятности? Сознавать пріятность или непріятность чего-либо значитъ имѣть психическій процессъ, въ которомъ сознается это «что-либо» (или иначе: психическій процессъ содержанія) въ опредѣленномъ отношеніи къ другимъ одновременнымъ психическимъ процессамъ.

Теперь я долженъ дать болѣе или менѣе точныя выраженія этимъ опредѣленнымъ взаимоотношеніямъ одновременныхъ психическихъ процессовъ, находящихся въ сознаніи при состояніяхъ пріятныхъ и непріятныхъ.

Я выражу эти взаимоотношенія такъ:

Сознавать пріятность чего-либо—значитъ имѣть психическій процессъ, въ которомъ сознается это «что-либо» (иначе: психическій процессъ содержанія) въ особомъ, опредѣленномъ отношеніи къ другимъ одновременнымъ психическимъ процессамъ. Это особое опредѣленное отношеніе состоитъ въ томъ, что психическій процессъ, въ которомъ сознается «что-либо» (психическій процессъ содержанія), заполняя одинъ все поле яснаго сознанія, держится въ немъ устойчиво, легко, безъ всякаго чувства усилія, какъ бы самъ собою; область же неяснаго сознанія уже, чѣмъ при нейтральномъ состояніи.

Сознавать непріятность чего-либо—значитъ имѣть психическій процессъ, въ которомъ сознается это «что-либо» (иначе: психическій процессъ содержанія) въ особомъ, опредѣленномъ отношеніи къ другимъ одновременнымъ психическимъ процессамъ. Это особое опредѣленное отношеніе состоитъ въ томъ, что одновременно съ ясно сознаваемымъ психическимъ процессамъ содержанія въ сознаніи находится другой психическій процессъ, въ которомъ сознается желаніе совершить избавляющій актъ. Избавляющимъ актомъ я называю дѣйствіе, выполненіемъ котораго психическій процессъ содержанія устраняется изъ сознанія. Оба этихъ психическихъ процесса пребываютъ въ сознаніи очень короткое время,

если нѣтъ особыхъ условій. При этомъ область неяснаго сознанія уже, чѣмъ въ нейтральномъ состояніи. При особыхъ же условіяхъ, каковы: присутствіе въ сознаніи желанія, противоположнаго избавляющему акту, и незнаніе, каковъ долженъ быть избавляющій актъ *),—при этихъ условіяхъ пребываніе обоихъ психическихъ процессовъ въ сознаніи дѣлается болѣе продолжительнымъ и сопровождается ощущеніями напряженія и эмоціональнаго возбужденія. При этомъ не замѣчается, чтобы область неяснаго сознанія была уже, чѣмъ въ нейтральномъ состояніи.

Относительно сознанія непріятности я долженъ замѣтить слѣдующее. Характерная его черта состоитъ въ томъ, что въ сознаніи одновременно пребываютъ два психическихъ процесса,—содержанія и—желанія совершить избавляющій актъ. Этой чертѣ не противорѣчитъ фактъ, что въ слабо-непріятныхъ состояніяхъ второй психическій процессъ,—желанія является не сразу, а запаздываетъ: читатель, конечно, помнитъ, что сознаніе непріятности начинается только съ перваго момента одновременности этихъ обоихъ процессовъ. Кромѣ того, выше я говорилъ, что въ состояніяхъ чрезвычайно непріятныхъ и когда въ сознаніи нѣтъ никакихъ препятствій къ выполненію избавляющаго дѣйствія, оно совершается моментально и какъ бы само собой: одновременно съ психическимъ процессомъ содержанія не сознается никакого желанія. Въ этомъ послѣднемъ фактѣ не слѣдуетъ видѣть коренного противорѣчія вышеуказанной чертѣ—одновременности двухъ психическихъ процессовъ,—содержанія и желанія—совершить избавляющій актъ. Отличіе этого случая сознанія непріятности отъ другихъ—не принципіальное, какъ это будетъ объяснено ниже.

Итакъ въ состояніяхъ пріятныхъ и непріятныхъ психическій процессъ содержанія находится въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ другимъ одновременнымъ психическимъ процессамъ. Психологическій анализъ указалъ намъ, каковы эти опредѣленныя отношенія. Непосредственно же эти опредѣленныя отношенія мы сознаемъ какъ пріятность или непріятность того, что сознается нами въ психическомъ процессѣ содержанія.

Узнавъ, что сознаніе пріятности или непріятности есть сознаніе опредѣленныхъ отношеній психическихъ процессовъ содержанія къ другимъ одновременнымъ психическимъ процессамъ, мы должны

*) Какъ при незнаніи, каковъ долженъ быть избавляющій актъ, можетъ одновременно съ психическимъ процессомъ содержанія сознаваться желаніе „совершить избавляющій актъ"? Вѣдь онъ неизвѣстенъ. Конечно, въ этомъ случаѣ съ психическимъ процессомъ содержанія будетъ одновременно желаніе „найти избавляющій актъ". Но это желаніе вполнѣ справедливо считать желаніемъ „совершить избавляющій актъ": найти стремятся не затѣмъ, чтобы только знать, а затѣмъ, чтобы немедленно и выполнить. Желаніе найти избавляющій актъ есть первый пунктъ на пути къ совершенію такого дѣйствія.

теперь объяснить, чѣмъ обусловливаются такія отношенія, и указать, каковы ихъ физіологическіе корреляты. Мой взглядъ на волевые процессы какъ на круговыя реакціи даетъ мнѣ возможность отвѣтить на эти вопросы и достигнуть болѣе глубокаго пониманія сознанія пріятности или непріятности. Объясненію волевыхъ процессовъ съ моей точки зрѣнія я посвятилъ статью «Что такое воля?» *); здѣсь же о волѣ скажу въ немногихъ словахъ только то, что необходимо для пониманія дальнѣйшихъ страницъ настоящей работы.

Подъ волей я понимаю особую сторону психофизіологическихъ явленій, выражающуюся въ томъ, что многіе психофизіологическіе**) процессы могутъ сами себя усиливать и сохранять. Такіе процессы я называю волевыми стимулами. Самоусиленіе и самосохраненіе волевого стимула выполняются черезъ особый круговой физіологическій процессъ, вызванный этимъ волевымъ стимуломъ. Я называю такой круговой физіологическій процессъ—круговой реакціей. Круговая реакція есть физіологическій процессъ, вызванный волевымъ стимуломъ, протекающій отъ точки исхода до двигательныхъ центровъ коры по ассоціаціоннымъ волокнамъ, отсюда по двигательнымъ нервамъ до мускуловъ, состоящій въ опредѣленныхъ сокращеніяхъ опредѣленныхъ мышцъ и въ перемѣнахъ, этими сокращеніями производимыхъ, далѣе, состоящій въ раздраженіи этими сокращеніями и перемѣнами чувствительныхъ нервовъ, протекающій по этимъ нервамъ до мозга, возвращающійся въ тѣ же центры коры, съ которыхъ начался, и дающій въ результатѣ сохраненіе или усиленіе волевого стимула. Физіологическій коррелятъ волевого стимула—процессы дезинтеграціи опредѣленной силы въ опредѣленныхъ центрахъ мозговой коры; если они возбужденіями, приносимыми концомъ круговой реакціи усиливаются, — получается самоусиленіе физіологическаго коррелята волевого стимула; если же они возбужденіями круговой реакціи сохраняются въ прежней интенсивности, — происходитъ самосохраненіе физіологическаго коррелята волевого стимула. Такъ какъ психическіе процессы соотносительны только процессамъ дезинтеграціи нервныхъ центровъ опредѣленныхъ степеней интенсивности и продолжительности и стоящимъ въ опредѣленномъ отношеніи къ одновременнымъ процессамъ дезинтеграціи другихъ центровъ, то психическіе корреляты будутъ только у нервныхъ процессовъ волевого стимула до и послѣ круговой реакціи, весь же путь круговой реакціи—процессы по ассоціаціоннымъ волокнамъ, въ двигательныхъ центрахъ коры, по двигатель-

*) Напечатана въ „Русскомъ Богатствѣ“—№№ 2, 3 и 4 за 1905 г.

**) Каждому психическому процессу есть соотносительный физіологическій. Эти соотносительные процессы называются коррелятами. Каждый психофизіологическій процессъ имѣетъ два коррелята: психическій и физіологическій. Физіологическіе корреляты—процессы дезинтеграціи опредѣленной силы въ опредѣленныхъ центрахъ мозговой коры.

нымъ нервамъ, въ мускулахъ и окружающихъ частяхъ, въ чувствительныхъ нервахъ—весь этотъ путь не будетъ имѣть соотносительныхъ психическихъ процессовъ. Слѣдовательно, психическій коррелятъ волевого стимула до круговой реакціи непосредственно переходитъ въ психическій коррелятъ волевого стимула послѣ круговой реакціи. Если дезинтеграція центровъ волевого стимула круговой реакціей самоусиливается, то и психическій коррелятъ волевого стимула самоусилится, напримѣръ, представленіе перейдетъ въ соотвѣтственное воспріятіе. Если же дезинтерація центровъ волевого стимула круговой реакціей самосохраняется, то и психическій коррелятъ волевого стимула самосохраняется, напримѣръ, воспріятіе непрерывно продолжается. Возьмемъ примѣръ. Я хочу поднять правую руку до высоты плеча и выполняю это. До выполненія дѣйствія я имѣю въ сознаніи представленіе этого акта; оно—волевой стимулъ. Физіологическій коррелятъ его посылаетъ импульсы въ тѣ именно двигательные центры, которые завѣдуютъ мышцами, необходимыми для выполненія этого дѣйствія. Круговая реакція совершается; мышцы выполняютъ свою работу; раздраженія периферическихъ окончаній чувствительныхъ нервовъ, происшедшія отъ мышечныхъ сокращеній и измѣненій, ими произведенныхъ, эти раздраженія по чувствительнымъ нервамъ приходятъ въ мозгъ, въ тѣ именно центры его коры, съ которыхъ процессъ начался, и усиливаютъ дезинтеграцію ихъ со степени, соотносительной образамъ, до степени, соотносительной ощущеніямъ. Образы замѣнились ощущеніями, то есть представленіе акта «поднять правую руку до высоты плеча» замѣнилось воспріятіемъ выполненія его. Воспріятіе—психофизіологическій процессъ, вполнѣ соотвѣтствующій представленію, только интенсивнѣе его: въ воспріятіи нѣкоторые образы представленія замѣнены ощущеніями. Слабѣйшій психофизіологическій процессъ замѣненъ сильнѣйшимъ: волевой стимулъ самоусилился. Другой примѣръ. Я держу правую руку поднятой до высоты плеча, не опускаю ее. Здѣсь происходитъ слѣдующее. Въ моемъ сознаніи имѣется воспріятіе правой руки, поднятой до высоты плеча. Это воспріятіе—волевой стимулъ. Физіологическій коррелятъ его посылаетъ свои импульсы въ соотвѣтственные двигательные центры, но это и есть именно тѣ центры, которые завѣдуютъ работающими теперь мышцами; новые импульсы только поддержатъ ихъ работу; возбужденія же, приносимыя концомъ круговой реакціи въ центры исходнаго процесса, поддержатъ ихъ дезинтеграцію въ прежней интенсивности, а слѣдовательно, и психическій коррелятъ, т. е. воспріятіе выполненія акта будетъ непрерывно продолжаться.

Въ волевомъ стимулѣ всегда сознаются эффекты той мышечной дѣятельности, которую онъ возбуждаетъ. Таковые эффекты бываютъ мѣстные, ближайшіе и отдаленные. Мѣстные эффекты обусловлены одними только сокращеніями мышцъ, отдаленные же обусловлены также и посторонними обстоятельствами. Я поднимаю

правую руку. Ощущенія мышечныя, сухожильныя, отъ суставныхъ поверхностей, отъ связокъ, отъ покрывающей движущіяся мѣста кожи — мѣстный эффектъ: обусловлены одними только сокращеніями мышцъ. Ощущенія же отъ движенія рукава по рукѣ и отъ давленія имъ на руку — отдаленный эффектъ: обусловлены кромѣ мышечныхъ сокращеній и постороннимъ обстоятельствомъ,—тѣмъ, что рука не обнажена, а покрыта одеждой.

Чѣмъ обусловлено, что психофизіологическій процессъ посылаетъ свои импульсы въ тѣ именно двигательные центры, которые завѣдуютъ мышцами, дающими въ результатѣ своей работы самоусиленіе или самосохраненіе исходнаго психофизіологическаго процесса? Это обусловлено законами ассоціаціи. Въ статьѣ «Что такое воля?» я объясняю, какъ по законамъ ассоціаціи должна образоваться именно такая связь между психофизіологическимъ процессомъ и соотвѣтственными двигательными центрами.

Волевой стимулъ не всѣ свои импульсы посылаетъ въ соотвѣтственные двигательные центры; онъ посылаетъ еще побочныя возбужденія въ другіе чувствительные центры. Если эти другіе чувствительные центры—тоже центры какого-либо волевого стимула, то образуется комплексъ волевыхъ стимуловъ. Комплексы волевыхъ стимуловъ могутъ быть очень сложными. Наша дѣятельность обыкновенно совершается не разрозненными волевыми стимулами, а комплексами ихъ.

Волевые стимулы могутъ противодѣйствовать другъ другу. Противодѣйствующими я называю такіе волевые стимулы, круговыя реакціи которыхъ не могутъ быть выполнены изъ-за антагонизма мускуловъ. Напримѣръ, я не могу одновременно опустить голову на грудь и откинуть назадъ. Не могу одновременно повернуть голову вправо и влѣво. Когда такіе противодѣйствующіе волевые стимулы возникаютъ въ сознаніи одновременно, они сталкиваются, борятся между собою, и побѣдитель выполняетъ свои круговыя реакціи. Если во время выполненія какимъ-либо волевымъ стимуломъ его круговыхъ реакцій возникаетъ противодѣйствующій волевой стимулъ, то этотъ послѣдній или побѣдитъ соперника, прерветъ его круговыя реакціи и начнетъ свои или, побѣжденный имъ, исчезнетъ изъ сознанія.

Запасшись этими свѣдѣніями, мы теперь можемъ приступить къ болѣе глубокому изученію явленій сознанія пріятности и непріятности.

Обратимся сначала къ сознанію пріятности чего-либо. Что такое психическій процессъ содержанія въ пріятныхъ состояніяхъ? Не трудно замѣтить, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ онъ—эффектъ или отдѣльной круговой реакціи, или комплекса ихъ. Въ вышеприведенномъ примѣрѣ удовольствія отъ вкуснаго кушанья психическимъ процессомъ содержанія являются ощущенія отъ пищи, вкусовыя, обонятельныя, отъ ея температуры, отъ

давленія ею на слизистую оболочку полости рта; но всѣ эти ощущенія—отдаленный эффектъ комплекса круговыхъ реакцій, называемаго процессомъ ѣды. Такъ же—и во множествѣ другихъ случаевъ. Я наслаждаюсь чтеніемъ Пушкина. Здѣсь психическій процессъ содержанія—образы, возникающіе въ моемъ воображеніи и сопровождающія ихъ эмоціи; но и образы, и эмоціи—отдаленный эффектъ комплекса круговыхъ реакцій, называемаго чтеніемъ. Рѣдко психическій процессъ содержанія является отъ раздраженій, которыя—не результатъ дѣятельности самого субъекта. Но въ такихъ случаяхъ этотъ процессъ тотчасъ оказывается волевымъ стимуломъ и начинаетъ свои круговыя реакціи. Человѣкъ идетъ по улицѣ; проходя мимо одного дома, слышитъ прекрасное пѣніе; вмѣсто того, чтобы продолжать путь дальше, онъ останавливается, соотвѣтственнымъ образомъ поворачиваетъ голову и слушаетъ. Слуховыя ощущенія и вызванная ими эмоція въ первый моментъ не были результатомъ дѣятельности субъекта; но они тотчасъ явились волевымъ стимуломъ, прервали круговыя реакціи ходьбы и начали свои—слушанья.

Итакъ, психическій процессъ содержанія при испытываніи чеголибо пріятнаго—волевой стимулъ. Слѣдовательно, это его, волевого стимула, опредѣленныя отношенія къ другимъ одновременнымъ психическимъ процессамъ мы сознаемъ непосредственно какъ пріятность. Можемъ ли мы объяснить, чѣмъ обусловлены эти опредѣленныя отношенія?

Молекулярные процессы въ нервной системѣ протекаютъ не одинаково легко. Чѣмъ чаще протекаетъ процессъ, тѣмъ «проходимѣе» становятся его пути, или, иначе, тѣмъ меньше становится «треніе». «Треніемъ» психологи называютъ тѣ условія теченія молекулярныхъ процессовъ дезинтеграціи, которыя затрудняютъ движеніе импульсовъ. Какія именно это условія—мы не знаемъ. Чѣмъ сильнѣе трудность прохожденія импульсовъ или «треніе», тѣмъ болѣе ярко будетъ сознаваться психическій коррелятъ процессовъ дезинтеграціи; съ уменьшеніемъ «тренія» психическій коррелятъ становится менѣе ярко сознаваемымъ, полусознаваемымъ и, наконецъ, перестаетъ сопровождать процессы дезинтеграціи.

Чѣмъ чаще мы выполняемъ какой-либо актъ, тѣмъ больше дѣлается проходимость путей его волевого стимула въ направленіи къ соотвѣтственнымъ двигательнымъ центрамъ. Но чѣмъ больше увеличивается эта проходимость путей, тѣмъ меньше становится «треніе» процессовъ дезинтеграціи волевого стимула. Чѣмъ проходимѣе дѣлаются пути волевого стимула, тѣмъ онъ становится сильнѣе, устойчивѣе,—легче противостоитъ противодѣйствующимъ волевымъ стимуламъ, легче самъ прерываетъ ихъ круговыя реакціи. Проходимость путей полевого стимула дѣлаетъ его сильнѣе, устойчивѣе потому, что съ увеличеніемъ этой проходимости больше притекающихъ къ волевому стимулу импульсовъ потечетъ именно этимъ пря-

мымъ путемъ, и меньше ихъ разольется въ сторону, по побочнымъ путямъ къ другимъ чувствительнымъ центрамъ. Чѣмъ меньше дѣлается «треніе» процессовъ дезинтеграціи волевого стимула, тѣмъ менѣе и менѣе ярко сознается его психическій коррелятъ. Еще болѣе усиливается проходимость путей и уменьшается «треніе»— волевой стимулъ становится еще сильнѣе, еще устойчивѣе, но сопровождается уже неясно-сознаваемымъ психическимъ коррелятомъ. Наконецъ, при дальнѣйшемъ усиленіи проходимости путей и уменьшеніи «тренія» процессовъ дезинтеграціи волевой стимулъ становится очень силенъ, но протекаетъ уже безсознательно, не сопровождаясь психическимъ коррелятомъ.

Итакъ, волевой стимулъ приходитъ нѣсколько періодовъ развитія. Одинъ изъ нихъ намъ очень важенъ. Находящійся въ этомъ періодѣ развитія волевой стимулъ, когда возникаетъ въ сознаніи, становится въ такія отношенія къ другимъ одновременнымъ психическимъ процессамъ, какія сознаются нами, какъ пріятность; который же это періодъ?

Психическій процессъ содержанія при испытываніи чего-либо пріятнаго—онъ же волевой стимулъ—очень устойчивъ въ ясномъ сознаніи. Здѣсь соединены устойчивость съ ясной сознаваемостью. Устойчивость зависитъ отъ большой проходимости путей. Ясная сознаваемость сопутствуетъ значительному «тренію» процессовъ дезинтераціи центровъ волевого стимула. Большая проходимость путей не можетъ быть въ раннихъ періодахъ развитія волевого стимула, а значительное «треніе» процессовъ дезинтеграціи не сохраняется въ позднихъ, когда волевой стимулъ сознается неясно или даже совсѣмъ не сознается. Но между ранними и поздними періодами находится такой, средній, когда проходимость путей отъ частоты выполненій стала уже велика, а «треніе» процессовъ дезинтеграціи не настолько уменьшилось, чтобы психическій коррелятъ сталъ сознаваться не ясно. Въ этомъ періодѣ ясная сознаваемость волевого стимула соединена съ большой устойчивостью его; раньше, въ предшествовавшемъ развитіи, ясная сознаваемость сопутствовалась малой устойчивостью, а позже въ слѣдующихъ періодахъ, большая устойчивость будетъ сопровождаться неясной сознаваемостью и даже безсознательностью.

Однако, мы должны имѣть въ виду слѣдующее. Сопровождаемость какой-либо дезинтеграціи центровъ психическимъ коррелятомъ и яркость его зависятъ не только отъ условій теченія молекулярныхъ процессовъ этой самой дезинтеграціи, но также и отъ того, каковы одновременно протекающіе другіе психо-физіологическіе процессы. Будутъ эти другіе процессы извѣстной степени трудности прохожденія, «тренія», дезинтеграція будетъ сопровождаться процессами яркаго сознанія; будутъ эти другіе процессы другой степени «тренія», дезинтеграція будетъ сопровождаться не яркимъ сознаніемъ, полусознаніемъ; будутъ эти другіе процессы еще иной

степени «тренія», дезинтеграція совсѣмъ не будетъ сопровождаться сознаніемъ, физіологическіе процессы протекутъ безсознательно. Поэтому и волевой стимулъ той средней степени развитія, которая нужна для образованія сознанія пріятности,—и этотъ волевой стимулъ только тогда создастъ взаимоотношеніе психофизіологическихъ процессовъ, сознаваемое какъ пріятность, когда этому не препятствуютъ другіе одновременные психофизіологическіе процессы. Если во время испытыванія пріятнаго явится что-либо, заполняющее вниманіе субъекта, взаимоотношеніе одновременныхъ психофизіологическихъ процессовъ, сознаваемое какъ пріятность, нарушается—человѣкъ перестаетъ испытывать удовольствіе. Возьмемъ простой примѣръ. Человѣкъ ѣстъ съ удовольствіемъ любимое свое кушанье. Вдругъ среди смакованья онъ слышитъ отъ своихъ сосѣдей важное для него свѣдѣніе, которое моментально всецѣло завладѣваетъ его вниманіемъ—въ тотъ же мигъ удовольствіе отъ ѣды исчезаетъ. Можетъ быть, даже самый процессъ ѣды остановится. «Кусокъ сталъ въ горлѣ», говорятъ о такихъ случаяхъ. Если же ѣда и будетъ продолжаться, пріятность ея исчезнетъ.

Нужно обратить вниманіе на слѣдующую подробность. Читатель знаетъ, что въ волевомъ стимулѣ сознаются эффекты мышечной дѣятельности круговой реакціи. Эти эффекты—двоякіе: мѣстные и отдаленные. Когда я говорю, что психическій процессъ содержанія въ пріятныхъ состояніяхъ—волевой стимулъ опредѣленной средней степени развитія, я имѣю въ виду не весь волевой стимулъ, а одну только часть его, именно одни только отдаленные эффекты. Возьмемъ нашъ простой примѣръ. Когда человѣкъ ѣстъ съ удовольствіемъ вкусное кушанье, вкусовыя, обонятельныя и проч. ощущенія, то есть отдаленный эффектъ, сознаются пріятными, а таковымъ вовсе не сознается мѣстный эффектъ, то есть движенія жеванія и глотанія. Такимъ образомъ, только та часть волевого стимула, въ которой сознается отдаленный эффектъ, является психическимъ процессомъ содержанія, другая же, въ которой сознается мѣстный эффектъ, не является пріятной и даже сознается не ясно, пребывая въ съуженномъ поясѣ неяснаго сознанія. Объяснить это не трудно. Психическимъ процессомъ содержанія въ пріятныхъ состояніяхъ является тотъ волевой стимулъ, который обладаетъ опредѣленной средней степенью развитія проходимости путей своего физіологическаго коррелята въ направленіи къ соотвѣтствующимъ двигательнымъ центрамъ. Но обѣ части волевого стилула, психофизіологическіе процессы эффектовъ мѣстныхъ и отдаленныхъ, не могутъ одновременно достигнуть этой степени проходимости путей. Когда пути физіологическаго коррелята процесса отдаленнаго эффекта достигаютъ этой степени, пути физіологическаго коррелята процесса эффекта мѣстнаго уже далеко перешли за эту степень развитія; въ этихъ послѣднихъ уже нѣтъ совпаденія большого «тренія» съ значительной проходимостью,—здѣсь громадная проходимость сопутствуется ма-

лымъ «треніемъ». Происходитъ это отъ того, что при совершеніи круговыхъ реакцій мѣстные эффекты всегда одни и тѣ же, а отдаленные—разные. Отдаленные эффекты болѣе обусловлены, чѣмъ мѣстные; мѣстные эффекты всегда являются результатомъ выполненія круговой реакціи, а отдаленные не всегда; поэтому первые эффекты повторяются чаще послѣднихъ, а слѣдовательно, проходимость ихъ путей должна превосходить проходимость путей послѣднихъ. Напримѣръ, человѣкъ жевательныя и глотательныя движенія дѣлаетъ, не только когда ѣстъ опредѣленное вкусное кушанье, но и когда ѣстъ вкусное, но другое, когда ѣстъ нейтральное, когда ѣстъ невкусное, когда ѣстъ даже отвратительное. Если же проходимость путей физіологическаго коррелята процесса мѣстнаго эффекта далеко превосходитъ проходимость путей физіологическаго коррелята процесса эффекта отдаленнаго, «треніе» послѣдняго процесса гораздо больше «тренія» процесса перваго: съ увеличеніемъ проходимости путей «треніе» уменьшается. Благодаря такой разницѣ въ «треніи» психическій коррелятъ процесса мѣстнаго эффекта не можетъ сознаваться ясно одновременно съ ясно сознаваемымъ психическимъ коррелятомъ процесса эффекта отдаленнаго: ощущенія отъ мѣстныхъ эффектовъ пребываютъ въ поясѣ неяснаго сознанія. И всегда, когда отдаленный эффектъ мышечной дѣятельности является пріятнымъ, мѣстный не является таковымъ и даже сознается неясно. Бываютъ ли когда-нибудь пріятными сами ощущенія отъ мѣстныхъ измѣненій при работѣ мышцъ? Въ сознаніи взрослаго человѣка мы этого не замѣчаемъ. Хотя люди и думаютъ часто, что сама мышечная работа имъ пріятна, но это не вѣрно: при умѣренно-усиленной мускульной работѣ, умѣренно повышается энергія процессовъ кровообращенія и дыханія, и эти-то именно результаты и пріятны, но они тоже—отдаленный эффектъ мускульной дѣятельности. Сама мышечная работа, вѣроятно, бываетъ пріятна только въ очень раннемъ дѣтствѣ, когда проходимость путей соотвѣтственныхъ физіологическихъ коррелятовъ не перешла еще за среднюю степень своего развитія.

Слабый волевой стимулъ всегда сознается ясно и всегда является въ видѣ желанія. Желаніе же есть волевой стимулъ plus нѣчто лишнее, какъ-то сознаніе настоящаго положенія, «я», стремленія. Я называю этотъ дополнительный психическій матеріалъ лишнимъ потому, что онъ не необходимъ для выполненія акта: мышечную работу круговой реакціи вызываетъ чистый волевой стимулъ. Чѣмъ сильнѣе становится волевой стимулъ, тѣмъ въ видѣ болѣе отрывочнаго желанія онъ является; это значитъ: все менѣе и менѣе лишняго сознается вмѣстѣ съ чистымъ волевымъ стимуломъ. Потомъ онъ возникаетъ въ видѣ чистаго волевого стимула, безъ того лишняго, что сознается въ желаніи, но начинаетъ сознаваться все

менѣе и менѣе ясно; наконецъ получаетъ возможность при извѣстныхъ условіяхъ протекать безсознательно.

Физіологическая же сторона этихъ явленій—такая. Когда волевой стимулъ слабъ, пути его физіологическаго коррелята по направленію къ соотвѣтственнымъ двигательнымъ центрамъ—мало проходимы, и много его возбужденій идетъ въ сторону, по путямъ въ другіе чувствительные центры. Чѣмъ сильнѣе становится волевой стимулъ, чѣмъ проходимѣе дѣлаются пути его физіологическаго коррелята въ направленіи къ соотвѣтственнымъ двигательнымъ центрамъ, тѣмъ большее количество его возбужденій пойдетъ именно по этому прямому направленію и тѣмъ меньше по направленію къ другимъ чувствительнымъ центрамъ.

Психическій коррелятъ дезинтеграціи центровъ волевого стимула—представленіе эффекта, достиженіе котораго имѣется въ виду. Психическій коррелятъ дезинтеграціи другихъ чувствительныхъ центровъ, тѣхъ именно, къ которымъ идутъ побочныя возбужденія отъ физіологическаго коррелята волевого стимула,—то лишнее, что сознается въ желаніи; среди этого лишняго главное мѣсто занимаетъ «я». Съ увеличеніемъ проходимости путей все уменьшается и уменьшается число чувствительныхъ центровъ, подвергающихся дезинтеграціи благодаря импульсамъ, не имѣющимъ возможности идти по прямому пути; параллельно этому все меньше и меньше сознается лишняго въ желаніи—желаніе становится все отрывочнѣе и отрывочнѣе.

Это объясняетъ намъ, почему, при испытаніи чего-либо пріятнаго, поясъ неяснаго сознанія съуженъ. Въ этомъ поясѣ сознается все то лишнее, которое, присоединившись къ волевому стимулу, превращаетъ его въ желаніе. Это лишнее сознается весьма не полно, такъ какъ желаніе очень отрывочно. Благодаря большой проходимости путей физіологическаго коррелята волевого стимула (или психическаго процесса содержанія) въ направленіи къ соотвѣтственнымъ двигательнымъ центрамъ, мало импульсовъ его идетъ въ сторону, въ другіе чувствительные центры. Немного выше я указалъ, почему мѣстный эффектъ мышечной дѣятельности акта ѣды сознается не ясно—потому, что пути физіологическаго коррелята процесса этого эффекта проходимѣе путей физіологическаго коррелята процесса эффекта отдаленнаго. Проходимѣе же первые пути потому, что мѣстный эффектъ получается при круговыхъ реакціяхъ чаще, чѣмъ отдаленный. То же объясненіе приложимо и ко всему психическому матеріалу неяснаго пояса при испытываніи чего-либо пріятнаго; напримѣръ, свое «я» человѣкъ сознаетъ не при одномъ какомъ-либо дѣйствіи, а при громадномъ множествѣ ихъ.

Психическій процессъ содержанія держится въ сознаніи легко, какъ бы самъ собой. Произвольными мы считаемъ тѣ дѣйствія, которымъ предшествуетъ желаніе. При испытываніи чего-либо

пріятнаго волевой стимулъ—психическій процессъ содержанія—хотя и является въ видѣ желанія, но желанія чрезвычайно отрывочнаго. Кромѣ того, самъ волевой стимулъ находится въ области яснаго сознанія, а остальныя части желанія сознаются не ясно. Такъ какъ исполненію дѣйствія предшествуетъ очень полно и ясно сознаваемый волевой стимулъ и крайне не полно и не ясно сознаваемыя другія части желанія, то выдѣлившійся такимъ образомъ волевой стимулъ начинаетъ казаться единственной причиной слѣдующаго акта. Но волевой стимулъ—психическій процессъ содержанія: въ немъ сознается то, что намъ является пріятнымъ. Поэтому и получается впечатлѣніе, будто пріятное само вызываетъ и направляетъ наши дѣйствія къ достиженію его.

Чѣмъ обусловливаются степени пріятности? Для образованія физіологическаго коррелята сознанія пріятности нужно совпаденіе достаточной силы «тренія» процессовъ дезинтеграціи центровъ и значительной проходимости путей. Такое совпаденіе мы находимъ въ опредѣленномъ періодѣ развитія волевого стимула. Но оно не вполнѣ одинаково на всемъ протяженіи этого періода. Онъ можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько стадій. Въ одной изъ нихъ совпаденіе обоихъ условій сознанія пріятности достигаетъ высшей степени. Волевой стимулъ этой стадіи, возникая въ сознаніи, является чрезвычайно пріятнымъ. Въ другихъ частяхъ этого періода развитія нѣтъ столь полнаго совпаденія обоихъ условій—одно сильнѣе, другое слабѣе; этимъ частямъ соотвѣтствуютъ средняя и слабая степени пріятности.

Теперь о сознаніи непріятности чего либо. Психическій процессъ содержанія въ непріятныхъ состояніяхъ чаще всего получается отъ раздраженій, произведенныхъ не самимъ субъектомъ. Разныя внѣшнія обстоятельства доставляютъ намъ мучительныя ощущенія и тягостныя эмоціи. Рѣдко психическій процессъ содержанія въ непріятныхъ состояніяхъ—результатъ дѣятельности самого субъекта. Только необходимость заставляетъ людей выполнять дѣйствія, доставляющія непріятныя ощущенія. По необходимости больной принимаетъ отвратительное лѣкарство; по необходимости Муцій Сцевола держалъ руку на огнѣ. Часто необходимость бываетъ только воображаемая, но это не измѣняетъ дѣла.

Психическій процессъ содержанія при непріятныхъ состояніяхъ находится въ сознаніи вмѣстѣ съ процесомъ желанія совершить или найти избавляющій актъ. Желаніе совершить избавляющій актъ есть волевой стимулъ такого акта plus то лишнее, которое обыкновенно сознается въ желаніяхъ. Выполненіе избавляющаго акта удалитъ то настоящее состояніе субъекта, которое сознается въ психическомъ процессѣ содержанія при испытываніи чего-либо непріятнаго. Возникнувъ въ сознаніи, психическій процессъ содержанія въ непріятныхъ состояніяхъ непремѣнно вызоветъ волевой стимулъ устраняющаго акта; это—результатъ особаго взаимоотно-

шенія между обоими психическими процессами. Мы не всегда желаемъ достигнуть чего-либо; часто мы желаемъ отъ чего-нибудь избавиться, что-нибудь удалить. И это выполняется тоже помощью круговыхъ реакцій. Человѣкъ голоденъ. Въ его сознаніи возникаетъ волевой стимулъ—ѣсть. Совершаются круговыя реакціи, которыми волевой стимулъ—ѣсть осуществляется: человѣкъ ѣстъ. Но когда онъ ѣстъ, онъ этимъ удаляетъ изъ своего сознанія ощущенія голода. Также при ощущеніяхъ жажды возникаетъ волевой стимулъ—пить, выполненіемъ мышечной работы котораго эти ощущенія устраняются изъ сознанія. Если какой-либо психофизіологическій процессъ подлежитъ удаленію, это легко можетъ совершиться, стоитъ только возникнуть въ сознаніи такому волевому стимулу, круговая реакція самоусиленія котораго даетъ своимъ косвеннымъ результатомъ устраненіе того процесса. Но чтобы появился въ сознаніи такой волевой стимулъ не случайно, должна образоваться между нимъ и подлежащимъ устраненію психофизіологическимъ процессомъ ассоціаціонная связь, благодаря которой этотъ процессъ самъ и вызываетъ удаляющій волевой стимулъ. Подъ вліяніемъ условій біологическихъ или общественной жизни, между какимъ-либо психическимъ процессомъ и волевымъ стимуломъ удаляющаго его дѣйствія развивается такая связь, вслѣдствіе которой первый процессъ, возникнувъ въ сознаніи, непремѣнно вызоветъ второй. Дѣло идетъ такъ. Опредѣленный психическій процессъ возникъ въ сознаніи; въ это время по какимъ-либо причинамъ выполняется такой актъ, который устраняетъ изъ сознанія этотъ процессъ. Такой результатъ не имѣлся въ виду при исполненіи удаляющаго дѣйствія—это результатъ побочный, косвенный. Но онъ оказывается благопріятнымъ: въ борьбѣ за существованіе побѣждаютъ тѣ организмы, которые, когда въ ихъ сознаніи имѣется этотъ опредѣленный психическій процессъ, совершаютъ по какимъ-либо причинамъ актъ его устраняющій. При частомъ совпаденіи возникновенія въ сознаніи этого опредѣленнаго психическаго процесса и выполненія удаляющаго его дѣйствія, между центрами этого процесса и центрами волевого стимула устраняющаго акта образуется крѣпкая ассоціаціонная связь. Чѣмъ чаще повторяется такое совпаденіе, тѣмъ болѣе крѣпнетъ эта связь. Пути между центрами волевого стимула удаляющаго акта и центрами психическаго процесса, устраняемаго этимъ актомъ, становятся все проходимѣе. Когда же ассоціаціонная связь между центрами обоихъ процессовъ установилась, этотъ опредѣленный психическій процессъ, многократно раньше удаляемый извѣстнымъ дѣйствіемъ, возникнувъ въ сознаніи, будетъ самъ вызывать волевой стимулъ этого дѣйствія: теперь уже не требуются тѣ условія, которыя прежде были факторами появленія этого волевого стимула въ сознаніи.

Но если частое совпаденіе возникновенія въ сознаніи опредѣленнаго психическаго процесса и выполненія устраняющаго его

акта дѣлаетъ пути между центрами обоихъ процессовъ проходимѣе, то не можетъ оно не сдѣлать болѣе проходимыми самихъ центровъ волевого стимула удаляющаго акта.

Ходъ развитія проходимости путей между центрами волевого стимула удаляющаго акта и центрами психическаго процесса, устраняемаго этимъ актомъ, и проходимости центровъ волевого стимула удаляющаго акта — даетъ намъ возможность разъяснить тѣ отношенія психическаго процесса содержанія къ другимъ одновременнымъ, которыя мы сознаемъ какъ непріятность его.

Разсмотримъ сначала явленія при испытываніи чего-либо непріятнаго въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ знаетъ, каковъ долженъ быть избавляющій актъ, и не сознаетъ никакихъ препятствій къ выполненію его. Въ этихъ случаяхъ характерныя черты сознанія непріятности являются въ чистомъ видѣ.

Психическій процессъ содержанія находится въ сознаніи одновременно съ желаніемъ совершить избавляющій актъ. Эта черта вполнѣ понятна. Первый процессъ, возникнувъ въ сознаніи, вызываетъ второй: они соединены ассоціаціонною связью. При достаточно развитой проходимости путей между ихъ центрами, первый процессъ вызываетъ второй такъ быстро, что оба кажутся являющимися одновременно. Это мы видимъ при испытываніи чего-либо непріятнаго средней интенсивности. Въ состояніяхъ же слабо непріятныхъ можно замѣтить, что второй процессъ возникаетъ позже перваго. Въ этихъ случаяхъ проходимость путей между центрами обоихъ процессовъ незначительна. Сознаніе непріятности начинается съ момента присоединенія второго процесса къ первому. При испытываніи же чего-либо чрезвычайно непріятнаго второй процессъ не сознается; сейчасъ мы увидимъ, что этотъ случай не отличается принципіально отъ вышеупомянутыхъ.

Психическій процессъ содержанія неустойчивъ въ сознаніи. Его неустойчивость обусловлена тѣмъ, что онъ неминуемо, благодаря своимъ ассоціаціоннымъ соединеніямъ, вызываетъ волевой стимулъ избавляющаго акта, а этотъ послѣдній неминуемо осуществляется при отсутствіи достаточно сильныхъ противодѣйствующихъ психофизіологическихъ процессовъ. Чѣмъ сильнѣе сознаніе непріятности какого-либо психическаго процесса содержанія, тѣмъ значительнѣе и неусточивость его. При испытываніи чего-либо непріятнаго средней интенсивности проходимость путей между центрами психофизіологическаго процесса содержанія и центрами волевого стимула избавляющаго акта велика; поэтому импульсы отъ перваго процесса къ центрамъ второго притекаютъ въ изобиліи и вызываютъ здѣсь энергическую дезинтеграцію. Проходимость самихъ центровъ волевого стимула избавляющаго акта тоже велика. Благодаря этой проходимости самихъ центровъ дезинтеграція волевого стимула избавляющаго акта протекаетъ легко и посылаетъ могучіе импульсы въ соотвѣтственные двигательные центры и от-

сюда къ мускуламъ. Энергія этихъ импульсовъ легко прерываетъ протекающія уже круговыя реакціи и начинаетъ свои—избавляющаго акта: онъ выполняется немедленно.

При испытываніи чего-либо слабо непріятнаго проходимость путей между центрами психофизіологическаго процесса содержанія и центрами волевого стимула избавляющаго акта не велика. Поэтому отъ перваго процесса къ центрамъ второго импульсовъ притекаетъ немного, и они вызываютъ здѣсь дезинтеграцію недостаточной энергіи. Малая энергія импульсовъ отъ этой слабой дезинтеграціи съ трудомъ и не быстро прерываетъ протекающія уже круговыя реакціи и начинаетъ свои — избавляющаго акта: онъ выполняется не быстро.

При испытываніи чего-либо чрезвычайно непріятнаго, въ мученіи, волевой стимулъ избавляющаго акта не сознается, а психическій процессъ содержанія крайне неустойчивъ въ сознаніи — только явился и уже нѣтъ его; при этомъ человѣкъ замѣчаетъ, что онъ выполнилъ именно такой актъ, который нуженъ для избавленія отъ муки. Если этотъ актъ выполненъ, то, слѣдовательно, ему предшествовала дезинтеграція соотвѣтствующаго волевого стимула, только она не сопровождалась психическимъ коррелятомъ. Въ этомъ случаѣ проходимость путей между центрами психофизіологическаго процесса содержанія и центрами волевого стимула избавляющаго акта—чрезвычайная; поэтому импульсы отъ перваго процесса къ центрамъ второго притекаютъ крайне легко, быстро и въ громадномъ количествѣ. Они здѣсь вызываютъ дезинтеграцію, которая протекаетъ съ такой быстротой, что не имѣетъ психическаго коррелята. Для сопровождаемости соотносительнымъ психическимъ процессомъ дезинтеграція центровъ должна быть нѣкоторой, не слишкомъ малой продолжительности. Здѣсь же она протекаетъ съ чрезмѣрной быстротой и поэтому не сопровождается сознаніемъ. Эта дезинтеграція посылаетъ могучіе импульсы къ соотвѣтственнымъ двигательнымъ центрамъ, а отсюда къ мускуламъ. Энергія этихъ импульсовъ такъ велика, что только чрезвычайно сильные противодѣйствующіе волевые стимулы могли бы остановить ея движеніе; при отсутствіи таковыхъ избавляющій актъ выполняется моментально.

Читатель видитъ, что и этотъ случай не отличается принципіально отъ остальныхъ.

Въ непріятныхъ состояніяхъ поясъ не яснаго сознанія съуженъ. Это тоже легко объяснить. Чѣмъ сильнѣе сознаніе непріятности, тѣмъ проходимѣе пути между центрами психофизіологическаго процесса содержанія и центрами волевого стимула избавляющаго акта, а также тѣмъ проходимѣе сами центры этого волевого стимула. Но чѣмъ центры волевого стимула избавляющаго акта проходимѣе, тѣмъ болѣе возбужденій, притекающихъ отъ психофизіологическаго процесса содержанія, направится въ эти именно центры, пойдетъ

9*

по проходимому прямому пути и тѣмъ меньше ихъ разольется по другимъ чувствительнымъ центрамъ, крѣпко ассоціированнымъ съ волевымъ стимуломъ; число этихъ другихъ чувствительныхъ центровъ, подвергающихся дезинтеграціи, будетъ сравнительно не велико. Психическій же коррелятъ этихъ послѣднихъ чувствительныхъ центровъ и является въ поясѣ не яснаго сознанія. Чѣмъ меньше число этихъ центровъ, подвергающихся дезинтеграціи благодаря возбужденіямъ, не попавшимъ на прямой путь, тѣмъ уже поясъ не яснаго сознанія.

Но въ этомъ поясѣ сознается «я». Чѣмъ онъ уже, тѣмъ отрывочнѣе сознается «я». Чѣмъ отрывочнѣе, чѣмъ меньше сознается «я», тѣмъ болѣе будетъ казаться, что причиной послѣдующаго избавляющаго акта является чистый волевой стимулъ. Но и чистый волевой стимулъ сознается все менѣе и менѣе ясно, чѣмъ проходимѣе становятся его центры, чѣмъ слабѣе дѣлается въ нихъ «треніе». Чѣмъ менѣе и менѣе ясно будетъ сознаваться волевой стимулъ, тѣмъ болѣе будетъ казаться, что причиной послѣдующаго избавляющаго акта является психическій процессъ содержанія; будто психическій процессъ содержанія самъ себя устраняетъ; неустойчивость непріятнаго является какъ бы результатомъ его собственной дѣятельности.

Итакъ мы видимъ, что ходъ развитія проходимости путей между центрами психофизіологическаго процесса содержанія и центрами волевого стимула избавляющаго акта, а также проходимости самихъ центровъ этого волевого стимула вполнѣ объясняетъ намъ даже въ подробностяхъ всѣ факты, добытые самонаблюденіемъ при испытываніи чего-либо непріятнаго.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ, испытывая непріятное, знаетъ, каковъ долженъ быть избавляющій актъ, но сознаетъ препятствіе къ выполненію его, происходитъ слѣдующее. Въ сознаніи кромѣ психическаго процесса содержанія и волевого стимула удаляющаго дѣйствія имѣется волевой стимулъ акта—антагониста этому дѣйствію. Между обоими волевыми стимулами идетъ борьба, которая выражается чувствомъ усилія; въ статьѣ «Что такое воля?» я объяснилъ, какъ образуется это чувство. Борьба волевыхъ стимуловъ не уничтожаетъ характерныхъ чертъ сознанія непріятности, только дѣлаетъ ихъ немного скрытыми. Два психическихъ процесса, одинъ—содержанія, а другой—волевого стимула удаляющаго акта, одновременно пребываютъ въ сознаніи; неустойчивость—тоже есть, только она не осуществляется благодаря противодѣйствію волевого стимула—антагониста избавляющему дѣйствію; сохранена даже характерная черта неустойчивости, будто она—результатъ самаго психическаго процесса содержанія. Дѣйствительно, человѣкъ сознаетъ свое я въ связи съ волевымъ стимуломъ—антагонистомъ удаляющему акту; онъ сознаетъ, что «долженъ», что «ему слѣдуетъ» удерживаться отъ выполненія избавляющаго акта, а не со-

вершать его. Стремленіе же совершать этотъ актъ исходитъ какъ бы не отъ я. Не замѣтно только съуженія пояса неяснаго сознанія, и это понятно: въ немъ сознается то, что крѣпко ассоціировано съ волевымъ стимуломъ—антагонистомъ избавляющему акту.

Что касается тѣхъ случаевъ, когда человѣкъ, испытывая непріятное, не знаетъ, каковъ долженъ быть избавляющій актъ, то здѣсь прежде всего подымается вопросъ: какъ по моей теоріи возможно сознаніе непріятности при невѣдѣніи избавляющаго дѣйствія. Вѣдь по этой теоріи сознаніе непріятности является результатомъ ассоціаціонной связи между психическимъ процессомъ содержанія и волевымъ стимуломъ удаляющаго акта. Но здѣсь избавляющій актъ неизвѣстенъ, слѣдовательно не исполнялся раньше, и поэтому, съ какимъ же волевымъ стимуломъ можетъ развиться ассоціаціонная связь у психическаго процесса содержанія? Это возраженіе не такъ тяжеловѣсно, какъ кажется на первый взглядъ. Дѣйствительно, если при какомъ-либо психофизіологическомъ процессѣ никогда не выполнялся удаляющій его актъ, сознаніе непріятности этого процесса было бы невозможно. Но такихъ непріятныхъ психическихъ процессовъ мы не знаемъ. Когда же мы сознаемъ какой-нибудь психофизіологическій процессъ непріятнымъ и не знаемъ избавляющаго отъ него акта, мы всетаки имѣемъ дѣло съ процессомъ, который въ прошломъ устранялся изъ сознанія какимъ-либо дѣйствіемъ. Напримѣръ, человѣкъ ощущаетъ давящую боль отъ напирающаго на него предмета; онъ отталкиваетъ этотъ предметъ, и боль прекращается. Но вотъ у того же субъекта появляется въ этой же области давящая боль—симптомъ болѣзни, и онъ не знаетъ, какъ ее устранить. Или человѣкъ взялъ въ ротъ порошокъ и почувствовалъ горькій вкусъ; онъ тотчасъ выплюнулъ порошокъ. Но вотъ теперь этотъ же субъектъ ощущаетъ во рту горькій вкусъ—симптомъ болѣзненнаго состоянія, и не знаетъ, какъ отъ него отдѣлаться. Дѣло въ томъ, что одни и тѣ же психическіе процессы иногда возникаютъ при такихъ условіяхъ, что могутъ быть удалены какимъ-нибудь извѣстнымъ субъекту дѣйствіемъ, а въ другой разъ при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ путь къ избавленію не извѣстенъ.

Въ случаяхъ, когда избавляющій актъ не извѣстенъ, психическій процессъ содержанія посылаетъ свои возбужденія къ тому психическому процессу, который при другихъ условіяхъ служилъ волевымъ стимуломъ устраняющаго дѣйствія. И теперь, можетъ быть, человѣкъ сначала прибѣгнетъ къ тому же способу удаленія непріятнаго состоянія, но тотчасъ и убѣдится, что при данныхъ условіяхъ это безполезно. Скорѣе же всего субъектъ и не станетъ при новыхъ обстоятельствахъ пробовать способа избавленія, годившагося при прежнихъ. Какъ только въ его сознаніи всплыветъ мысль объ этомъ пути спасенія—волевой стимулъ устраняющаго акта при другихъ обстоятельствахъ,—такъ тотчасъ же возникнетъ

черезъ ассоціацію сужденіе о безполезности такъ дѣйствовать теперь, которое вызоветъ по ассоціаціи—другое: «какъ же избавиться отъ непріятнаго?» Это послѣднее сужденіе есть первый волевой стимулъ цѣлаго комплекса круговыхъ реакцій волевого мышленія и внѣшней дѣятельности, комплекса, который можетъ создаться постепенно благодаря ассоціаціонному соединенію уже имѣющихся волевыхъ стимуловъ, какъ я это объяснилъ въ статьѣ «Что такое воля?» Однимъ словомъ, мы видимъ, что возбужденіе психическаго процесса содержанія, посланное къ волевому стимулу акта, избавлявшаго при прежнихъ условіяхъ, вызываетъ черезъ ассоціированныя съ этимъ психофизіологическимъ процессомъ сужденія новый волевой стимулъ, «какъ избавиться», который можетъ (если сужденія страдальца поведутъ въ надлежащую сторону) оказаться полезнымъ. Старый волевой стимулъ и процессъ мысли до новаго волевого стимула могутъ быть очень отрывочными, пролетѣть едва замѣтно, и тогда кажется, будто психическій процессъ содержанія прямо вызвалъ сужденіе «какъ избавиться»? И въ этихъ случаяхъ, когда избавляющій актъ не извѣстенъ, въ сознаніи одновременно пребываютъ два психическихъ процесса,—содержанія и волевого стимула избавляющаго акта,—таковымъ мы имѣемъ основаніе считать волевой стимулъ «какъ избавиться»? Неустойчивость тоже есть; она не можетъ осуществиться благодаря неизвѣстности устраняющаго пути, но выражается упорнымъ пребываніемъ въ сознаніи мысли объ изысканіи этого пути. Эта мысль какъ бы возникаетъ изъ психическаго процесса содержанія; кажется, будто неустойчивость—результатъ его собственной дѣятельности. Съуженія пояса неяснаго сознанія не замѣтно; это понятно: въ неясномъ поясѣ сознаются болѣе или менѣе отрывочныя сужденія, вызванныя волевымъ стимуломъ—«какъ избавиться»?

Степени сознанія непріятности чего-либо обусловлены развитіемъ проходимости путей между центрами психическаго процесса содержанія и центрами волевого стимула избавляющаго акта. Чѣмъ больше эта проходимость, тѣмъ сильнѣе будетъ сознаніе непріятности. Я говорю о проходимости путей между центрами этихъ обоихъ процессовъ и не говорю о проходимости самихъ центровъ волевого стимула избавляющаго акта: она является необходимымъ результатомъ первой проходимости.

Итакъ, сознавать пріятность чего-либо значитъ имѣть психическій процессъ содержанія (въ которомъ сознается это «что-либо») въ опредѣленномъ отношеніи къ другимъ одновременнымъ психическимъ процессамъ. Это же опредѣленное отношеніе является результатомъ импульса психическаго процесса содержанія къ самосохраненію; самосохраненіе же осуществляется черезъ круговую реакцію или комплексъ ихъ, вызванный самимъ психическимъ процессомъ содержанія.

Сознавать непріятность чего-либо значитъ имѣть психическій

процессъ содержанія (въ которомъ сознается это «что-либо») въ опредѣленномъ отношеніи къ другимъ одновременнымъ психическимъ процессамъ. Это опредѣленное отношеніе является результатомъ импульса психическаго процесса содержанія къ самоудаленію; самоудаленіе же осуществляется черезъ круговую реакцію или комплексъ ихъ, вызванный особымъ волевымъ стимуломъ, крѣпко ассоціированнымъ съ психическимъ процессомъ содержанія.

Можно сказать, что сознавать пріятность чего-либо значитъ сознавать импульсъ психическаго процесса, въ которомъ сознается это «что-либо», къ самосохраненію, а сознавать непріятность чего-либо значитъ сознавать импульсъ психическаго процесса, въ которомъ сознается это «что-либо», къ самоудаленію.

Быть можетъ, мнѣ кто-нибудь, возразитъ: все время рѣчь идетъ о пріятныхъ и непріятныхъ психическихъ процессахъ; но вѣдь мы не одни свои психическія явленія сознаемъ пріятными и непріятными; мы сознаемъ таковыми и внѣшніе предметы. На это я отвѣчу слѣдующее: какъ происходитъ то, что мы сознаваемое нами локализируемъ на извѣстныхъ отъ насъ разстояніяхъ и въ извѣстныхъ направленіяхъ, то есть вообще въ пространствѣ,—это одинъ изъ вопросовъ психологіи мысли и поэтому совершенно не относится къ нашей настоящей темѣ. Теперь же могу сказать только одно: сознаваемое въ психическомъ процессѣ содержанія сливается въ одно цѣлое съ сознаніемъ отношенія этого процесса къ другимъ, одновременнымъ. По какимъ принципамъ я локализирую въ пространствѣ первое, по тѣмъ же и второе.

Я выше испытывалъ пригодность гипотезъ о сознаніи пріятности или непріятности чего-либо тѣмъ, объясняютъ ли онѣ всѣ хорошо установленные факты относительно пріятныхъ и непріятныхъ состояній. Теперь слѣдуетъ подвергнуть такому же испытанію и мою теорію сознанія пріятности или непріятности чего-либо. Постараюсь объяснить всѣ эти факты съ моей точки зрѣнія.

1) Сознаніе пряітности или непріятности можетъ сопровождать ощущенія, воспріятія, представленія, сужденія, эмоціи, волевые процессы.

Что сознаніе пріятности можетъ сопровождать ощущенія и воспріятія—весьма понятно. Ощущенія и воспріятія являются волевыми стимулами извѣстнаго періода развитія и вызываютъ соотвѣтственныя круговыя реакціи или комплексы ихъ. При совершеніи этихъ круговыхъ реакцій психофизіологическіе процессы содержанія—ощущенія, воспріятія—пребываютъ устойчиво въ ясномъ сознаніи, какъ бы сами собой, заполняютъ его; поясъ же неяснаго сознанія съуженъ. Такъ мы ощущаемъ и воспринимаемъ что-либо пріятное, наприм., нюхаемъ пріятно пахнущій предметъ, слушаемъ пріятные звуки, любуемся на красивую вещь.

Также понятно и сопровожденіе ощущеній и воспріятій сознаніемъ непріятности. Ощущенія и воспріятія вызываютъ болѣе или

менѣе энергично болѣе или менѣе отрывочное желаніе совершить избавляющій актъ, удалиться, устраниться отъ ихъ источника. Такое устране-ніе, удаленіе совершается соотвѣственными круговыми реакціями, если не сознается никакого препятствія къ этому. Такъ мы, когда до насъ дошелъ непріятный запахъ, стремимся не обонять его; услыхавъ непріятный звукъ, мы стремимся не слушать его болѣе; увидавъ отвратительное животное, стремимся не глядѣть на него.

Пріятныя представленія и сужденія—тѣ представленія и сужденія, которыя устойчиво пребываютъ въ ясномъ сознаніи, какъ бы сами собой, заполняютъ его, при чемъ поясъ неяснаго сознанія съуженъ. Все это—результатъ того, что эти представленія и сужденія—волевые стимулы извѣстнаго періода развитія, энергично самосохраняющіеся соотвѣтственными круговыми реакціями вниманія. Намъ пріятно вспоминать нѣкоторыя лица и предметы, намъ пріятно останавливаться на опредѣленныхъ мысляхъ.

Непріятныя представленія и сужденія—тѣ представленія и сужденія, которыя, едва возникнувъ въ сознаніи, сейчасъ же вызываютъ волевой стимулъ избавляющаго акта: «не слѣдуетъ думать объ этомъ», «я не долженъ думать объ этомъ». И вслѣдъ за этимъ человѣкъ начинаетъ думать о другомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что, тогда какъ только опредѣленныя дѣйствія могутъ насъ избавить отъ какого-либо ощущенія, при размышленіи дѣло обстоитъ иначе: всякій другой психическій процессъ, овладѣвшій вниманіемъ, совершая свои круговыя реакціи самосохраненія, удаляетъ тотъ, который долженъ быть устраненъ. Чтобы не думать о чемъ-либо, мы не должны непремѣнно направлять мысли въ опредѣленную сторону; достаточно думать о чемъ-либо другомъ.

Эмоціи могутъ получаться, какъ отдаленные, косвенные эффекты мышечной дѣятельности и поэтому могутъ являться волевыми стимулами; отъ частоты же повтореній соотвѣтственныхъ актовъ онѣ становятся волевыми стимулами степени развитія, необходимой для образованія того отношенія психофизіологическаго процесса содержанія къ другимъ одновременнымъ, которое мы сознаемъ какъ пріятность. Веселье, эффектъ опредѣленной дѣятельности—погони за развлеченіями, для многихъ становится могучимъ волевымъ стимуломъ: они не могутъ жить безъ развлеченій. Эмоціональное волненіе, сопровождающее напряженіе при разныхъ состязаніяхъ, составляетъ для многихъ побудительную причину являться на борьбу за призы.

Если при опредѣленныхъ эмоціяхъ часто выполняются акты, удаляющіе эти эмоціи, образуется крѣпкая ассоціаціонная связь между процессами эмоцій и волевыми стимулами устраняющихъ дѣйствій. Напримѣръ, при испытываніи тоски люди дѣлаютъ разные акты, чтобы забыться, найти утѣшеніе.

Изъ моей гипотезы прямо вытекаетъ, что сознаніе пріятности

или непріятности можетъ сопровождать волевые процессы: оно является стороной ихъ; сознаніе пріятности—результатъ опредѣленной степени развитія волевого стимула; сознаніе непріятности—результатъ болѣе или менѣе крѣпкаго ассоціаціоннаго соединенія психофизіологическаго процесса съ опредѣленнымъ волевымъ стимуломъ.

2) Дѣятельность организма, полезная для его существованія, сопровождается большею частью сознаніемъ пріятности. Дѣятельность же организма, вредная для него, сопутствуется обыкновенно сознаніемъ непріятности.

Сознаніемъ пріятности сопровождается та дѣятельность, волевой стимулъ которой достигъ извѣстной средней степени своего развитія. Но такой степени онъ можетъ достигнуть только послѣ многократнаго выполненія акта. Теперь понятно: только тѣ волевые стимулы успѣютъ при обыкновенныхъ условіяхъ совершить многократно свои акты, результаты дѣятельности которыхъ полезны организму; если же эти результаты вредны организмамъ, послѣдніе вымрутъ раньше, чѣмъ совершатъ опредѣленное количество этихъ дѣйствій. Я говорю «при обыкновенныхъ условіяхъ», потому что могутъ быть обстоятельства исключительныя, благодаря которымъ многократно могутъ быть выполнены акты, вообще вредные организму. Разумѣется, такія исключительныя условія очень рѣдки,—вотъ почему такъ рѣдко встрѣчаются вредныя дѣятельности, сопровождаемыя сознаніемъ пріятности, и вотъ почему въ громадномъ большинствѣ случаевъ пріятными сознаются дѣятельности полезныя.

Сознаніемъ непріятности сопровождается та дѣятельность организма, которая въ числѣ своихъ эффектовъ даетъ психофизіологическій процессъ, вызывающій черезъ ассоціацію волевой стимулъ устраняющаго акта. Напримѣръ, человѣкъ желаетъ переписать въ одинъ вечеръ множество страницъ. Сначала онъ пишетъ легко. Волевой стимулъ «переписать сегодня столько-то страницъ» близится къ своему осуществленію. Но мало по малу пальцы начинаютъ уставать, дѣлаются болѣзненными; болѣзненность становится очень чувствительной. Психо-физіологическій процессъ ощущенія боли въ пальцахъ—такой эффектъ совершаемой дѣятельности, который посылаетъ импульсы къ волевому стимулу избавляющаго акта «прекратить писанье». Я уже объяснялъ выше, какъ развивается ассоціаціонная связь между волевымъ стимуломъ удаляющаго акта и удаляемымъ психофизіологическимъ процессомъ: подъ вліяніемъ условій біологическихъ или общественной жизни при возникновеніи въ сознаніи опредѣленнаго психофизіологическаго процесса совершается актъ, его удаляющій; благодаря частому повторенію такого совпаденія опредѣленнаго процесса съ устраняющимъ дѣйствіемъ между обоими процессами развивается ассоціаціонная связь; она все болѣе и болѣе крѣпнетъ; благодаря ей данный психофизіоло-

гическій процессъ потомъ самъ вызываетъ волевой стимулъ удаляющаго акта. Психофизіологическій процессъ удаляется устраненіемъ тѣхъ измѣненій организма, которыя его обусловливаютъ. Эти измѣненія могутъ быть или полезны организму или вредны. Если они полезны, то удаленіемъ ихъ устраняющій актъ препятствуетъ организму въ его борьбѣ за существованіе. Если они вредны, то устраненіемъ ихъ удаляющій актъ помогаетъ организму въ борьбѣ за существованіе. Теперь понятно, что при обыкновенныхъ условіяхъ будутъ жить дольше и дадутъ большое потомство тѣ организмы, которымъ удаляющій актъ полезенъ, тѣ же, которымъ онъ вреденъ, будутъ вымирать. Только при исключительныхъ обстоятельствахъ является возможность продолжительнаго существованія и произведенія потомства для организмовъ, которымъ удаляющій актъ вреденъ. Оттого въ громадномъ большинствѣ случаевъ дѣятельности вредныя организму сознаются какъ непріятныя и только весьма рѣдко таковыми являются дѣятельности полезныя.

3) Пріятное вызываетъ дѣятельность, служащую для достиженія его; непріятное вызываетъ дѣятельность, служащую къ удаленію его.

Пріятное—тѣ психофизіологическіе процессы, которые сопровождаются сознаніемъ пріятности. Но этимъ сознаніемъ, по моей теоріи, сопутствуются волевые стимулы опредѣленной средней степени развитія при выполненіи своихъ круговыхъ реакцій; круговыя же реакціи служатъ для достиженія этихъ психофизіологическихъ процессовъ. Поэтому съ моей точки зрѣнія пріятное вызываетъ дѣятельность, служащую для достиженія его, не потому, что оно—пріятное, а обратно, оно — пріятное потому, что съ опредѣленной энергіей вызываетъ эту дѣятельность, потому, что оно — волевой стимулъ извѣстной степени развитія.

Непріятное—тѣ психофизіологическіе процессы, которые сопровождаются сознаніемъ непріятности. Таковымъ сознаніемъ, по моей гипотезѣ, сопутствуются психофизіологическіе процессы, вызывающіе черезъ ассоціацію волевой стимулъ избавляющаго акта. Но круговыя реакціи избавляющаго акта служатъ къ удаленію этихъ психофизіологическихъ процессовъ. И здѣсь, съ моей точки зрѣнія, непріятное вызываетъ дѣятельность, служащую къ удаленію его не потому, что оно—непріятное, а наоборотъ, оно потому и непріятное, что вызываетъ дѣятельность, служащую къ удаленію его, потому что оно вызываетъ волевой стимулъ избавляющаго акта. Итакъ, для моей теоріи не существуетъ трудности въ объясненіи связи между пріятнымъ и непріятнымъ и опредѣленными дѣятельностями.

4) Сознаніе пріятности или непріятности сопровождаетъ ощущенія опредѣленной интенсивности и продолжительности. Сознаніе пріятности большею частью сопровождаетъ ощущенія малой и средней интенсивности и продолжительности; сознаніе же непріят-

ности сопутствуетъ большею частью ощущеніямъ большой интенсивности и продолжительности.

Эти факты объясняются такимъ же образомъ, какъ и тотъ, что обыкновенно дѣятельности полезныя организму сознаются пріятными, а вредныя—непріятными. Весьма многія раздраженія при малой и средней интенсивности и продолжительности вызываютъ измѣненія организма, полезныя для него, а при большой интенсивности и продолжительности производятъ въ организмѣ измѣненія, ему вредныя. Понятно, что въ борьбѣ за существованіе должны побѣждать организмы, у которыхъ по условіямъ жизни психофизіологическіе процессы, производимые полезными измѣненіями, вырабатываются въ волевые стимулы, а психофизіологическіе процессы, результаты измѣненій вредныхъ, постоянно удаляются устраняющими актами. Такіе организмы будутъ жить дольше и дадутъ большое потомство. Вотъ почему мы въ громадномъ большинствѣ случаевъ замѣчаемъ, что ощущенія малой и средней интенсивности и продолжительности пріятны, ощущенія же большой интенсивности и продолжительности—непріятны.

5) Сознаніе пріятности или непріятности отдѣлимо отъ сознанія того, что является пріятнымъ или непріятнымъ.

6) Сознаніе пріятности можетъ быть присоединяемо къ тому, что является нейтральнымъ или даже непріятнымъ. Сознаніе непріятности можетъ быть присоединяемо къ тому, что является нейтральнымъ или даже пріятнымъ.

Нейтральный психофизіологическій процессъ послѣ многократнаго выполненія своихъ круговыхъ реакцій становится волевымъ стимуломъ опредѣленной степени развитія и тогда уже сопровождается сознаніемъ пріятности. Проходимость путей между центрами этого психофизіологическаго процесса и соотвѣтственными двигательными достигла надлежащей степени развитія, именно той, которая обусловливаетъ опредѣленное отношеніе этого волевого стимула къ другимъ одновременнымъ психофизіологическимъ процессамъ, отношеніе, сознаваемое какъ пріятность. Такъ сознаніе пріятности присоединяется къ нейтральному.

Когда при возникновеніи какого-либо нейтральнаго психофизіологическаго процесса выполняется актъ, устраняющій этотъ процессъ изъ сознанія, и когда такое совпаденіе возникновенія процесса съ его удаленіемъ повторится много разъ, между центрами процесса удаляемаго и центрами волевого стимула устраняющаго дѣйствія развивается крѣпкая ассоціаціонная связь: пути становятся очень проходимыми. Теперь этотъ психофизіологическій процессъ, возникнувъ, немедленно вызываетъ волевой стимулъ удаляющаго акта, а это обусловливаетъ сознаніе непріятности. Такъ сознаніе непріятности присоединяется къ нейтральному.

Пріятное—психофизіологическій процессъ, являющійся волевымъ стимуломъ опредѣленной степени развитія. Онъ стремится

выполнять свои круговыя реакціи. Если мы по какимъ-либо причинамъ, при возникновеніи такого волевого стимула, станемъ выполнять не его круговыя реакціи, а какой-либо актъ, устраняющій изъ сознанія этотъ волевой стимулъ, и будемъ такъ поступать очень часто, то между центрами волевого стимула пріятнаго дѣйствія и центрами волевого стимула удаляющаго акта, нами совершаемаго, пути станутъ дѣлаться, на основаніи закона ассоціаціи, все проходимѣе. Въ статьѣ «Что такое воля»? Я объяснилъ, какъ происходитъ столкновеніе волевыхъ стимуловъ. Вотъ именно такое столкновеніе мы и будемъ имѣть въ данномъ случаѣ. Волевой стимулъ пріятнаго акта и волевой стимулъ устраняющаго дѣйствія, присутствуя одновременно въ сознаніи, сталкиваются, вступаютъ въ борьбу, и осуществитъ свою мышечную работу волевой стимулъ побѣдитель. Чѣмъ чаще побѣдителемъ будетъ оставаться волевой стимулъ удаляющаго акта, тѣмъ болѣе и болѣе проходимость путей отъ центровъ волевого стимула пріятнаго акта къ центрамъ волевого стимула устраняющаго дѣйствія будетъ приближаться въ развитіи къ проходимости путей между центрами волевого стимула пріятнаго акта и соотвѣтственными двигательными. Такое уравниваніе въ проходимости и тѣхъ и другихъ путей обусловлено тѣмъ, что когда проходимость путей между волевымъ стимуломъ пріятнаго акта и волевымъ стимуломъ устраняющаго дѣйствія увеличивается, въ это же время проходимость путей отъ волевого стимула пріятнаго акта къ соотвѣтственнымъ мускуламъ не увеличивается. Не увеличивается же она потому, что, хотя импульсы и посылаются въ этомъ направленіи, они тормозятся на этихъ путяхъ неосуществленіемъ соотвѣтственныхъ круговыхъ реакцій. Волевой стимулъ пріятнаго акта, возникнувъ, посылаетъ теперь часть импульсовъ въ соотвѣтственные двигательные центры и часть въ центры волевого стимула удаляющаго дѣйствія. Получается такой результатъ, будто проходимость путей волевого стимула пріятнаго акта къ соотвѣтственнымъ двигательнымъ центрамъ уменьшается. А соотвѣтственно этому слабѣетъ и сознаніе пріятности въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ волевой стимулъ осуществляется. Если еще чаще при возникновеніи этого волевого стимула выполняется актъ удаляющій, то получается почти одинаковая проходимость путей отъ этого волевого стимула, какъ къ соотвѣтственнымъ двигательнымъ центрамъ, такъ и къ центрамъ волевого стимула устраняющаго дѣйствія. Соотвѣтственно этому такой столь рѣдко выполняемый волевой стимулъ изъ пріятнаго превращается въ нейтральный. Если и дальше при его возникновеніи будетъ продолжаться выполненіе устраняющаго дѣйствія, то проходимость путей отъ его центровъ въ центры волевого стимула удаляющаго акта станетъ превышать проходимость путей отъ его центровъ въ соотвѣтственные двигательные. Вслѣдствіе этого такой рѣдко выполняемый актъ при совершеніи своемъ окажется

слабо непріятнымъ. Еще чаще при возникновеніи этого волевого стимула будетъ совершаться актъ удаляющій—еще болѣе проходимость путей отъ центровъ волевого стимула рѣдко выполняемаго акта къ центрамъ волевого стимула устраняющаго дѣйствія станетъ превышать проходимость путей отъ первыхъ центровъ въ соотвѣтственные двигательные. Когда-то пріятный актъ теперь при выполненіи будетъ являться болѣе и болѣе непріятнымъ. Такъ отдѣляется сознаніе пріятности отъ сознанія того, что является пріятнымъ, и такъ присоединяется сознаніе непріятности къ тому, что является пріятнымъ.

Возьмемъ примѣръ. Человѣкъ сильно пристрастился ѣздить. Какъ бы ни было мало разстояніе до того мѣста, куда онъ долженъ прибыть, онъ нанимаетъ извозчика и ѣдетъ. Но вотъ врачъ прописалъ ему моціонъ. Теперь больной рѣшилъ ходить пѣшкомъ куда бы то ни было, если только не чрезмѣрно далеко. Сначала это ему очень тяжело. Въ его сознаніи происходитъ борьба волевыхъ стимуловъ «идти» и «ѣхать». Чѣмъ чаще побѣдителемъ будетъ оставаться волевой стимулъ «идти», тѣмъ привлекательность ѣзды будетъ становиться меньше, и меньше будетъ дѣлаться непріятность ходьбы. Далѣе, борьба волевыхъ стимуловъ будетъ очень короткой и слабой: волевой стимулъ «идти» слишкомъ легко и скоро оказывается побѣдителемъ. Наконецъ борьбы совсѣмъ нѣтъ: человѣкъ идетъ, не смущаемый волевымъ стимуломъ «ѣхать». При дальнѣйшей ходьбѣ дѣло дойдетъ до того, что даже если бы и можно и резонно было бы «доѣхать», нашъ субъектъ предпочитаетъ «пройтись».

Непріятное—психофизіологическій процессъ, вызывающій черезъ ассоціацію волевой стимулъ избавляющаго акта. Такой процессъ можетъ явиться въ числѣ эффектовъ какого-либо дѣйствія. Напримѣръ, мальчикъ изъ подражанія своимъ друзьямъ желаетъ научиться курить. Волевой стимулъ «нужно научиться курить» осуществляется: папироса взята въ ротъ, мальчикъ «затягивается». Нужно обратить вниманіе на слѣдующее: ощущенія отъ куренья у того, кто никогда не курилъ, сами—не волевой стимулъ, то есть не стремятся къ осуществленію, не посылаютъ импульсовъ въ соотвѣтственные двигательные центры. Волевымъ стимуломъ дѣйствія, въ результатѣ котораго получаются эти ощущенія, является сужденіе «нужно научиться курить»; сами же эти ощущенія—непріятны, то есть посылаютъ импульсы къ волевому стимулу избавляющаго акта «бросить папиросу» *). Происходитъ борьба

*) Между тѣмъ, что субъектъ никогда не курилъ, и тѣмъ, что ощущенія отъ куренья—непріятны и вызываютъ избавляющій актъ «бросить папиросу»,—нѣтъ противорѣчія. Въ ощущеніяхъ отъ куренья имѣются составныя части: горькій вкусъ и запахъ дыма; этотъ вкусъ и этотъ запахъ субъектъ испытывалъ въ прошломъ при другихъ обстоятельствахъ, не отъ куренья, и прибѣгалъ къ избавляющимъ актамъ. Вотъ эти-то со

волевыхъ стимуловъ «нужно научиться курить» и «бросить папиросу». Чѣмъ чаще побѣдителемъ въ борьбѣ будетъ оставаться волевой стимулъ «нужно научиться курить», тѣмъ болѣе и болѣе будетъ развиваться ассоціаціонная связь между ощущеніями отъ куренья и двигательными центрами выполняемаго акта. Въ статьѣ «Что такое воля»? Я объяснилъ, какъ образуются такія связи. Чѣмъ чаще будетъ выполняться актъ, дающій въ результатѣ непріятный психофизіологическій процессъ, тѣмъ больше будетъ увеличиваться проходимость путей отъ этого процесса въ двигательные центры совершаемаго дѣйствія. Проходимость же путей отъ непріятнаго психофизіологическаго процесса къ центрамъ волевого стимула избавляющаго акта, при неисполненіи этого послѣдняго, не будетъ увеличиваться, такъ какъ посланные въ этомъ направленіи импульсы тормозятся неосуществленіемъ соотвѣтственныхъ круговыхъ реакцій. Непріятный психофизіологическій процессъ теперь будетъ кромѣ своихъ импульсовъ къ волевому стимулу избавляющаго акта посылать импульсы къ двигательнымъ центрамъ мышцъ, его осуществляющихъ. Однимъ словомъ онъ дѣлается волевымъ стимуломъ. Получается такой результатъ, будто проходимость путей отъ непріятнаго психофизіологическаго процесса къ волевому стимулу избавляющаго акта слабѣетъ. Соотвѣтственно этому уменьшается и сознаніе непріятности этого процесса. Его свойства какъ волевого стимула остаются скрытыми до тѣхъ поръ, пока проходимость путей отъ его центровъ къ соотвѣтственнымъ двигательнымъ не превзойдетъ проходимости путей отъ его центровъ къ центрамъ волевого стимула избавляющаго акта. Это и понятно: пока первая проходимость не превзойдетъ вторую психофизіологическій процессъ будетъ посылать больше импульсовъ къ волевому стимулу избавляющаго акта, чѣмъ къ двигательнымъ центрамъ своего самоосуществленія. Когда обѣ проходимости сравняются, психофизіологическій процессъ утратитъ сопровождавшее его сознаніе непріятности и станетъ нейтральнымъ. При дальнѣйшемъ повтореніи дѣйствія, дающаго въ результатѣ этотъ психофизіологическій процессъ, онъ дѣлается все болѣе и болѣе сильнымъ волевымъ стимуломъ и начнетъ являться болѣе и болѣе пріятнымъ. Когда сознаніе пріятности его станетъ вполнѣ ясно выраженнымъ, это значитъ, что волевой стимулъ достигъ надлежащей средней степени своего развитія. И въ вышеприведенномъ примѣрѣ волевой стимулъ «нужно научиться курить» послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго періода столкновеній съ волевымъ стимуломъ «бросить папиросу» будетъ выполнять свои круговыя

ставныя части и дѣлаютъ весь комплексъ ощущеній отъ куренья непріятнымъ. Папиросу субъектъ въ прошломъ не бросалъ изо рта, но выплюнуть, выбросить изо рта источникъ сквернаго вкуса — постоянный и обыкновеный способъ избавляться отъ непріятныхъ ощущеній во рту.

реакціи вполнѣ безпрепятственно и наконецъ начнетъ мало по-малу сопровождаться при своемъ осуществленіи сознаніемъ пріятности. Такъ отдѣляется сознаніе непріятности отъ сознанія того, что является непріятнымъ, и такъ присоединяется сознаніе пріятности къ тому, что является непріятнымъ.

7). Сознаніе пріятности или непріятности никогда не возникаетъ отдѣльно, не соединеннымъ съ сознаніемъ того, что является пріятнымъ или непріятнымъ.

Такъ какъ въ видѣ пріятности или непріятности мы сознаемъ отношеніе психическихъ процессовъ содержанія къ другимъ одновременнымъ, то понятно, что такое отношеніе не можетъ возникнуть безъ этихъ процессовъ.

Надѣюсь, читателю не трудно будетъ согласиться, что моя теорія сознанія пріятности или непріятности чего-либо объясняетъ всѣ извѣстные, хорошо установленные относительно пріятныхъ и непріятныхъ состояній, факты безъ натяжекъ и противорѣчій. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы отвѣтили и на первоначальный вопросъ этой статьи: каковы отношенія пріятнаго и непріятнаго къ волевымъ процессамъ. Разъясняя съ моей точки зрѣнія вышеуказанные, хорошо установленные факты, я высказалъ все основное насчетъ отношеній пріятнаго и непріятнаго къ волевымъ процессамъ.

М. Колоколовъ.

НА ХУТОРѢ.

Полдень. Солнце жжетъ лицо и руки, жжетъ неоглядную степь и заливаетъ ее моремъ свѣта, отъ котораго болятъ и жмурятся глаза. Подъ ногами чувствуется упругое сопротивленіе педалей шумящаго по пыли велосипеда.

Надъ головой недвижно распластался коршунъ и стоитъ въ небѣ темнымъ зигзагомъ. Кажется, я вижу поджатыя разбойничьи лапы и острый глазъ. Зной сдѣлалъ лѣнивыми и неуклюжими всѣхъ тварей, и рыжій хищникъ неутомимо ищетъ добычи—медленно взмахиваетъ крыльями и плыветъ надъ горячей степью къ далекимъ курганамъ.

У дороги стоитъ сѣрымъ столбикомъ сусликъ. Свиснулъ, на секунду замеръ и нырнулъ въ норку, мелькнувъ короткимъ обрубленнымъ хвостикомъ.

Небо побѣлѣло, и воздухъ и степь замутились легкой бѣлесой мглой. Выколосившіеся хлѣба кланяются далеко уходящими волнами.

Перевалъ. Дугой отступаютъ гребни съ круглыми вершинами, и, спускаясь съ нихъ, степь огромной котловиной сбѣгаетъ къ желтѣющей пескомъ рѣкѣ. Недвижно, ласково-прохладной гладью сверкаетъ Донъ, лѣниво потянувшись въ песокъ длинными закосками. За нимъ лѣсъ, закрапленный, какъ серебряными бляхами, озерами, потомъ лугъ, опять лѣсъ—и такъ до синихъ горъ на горизонтѣ.

Внизу по сѣрому косогору широко разсыпалась станица. Пусто и сонно. Даже не брешутъ собаки. Спитъ подъ палящимъ солнцемъ подслѣповатая облупленная церковь. Спятъ, закрывъ ставни, высокіе, точно на цыпочкахъ, курени. Кое-гдѣ изъ-за плетня глянетъ, прикрывая рукой глаза, баба въ красномъ платочкѣ, и гдѣ-то, какъ воробьи, шумятъ и возятся ребятишки.

Изъ-подъ завалившагося плетня вылетаетъ черная собаченка, длинная и круглая, какъ обрубокъ. Мелькая ножками, захлебываясь хриплымъ лаемъ, она несется подъ са-

мымъ колесомъ велосипеда. Какъ по сигналу, со всѣхъ сторонъ выскакиваютъ большія и малыя собаки. И подъ этимъ проворнымъ, хватающимъ за ноги конвоемъ, среди лая и гама, въ тучахъ горячей известковой пыли, я молніей пролетаю по пустынной улицѣ.

Съ низины, съ рѣки, тянетъ влагой. Подъ унылыми сѣрыми шапками размытыхъ обрывовъ дорога виляетъ вдоль луга съ мочежинами. Мелькаютъ вербы надъ пересохшимъ озерцомъ. Голые ребятишки ловятъ раковъ. Завидя меня, пускаются наперерѣзъ съ пронзительными криками, сверкая на солнцѣ мокрыми тѣлами.

Впереди чернѣютъ тополя въ левадахъ хутора, сѣвшаго въ устьяхъ широкой балки.

Слава Богу... Привалъ!..

Мы пили чай въ низкой горницѣ. Уголъ надъ столомъ занимали иконы съ темными ликами стараго письма, царскіе портреты и размалеванныя картины морскихъ и сухопутныхъ битвъ. Широкая кровать съ горой цвѣтныхъ подушекъ занимала треть комнаты. На столѣ тоненько шумѣлъ старый, печально покосившійся самоваръ. Въ поднятое оконце глядѣла гаснувшая заря и тянулся лѣнивый шумъ и мычаніе скотины.

— Кушайте, кушайте! — повторяла Антипьевна, зорко слѣдившая за нашими стаканами.

Крѣпкая старуха, съ бронзовымъ морщинистымъ лицомъ и длинной верхней губой, успѣваетъ поить насъ чаемъ, гонять съ кровати Оську и Ванятку, прокаленныхъ солнцемъ, черныхъ, какъ галчатъ, внуковъ, наблюдать въ окошко за улицей, и вообще она подвижна и проворна, какъ настоящая степная казачка.

— Кушайте, кушайте на здоровье!

Мы съ хозяиномъ „кушаемъ“, отгрызая крошечные кусочки сахару. Онъ только что вернулся съ поля, гдѣ остались на ночевку жена и старшая дочь. Жгучій зной высушилъ внутренности, и мы, заливая острую жажду, глотаемъ стаканъ за стаканомъ и вытираемъ полотенцемъ льющійся потъ. Впрочемъ, мы дѣлаемъ это съ достаточной солидностью и ведемъ не менѣе солидный разговоръ.

— Да,—говоритъ Ѳедоровичъ, отдуваясь и поглаживая рыжую бороду.—Какъ говорится: слава казачья, а жизнь собачья. Вотъ, къ примѣру сказать, бывалыча, дѣды наши землю пахали. Выйдетъ въ степь - глазомъ не оглядишь! Паши, сдѣлай милость, гдѣ хочется. А теперя въ нашей станицѣ пай — 9 десятинъ. Вотъ какое дѣло. Повернуться

некуда, чижало. Народу прибавилось, все, какъ бы сказать, родятся новые, а землица-то одна, все одна, матушка.

Онъ вдругъ отодвинулъ стаканъ и сталъ обтирать усы черной потрескавшейся рукой. Дѣло въ томъ, что чай и сахаръ были отъ меня, и Ѳедоровичъ по этикету вѣжливости остановился, примѣрно, на пятомъ стаканѣ. Пришла моя очередь угощать.

— Кушайте, кушайте, пожалуйста!

Послѣ нѣкотораго сопротивленія съ его стороны мы снова пили чай, усердно обтираясь полотенцемъ.

Становилось темно, и Антипьевна зажгла жестяную лампу съ засиженными мухами стекломъ. Потемнѣли и затуманились сумерки за окномъ.

— Здорово дневали!..

Въ комнату вошла тихая высокая женщина, поклонилась и сѣла на лавку у дверей.

— Слава Богу. Садись, Семеновна, испей чайку... больная моя...

Хозяйка проворно стала расчищать для гостьи уголъ стола. Та такъ же тихо подошла и сѣла къ столу.

Это была еще не старая, но уже покрытая морщинами женщина, съ красивымъ, но блѣднымъ подъ загаромъ лицомъ. На меня вдругъ глянули огромные провалившіеся, зіявшіе жуткой глубиной глаза. Что-то усталое и безумное было въ нихъ, что-то неустанно горѣло въ ихъ глубинѣ. И было ясно, что въ этомъ внутреннемъ огнѣ должно сгорать все существо человѣка. Неподвиженъ былъ этотъ взглядъ, и казалось, что она переводитъ его съ огромнымъ напряженіемъ.

Она медленно пила чай, а я, пораженный, продолжалъ смотрѣть на нее, не отрываясь.

—Тоскуетъ,—сказала Антипьевна, замѣтивъ мой взглядъ.— Сынка взяли во второй очереди. Вотъ она по сынку-то и затосковала... больная моя...

Она, подперевъ подбородокъ, жалостливыми глазами смотрѣла на Семеновну. А та не пошевельнулась, какъ будто рѣчь шла о другомъ человѣкѣ.

— Чистое горе!—говорилъ хозяинъ.—Какъ это взяли третью очередь—ну, и остались у насъ старый да малый Кто царю не годится да работать не могётъ, тотъ, значитъ дома. Однѣ теперя, значитъ, бабы отдуваются. Ишь ты, какое дѣло. Какъ это въ Рассеѣ бунтъ, сейчасъ за казаковъ. Сослужили службу—теперя, значитъ, сослужите еще въ одинъ конецъ, по усмиренію бунта.

— Да, другъ мой, Ѳедоровичъ,—сказалъ я,—дѣло неважное... Много казаки загубили народу... Вѣрно... И кля-

нутъ же ихъ въ Россіи!.. Послушали бы вы, Ѳедоровичъ, какъ клянутъ... Тамъ—что казакъ, что звѣрь. Заодно живодеромъ идетъ. Хуже разбойниковъ считаютъ.

— О?—сказалъ Ѳедоровичъ и покачалъ головой.—Ишь ты дѣло какое!.. Обижаютъ, значитъ?.. Куды-жъ тутъ!.. Противъ казаковъ никто не могетъ стать. Какъ бунтъ, такъ за казаковъ. Къ примѣру сказать, третью очередь выгнали! Одну бабу оставили. Вѣдь это что же такое!..

Я смотрю на него. На широкомъ заросшемъ, увѣренно-спокойномъ лицѣ гдѣ-то прячется лукавая насмѣшка. Легкой ироніей пробивается она и въ спокойномъ голосѣ. Впрочемъ, это—легкая, незлобивая насмѣшка. Такая бываетъ, когда человѣку говорятъ о пустякахъ, или оборачиваютъ важное дѣло пустой его стороной.

Въ комнату мало-по-малу набивался народъ, главнымъ образомъ, мальчата и дѣвченки, которые пришли посмотрѣть на человѣка, прискакавшаго „на колесѣ“. Сидѣли смирно и смотрѣли намъ въ ротъ.

Ѳедоровичъ, наконецъ, опрокинулъ пустой стаканъ на блюдечко и на дно положилъ обгрызенный кусочекъ сахару, круглый, какъ орѣхъ. Неторопливо поднялся съ лавки, перекрестился двуперстнымъ крестомъ и поклонился мнѣ.

— Спаси Христосъ!

Въ свою очередь, и я отдалъ, сколько нужно, поклоновъ и поднялся изъ-за стола.

Въ горницу стремглавъ вбѣжала маленькая босоножка съ черными растрепанными волосенками. Увидя меня, она остановилась, какъ вкопанная.

— Что, дѣвка, или испужалась?—сказалъ Ѳедоровичъ, погладивъ ее по головѣ большой заскорузлой рукой, и я замѣтилъ, что на рукѣ не было двухъ пальцевъ.

— Дяденька,—торопливо заговорила дѣвочка, не сводя съ меня черныхъ глазъ.—Тетенька тута?

— Тута. Вонъ она чай пьетъ.

— Иди, тетенька, батяня кликалъ. Наши съ поля пріѣхали.

Семеновна поднялась, дѣвочка взяла ее за руку, и онѣ вышли. Антипьевна крестила и провожала до дверей.

— Иди, больная моя, Господи Іисусе Христе...

— Тоскуетъ,—говорилъ Ѳедоровичъ, стоя среди комнаты и поправляя ременный поясъ.—Днемъ, вотъ, такъ мѣста себѣ не найдетъ. А ночью ходитъ, всю ночь,—сама спитъ, а сама ходитъ. Вотъ оно какое дѣло.

Онъ помолчалъ и обернулся ко мнѣ съ улыбкой, сощуривъ глаза.

— Вотъ вы, теперича, сказали, что казаки, какъ ни на есть—звѣри, скажемъ... разбойники...

— Не я говорю, Ѳедоровичъ, не я: народъ говоритъ.

Но онъ продолжалъ все съ той же улыбкой и такъ же спокойно.

— Нешто же мы, скажемъ, кровожады какіе али душегубы? Нешто креста нѣту? Ну, а только теперя, какъ пошелъ непорядокъ и бунтъ, то, значитъ, какъ казакъ несетъ присягу передъ крестомъ и евангилемъ, и приказъ отъ начальства: бей!—и конецъ. Вотъ оно какое дѣло. Какъ бы сказать, бунтуются противъ царя и отечества. И, къ примѣру, взяли третью очередь. Вѣдь это что-жъ!.. Погибель наша!.. Одна баба осталась за всѣхъ... Вотъ оно, какое дѣло.

Я внимательно слушалъ, стараясь уловить его съ трудомъ продиравшуюся мысль.

— А вотъ послушайте, Ѳедоровичъ. У васъ на Дону семь лѣтъ назадъ тоже бунтъ былъ. За скотину - помните?

— Такъ точно. Случилось, бунтовали бабы, етеринара побили.

— Ну вотъ, видите! И присяга не помогла. За свое добро и противъ начальства стали.

— Правильно. Было это. Такъ вѣдь энто бабы бунтовали. Баба—она вѣдь неприсяжная, ей это ничего. А казаки не трогались. И теперича сказать—скотина здоровая, скажемъ затосковала, и онъ, этотъ етеринаръ, выводитъ ее и, значитъ, на убой...

— Ну, вотъ! Такъ какъ же вы за это самое мужиковъ бьете?!.

Ѳедоровичъ усмѣхается. Присяга! Приказъ отъ начальства! И я гляжу на этого спокойнаго человѣка, и за его корявыми, трудно идущими словами я чувствую гдѣ-то тамъ, въ тайникѣ души, ясную и крѣпкую мысль. Здѣсь своя собственная, обособленная, по своему глубокому укладу сложенная, жизнь—среди вольныхъ степей, на крѣпкомъ, еще не тронутомъ раззореніемъ хозяйствѣ. Думаетъ она все посвоему, показывая мнѣ одни кончики, оффиціальныя и ровно ничего не говорящія слова.

Стояла мягкая южная ночь. Со свѣта показалось совсѣмъ темно. Пахло скотиной и сѣномъ.

Но когда глаза привыкли, оказалось, что ночь наполнена тонкимъ разсѣяннымъ свѣтомъ звѣздъ, и сами онѣ сверкали въ глубинѣ высокаго черно-бархатнаго неба, какъ огромные живые брилліанты. Отчетливо выступили контуры построекъ.

Подъ сараемъ фыркаетъ лошадь и слышится голосъ хозяина. Еще откуда-то совсѣмъ близко доносится равномѣрная жвачка и шумное дыханіе коровъ.

Я опускаю руку за низкій плетень и нащупываю пушистую шею, рогатую голову, длинныя рѣсницы закрытыхъ глазъ и холодный мокрый носъ. Жвачка смолкаетъ, носъ тычется въ руку, съ шумомъ втягиваетъ воздухъ и, обдавъ его цѣлой бурей горячаго дыханья и оставивъ мокрые слѣды, исчезаетъ. И снова возобновляется равномѣрная жвачка.

На улицѣ спокойно. Не видно огней. Только кое-гдѣ на левадахъ пѣсни и крики ребятишекъ. Но за то, не смолкая и заполняя ночь звонкими голосами, брѣшутъ отоспавшіяся за день собаки. Послѣ крѣпкой работы и жаркаго дня люди спѣшатъ спать—до зари. Только изъ нашего окна падаетъ на улицу полоса свѣта, и слышны голоса.

Я сѣлъ на завалинку и прислушался. А!.. Это Антипьевна своимъ толстымъ, но теперь пріобрѣтшимъ странную нервозность голосомъ разсказываетъ страсти, и публика слушаетъ, затаивъ дыханіе. Одна изъ таинственно-черныхъ исторій, какъ тѣ чернѣющія массы тополей,—цвѣтокъ мрачной фантазіи въ мирно плывущей казацкой жизни.

— А отецъ Алексѣй—царство ему небесное!—говоритъ: „грѣхъ такъ убиваться, Ивановна. Отслужится и вернется, слава Богу“. А она, больные мои, желтая стала—все убивается, все по сынку тоскуетъ. Вотъ разъ это повечеряла, сидитъ въ куренѣ. А на дворѣ темень, вѣтеръ—вотъ какой!. Задула огонь, легла спать, и... кубыть, ходитъ кто возлѣ дверей. Потомъ постучался.—„Кто тамъ?“—„Впущай, маменька, на побывку пріѣхалъ“. Кубыть, сыночекъ: „на побывку пустили“. Отворила дверь,—а тамъ сынокъ стоитъ, смѣется.—„Что, говоритъ, маманя, не ждала?“—„Какъ же это тебя отпустили?“ Онъ это ей разсказываетъ, больные мои, что полковой командиръ отпустилъ. Съ одной станицы были.—„Только я, маманя,—говоритъ,—у тебя не буду жить. Пущай никто не знаетъ, что я пріѣхалъ. Смотри, никому не сказывай“.—„А гдѣ-жъ ты, сыночекъ, жить будешь?“—„Я,—говоритъ,—маманя, живу на болотѣ подъ кочкой“. Она это вынула изъ печки щи, молочко, пирога принесла. „Кушай, сыночекъ!“ Онъ это, кубыть, голодный,—поѣлъ. А какъ пропѣли пѣтухи, сталъ собираться. „Смотри,—говоритъ,—маманя, не подглядывай, куда я пойду“. Какъ ушелъ, Ивановна тутъ и уснула. А на утро проснулась—на столѣ и щи, и молочко, и пирогъ — все цѣлое, больные мои!.. Вотъ сталъ онъ ходить къ ней кажную ночь. Поѣстъ— а на утро все опять цѣлое. А самъ строгій сталъ—кричитъ

да топаетъ. Стали сосѣдки за Ивановной примѣчать. Цѣльную ночь у ей огонь горитъ, а днемъ сама не своя. Сказали отцу Алексѣю, а онъ велѣлъ ее въ церкву позвать. Это, значитъ, на утро въ церкву, а ночью опять сынокъ пришелъ—и-и!.. Страшный, больные мои!.. Лицо синее, зубы оскалилъ.—„Ага!—говоритъ,—тебя попъ звалъ!.. Гляди, не ходи, а пойдешь—загрызу". Утромъ зашла сосѣдка, повела къ батюшкѣ. Онъ положилъ руку на голову, сталъ читать молитву. А она плачетъ—заливается, больные мои. „Не могу,—говоритъ,—батюшка, сказывать, *онъ* не велѣлъ!..". Батюшка уже зналъ, какая тутъ причина, отслужилъ молебенъ, покропилъ въ куренѣ святой водицей, научилъ молитву отъ бѣсовъ и велѣлъ не откликаться. А на дверяхъ кресты поставилъ. Къ вечеру батюшка опять навѣщался. „Что,—говоритъ,—лежишь?" А она плачетъ, больные мои: „Сынка, батюшка, жалко!.."—„Дура, какой это сынокъ!.. Это бѣсъ ходитъ!.. А ты лежи, читай молитву. Бѣсъ, онъ хоть и лукавый, а черезъ крестъ лапой не достанетъ. Вотъ ушелъ это батюшка, а Ивановна прибралась и легла спать".

— Это вы здѣсь?—вдругъ окликнулъ меня изъ-за плетня голосъ хозяина.—А я васъ искалъ, думалъ—съ дорожки ужъ и спать захотѣлось.

Его густой спокойный голосъ весело и бодро звучитъ въ ночномъ покоѣ, а въ комнатѣ, ворвавшись черезъ окно, производитъ цѣлый переполохъ. По стеклу и черезъ улицу прыгаютъ и тянутся тѣни.

— Вотъ слушаю разсказы,—говорю я.

— А-а!.. Какъ бы сказать, антиресно, въ диковину... Наши-то бабы охотницы, куды тебѣ!

На его лицѣ, скрытомъ темнотой, бродитъ легкая улыбка.

— Не спится ей, больные мои,—продолжаетъ разсказчица.—Слышитъ—то ли воетъ кто, то ли причитаетъ.. то ли вѣтеръ... Кубыть, много людей идутъ и никакъ не пройдутъ мимо куреня... И таково, говоритъ, мнѣ страшно стало, и молитву забыла. Потомъ тихонечко такъ постучался... Это—*онъ*: „Пусти, маманя, твой сыночекъ съ холоду пришелъ, обогрѣй меня!.." А она молчитъ, больные мои, а у самой сердце упало. А онъ опять: „Тосковалъ по тебѣ, маманя, тоской смертною, пусти сыночка, обласкай—приголубь!.." Заплакала она горькими слезьми. А онъ какъ закричитъ: „Отворяй, мать, все равно самъ войду, голову сгрызу!.." И завылъ, завылъ, какъ волкъ, больные мои!.. Схватилъ у крыльца—аграмадный камень лежалъ, ка-акъ бацнулъ въ двери!.. Куренекъ-то махонькій былъ, гляди—развалится. А онъ ходитъ округъ куреня, ругается всякими словами. Въ одну душу: „пусти!"—больные мои! „Будь ты проклята, мать

моя, такая-сякая, я,—говоритъ,—попляшу съ тобой подъ мельницей!..“ А потомъ подошелъ и сталъ бить въ дверь, какъ молоткомъ: „отворяй, мать!“ Какъ услыхала она это слово, встала она, больные мои,—къ двери... Господи, Іисусе Христе!..

Хозяинъ, стоявшій за плетнемъ, густо откашлялся, скрипнулъ калиткой и очутился въ полосѣ свѣта.

— А я вамъ разскажу, какъ нонче Савельичъ привезъ старухѣ гостинецъ,—заговорилъ онъ, щурясь отъ свѣта и играя гдѣ-то около глазъ и усовъ лукавыми морщинками.— Вчерась повезъ онъ на ночь на Дуткинъ хуторъ корыто вишенъ, продалъ на базарѣ, увязалъ корыто въ полость и зашелъ въ трактиръ къ Захаркѣ. А у Захарки сдохъ желтый кобель. Работникъ выволокъ на площадь и бросилъ. Какъ разъ ѣхалъ засѣдатель. Смотритъ—кобеля на солнцѣ раздуло, по всему базару продохнуть нельзя. Что за порядки такіе!.. Позвать полицейскихъ казаковъ!.. „Какъ вы, сукины сыны, такіе-сякіе, не смотрите!.. Сейчасъ убрать кобеля!.. Волоките его въ степь!..“ И поѣхалъ на постоялый. Собрались полицейскіе, молодые ребята. Не хотится имъ кобеля въ степь тащить. Одинъ говоритъ: „Стой, ребята, давай дѣду гостинца положимъ!..“ Развязали веревки, положили въ корыто кобеля, закрыли полостью, завязали опять—готово дѣло! Теперь, говорятъ, надо дѣда скорѣе спровадить.— Пошли въ трактиръ. „Здорово, дѣдъ, ты что это на базаръ привозилъ?“—„Вишенку“—„А ну-ка, давай разрѣшеніе!..“— „Какое разрѣшеніе?..“ — „Да ты зубы не заговаривай!.. Не слыхалъ, что по случаю, какъ бы сказать, холеры, разрѣшеніе на фрукты требуется?..“. Дѣдъ испугался, а они прошептались промежъ себя и говорятъ:—„Ну, вотъ что, дѣдъ, ставь сороковку, да убирайся скорѣй съ глазу долой!.. А то сейчасъ, братъ, представимъ къ засѣдателю, онъ те погладитъ!..“ Дѣдъ поскрипѣлъ-поскрипѣлъ, поставилъ-таки сороковку. А они смѣются, еще и въ зашеи ему помаленьку надавали. Выѣхалъ дѣдъ въ степь, а кобеля распарило, и такой отъ него духъ пошелъ, что усидѣть нельзя... А дѣда-таки отъ жары развезло, и не можетъ онъ понять, откуда это. Всю дорогу тошнило. Пріѣхалъ домой, ёле живой.—„Ну,—говоритъ,—бабка, я совсѣмъ захворалъ“. А она страсть какъ не любитъ, когда онъ водку пьетъ. Подошла къ нему и учуяла, что онъ выпимши.—„Избей тебя болячка, въ какомъ кабакѣ захворалъ?..“.—„Нѣтъ,—говоритъ,—бабка, меня всю дорогу тошнило...“—„Жалко, что не вывернуло... Иди спать, глиняный статуй!..“ Пошла бабка распрягать лошадь, стала полеть развязывать—и таково на нее пахнуло... Что за чудо такое!.. Отвернула полеть—а кобеля изъ корыта горой

выперло, зубы оскалилъ—смотритъ на бабку... Ахнула бабка и побѣжала дѣда бить.—„Ты,—говоритъ,—старый дуракъ, мнѣ корыто запоганилъ!..“ А дѣдъ ей говоритъ: „А мнѣ что!.. Они хоша би тебя въ корыто завязали, я бы и тебя привезъ!..“.

Въ комнатѣ стоялъ хохотъ, гамъ и пискъ ребячьихъ голосовъ. Разсказчикъ обернулся въ мою сторону, отбрасывая черезъ улицу длинную тѣнь. Ясными стали глаза въ лучистыхъ морщинахъ, блеснули бѣлые зубы, широкое заросшее лицо засвѣтилось веселой улыбкой.

— —

Я спалъ на упругомъ пахучемъ сѣнѣ. Небо мягко и бездонно чернѣло надо мной, и звѣзды играли далекими огнями и смотрѣли прямо въ глаза, пока усталость не сомкнула вѣкъ. Опрокинулъ и крѣпко охватилъ свѣжій дорожный сонъ.

Прошло сколько-то времени. И вотъ, среди сна и спокойствія, я вдругъ почувствовалъ непривычно-странное движеніе или звуки—и проснулся. Сонъ сбѣжалъ, сила и настороженность чувствовались въ тѣлѣ, но еще не успѣла проснуться и понять, въ чемъ дѣло, голова.

Свѣтлѣетъ. Сѣро-голубое небо, и на немъ нѣсколько бѣлыхъ пропадающихъ звѣздъ. И рѣзкое звяканье бубенчиковъ и подвязанныхъ колокольцевъ.

Я быстро поднимаюсь. Черезъ низкій плетень на меня внимательно смотритъ коровья голова влажно-черными задумчивыми глазами. Слышится равномѣрный торопливый звукъ брызжущаго изъ вымени молока. Посреди двора Ѳедоровичъ съ покряхтываніемъ закатываетъ арбу оглоблями къ воротамъ. Съ улицы, съ левадъ несутся голоса, ревъ скотины, весь веселый шумъ ранняго утра вмѣстѣ съ горьковатымъ запахомъ дыма. Надъ левадами блѣдная полоска зари.

— Ну, что?. Отдохнули?—съ ласковымъ вниманіемъ спрашиваетъ меня Ѳедоровичъ.

Онъ останавливается и прислушивается къ звяканью бубенцовъ.

— Опять засѣдателя принесло!..

Бубенцы быстро приближаются, и скоро изъ-за куреня, наполняя воздухъ разсыпчатымъ бряканьемъ, показывается тройка, бородатый мужикъ въ армякѣ на козлахъ и густо запыленный тарантасъ. У воротъ круто осадили. Изъ тарантаса выглянула жирная фигура въ засѣдательской фуражкѣ и сѣромъ кителѣ. Лицо сердитое, съ маленькими властными

глазами. По желтымъ, сплывшимъ на шею щекамъ растутъ жидкіе кустики.

— Эй, ты!..—кричитъ онъ Ѳедоровичу и машетъ жирной рукой.

Изъ-за коровьей головы показывается Антипьевна. Она смотритъ въ ворота и торопливо вытираетъ руки объ юбку. Ѳедоровичъ давно бросилъ арбу и бѣжитъ черезъ дворъ, и я съ трудомъ узнаю въ этомъ торопливо бѣгущемъ человѣкѣ своего спокойнаго и привѣтливаго хозяина.

— А вы что-жъ?!.. Опять за старое, сукины сыны!!—кричитъ засѣдатель необыкновенно рѣзкимъ и пронзительнымъ голосомъ, покрывающимъ всѣ утренніе звуки. — А?.. Подѣлили, сукины сыны, и опять?!.. А?!..

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, такъ что Нефодей Сачковъ отлучался, какъ бы сказать, съ хутора и видѣлъ этихъ самыхъ, какъ бы сказать...—говоритъ Ѳедоровичъ и стоитъ передъ сердитымъ начальствомъ, руки по швамъ, не спуская глазъ.

Лошади фыркаютъ и потряхиваютъ головами, разсыпая веселые переливчатые звуки. Кучеръ перебираетъ возжами и нагибается съ козелъ, заглядывая конямъ подъ брюхо.

— Подлецы!..—кричитъ засѣдатель, съ багровымъ отъ натуги лицомъ. Онъ брыжжетъ на смиренно вытянувшагося Ѳедоровича слюной и сучитъ руками у самой его физіономіи.

Однако, всему бываетъ конецъ. Засѣдателевы бубенцы гремятъ уже за левадами, а Ѳедоровичъ степеннымъ шагомъ возвращается къ своей арбѣ. Я съ любопытствомъ и, пожалуй, съ нѣкоторымъ злорадствомъ всматриваюсь въ его лицо. Ничего. Видъ обычно спокойный. И принимается за прерванную работу, какъ ни въ чемъ ни бывало.

— А начальство у васъ сердитое,—говорю я.

Ѳедоровичъ усмѣхается.

— Горластый онъ, засѣдатель-то... Пріѣдетъ, нашумитъ: ахъ вы... ахъ вы, сякіе-такіе!.. Это онъ всегда.

— А чего онъ сегодня кричалъ?

— За лѣсъ. Лѣсъ тамъ наши порубили, станичный. Такъ вотъ онъ...

И помолчавъ, прибавилъ:

— Лѣса-храненіе... Законъ такой. Чтобы мы, значитъ, своего лѣса не рубили. Скажи на милость наше добро да отъ насъ же берегутъ!

— Ну, счастливо оставаться!

— Счастливаго пути!..

— Такъ вы уже тамъ влѣво забирайте, по-надъ балкой... все въ лѣвую руку...

Съ отчаяннымъ лаемъ, поднимая осѣвшую за ночь пыль, несутся со всѣхъ сторонъ собаки. Я въ послѣдній разъ оглядываюсь. Все стоятъ и смотрятъ вслѣдъ. Я нажимаю педали. Легкій поворотъ — и я мчусь по узкой улицѣ между двумя темно-зелеными стѣнами тополей.

Теперь дорога идетъ все въ гору, опять на гребни. Быстро свѣтлѣетъ. За шпилемъ, пожалуй, уже показалось солнце. Опять открывается холодно блещущій Донъ, за нимъ — лѣсъ и синія далекія горы.

А внизу, далеко позади, надъ левадами поднимаются сизые дымки. Движутся крошечные люди и лошади. А потомъ и курени и левады сливаются въ одно зеленое гнѣздо.

И снова степь съ далекими синѣющими гребнями, запахъ полынки, свистъ суслика и синее небо.

Тихій Донъ...: хутора и станицы, сидящіе въ степяхъ... вольная казацкая жизнь, спокойно-лѣнивое теченіе, нарушаемое лишь отзвуками бунта изъ „Рассеи...“ Какъ отъ бушующаго центра расходятся далекіе круги и плещутъ въ затерянные сонные берега... И тоскующія матери съ провалившимися недвижными глазами, и зловѣщая нечисть, обвѣвающая эти муки тяжелымъ ужасомъ...

А велосипедъ, съ характернымъ шуршаніемъ, все бѣжитъ по дорогѣ, оставляя за собой свѣтло-сѣрый легкій пыльный слѣдъ.

Вен. Дубовской.

Борьба труда и капитала въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Исторія рабочаго и, въ частности, соціалистическаго движенія въ Сѣверо-Американской республикѣ имѣетъ большое и теоретическое, и практическое значеніе. Масштабъ, въ которомъ совершается борьба между трудомъ и капиталомъ на обширной и богатой всевозможными естественными продуктами территоріи республики; энергія и предпріимчивость колоссальнаго населенія; интенсивность, съ какою развивается капиталистическое производство въ области промышленности, земледѣлія, торговли; обнаженность великаго соціальнаго вопроса отъ политическихъ «фиговыхъ листковъ», которыми столь часто прикрывается въ Старомъ Свѣтѣ соціальная война имущихъ и неимущихъ; импульсивность и огромность собственно рабочаго движенія и слабое и зигзагообразное развитіе соціализма,—всѣ эти и имъ подобные вопросы не могутъ не интересовать въ высокой степени какъ практическаго соціальнаго реформатора, такъ и теоретика, стоящаго на почвѣ міровоззрѣнія труда.

Указать на нѣкоторыя особенности американскаго рабочаго движенія, извлечь изъ ихъ разсмотрѣнія, путемъ проведенія параллелей и контрастовъ между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, кой-какіе теоретическіе выводы и кой-какіе практическіе уроки—такова цѣль этой статьи. Поводомъ къ ея написанію служитъ недавнее появленіе въ русскомъ переводѣ двухъ сочиненій: «Исторіи соціализма въ Соединенныхъ Штатахъ» Мориса Хилкуита и «Рабочаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ» Ф. Зорге. Первая изъ нихъ, въ своемъ четвертомъ изданіи, съ котораго и сдѣланъ русскій переводъ, доводитъ читателей до 1903 г. Вторая, составившаяся изъ рядъ статей, которыя помѣщались въ штутгартскомъ «Neue Zeit», обрывается на 1891 г. И та, и другая написаны людьми, принадлежащими къ категоріи учениковъ Маркса. Но оба автора, лично участвующіе въ американскомъ движеніи (Зорге, какъ извѣстно, умеръ въ концѣ прошлаго года), сообщаютъ много

интересныхъ фактовъ, могущихъ какъ разъ служить коррективомъ тѣхъ тенденціозныхъ обобщеній и преувеличеній въ духѣ марксизма, которыя характеризуютъ черезчуръ вѣрныхъ послѣдователей доктрины. Разумѣется, при случаѣ я буду пользоваться и другими находящимися подъ рукою сочиненіями, посвященными прямо или косвенно рабочему вопросу или вообще соціально-экономическому развитію Сѣверо-Американской республики. Но главнымъ образомъ буду, повторяю, опираться на данныя двухъ вышеупомянутыхъ книгъ.

Начну эту статью съ нѣкоторыхъ цифръ, которыя могутъ дать понятіе читателю о размѣрахъ и быстротѣ промышленной эволюціи, совершающейся въ Соединенныхъ Штатахъ со времени ихъ существованія, какъ независимаго государства. Извѣстный статистическій ежегодникъ Скотта Кельти, который съ прошлаго года трактуетъ сѣверо-американскія данныя особенно подробно, послужитъ намъ прекраснымъ пособіемъ въ этомъ случаѣ. Итакъ, первоначальные тринадцать штатовъ (и четыре «территоріи»), которые были занесены въ первую перепись (1790 г.) Заантлантической республики, заключали на своихъ 308,000 кв. англ. миль, или 800,000 кв. километровъ *), 3.929,214 жителей, тогда какъ по послѣдней переписи (1900 г.) общая площадь 45 штатовъ и четырехъ территорій достигала 3.567,563 кв. англ. миль, или болѣе, чѣмъ 9.238,000 кв. километровъ, а населеніе 76.303,387 человѣкъ. Населеніе это возрастало крайне быстро, такъ какъ число жителей въ 1840 г. простиралось до 17.069,453, въ 1850 до 23.191,876, въ 1860 до 31.443,321, въ 1870 до 38.558,371, въ 1880 до 50.155,783, въ 1890 до 62.947,714 чел. Это возрастаніе опредѣлялось какъ естественнымъ приростомъ населенія, такъ и усиленной иммиграціей изъ Европы. Напр., въ десятилѣтіе 1840—1850, когда общее возрастаніе достигло громаднаго процента 35,87%, или болѣе чѣмъ трети всего числа жителей въ предшествовавшее десятилѣтіе, этотъ общій процентъ роста слагался изъ 25,83% естественнаго прироста и 10,04% иммиграціи. И даже совсѣмъ въ послѣднее время, когда общее возрастаніе ослабѣло, упавъ въ десятилѣтіе 1890—1900 до 20,73%, все же въ этомъ процессѣ роста 5,86% падало на иммиграцію и 14,87% на естественное увеличеніе населенія путемъ перевѣса рожденій надъ смертями. Достаточно сказать, что общее число иммигрантовъ съ 1820 по 30 іюня 1905 году достигало 22.931,938, и что, согласно переписи 1900 г., 10.356,644 жителей, или почти 14% всего населенія (точнѣе, 13,6%) Сѣверо-Американскихъ Штатовъ

---

*) Вычисленно мною по Scott Keltie. *The Statesman's Year-Book for 1907*; Лондонъ, 1907, стр. 411—413 (считая квадр. километръ равнымъ 0,386 кв. англ. мили).

родились внѣ территорій республики. Эти иммигранты распадались на 26,9°/₀ уроженцевъ Соединеннаго Королевства (главнымъ образомъ ирландцевъ и англичанъ) 25,8°/₀ нѣмцевъ, 11,4°/₀ уроженцевъ Канады и Ньюфаундлэнда, 10,3°/₀ скандинавовъ; и т. д.

Присоединимъ еще нѣсколько цифръ, касающихся успѣховъ земледѣлія, добывающей и обрабатывающей промышленности. Въ 1880 г. подъ фермами было всего 536.081,835 акровъ земли (акръ приблизительно—0,37 десятины), въ 1890 г.—623.218,619 акровъ, въ 1900 г.—838.591,774. Число фермъ возрасло съ 4.008,907 въ 1880 г. до 4.564,641 въ 1890 г и 5.737,372 въ 1900 г.; ихъ общая стоимость выражалась послѣдовательно въ эти три статистическіе года суммою въ 12 милліардовъ 180 милліоновъ долларовъ (долларъ приблизительно 2 рубля), 16 милліардовъ 82 милліона, 20 милліардовъ, 439 милліоновъ; стоимость ихъ продукта—суммою въ 2 милліарда 212 милліоновъ, 2 милліарда 460 милліоновъ, 4 милліарда 717 милліоновъ.

Что касается добывающей промышленности, то она дала въ 1895 г. 9.446,308 такъ называемыхъ «длинныхъ тоннъ» (long ton—почти 62 русскихъ пуда) чугуна въ болванкахъ, 385.913,404 англійскихъ фунтовъ (1 англійскій фунтъ=1,107 русскаго) мѣди, 135. 118,193 «короткихъ тоннъ» (schort ton—55 пудовъ 14 фунтовъ) каменнаго угля, 52.892,276 сорока двухъ галлонныхъ бочекъ (такая бочка, или barrel=15$^1/_2$ русскимъ ведрамъ) нефти, 2.254,760 унцій золота и т. д. Десять лѣтъ спустя, въ 1905, производство чугуна равнялось уже 22.992,380 «длинныхъ тоннъ», мѣди—892.758,212 англійскихъ фунтовъ, каменнаго угля 315.259,491 «короткихъ тоннъ», нефти—134.717,580 бочекъ, золота—4.232,820 унцій и т. д.

Особенно быстро развивалась обрабатывающая промышленность, какъ читатель можетъ видѣть изъ прилагаемой таблицы, дающей число промышленныхъ заведеній и рабочихъ, стоимость вложенныхъ капиталовъ и производства въ пять различныхъ годовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга промежутками въ десять лѣтъ (послѣдніе два въ пять) *).

Годы.	Число заведеній.	Число рабочихъ.	Стоимость капиталовъ вложен. въ предпріятія въ долларахъ.	Стоимость произв. въ долларахъ.
1870	252,148	2.053,996	2.118.208,769	4.232.325,442
1880	253,852	2.732,595	2.790.272,606	5.369.579,191
1890	355,415	4.712,622	6.525.156,486	9.372.437,283
1900	512,734	5.705,165	9.817.434,799	13.004.400,143
1905	533,769	6.718,618	13.872.035,371	16.866.706,985

*) *Statesman's Year-Book*, стр. 441.

Эти грандіозныя цифры обладаютъ еще большимъ краснорѣчіемъ, когда переходишь къ подробностямъ нѣкоторыхъ производствъ, чего, къ сожалѣнію, мы не можемъ вплотную сдѣлать въ этой статьѣ, ограничиваясь лишь двумя—тремя бѣглыми статистиками. Такъ, производство хлопка возрасло съ 2 милліардовъ 772 милліоновъ англійскихъ фунтовъ въ 1875 г. до 6 милліардовъ 994 милліоновъ въ 1905, производство чугуна за то же время съ 2.023,733 тоннъ до 22.992,380, стальныхъ рельсовъ съ 259,699 до 3.371,939 тоннъ. Лишь одно производство бессемеровской стали шагнуло съ 9.098,659 тоннъ въ 1904 г. на 12.407,116 тоннъ въ 1905 г., т. е. въ одинъ годъ возрасло почти на 40%. Внѣшняя торговля въ теченіе послѣднихъ занесенныхъ въ статистику 9 лѣтъ увеличилась болѣе, чѣмъ на одну треть, поднявшись съ 1 милліарда 826 милліоновъ въ 1898 г. до 2 милліардовъ—970 милліоновъ долларовъ въ только что истекшемъ 1906 г. Напомнимъ, наконецъ, читателю, что и сѣть желѣзныхъ дорогъ развивалась въ сѣверо-американской республикѣ съ поразительной быстротой: длина ихъ съ 23 англійскихъ миль (сухопутныхъ; такая миля равна 1609 метрамъ) въ 1830 г. дошла до 2,818 миль въ 1840 г., до 9,021 въ 1850, до 30,626 въ 1860, до 52,922 въ въ 1870, до 93,267 въ 1880, до 166,703 въ 1890, до 194,262 въ 1900, до 217,341 миль въ 1905 г., когда сумма вложенныхъ въ желѣзнодорожныя предпріятія капиталовъ достигала почти 15 милліардовъ долларовъ, а чистый доходъ превышалъ 685 милліоновъ.

Таковы, въ самыхъ бѣглыхъ очертаніяхъ, контуры гигантской экономической жизни Заатлантической республики. Заполните эти рамки океаномъ всевозможной человѣческой дѣятельности; подставьте вмѣсто каждой сухой, хотя и колоссальной цифры, ея человѣческій эквивалентъ въ видѣ труда, энергіи, предпріимчивости, изобрѣтательности, геніальности, а также лихорадочнаго стремленія къ наживѣ и свирѣпаго столкновенія интересовъ, и вы можете заранѣе представить себѣ, въ какую необыкновенно поучительную картину будетъ развертываться на территоріи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ великая гражданская война имущихъ и неимущихъ, и сколько новаго и интереснаго можетъ извлечь изъ изученія рабочаго движенія и практическій работникъ, и теоретикъ соціализма. Перейдемъ теперь къ самой задачѣ нашей статьи и посмотримъ, какія фазы пробѣгала на этой почвѣ стихійная и сознательная дѣятельность трудящихся массъ, скоро ставшихъ, какъ и въ Старомъ Свѣтѣ, передъ безпощаднымъ сфинксомъ соціальнаго вопроса.

Двѣ особенности характеризовали соціально-политическое развитіе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ при началѣ ихъ самостоятельной жизни. То было въ экономической сферѣ преобладаніе

земледѣлія при существованіи громаднаго запаса незанятыхъ плодородныхъ земель, что обусловливало сравнительную мягкость борьбы за существованіе и слабость классовой разслойки. То была, въ политической сферѣ, демократическая конституція союза, конституція, которой были чужды феодальныя и монархическія традиціи Европы и которая обезпечивала значительную степень свободы личности и народовластія, какъ государственнаго, такъ и по штатамъ, при помощи всеобщей подачи голосовъ. Эту сторону Заатлантической республики хорошо схватываетъ столь извѣстное патетическое обращеніе Гёте къ Америкѣ, у которой нѣтъ, молъ, твердынь и дворцовъ, но за то нѣтъ и гнетущихъ традицій прошлаго. Такъ, разумѣется, представлялось положеніе дѣлъ въ далекой Америкѣ тѣмъ свободолюбивымъ европейцамъ, которые не могли безъ энтузіазма относиться къ Великой заокеанской республикѣ, «игравшей въ шахматы безъ короля», какъ забавно выражается, если не ошибаюсь, Гейне, а съ другой стороны, дававшей якобы возможность свободному гражданину жить счастливо и, по крайней мѣрѣ, безпечально честнымъ, хорошо вознаграждаемымъ трудомъ.

Конечно, тутъ было не мало розовыхъ иллюзій, ибо «свободная» Америка прекрасно знала чрезвычайно опредѣленное состояніе зависимости, а именно рабство, хотя и называла его смягчающимъ терминомъ «несвободной повинности» по выраженію Зорге, или, лучше сказать, его русскаго переводчика,—такъ какъ англійское выраженіе involuntary servitude было бы всетаки лучше передать по-русски словами «вынуждённая работа» *). Недаромъ, вскорѣ послѣ завоеванія независимости, въ конституцію была внесена поправка о пресловутыхъ «трехъ пятыхъ». Дѣло въ томъ, что число представителей въ сѣверо-американской палатѣ (House of Representatives), отъ каждаго штата исчисляется пропорціонально его населенію. И вотъ всеобщая подача голосовъ въ приложеніи къ рабовладѣльческимъ штатамъ требовала, чтобы рабы, лишенные вотума, причислялись все же къ жителямъ штата, но чтобы за эти безправныя существа вотировалъ ихъ владѣлецъ въ пропорціи трехъ голосовъ за каждыхъ пять своихъ рабовъ. Какъ бы то ни было, американская конституція считалась многими свободолюбивыми писателями и политиками Европы за крайне демократическую. Знаменитое введеніе къ Деклараціи независимости (4 іюля 1776 г.) вдохновляло, несомнѣнно, тринадцать лѣтъ спустя, авторовъ французской Деклараціи правъ человѣка и гражданина, и въ первой трети XIX-го вѣка и либеральные, и консервативные пи-

*) Ср. русскій переводъ книги Зорге, стр. 6.—Замѣтимъ кстати, что заглавіе «La servitude volontaire», которое носитъ знаменитый памфлетъ Этьеня-де-Боэси переводится обыкновенно по-русски «добровольное рабство».

сатели нерѣдко называли идеи, провозглашенныя Великой французской революціей, «американскими» *). Да и какъ людямъ, стонавшимъ подъ гнетомъ тираннін, было не восторгаться хотя бы слѣдующими гордыми мыслями американской Деклараціи, чтеніе которой заставило, напр., Лафайета отправиться волонтеромъ въ Америку, чтобы сражаться въ рядахъ ея гражданъ противъ Англіи: «Когда длинный рядъ злоупотребленій и узурпацій ясно показываетъ намѣреніе власти подчинить народъ игу неограниченнаго деспотизма, то этотъ народъ имѣетъ право—и на немъ лежитъ обязанность—низвергнуть подобное правительство и обезпечить новыми гарантіями свою безопасность на будущее время» **).

Какъ бы то ни было, двѣ упомянутыя особенности первыхъ лѣтъ существованія Сѣверо-Американской республики,—сравнительная легкость добыванія средствъ къ жизни и значительная политическая свобода, связанная съ народовластіемъ,—притупляли острія общественныхъ противорѣчій и замедляли рѣзкую постановку соціальнаго вопроса. Не надо только преувеличивать этотъ характеръ Эльдорадо, приписывавшійся юной республикѣ европейцами, равно какъ идеализировать первые шаги заатлантической демократіи. Ибо и въ ней классовые интересы уже просыпались со своей обычной свитой нестроеній и враждебныхъ конфликтовъ, при чемъ сами отцы и основатели Сѣверо-Американскихъ Штатовъ оказываются при свѣтѣ исторической критики отнюдь не тѣми идеальными рыцарями патріотизма и безсребренничества, какими ихъ рисуютъ до сего времени банальные исторіографы. Съ одной стороны, еще до провозглашенія независимости, жестокость кредиторовъ по отношенію къ должникамъ ясно показывала, что и у этой первоначальной идилліи уже были свои темныя стороны. Такъ, Макъ-Мастеръ, авторъ «Исторіи народа Соединенныхъ Штатовъ», слѣдующимъ образомъ описываетъ положеніе дѣлъ въ Новой-Англіи: «Въ Нью-Гэмпширѣ, какъ и повсюду въ другихъ мѣстахъ, былъ тогда обычай запирать людей въ тюрьму, какъ только они оказывались настолько несчастными, что должали своимъ товарищамъ какіе-нибудь злополучные шесть пенсовъ или шиллингъ. Исполняйся строго этотъ законъ осенью 1785, и, по всей вѣроятности, около двухъ третей населенія сидѣло бы въ тюрьмѣ» ***).

Съ другой стороны, духовные отцы сѣверо-американской республики, которыхъ окружаетъ ореолъ традицій, въ дѣйствитель-

---

*) См., напр., начало «Замѣтки о собственности безъ заглавія» Вoйeд'Аржансона въ сборникѣ «Политическихъ памфлетовъ» Н. Е. Кудрина; Спб., 1906, стр. 234.

**) Цитирую по A. Aulard, Histoire politique de la Révolution française; Парижъ, 1901, стр. 21.

***) Цитировано въ тенденціозной (марксистской), но интересной книжкѣ Саймонса: A. M. Simons, The American farmer; Чикаго, 1903, стр. 19.

ности были энергичными расхитителями народной земли и аграрными спекуляторами въ моментъ начавшагося крушенія старинной англо-саксонской общины и замѣны ея капиталистической кулацкой собственностью. Такъ, мы читаемъ у цитированнаго нами только что автора: «При этихъ условіяхъ нисколько не удивительно, что существовалъ почти настоящій исходъ рабочаго населенія въ тогдашній «далекій западъ»—Огайо, Кентукки и Теннеси. Даже тамъ обширныя пространства земли были захвачены восточными спекуляторами. Вашингтонъ, Гамильтонъ, Джефферсонъ, Франклинъ и другіе создатели (собственно фабриканты, manufacturers) общественнаго мнѣнія и традицій этого періода съ большимъ рвеніемъ бросились въ кампанію земельной спекуляціи. Чрезвычайно интересно, по крайней мѣрѣ, знать, что, если бы независимость не была добыта, Вашингтонъ потерялъ бы около 30.000 акровъ богатыхъ западныхъ земель» *). И въ примѣчаніи къ этому мѣсту авторъ продолжаетъ: «Вполнѣ подробный отчетъ объ этихъ пріемахъ можно найти у Винзора (Winsor's «Westwad Movement», стр. 59 и слѣд.). Здѣсь указано, что Вашингтонъ воспользовался своимъ положеніемъ королевскаго земельнаго чиновника для противозаконнаго закрѣпленія за собою земель; и что когда его собственности сталъ угрожать «Квебекскій актъ», то въ Лондонъ былъ посланъ Франклинъ съ цѣлью хлопотать за то, что въ наши дни назвали бы земельнымъ воровствомъ. Вашингтонъ пытался также ввезти нѣмцевъ изъ Пфальца, но когда они узнали, что онъ былъ намѣренъ не дать имъ почти никакой свободы, они отказались ѣхать, и т. д.» **).

Конечно, всѣ эти факты захвата, спекуляціи и накопленія собственности въ однѣхъ рукахъ не означаютъ, что Сѣверо-Американская республика не обладала тогда громадными пространствами свободной земли. И именно этотъ гигантскій національный запасъ земель въ связи съ рѣдкостью населенія и слабымъ развитіемъ мануфактуръ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ привилегированныхъ въ этомъ отношеніи мѣстностей, мѣшалъ рабочему вопросу проявиться въ Америкѣ съ надлежащей яркостью и опредѣленностью, хотя столкновенія между трудомъ и капиталомъ и профессіональныя организаціи рабочихъ отмѣчаютъ отъ времени до времени самыя первыя проявленія промышленной дѣятельности. Такъ, Зорге упоминаетъ о первой крупной стачкѣ матросовъ и моряковъ, относящейся къ 1802 г. Она была подавлена примѣненіемъ къ ней законовъ о заговорѣ, пресловутыхъ Conspiracy laws, и вожаки ея брошены въ тюрьму. Въ слѣдующемъ, 1803 году, уже возникъ первый профессіональный союзъ, союзъ корабельныхъ плотниковъ, и былъ легализованъ. А сапожники «еще сто лѣтъ

*) Simons, *Ibid.*, стр. 31—32.
**) *Ibid*, стр. 32, прим. 1.

тому назадъ довольно удачно примѣняли бойкотъ» *). Подобно Англіи, развивавшійся въ Америкѣ капитализмъ примѣнялъ къ эксплуатаціи труда жестокіе пріемы, тѣ самые пріемы, которые практиковались въ метрополіи во второй половинѣ XVII вѣка: уже упомянутые законы о заговорѣ, «еще и понынѣ сохранившіеся во многихъ штатахъ», замѣчаетъ иронически-негодующе Зорге; удлиненіе рабочаго дня до астрономическихъ, такъ сказать, предѣловъ (отъ восхода до захода солнца), а въ среднемъ до 15 часовъ); опредѣленіе максимума заработной платы властями, или такъ называемыми «джентльмэнами», при отсутствіи какого бы то ни было минимума: чѣмъ меньше, молъ, тѣмъ лучше! Несмотря на все это, «о рабочемъ движеніи въ собственномъ смыслѣ въ этомъ періодѣ, продолжавшемся приблизительно до 1825 г., не было и рѣчи. Промышленность не выросла еще изъ дѣтскихъ башмаковъ, и дифференціація классовъ едва лишь началась» **). Лишь съ тридцатыхъ годовъ XIX столѣтія рабочее движеніе въ Америкѣ становится болѣе или менѣе замѣтнымъ факторомъ общественной жизни, чтобы затѣмъ быстро пріобрѣсти, — и чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе, — необыкновенные размѣры, поражающіе своею грандіозностью даже привыкшаго къ крутымъ выступленіямъ трудящихся массъ европейца. Между тѣмъ соціализмъ, въ его такъ называемой «утопической» формѣ, расцвѣтаетъ и отцвѣтаетъ на почвѣ Заатлантической республики (за немногими исключеніями) въ теченіе трехъ-четырехъ, много пяти десятилѣтій, — приблизительно съ 1825 по 1875 г.,—а современный рабочій соціализмъ до сихъ поръ отличается сравнительно слабымъ развитіемъ и отстаетъ въ ростѣ и опредѣленности не только отъ европейскаго соціализма, но и отъ туземнаго рабочаго движенія.

Мы разсмотримъ сначала независимо развитіе рабочаго движенія и развитіе соціализма въ Америкѣ, хотя на послѣднихъ ступеняхъ намъ придется для большей ясности, говоря объ одномъ, касаться все время и другого. При дѣленіяхъ эволюціи рабочаго движенія на періоды можно въ общемъ слѣдовать Зорге, какъ при изображеніи различныхъ фазъ соціализма опираться, опять таки въ общемъ, на Хилкуита, помня, конечно, что во всѣхъ этихъ дѣленіяхъ есть по необходимости много произвольнаго.

Десятилѣтіе 1830—1840 г. характеризуется подготовкой великой экономической революціи, дѣйствіе которой Зорге по праву считаетъ неизмѣримо болѣе важнымъ, чѣмъ дѣйствіе политической

*) Зорге, I. c., стр. 13. Статьи Зорге писались въ 90-хъ годахъ истекшаго вѣка; бойкотъ практиковался, значитъ, въ Сѣверо-Американской республикѣ уже около 1790 г.

**) Зорге, стр. 16.

іюльской революціи во Франціи: дѣло идетъ о цѣломъ переворотѣ въ области перевозки продуктовъ и людей, переворотѣ, произведенномъ примѣненіемъ къ транспорту силы пара, замѣстившей «силу животныхъ и природы». Желѣзныя дороги и пароходство сдѣлали доступными для дѣятельности людей громадныя пространства, породили гигантскія производства, послужили могущественнымъ стимуломъ для открытія неисчерпаемыхъ каменноугольныхъ залежей, необыкновенно сдвинули разстояніе не только между жителями одной страны, но и между населеніемъ различныхъ странъ вплоть до отдаленныхъ колоній, вызвали къ жизни цѣлый рядъ городовъ, промышленныхъ центровъ и портовъ, произвели переворотъ въ условіяхъ земледѣлія, индустріи, торговли. Растетъ капиталъ, растетъ классъ эксплуататоровъ, растетъ количественно и качественно рабочій классъ, стремящійся въ борьбѣ съ капиталистами отвоевать себѣ лучшія условія существованія и склонный къ производству различныхъ утопическихъ соціальныхъ экспериментовъ и составленію фантастическихъ плановъ освобожденія. Такъ, на рубежѣ 20-хъ и 30-хъ годовъ братья Эвансы, родомъ англичане, выдвигаютъ въ своемъ органѣ, носящемъ характерное названіе «Workingman's Advocatc» (адвоката, защитника рабочаго), въ числѣ «двѣнадцати требованій», слѣдующія: «естественное право на землю; каждому ферма»; безплатное надѣленіе общественными землями; ограниченіе размѣровъ землевладѣнія 160 акрами; отмѣну закона о взысканіи долговъ; «преимущественное право заработной платы на продуктъ труда»; «уничтоженіе личнаго *наемнаго рабства*»; равноправіе женщинъ и мужчинъ во всѣхъ областяхъ, и т. д. Въ этой программѣ сквозь дѣтскій лепетъ пробуждающагося классового сознанія трудящихся, сквозь предложеніе аграрныхъ реформъ, представляющихъ безсильную палліативу противъ концентраціи собственности, звучатъ, однако, уже ноты радикальнаго отрицанія современнаго строя: провозглашается верховный принципъ труда (хотя и въ неуклюжей и неясной формулѣ какого то «преимущественнаго права заработной платы на продуктъ труда»); требуется отмѣна «наемнаго рабства», т. е., по всей вѣроятности, современнаго режима вольнонаемнаго труда; гордо выставляется требованіе равенства половъ.

Въ это же самое время или немного позже (въ 1829 г.) въ Нью-Іоркѣ основывается первая рабочая партія, или, собственно, «партія рабочихъ» (Workingman's Party), которая успѣваетъ избрать одного депутата въ законодательное учрежденіе штата и требуетъ въ своихъ резолюціяхъ уничтоженія частной собственности на земли, уничтоженія права наслѣдства, свободы отъ налоговъ на церкви (что дало противникамъ ея поводъ называть ее infidel movement, т. е. «движеніемъ невѣрныхъ, безбожниковъ»), отмѣны или, по крайней мѣрѣ, упорядоченія банковыхъ и денежныхъ операцій спекуляторскаго типа, и т. д. Приблизительно

таковы же, или, пожалуй, блѣднѣе требованія «Ново-Англійской ассоціаціи фермеровъ, ремссленниковъ и другихъ рабочихъ», которая выдвигаетъ на своей конференціи 6-го сентября 1832 г. въ Бостонѣ еще одно, въ сущности, очень умѣренное, но за то имѣвшее для той эпохи большій практическій интересъ, требованіе десятичасового рабочаго дня, или, какъ она выражается, *десятичасовой системы*, при чемъ ставитъ на обсужденію вопросъ, надо ли ее сдѣлать обязательной, или же положиться на добровольное соглашеніе съ предпринимателемъ.

Здѣсь должно отмѣтить то обстоятельство, что всѣ 30-е годы прошли въ энергичномъ движеніи рабочихъ именно въ пользу сокращенія рабочаго дня, и что эти стремленія встрѣтили самое жестокое сопротивленіе со стороны капиталистовъ, главнымъ образомъ бостонскихъ и нью-іоркскихъ купцовъ-судохозяевъ, которые на своихъ съѣздахъ бичевали «опасную и деморализующую тенденцію такихъ комбинацій (здѣсь, очевидно, переводчикъ неудачно оставилъ на русскомъ языкѣ терминъ «комбинація» для англійскаго *combination*, которое значитъ по-русски какъ разъ «стачка». Э. В.) и на нелѣпость такихъ попытокъ», и не довольствуясь этимъ, «призывали на помощь»—какъ забавно выражается Зорге—«юстицію, полицію и милицію» *). Однако, рабочіе не были испуганы угрозами капиталистовъ и драконовскими рѣшеніями судей, одинъ изъ которыхъ, приговаривая портныхъ забастовщиковъ къ тяжелому штрафу, произнесъ даже слѣдующія многозначительныя слова, выражающія всю соціально-политическую философію класса эксплуататоровъ: «это не просто споръ между мастеромъ (хозяиномъ? Э. В.) и рабочими, нѣтъ, это такой споръ, отъ котораго зависитъ гармонія всего союза—Соединенныхъ Штатовъ» **). Кампанія, предпринятая трудящимся въ пользу сокращенія рабочаго дня, скоро приняла гигантскіе размѣры. Политики или, лучше сказать, политиканы взволновались: приходилось волей-неволей обратить вниманіе на большіе митинги и все учащавшіяся забастовки, которыя происходили во всѣхъ городскихъ и фабричныхъ центрахъ Новой Англіи. И вотъ, 10 апрѣля 1840, Мартинъ-ванъ-Буренъ, который былъ президентомъ республики въ четырехлѣтіе 1837—1841, издалъ свой знаменитый указъ, вводившій во всѣхъ общественныхъ предпріятіяхъ десятичасовой рабочій день.

Этотъ указъ былъ первымъ оффиціальнымъ актомъ или, по крайней мѣрѣ, «оффиціальнымъ словомъ»,—какъ удачно его характеризуетъ Зорге,—въ пользу американскихъ рабочихъ, подвергавшимся безграничной эксплуатаціи хозяевъ еще чуть не сорокъ лѣтъ послѣ того, какъ въ Англіи былъ опубликованъ первый за-

*) Зорге, стр. 25.
**) Ibid., стр, 25.

конъ (въ 1802 г.), ограничившій рабочее время. А между тѣмъ до какой степени свирѣпы были янки буржуазнаго класса, достаточно видно изъ слѣдующихъ словъ проф. Р. Т. Эли (или Илай? Ely. Э. В.), цитируемыхъ Зорге: «Фабричныя правила были жестоки и обременительны до такой степени, что мы въ настоящее время едва ли можемъ встрѣтить нѣчто подобное»... «Женщинъ и дѣтей сѣкли кнутами»... И въ той же книгѣ говорится объ одномъ глухонѣмомъ мальчикѣ: «На всемъ его тѣлѣ, отъ затылка до ногъ, виднѣлись возмутительные знаки истязанія. Я готовъ былъ думать, что онъ получилъ сто ударовъ» *). Разумѣется, эти свирѣпые кнутобойцы, не довольствовавшіеся даже 14-часовымъ рабочимъ днемъ, были усердными ханжами, и ихъ мироточившаяся христіанскими добродѣтелями душа возмущалась при видѣ недостаточной религіозности рабочихъ, которыхъ они облагали спеціальнымъ налогомъ въ пользу церкви, а въ случаѣ упорнаго непосѣщенія церковной службы прямо увольняли!..

Слѣдующее десятилѣтіе, 1840—1850 г., ознаменовалось тоже важными событіями въ экономической жизни, которая подвергалась быстрой эволюціи и вызывала новыя или усиливала старыя проявленія борьбы труда съ капиталомъ. Послѣ почти шестилѣтняго кризиса, который свирѣпствовалъ съ 1836 и по 1842 г. и разрушилъ старую кредитную систему, замѣнивъ ее болѣе раціональною, новою, помогшею странѣ поставить свою торговлю на болѣе прочную почву, снова начался періодъ промышленнаго оживленія. Оно достигло своего высшаго пункта въ началѣ 50-хъ годовъ, подъ вліяніемъ безпримѣрныхъ урожаевъ и вывозовъ зерновыхъ хлѣбовъ и хлопка, сильно требовавшагося пошедшей къ тому времени полнымъ ходомъ въ Европѣ хлопчато-бумажной промышленностью. Въ свою очередь промышленность Сѣверо-Американскихъ Штатовъ развивалась ускореннымъ темпомъ. Быстро создавался внутренній рынокъ подъ вліяніемъ роста туземнаго населенія и усиливающагося прилива иммигрантовъ. Все большія и большія пространства захватывались земледѣліемъ, и плугъ началъ ходить по дѣвственной почвѣ западныхъ штатовъ, куда населеніе отливало съ болѣе культурнаго востока. Началась разработка рудниковъ у Верхняго озера. Наконецъ, были открыты знаменитыя калифорнскія розсыпи, начавшія стягивать громадныя толпы искателей драгоцѣннаго металла и производить своимъ золотомъ страшную повышательную пертурбацію въ цѣнахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и оживленіе въ дѣлахъ, и не только въ Америкѣ, а и во всемъ мірѣ.

Но вотъ и оборотная сторона медали: развитіе промышленности и торговли обостряло эксплуатацію труда капиталомъ; притокъ эмигрантовъ, преимущественно изъ Ирландіи и Германіи, усили-

*) Зорге, стр. 27—28.

валъ конкурренцію между трудящимися и быстро превращалъ тѣхъ рабочихъ на фабрикѣ, у которыхъ лично или, по крайней мѣрѣ, у семей которыхъ была кой-какая собственность, участокъ земли, жилище въ деревнѣ и т. п., въ настоящихъ пролетаріевъ. Конечно, рабочій классъ упорно боролся за улучшеніе своего положенія, отстаивалъ свои профессіональные союзы, начавшіе пріобрѣтать мѣстами довольно большое значеніе. Но чтобы понять, какъ трудно ему приходилось въ этой борьбѣ противъ становившагося могучимъ американскаго капитала, достаточно припомнить, что десятичасовой указъ нарушался еще въ 1845 г. самимъ союзнымъ правительствомъ, а капиталисты рѣзко отрицали какое бы то ни было право парламента вмѣшиваться въ отношенія между трудомъ и капиталомъ. Какъ спокойно оцѣнивать такой, напр., фактъ, что въ то время какъ упомянутый указъ все же мало по малу распространялъ свое дѣйствіе съ государственныхъ верфей на частныя и вообще на крупныя предпріятія этого рода, гдѣ работали взрослые и сильные мужчины; наоборотъ, фабричные округа, гдѣ работали женщины и дѣти, пользовались печальной репутаціей промышленнаго ада, въ которомъ болѣе слабыя и менѣе устойчивыя въ борьбѣ съ капиталистомъ существа эксплуатировались хозяевами въ теченіе безконечно долгаго рабочаго дня?

Слѣдующее затѣмъ десятилѣтіе 1850—1860 г. продолжало развивать тенденціи, обнаружившіяся въ предыдущемъ. Хлопокъ сдѣлался господиномъ положенія: cotton is king, «хлопокъ—нашъ король», говорилось въ то время. Воздѣлываніе этого продукта, требовавшагося все болѣе и болѣе на всемірномъ рынкѣ, неуклонно гнало вверхъ прибыль плантаторовъ, которые становились въ главу угла экономической жизни и, не стѣсняясь, занимались въ лицѣ своихъ политиковъ и публицистовъ самой безстыдной апологіей рабства во всѣхъ его проявленіяхъ. Такъ, въ одной виргинской газетѣ читаемъ: «Мы ненавидимъ все, носящее кличку *свободнаго*: свободныхъ негровъ, свободный трудъ, свободныя фермы, свободную волю, свободную мысль, свободныхъ дѣтей, свободныя школы... самое худшее зло—современная система свободныхъ школъ...» И это не только говорилось, но и приводилось въ исполненіе. Въ южныхъ штатахъ до 60-хъ годовъ не существовало ни свободы слова и печати, собраній и союзовъ, ни даже неприкосновенности личности и жилища, т. е. всего того, что съ такой торжественностью возвѣщалось въ конституціи. У каждаго почтмейстера функціонировалъ черный кабинетъ, и свободомыслящія газеты и самая переписка между неблагонадежными съ точки зрѣнія рабовладѣльцевъ лицами перехватывались и уничтожались, а сами отправители преслѣдовались. Кто обучалъ негровъ, тотъ наказывался каторгою. Видные плантаторы и даже законодательныя учрежденія штатовъ назначали преміи, доходившія до 50,000 долларовъ, или 100,000 рублей, за головы выдающихся аболиціони-

стовъ. Все, какъ видите, картины, которыя переносятъ насъ въ обстановку самой разнузданной русской реакціи...

И, однако, лишь самые благородные и самоотверженные изъ представителей имущихъ классовъ въ штатахъ Сѣвера, которые вообще стояли за «свободу», шли въ безкорыстный бой съ рабствомъ. Промышленный и капиталистическій Сѣверъ серьезно возсталъ противъ плантаторскаго Юга лишь тогда, когда дѣлежъ прибавочной стоимости между капиталистами одной половины республики и рабовладѣльцами другой противоставилъ интересы этихъ двухъ фракцій имущаго класса. Какъ ни парадоксально покажется это, но южане, которые, какъ мы видѣли, ненавидѣли «все, носящее кличку свободнаго», для одной вещи дѣлали, однако, исключеніе, а именно для свободной торговли: живя сбытомъ хлопка, т. е. жесточайшей эксплуатаціей своихъ рабовъ, они желали возможно низкихъ ввозныхъ пошлинъ на англійскіе и другіе иностранные товары, удовлетворявшіе ихъ потребностямъ, чтобы безпрепятственно пользоваться плодами утонченной европейской культуры. Наоборотъ, капиталисты Сѣвера, которые тоже извлекали крупные барыши изъ хлопка, но уже въ качествѣ фабрикантовъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій, и вообще жили эксплуатаціей рабочихъ въ различныхъ вѣтвяхъ индустріи, были большими любителями свободы въ чисто политической и гражданской области, но за то требовали самаго строгаго протекціонизма въ торговлѣ. Имъ нужны были высокія ввозныя пошлины, чтобы оградить продукты своихъ фабрикъ и заводовъ отъ конкурренціи иностранной промышленности.

Но пока обострялся этотъ конфликтъ между двумя разновидностями класса имущихъ и правящихъ, собственно рабочее движеніе шло своимъ чередомъ. Давленіе капиталистовъ на трудящіяся массы не только не ослабѣвало, но усиливалось, что въ свою очередь вызывало болѣе рѣзкое, а главное, болѣе организованное сопротивленіе рабочихъ. Такъ какъ ихъ положеніе ухудшилось въ теченіе описываемаго нами десятилѣтія вслѣдствіе удешевленія золота, приливавшаго въ большомъ количествѣ и вызывавшаго вздорожаніе всѣхъ продуктовъ, то имъ приходилось употреблять энергичныя усилія, чтобы поднять номинальную, т. е. выраженную въ деньгахъ, рабочую плату, иначе говоря, чтобы, по крайней мѣрѣ, удержать реальный заработокъ на прежней высотѣ. То была эпоха многочисленныхъ и въ общемъ довольно успѣшныхъ стачекъ, равно какъ эпоха образованія обширныхъ профессіональныхъ организацій, которыя уже не ограничивались отдѣльными мѣстностями, а слагались въ такъ называемые «національные» профессіональные союзы, распространявшіеся порою на всю территорію республики. Таковъ былъ союзъ печатниковъ, основанный въ 1850 г Съ другой стороны, формировались грандіозныя мѣстныя организаціи, которыя мы могли бы уподобить такъ называемымъ

«биржамъ труда» во Франціи. Достаточно упомянуть нью-іоркскій Совѣтъ профессіональныхъ союзовъ, заключавшій въ себѣ делегатовъ различныхъ ремеслъ и выросшій впослѣдствіи въ Workingmen's Union, который получилъ огромное значеніе, такъ какъ связывалъ воедино не только старѣйшіе профессіональные союзы строительныхъ работъ, но и такія разнородныя и далекія одна отъ другой корпораціи, какъ сѣдельщиковъ, рабочихъ по металлу, переплетчиковъ, пекарей, приказчиковъ и др. Этому профессіональному движенію оживленіе было придано отчасти притокомъ рабочихъ-иммигрантовъ, замѣшанныхъ въ европейскихъ революціяхъ «сумасшедшаго» сорокъ восьмого года и отличавшихся сравнительно высокимъ политическимъ развитіемъ. Ниже, говоря о соціалистическомъ движеніи, мы коснемся ихъ роли въ американскомъ соціализмѣ.

Знаменательно, что другая форма борьбы труда съ капиталомъ, борьбы не за повышеніе заработной платы, или за удержаніе ея на прежнемъ уровнѣ, а за сокращеніе рабочаго дня приводила въ этомъ десятилѣтіи къ гораздо менѣе удачнымъ результатамъ. Если десятичасовой рабочій день сталъ распространяться во многихъ мѣстахъ среди корпорацій строительныхъ рабочихъ и по металлу, то обработка волокнистыхъ веществъ, гдѣ такую роль игралъ женскій и дѣтскій трудъ, изготовленіе одежды, перевозочная и горная промышленность остались почти совсѣмъ внѣ вліянія закона. Долгій рабочій день (отъ 5 ч. утра до 7 вечера) сохранился въ иныхъ сферахъ индустріи даже до половины 60-хъ годовъ, и только цѣлый рядъ стачекъ заставилъ властей отмѣнить его и сократить до 11 часовъ. Особенно тяжело было положеніе женщинъ и дѣтей, которымъ приходилось работать по 16 часовъ, а порою по 18 часовъ въ сутки. Все это обостряло отношенія между трудомъ и капиталомъ и вызывало стачки и манифестаціи рабочихъ. Одна изъ послѣднихъ, нью-іоркская манифестація 1857 г., была настолько импозантна, что перепуганныя власти окружили войсками казначейство и таможню, а вожаки рабочихъ были подкуплены деньгами и синекурами,—пріемъ, который очень часто практикуется американскими капиталистами, полагающими, что это можетъ быть порою самымъ выгоднымъ помѣщеніемъ для денегъ. Нью-іоркская стачечная агитація скоро распалась изъ за неорганизованности трудящихся.

Въ пятидесятые годы нѣкоторую роль въ американскомъ рабочемъ движеніи играли нѣмецкіе эмигранты, среди которыхъ пользовались популярностью извѣстный Вейтлингъ, а нѣсколько позже Вейдемейеръ. Такъ, съ 22 по 28 октября 1850 г. въ Филадельфіи засѣдалъ «Первый нѣмецкій рабочій конгрессъ», т. е. съѣздъ нѣмецкихъ рабочихъ союзовъ, возникшихъ благодаря пропагандѣ Вейтлинга и его сторонниковъ. Интересна для характеристики незрѣлости соціально-политическаго міровоззрѣнія этихъ конгрес-

систовъ, являвшихся все же наиболѣе развитыми среди рабочаго класса Америки, та программа, которая была установлена многочисленными резолюціями вотированными на этомъ съѣздѣ. Отражая важность аграрнаго вопроса, который уже ставился въ Заатлантической республикѣ все болѣе и болѣе ребромъ, упомянутая программа въ цѣломъ рядѣ параграфовъ выдвигала требованія ограниченія размѣровъ землевладѣнія, безплатнаго надѣленія землей «лицъ, дѣйствительно обрабатывающихъ ее», высокаго обложенія проданныхъ, но необрабатываемыхъ земель и т. д. Но собственно рабочихъ требованій въ ней совсѣмъ не было, кромѣ единственнаго параграфа, гласившаго о необходимости «передачи казенныхъ работъ членамъ промысловыхъ и обмѣнныхъ ассоціацій». Она не затрагивала ни жгучаго въ то время вопроса рабства, ни сокращенія рабочаго времени, ни повышенія заработной платы. Съ другой стороны, неясность теоретической точки зрѣнія, на которой стоялъ «Всеобщій рабочій союзъ», какъ стала называть себя съ 1854 г. нѣмецкая рабочая организація, видна изъ того, что она чисто случайно рѣшила печатать уже напечатанный нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Европѣ «Коммунистическій Манифестъ», предполагая, что дѣло шло о новой «рукописи нѣкоего рабочаго». Реальный интересъ движеніе нѣмецкихъ рабочихъ въ Америкѣ стало пріобрѣтать лишь съ конца 50 хъ годовъ, когда сорганизовались между ними многочисленные профессіональные союзы, и рядъ удачныхъ стачекъ помогъ имъ добиться повышенія заработной платы столяровъ, фортепьянщиковъ и т. п.

Первое болѣе или менѣе замѣтное сближеніе стихійнаго рабочаго движенія съ современнымъ рабочимъ соціализмомъ происходитъ на почвѣ Америки послѣ великой войны Сѣвера съ Югомъ, въ срединѣ 60-хъ годовъ. Историки экономической и соціально-политической эволюціи Сѣверо-Американскихъ Штатовъ отмѣчаютъ тотъ любопытный фактъ, что Національный рабочій союзъ, собравшійся въ Балтиморѣ 20-го августа 1866 г. и состоявшій изъ сотни представителей отъ 52 профессіональныхъ организацій, и первый конгрессъ знаменитаго Интернаціонала, имѣвшій мѣсто 3—9 сентября 1866 г. въ Женевѣ, т. е. значитъ почти одновременно, поднимаютъ почти одни и тѣ же вопросы и рѣшаютъ ихъ въ сущности одинаково, несмотря на то, что резолюціи Интернаціонала, благодаря вліянію Маркса, отличаются большею глубиною анализа и большею научностью. Въ частности знаменательно совпаденіе резолюцій обоихъ конгрессовъ по вопросу о сокращеніи рабочаго дня. Резолюція Національнаго рабочаго союза гласитъ такъ: «Первая великая потребность нашего времени, имѣющая цѣлью избавить американскій трудъ отъ порабощенія его капиталомъ, это — изданіе закона, устанавливающаго восьмичасовой ра-

бочій день во всѣхъ штатахъ Американскаго союза. Мы твердо рѣшились употребить всѣ находящіяся въ нашемъ распоряженіи силы для достиженія этой славной цѣли» *). А резолюція Интернаціонала такова: «Законодательное сокращеніе рабочаго дня есть необходимое условіе, безъ котораго всѣ попытки улучшенія положенія рабочаго класса и его конечнаго освобожденія останутся тщетными. Возстановленіе здоровья, физической силы и энергіи рабочаго класса—громаднаго большинства каждой націи—столь же необходимо, какъ и обезпеченіе ему возможности развиваться интеллектуально и проявлять общественную и политическую дѣятельность. Конгрессъ, поэтому, требуетъ законодательнаго установленія восьмичасового рабочаго дня. Американскіе рабочіе повсюду требуютъ сокращенія рабочаго времени; мы требуемъ его для рабочихъ всего міра» **). Это совпаденіе объясняется, впрочемъ, не только тѣмъ, что стихійное движеніе трудящихся выдвигало однѣ и тѣ же задачи въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, но и тѣмъ, что къ тому времени велась уже оживленная переписка между «отдѣльными членами лондонскаго генеральнаго совѣта Интернаціонала и нѣкоторыми вліятельными американскими рабочими» ***).

Достигнувъ въ нашемъ изложеніи исторіи американскаго рабочаго движенія до того пункта, когда практика жизни и современная соціалистическая теорія начинаютъ соприкасаться другъ съ другомъ на почвѣ Заатлантической республики, такъ что дальнѣйшее обособленное разсмотрѣніе той и другой будетъ становиться временами довольно затруднительнымъ и нецѣлесообразнымъ, мы должны по необходимости вернуться назадъ и вкратцѣ изобразить читателю исторію тѣхъ коммунистическихъ общинъ и тѣхъ соціальныхъ экспериментовъ, которые вытекали не изъ самаго рабочаго движенія, а изъ религіозныхъ стремленій сектъ и изъ попытокъ воплотить въ жизнь утопическія системы соціалистовъ первой половины XIX-го вѣка. Эти два теченія, религіозное и утопическое,

*) Хилкуитъ, „Исторія соціализма", стр. 135.

**) Хилкуитъ, *Ibid.*—Въ переводѣ Хилкуитомъ на англійскій, а, можетъ быть, и во вторичномъ переводѣ съ англійскаго на русскій резолюція женевскаго конгресса много потеряла изъ своей первоначальной яркости и энергіи. Такъ послѣдняя фраза въ подлинной резолюціи читается слѣдующимъ образомъ: „Это ограниченіе уже повсемѣстно требуется рабочими Соединенныхъ Штатовъ Америки, а голосъ конгресса возвыситъ его до степени всеобщаго знамени рабочаго класса всего міра". См. статью „Internationale Arbeiter - Association" у Carl Stegman und C. Hugo, *Handbuch des Socialismus*; Цюрихъ, 1894, стр. 345.

***) Зорге, стр. 103.—Хилкуитъ утверждаетъ, однако, что „въ то время между обѣими организаціями не существовало никакой связи" (стр. 135). Но мнѣ кажется, что Зорге, въ эту эпоху близко стоявшій къ дѣлу, заслуживаетъ по этому вопросу большаго довѣрія.

какъ разъ и составляютъ первую половину труда Хилкуита, посвященную «утопическому соціализму» въ Америкѣ.

Нельзя сказать, чтобы Хилкуитъ успѣлъ сообщить интересъ этой части своей работы. Конечно, отъ небольшого сочиненія, охватывающаго исторію всего соціализма въ Америкѣ, нельзя требовать, чтобы упомянутыя религіозныя общины и соціалистическіе эксперименты были описаны съ тѣми подробностями, какія мы находимъ, напр., у Нойеса въ его «Исторіи американскаго соціализма», или у Чарльза Нордюффа въ его «Коммунистическихъ обществахъ (обществахъ, общежитіяхъ: The Communistie Societies) Соединенныхъ Штатовъ», или у Вилльяма Хайндса въ его «Американскихъ коммунахъ». Но Хилкуиту не достаетъ и той живости описанія, которая характеризуетъ хотя бы трудъ Нойеса, правда страстнаго сектанта и основателя общины перфекціонистовъ, и заставляетъ читателя съ интересомъ вглядываться въ черты коммунистическаго общежитія. Подъ перомъ автора «Исторіи соціализма» весь этотъ очеркъ религіозныхъ и соціалистическихъ коммунъ превращается въ сухой перечень быстро возникавшихъ и того быстрѣе распадавшихся обществъ, которыя вначалѣ принимали сектантскій характеръ,—таковы поселенія шекеровъ, основанныя еще въ концѣ XVIII-го вѣка «богородицей» Анной Ли,—затѣмъ составлялись последовательно европейскими и американскими учениками по рецептамъ Оуэна (между 1825—1830 г.), Фурье (отъ 1840 и приблизительно до 1850 г.), Кабэ (первое икарійское поселеніе было основано въ годъ февральской революціи, послѣднее распалось въ 1895 г., но главныя общества этого типа процвѣтали лишь въ 50-хъ годахъ). Среднее мѣсто между сектантскими и соціалистическими общежитіями занимали религіозно-идейныя группы въ родѣ перфекціонистовъ, родоначальникъ которыхъ, уже упомянутый нами Нойесъ, основалъ знаменитую коммуну Онейду, совмѣщавшую въ себѣ религіозный энтузіазмъ и искреннее увлеченіе фурьеризмомъ. И можно лишь пожалѣть, что даже это общежитіе, описанное Хилкуитомъ съ большею подробностью, чѣмъ другія, представляется въ его изображеніи не достаточно оригинальнымъ и своеобразнымъ, такъ какъ хотя бы уже въ силу «сложнаго брака», напоминавшаго связи всѣхъ мужчинъ со всѣми женщинами первобытнаго племени или communal marriage Лёббока, при общей чистотѣ и нравственности жизни, эта коммуна являлась очень замѣчательной попыткой реформировать современную индивидуалистическую мораль.

Интереснѣе, хотя и не особенно ново, общее заключеніе, которое Хилкуитъ дѣлаетъ изъ разсмотрѣнія судьбы описанныхъ имъ религіозныхъ и соціалистическихъ общежитій. Онъ прежде всего указываетъ на тотъ фактъ, что чисто религіозныя общины, даже включая сюда и перфекціонистовъ, отличались большею устойчивостью и жили дольше, чѣмъ собственно коммунистическія общежитія. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что для религіозныхъ общинъ

самое главное заключалось въ возможности удовлетворять своимъ религіознымъ идеаламъ, а коммунистическій режимъ былъ для нихъ лишь средствомъ достиженія этой цѣли. Вотъ почему, когда члены этихъ общежитій видѣли, что имъ не удавалось осуществить коммунизмъ въ чистомъ видѣ, они безъ особаго колебанія дѣлали отступленія отъ режима общаго труда и прибѣгали къ найму постороннихъ рабочихъ, лишь бы отстоять существованіе своей общины, хотя оно при этомъ превращалось въ обыкновенную ассоціацію хозяевъ, живущихъ трудомъ своихъ рабочихъ. Иное дѣло коммунистическія общества, цѣль и raison d'être которыхъ заключались именно въ осуществленіи совершеннѣйшаго строя путемъ общественнаго труда и братской солидарности участвующихъ въ общежитіи. Всякое уклоненіе отъ постановленнаго ими себѣ идеала казалось имъ,—да и, дѣйствительно, было, — крушеніемъ высшей цѣли ихъ союза. Они не хотѣли, выражаясь словами Ювенала

... Propter vitam vivendi perdere causas,

«ради того, чтобы только жить, потерять самый смыслъ жизни», и когда давленіе окружающей среды разрушало устои ихъ общежитія, они рѣшались скорѣе совершенно ликвидировать организованную ими коммуну и разойтись въ разныя стороны, чѣмъ остаться коммунистами только на словахъ, на дѣлѣ же обратиться въ компанію капиталистовъ, выжимающихъ изъ вольнонаемныхъ рабочихъ возможно большую сумму прибавочной стоимости.

Каково же было это разлагающее вліяніе общей атмосферы, въ которую волей - неволей были погружены всѣ эти общежитія? Оно заключалось въ томъ, что коммунистическія общества были связаны путемъ обмѣна съ гигантскимъ механизмомъ современнаго производства, основаннаго на конкурренціи отдѣльныхъ производителей, и заражались отъ него индивидуалистическими стремленіями. Рѣшить соціальный вопросъ путемъ, если можно такъ выразиться, опытныхъ станцій и лабораторныхъ экспериментовъ, путемъ фабрикаціи по необходимости въ малыхъ размѣрахъ будущаго, соціалистическаго строя—вещь невозможная. Лишь замѣна всего современнаго режима хозяйственной анархіи режимомъ общаго гармонически организованнаго производства положитъ конецъ міру неправды и угнетенія, который держитъ насъ въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ. Коммунистическія общежитія Новаго Свѣта, несмотря на весь идейный энтузіазмъ и самоотверженность своихъ членовъ, полегли жертвами этой непосильной борьбы съ неумолимыми условіями современнаго капиталистическаго производства, связавшимъ въ одно сложное и нескладное, но необыкновенно крупное цѣлое хозяйства цѣлыхъ странъ и всего земного шара.

Послѣ этого краткаго возвращенія назадъ, въ сторону религіозныхъ и утопическихъ общежитій мы можемъ вернуться къ той точкѣ американской соціально-экономической эволюціи, которая

характеризуется возникновеніемъ связи между рабочимъ движеніемъ и современнымъ соціализмомъ и дѣлаетъ для историка необходимымъ разсматривать обѣ стороны движенія трудящихся въ ихъ взаимной зависимости. Хилкуитъ, «въ цѣляхъ удобства, хотя и нѣсколько произвольно», какъ онъ выражается, дѣлитъ исторію этого современнаго соціалистическаго движенія на четыре періода. Первый періодъ простирается отъ 1848 г. до междуусобной войны, когда соціализмъ находилъ приверженцевъ исключительно между германскими эмигрантами, преимущественно рабочими. Объ этомъ періодѣ нами уже достаточно сказано. Второй періодъ, періодъ организаціи, охватываетъ десятилѣтіе отъ 1867 до 1877 г. и характеризуется возникновеніемъ значительнаго числа соціалистическихъ обществъ и партій, сначала мѣстныхъ, затѣмъ національныхъ, пока, наконецъ, не слагается такъ называемая «Соціалистическая рабочая партія». Третій періодъ, продолжающійся болѣе двухъ десятковъ лѣтъ, обнимаетъ дѣятельность этой партіи и заполненъ внѣшней и внутренней борьбой по вопросамъ тактики, т. е. какъ при столкновеніи съ окружающими ее другими партіями и вообще враждебными ей силами капиталистическаго общества, такъ и на почвѣ тактическихъ разногласій между членами организаціи. Наконецъ, четвертый періодъ, періодъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ, отмѣченъ акклиматизаціей соціализма и среди американскихъ рабочихъ и дѣятельностью «Соціалистической партіи».

Выше мы упомянули о резолюціи балтиморскаго конгресса Національнаго рабочаго союза, который въ августѣ 1866 г. вотировалъ резолюцію, столь схожую съ резолюціей почти одновременно съ нимъ засѣдавшаго въ Женевѣ перваго конгресса Интернаціонала. Два года спустя, въ августѣ 1868 г., на третьемъ конгрессѣ Національнаго рабочаго союза было рѣшено образованіе независимой рабочей партіи, программа которой, вскорѣ написанная замѣчательнымъ агитаторомъ, американскимъ литейщикомъ Сильвисомъ, была встрѣчена членами союза чрезвычайно сочувственно. Новая партія получила названіе Національной партіи реформъ и выдвинула право на трудъ. Приближаясь къ соціализму въ смыслѣ признанія дѣленія современнаго общества «на два класса, на богатыхъ и бѣдныхъ, производителей и непроизводителей», она вводила въ свою платформу и утопическія требованія реформы денежной системы во вкусѣ партіи гринбэкеровъ, или «ассигнатчиковъ», какъ можно было бы перевести названіе Greenbackers, которые скоро должны были играть важную роль въ американской политической жизни. Гринбэкерами, по имени зеленой спинки ассигнацій, выпущенныхъ правительствомъ во время войны, назывались сторонники бумажныхъ денегъ, какъ единственнаго средства денежнаго обращенія, и противники ихъ обмѣна на золото и погашенія, якобы способствовавшаго лишь наживѣ банкировъ и биржевиковъ. Къ этой партіи принадлежали преимущественно фермеры и мелкіе

торговцы, должавшіе богатымъ спекуляторамъ; и эту-то точку зрѣнія, въ то время слабо затрогивавшую собственно рабочихъ, защищала программа Національной партіи реформъ. Это не мѣшало, однако, уже знакомому читателю Сильвису, поддерживать дѣятельныя сношенія съ Интернаціоналомъ и пытаться проводить между американскими трудящимся такіе взгляды на отношенія между трудомъ и капиталомъ, которые въ существенныхъ чертахъ не отклонялись отъ современнаго соціализма. Смерть Сильвиса, умершаго 29-го іюля 1869 г., нанесла сильный ударъ дальнѣйшему развитію рабочей организаціи, и члены ея пошли въ разбродъ.

Міровоззрѣнію труда, обѣщавшему практическую борьбу между рабочимъ классомъ и капиталистами, приходилось искать временно своихъ выразителей въ рядахъ Всеобщаго нѣмецкаго рабочаго союза, который былъ основанъ въ 1868 г. подъ сильнымъ вліяніемъ учениковъ Маркса, временно примыкалъ къ Національному рабочему союзу и затѣмъ, въ 1870 г., выступилъ изъ него, когда гринбэкерскія и прочія мелко-буржуазныя идеи широко распространились въ немъ въ ущербъ соціалистическому міросозерцанію. Члены Всеобщаго нѣмецкаго союза явились наиболѣе горячими пропагандистами Интернаціонала въ Заатлантической республикѣ, и въ декабрѣ 1870 г. въ Нью-Іоркѣ уже существовали три секціи общества, составившіяся согласно указаніямъ лондонскаго генеральнаго совѣта и очень увеличившія число сторонниковъ Интернаціонала на почвѣ Америки въ теченіе 1871—1872 г. Теплое отношеніе этихъ интернаціоналистовъ къ феніямъ въ лицѣ О'Донована Росса, къ бѣжавшихъ къ тому времени изъ Франціи коммунарамъ; симпатіи, которыми они стали пользоваться въ чисто рабочей американской средѣ, благодаря поддержкѣ, оказанной имъ очень многочисленнымъ въ этотъ періодъ стачкамъ туземнаго населенія, все это создавало Интернаціоналу популярность, и число его секцій дошло до тридцати. Къ нимъ примыкало около 5000 членовъ: американцевъ, ирландцевъ, нѣмцевъ, французовъ, скандинавовъ, чеховъ, жившихъ въ такихъ крупныхъ городахъ, какъ Нью-Іоркъ, Чикаго, Санъ-Франциско, Новый Орлеанъ, Вашингтонъ и т. д. Интернаціоналъ особенно сталъ распространяться въ Америкѣ, когда гаагскій конгрессъ 1872 г., на которомъ марксисты взяли верхъ надъ бакунистами, рѣшилъ перенести большинствомъ голосовъ побѣдителей резиденцію генеральнаго совѣта Международнаго общества изъ Лондона въ Нью-Іоркъ. Во главѣ нью-іоркскаго совѣта сталъ въ качествѣ генеральнаго секретаря Ф. А. Зорге, съ личностью котораго читатель могъ познакомиться изъ статьи Н. Е. Кудрина въ майской книжкѣ «Русскаго Богатства» *).

Первое энергичное выступленіе Интернаціонала въ американ-

*) См. „Тридцать лѣтъ рабочаго движенія и соціализма", ст. 59—60.

ской политической жизни было на рубежѣ 1873—1874 г., когда ему удалось соорганизовать большіе публичные митинги и манифестаціи безработныхъ въ Нью-Іоркѣ, Чикаго, Филадельфіи, Цинциннати. Въ частности нью-іоркская демонстрація, которая имѣла мѣсто 13-го января 1874 г. вблизи Томпкинсъ-Сквера, показала, съ какой свирѣпостью имущіе и правящіе классы республики намѣрены подавлять всякое широкое и смѣлое движеніе трудящихся массъ. Въ этотъ день манифестанты были нещадно избиты дубинками полицейскихъ; и иные изъ нихъ послѣ побоевъ арестованы, судимы и приговорены къ долгимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія «за сопротивленіе вооруженной силѣ представителей народа». Вмѣстѣ съ тѣмъ буржуазія внесла въ порядокъ дня рядомъ съ дубинкой полицейскаго винтовку милиціонера, и съ этой цѣлью милиція была «реорганизована» во многихъ крупныхъ городахъ.

За періодомъ наибольшаго расцвѣта американскаго Интернаціонала послѣдовалъ быстро періодъ его паденія. Несмотря на попытку созывать правильно ежегодные конгрессы, попытку, отъ которой пришлось отказаться уже въ 1875 г., эта организація рабочихъ массъ стала обнаруживать все болѣе и болѣе яркіе симптомы распаденія. И это распаденіе объяснялось не столько личными несогласіями вожаковъ и вообще членовъ американскаго Интернаціонала,—хотя и въ такихъ несогласіяхъ недостатка не было, сколько трудностью положенія, которое выпало на долю молодого рабочаго движенія. Передъ участниками его возставалъ неизбѣжно вопросъ, удачно разрѣшить который не всегда удается и болѣе зрѣлымъ соціалистическимъ партіямъ, а именно, въ какой мѣрѣ можно было пожертвовать чистотою соціалистическаго ученія съ цѣлью привлечь въ свои ряды большее число сторонниковъ и прежде всего рабочихъ, втянутыхъ въ стихійную борьбу труда съ капиталомъ и, конечно, не могущихъ сразу воспринять соціалистическую доктрину во всей ея полнотѣ. На почвѣ раздоровъ, вызванныхъ рѣшеніемъ этого вопроса, уже въ 1874 г. изъ Интернаціонала выдѣлились нѣсколько нью-іоркскихъ секцій, которыя и основали такъ называемую Соціалъ-демократическую рабочую партію Сѣверной Америки, пріобрѣтшую довольно большое значеніе, тогда какъ Интернаціоналъ быстро пошелъ книзу, и уже 15-го іюля 1876 г. состоялся послѣдній, жалкій конгрессъ общества, едва заключавшій какой-нибудь десятокъ членовъ и формально заявившій въ видѣ воззванія къ «товарищамъ рабочимъ» о смерти старой организаціи.

Соціалъ-демократическая партія обнаружила большую жизненность въ теченіе 1874—1876 г. Въ іюлѣ послѣдняго года ей удалось собрать въ Филадельфіи на конгрессѣ цѣлый рядъ соціалистическихъ организацій, которыя составили на этомъ первомъ конгрессѣ рабочую партію Соединенныхъ Штатовъ, а на второмъ конгрессѣ, въ декабрѣ 1877 г., окончательно приняли названіе Соціалистической рабочей Партіи (*Solialist Labor-Party*). Эта партія,

по словамъ Хилкуита, «была доминирующимъ факторомъ въ соціалистическомъ движеніи Соединенныхъ Штатовъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ, и ея измѣнчивая судьба представляетъ собою самую сложную и интересную часть исторіи американскаго соціализма» *). Только что упомянутой нами писатель признаетъ, что внѣшнимъ образомъ эта дѣятельность партіи, охватывающая болѣе двухъ десятковъ лѣтъ, представляется въ видѣ «массы безсвязныхъ событій»: внезапныхъ измѣненій въ тактикѣ, политическихъ экспериментовъ, продѣлывавшихся въ разныхъ направленіяхъ, внутреннихъ раздоровъ и т. д. Само собою разумѣется, что въ журнальной статьѣ мы можемъ лишь схематически начертить исторію этой партіи, стараясь уловить ту «логическую связь», ту «нить», которая соединяетъ различныя перипетіи ея эволюціи и которая объясняетъ, по мнѣнію Хилкуита, смыслъ хаотически нагромождающихся явленій ея возникновенія, роста и распаденія. Прежде всего на пути къ прочному и неуклонному развитію соціалистической рабочей партіи лежало одно основное препятствіе. Какъ ни какъ, она была создана иностранными, преимущественно нѣмецкими элементами, и въ этомъ отношеніи являлась экзотическимъ растеніемъ, перенесеннымъ на почву Америки, гдѣ ей и приходилось акклиматизироваться. А достигнуть этого она могла не иначе, какъ расширивъ сферу свою дѣятельности и пустивъ корни въ американскую рабочую среду. Но заинтересовать туземный рабочій классъ ей можно было лишь въ двухъ направленіяхъ: стараясь привлечь на свою сторону естественно возникающіе профессіональные союзы или трэдъ-юніоны, какъ они называются у англо-саксонской расы, и принимая участіе въ политической борьбѣ партій.

Между тѣмъ и на томъ, и на другомъ пути ей грозили не малыя затрудненія. Дѣятельность ея среди трэдъ-юніоновъ состояла изъ очень правильно, почти періодически смѣняющихся успѣховъ и неудачъ въ зависимости отъ того, въ какомъ положеніи находилась промышленность республики. Въ періоды индустріальнаго и торговаго расцвѣта, рабочіе могли добиваться довольно замѣтнаго улучшенія своего быта, давя на капиталистовъ при помощи профессіональныхъ организацій, а потому были преисполнены всяческихъ иллюзій и неохотно внимали соціалистической проповѣди о необходимости разрушить весь современный капиталистическій строй. Наоборотъ, въ періоды промышленнаго застоя и обострившихся кризизовъ всѣ ихъ усилія разбивались передъ сопротивленіемъ капиталистовъ, отбиравшихъ у нихъ уступки, сдѣланныя рабочему классу въ дни процвѣтанія. И евангеліе соціализма находило благопріятную почву среди изголодавшихся, изстрадавшихся рабочихъ, замѣчавшихъ теперь, что частныя попытки улучшить свое положеніе заканчивались роковой неудачей при столкновеніи

*) Хилкуитъ, стр. 157.

съ общимъ процессомъ капиталистической эксплуатаціи. Такимъ образомъ, количество трэдъ-юніонистовъ, примыкающихъ къ соціалистическому движенію, то сжималось, то расширялось, смотря потому, какъ обстояли дѣла на фабрикѣ, въ лавкѣ и на биржѣ.

Той же періодичности были подвержены успѣхи и неудачи соціалистовъ и въ области политики. Конечно, сторонники современнаго соціализма всѣ болѣе или менѣе стоятъ за политическую дѣятельность: борьба партіи и въ результатѣ ея окончательный захватъ государственной власти признаются господствующимъ направленіемъ въ соціализмѣ за вещь, крайне полезную, прямо необходимую для рабочаго класса. Политическая, а въ частности избирательная агитація является драгоцѣннымъ орудіемъ въ дѣлѣ воспитанія массъ, проясненія классового сознанія, пріученія къ коллективной работѣ. А демократическія учрежденія Америки, при широко примѣняемой всеобщей подачѣ голосовъ, создаютъ, казалось бы, благопріятныя условія участія рабочихъ въ одной изъ наиболѣе обычныхъ формъ современной политической дѣятельности, а именно дѣятельности выборной и парламентарной. Но съ какой платформой надо было являться передъ избирателемъ? Если бы соціалисты выдвигали съ самаго начала свое міровоззрѣніе во всей его полнотѣ и приглашали рабочихъ сгруппироваться вокругъ этихъ исключительно соціалистическихъ принциповъ, отбрасывая отъ себя всѣ тѣ партіи и всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя не могли бы стать сразу на почву коллективизма обѣими ногами, то само собою число рабочихъ, попадающихъ въ сферу притяженія соціалистической политики, было бы крайне незначительно. Безъ союза или, по крайней мѣрѣ, безъ временной коалиціи съ другими наиболѣе демократическими партіями соціалисты оставались бы при началѣ рабочаго движенія въ до мизерности слабомъ меньшинствѣ. Но съ другой стороны, если бы они, гонясь за избирательнымъ успѣхомъ, стали свертывать значительную часть своего краснаго знамени и показывать рабочему классу лишь голое древко; если бы они стали умалчивать о своихъ принципіальныхъ требованіяхъ, стушевывать свою разницу съ другими партіями, соединяться въ прочные союзы съ врагами рабочихъ, то армія избирателей у нихъ, несомнѣнно, возростала бы, но это достигалось бы лишь цѣною усиленія и безъ того еще царящаго въ головѣ средняго американскаго рабочаго сумбура и вело бы лишь къ торжеству профессіональныхъ политикановъ, составляющихъ настоящую язву Америки *). Дѣло, значитъ, заключалось въ томъ, чтобы каждый разъ зорко всматриваться въ окружающія условія, въ особенности политическаго мо-

*) См. характеристику вульгарныхъ вожаковъ этого рода, или такъ называемыхъ *bosses* въ поверхностной, но порою интересной книжкѣ: J. A. Woodburn, Political Parties and Party problems in the United States; Нью-Іоркъ и Лондонъ, 1903, стр. 244 и слѣд.

мента и участвовать лишь постольку въ политической агитаціи, поскольку это могло вести къ распространенію и укрѣпленію дѣйствительно рабочей политики въ массахъ.

Что же выходило на практикѣ? Когда общія соціальныя условія, и прежде всего опять-таки *состояніе промышленности*, складывались неблагопріятно для рабочаго класса, когда въ его средѣ росло ожесточеніе, презрѣніе къ обманывавшимъ его буржуазнымъ политиканамъ, тогда среди соціалистической партіи преобладало стремленіе поднимать высоко знамя труда и говорить къ своимъ избирателемъ съ чисто соціалистической платформы, но тогда и число голосовъ, поданныхъ за соціалистовъ, достигало замѣтныхъ размѣровъ. Наоборотъ, когда рабочій классъ находился въ сравнительно хорошемъ положеніи, благодаря цвѣтущему состоянію промышленности, и остріе его классовыхъ требованій притуплялось, среди соціалистовъ брали верхъ люди компромисса и коалиціи съ буржуазными партіями, и только онѣ могли привлечь къ себѣ сочувствіе трудящихся. Если же всетаки, вопреки ихъ желаніямъ, послѣдовательные соціалисты продолжали стоять въ своей политической агитаціи на принципіальной точкѣ зрѣнія, то ихъ программа группировала вокругъ себя лишь крайне мизерное число приверженцевъ, встрѣчаемое смѣхомъ политическихъ враговъ.

Колеблясь между этими двумя полюсами, соціалистическая рабочая партія, въ силу новизны и дѣйствительной затруднительности положенія, не догадалась пустить въ ходъ единственную тактику, которую рекомендовалъ ей Энгельсъ въ своихъ письмахъ къ Зорге и которая снабдила бы ее достаточно чуткимъ компасомъ для оріентировки своей дѣятельности въ наименѣе опасномъ и наиболѣе выгодномъ для соціализма направленіи. Энгельсъ именно пишетъ по поводу увлеченія американскихъ рабочихъ Генри Джорджемъ: «Генри Джорджевскій пуффъ (Boom) породилъ, конечно, массу сумбура, и я радъ, что не былъ при этомъ. Несмотря на все это, то былъ день, составляющій цѣлую эпоху (дѣло шло о нью-іоркскихъ муниципальныхъ выборахъ осенью 1886 г., на которыхъ рабочими поддерживалась кандидатура въ мэры автора «Прогресса и бѣдности» Э. В.). Нѣмцы совсѣмъ не сумѣли превратить свою теорію въ рычагъ, которымъ можно было бы привести въ движеніе массы; они по большей части сами не понимаютъ теоріи и обращаются съ ней на доктринерскій и догматическій ладъ, какъ съ вещью, которую должно выучить наизустъ и которая затѣмъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ разговоровъ можетъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ. Для нихъ она credo, а отнюдь не стимулъ для перехода къ дѣятельности. Къ тому же они изъ принципа не учатся англійскому. Поэтому американскія массы должны были искать свой собственный путь и, повидимому, нашли его въ Рыцаряхъ труда, которыхъ смутные принципы и смѣшная

организація соотвѣтствуютъ ихъ собственной смутности понятій... Я думаю, что необходимо дѣйствовать внутри нихъ, и образовать внутри этой еще мягкой массы ядро людей, которое бы поняло движеніе и его цѣли и приняло бы на себя руководство, по крайней мѣрѣ части его, при неизбѣжно надвигающемся крушеніи «ордена»... Первымъ крупнымъ шагомъ, который надо сдѣлать во всякой только что вступающей въ движеніе странѣ, является образованіе изъ рабочихъ самостоятельной политической партіи, какова бы она ни была, лишь бы только она представляла собой отличную отъ другихъ рабочую партію... Массы должны имѣть время и условія, чтобы развиваться, а эти условія только тогда на лицо, когда возникаетъ ихъ собственное движеніе,—все равно, въ какой формѣ, лишь бы то было *ихъ собственнымъ* движеніемъ, въ теченіе котораго онѣ идутъ все дальше и дальше впередъ, подгоняемыя собственными ошибками, и научаются самыми несчастіями». *)

Словомъ, по мнѣнію Энгельса, соціалистическая партія Америки должна была непремѣнно входить въ стихійное рабочее движеніе и дѣйствовать на него въ уясняющемъ и опредѣляющемъ смыслѣ извнутри, внося въ него соціализмъ въ самомъ процессѣ борьбы трудящихся массъ за свои жизненные интересы. Но именно эти пріемы остались чужды соціалистической партіи, которая, какъ уже было сказано нами выше, зачастую находилась въ затруднительномъ положеніи и не знала, какъ изъ него выйти, чтобы сохранить во всей чистотѣ теорію.

Намъ хотѣлось бы лишь указать на нѣсколько фактовъ изъ исторіи рабочаго движенія и дѣятельности соціалистической партіи въ связи съ политическими событіями, чтобы иллюстрировать отмѣченныя нами сейчасъ особенности этого періода.

При самомъ началѣ своего политическаго выступленія соціалистическая партія должна была считаться съ грандіознымъ стачечнымъ движеніемъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, которые организовали въ іюлѣ 1877 г. могучее сопротивленіе капиталистамъ, понижавшимъ заработную плату въ Нью-Іоркѣ, Нью-Джерсеѣ, Пенсильваніи, Огайо, Иллинойсѣ, Индіанѣ, Миссури и прочихъ Штатахъ. Въ Питтсбургѣ милиція осаждалась забастовщиками и принуждена была потихоньку убѣжать изъ города; въ Ридингѣ милиціонеры почти всѣ перешли на сторону рабочихъ; въ Сэнъ-Луи цѣлую недѣлю таинственный исполнительный комитетъ рабочихъ былъ «неограниченнымъ властителемъ города». Соціалисты,

*) „Briefe und Auszüge aus Briefen von Ioh. Phil. Becker, Ios. Dietzgen, Friedr. Engels, Karl Marx u. A. an F. A. Sorge u. A.; Штутгартъ, 1906, стр. 238.

не подстрекая рабочихъ къ стачкамъ, организовали, однако, рядъ митинговъ, на которыхъ выражалось сочувствіе трудящимся, возставшимъ противъ эксплуататоровъ. И симпатіи, родившіяся, благодаря такому отношенію соціалистовъ къ массамъ, среди рабочаго класса, создали благопріятную почву для успѣховъ соціализма. Это обнаружилось, между прочимъ, на количествѣ соціалистическихъ газетъ, которыя издавались въ то время въ странѣ. Не менѣе двухъ дюжинъ такихъ изданій поддерживало соціалистическую партію. Изъ нихъ заслуженную извѣстность пріобрѣла Нью-іоркская Народная газета, выходившая по-нѣмецки и въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ сохранявшая руководящее мѣсто среди партійныхъ органовъ. Любопытно, однако, что вскорѣ же, въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ г., фатальная періодичность соціалистическаго прилива и отлива снова обнаружилась на ослабленіи движенія. И несмотря на поѣздку нѣмецкихъ соціалистическихъ депутатовъ, Фриче и Фирека, въ Соединенные Штаты въ февралѣ 1881 г., черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возбужденія, поднятаго ихъ агитаціей, политическій индифферентизмъ охватилъ нѣмецко-американскихъ рабочихъ, не говоря уже о чисто-туземныхъ трудящихся массахъ. На третьемъ конгрессѣ партіи, въ декабрѣ 1881 г., пришлось констатировать тотъ печальный фактъ, что большинство сѣверо-американскихъ соціалистовъ оставалось внѣ рядовъ упомянутой партіи.

Вскорѣ партія еще болѣе была ослаблена борьбой съ анархическимъ теченіемъ, которое вначалѣ, а временами и впослѣдствіи, не особенно рѣзко отмежевывалось отъ общаго соціалистическаго потока, благодаря присутствію въ послѣднемъ болѣе крайнихъ и болѣе нетерпѣливыхъ элементовъ, питавшихъ не столько теоретическія, сколько практическія симпатіи къ анархизму. Страницы, посвященныя этой борьбѣ Хилкуитомъ, являются, пожалуй, наиболѣе живыми и интересными во всей книгѣ. Въ особенности глава «Драма въ Чикаго», которая изображаетъ исторію провокаторской бомбы и безпримѣрной по своей свирѣпости буржуазной реакціи, послѣдовавшей за взрывомъ, принадлежитъ къ лучшему, что вышло изъ-подъ пера автора «Исторіи соціализма». Эти страницы портитъ развѣ традиціонный взглядъ марксиста на анархизмъ, который кажется Хилкуиту крайнимъ выводомъ изъ индивидуалистической теоріи, между тѣмъ какъ несомнѣнно, что это не примѣняется къ цѣлой и очень важной разновидности анархизма, только и пользующейся извѣстной популярностью среди массъ, а именно къ современному «анархическому коммунизму». И приговоръ нашего автора надъ нимъ, какъ надъ «довольно неуклюжей попыткой комбинировать принципы крайняго индивидуализма и принципы соціализма» (стр. 175), показываетъ лишь, что и въ средѣ людей, старающихся всегда оперировать орудіемъ критики, обращается еще не мало предразсудковъ. Довольно сказать, что

самый подлинный соціалистъ, какъ и «анархистъ», долженъ ставить и не можетъ не ставить своимъ конечнымъ идеаломъ такой общественный строй, въ которомъ именно должны быть надлежащимъ образомъ «скомбинированы» элементы индивидуализма, счастія живой личности, и элементы солидарности, крѣпости соціальнаго общежитія. Вообще, изложеніе принциповъ анархизма грѣшитъ у Хилкуита такой предвзятостью и поверхностностью, что лучше пройти молчаніемъ эти слабыя мѣста и обратиться прямо къ фактамъ.

Анархизмъ пріобрѣтаетъ значеніе въ Америкѣ съ начала 80-хъ годовъ, когда прибытіе на почву республики Гассельмана и Моста, вышедшихъ къ тому времени изъ рядовъ нѣмецкой соціалъ-демократіи, даетъ толчокъ распространенію анархическихъ идей. Въ октябрѣ 1883 г. въ Питтсбургѣ собирается объединенный конгрессъ собственно анархистовъ и такъ называемыхъ «соціалистовъ-революціонеровъ», т. е. наиболѣе крайнихъ элементовъ между членами соціалистическихъ организацій. Въ результатѣ этого конгресса появилась «Питтсбургская прокламація», излагавшая принципы коммунистическаго анархизма. И между анархистами и соціалистами борьба стала вестись съ ожесточеніемъ, которое выражалось не только въ печатной полемикѣ между мостовской «Свободой» и «Бюллетенемъ» соціалистической партіи и вообще прессой общихъ враждующихъ сторонъ, но и на митингахъ и въ агитаціи въ странѣ, наполнявшейся шумомъ постоянныхъ столкновеній. Напрягая всѣ силы, соціалистическая рабочая партія отстаивала въ иныхъ мѣстахъ довольно удачно свои позиціи, но въ общемъ побѣда оставалась за анархизмомъ, который въ 1885 насчитывалъ около 7000 членовъ въ своихъ секціяхъ такъ называемаго «Международнаго общества трудящихся», т. е. раза въ три больше, чѣмъ находилось въ то время въ порѣдѣвшихъ рядахъ соціалистовъ.

Но Тарпейская скала была недалеко отъ Капитолія и для анархизма. Анархистскіе агитаторы приняли дѣятельное участіе въ пренебрегавшейся ими сначала агитаціи въ пользу 8-часового дня, и въ маѣ 1886 г. подъ ихъ руководствомъ была сдѣлана въ Чикаго попытка организовать сильное стачечное движеніе боевого характера съ цѣлью устранить штрейкбрехеровъ. Появились нанятые хозяевами «пинкертоновцы», т. е. частная капиталистическая полиція, состоявшая изъ подонковъ общества и отличавшаяся необыкновенною свирѣпостью. Въ результатѣ шесть человѣкъ рабочихъ было убито, много ранено. Взбѣшенные пролетаріи рѣшили устроить грандіозный митингъ, съ цѣлью создать энергичное сопротивленіе разгулявшейся бандѣ капиталистовъ и ихъ стражникамъ. При самомъ концѣ этого митинга, 4-го мая 1886 г., когда толпа уже почти разошлась, между полицейскими и рабочими была брошена динамитная бомба, которая послужила сигналомъ къ оживленной перестрѣлкѣ съ обѣихъ сторонъ. Когда спустя

нѣсколько минутъ она прекратилась, среди полисмэновъ оказалось семь убитыхъ и шестнадцать раненыхъ, среди рабочихъ четыре убитыхъ и пятьдесятъ получившихъ болѣе или менѣе тяжелыя раны.

Взрывъ, очевидно бывшій дѣломъ рукъ полиціи, былъ очень ловко утилизированъ буржуазной прессой и буржуазнымъ общественнымъ мнѣніемъ, уже давно тяготившимися удачной 8-часовой агитаціей. Аресты, пріостановка газетъ или чтеніе ихъ импровизированными цензорами изъ полицейскихъ, запрещеніе митинговъ и, наконецъ, возмутительная пародія на судъ, приговорившая семь совершенно невиновныхъ во взрывѣ анархическихъ агитаторовъ и журналистовъ, достаточно показывали намѣреніе имущихъ и правящихъ классовъ Америки во что бы то ни стало подавить движеніе, угрожавшее ихъ интересамъ. Изъ семи приговоренныхъ къ смерти четверо были повѣшены и умерли героями. Для того, чтобы понять, въ какой степени это осужденіе было произвольнымъ, достаточно припомнить лишь тотъ фактъ, что шесть лѣтъ спустя оставшіеся въ живыхъ трое мнимыхъ динамитчиковъ были помилованы губернаторомъ Иллинойса, а самъ процессъ былъ пересмотрѣнъ и признанъ совершенно несправедливымъ и возмутительно пристрастнымъ.

Это преслѣдованіе анархистовъ, ослабившее ряды сторонниковъ крайнихъ революціонныхъ «средствъ», о которыхъ, впрочемъ, лишь говорилось среди приверженцевъ анархіи, тогда какъ ихъ практиковала полиція, дало въ рабочихъ сферахъ снова перевѣсъ соціалистамъ. И уже упоминавшаяся нами Соціалистическая рабочая партія начала развиваться, если и среди всевозможныхъ перипетій борьбы съ враждебными партіями и столкновеній между своими членами, то все же въ общемъ быстро увеличивая число своихъ приверженцевъ. Въ то время, какъ въ разгарѣ войны съ анархизмомъ, цифра членовъ партіи не превосходила 1500, въ 1889 г. уже насчитывалось 70 секцій, а еще десять лѣтъ спустя, въ 1899 г. уже цѣлыхъ 350, простиравшихся на болѣе чѣмъ тридцать штатовъ. Прибавимъ къ этому, что въ 1898 г. за партію было подано на выборахъ 82.204 голоса, число, которое само по себѣ, конечно, незначительно, но которое было самой высшей цифрой, когда-либо поданной за партію.

Этотъ ростъ партійной организаціи совершался въ процессѣ различныхъ выступленій въ собственно политической и въ трэдъюніонистской областяхъ, при чемъ партія вела себя то дружественно, то враждебно по отношенію къ политическимъ организаціямъ и къ профессіональнымъ союзамъ. Такъ, при самомъ началѣ своей дѣятельности, на объединительномъ конгрессѣ 1876 г., Соціалистическая рабочая партія рѣшается стать на почву «независимой рабочей политики» и видитъ ее въ то время въ томъ, чтобы «воздерживаться на ближайшее время отъ всякихъ политическихъ дви-

женій и повернуться къ избирательной урнѣ спиною». Но такая тактика, которая подсказывалась ей крайнею ея слабостью, въ этотъ моментъ уступаетъ мѣсто политикѣ участія въ политической борьбѣ, выражавшейся въ 1877—1879 г. въ самостоятельной агитаціи на многихъ муниципальныхъ выборахъ и выборахъ въ штатахъ,— а на президентскихъ выборахъ 1880 г. въ поддерживаніе,—впрочемъ, довольно неохотномъ,—кандидатовъ гринбэкеровъ. Затѣмъ наступаетъ періодъ новаго ухода съ арены политической битвы вплоть до возникновенія генри-джорджевской агитаціи, когда Соціалистическая рабочая партія рѣшила, какъ мы уже видѣли мимоходомъ выше, поддерживать кандидатуру этого очень популярнаго въ то время реформатора въ мэры Нью-Іорка въ октябрѣ 1886 г. *). Соціалисты одно время входили даже въ составъ партіи объединеннаго труда, явившейся компромиссомъ между соціалистическими элементами и приверженцами Генри Джорджа. Но послѣдній, на августовскомъ конгрессѣ 1887 г., настоялъ на исключеніи изъ «своей» партіи пугавшихъ его крайностями міровоззрѣнія соціалистовъ и поплатился за это потерею своего вліянія на рабочихъ и быстрымъ паденіемъ своего общаго политическаго престижа. Для соціалистической же партіи снова наступилъ періодъ «независимой политики», которая сначала велась въ довольно оригинальной формѣ подаванія на президентскихъ выборахъ бюллетеней съ надписью: «не надо совсѣмъ президента», а позже, въ 1892 г., въ выставленіи въ первый разъ рабочаго кандидата на постъ высшаго сановника Соединенныхъ Штатовъ. Въ періодъ наибольшаго развитія такъ называемаго «популистскаго» движенія, въ началѣ 90-хъ годовъ, соціалисты не столько оффиціально, сколько частнымъ образомъ поддерживали Народную партію, которая состояла главнымъ образомъ изъ мелкихъ фермеровъ, но приглашала въ совмѣстной дѣятельности и промышленныхъ рабочихъ.

Что касается до отношенія соціалистической рабочей партіи къ профессіональнымъ организаціямъ, то и здѣсь замѣчается извѣстная зигзагообразность ея тактики. Въ теченіе нѣкотораго времени она считаетъ возможнымъ дѣйствовать въ этой сферѣ параллельно съ могучей, но тайной и олигархически построенной организаціей рабочихъ, ставшей извѣстною подъ громкимъ име-

*) Агитація Генри Джорджа съ цѣлью „національизировать“ земельную собственность черпала силы въ острой постановкѣ аграрнаго вопроса въ Соединенныхъ Штатахъ. Статистика 30-го іюня 1898 насчитываетъ въ республикѣ 1 милліардъ 67 милліоновъ акровъ измѣренной „общественной земельной собственности“ (см. Scott Keltie, l. c., стр. 435). Но изъ этой громадной массы земель концессіи желѣзнодорожныхъ компаній берутъ львиную долю; владѣльцы колоссальныхъ фермъ распалагаютъ въ свою очередь обширными пространствами; средніе и мелкіе фермеры, несмотря на законъ о неотчуждаемости семейныхъ участковъ (homescad laus), изнываютъ подъ бременемъ долговъ и въ сущности работаютъ на крупныхъ посредниковъ, акціонерныя компаніи и т. д.

немъ «Ордена рыцарей труда». Затѣмъ когда нежеланіе «Ордена» сойти со старой, безполезно конспиративной почвы вызываетъ вражду между нимъ и вновь образовавшейся «Американской федераціей труда», Соціалистическая рабочая партія переходитъ къ совмѣстной дѣятельности съ только что упомянутой организаціей, которая на своемъ конгрессѣ 1888 г. въ Сенъ-Луи проводитъ знаменитую, подхваченную годъ спустя парижскимъ интернаціональнымъ конгрессомъ резолюцію «возобновить общее движеніе для установленія 8-часового рабочаго дня».

Но большая половина 90-хъ годовъ прошла въ столкновеніяхъ между Соціалистической рабочей партіей и Американской федераціей въ силу желанія соціалистовъ ввести основные принципы своего ученія въ самую программу федераціи, пока, наконецъ, послѣ страстныхъ дебатовъ на конгрессѣ федераціи въ 1898 г. не восторжествовала строго трэдъ-юніонистская точка зрѣнія, и вступленіе въ федерацію чисто соціалистическихъ группъ было воспрещено подъ предлогомъ «не вносить въ организацію партійныхъ распрей». Съ другой стороны, попытка устроить чисто соціалистичоскую «Лигу трэдъ-юніоновъ и рабочихъ союзовъ» не удалась Соціалистической рабочей партіи вслѣдствіе того, что участвовавшіе въ основаніи лиги вожди партіи черезчуръ по диктаторски навязывали свои рѣшенія членамъ лиги, а главное удѣляли черезчуръ большое вниманіе чисто политическимъ вопросамъ по сравненію съ профессіональными, которые, къ неудовольствію рабочихъ, отходили постоянно на задній планъ. Не мѣшаетъ указать на тотъ поистинѣ чудовищный фактъ, что крайніе доктринеры партіи, желая ослабить у рабочихъ вѣру въ могущество профессіональнаго движенія, не отступали порою передъ вербовкой штрейкбрехеровъ, чтобы подорвать стачку, организуемую, какъ имъ казалось, черезчуръ буржуазными трэдъ-юніонами.

Все это вызывало все болѣе и болѣе яркую оппозицію крайностямъ доктринерства среди самой Соціалистической рабочей партіи, и недовольство долго тлѣвшее подъ пепломъ внутреннихъ разногласій, вспыхнуло, наконецъ, яркимъ пламенемъ въ концѣ 90-хъ годовъ. Дѣло было такъ. Въ 1897 г. образовалась такъ называемая Соціалъ-демократическая Америка, партія, которая, рядомъ съ провозглашеніемъ болѣе или менѣе соціалистическихъ принциповъ, выдвигала химерическій планъ водворенія соціализма путемъ колонизаціи какого-нибудь западнаго штата и захвата въ немъ политической власти. Но вскорѣ, въ 1898 г., изъ нея выдѣлилась болѣе трезвая часть, которая выбросила изъ своей программы колонизаторскія фантазіи и стала чисто политической соціалистической партіей подъ названіемъ Соціалъ-демократической партіи Америки. Съ ней-то пожелали слиться оппозиціонеры Соціалистической рабочей партіи, которые въ 1899 г., на рочестерскомъ конгрессѣ, выступили изъ неудовлетворявшей ихъ пар-

тіи, прежде всего отбросивъ узкій сектантскій взглядъ на профессіональное движеніе и выразивъ симпатію всѣмъ дѣйствительно рабочимъ профессіональнымъ организаціямъ. Послѣ различныхъ преній и нѣсколькихъ неудавшихся попытокъ соединенія, новая партія сорганизовалась, наконецъ, изъ рочестерскаго крыла Соціалистической рабочей партіи и изъ той фракціи Соціалъ-демократіи которая, сохранивъ принципы соціализма, отбросила колонизаторскіе планы прежней. Она родилась на конгрессѣ 29-го іюля 1901 г. въ Индіанополисѣ, получила названіе просто Соціалистической партіи (Socialist Party) и съ тѣхъ поръ не перестаетъ развиваться, заключая въ настоящее время (точнѣе выражаясь, въ 1903 г.) около 1200 секцій и 20,000 членовъ, тогда какъ старая соціалистическая рабочая партія оказалась жертвой своей доктринерской ненависти къ широкому рабочему и въ частности профессіональному движенію и превратилась въ незначительную группу, насчитывающую на всей территоріи Заатлантической республики едва-ли 3000 человѣкъ.

Нечего, конечно, обманывать себя размѣрами соціалистическаго движенія въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ бы оптимистически ни начинали смотрѣть теперь на положеніе дѣлъ его вожаки. Не забудемъ, что если число членовъ наиболѣе жизненной Соціалистической партіи Америки простирается, какъ мы видѣли, до 20,000, число всѣхъ голосовъ, поданныхъ за нее на выборахъ, достигаетъ въ послѣднее время 25,000 голосовъ (Хилкуитъ, стр. 267), то вѣдь это въ сущности капля въ морѣ по сравненію съ громаднымъ контингентомъ рабочаго населенія заокеанской республики, которая насчитываетъ, по переписи 1900 г., 29.073,233 человѣкъ, занятыхъ въ разныхъ профессіяхъ *), и по сравненію съ градіозными движеніями трудящихся массъ, организующихъ въ Америкѣ стачки, которыя превосходятъ во много разъ аналогичныя выступленія рабочихъ Стараго Свѣта.

Очевидно, само по себѣ экономическое развитіе любой страны не обезпечиваетъ еще роста соціализма, хотя, несомнѣнно, въ концѣ концовъ только могучее движеніе трудящихся можетъ создать неисчерпаемый резервуаръ силъ для будущей соціалистической партіи. Но для уясненія и укрѣпленія ихъ классового сознанія,—сознанія трудящихся и эксплуатируемыхъ,—а въ особенности для выработки среди нихъ соціалистическаго міросозерцанія, надобны еще другія условія, кромѣ, если такъ можно выразиться, автоматической эволюціи капитализма. Нуженъ свѣтъ теоріи; нужна извѣстная преемственность работы мысли; нужна свобода отъ національныхъ, религіозныхъ и т. п. предразсудковъ, тяжелыми гирями висящихъ на развитіи массъ. Между тѣмъ Америка жила

*) Scott Keltie. Ibid., стр. 413.

слишкомъ напряженною практическою дѣятельностью, тратила и продолжаетъ тратить слишкомъ много силъ и физическихъ, и умственныхъ на собственно такъ называемое порабощеніе природы и при томъ въ рамкахъ безпримѣрнаго въ исторіи по широтѣ размаха порабощенія человѣка человѣкомъ (вспомните лишь одни тресты съ ихъ милліардами долларовъ капиталовъ и сотнями тясячъ зависящихъ отъ нихъ рабочихъ), чтобы могучій рабочій классъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ могъ критически всмотрѣться въ свое положеніе. Ибо только тогда онъ могъ бы понять, что его спасеніе въ соціалистической организаціи, а не въ тысячи тѣхъ чудодѣйственныхъ политическихъ пилюль и элексировъ, какіе пропрописываютъ ему кишащіе на его почвѣ въ такомъ изобиліи всевозможные соціалъ-шарлатаны. Къ предметнымъ урокамъ, которые даетъ американскому рабочему классу сама жизнь, онъ долженъ будетъ присоединить еще пониманіе смысла соціальныхъ явленій. И въ этомъ отношеніи значеніе соціалистической теоріи для сѣверо-американцевъ поистинѣ громадно.

Пока результаты работы соціалистической мысли въ Старомъ Свѣтѣ, живущемъ столь разнообразною культурною жизнью, не будутъ знакомы хотя бы въ общихъ чертахъ трудящимся массамъ Новаго Свѣта, до тѣхъ поръ гигантское движеніе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ будетъ порождать и тѣ «гигантскія ошибки», о которыхъ любилъ говорить Энгельсъ своимъ заатлантическимъ друзьямъ. Но разумѣется, вмѣстѣ съ Энгельсомъ можно надѣяться, что и періодъ усвоенія соціализма необыкновенно энергичнымъ рабочимъ классомъ республики будетъ сравнительно коротокъ, ибо сама дѣйствительность открываетъ ему такіе горизонты безконечной мощи организованной человѣческой дѣятельности, какіе европеецъ знаетъ только изъ книгъ. Все дѣло, значитъ, въ томъ, какъ внести теорію и сознаніе въ кипучую жизнь американскаго населенія, такъ чтобы эти идеальные элементы не превращались въ застывшее и не могущее вліять на живыхъ людей доктринерство, а явились дѣйствительнымъ ферментомъ броженія, вызывающимъ въ чисто умственной сферѣ такую же интенсивную дѣятельность, какую американецъ проявляетъ въ сферѣ практической.

Въ общихъ чертахъ отвѣтъ таковъ: жить съ трудящимися массами одною жизнью, брать ихъ такими, какими онѣ есть, бороться вмѣстѣ съ ними за удовлетвореніе ихъ существенныхъ интересовъ; но все время стараться освѣщать каждый изъ ихъ шаговъ по трудному пути общественной эволюціи свѣточемъ соціалистическаго идеала, т. е. сознаніемъ того, что никакая частная реформа не можетъ рѣшить соціальный вопросъ, кромѣ коренного переворота, который замѣнитъ индивидуалистическій строй коллективизмомъ и борьбу личностей, группъ и классовъ солидарнымъ сотрудничествомъ людей-братьевъ.

Э. Вернеръ.

Богадѣльщикъ Левоха.

(Изъ воспоминаній врача о карійской каторгѣ.)

Послѣ долгаго ненастья проглянуло солнце; рѣзкій сѣверо-западный вѣтеръ гналъ разорванныя тучи къ востоку, попутно высушивая землю, тюрьмы, казармы, дома карійскихъ обывателей. Весело запрыгали по крышамъ чирикающіе воробьи, гдѣ-то прятавшіеся въ ненастную погоду; въ сыромъ, блестѣвшемъ въ солнечныхъ лучахъ, воздухѣ парили три коршуна, мѣрно и плавно выдѣлывая воздушные круги, то поднимаясь чуть замѣтными точками, то опускаясь, едва не касаясь земли... Вылѣзла изъ-подъ лазаретнаго крыльца собака Шавка, жирный, черный, лѣнивый песъ, преклонный годами, никогда не лаявшій, любовно встрѣчавшій и ласково провожавшій „кандальныхъ“, какъ приводимыхъ въ лазаретъ для излѣченія, такъ и уводимыхъ обратно въ тюрьмы, или уносимыхъ на кладбище. Заслышавъ каждый разъ побрякиванье кандаловъ подходящей партіи, Шавка, срываясь съ лазаретнаго крыльца и помахивая хвостомъ, бѣжала навстрѣчу подходившимъ, терлась боками о закованныя въ кандалы ноги и высоко подпрыгивала, добираясь до лица, для собачьяго поцѣлуя. Нерѣдко, за эти встрѣчи и проводы, Шавку награждали кускомъ хлѣба, поглаживаніемъ по головѣ шаршавой, мозольной каторжной рукой.

— Здравствуй, Шавка, здравствуй! Жалѣешь? Встрѣтить вышелъ? Спасибо! Добрый песикъ уродился,—нашъ каторжный песъ,—жалостливый... Не забывай, не забывай своей службы...

Неудержимо потянуло меня оставить биткомъ набитый больными лазаретъ, потянуло къ лѣсу, горамъ, вздохнуть чистымъ, влажнымъ воздухомъ лѣсного простора, забыться на нѣсколько часовъ. Ненастья, грязи,—какъ не бывало; яркое іюльское солнце блестѣло на небѣ; песчаная почва быстро всосала влагу; не было и пыли, которая, обычно,

тучами поднималась надъ Карой при малѣйшемъ вѣтрѣ. День былъ, сравнительно, свободный.

— Я слышалъ, Иванъ Павловичъ, вы охотой развлекаетесь,—обратился я къ сослуживцу-фельдшеру,—одолжите ружьишко на денекъ. Хочется карійскія окрестности посмотрѣть...

— Какъ же, какъ же, балуюсь съ малолѣтства. Походишь съ ружьемъ,—скука проходитъ... Фузея хорошая, старинная фузея, одноствольная. Недавно степную курицу убилъ: жирная курица, фунтовъ двѣнадцать потянула,—помучился съ ней... А вы въ какую же сторону?

— Да по берегу Кары пройдусь; бушуетъ рѣчка съ дождей, отсюда слышно—шумитъ и гремитъ... Съ ружьемъ веселѣе въ незнакомыхъ мѣстахъ...

— Съ удовольствіемъ! Сейчасъ принесу...

Ружье оказалось, дѣйствительно, „фузіей", едва не саженной длины и фунтовъ пятнадцати вѣсу. Заряжая, Иванъ Павловичъ сыпалъ на ладонь порохъ, примѣрно сжималъ кулакъ и еще добавлялъ; то же продѣлалъ и съ дробью.

— Въ старыхъ разрѣзахъ, между отвалами, золотарей встрѣтите, г-нъ докторъ.

— Какихъ золотарей?!

— Тѣхъ, что въ лодочкахъ золото промываютъ, крадучись отъ начальства... Пить, ѣсть тоже хочется богадѣльной братіи... Вся усть-карійская дряхлятина золотомъ промышляетъ: 12 золотниковъ мяса, два фунта хлѣба въ сутки—это вѣдь и на беззубый ротъ маловато... Старики, калѣки, юродивые, сумасшедшіе; у многихъ носъ, губы, лицо болѣзнь съѣла,—а живы, двигаются... Разгильдѣевскихъ еще остатковъ сколько угодно; кнутомъ биты, шпицрутенами, штемпелеванные... Николаевскихъ служакъ много, найдутся и Александра перваго... Старики столѣтніе: биты, перебиты, а живутъ, двигаются по своему; умирать не умираютъ, а время проводятъ... Одряхлѣлъ ты въ каторгѣ, ослѣпъ, искалѣчился, съ ума сошелъ, ноги свело на спину, негоденъ въ казенныя работы,—иди, милый человѣкъ, въ богадѣльщики, догнивай среди „отбросовъ каторги"...

— Немного лѣтъ тому,—продолжалъ словоохотливый Иванъ Павловичъ,—богадѣльщикъ Горбушка на цѣпи сидѣлъ, къ стѣнѣ былъ прикованъ въ наказаніе... Сѣдой старикъ, съ вывернутыми ногами; борода по поясъ; вшей въ камерѣ лопатами гребли,—а сидѣлъ. Со смотрителями, приставниками ссорился: ругатель былъ старикъ!—„Разбойники, грабители, душегубы! Васъ слѣдуетъ на цѣпь приковывать, а не нашего брата,—руки бы вамъ приколачивать гвоздями къ стѣнкѣ!.." Пожаловались на Горбушку ге-

нералу, который прибѣгалъ на Кару: зашелъ онъ къ нему въ камеру,—вонь, духота, смрадъ, старикъ весь во вшахъ,— однако генералъ осердился...

— Я тебя, такой, сякой, туда закатаю, гдѣ перецъ не растетъ.

— Перецъ, ваше превосходительство, и въ Карѣ не растетъ... На вшей за то здѣсь урожай превосходный; восьмой десятокъ на свѣтѣ живу, такой благодати не видывалъ...

Грозно и долго, въ упоръ, смотрѣлъ генералъ на Горбушку: чиновничество притихло, руки, ноги затряслись... Генералъ былъ особый, изъ Петербурга—повернулся, вышелъ въ каридоръ...

— Раскуйте старика! Дураки!...

Расковали Горбушку; черезъ мѣсяцъ померъ...

— Развѣ богадѣльщиковъ наказываютъ, Иванъ Павловичъ?

— По закону-то, конечно, нельзя бить убогаго человѣка... Въ Усть-Карѣ калѣчи больше шестисотъ человѣкъ; бабъ однѣхъ около сотни... Что выдѣлываютъ съ ними, не приведи Создатель! Случается, розгами угощаютъ: выпорютъ втихомолку, небу жарко,—кому будетъ жаловаться? Господу Богу? До него высоко... Умираютъ они десятками безъ попа, безъ медицинской помощи; фельдшера для нихъ не положено; лѣкарствъ для нихъ казна не отпускаетъ,—живыми похоронены... Такъ вы идете, господинъ докторъ? Непремѣнно внизъ по Карѣ направьтесь, къ новой тюрьмѣ. Работъ въ этой сторонѣ не производятъ, старые разрѣзы пустуютъ; утки между отвалами въ мочежинахъ держатся...

Забравъ хлѣба и варенаго мяса, часовъ въ 11 утра я отправился въ путь. Пройдя саженъ двѣсти вверхъ по теченію, я разыскалъ указанные Иваномъ Павловичемъ „переходы“: два бревна, саженъ по пяти длины, переброшенные съ одного берега на другой.

Переходы эти висѣли довольно высоко надъ водой; подъ ними бурлила и ревѣла мутная, грязно-бѣловатая вода, съ бѣшеной быстротой мелькая передъ глазами. Послѣ дождей р. Кара была неузнаваема: переполнившись водой, она крутила, вертѣла и сносила бревна, небольшія плотины, запруды,—нерѣдко подмывала золотопромышленныя машины, уничтожая носилки, тачки, захваченные разливомъ въ разрѣзахъ; бывали и человѣческія жертвы... По переходѣ на правый берегъ, сразу пришлось познакомиться съ трудностями путешествія по отваламъ: песокъ и галька сыпались изъ-подъ ногъ, а обойти не было никакой возможности; искуственныя сооруженія каторжныхъ и вольныхъ рабочихъ

тянулись параллельно рѣчкѣ на десятки верстъ, занимая вглубь по берегу пространство саженъ въ двѣсти. „Фузея" давила немилосердно плечо, мѣшокъ съ провизіей, привязанный къ поясу, мѣшалъ движеніямъ, а отвалы однообразно—непрерывно тянулись справа и слѣва. Судя по времени, я уже прошелъ не менѣе трехъ верстъ и, выбившись изъ силъ, рѣшилъ сдѣлать привалъ на галечномъ, обросшемъ отъ времени травой, отвалѣ. Налѣво, верстахъ въ трехъ, темнѣло селеніе Нижней Кары, направо долина суживалась и казалась, въ перспективѣ, узкимъ проходомъ, по которому изъ года въ годъ наполнялась каторга. Невидимо бѣжавшая рѣчка гремѣла и бурлила издали неустаннымъ рокотомъ. На горизонтѣ ярко зеленѣли подъ солнечными лучами горы, покрытыя лѣсами и кустарниками. Надъ головой высилось прозрачное голубое небо, безъ единаго облака, безъ единаго темнаго пятна въ чистомъ воздухѣ; подъ ногами валялись груды сѣро-бѣлыхъ отваловъ, никому не нужныхъ, ни для чего непригодныхъ. Милліарды пудовъ песку, гальки, камня, насыпанные подневольными руками, облитые человѣческими слезами и кровью... Съ лѣвой стороны вдругъ послышались всплески воды, неопредѣленное движеніе, царапанье,—въ головѣ блеснула мысль: „Не утки ли?" Быстро поднявшись на ноги, я спустился въ отвальный промежутокъ, взобрался на вершину слѣдующаго отвала—и глазамъ представилась своеобразная картина: саженяхъ въ пяти разстоянія, внизу, подъ отваломъ, у бурливаго изгиба рѣчки, въ одной рубахѣ, безъ портокъ и безъ шапки на голой головѣ, стоялъ на колѣняхъ сѣдой, какъ лунь, старикъ, выдѣлывая руками непонятныя мнѣ движенія. Или онъ былъ совершенно глухъ, или шумъ рѣчки заглушалъ шумъ моихъ шаговъ и вырывавшихся изъ-подъ моихъ ногъ камней; но, по крайней мѣрѣ, минутъ десять безпрепятственно наблюдалъ я сверху изможденную сѣдую голову и голую фигуру старика, ярко освѣщеннаго солнцемъ: онъ держалъ въ рукахъ деревянное корытце, нагребалъ въ него изъ ямки песокъ, черпалъ въ рѣчкѣ воду, ладонью руки растиралъ песокъ въ корытцѣ, сливая грязную воду на землю, и снова, и снова повторялъ эту операцію. Очевидно, это и былъ „золотарь", о которомъ разсказывалъ Иванъ Павловичъ. Бросивъ „фузею" на вершинѣ отвала, я скатился почти къ самымъ ногамъ старика.

— Здравствуй, дѣдушка, помогай Богъ!—крикнулъ я громко.

Старикъ обернулся, быстро вскочилъ на ноги и снова присѣлъ на землю, какъ испуганный заяцъ. Не выпуская корытца, онъ вытянулъ руки впередъ и глупо, безсмысленно

улыбался мнѣ, широко раскрывая беззубый ротъ; потомъ онъ задрожалъ мелкой дрожью, такъ что вмѣстѣ съ тѣломъ колыхалась и его рваная рубаха...

— Испугался... прости!—глухо, отрывисто заговорилъ старикъ, бросая лотокъ на землю и поднимаясь на ноги.— Усталъ... ходилъ много... съ разрѣшенія ходилъ... Усть-карійскій я, не бѣглый... Петровъ, богадѣльщикъ... Не буду больше,—не тронь Христа ради...

Не мало труда стоило мнѣ успокоить старика, разъяснить, что я „не дозоръ", „не изъ казаковъ", и что мнѣ дѣла нѣтъ до того, кто моетъ золото. Угощеніе вареньмъ мясомъ съ солью и хлѣбомъ, видимо, его окончательно успокоило; съ жадностью схватившись за провизію, онъ торопливо отрывалъ руками волокна мяса и куски хлѣба и клалъ себѣ въ ротъ.

— Не ѣлъ со вчерашняго дня. Немного сухарей было, поѣлъ, ничего не осталось,—заговорилъ онъ, исподлобья оглядывая меня слезящимися, подслѣповатыми глазами.— Думалъ, золотина попадетъ, такъ Пургѣ нашему дамъ, калачъ себѣ куплю, табаку... Незадача вышла: рѣчка бурлитъ, разлилась, поднялась, пески замыла... Мѣсто здѣсь хорошее, золото попадаетъ, случалось раньше... Испугался я! Бѣ-ѣ-да-а-а, испугался, какъ тебя увидѣлъ, думалъ—дозоръ... Въ карцерахъ сидѣть прибыли нѣтъ; главное—изобьютъ до полусмерти, а не то и совсѣмъ прикончатъ... Мало, развѣ, убійствъ изъ-за золота дозоръ производитъ? Убьютъ на мѣстѣ—и дѣлу конецъ!.. За людей насъ не считаютъ. Живые упокойнички... Вотъ и испужался я... Спасибо за мясо, за хлѣбъ! Дня на два, пожалуй, наѣлся...

Старикъ успокоился окончательно и усѣлся на песокъ у основанія отвала, неторопливо пережевывая небольшіе кусочки хлѣба и мяса.

— Сколько лѣтъ тебѣ, дѣдушка?—спросилъ я довольно громко...

— Громче кричи, не слышу я, давно худо слышу... Давеча тебя не слыхалъ, а то бы убѣгъ...

— Сколько лѣтъ тебѣ?

— Мнѣ-то?—Онъ подумалъ немного.—Восьмой десятокъ, поди, доходитъ, восьмой десятокъ... Можетъ, больше, можетъ—меньше, кто ихъ считалъ, годы-то наши? Говорили, при царѣ Павлѣ родился,—а кто его знаетъ...

— Давно въ Карѣ, дѣдушка?

— Въ Карѣ-то?.. Какъ тебѣ сказать? Видишь ты: прежній я, давнышній тутошный, карійскій... Кхе, кхе, кхе! Грудь вотъ все давитъ, къ сердцу подкатываетъ... кашель...

Ни днемъ, ни ночью покоя не вижу, за грѣхи, полагать надо... Кхе, кхе, кхе, кхе!

Старикъ привсталъ съ сидѣнья, отошелъ саженъ на пять отъ берега и, усѣвшись на основаніи отвала, долго кашлялъ сухимъ, старческимъ, свистящимъ кашлемъ: все тѣло его вздрагивало; сѣдая, лысая голова запрокидывалась назадъ; широко открытый беззубый ротъ казался темнымъ отверстіемъ на поднявшейся изъ гроба муміи. Ладонями обѣихъ рукъ онъ хватался за грудь, напирая ими на переднюю стѣнку грудной клѣтки.

— Такъ вотъ и маюсь! А сколько лѣтъ, не упомню... Кхе, кхе, кхе! Живу восьмой десятокъ. Казанскій я родомъ, Петровъ прозываюсь... Скопчикомъ тоже прозвали... Давно прозвали, полста лѣтъ будетъ... Еще въ Казанской губерніи, когда въ острогѣ сидѣлъ... Городъ такой есть въ Россіи,— Казань, бо-о-ольшой городъ! Татарва съ мячетями, муллы ихніе, помѣщики; господства разнаго тамъ много проживало... Сумбатовы, Самбековы, Тумбековы, Ферапонтовы... Мало, развѣ, ихъ тамъ было! Не упомнишь всѣхъ!

Старикъ замолчалъ, шамкая ртомъ, какъ бы разговаривая самъ съ собою. Горячее солнце жгло его лысую голову, оттѣняя остатки серебристыхъ волосъ на вискахъ и затылкѣ, висѣвшихъ клочьями до уровня ушныхъ раковинъ. Широкій, неправильный лобъ, со шрамомъ клейма посрединѣ, множество морщинъ продольныхъ и поперечныхъ; продолговатый овалъ лица, съ желто-сѣрою, морщинистою, какъ пергаментъ, кожей, съ лучистыми знаками клеймъ на щекахъ; рѣдкая, желтовато-сѣдая, окладистая борода, темнокаріе слезящіеся глаза,—вся эта старческая, изможденная фигура казалась настоящимъ выходцемъ изъ давно забытой могилы...

— Мучила она меня шибко... цѣлую ночь тиранила, царство ей небесное!—вдругъ неожиданно заговорилъ старикъ, поставивъ руки локтями на согнутыя колѣни и опираясь подбородкомъ на ладони.—Ножомъ изъ барскихъ рукъ рѣзала... Кхе, кхе, кхе! Скопчикомъ и послѣ прозвали, когда выздоровѣлъ, когда на поселенье въ Сибирь сдали,—а я убѣгъ... Барское дѣло вышло, барыни нашей Орины Ѳедоровны... Тысячью душами владѣла... Вотчины были огромныя, однихъ дворовыхъ полста, кромѣ женскаго званія... Убилъ я барыню опосля этого, сожогъ... И усадьбу сожогъ... Кхе, кхе, кхе! Тиранила она меня,—связала по рукамъ и ногамъ, ножомъ рѣзала по кусочкамъ...

Сначала я не понималъ значенія отрывочныхъ фразъ разсказчика, его восклицаній, намековъ; мнѣ казалось,—передо мной сидитъ ненормальный человѣкъ; но, вслушав-

шись въ этотъ безсвязный лепетъ, я уразумѣлъ, наконецъ, его смыслъ и весь похолодѣлъ... Съ болью и ужасомъ глядѣлъ я во всѣ глаза на старика, который, шамкая, кряхтя, кашляя, разсказывалъ о старомъ кошмарномъ быломъ...

— Барыня наша была старая дѣвка, одна отъ отца осталась, ни братьевъ, ни сестеръ. Одна, какъ перстъ. Старый баринъ, отецъ ейный, ничего былъ человѣкъ, не шибко звѣрствовалъ: хозяйство самъ велъ,—все больше конскимъ заводомъ занимался. Лошадей любилъ; жеребецъ лягнулъ его въ лобъ,—кованый былъ жеребецъ,—баринъ не выдержалъ и померъ... Высоче́нный жеребецъ былъ, шалый, могутной, на конюшнѣ для породы держали. Двѣ звѣзды на лбу, шерсть вороная; ржеть, бывало, — на всю вотчину слышно: всѣ его боялись. Конюховъ увѣчилъ безъ числа: кому щеку вырветъ, кому спину укуситъ, а кого и за голову схватитъ... Животина была сурьезная... Такъ-то! Господи помилуй, Господи помилуй... Кхе, кхе, кхе!

Старикъ запрокинулъ голову и долго смотрѣлъ на голубое небо, ясное, далекое... Порывы небольшого вѣтерка шевелили его серебристо-желтые волосы, шевелили рванью рубахи, оголяя тощее, изможденное тѣло.

— Кхе, кхе, кхе! Кашель сколько годовъ мучитъ,—бѣ-ѣда-а! На солнышкѣ хорошо нашему брату; зимой, осенью,—смерть... Лѣтомъ ходишь, воробышковъ видишь, рѣчка шумитъ, въ лѣсу ягоды, грибы... рыба въ Шилкѣ ловится...

— Ну, что же барыня? Арина Өедоровна?

— Орина Өедоровна... Осталась она послѣ кончины батюшки одна съ нашими душами... Ей далеко за тридцать годовъ было; сухая, безгрудая, высокая, что жердина; коса до полу доходила, брови срослись, носъ горбиной, глаза огромадные, круглые, въ душу такъ и засматривала... Домъ большой, горницъ пятнадцать; ну, ей и показалось скучно... Начала ходить на конскій заводъ, сама за всѣмъ глядѣть, присматривать...—Старикъ опять раскашлялся и долго молчалъ.—Кашель у меня этотъ, удушье—отъ кнута да отъ холодной воды. Каторги всей пятьдесятъ годовъ; на богадѣльномъ положеньи, поди, двадцать; двѣнадцать золотниковъ мяса въ сутки, два фунта хлѣба,—а смерть не приходитъ! Забыла, видно, меня смерть! Табаку бы пожевалъ, да нѣту...

Я предложилъ папиросы.

— Годится ли этотъ табакъ, дѣдушка?

Онъ взялъ двѣ папиросы, размялъ между пальцами, поплевалъ на ладонь, сдѣлалъ изъ табака подобіе кашицы и быстро засунулъ за лѣвую щеку; пошамкавъ ртомъ, раза два плюнулъ на песокъ и продолжалъ разсказъ.

— Какъ баринъ-то старый померъ, значитъ,—весна была... Рѣки вспучило, льды посинѣли... Вотъ барыня, Орина Ѳедоровна, и пошла ходить на заводъ, и пошла ходить... Это на конскій-то заводъ... Хлыстъ въ рукѣ, шляпа на головѣ, одежа вся черная. Придетъ,—смотритъ,—все время смотритъ, указываетъ, какъ надо по ея приказу дѣлать. Смотритъ, чтобы, значитъ, жеребята породные выходили... Раньше, при батюшкѣ-то покойномъ, тоже, случалось, хаживала, только тайкомъ. Старикъ не одинъ разъ серчалъ: „дѣвкѣ, молъ, срамное дѣло глядѣть". Ну, а тутъ сама володѣлицей всего стала,—никто не запретитъ! Дѣлай, что душенька хочетъ! Я былъ въ подкучерахъ, у главнаго конюха подручнымъ, на побѣгушкахъ, значитъ,—лѣтъ мнѣ двадцать было,—что прикажутъ, то и дѣлаешь. Коней объѣзжалъ, на самыхъ дикихъ садился безъ сѣдла; на дыбы вскочитъ иная лошадь, какъ свѣча вытянется,—а я сижу... Убивался до полусмерти много разовъ; отлежишься—и снова на конюшню, за свое ремесло опять принимаешься. Насъ не спрашивали: хотимъ или не хотимъ робить,—барская воля была... Ходила, ходила Орина Ѳедоровна, наглядѣлось на жеребцовъ, да и надумала!

— Тебя какъ зовутъ?—спрашиваетъ меня.

— Левоха, Ивана Петрова сынъ, что въ Ольговой вотчинѣ проживаетъ.

— Отчего глазъ не моешь? Они у тебя черные, какъ у сыча. Промывай чаще, иначе ссориться будемъ!

Съ тѣмъ и отошла.

Испужался я, побѣжалъ къ колодцу, вымылся: думаю, вправду лицо замазано, мало ли на конюшняхъ обо что можно запачкаться!—Время шло, она все ходила на заводъ. Мы рано утромъ вставали; чуть свѣтъ, приходимъ—она ужъ на заводѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ... Случалось, кого и вырѣжетъ хлыстомъ,—но рѣдко кого сама била, ругаться тоже шибко не ругалась... На конюшню за то если пошлетъ— всегда лично слѣдитъ, пока наказанія не окончатъ. И находила на нее по объ ину пору „черная немочь": приказывала бить по чему попало, бабу ли, дѣвку ли, мужика ли... Озвѣрѣетъ! Пятна на лицѣ выступятъ, губы кусаетъ до крови, шипитъ, что змѣя, слова выговорить отъ злости не можетъ... глазами ворочаетъ... Старая дѣвка, мозглявая, а боялись мы ея хуже чорта: въ злость войдетъ—не попадайся на глаза, изведетъ, замучитъ... Предки-то ейные, видишь ли, изъ князей татарскихъ были,—это до Пугача задолго,—когда Казанью татарва еще правила бритоголовая... Можетъ, ты слыхалъ? Сумбекская башня и посейчасъ въ Казани стоитъ, выс-о-о-о-ка-ая такая, немилостивая! Не крестьянами строена...

Не руськой природы были князья Сумбатовы, оттого, надо полагать, и находила на нее это черная немочь...—„Рабы непотребные! Ни души въ васъ, ни совѣсти! Кобылицы и жеребята дороже мнѣ, чѣмъ вся ваша деревня поганая“...—кричитъ, бывало, на конюшнѣ, а сама отсчитываетъ розги по животу или спинѣ... Спустя время, обойдется: барыня, смотришь, какъ барыня, ходитъ по конюшнямъ, по скотнымъ дворамъ. Вотъ разъ подходитъ опять ко мнѣ и говоритъ: „Почему не вымылся? Я приказывала тебѣ глаза промывать! Ступай на конюшню“. Я пошелъ... какъ ослушаешься? „Раздѣвайся!“ Дѣлать нечего, раздѣваюсь... Не раздѣнься-ка—еще хуже влетитъ... Легъ... А она близко подошла, остановилась, смотритъ...

Жду—вотъ начнутъ полоскать...

— „Не надо,—вставай!“—крикнула. Я вскочилъ, какъ одурѣлый.

— „Глаза, смотри, промывай!“ Повернулась и ушла. Конюхи стоятъ, розги въ рукахъ... Петро—старшій—и говоритъ:—„Одѣвайся, дуракъ! Слышалъ—не приказала... Смотри, братъ, не къ добру помиловала“... Одѣлся я, ушелъ изъ конюшни, на рѣчкѣ вымылся хорошенько, думаю—кто ее знаетъ? Опять увидитъ... Страхъ напалъ!—Вотъ тутъ объ Мотрѣ надо тебѣ сказать... Изъ дворовыхъ дѣвокъ была, въ горницахъ жила: высокая, бѣлая; сарафанъ красный надѣвала въ праздники, въ хороводахъ пѣла, голосъ звонкій, на другомъ концѣ села слышно. Пѣсня хороводная, помню, пѣлась:

Вы послушайте, ребята,
Что струна-то говоритъ,
Что струна-то говоритъ:
Намъ жениться велитъ...
Эхъ, Дунай мой, Дунай,
Свѣтъ Ивановичъ Дунай!

Звонко Мотря пѣла... Встрѣчался я съ ней... Орѣшковъ купишь, бывало, угостишь—не отказывалась... Снова, между тѣмъ, барынѣ я на глаза попался...

— Тебѣ который годъ, Левка?

— Съ Левона праведнаго двадцать первый пошелъ,—отвѣчаю.

— Когда спишь, ты сны видишь? Гдѣ ты спишь? Въ какомъ мѣстѣ?

— Лѣтомъ, весной—на сѣновалѣ; осенью, зимой,—гдѣ приведется: въ людской, въ банѣ...

Стоитъ, на меня смотритъ; хлыстъ въ рукѣ... Худая,

тонкая, высокая... Я шапку въ рукѣ держу, взглянуть боюсь...

— Подходи ближе, подходи... дуракъ! Чего столбомъ стоишь?

Шагъ ступлю, остановлюсь: руки, ноги трясутся...

— Подходи, сволочь, когда тебѣ приказываютъ!..

Подхожу; въ груди осиновый колъ стоитъ, волосы мокрые: вспотѣлъ сразу...

— Смотри мнѣ въ глаза! Смотри, не мигай!

— Боюсь, барыня...

— Дуракъ, чего боишься? Я не кусаюсь... Не будешь смотрѣть—на конюшню пойдешь: не прощу, какъ въ прошлый разъ...

Глаза распяливаю, мигнуть боюсь... Вотъ тогда-то я и разглядѣлъ барыню нашу, Орину Ѳедоровну! Больше полста лѣтъ минуло, а какъ сейчасъ вижу, будто живую... Особливо глаза: зеленые огоньки такъ и прыгаютъ... Ровно въ яму глубокую заглядываешь... Когда зимой копаютъ колодецъ, огонь раскладываютъ для протайки; глубоко въ ямѣ огонь видится, можетъ—сажень на пять, на шесть... Яма темная сверху, а огоньки на днѣ видятся; смрадомъ пахнетъ—а глядишь! Страшно на краю ямы стоять, вотъ-вотъ оборвешься, въ огонь упадешь... Отъ ямы отойти можно, а отъ барыниныхъ глазъ куда отойдешь? Смотришь на зеленые огоньки: жутко, страшно,—а смотришь... Лицо желтяное, въ веснушкахъ, пятна на лицѣ красныя, ротъ раскрытъ, зубы оскалены, какъ у собаки. Бѣлые, чистые такіе... Въ горло, гляди, вцѣпятся—перегрызутъ сразу!.. Платье, рубаха на груди ходенемъ ходятъ: слышно, какъ сердце ейное стучитъ, ровно выскочить хочетъ... Татарской крови была, татарскаго порожденія, полонянники прадѣды были... Не одинъ разъ сама при всемъ честномъ народѣ говаривала:

— „Вы не люди,—холопы, собаки... Я княжеской крови, съ Мамая родъ нашъ пошелъ... Все здѣсь наше было, Казань и Астрахань, до моря Хвалынскаго... Мы всѣмъ владѣли, васъ, холоповъ, какъ мухъ, давили, матерей и дочерей вашихъ въ полонъ брали—холоповъ разводить...“

Стоимъ, бывало, какъ истуканы, слушаемъ, молчимъ; кричитъ, кричитъ, плюнетъ и въ горницы уйдетъ. Стаивали, случалось, такъ по часамъ: ноги ажно затекутъ, солнце печетъ головы, либо дождь идетъ—мокнемъ. Выскочитъ она потомъ на балконъ: „Вонъ, хамово отродье! Чтобы духу вашего небыло на моемъ дворѣ!“ Такъ вотъ и жи-и-л-и-и...

— Чаще и чаще начала приказывать Орина Ѳедоровна въ глаза ей смотрѣть,—привыкать я сталъ... Къ вечеру все больше встрѣчались.—„Гляди въ глаза, гляди въ глаза!“—

Я и глядѣлъ... Солнышко къ закату повернетъ, на покой пойдетъ планида Божья,—умается за лѣтній день на грѣхи человѣческіе смотрѣть... О, хо, хо, хо! Кхе, кхе, кхе!

Старикъ закашлялъ опять судорожнымъ, свистящимъ кашлемъ, хватаясь ладонями рукъ за грудную клѣтку, закидывая назадъ плѣшивую голову. Кашлялъ онъ долго, до того, что лицо покраснѣло, и слезы текли ручьями, смачивая щеки и бороду; а рѣка все гремѣла въ сторонѣ, напѣвая свою бурливую пѣсню...

— Кхе, кхе, кхе! Изуродоо-ва-а-ла-а!—глухо заговорилъ онъ снова, обтирая слезы рукавомъ своей грязной рубахи.— Смерть не приходитъ, забыла меня смертонька... Могилы не припасено казенной, вотъ и маешься,—мука одна, а не жизнь!

Онъ замолчалъ, безъ звука шевеля губами; въ то же время теръ слезящіеся глаза рукавомъ рубахи и переносилъ обѣ руки на спину, на поясницу, усиленно царапая ихъ.

— Вошь одолѣваетъ, поѣдомъ ѣстъ; спасенья нѣтъ отъ гнуса; одно средство—выжарить на солнышкѣ!

Онъ взглянулъ на небо, на ярко-жгучее солнце и улыбнулся улыбкой мертвеца, которому забыли сжать челюсти; губы отвисли, блѣдныя, помертвѣлыя...

— Жаритъ солнышко,—благодать! Для всѣхъ одинаково свѣтитъ, для начальства и для каторги... Въ солнышкѣ одномъ радость наша...

Старикъ снялъ рубаху, поднялъ съ земли портки, встряхнулъ ихъ на воздухѣ, разостлалъ, обсыпалъ пескомъ, загребая его руками, всталъ на колѣни и началъ растирать песокъ руками, какъ прачка, моющая бѣлье. Я невольно разсматривалъ эту голую, изможденную, сухую, какъ мумія, фигуру, то и дѣло сгибавшуюся, присѣдавшую на корточки и опять выпрямлявшуюся; втянутый до нельзя темно-грязный, морщинистый животъ имѣлъ очертаніе корыта; сухія темныя бедра и голени, съ синеватыми узлами расширенныхъ венъ, рѣзко оттѣняли безобразно бѣлѣвшій бугристый рубецъ на мѣстѣ „жизненныхъ придатковъ“... На согнутой спинѣ, сквозь грязь и наслоенія морщинистой кожи, глазъ различалъ характерные слѣды наказаній... Старикъ повертывался въ разныя стороны, усиленно работая руками; солнце освѣщало лысую, бугристую голову, клеймо и рубцы,— какъ бы оттѣняя идіотскую человѣческую жестокость..

— Покончилъ теперь съ гнусомъ!—заявилъ старикъ, разстилая на пескѣ рубаху и портки и накладывая на нихъ камушки,—солнышко Божье выжаритъ... Вѣтеркомъ обдуетъ,—хорошо будетъ!—Онъ усѣлся на песокъ, подогнувъ въ колѣнкахъ ноги.

— Не хочешь ли еще табаку дѣдушка?—спросилъ я, желая вернуть старика къ прерванному разсказу.

— Можно, можно! Кладу, грѣшнымъ дѣломъ, за губу, когда придется... Только рѣдко... табаку гдѣ взять? Даромъ не даютъ... Золотину вотъ если промыслишь... Ну, такъ глаза плохо видѣть стали: золотина, можетъ, и попадетъ, а не видишь. А страху сколько наберешься... Какъ бѣдь давеча я испужался, когда ты съ отвала скатился... Убить нашего брата недолго...

Я подалъ старику штукъ пять папиросъ; онъ взялъ, оглядѣлъ, близко приближая къ глазамъ, всталъ на ноги и старческой, качающейся походкой пошелъ къ берегу рѣчки, гдѣ лежалъ брошенный лотокъ; нагнувшись, онъ поднялъ съ земли что-то блеснувшее...

— Ножичишко свой бросилъ,—заговорилъ онъ, подходя къ прежнему мѣсту,—испужался, лотокъ и ножикъ бросилъ,—бѣжать хотѣлъ... грѣха не оберешься... Много гибнетъ людей на золотѣ,—пристрѣлятъ, изувѣчатъ, убьютъ и бросятъ... Счетъ богадѣльщикамъ не ведется; что живъ, что померъ,—все едино! Зубовъ давно нѣтъ,—вотъ горе какое! Которые сами выпали, которые вышиблены... Цынга тоже зубовъ нашихъ не любитъ... А безъ зубовъ худо; ни сухарей, ни корки безъ воды не поѣшь...

Наступило молчаніе; старикъ, голый по прежнему, жевалъ табакъ, разминалъ въ рукахъ вынутую жвачку, клалъ въ ротъ и двигалъ челюстями. Наконецъ, онъ выплюнулъ жвачку на песокъ, всталъ на ноги и оглянулся кругомъ: закинувъ голову назадъ, долго смотрѣлъ на небо и потомъ снова усѣлся въ той же позѣ, съ подогнутыми ногами.

— На узоры мои смотришь? Не видывалъ?—приподнимая голову, спросилъ онъ меня и улыбнулся однимъ угломъ рта, весь какъ-то съежившись, раза два нервно передернувъ голыми плечами.—Кхе, кхе, кхе! Ра-а-зу-у-кра-а-си-ла-а! На всю жизнь! Давно дѣло было... Ровно на томъ свѣтѣ... Будто сквозь сонъ, а все помнится... Кнутъ, плети на спинѣ накладывали, ихъ теперь не видать—развѣ къ непогодѣ скажутся, а Орину Ѳедоровну каждый день вспоминаю...

Старикъ, поднявшись на ноги и закинувъ голову, все смотрѣлъ въ безпредѣльное небесное пространство.

— Высь-то какая! Просторъ Божій! Солнышко, небушко, а вотъ — грѣшимъ... Господь людей всѣмъ наградилъ! А вотъ грыземся, какъ звѣри, ругаемся съ утра до вечера... Въ богадѣльнѣ насъ сотъ семь есть: ѣдимъ другъ друга поѣдомъ... Насъ ѣли, пережевывали, кому хотѣлось, кому было не лѣнь,—мы другъ друга доканчиваемъ... Самъ себѣ мерзишь, другіе тебѣ мерзятъ... Развѣ люди?! Одно названіе...

— Ну, такъ разскажи же, дѣдушка, какъ это случилось. Что съ тобой барыня сдѣлала?—задалъ я, наконецъ, старику прямой вопросъ.—Она, значитъ, все въ глаза тебя заставляла глядѣть?

— Да, смотрѣлъ я въ глаза Оринѣ Ѳедоровнѣ,—усаживаясь на песокъ, началъ старикъ,—смотрѣлъ, да и досмотрѣлся!—„Гляди! Не мигай!“ Я исполнялъ барскую волю... Язвили меня со стороны: „По нраву, видно, барынѣ пришелся, какъ бы въ господа тебѣ, смотри, не попасть!“ Я дураками ихъ обзывалъ... Отецъ, мать тоже упреждали:— „Смотри Левонъ, какъ бы не того“...—„Обойдется! Дурь, молъ, барская пройдетъ“,—отвѣчаю.

Была у Орины Ѳедоровны въ горницахъ женка одна, мужняя жена, Акулиной звали,—забубенная баба... Мужъ ейный, изъ другой вотчины, дома при пашнѣ находился. Акулина жила въ свѣтелкѣ, рядомъ съ барыниной спальней; сподручницей была барской, барыню окарауливала. Дворня знала Акулину по всѣмъ статьямъ съ нехорошей стороны: кто пользовался, кто оставлялъ безъ вниманія... Спалъ я на сѣновалѣ; ночь темная, звѣзды на небѣ ходятъ, деревья въ саду шумятъ, гулъ идетъ отъ вѣтра; лошади подъ сѣноваломъ топочутъ, уздечкой брякаютъ; заржетъ иная... Спалъ я подъ вѣтеръ крѣпко; умаешься днемъ-то—ляжешь, какъ въ могилу окунешься. Слышу вдругъ, подъ бокъ меня толкаютъ, за волосья трясутъ.—„Вставай! вставай скорѣе, барыня требуетъ“... Вскочилъ я съ просонковъ, усѣлся, опамятоваться не могу, какъ полоумный.—„Тебѣ говорятъ, чортъ! Бѣлены, что-ли, объѣлся?“ Разобралъ Акулининъ голосъ...—„Иди, сволочь! барыня требуетъ въ горницу... Не пойдешь—конюшня близко, обработаютъ такъ, что небу жарко“... Испужался я до того, ажъ подъ сердце подступило. Слѣзъ съ сѣновала вмѣстѣ съ Акулиной, всталъ у лѣстницы, горькими слезами заплакалъ.—„Иди, дуракъ, чего плачешь?— шепчетъ Акулина.—Иди къ колодцу, умойся... Ничего тебѣ барыня худого не сдѣлаетъ, мнѣ же спасибо скажешь. Хвалила я тебя, день и ночь хвалила... Не забывай, смотри, и меня, Левонъ! Услугу я тебѣ на всю жизнь оказала. Понравился ты ей кудрями своими: глазастымъ величаетъ“... Шепчетъ мнѣ, а я все еще настоящимъ манеромъ не смекаю... Одѣлся, волосы оправилъ, помолился на восходъ; сердце стучитъ молотомъ... Пошли мы; небо темное, звѣзды Божьи мигаютъ, глядятъ на насъ. По саду шли, шумятъ кругомъ, колышутся деревья; кусты скрипятъ, песокъ подъ ногами хруститъ... Подошли къ балкону,—галдарея съ навѣсомъ въ садъ выходила, кругомъ всего дома облегала,—кусты около насажены, цвѣты. Подошли къ лѣсенкѣ, Акулина го-

воритъ шепотомъ: - „Подожди, я пойду доложусь“. Сказала и ушла, дверью стеклянной хлопнула. Стою я, дожидаюсь: дрожь колотитъ, ноги трясутся; креститься началъ, царя Давида поминать и всю кротость его... И такъ-то мнѣ жаль себя стало, не приведи Господь! Какъ казни себѣ ожидалъ...

Старикъ замолчалъ, снова поставилъ руки локтями на согнутыя колѣни, положилъ подбородокъ на раскрытыя ладони, пригнулъ голову и зажмурилъ глаза. Слышно было только хрипѣніе въ его груди, да неустанно бурлила рѣчка. Отвалы песку и гальки окружали насъ со всѣхъ сторонъ, ярко озаренные солнцемъ. Мнѣ казалось, что я слышу, какъ течетъ время... Но молчаніе длилось на этотъ разъ недолго.

— Ну-у,—заговорилъ онъ возбужденно,—вышла Акулина, дверью скрипнула:—„Левонъ, Левонъ, гдѣ ты? Заходи, милый, барыня зоветъ... Иди скорѣе,—ожидаетъ!“ Я дрогнулъ, перекрестился... Иду за Акулиной, темно кругомъ, половицы только скрипятъ...—„Подожди, сейчасъ вернусь!“ Остановился... Все дрожу по-прежнему... Ввела меня потомъ Окулина въ горницу. Свѣчи, вижу, горятъ, лампадка передъ иконой, кровать... Вошелъ я, перекрестился.

— Здравствуй, Левонъ! Садись, гостемъ будешь!—говоритъ барыня, сама смѣется, зубы оскалила...— Садись, дурачекъ, гостемъ будешь... Мнѣ скучно, за тобой послала. Глаза промывалъ, глазастый?

Куда дѣвалась Акулина, не знаю. Стою столбомъ, слышу, какъ сердце стучитъ. Засмѣялась опять Орина Ѳедоровна, такая веселая...

— Дурашный ты, дурашный!—Близко ко мнѣ подошла, въ глаза заглядываетъ; за руки взяла,—горячія руки, что желѣзо каленое; да вдругъ потянула къ себѣ и—въ самыя губы чмокъ! Опомнился я—на стулѣ сижу... А она ужъ на колѣни ко мнѣ забралась... Хохочетъ, волосы мои гладитъ, руками по лицу водитъ... Дальше—извѣстно, что случилось. Двадцать годовъ мнѣ было... Шесть десятковъ прошло съ той ночи, а и посейчасъ помню, какъ въ ясный день вижу: свѣчи горятъ на столахъ, зеркало, кровать, коверъ на полу... Вино мнѣ стаканомъ подносила Орина Ѳедоровна и сама пила, и все смѣется... Сижу, ѣмъ, пью, не отказываюсь,—такъ до зари провели время... Проводила меня потомъ до балкона, поцѣловала въ глаза, въ губы...—„Мой ты, Левонъ, мой, помни! Не уступлю тебя никому, жизни рѣшу, на куски собственными руками изрѣжу, а не уступлю. Запомни!“ Уснулъ я на сѣновалѣ и до вечера проспалъ. Никто не потревожилъ. Проснулся,—голова по всѣмъ швамъ трещитъ... Вспомнилъ все и,—ровно кипяткомъ меня обдало! Ажъ заплакалъ... Усѣлся на сѣнѣ, слезы градомъ льются... Жаль

себя было, умирать не хотѣлось... Думалъ, умру подъ плетями... Э, эхъ! время, время, молодость наша глупая... Загремѣло, вдругъ слышу, по лѣстницѣ: смотрю—опять Акулина! Веселая такая пришла, въ рукахъ бутылка, салфетка съ закусками.—„Здравствуй, Левонъ Петровичъ! Барыня о здоровьи спрашиваетъ, вина прислала, закуси". Взялъ я безъ слова бутылку и выпилъ всю черезъ горлышко. Зажгло въ утробѣ, отходить началъ, тяжесть съ сердца свалилась. Акулина сидитъ на корточкахъ, на меня не глядитъ, въ сторону глаза отводитъ...

— Спать мнѣ охота, Окулинушка, ко сну такъ и клонитъ...

— Спи, спи, ложись, дорогой! Высыпайся, отлеживайся, въ чувствія приходи... Барыня строго наказала не тревожить. Ни, ни! чтобы никуда Левона не посылать, ничѣмъ не утруждать! Такъ и приказала... Веселая она сегодня, радостная; по горницамъ ходитъ, пѣсенки поетъ. Дѣвкамъ ленты подарила, платочки; орѣховъ, пряниковъ, яблоковъ надавала. Дивмя-дивились дѣвки! Спи, мой красавецъ, высыпайся, а я побѣгу къ барынѣ доложить. Спроситъ, поди, дожидается... Смотри, меня, Левушка, не забудь, сирую, убогую, услужливую!..

— Спалъ я весь день и всю ночь напролетъ; проснулся на другой день—солнце едва не къ обѣду; слѣзъ съ сѣновала, къ колодцу сходилъ, голову облилъ, руки, лицо вымылъ; пошелъ въ людскую. Народу собралось много: конюха наши, садовникъ, дворня сидѣли за столомъ, похлебку хлебали, Мотря тоже за столомъ сидитъ... Подсѣлъ и я къ столу; ложку подали, а ѣда на умъ не идетъ, туманъ въ головѣ, на людей смотрѣть совѣстно: укралъ, будто, что, или кого продалъ... Мотря на меня не глядитъ, лицо отворачиваетъ, сурьезная такая, суровая. И всѣ, какъ только я вошелъ, замолчали, разговоръ бросили... Посидѣлъ я за столомъ,—молчатъ. Положилъ ложку, лба не перекрестилъ, и на дворъ пошелъ, снова къ колодцу; вода холодная, какъ ледъ; напился, окатилъ голову,—въ головѣ прояснило. На конюшню, въ стойла, заглянулъ,—стоятъ голуби-лошадушки, сѣнцо пожевываютъ, съ ноги на ногу переступаютъ; радостно заржала одна, узна-а-ла-а! Постоялъ, постоялъ,—слезы на глазахъ,—и... пошелъ... Потянуло въ садъ, ровно нечистая сила толкала въ спину... Калитка близехонько, на день не затворялась. Садъ былъ у насъ огромадный, десятинъ на десять тянулся къ берегу рѣки Оборки. Въ Волгу впадала рѣчка,—крутоберегая, съ запрудами, мельницами; рыбная рѣка, саженей двадцать ширины, омутистая, людей не мало потонуло. Зашелъ таки въ садъ,—тѣнью холодной всего сразу

охватило! Липы столѣтнія въ два обхвата человѣческихъ, яблони, березы, черемуха, дубки, орѣшникъ. Будто въ лѣсъ темный вошелъ,—только что дорожки пескомъ желтымъ усыпаны. Запахъ такой пьяный кругомъ... Грачи вверху кричатъ, пташки разныя... Жуть меня взяла; побѣжалъ я напрямикъ, гдѣ по дорожкѣ, гдѣ по травѣ, сквозь кусты продираюсь. Скорѣе хочу на вольный воздухъ выбраться, на воду вольную, на разливъ взглянуть... На крутомъ берегу бесѣдка тамъ стояла, съ кумполомъ на крышѣ, съ окнами, скамейками, столами; бѣгу я и... у самой, что есть, бесѣдки сбѣжался носъ къ носу съ Ориной Ѳедоровной... Остановился, какъ пень, не шевелюсь... Усмѣхнулась, зубы оскалила, рукой только глаза прикрыла, на меня смотритъ; а я ровно приросъ къ землѣ...

— Здравствуй, Левушка, здравствуй, желанный!—часто такъ, часто заговорила, и сразу на шеѣ у меня повисла. Чмокаетъ въ глаза, въ губы, щеки. Въ бесѣдку завела. И плачетъ, и хохочетъ, сама дрожитъ съ ногъ до головы... Такъ съ тѣхъ поръ и пошло у насъ съ ней... Пированье, полюбовничанье...

— Каждую ночьку запохаживалъ я къ Оринѣ Ѳедоровнѣ; еще съ вечера присылала Акулину:—„Приходи, молъ, барыня требуетъ!" Привыкать къ легкому житью началъ... Виномъ поила, пирогами кормила, пряниками; и сама тоже пила, но пьяной никогда не напивалась; а меня до одури не разъ напаивала... Вотчину, конскій заводъ забросила, все на старосту возложила: сама только со мной, знай, хороводится. И кажный разъ все грозитъ:

— Помни, Левушка, на носу у себя заруби: убью тебя собственноручно, въ куски мелкіе изрѣжу, коли меня на кого промѣняешь... Узнаю—на жалость мою не надѣйся!

Говоритъ, а лицо у самой, что у мертвеца-удавленника: зубами щелкаетъ, за глотку руками меня обовьетъ и давитъ, задохнуться въ пору! Отпуститъ потомъ—и хохочетъ! Цѣловать-миловать примется, и пойдетъ все по старому... Дурашная была старая дѣвка. Въ дѣвкахъ насидѣлась, въ конюшняхъ на жеребцовъ наглядѣлась,—ну, и не знала, какъ наверстать потерянное, молодость свою вернуть... Да нѣтъ, не вернешь, шалишь! Будь салтаномъ турецкимъ—не вернешь!...

— Больше года такъ шло дѣло На людяхъ, однако, никакой мнѣ отлики не дѣлалось. Жилъ, гдѣ придется. Съ конюшни ушелъ; въ людской жилъ, въ банѣ; зимой дрова въ горницы таскалъ, истопникомъ числился. Въ кучерахъ долго тоже ѣздилъ; чаще всего мы съ барыней по другимъ вотчинамъ ѣздили, грѣшили тамъ передъ Го-

сподомъ Богомъ... А передъ людьми, говорю, никакой мнѣ отлики не было... Ночь, будто, командую; днемъ, при солнышкѣ,—знай, сверчокъ, свой шестокъ... Дворня, мужики на деревнѣ, бабы, дѣвки попервоначалу ровно будто опасались меня, а какъ разобрали толкомъ, да приглядѣлись,—видятъ: власти у меня никакой нѣтъ, распоряженіевъ я не дѣлаю... Тогда и кличку мнѣ таковскую дали,: прозвали, вишь-ты, порозкомъ, барынинымъ порозкомъ,—бычкомъ, то-есть, племеннымъ... Въ глаза называть, вѣстимо, боялись, а слыхивать приводилось не разъ... Обидно было,—да чего подѣлаешь!

— Мотря въ дворнѣ по прежнему состояла. Не такая веселая, какъ была, а всетаки дѣвка-король: коса огромадная, грудь колесомъ, глаза съ поволокой... Въ день мы по десяти разъ встрѣчались... Сперва лицо отъ меня прочь воротила дѣвка, а потомъ—обошлось. Каторжное, подневольное дѣло! И убить нашего брата могли господа, и на собаку вымѣнять, и пріятелю подарить, и сдѣлать что душенькѣ угодно... Куда этихъ баръ-господъ, что володѣли душами человѣческими, на томъ свѣтѣ Господь опредѣлитъ? Неужто по свѣтлому раю разсадитъ? Не можетъ этого быть! Прокляты они хрестьянствомъ, съ кровью и костями, со всѣмъ своимъ потомствомъ прокляты, еще съ Пугачева съ самаго. Такъ,—еще махонькимъ былъ,—отъ стариковъ я слыхивалъ... Не будетъ имъ мѣста въ царствѣ небесномъ, не будетъ во-вѣки вѣковъ!

Стало быть, такъ и Мотря понимала... Стала опять на меня дѣвка поглядывать, сперва будто ненарокомъ... Потомъ далѣ, да болѣ... Слюбились мы съ Мотрей... Къ веснѣ это дѣло вышло, помню... Лѣто, какъ стрѣла, пролетѣло, и скоро дѣвкѣ скрываться отъ людей трудно стало. Того и гляди, Окулинѣ кто шепнетъ, а та—барынѣ... А то и сами запримѣтятъ... Вотъ, помолились мы съ Мотрей Богу—и надумали... Будь, что будетъ! Двумъ смертямъ не бывать, одной не миновать... Надумали—барынѣ въ ножки поклониться, милости испросить, дозволенья обвѣнчаться. Такъ и сдѣлали... Выслушала, потемнѣла вся...—„Былъ грѣхъ?“—„Былъ,—вѣнцомъ желаемъ прикрыться...“—„Идите, подумаю!“ Видимъ, сама трясется... Ушли мы... Около полночи разбудила меня Окулина. — „Иди, барыня требуетъ, проститься хочетъ,—благословить!“ Я и повѣрилъ сдуру-то... Кабы догадался, лучше бы убѣгъ али удавился... Ласково таково встрѣтила меня Орина Өедоровна, обнимаетъ, цѣлуетъ, едва не удушила...

— „Левушка ты, Левушка! Желанный! Барыню промѣнялъ на дворовую дѣвку... И я-то какъ ничего не видала!

Ужъ я ли тебя не любила, не улещала? Давно-ль это у васъ?“ Слезы ручьями, гляжу, текутъ... Нѣтъ, нѣтъ—сама выпьетъ чего-то, не то вина, не то зелья какого... На колѣнки усѣлась мнѣ, обвила шею руками, прямо впилась, зубами скрипитъ...

— „Проведемъ, Левушка, послѣднюю ночку, старое вспомнимъ,—а дальше, что Богъ дастъ!.. Любила я тебя, въ мысляхъ безперечь держала, молилась на тебя, какъ на Бога.. Нѣтъ, не люба вышла... Что-жъ, навязываться не буду...“ На ноги потомъ вдругъ вскочитъ, по горницѣ бѣгаетъ, какъ тигра, руки ломаетъ такъ, что суставы, слышно, хрустятъ, лицо все въ пятнахъ, покосило ажъ на сторону... Вдругъ какъ захо-хо-о-о-четъ! Страхъ слушать! Между тѣмъ, вино мнѣ подано. Пить я началъ стаканами, какая бутылка подъ руку попадетъ—выпью до чиста.

— „Пей, Левушка! За наше старое житье полюбовное! Можетъ, не забылъ еще съ новой-то?..“

Я и пилъ, какъ дуракъ... Пилъ много, потому—на душу страхъ навалилъ... Казалось мнѣ такъ съ пьяна, али впрямь: лицо у барыни, вижу, синее, какъ у мертвеца, зубы оскалены, волосья растрепались, лицо то и дѣло корчится... Ко мнѣ подбѣгаетъ съ ножомъ, кричитъ на меня не своимъ голосомъ... Обезпамятѣлъ я, свалился. Проснулся отъ холода: голову ломитъ, глаза застилаетъ, въ вискахъ стучитъ, руками, ногами шевельнуть не могу, словно приросъ къ кровати; и слышу, водой весь облитъ,—будто въ озерѣ лежу... Привстать хочу, съ кровати соскочить,—не тутъ-то было! Прикрутили молодца веревками къ кровати,—руки выше головы, поперекъ живота веревка обмотана, въ ротъ тряпка забита...—„У,-у,-у!“—мычу только, какъ корова, глазами ворочаю во всѣ стороны... Свѣчи горятъ по прежнему на столахъ, свѣтло въ горницѣ, какъ днемъ. А я весь голый лежу, въ чемъ только мать родила...

— Проснулся, другъ милый?—слышу барынинъ голосъ. Надо мной наклонилась, свѣчу въ одной рукѣ держитъ, въ другой ковшикъ съ водой, зубы оскалила, ровно паромъ горячимъ на меня дышитъ...—Насилу, другъ милый, я тебя добудилась... Вотъ какъ нализался, полюбовникъ княжескій! Ха, ха, ха!—Какъ вѣдьма, захохотала... — Говорила я тебѣ, холопу, рабу, выродку мужицкому, говорила: изрѣжу по кусочкамъ, а ужъ надругаться надъ собой не позволю... Не вѣрилъ,—сейчасъ повѣришь... Меня, княжну Сумбатову, на холопку промѣнялъ? Опоганилъ, насмѣялся... въ грязь втопталъ... Да нѣтъ, не зналъ ты меня, Левоша, не зналъ родной, дорогой, желанный...

— На кровать ко мнѣ усѣлась, ноги мнѣ, животъ, грудь щиплетъ, кожу вывертываетъ... Потомъ...

У разсказчика сразу потъ заструился по лицу... Дыханье перехватило... Но онъ осилилъ волненіе и продолжалъ, почти не останавливаясь:

— Съ ножомъ она на меня бросилась и начала рѣзать... Какъ каленымъ желѣзомъ жжетъ... Обезумѣлъ я, а кричать, шевельнуться не могу... Опомнюсь, кровь кругомъ льется... Что я вынесъ, какъ живъ остался!

Старикъ тяжело дышалъ; судорожно вздрагивало тощее тѣло, и подобіе собачьяго воя, съ хрипами и свистами, вылетало изъ дрожавшей дряхлой груди... Надъ нашими головами раздался рѣзкій, протяжный, жалобный крикъ коршуна,—второй, третій... Разсказчикъ поднялъ вверхъ голову...

— Наша... каторжная птица... плачетъ!—глухо проговорилъ онъ.—Надъ нами сокрушается бѣдная! Кхе, кхе, кхе! Съ тѣхъ поръ вотъ и кашляю, съ воды колодезной, которой Орина Ѳедоровна меня поливала... Долго болѣлъ, заживо гнилъ: черви заводились, скапидаромъ ихъ заливали... Что муки перенесъ,—невобразимо. Выздоровѣлъ, однако, въ дугу весь согнулся, на человѣка походить не сталъ... Тогда меня на поселенье, въ Сибирь, рѣшили услать... Въ тѣ поры господамъ это ничего не стоило... Мотрю,—сказывали,—въ дальнюю вотчину куда-то услала барыня, съ глазъ долой. Что послѣ сталось съ дѣвкой — не знаю... Въ Казань меня увезли, въ острогъ, въ кандалы заковали, къ отправкѣ назначили... Да тутъ случай счастливый выпалъ,—я убѣжалъ... За Волгу, въ усадьбу пошелъ. Недѣли двѣ тамъ, по-близу, прятался; ножикъ въ полѣ у мужиковъ укралъ, отточилъ на камушкахъ,—ши-и-бко-о отточилъ! Хлѣбъ воровалъ, гдѣ попадется; никого изъ дворовыхъ близко не видѣлъ, издали видывалъ. Ночью въ садъ пробирался, сидѣлъ въ кустахъ, около балкона; на галдарею даже заходилъ, высматривалъ... Зналъ вѣдь всѣ ходы и выходы... Обычаи-то всѣ зналъ... Самъ, какъ въ туманѣ: сердце горитъ, языкъ, губы потрескались; трясетъ меня лихоманка; забываться началъ, память терять...

— Вотъ, подошло мое время,—понижая голосъ, какъ бы захлебываясь воздухомъ, заговорилъ старый каторжникъ, — ночь темная, дождь, громъ грохочетъ, въ саду шумъ и трескъ отъ деревьевъ,—гудитъ. Спрятался я на балконѣ, прижался въ углу, притаился, чтобы дождемъ не мочило— и не думалъ о барынѣ... Не думалъ, что время подошло, судьба вотъ-вотъ рѣшится... Сижу это я въ углу, трясетъ меня не то съ холоду, не то съ голоду, можетъ—и отъ страха... Одежонка рваная, посконная, дыра на дырѣ; мокрый съ ногъ до головы... Слы-ышу-у вдругъ—идетъ! Вздрогнулъ, по-

холодѣлъ весь... Твердо таково ступаетъ, повелительно... Поползъ я къ двери, къ стѣнкѣ прижался, ажно духъ захватило... Дверь отворилась... Шага два по балкону Орина Ѳедоровна сдѣлала, остановилась... Вскочилъ я, какъ кошка, за горло ее стиснулъ, на полъ повалилъ,—крикнуть не успѣла! Въ домъ тою-жъ минуту втащилъ, ногами дверь приперъ; проволокъ потомъ въ спальню, смотрю—свѣтло свѣчи горятъ. Никого нѣтъ. Глаза у барыни вылѣзли на лобъ, на меня глядитъ, трясется, а не шевелится... Вотъ я и давай полосовать ее ножомъ, давай полосовать... Колѣнкомъ грудь придавилъ... Рѣ-ѣ-ѣ-жу-у, почему по пало... Голову отрѣзалъ, на столъ положилъ; груди, руки, ноги отрѣзалъ, свои руки въ кровь поранилъ; собралъ, что было въ комнатѣ, въ кучу и запалилъ!.. Самъ черезъ балконъ, знакомой дорогой по саду, къ рѣкѣ убѣжалъ, въ кустахъ спрятался; дождь, знай, поливаетъ, шумитъ кругомъ... За-горѣ-ѣ-ло-о въ домѣ, крики поднялись, народъ забѣгалъ, въ набатъ ударили!.. А я посидѣлъ, посидѣлъ и пошелъ обратно въ Казань... Гдѣ бродилъ, долгое-ль время—ничего не помню! Забрали-таки молодчика: въ крови весь, какъ баранъ, съ ножомъ... Да я и не запирался!

— Въ острогѣ, однако, года два просидѣлъ, покамѣсть рѣшенье вышло. Кнутомъ потомъ били на обжорномъ базарѣ,—народу собралось множество... Бить били, а сколько разовъ по спинѣ ударили,—не знаю, не помню... Живъ остался; своей вотъ смертью умирать приходится, да и смерть, видно, забыла, не приходитъ...

Старикъ замолкъ. Понуривъ голову, долго осматривалъ онъ широко раскрытыми глазами свою голую фигуру и меня, сидѣвшаго передъ нимъ; наконецъ, быстро вскочилъ на ноги, нагнулся и, торопливо собравъ свои лохмотья, надѣлъ рубаху и портки.

— Ахти, батюшки, бѣда какая, солнышко-то ужъ къ закату!—испуганно бормоталъ онъ, тормоша свою бороду и неуклюже, растерянно поворачиваясь въ разныя стороны.— Ночевать, видно, въ лѣсу придется, не добраться теперь до Усть-Кары... Скажи ты, какъ время-то прошло съ разговоромъ... Весь день пробалакали!

— Какая-жъ бѣда, дѣдушка? — старался я успокоить его: — голоднымъ не будешь... Возьми вотъ себѣ, пожалуйста!

Я совалъ ему въ руки мѣшечекъ съ остатками хлѣба и мяса.

— Возьми, дѣдушка, ѣшь на доброе здоровье!

Въ кошелькѣ оказалось около полуторыхъ рублей денегъ, я тоже протянулъ ихъ старику.

— Бери, пригодится!

Старикъ опасливо осмотрѣлся кругомъ, взглянулъ на свои босыя, грязныя ноги, почесалъ голову, бороду и глухо, отрывисто проговорилъ:

— Спасибо... можно... Ослабъ я... руки, ноги трясутся... Въ Усть-Кару пойду, ночую въ тайгѣ, огонекъ разведу... погрѣюсь.

Я продолжалъ совать ему въ руки папиросы, спички, онъ все бралъ машинально, на ходу...

— Спасибо!

И заковылялъ прочь покачивающейся, старческой походкой. На берегу онъ толкнулъ ногой брошенный лотокъ, бормоча себѣ что-то подъ носъ; упершись рукой въ отвалъ, вскарабкался на него, обсыпая песокъ и гальку, постоялъ немного на вершинѣ, оглядываясь во всѣ стороны, и вдругъ скрылся подъ отваломъ, словно нырнулъ въ какую-то пучину или, какъ духъ, провалился въ землю.

Невиданно-радостнымъ, празднично-яркимъ казалось мнѣ солнце, послѣдними закатными лучами освѣщавшее карійскую долину. Я возвращался домой, въ свой каторжный міръ, ускоренными шагами, свободно переваливаясь черезъ встрѣчавшіеся отвалы песку и гальки; бодрость, увѣренность чувствовались въ душѣ,—тоски, нытья, какъ не бывало! Какой-то свѣтлый, сильный голосъ, не уставая, пѣлъ у меня въ душѣ:

От ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ!

— Убили кого, господинъ докторъ?—спрашивалъ у меня Иванъ Павловичъ, принимая свою фузею.

— Убилъ, наповалъ убилъ!..

— Кого?! Гуся, утку? Дрохвы, поди, тоже встрѣчаются...

— Тоску наповалъ убилъ, добрѣйшій Иванъ Павловичъ! Цѣль жизни себѣ отыскалъ!—отвѣтилъ я, проходя въ свою комнату.

Добрякъ проводилъ меня наивно удивленными, растерянными глазами...

В. Кокосовъ

САМСОНЪ.

„Вотъ онъ... Видъ его пасмурнѣй ночи...
Но не бойтесь слѣпого бойца!
Смѣло плюйте въ померкшія очи,
Бросьте грязью въ морщины лица!
„Не найдетъ онъ, окутанный тьмою,
Къ волѣ, къ счастью завѣтную дверь,—
Этотъ храмъ ему будетъ тюрьмою,
Здѣсь умретъ онъ, какъ раненый звѣрь!"
Такъ смѣялись во вражескомъ станѣ...
Между ветхихъ угрюмыхъ колоннъ,
Весь сѣдой, какъ волна въ океанѣ,
Приподнялся могучій Самсонъ.
И, страданья и ярости полный,
Сбросивъ цѣпи съ израненныхъ рукъ,
На колонны твердыни безмолвной
Съ тяжкимъ стономъ онъ ринулся вдругъ.
Словно бурей снесенная льдина,
Рухнулъ сводъ, хороня палачей,
И надъ прахомъ борца-исполина
Выросъ грозный, какъ смерть, мавзолей.

С. Ивановъ-Райковъ.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ СТАЧКИ.

(Минвэль).

Романъ Орма Агнуса. Пер. съ англ. О. А. Шишмаревой.

I.

Новый викарій.

Въ то время, когда мистеръ Адамсонъ, викарій глухой деревушки Минтли, переходилъ мостъ, отдѣлявшій его приходъ отъ Минвэля, навстрѣчу ему попалась двуколка мистера Самуэля Слэтера, самой важной персоны въ Минвэлѣ. Въ двуколкѣ сидѣли самъ онъ и его дочь. Мистеръ Слэтеръ остановилъ лошадь и властнымъ жестомъ подозвалъ къ себѣ викарія.

— Добраго утра, Адамсонъ. Какъ поживаете?—сказалъ онъ, протягивая ему руку.

Адамсонъ рѣшительно не умѣлъ придать теплоту своему тону, когда онъ говорилъ съ мистеромъ Слэтеромъ. Вульгарная фамильярность мистера Слэтера претила ему. Онъ далеко не восхищался самой важной персоной въ Минвэлѣ—это фактъ.

— Благодарю васъ, мистеръ Слэтеръ, живу себѣ помаленьку,—сухо отвѣтилъ онъ на привѣтствіе. Потомъ, повернувшись съ улыбкой къ его дочери и безсознательно мѣняя тонъ, спросилъ:—Ну, а вы какъ, миссъ Мабель? Здоровы?

— Спасибо, мистеръ Адамсонъ,—отвѣчала она.—Аппетитъ у меня, какъ у школьника,—стало быть, здорова. Да развѣ этого не видно по мнѣ?

— Да, правда, вы цвѣтете,—сказалъ викарій.—А аппетитъ—важная вещь. Вы имъ не пренебрегайте. Пока у васъ есть аппетитъ, вы не рискуете стать томной дѣвой и зачахнуть отъ любви... А какъ здоровье вашей матушки?

— Все то же,—отвѣтилъ Слэтеръ за дочь.—То лучше, то опять хуже. Я радъ, что мы съ вами встрѣтились, Адамсонъ,

я даже думалъ было проѣхать къ вамъ послѣ обѣда. Слыхали новость?

— Вы говорите о новомъ викаріѣ?

— Ага, значитъ слыхали,—проговорилъ Слэтеръ слегка разочарованнымъ тономъ.

— Да. Мнѣ сказали вчера. Донниморъ его фамилія,—кажется, такъ?

— Да. Молодой еще человѣкъ: всего тридцать лѣтъ. Я намедни встрѣтилъ въ городѣ сэра Джэмса Уэстгета—нашего патрона, знаете. Онъ мнѣ и говоритъ: „Я еще не рѣшилъ насчетъ этого дѣла, но я подумаю, хорошенько подумаю". Да, да, подумайте—говорю. Мы вѣдь съ Уэстгетомъ пріятели; онъ не задираетъ носа передо мной. „Помните, сэръ Джэмсъ,—говорю я ему,—это серьезный вопросъ. Конечно, намъ нуженъ духовный отецъ, человѣкъ богобоязненный, начиненный всякими добродѣтелями—говорю,—но вѣдь у насъ въ Минвэлѣ бѣдовый народъ,—я убѣдился въ этомъ горькимъ опытомъ,—и нашъ священникъ долженъ быть человѣкомъ съ головой на плечахъ. Есть, знаете, люди, и недурные, пожалуй, да только у нихъ сумбуръ въ головѣ. Такихъ намъ не надо, Уэстгетъ. Боже насъ упаси отъ новомоднаго радикальнаго пастыря,—говорю,—а то вся деревня подымется на дыбы. Дѣло священника успокаивать, а не волновать народъ. Я церковный староста—говорю,—и я его поддержу, если онъ окажется стоющимъ человѣкомъ". Уэстгетъ еще разъ обѣщалъ подумать. Больше онъ ничего не сказалъ; но теперь, когда я вбилъ ему въ голову, чего намъ отъ него надо, я увѣренъ, что новый викарій окажется разсудительнымъ малымъ. Истинный пастырь долженъ умиротворять, а не вносить смуту,—сказалъ я ему.—Ха, ха! Вопросъ недурно поставленъ, надѣюсь!

Адамсонъ серьезно кивнулъ головой. Мистеръ Слэтеръ отчего-то всегда его раздражалъ: этотъ человѣкъ былъ нестерпимо самоувѣренъ и воображалъ, что всякое его мнѣніе должно приниматься безапелляціонно.

— Отъ всей души желаю, чтобы онъ оказался у васъ на своемъ мѣстѣ и успѣлъ пожать плоды своихъ трудовъ,—сказалъ Адамсонъ.—Священнику въ Минвэлѣ нелегкая работа, и я надѣюсь, что Донниморъ найдетъ поддержку въ своей паствѣ.

— Во всякомъ случаѣ, можете быть увѣрены, что онъ найдетъ поддержку во мнѣ, если онъ разсудительный молодой человѣкъ. Старикъ Бримъ не могъ, кажется, пожаловаться на меня. Помню, я какъ-то разъ сказалъ ему: „Работа духовнаго пастыря всегда идетъ глаже, когда церковнымъ старостой у него дѣловой человѣкъ". О! на меня-то можно

положиться. Доннимoръ у меня сразу почувствуетъ себя дома, и я сейчасъ же дамъ ему понять, чего намъ отъ него нужно. Если только у него есть смекалка, онъ можетъ сдѣлать уйму добра: вся суть вѣдь въ томъ, чтобы его проповѣди были въ надлежащемъ духѣ. Я гляжу въ оба, Адамсонъ, и я вамъ говорю, что стоитъ только распустить этихъ головорѣзовъ (тутъ онъ ткнулъ большимъ пальцемъ въ сторону Минвэля), и мы не оберемся хлопотъ. Надѣюсь, что Доннимoръ урезонитъ ихъ... Кстати, Адамсонъ: я вѣдь собственно вотъ зачѣмъ васъ остановилъ. Вчера меня осѣнила блестящая идея. Вы знаете, когда къ диссидентамъ пріѣзжаетъ новый пастырь, они всегда устраиваютъ ему торжественную встрѣчу съ чаепитіемъ, и все такое. Вотъ я и подумалъ, отчего бы и намъ не устроить маленькаго торжества въ честь Доннимора? Кстати тутъ же и представимся ему всѣ—и нашъ кружокъ, и другіе его прихожане. Что вы на это скажете, э?

— Что-жъ, мысль недурная.

— Превосходная мысль! Устроимъ послѣ чаю митингъ. Надѣюсь, вы не откажетесь выступить въ числѣ ораторовъ? Надо же поддержать человѣка...

— Да, разумѣется. Я приду съ удовольствіемъ,—сказалъ Адамсонъ.

— Мы съ Мабель ѣдемъ теперь приглашать Пенивэля. Простите, намъ пора. До свиданья.

— До свиданья, мистеръ Адамсонъ,—сказала Мабель.— Не много вы со мной побесѣдовали; впрочемъ, это не ваша вина.—И она поклонилась съ лукавой улыбкой и насмѣшливымъ огонькомъ въ глазахъ.

Адамсонъ тоже улыбнулся и приподнялъ шляпу. Насколько мало симпатіи внушалъ ему отецъ, настолько же горячо относился онъ къ дочери. „Солнечный лучъ"—онъ часто такъ ее называлъ, на что она обыкновенно возражала: „Посмотрѣли бы вы на меня, когда я сержусь на судьбу: у меня тогда лицо вытягивается не хуже, чѣмъ у папы".

Преподобный Фрэнкъ Доннимoръ прибылъ въ Минвэль вечеромъ въ ближайшій четвергъ. Адамсонъ собирался сдѣлать ему визитъ на другой же день, но дѣла отозвали его въ Манчестеръ, и они встрѣтились только на банкетѣ въ честь новоприбывшаго.

— Мистеръ Доннимoръ — мистеръ Адамсонъ, — представилъ ихъ другъ другу Слэтеръ:—вашъ сотоварищъ, тоже изъ духовной братіи—соработникъ на нивѣ праведныхъ трудовъ.

Эта вычурная манера пояснять вульгарную рѣчь подстрочнымъ переводомъ на духовный стиль, когда, по его мнѣнію, того требовали обстоятельства, была тоже отличительной чертой мистера Слэтера. И замѣчательно, что для вульгарной рѣчи у него и тонъ былъ вульгарный, „запанибратскій", а для поправокъ—серьезный, меланхолическій тонъ.

Покуда Доннимора знакомили съ входившими гостями, Адамсонъ разглядывалъ его критическимъ окомъ. Это былъ молодой человѣкъ средняго роста, широкоплечій и довольно плотный. Съ перваго же взгляда можно было безошибочно сказать, что онъ ирландецъ и отнюдь не отличается флегматическимъ темпераментомъ: нервная подвижность обличала въ немъ человѣка, въ которомъ жизнь бьетъ черезъ край. Адамсону онъ показался совсѣмъ еще юношей. И въ самомъ дѣлѣ, на видъ ему нельзя было дать больше двадцати одного, двадцати двухъ лѣтъ.

Здороваясь съ Адамсономъ, онъ крѣпко пожалъ ему руку.

— Я радъ познакомиться съ вами,—сказалъ онъ.—Можно называть васъ просто Адамсономъ? Я буду часто къ вамъ заходить, если позволите. Какія здѣсь чудныя окрестности! Пожалуй, слишкомъ хороши для такой (тутъ онъ засмѣялся)... для такой грязной деревушки. Изъ окна моей спальни, какъ на ладони, видна ваша гора—Кайндеръ—такъ, кажется, она называется здѣсь? Удивительная гора. Только взглянешь на нее, и чувствуешь, какъ у тебя прибавляется бодрости... Вы любите ходить, Адамсонъ?

Старшій изъ собесѣдниковъ улыбнулся.

— Я, видите ли, замѣчаю къ своему огорченію, что винты мои начинаютъ понемногу ржавѣть и отказываются служить. Но все таки я частенько отмахиваю по десяти и больше миль вверхъ и внизъ по холмамъ.

— Ахъ, какъ я радъ, что вы тоже любитель ходьбы... т. е., конечно, если вы согласитесь брать иногда меня съ собой.

— Пожалуйста, когда вамъ угодно! Я буду радъ компаньону,—сказалъ Адамсонъ.

Но прежде, чѣмъ Доннимор успѣлъ отвѣтить, мистеръ Слэтеръ потащилъ его знакомить еще съ кѣмъ-то.

Въ сосѣдней округѣ про Минвэль ходила молва, что единственными минвэльскими новостями въ газетахъ были описанія чаепитій. Минвэль обижался этой насмѣшкой, но и сами минвэльцы, въ томъ числѣ предшественникъ Доннимора, жаловались на слишкомъ частые митинги, которые въ концѣ концовъ надоѣдаютъ. На этотъ разъ на митингъ

явилось нѣсколько человѣкъ диссидентовъ, поддавшихся соблазну взглянуть на героя дня. Въ Минвэлѣ митинги съ угощеніемъ замѣняли балы для бѣдныхъ людей, особенно для женщинъ.

Какъ только окончилось чаепитіе, началось „чествованіе". По примѣру признанныхъ авторитетовъ Минвэля—методистовъ, на видномъ мѣстѣ была вывѣшена длиннѣйшая программа банкета. Предсѣдательствовалъ, разумѣется, мистеръ Слэтеръ. Пропѣли гимнъ, помолились, и предсѣдатель началъ свою рѣчь. Литературный стиль мистера Слэтера въ публичныхъ спичахъ былъ проникнутъ такимъ глубокимъ достоинствомъ, что злые языки обзывали его высокопарнымъ. Адамсонъ увѣрялъ, что Слэтеръ на каѳедрѣ никогда не забываетъ, кто владѣлецъ Минвэля, и въ соотвѣтствующемъ духѣ держитъ рѣчь.

Мистеръ Слэтеръ поднялъ руку, призывая къ полной тишинѣ. Настоящее собраніе—торжественное собраніе, сказалъ онъ. Они собрались для чествованія преподобнаго Фрэнка Доннимора, новаго викарія Минвэля. Мистеръ Донниморъ еще молодой человѣкъ, но за него говорятъ самыя лучшія рекомендаціи. Онъ много поработалъ на пользу общую въ южной Англіи, и онъ, Слэтеръ, увѣренъ, что если мистеръ Донниморъ будетъ работать у нихъ въ единомысліи и согласіи съ руководящими членами конгрегаціи, то все пойдетъ хорошо. Минвэль—цвѣтущее мѣстечко, но мистеръ Донниморъ не замедлитъ убѣдиться, что онъ имѣетъ свои особенности. Онъ, Слэтеръ, къ прискорбію своему долженъ сказать (онъ вѣдь здѣсь между друзьми, которые знаютъ, какъ близко къ сердцу принимаетъ онъ мѣстные интересы)... итакъ, онъ долженъ сказать, что при всемъ своемъ теперешнемъ благосостояніи Минвэль могъ бы преуспѣвать еще больше и чувствовать себя еще счастливѣе. Нельзя не признать, что промышленное дѣло въ Минвэлѣ идетъ не такъ ходко, какъ въ былыя времена, и что есть въ немъ неразумные люди, полагающіе, что хозяева промышленныхъ предпріятій не имѣютъ на прибыль никакихъ правъ. Самъ онъ, Слэтеръ, изъ простыхъ людей, изъ тѣхъ самоучекъ, которые своимъ достаткомъ обязаны исключительно себѣ. Онъ этимъ гордится и говоритъ это во всеуслышаніе. А если *онъ* сумѣлъ разбогатѣть, то могутъ и другіе: пусть только не лѣнятся, работаютъ,—побольше работаютъ и поменьше пьютъ. Онъ можетъ съ гордостью сказать ихъ новому викарію, что самъ онъ—трезвенникъ, и онъ надѣется, что они съ мистеромъ Доннимором совмѣстными усиліями пріучатъ къ воздержанію весь приходъ. Да будетъ извѣстно мистеру Доннимору, что въ той части

Минвэля, которая принадлежитъ Слэтеру, нѣтъ ни одного кабака, и самое завѣтное желаніе Слэтера, это—чтобы всѣ кабаки были сметены съ лица земли.

Но возвратимся къ нашей темѣ, продолжалъ ораторъ. Съ сожалѣніемъ долженъ онъ сказать мистеру Доннимору, что есть въ Минвэлѣ горячія головы, подстрекатели, сѣющіе смуту недовольства между хозяевами и рабочими, и, пользуясь настоящимъ случаемъ, онъ горячо совѣтуетъ всѣмъ присутствующимъ не слушать пустой болтовни этихъ агитаторовъ. Онъ убѣжденъ, что мистеръ Донниморъ приложитъ всѣ старанія, чтобы уберечь свою паству отъ этого зла. При первой же возможности онъ будетъ имѣть конфиденціальную бесѣду съ новымъ викаріемъ объ этомъ предметѣ и познакомитъ его съ нуждами ихъ городка. А пока онъ отъ всего сердца привѣтствуетъ его какъ сотрудника, который, поскольку онъ будетъ исполнять свой долгъ, всегда найдетъ въ немъ, Слэтерѣ, вѣрнаго друга.

Слѣдующимъ ораторомъ выступилъ Адамсонъ. Онъ сказалъ коротенькую рѣчь, въ которой обращался къ слушателямъ съ горячимъ увѣщаніемъ, чтобы, въ случаѣ, если между ними и ихъ новымъ пастыремъ возникнутъ несогласія, они не таили про себя дурныхъ чувствъ, а высказали бы ему прямо, чѣмъ они недовольны, ибо половина зла на свѣтѣ создается недоразумѣніями.

Послѣ Адамсона говорилъ Пенивэль, приходскій священникъ изъ Доксдея, а затѣмъ поднялся Донниморъ. Адамсонъ, который почти успѣлъ его полюбить, былъ сильно разочарованъ его рѣчью, какъ, впрочемъ, и всѣ остальные. Онъ волновался, путался, спотыкался и, окончательно запутавшись, рѣзко оборвалъ почти на полу-словѣ. Мистеръ Слэтеръ перегнулся къ Адамсону, шепнулъ ему на ухо: „Слабо, Адамсонъ, очень слабо; я пораженъ“, и съ зловѣщимъ видомъ покачалъ головой.

— Онъ просто нервничаетъ,—сказалъ Адамсонъ.—Или я тутъ не судья, или современемъ изъ него выйдетъ великолѣпный ораторъ.

— Полный провалъ, Адамсонъ, и вы увидите, это отзовется на насъ всѣхъ. Не дальше, какъ сегодня, это разнесется по всей округѣ. Я очень огорченъ, Адамсонъ.

— Погодите судить, мистеръ Слэтеръ. Дайте ему осмотрѣться.

— Будемъ надѣяться, что хоть въ головѣ-то у него все въ порядкѣ. Вы обратили вниманіе, какъ ловко я повернулъ свою рѣчь? Я въ публикѣ замѣтилъ двухъ-трехъ молодцовъ, которымъ слѣдовало сдѣлать внушеніе. Надѣюсь, что онъ поддержитъ меня. Я вамъ вотъ что скажу, Адамсонъ: наши

здѣшніе диссидентскіе проповѣдники—сущая язва. Но я ихъ не боюсь: имъ меня не осилить. Они скоро узнаютъ, кто здѣсь хозяинъ, можете быть покойны на этотъ счетъ.

Адамсону хотѣлось поскорѣе узнать, чѣмъ проявилъ себя Донниморъ въ качествѣ проповѣдника, и въ понедѣльникъ поутру онъ окликнулъ проѣзжавшаго мимо булочника изъ Минвэля, чтобы разспросить его объ этомъ. Питеръ Барнъ, какъ и многіе минвэльцы, мнилъ себя знатокомъ въ проповѣдяхъ.

— Ну что, Питеръ, были вы вчера въ церкви?—спросилъ его Адамсонъ.

— Какъ же, сударь, былъ.

— Что же, понравился вамъ новый викарій?

— Вы это насчетъ проповѣди, сударь?—Да что, плохо, изъ рукъ вонъ плохо. Срамъ на всю деревню, сударь, хоть, правду сказать, намъ и при старикѣ-то, при Бримѣ, нечѣмъ было похвастаться. Стыдно людямъ въ глаза глядѣть послѣ вчерашняго—вотъ что я вамъ скажу.

— Да что вы! Неужто такъ плохъ?

— Чего ужъ хуже! Развѣ это проповѣдь, сударь? Вѣдь онъ не говорилъ, а читалъ.

Адамсонъ улыбнулся. Это былъ предразсудокъ, не поддававшійся никакимъ политическимъ аргументамъ. Если-бъ знаменитѣйшій духовный ораторъ явился въ Минвэль и прочелъ тамъ свою проповѣдь по тетрадкѣ, Минвэль объявилъ бы, что проповѣдь изъ рукъ вонъ плоха.

— Погодите его осуждать,—сказалъ Адамсонъ.—Онъ человѣкъ нервный и не успѣлъ освоиться у насъ. Вы еще оцѣните его.

— Дай Богъ, дай Богъ! – отвѣчалъ Питеръ, качая головой.—Только намъ-то, его прихожанамъ, обидно. Послушали бы вы, какъ нынче каркаютъ про насъ методисты и диссиденты.

II.

Минвэль и его окрестности.

Мѣстечко Минвэль не изъ красивыхъ мѣстечекъ. Не безъ основанія кто-то сказалъ про него: „пятно на прекрасномъ ландшафтѣ“. Онъ построенъ на склонѣ крутого холма, у подошвы котораго протекаетъ рѣчка Минъ—очень незавидная рѣченка. Тамъ, гдѣ Минъ беретъ свое начало,—въ горахъ,—онъ чистъ и прозраченъ, но какъ только изъ ручейка онъ превращается въ рѣчку, вся его красота пропадаетъ. Берега его оказались удобнымъ мѣстомъ для постройки фабрикъ,

и потому онъ достигаетъ Минвэля грязнымъ и зловоннымъ, а за Минвэлемъ это даже не рѣка, а одна сплошная грязь.

Своимъ существованіемъ, въ качествѣ маленькаго промышленнаго центра, Минвэль обязанъ мистеру Самуэлю Слэтеру. Его трудолюбіе и дѣлецкій талантъ изъ мертвой, хоть и хорошенькой деревушки создали (употребляя его собственное излюбленное выраженіе) „очагъ индустріи", и это составляло предметъ его особенной гордости. Мистеръ Слэтеръ самъ вышелъ въ люди и вывелъ въ люди Минвэль, какъ онъ любилъ повторять всѣмъ и каждому, ибо онъ гордился дѣломъ своихъ рукъ.

Въ числѣ всѣхъ прочихъ правъ Манчестера на вниманіе потомства есть еще одно: Манчестеръ—мѣсто рожденія Слэтера. Многіе изъ гражданъ этого города, прозябавшіе въ неизвѣстности, выбились на широкую дорогу богатства и славы, и Самуэль Слэтеръ былъ между ними не изъ послѣднихъ. Четырнадцати лѣтъ отъ роду онъ, по желанію отца, механика по ремеслу, поступилъ рабочимъ на бумагопрядильню. На двадцать второмъ году онъ получилъ наслѣдство—девятнадцать фунтовъ стерлинговъ—отъ тетки съ материнской стороны. Онъ въ ротъ не бралъ хмѣльного, не курилъ, былъ энергиченъ и честолюбивъ. Все свое маленькое состояньице онъ вложилъ въ промышленное предпріятіе, въ которомъ единственнымъ его компаньономъ былъ его другъ, тоже молодой человѣкъ, всего пятью годами старше его и еще бѣднѣе капиталомъ. Оба были неутомимые работники и безгранично вѣрили въ свои силы. Они пріобрѣли маленькую бумагопрядильню въ Минвэлѣ, который въ тѣ времена былъ скромнымъ поселкомъ—не болѣе.

Прежній владѣлецъ этой бумагопрядильни, работавшей водянымъ двигателемъ, прогорѣлъ; больше года она стояла въ полномъ бездѣйствіи, и машины ея ржавѣли, пока новая фирма Слэтеръ и Пиллингъ не сняла ее въ аренду по номинальной цѣнѣ. Недостатокъ капиталовъ выкупался у молодыхъ фабрикантовъ неусыпнымъ вниманіемъ къ дѣлу. Оба работали наравнѣ съ послѣднимъ изъ своихъ рабочихъ и не хуже лучшаго изъ нихъ; но, несмотря на это, въ теченіе двухъ лѣтъ они стояли на краю банкротства... Случалось зачастую, что къ утру субботы ни у того, ни у другого не оставалось въ карманѣ ни гроша, такъ какъ пятница—день расплаты съ рабочими въ фабричныхъ районахъ. Но кризисъ наконецъ, миновалъ, штатъ рабочихъ былъ увеличенъ, дѣло расширилось, завели новыя машины. Съ этого момента новой фирмѣ „повалило счастье", какъ говорили всѣ кругомъ. Минвэльская бумагопрядильня работала даже тогда, когда всѣ сосѣднія стояли безъ дѣла. Правду сказать, обоихъ

компаньоновъ считали не совсѣмъ добросовѣстными людьми. „Эти умѣютъ обдѣлывать дѣлишки: имъ пальца въ ротъ не клади" говорили о нихъ. И дѣйствительно, въ коммерческихъ дѣлахъ они держались принципа: или я, или мой конкуррентъ, если хочешь успѣть,—отбрось въ сторону великодушіе и не зѣвай". Въ позднѣйшіе годы мистеръ Слэтеръ хвастался тѣмъ, что никогда онъ умышленно никому не вредилъ, ни подъ кого не подкапывался, что многихъ онъ даже выручилъ изъ бѣды, и что не одна фирма лопнула бы, если бъ не его своевременная поддержка.

Когда положеніе фабрики настолько упрочилось, что компаньонамъ не было больше надобности больше работать, какъ простымъ рабочимъ, мистеръ Пиллингъ, имѣвшій пристрастіе къ кейфу, удалился отъ дѣлъ; другими словами: перестал появляться на фабрикѣ и запилъ горькую. Между компаньонами выходило изъ-за этого не мало размолвокъ, и въ концѣ концовъ мистеръ Пиллингъ принялъ предложеніе Слэтера и продалъ ему свой пай. Онъ получилъ свои полторы тысячи фунтовъ, допился черезъ три года до бѣлой горячки и попалъ въ сумасшедшій домъ.

Оставшись полнымъ хозяиномъ предпріятія, мистеръ Слэтеръ показалъ себя минвэльцамъ во всемъ блескѣ. Взявъ въ долгосрочную аренду большую часть минвэльскихъ земель, онъ принялся возводить новую бумагопрядильню, а повыше, по теченію рѣки, настроилъ бѣлиленъ и коттеджей для рабочихъ. Короче, выражаясь его собственнымъ языкомъ, онъ „создалъ Минвэль", и ко времени пріѣзда Доннимора три четверти населенія жило въ домахъ Слэтера, и всѣ, за немногими исключеніями, состояли у него на службѣ.

Спустя три года послѣ того, какъ они разстались съ Пиллингомъ, мистеръ Слэтеръ женился на дочери одного врача изъ Манчестера и построилъ для собственной резинденціи прехорошенькій домикъ на окраинѣ этого города, на склонѣ холма. Во дни своей борьбы за успѣхъ онъ усвоилъ себѣ съ рабочимъ людомъ фамильярную манеру „своего брата мужика", и эта манера снискала ему между ними нѣкоторую популярность. Но, поселившись въ Манчестерѣ на собственной виллѣ, онъ превратился въ крупнаго фабриканта, стоящаго неизмѣримо выше своихъ подчиненныхъ. Онъ пріѣзжалъ въ контору по утрамъ въ собственномъ экипажѣ съ кучеромъ въ ливреѣ; онъ ожидалъ, какъ должнаго, чтобы передъ нимъ снимали шапку, и сознаніе собственнаго достоинства начало сквозить въ его рѣчи. Однимъ словомъ, онъ сталъ джентельменомъ.

Съ годами его богатство расло. Нѣкто Авель Бентли построилъ другую бумагопрядильню въ одной милѣ раз-

стоянія, пониже по теченію Мина; но Минвэль оставался за Слэтеромъ. Въ видахъ удешевленія доставки топлива на свою фабрику онъ пріобрѣлъ по близости каменно-угольную копь; ему же, совмѣстно съ Бентли, принадлежалъ сосѣдній чугуно-литейный заводъ. Онъ былъ выбранъ членомъ правленія отъ графства, получалъ приглашенія къ обѣду отъ сосѣдей помѣщиковъ, а кое-кого изъ нихъ видали даже за его столомъ. Единственный сынъ его служилъ въ арміи и пользовался громкой извѣстностью лучшаго игрока въ поло. Мистеръ Слэтеръ былъ на вершинѣ успѣха, и сознавалъ, что онъ награжденъ по заслугамъ.

Въ концѣ недѣли Донниморъ зашелъ къ Адамсону. Тотъ сразу замѣтилъ, что его младшій товарищъ не въ духѣ и горитъ нетерпѣніемъ подѣлиться новыми впечатлѣніями и излить свои чувства передъ внимательнымъ, симпатизирующимъ ему слушателемъ. Поэтому онъ безъ дальнѣйшихъ околичностей приступилъ прямо къ дѣлу.

— Можетъ быть, мой вопросъ будетъ преждевремененъ, Доннимо́ръ, но все равно: какъ вы себя чувствуете въ Минвэлѣ?

— И самъ еще не знаю,—отвѣчалъ тотъ съ натянутой улыбкой.—Тутъ все такъ ново для меня... такъ трудно разобраться. Раньше мнѣ приходилось работать все больше въ тихихъ деревенькахъ... тамъ, у меня на родинѣ—въ Ирландіи, и въ Гемпширѣ. Я въ первый разъ попадаю въ промышленный районъ и, говоря откровенно, немного теряюсь. Это совсѣмъ не то, что наши южные поселки. Начать съ того, что я съ трудомъ понимаю здѣшнюю рѣчь. Точно на иностранномъ языкѣ люди говорятъ. Я поминутно переспрашиваю и часто, даже послѣ многихъ повтореній, такъ и не пойму, что мнѣ говорятъ. Вотъ уже четыре дня, какъ я знакомлюсь съ моими прихожанами, но изъ этого ничего не выходитъ, такъ какъ мы говоримъ на разныхъ языкахъ.

Адамсонъ улыбнулся.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я самъ прошелъ черезъ этотъ искусъ, сказалъ онъ.—Вы скоро привыкнете. Здѣсь, это правда, говорятъ испорченнымъ ланкаширскимъ нарѣчіемъ, немного отдающимъ запахомъ земли; но когда вы хорошенько прислушаетесь, вы убѣдитесь, что это красивый, образный языкъ... Ну, а какого вы мнѣнія о вашей паствѣ?

Доннимо́ръ отвѣтилъ не сразу.

— Хорошій сырой матеріалъ, скажу вамъ, Адамсонъ. На видъ и въ рѣчахъ грубоваты, но добрый, сердечный народъ,—это чувствуется.

— Браво! Да вы психологъ! Немногіе могутъ поздравить себя съ такою проницательностью.

— Но что за ужасная работа, и какъ живутъ!—продолжалъ Донниморъ.—Послѣ нашихъ деревень, гдѣ вся работа на вольномъ воздухѣ, эти фабрики кажутся адомъ. Дѣти, даже дѣвочки, работаютъ на фабрикахъ—это ужасъ!

— Да, ужасъ, но это будетъ продолжаться, пока не вмѣшается законъ и не положитъ этому предѣла. Боюсь, Доннморъ, что вы здѣсь найдете ложе не изъ розъ. Вы помните, что говорилъ Слэтеръ объ агитаторахъ, смущающихъ народъ.

— Принимая во вниманіе цѣль тогдашняго митинга, съ его стороны было, мнѣ кажется, нетактично поднимать эту тему,—сказалъ Донниморъ.

Адамсонъ улыбнулся.

— Тактичность не въ числѣ главнѣйшихъ добродѣтелей Слэтера, потому что тактъ—добродѣтель, я всегда это говорю... Суть дѣла, видите ли, въ томъ, что за послѣдніе два года въ бумагопрядильной промышленности былъ застой, и заработная плата понизилась. Теперь спросъ на товаръ началъ опять повышаться, а рабочіе Слэтера говорятъ, что онъ имъ обѣщалъ набавить до прежней нормы, какъ только дѣла пойдутъ на поправку. Толкуютъ о стачкѣ, но до этого, Богъ дастъ, не дойдетъ.

— Надѣюсь,—сказалъ, слегка нахмурившись, Доннморъ.—Я считаю стачку безсмысленнымъ средствомъ протеста; мало того—преступнымъ.

Тѣнь огорченія промелькнула по лицу Адамсона.

— Дай Богъ, чтобъ не дошло до стачки,—повторилъ онъ,—но я боюсь, что стачка неизбѣжна, если законныя требованія рабочихъ не будутъ удовлетворены. Минвэль нуждается во многихъ улучшеніяхъ, какъ вы сами скоро убѣдитесь. Къ несчастью, многія изъ „рабочихъ рукъ“ мистера Слэтера (употребляя пошлое выраженіе, которое здѣсь въ такомъ ходу) въ то же время и его жильцы, и это даетъ ему надъ нами несправедливый перевѣсъ.

— Мои симпатіи, конечно, на сторонѣ бѣднаго люда, сказалъ Доннморъ.

Прежняя тѣнь прошла по лицу Адамсона отъ тона этихъ словъ.

— Въ Минвэлѣ вы найдете широкое примѣненіе для вашихъ симпатій, Доннморъ,—сказалъ онъ просто.

— Вы коротко знакомы со Слэтеромъ, Адамсонъ?

— Я его знаю больше десяти лѣтъ.

— Я долженъ вамъ покаяться,—продолжалъ со смѣхомъ Доннморъ.—Я мало видѣлъ мистера Слэтера, но мнѣ не

нравится то, что я видѣлъ. Боюсь, что мы съ нимъ не поладимъ. Намедни я сдѣлалъ ему оффиціальный визитъ и въ четвергъ обѣдаю въ его домѣ. Не знаю, кто тому виною—онъ или я,—но все въ немъ—его движенія, голосъ, манера говорить—меня бѣситъ. Есть люди, которыхъ я не перевариваю даже тогда, когда мы сходимся во взглядахъ. И я начинаю не на шутку бояться, что онъ изъ числа такихъ людей. Онъ разглагольствуетъ съ такимъ видомъ, какъ будто его мнѣніе—законъ для всего міра, а мнѣ онъ объявилъ, что мой первый и святѣйшій долгъ—держать въ уздѣ безпокойные элементы прихода.

— Признаніе за признаніе: говоря откровенно, я тоже не долюбливаю Слэтера. Но ради вашего спокойствія желаю вамъ не слишкомъ поддаваться вашему предубѣжденію противъ него.... Да-а, въ Минвэлѣ у васъ будетъ работа, мой милѣйшій: здѣсь не заснешь.... Однако, что же это я! Мнѣ надо ѣхать: у меня сегодня урокъ въ конфирмаціонномъ классѣ.... А какъ вы думаете, не совершить ли намъ экскурсію на Кайндеръ? Завтра вы свободны?

— Мнѣ бы очень хотѣлось. Не знаю только, могу ли я себѣ позволить праздникъ въ будній день.

— Пустяки! Стало быть рѣшено. Мы завтра же отправляемся, и кстати потолкуемъ. Изъ Минвэля есть поѣздъ въ 8,40 утра. Доѣдемъ до Гринфильда, а оттуда пѣшкомъ прямо въ горы.

— А если погода?...

— Милѣйшій, неужто вы хотите сказать....

— Что я боюсь дождя? О нѣтъ! Я только....

— Дождливый или ясный день—все равно: мы идемъ. Въ горахъ бываютъ чудные оптическіе эффекты при дождѣ. Если будетъ пасмурно,—возьмите съ собой макинтошъ, надѣньте старое платье, а главное дождь или ведро—запаситесь ѣдой.

Выдался хоть и облачный, но чудный, бодрящій душу денекъ. Они направились къ Кайндеру правой тропинкой по долинѣ Идэля, гдѣ въ то время желѣзная дорога еще не нарушала идиллической тишины. Донниморъ былъ страстный любитель природы, и ходьба на вольномъ, живительномъ воздухѣ расшевелила его подвижную ирландскую натуру. Онъ хохоталъ, шалилъ, перепрыгивалъ съ камня на камень; когда же, взобравшись на вершину горы, они остановились взглянуть на разстилавшуюся подъ ними долину, онъ богатѣйшимъ чистымъ баритономъ затянулъ было ирландскую пѣсню: „О долы, о горы“, но оборвалъ ее на послѣдней строфѣ и сконфуженно засмѣялся.

— Простите, Адамсонъ; я, право, еще не совсѣмъ сумасшедшій.

— Я буду очень радъ, если ваше сумасшествіе будетъ всегда такъ проявляться, когда вы со мной,—сказалъ Адамсонъ.—У васъ прекрасный голосъ, Доннимор. Я намѣренъ завербовать васъ для нашихъ концертовъ.

— Ахъ нѣтъ, я боюсь пѣть при публикѣ. Довольно съ меня и проповѣдей: я такъ волнуюсь всякій разъ. Не понимаю, какъ я рѣшился избрать духовную карьеру.... Нѣтъ, вы взгляните, Адамсонъ, какая красота! Видъ горъ всегда поднимаетъ во мнѣ странныя чувства.... какія-то особенныя чувства и мысли.... я не могу этого объяснить.... А вы? На васъ дѣйствуютъ горы?

— Меня онѣ бодрятъ. Когда мое стадо ужъ слишкомъ одолѣетъ меня житейскими дрязгами, я прихожу сюда и все забываю.... Вы еще не устали? Можете идти?

— Я готовъ идти хоть сутки безъ передышки на такомъ воздухѣ.

— Такъ идемте въ Кастльтонъ; тамъ и позавтракаемъ. Вотъ сюда, по этой дорогѣ.

— Я полюблю ваши Дербиширскіе холмы—я это чувствую!—воскликнулъ новый викарій.—Взгляните вы на эти каменныя громады, Адамсонъ. Вѣдь это дѣло человѣческихъ рукъ. Кто воздвигъ эти стѣны? Кто были эти терпѣливые работники, годами громоздившіе камень на камень?

— Я и самъ часто думалъ объ этомъ, Доннимор. Да, это египетская работа. Характерная черта англичанъ: не бояться никакого труда, лишь бы имѣть право сказать: это мое, я это создалъ.

Необычайно живописное ущелье Уиньетсъ, извивающееся между двумя отвѣсными стѣнами изъ бѣлаго известняка и неожиданно выводящее къ деревушкѣ Кастльтону съ стариннымъ, полуразвалившимся замкомъ, парящимъ надъ ней, такъ поразило Доннимора, что онъ долго не находилъ словъ; потомъ онъ снялъ шляпу и прошепталъ:

— Аллахъ акбаръ—великъ Богъ!

Они позавтракали въ гостиницѣ, отдохнули, и опять полѣзли на гору осматривать развалины замка. Доннимор непремѣнно хотѣлъ осмотрѣть еще пещеру у подножія горы, но Адамсонъ рѣшительно отказался, такъ какъ ему надо было поспѣть къ вечеру на какое-то собраніе, на которомъ онъ обѣщалъ быть.

— Ну, такъ дайте мнѣ слово, что скоро вы опять пойдете и возьмете меня съ собой,—сказалъ Доннимор.

— Даю вамъ слово,—въ первый же свободный день. Но наше странствіе еще не кончено: намъ придется пройти

пѣшкомъ до Чапеля. Это тутъ поблизости—маленькій городокъ. Тамъ мы сядемъ на поѣздъ и доѣдемъ до самаго Минвэля. Дорога здѣсь будетъ поскучнѣе, и вы должны меня развлекать вашими балладами, какъ хотите.

— Для васъ я готовъ пѣть всю дорогу за то, что вы привели меня сюда.... Какъ бишь зовется у васъ это ущелье? Уиньетсъ? Вотъ въ этомъ вашъ Дербиширъ сплоховалъ. Неужели нельзя было подобрать болѣе выразительнаго имени для такой красоты? Я бы назвалъ его: „Ущелье фей“ или что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Въ этомъ тоже сказывается ваша ирландская кровь, засмѣялся Адамсонъ.

Прибавивъ шагу, они поспѣли какъ разъ къ поѣзду и во-время вернулись въ Минвэль.

— Большое вамъ спасибо, Адамсонъ,—сказалъ Донниморъ на прощанье.—Какъ бы вы только не пожалѣли, что связались со мной: отъ меня не такъ-то легко отвязаться.

III.

Точка зрѣнія хозяина.

Донниморъ всѣмъ сердцемъ отдался новой работѣ. Со всѣмъ пыломъ настоящаго энтузіаста, какимъ онъ былъ, онъ принялся знакомиться съ своимъ приходомъ. Минвэль отнюдь не можетъ назваться чистенькимъ городкомъ, тѣмъ менѣе идеальнымъ въ санитарномъ отношеніи, и Адамсонъ нисколько не преувеличилъ, когда сказалъ новому викарію, что мѣстами, на окраинахъ, это настоящая помойная яма. Донниморъ ежедневно совершалъ свои обходы, не пропуская ни одного дома, и тамъ, гдѣ члены семьи не принадлежали ни къ какой религіозной корпораціи, онъ приглашалъ ихъ посѣтить церковь. Во многихъ домахъ онъ натыкался на рѣзкій отпоръ, но ни мало этимъ не смущался, и его добродушный смѣхъ и привѣтливое обращеніе подкупали въ его пользу. На другой день послѣ прогулки по Дербиширу ему предстояло обѣдать въ „Дубкахъ“. Такъ называлась вилла мистера Слэтера. Молодой викарій со дня на день откладывалъ этотъ визитъ, къ немалому неудовольствію Слэтера, говоря, что онъ хочетъ прежде познакомиться съ своей паствой.

Массивный домъ изъ тесанаго камня съ параднымъ подъѣздомъ въ видѣ колоннады производилъ впечатлѣніе несокрушимой прочности. Онъ стоялъ на склонѣ холма. Молодой лѣсокъ защищалъ его сзади отъ сѣвернаго вѣтра, а съ южной стороны, отъ самаго крыльца, тянулась по скату

холма извилистая алея. Вилла была въ двухъ миляхъ отъ Минвэля, и изъ нея, съ террасы, открывался великолѣпный видъ на Минвэль и прилегающіе къ нему холмы.

Мистеръ Слэтеръ удостоилъ гостя шумно-радостной встрѣчи.

— Я больше никого не пригласилъ, Донниморъ. Мы будемъ одни, своей семьей: вы, я и моя дочь. Жена у меня совсѣмъ инвалидъ,—я вамъ, кажется, говорилъ. Она хвораетъ уже много лѣтъ и рѣдко спускается внизъ. Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ она не выходитъ изъ своей комнаты. Боюсь, что и не выйдетъ больше,—прибавилъ онъ погребальнымъ тономъ.

— Какъ это грустно,—сказалъ Донниморъ.—Я хотѣлъ бы быть ей представленнымъ, когда ей станетъ получше.

— Да это можно и сейчасъ. Загляните къ ней, если хотите. Милости просимъ—вотъ сюда... Эмма,—обратился къ женѣ мистеръ Слэтеръ, входя,—мистеръ Доннимoръ, нашъ новый викарій, желаетъ познакомиться съ тобой. Я уже сказалъ ему, что сегодня одинъ изъ тѣхъ дней, когда ты чувствуешь себя особенно плохо.

Мистеръ Слэтеръ была худенькая, хрупкая женщина, значительно моложе мужа. Ея изможденное лицо еще носило слѣды былой привлекательности, и Доннимору, который былъ очень чувствителенъ ко всѣмъ оттѣнкамъ выраженія, оно показалось лицомъ хорошаго человѣка. До болѣзни она была очень красива. Мистеръ Слэтеръ любилъ повторять, что въ женѣ онъ прежде всего искалъ красоты и изящныхъ манеръ, такъ какъ всю денежную сторону сдѣлки онъ принималъ на себя. Мистеръ Слэтеръ всегда относился съ презрѣніемъ къ людямъ, женившимся на деньгахъ.

Молодой женщиной мистрисъ Слэтеръ проявляла рѣзко выраженную индивидуальность, и воля ея часто сталкивалась съ волей ея мужа; но болѣзнь сломила ее. Ей стало не подъ силу бороться съ этимъ властнымъ человѣкомъ, и мало-по-малу она подчинилась ему. За нее рѣшали, чѣмъ ей заниматься, какъ развлекаться; она должна была восхищаться тѣмъ, чѣмъ восхищался ея мужъ; съ ней обращались, какъ съ недужной, которой уже больше не встать. Съ развитіемъ болѣзни воля ея все слабѣла, и, наконецъ, она перестала выражать свои желанія, если они у нея еще были. Отъ нея только и слышали: „Какъ ты думаешь, Сэмъ?“, и то, что думалъ Сэмъ, для нея было свято. Замужество принесло ей много разочарованій. Дѣвушка образованная, хорошаго воспитанія, съ порываніями къ идеалу, который

заключался для нея въ служеніи общему благу, она увѣрила себя, что бракъ съ богатымъ фабрикантомъ доставитъ ей возможность осуществить ея стремленія на дѣлѣ. Иллюзія была скоро разбита: онъ оказался сильнѣе ея, и ей пришлось распроститься съ мечтами. Съ тѣхъ поръ ей оставалось только стараться придать ему по возможности человѣческій образъ въ отношеніи языка и манеръ, да смягчить его крутой нравъ, зачастую дѣйствуя лестью, которая въ ея ушахъ звучала такъ грубо, что она стыдилась самой себя.

— Мнѣ грустно видѣть васъ такою слабой, мистрисъ Слэтеръ, сказалъ ей Доннiморъ.—Надѣюсь, это скоро пройдетъ. Впрочемъ, самочувствіе больного человѣка мнѣ мало понятно, такъ какъ самъ я никогда не хворалъ.

— Вѣдь Эмму, собственно, нельзя назвать больной,—вмѣшался Слэтеръ.—Она не изъ крѣпкихъ, это правда, но главный ея недугъ—мнительность, я ей это всегда говорю. Правда, мой другъ?

Мистрисъ Слэтеръ слегка покраснѣла, но улыбнулась.

— Мужъ тоже никогда не хворалъ, и думаетъ, что больной не можетъ не преувеличивать своихъ страданій,—сказала она.

— Все дѣло, видите ли, въ томъ, что я не даю себѣ распускаться,—съ гордостью заявилъ мистеръ Слэтеръ, обращаясь къ гостю.—Когда мнѣ нездоровится—ревматизмъ одолѣетъ или что,—скажешь себѣ: „Нечего, нечего, Сэмъ; подтянись! Тебѣ нельзя раскисать, когда у тебя на плечахъ столько дѣла",—и какъ рукой сниметъ. Все зависитъ отъ силы воли,—такъ-то, Донниморъ.

Донниморъ вспыхнулъ и повернулся къ хозяйкѣ.

— Вы вѣдь не выходите, мистрисъ Слэтеръ? Давно вы не бывали въ церкви?

— Да. Къ величайшему моему сожалѣнію — больше года.

— Такъ съ вашего разрѣшенія я загляну къ вамъ какъ-нибудь вечеркомъ. Почитаемъ вмѣстѣ псалмы, если хотите.

Она покраснѣла отъ удовольствія.

— Я буду очень рада, мистеръ Донниморъ, если это васъ не затруднитъ.

— Она все проситъ устроить ей телефонъ изъ ея комнаты въ церковь, сказалъ Слэтеръ.—Но я ей отвѣчаю: „Нѣтъ, матушка! Хочется тебѣ въ церковь, такъ возьми себя въ руки, одѣнься и поѣзжай"... Ага, къ обѣду звонятъ! Идемте, Донниморъ: надо подумать и о желудкѣ. Идемъ.

Доннимор повернулся къ больной и протянулъ ей руку. Когда она подала ему свою, онъ почтительно поднесъ ее къ губамъ.

— Надѣюсь увидѣть васъ здоровой въ слѣдующій разъ, мистрисъ Слэтеръ. Я убѣжденъ, что ваше частое недомоганье—большая потеря для Минвэля.

— Ради Бога, не поддерживайте мою жену въ убѣжденіи, что она серьезно больна,—шепнулъ ему Слэтеръ по дорогѣ въ столовую.—Это вѣчная наша забота—вылѣчить ее отъ ея несчастныхъ фантазій. Для меня большое горе, могу васъ увѣрить, то, что она довела себя до такого состоянія своей мнительностью.

Доннимор ничего не отвѣтилъ. Ему нравилась мистрисъ Слэтеръ, и не нравился ея супругъ, и онъ не зналъ, слѣдуетъ ли ему довѣрять своимъ впечатлѣніямъ. Въ колледжѣ любимымъ его афоризмомъ было: „Первое впечатлѣніе—вѣрное впечатлѣніе“, но съ тѣхъ поръ онъ достаточно пожилъ, чтобы усомниться въ этомъ.

Съ Мабель Слэтеръ онъ уже встрѣчался передъ тѣмъ два раза, и теперь она приняла его съ неподдѣльнымъ радушіемъ. Это была стройная дѣвушка, повыше средняго роста, цвѣтущая здоровьемъ, живая и несомнѣнно недурная собой.—„Когда она оживится, то становится положительно красива“—подумалъ, глядя на нее, Доннимор. У нея были материнскіе прозрачно-влажные глаза, материнскій подвижной ротъ и та же, что у матери, быстрая смѣна выраженій. Казалось, ей всегда было весело. Доннимору невольно подумалось, что мать и дочь заставляютъ цѣнить жилище мистера Слэтера.

— Ну, что же вы скажете о Минвэлѣ?—спросила миссъ Слэтеръ послѣ супа, останавливая на гостѣ внимательные глаза, требующіе правдиваго отвѣта.

— Я не въ восторгѣ отъ красотъ самого Минвэля, миссъ Слэтеръ, но за то окрестности—прелесть! Адамсонъ, съ которымъ мы уже успѣли подружиться, водилъ меня въ Кастльтонъ черезъ Кайндеръ, и съ того дня я сталъ горячимъ поклонникомъ Дербишира.

— Я рада за васъ, мистеръ Доннимор. Дѣло, видите ли, въ томъ, что у меня такая мѣрка для людей. Я прежде всего спрашиваю: „Любитъ ли онъ или она наши горы? Кажутся ли онѣ ему или ей вѣнцомъ земной красоты?“ Скажи мнѣ кто угодно, что вы не человѣкъ, а ангелъ, слетѣвшій съ небесъ, у меня оставались бы на этотъ счетъ сомнѣнія, если-бъ вы не оцѣнили Кайндера.

— Слава Богу, что я съ честью вышелъ изъ испытанія,—засмѣялся онъ.—Я намѣренъ часто ходить въ горы; я уже

взялъ слово съ Адамсона, что онъ всякій разъ будетъ брать меня съ собой.

— Онъ и мнѣ много разъ обѣщалъ взять меня на Кайндеръ, да не сдержалъ слова. Я непремѣнно пойду съ вами, если вы меня возьмете. Вы не бойтесь, мистеръ Донниморъ, мнѣ нипочемъ пройти тридцать миль, и я вамъ не буду мѣшать: говорите себѣ о вашихъ дѣлахъ, сколько душѣ угодно. Только возьмите меня. Согласны?

— Мистеръ Донниморъ сочтетъ тебя, пожалуй, слишкомъ передовой дѣвицей, моя милая, вмѣшался отецъ.—Вы извините, Донниморъ...

— Если мистеръ Донниморъ не сочтетъ глупой и вульгарной, то можетъ надѣлить меня всѣми остальными пороками—я разрѣшаю... Ну что же, возьмете вы меня съ собой, мистеръ Донниморъ?

— Я... я буду счастливъ, проговорилъ молодой человѣкъ, взглянувъ украдкой на хозяина —Ручаюсь, что и Адамсонъ будетъ очень радъ.

— Но, душенька, раздался опять отечески-укоризненный голосъ мистера Слэтера,—подумай, прилично ли...

— Папа (изумленно-негодующимъ тономъ)! Неужели ты допускаешь, что два священника или который нибудь изъ двоихъ, можетъ оказаться не тѣмъ, чѣмъ ему подобаетъ быть по его сану?!

Донниморъ разсмѣялся. Улыбнулся черезъ силу и Слэтеръ.

— Она любитъ болтать зря, Донниморъ, не обращайте вниманія... Не слѣдуетъ, голубушка, давать людямъ поводъ для пересудъ.

— Если меня берутъ на свою отвѣтственность два священника, я готова рискнуть даже скандаломъ, сказала она упрямо.

— Что ты, мой другъ! Кто же говоритъ о скандалѣ? Но всетаки...

— Я иду въ горы, папа, хотите вы сказать? Прекрасно. Стало быть вопросъ обсуженъ и рѣшенъ.

Затѣмъ, повернувшись къ викарію, она спросила:—Такъ вы не въ восторгѣ отъ нашего Минвэля, мистеръ Донниморъ?—Глаза ея при этомъ смѣялись, но онъ не понялъ—отчего.

— Сказать по правдѣ—нѣтъ. На меня онъ произвелъ гнетущее впечатлѣніе.

— Какой извращенный вкусъ! (Съ притворнымъ изумленіемъ)! Развѣ вы не были на мосту? Не любовались оттуда бурлящимъ потокомъ—кстати, тѣмъ самымъ, который вы видѣли по дорогѣ на Кайндеръ,—не обоняли его? Не

оцѣнили всей живописности кривобокихъ, грязныхъ домишекъ, разбросанныхъ по его берегамъ? Вы плохой цѣнитель красоты, мистеръ Донниморъ!

— Боюсь, что такъ. По крайней мѣрѣ, меня этотъ видъ навелъ на грустныя мысли.

Тутъ мистеръ Слэтеръ счелъ своевременнымъ вмѣшаться въ разговоръ. Эта тема была его больное мѣсто, и дочка хорошо это знала.

— Я вижу, Донниморъ, что вы, какъ и она, смотрите на вещи не совсѣмъ правильно. Нельзя вести промышленное дѣло въ феерической обстановкѣ, въ волшебныхъ дворцахъ. Минвэль сталъ однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ мѣстечекъ на сѣверѣ Англіи съ тѣхъ поръ, какъ я взялъ его въ свои руки, я вамъ скажу. Хорошенькія деревеньки хороши на своемъ мѣстѣ, но въ хорошенькой деревенькѣ не наживешь состоянія. Фабрики тоже нужны. Что было бы съ нашимъ отечествомъ безъ его фабрикъ, безъ его каменноугольныхъ копей, безъ его... промышленности, словомъ сказать. И наконецъ, въ сравненіи съ другими мѣстами Минвэль по моему совсѣмъ ужъ не такъ некрасивъ. Это очагъ индустріи. Если бъ вы видѣли, сколько работы здѣсь производится теперь, и могли бы сравнить съ тѣмъ, что было раньше, когда я пріѣхалъ сюда, вы бы не повѣрили, какъ много можно сдѣлать въ такое короткое время. Это было какое-то сонное царство. Но я взялся за дѣло, и вотъ вамъ плоды. Мы—передовое мѣстечко, и ушли бы еще дальше впередъ, если-бъ намъ удалось укротить негодяевъ, которые мутятъ народъ.

— Должно быть,—заговорилъ Донниморъ нерѣшительно, видя, что слово за нимъ,—должно быть, нельзя вести фабричное дѣло безъ того, чтобы до извѣстной степени не обезобразить лика природы.

— Конечно, нельзя, мой милѣйшій. Красоты природы, безспорно, хорошая вещь, но ими сытъ не будешь. И знаете, когда вы хорошенько присмотритесь, вы увидите, что фабрики тоже живописны въ своемъ родѣ,—какъ пейзажъ.

— На этотъ разъ папа, пожалуй, правъ,—сказала Мабель.—Почему, въ самомъ дѣлѣ, каждое фабричное мѣстечко должно быть непремѣнно безобразно? Но Минвэль безобразенъ—это вѣрно. Взгляните вы на эти уродливыя фабричныя зданія, на грязные домишки по берегамъ зловонной рѣки. Вѣдь это какіе-то свиные хлѣва! И люди здѣсь ничуть не лучше своихъ жилищъ: народъ отвратительный, и говоритъ отвратительнымъ языкомъ. Вы здѣсь и мѣсяца не проживете, мистеръ Донниморъ, какъ станете съ тоской вспоминать тѣхъ добрыхъ, скромныхъ, чистоплотныхъ по-

селянъ, среди которыхъ вы работали прежде... въ Вильтширѣ, если не ошибаюсь?

— Душа моя, душа моя! — перебилъ ее отецъ съ явнымъ раздраженіемъ. — Нехорошо съ твоей стороны возстанавливать мистера Доннимора противъ его прихожанъ. Есть мѣста и похуже Минвэля, въ тысячу разъ хуже.

Донниморъ весело улыбнулся и ничего не сказалъ.

— Я часто мечтаю, чтобы папа продалъ свои фабрики и увезъ насъ куда-нибудь подальше,—въ Бекстонъ или въ Уэльсъ. Я увѣрена, что матери это было бы очень полезно. Здѣсь непріятный, грубый народъ. Я сильно подозрѣваю, что „рабочія руки" папа за глаза не совсѣмъ почтительно величаютъ его „Сэмъ" или „Сэмми", а не то обзываютъ какой-нибудь насмѣшливой кличкой. А я для нихъ „хозяйская дочка" или просто „Мэбъ"... Простите, мистеръ Донниморъ: когда я заговорю о Минвэлѣ, я буду говорить безъ конца. А духовные отцы на этотъ счетъ очень строги; они любятъ сами направлять бесѣду и принимаютъ за личную обиду, когда имъ не даютъ говорить. Таково, по крайней мѣрѣ, общее правило. Скажите, какая ваша любимая тема. Я обѣщаю внимательно слушать цѣлыхъ пять минутъ.

— Я больше всего люблю слушать, когда разговоръ занимателенъ,—отвѣчалъ съ поклономъ Донниморъ.

— Когда я хочу, чтобъ человѣкъ слушалъ и говорилъ съ интересомъ, я навожу разговоръ на его спеціальность. Итакъ: остались вы довольны нашими прихожанами, мистеръ Донниморъ?

— Я не привыкъ имѣть дѣло съ такимъ большимъ числомъ прихожанъ,—отвѣчалъ онъ. Послѣ этого разговоръ все время вертѣлся на нуждахъ прихода, пока миссъ Слэтеръ не встала изъ-за стола, говоря, что ей надо навѣдаться къ матери.

Слэтеръ вздохнулъ съ облегченіемъ, когда она ушла. Онъ возлагалъ большія надежды на этотъ обѣдъ, разсчитывая предупредить опасность и указать новому викарію вѣрную позицію въ предстоящей ему дѣятельности прежде, чѣмъ его успѣютъ сбить съ толку. Поэтому легкомысленная болтовня дочери сердила его.

— Моя дочь часто говоритъ, не подумавъ, мистеръ Донниморъ; но она—не глупая дѣвушка,—началъ онъ политично.

— Я это вижу,—сказалъ викарій спокойно.

— Она не хуже меня знаетъ, что дѣло—прежде всего, и что красоту надо по-боку, когда дѣлаешь дѣло. Я тоже человѣкъ, я люблю природу, красивые виды; но когда ломаешь голову, какъ доставить заработокъ населенію, то

тутъ ужъ не до видовъ. Не изъ-за благодарности людской хлопочешь. Какая тамъ благодарность! Они убѣждены, что хозяинъ не имѣетъ никакихъ правъ на прибыль... Да-а, не все у насъ въ Минвэлѣ гладко, мой другъ.

— Да?

— Не все. Въ нашемъ дѣлѣ, видите ли, наступилъ застой. Прибыль уменьшилась. Да и ту, какая есть, получить не такъ-то просто: надо очень и очень поработать мозгами. Но развѣ они это понимаютъ? Они никогда ничѣмъ не довольны. А тутъ ихъ еще подстрекаютъ смутьяны. Не дальше, какъ вчера я говорилъ объ этомъ съ Бентли и съ Омеромъ (это тоже фабриканты, здѣсь, по сосѣдству), и они вполнѣ согласны со мной. Они, видите ли, смотрятъ на меня, какъ на лидера фабрикантовъ нашего района.

— Понимаю,—сказалъ Донниморъ, сердясь на себя за то, что не можетъ вложить въ свои реплики больше теплоты.

— Есть тутъ кучка лѣнтяевъ, которые сбиваютъ съ пути и другихъ. Я отлично вижу ихъ игру, и я имъ покажу, кто здѣсь хозяинъ.—„Надѣюсь, вы меня поддержите“,—сказалъ я намедни Бентли и Омеру, и они обѣщали. Пусть только попробуютъ эти мерзавцы устроить мнѣ стачку, я имъ такое устрою, что они меня въ вѣкъ не забудутъ.

— Я горячо надѣюсь, что до этого не дойдетъ, мистеръ Слэтеръ. Я не сочувствую стачкамъ. Это такой неразумный, такой безплодный способъ борьбы. А главное, онъ всегда приводитъ къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Гораздо больше могутъ сдѣлать взаимныя уступки, на мой взглядъ.

Слэтеръ просіялъ.

— Я очень радъ, Донниморъ, что вы такъ здраво смотрите на вещи. Вы вполнѣ правы, и я счастливъ, что нахожу въ васъ поддержку. Вы, въ вашемъ положеніи, можете сдѣлать очень многое, разъяснивъ вашимъ прихожанамъ ихъ права и обязанности. Сказать вамъ по правдѣ, все зло въ проклятыхъ диссидентахъ. Не говорю—всѣ, но большинство здѣшнихъ диссидентскихъ проповѣдниковъ—радикалы и вольнодумцы. Они воображаютъ себя ни вѣсть кѣмъ только оттого, что разглагольствуютъ съ каѳедры, и чтобы показать свое значеніе, не находятъ ничего лучшаго, какъ поселять недовольство въ умахъ.

— Кажется, диссиденты здѣсь довольно сильны, насколько я могъ замѣтить.

— Чертовски сильны! Кабы не это, мы имѣли бы больше покоя.... Не хотите ли еще сигару?.... Мнѣ такъ пріятно, что мы съ вами сходимся во взглядахъ.

— Сигару?—Нѣтъ, благодарю, достаточно одной.... Въ моемъ прежнемъ приходѣ почти не было диссидентовъ....

какая-нибудь горсточка, ничтожная величина. Намъ не было отъ нихъ хлопотъ. И я вообще утверждаю, что тамъ, гдѣ церковь и духовенство исполняютъ свой долгъ, не щадя силъ, тамъ диссидентство не можетъ процвѣтать.

— Не знаю,—проговорилъ Слэтеръ съ сомнѣніемъ.— Правда, я не скажу, чтобы здѣшніе наши священники убивали себя на работѣ, но и съ народомъ здѣшнимъ нелегко. Каждый увѣренъ, что онъ не хуже другихъ, и по части религіи заткнетъ за поясъ любого священника. Все его честолюбіе въ томъ, чтобы идти наперекоръ своимъ наставникамъ въ дѣлѣ вѣры. И этого вамъ не выбить у него изъ головы, пока вы не убѣдите его, что онъ совсѣмъ не такъ ужъ дьявольски уменъ, какъ онъ воображаетъ. Можете себѣ представить?—они вѣдь убѣждены, что у нихъ, простыхъ рабочихъ, ничуть не меньше мозговъ въ головѣ, чѣмъ у людей, стоящихъ выше ихъ. Чистѣйшая нелѣпость, разумѣется, грубый самообманъ, но это такъ.... Взять хоть меня. Я вступилъ въ жизнъ такимъ же голякомъ, какъ любой изъ этого люда. Такъ же началъ свою карьеру и Бентли и множество другихъ, которыхъ вы теперь можете встрѣтить на манчестерской биржѣ.... Что же насъ выдвинуло?—Умная голова и нелѣнивыя руки.... А что мѣшаетъ выдвинуться остальнымъ?—Да именно то, что они воображаютъ себя въ десять разъ умнѣе, чѣмъ они есть. Оттого они и недовольны. Изъ такихъ-то и выходятъ диссиденты да агитаторы.

— Вы меня не поняли, мистеръ Слэтеръ, перебилъ Донниморъ, которому становилось положительно непріятно соглашаться съ этимъ человѣкомъ.—Между диссидентами есть очень хорошіе люди, и я ничего не имѣю противъ нихъ лично. Но церковь должна отстаивать свои права, и я надѣюсь съ Божьей помощью поднять ея авторитетъ въ Минвэлѣ.

— Вѣрно, вѣрно, мой другъ. Я вполнѣ раздѣляю вашъ взглядъ. Бѣдняга Бримъ былъ славный малый,—никогда, знаете, не доставлялъ намъ хлопотъ; но слабъ, слабъ,— что правда, то правда. Ужъ больно распускалъ народъ. Старъ онъ былъ, понимаете, да и вообще чего-то въ немъ не хватало. Я и то ужъ говорилъ Уэстгету (это нашъ патронъ здѣшній).... я ему говорилъ, что намъ нуженъ молодой человѣкъ, но солиднаго направленія, не вертопрахъ. Очень радъ, что мнѣ удалось на него повліять въ этомъ смыслѣ.... У насъ тутъ диссиденты разныхъ толковъ: весляне, индепенденты и коренные диссиденты—„крикуны“, какъ я ихъ зову. Числомъ ихъ меньше всѣхъ, но они *умѣютъ* кричать, я вамъ доложу. Потомъ есть еще съ полдюжины плимутскихъ братьевъ—„плимутскихъ ханжей“

(онъ захохоталъ, довольный своей остротой). Не хватаетъ только арміи спасенія, но я ужъ позабочусь о томъ, чтобъ *эти* къ намъ не попали: ни въ одномъ изъ моихъ коттеджей они не найдутъ пріюта—это фактъ. А вы и не подозрѣвали, что у насъ въ Минвэлѣ столько сектъ? Все это отъ большого ума, понимаете. Епископальная церковь съ почтеннымъ пастыремъ во главѣ и съ всѣми уважаемымъ церковнымъ старостой имъ не годится; имъ нужно свое особое мѣсто, гдѣ у нихъ былъ бы священникъ изъ ихъ же братіи, гдѣ всѣ они могли бы быть деканами, или какъ это тамъ у нихъ зовется....

— Минвэль долженъ проявлять большую ревность къ вѣрѣ при такомъ богатомъ выборѣ вѣроученій,—замѣтилъ Донниморъ, чтобы что-нибудь сказать.

— Какъ разъ наоборотъ. Знаете, по пословицѣ; у семи нянекъ дитя безъ глазу. Ни Бога, ни чорта не боится здѣшній народъ. Ну, да со мной шутки плохи: я крѣпкій орѣхъ, зубы обломаютъ. Мы еще потягаемся: увидимъ, чья возьметъ. Я ихъ въ бараній рогъ согну—не будь я Слэтеръ!

— Дай Богъ, чтобъ никому никого не пришлось гнуть, мистеръ Слэтеръ, проговорилъ сдержанно Донниморъ.— Благая вѣсть, которую я несу въ Минвэль, какъ духовный пастырь,—вѣсть мира и радости. Не борьбой двигается дѣло Господне.

— Вы совершенно правы, Донниморъ, и я увѣренъ, что все это вы укажете вашей паствѣ.... Ну, довольно о дѣлахъ. Пойдемте въ гостиную; поболтаете съ Мабель, она вамъ споетъ. Она очень хорошо поетъ и играетъ: у нея былъ лучшій учитель въ Манчестерѣ.

— Извините меня, мистеръ Слэтеръ, никакъ не могу. У насъ нынче спѣвка нашего хора, мнѣ необходимо тамъ быть: я хочу познакомиться съ нашими пѣвчими.

— Правильно. Не смѣю задерживать.... Но помните, Донниморъ, что вы всегда желанный гость въ моемъ домѣ. Бывайте почаще. Мы съ вами, кажется, столковались. Признаться, я не безъ страха думалъ о томъ, какъ-то мы поладимъ съ новымъ викаріемъ. Хорошо, что Уэстгетъ умѣетъ прислушиваться къ голосу людей, которые знаютъ мѣстныя нужды.

Мистеръ Слэтеръ проводилъ гостя до крыльца и наградилъ его на прощанье самымъ сердечнымъ рукопожатіемъ.

IV.

Точка зрѣнія „рабочихъ рукъ“.

На другой дѐнь вечеромъ нѣсколько человѣкъ рабочихъ съ фабрики Слэтера собрались у Маттью Леммера. Мистеръ Слэтеръ питалъ особенную антипатію къ Леммеру, какъ къ методисту и мѣстному проповѣднику: словомъ, какъ къ одному изъ тѣхъ смутьяновъ-агитаторовъ, которые такъ непочтительно нарушали покой своего принципала. Всѣхъ собралось шестеро. Цѣль собранія была обсудить положеніе дѣлъ, становившееся невыносимымъ. Фабричное дѣло въ Минвэлѣ расширялось—въ этомъ не могло быть сомнѣнія, а между тѣмъ, вопреки обѣщанію Слэтера, его рабочіе получали ту же уменьшенную плату, какъ и при кризисѣ въ предыдущемъ году. Два раза къ нему ходили депутаты отъ рабочихъ, но оба раза онъ имъ рѣзко отвѣтилъ, что въ виду уменьшенія прибыли, рабочая плата не можетъ быть повышена, хотя имъ было хорошо извѣстно, что она давно повышена въ другихъ мѣстахъ.

— Намъ давно надо было присоединиться къ союзу, я это всегда говорилъ,—замѣтилъ Брикноль, уже пожилой человѣкъ съ угрюмымъ лицомъ.

— Что пустое болтать!—возразилъ ему Бринтонъ, высокій, сухопарый рабочій лѣтъ тридцати пяти.—Вѣдь онъ грозился прогнать съ фабрики перваго, кто поступитъ въ союзъ,—ты это знаешь не хуже меня. Если бы мы могли всѣ сговориться, всѣ поголовно,—тогда такъ. А если только ты да я, да еще два человѣка,—какой изъ этого толкъ? Получимъ разсчетъ, и дѣло съ концомъ.

— Все равно, такъ нельзя; надо что-нибудь дѣлать, сказалъ Джозія Пли, молодой парень изъ бѣлильни Слэтера, тоже мѣстный проповѣдникъ и „смутьянъ“.—Въ послѣднее время я, не шутя, подумывалъ объ Америкѣ, да жена не хочетъ; говоритъ: „Еще хуже будетъ на чужой сторонѣ“. И стыдно какъ-то бросить товарищей.... Нѣтъ ужъ, видно, надо оставаться и стоять всѣмъ заодно до конца. Я знаю, многимъ тяжелѣе моего приходится, отлично знаю.

— Правда твоя, товарищъ, надо стоять до конца,—подхватилъ Маттью Леммеръ.—Мы съ тобой говоримъ съ каѳедры, наставляемъ народъ въ вѣрѣ, но не въ этомъ наша заслуга. Мы тогда только исполнимъ свой долгъ, когда приложимъ всѣ старанія улучшить дѣла въ здѣшнемъ мірѣ. Товарищи! Преклонимъ колѣни и помолимся Богу, да ниспошлетъ Онъ намъ указаніе, а тамъ пойдемъ къ хозяину,

попробуемъ поговорить съ нимъ еще разъ. Можетъ быть, онъ согласится.

— Я не на молитву сюда шелъ, и не намѣренъ миндальничать со старикашкой Слэтеромъ,—сказалъ Бобъ Слэтветъ.—Мы не получили прибавки добромъ, значитъ надо взять ее силой. Будь вы посмѣлѣе, вы бы сумѣли отстоять свои права. Но смѣлости-то вамъ и не хватаетъ. Больно ужъ много божественнаго примѣшиваете вы къ этому дѣлу. Мнѣ это не нравится. Прощайте.—И онъ ушелъ.

Минуты двѣ царило молчаніе. Потомъ Брикноль обвелъ взглядомъ присутствующихъ и заговорилъ:

— А знаешь, я согласенъ съ Бобомъ, Маттью. Вѣдь эта старая лисица и вправду всѣхъ насъ забрала въ свои когти. Посчитай-ка, много-ли изъ насъ найдется такихъ, чтобы не жили въ коттеджѣ Слэтера? Тутъ одно средство: всѣмъ встать, какъ одинъ человѣкъ, а то онъ выгонитъ насъ изъ домовъ, и что тогда съ нами будетъ? Хоть бы издохъ, старый чортъ! Тотъ его парень, что служитъ въ арміи, былъ бы намъ лучшимъ хозяиномъ.

— Да, надо всѣмъ сговориться, иначе не стоитъ и начинать,—согласился даже Бринтонъ. Потомъ, взглянувъ на Маттью, онъ прибавилъ:—Ты предлагалъ помолиться. Что-жъ, я готовъ. Хоть пользы я большой отъ этого и не жду, но и вреда не будетъ. А на душѣ все легче, какъ помолишься Богу.

Не говоря ни слова, Маттью Леммеръ опустился на колѣни. Пли послѣдовалъ его примѣру, но остальные продолжали сидѣть. Леммеръ молился о томъ, чтобы Господь ихъ указалъ имъ, какъ дѣйствовать, и чтобы хозяинъ ихъ смягчился и исправилъ свою несправедливость.

— Ну, такъ какъ же, товарищи? Что мы предпримемъ?—заговорилъ Леммеръ, поднимаясь съ колѣнъ.—Многіе ждутъ отъ насъ рѣшительнаго слова. Что же мы имъ скажемъ?.. Я противъ крайностей, если есть возможность уладить дѣло миромъ. Я одинъ разъ участвовалъ въ стачкѣ и знаю, что это такое. Упаси насъ Богъ! Душа болитъ глядѣть на голодныхъ женщинъ и дѣтей...

— Нельзя сказать, чтобъ и теперь они были сыты по горло,—вставилъ съ злымъ смѣхомъ Брикноль.

— Не по горло, а все же не голодаютъ... Что же, товарищи, хотите, сходимъ еще разъ къ хозяину потолковать. А коли не добьемся толку, тогда ужъ поищемъ другихъ средствъ.

— Да, другого ничего, пожалуй, не придумаешь пока,—сказалъ Бринтонъ.—Только будьте увѣрены, старикъ Сэмъ

не согласится. Онъ думаетъ, что крѣпко зажалъ насъ у себя въ кулакѣ. А ему того только и надо. Говорятъ, онъ и пастора новаго переманилъ на свою сторону. Впрочемъ, этого надо было ожидать. Его прихожане теперь услышатъ не одну проповѣдь насчетъ того, какъ подобаетъ богобоязненнымъ людямъ слушаться своего господина. Ну, да мнѣ все равно; я-то слушать его не пойду.

Въ концѣ концовъ, согласились на томъ, что завтра, въ пятницу вечеромъ, Леммеръ, Брикноль, Бринтонъ, Пли, Бутройдъ и Слэтветъ (если пожелаетъ) пойдутъ объясняться со Слэтеромъ.

Наступилъ вечеръ пятницы, и пятеро рабочихъ (Слэтветъ отказался идти) отправились къ хозяину и съ униженнымъ смиреніемъ просителей, домогающихся только милости, а не законныхъ правъ своихъ, явились съ чернаго хода на кухню.

Мистеръ Слэтеръ не держалъ лакея (иначе онъ не могъ бы хвастаться тѣмъ, что онъ человѣкъ простой и любитъ во всемъ простоту); поэтому посломъ отъ посѣтителей явилась горничная.

— Скажите ему, что пришли пять человѣкъ съ фабрики и просятъ его на два слова,—обратился къ ней Леммеръ.—Всѣхъ именъ вы все равно не запомните, такъ скажите хоть мое: Леммеръ, Маттью Леммеръ.

Отецъ и дочь сидѣли въ комнатѣ больной, куда горничная и явилась съ этимъ порученіемъ. У Слэтера побагровѣло лицо отъ досады.

— Хорошо, Лиззи, пусть подождутъ,—сказалъ онъ.—Я подумаю, что имъ отвѣтить, и когда вы понадобитесь,—позвоню... Такъ я и зналъ,—заговорилъ онъ, когда горничная ушла.—Я вѣдь насквозь вижу этихъ проклятыхъ ханжей. Ладно же, они получатъ хорошій урокъ: я ихъ ни за что не приму. Пусть-ка потопчутся на улицѣ за дверьми.

— Лучше бы ты имъ сразу отказалъ, Самуэль,—рискнула возразить мистрисъ Слэтеръ.

— Не тревожься понапрасну, мой другъ. Я знаю, какъ обращаться съ этимъ народомъ. Имъ палецъ покажи, и они тебѣ сядутъ на шею. Пусти только я ихъ на порогъ, и они пойдутъ по всей деревнѣ хвастать, что заставили меня ихъ принять. Нѣтъ, нѣтъ, здѣсь я хозяинъ.

„Они", однако, не топтались на улицѣ, какъ полагалъ мистеръ Слэтеръ. Лиззи, которой не чуждо было чувство порядочности, попросила ихъ на кухню, объяснивъ что баринъ извиняется: онъ очень занятъ сейчасъ, но, можетъ быть, приметъ ихъ, если выберетъ свободную минутку.

Минутъ черезъ десять раздался звонокъ. Лиззи убѣжала и воротилась съ отвѣтомъ.

— Баринъ очень жалѣетъ, но сегодня онъ никакъ не можетъ васъ принять. Приходите въ понедѣльникъ, въ восемь часовъ.

Сожалѣнія были, конечно, ея собственной прикрасой.

Леммеръ поблагодарилъ ее и пожелалъ ей доброй ночи. Остальные молчали, пока не очутились на улицѣ.

— Ну что, Маттью? Что ты на это скажешь?—проговорилъ Брикноль угрюмо.—Я не вѣрю, что онъ занятъ; онъ просто хотѣлъ намъ показать, кто онъ и кто мы.

— Отчего же? Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ занятъ,—возразилъ примирительно Леммеръ.—Во всякомъ случаѣ, онъ обѣщалъ принять насъ въ понедѣльникъ. Подождемъ драться, пока насъ не бьютъ.

— А я,—заговорилъ Бринтонъ,—пока мы были тамъ, все спрашивалъ себя, неужто это справедливо, что одинъ человѣкъ живетъ богачемъ, а сотни, которыя своимъ горбомъ наколачиваютъ ему его деньги, не выходятъ изъ нужды. Я, право, начинаю думать, что соціалисты дѣло говорятъ.

— Все они врутъ!—отрѣзалъ Леммеръ, въ умѣ котораго соціализмъ былъ неразлученъ съ невѣріемъ, а потому нетерпимъ.

— А какъ же твой учитель, Маттью? Вѣдь онъ былъ соціалистъ, величайшій изъ всѣхъ, жившихъ на свѣтѣ. Отъ него-то и пошелъ соціализмъ. Недавно я читалъ одну книжку; такъ тамъ сказано, что если бы люди исполняли половину того, чему Онъ училъ, міръ бы совсѣмъ перемѣнился.

— Я знаю, что Іисусъ Христосъ былъ соціалистъ въ извѣстномъ смыслѣ; но только ты забываешь, Джо, что Онъ проповѣдывалъ Евангеліе мира и любви, а не вражды и ненависти. Будь нашъ хозяинъ христіанинъ, намъ не понадобилось бы теперь бороться за наши права.

— Знаешь, Маттью, меня удивляетъ, какъ это вы, христіане, можете подымать вопросъ о человѣческихъ правахъ. Вѣдь все ваше ученіе вертится на смиреніи, на томъ, чтобы подставлять другую щеку, и тому подобное. Нѣтъ, изъ меня тебѣ не сдѣлать христіанина: я хочу получить полностью то, что считаю своимъ, и буду добиваться этого всѣми средствами.

У Леммера загорѣлись глаза.

— А я тебѣ скажу: кабы не Христосъ да не его послѣдователи, у насъ не было бы и тѣхъ правъ, какихъ мы добились. Кто больше всѣхъ боролся за свободу?—Христіане. Мы, христіане, признаемъ борьбу со зломъ, потому что зло

губитъ и того, кто его совершаетъ. Вѣдь и теперь—пойми ты это—если-бъ Господь услышалъ наши молитвы, хозяинъ сталъ бы христіаниномъ и добровольно сдѣлалъ бы то, что мы хотимъ его заставить сдѣлать.

— Да какъ же, станетъ онъ христіаниномъ,—жди!—злорадно засмѣялся Бринтонъ.—А впрочемъ, что же? Чѣмъ онъ и теперь не христіанинъ? Онъ церковный староста, ходитъ въ церковь каждое воскресенье, вѣчно толкуетъ о религіи, жертвуетъ на бѣдныхъ по фунту и больше. Умри онъ сегодня, и въ первое же воскресенье мы услышимъ съ каѳедры длиннѣйшую хвалебную рѣчь: что вотъ, дескать, еще одинъ хорошій человѣкъ отошелъ въ вѣчность, къ Отцу своему Небесному, и какая это для всѣхъ насъ потеря, и что хоть мы, какъ простые рабочіе, и не можемъ надѣяться вполнѣ уподобиться ему, но должны, по крайней мѣрѣ, стараться слѣдовать по его стопамъ. И много еще въ томъ же духѣ.

— Перестань, товарищъ! сказалъ Леммеръ сурово. Я не позволю смѣяться надъ вѣрой при мнѣ. Помни, что и самъ ты когда-нибудь помрешь.

— Я не надъ вѣрой смѣюсь, Маттью,—горячо отвѣтилъ Бринтенъ. — Развѣ это вѣра? Объясни ты мнѣ, какъ могутъ пасторы говорить такія лживыя рѣчи надъ прахомъ какого-нибудь стараго плута. Я не касаюсь тебя и такихъ, какъ ты. Я тебя знаю съ самой моей колыбели, и что говорю про тебя за глаза, то и въ глаза тебѣ скажу. Ты настоящій христіанинъ, и у тебя слово не расходится съ дѣломъ. А много ли найдется такихъ хотя бы между вами, методистами? Ихъ надо черезъ два сита просѣять да посмотрѣть, что останется тогда. Какая-нибудь горсточка отборныхъ, настоящихъ христіанъ. Вѣрно говорю!

— Полно, Джо, все это пустыя слова,—вмѣшался Джозія Пли.—Вамъ, безбожникамъ, лишь бы издѣваться надъ вѣрующими людьми.

— Неправда, товарищъ! Никто не слыхалъ, чтобъ я издѣвался хотя бы, скажемъ, надъ Маттью, или надъ Томомъ Уайльдомъ, или надъ Люси Димонтъ. Я только не думаю, чтобы всякій, кто аккуратно ходитъ въ церковь или въ часовню, могъ назваться христіаниномъ. А то нашъ старикашка Сэмъ былъ бы первымъ христіаниномъ въ Минвэлѣ. И дочка его тоже: ходитъ со своей корзиной по бѣднякамъ, раздаетъ имъ объѣдки,—чего же тебѣ больше? Я былъ бы не хуже ихъ христіаниномъ, получай я тысячу фунтовъ годового дохода, потому что я не могу спокойно видѣть, чтобы люди умирали съ голоду у меня на глазахъ. А только я скажу: если бы Сэмъ и его семья относились къ намъ

по человѣчески, имъ не пришлось бы раздавать намъ гроши.

— Оставь въ покоѣ религію, Джо: рѣчь о дѣлахъ, а не о вѣрѣ,—сказалъ Брикноль.

— Да я и веду рѣчь прямо къ дѣлу. Я согласенъ съ Маттью, что если бы всѣ стали настоящими христіанами, не было бы надобности въ борьбѣ. Вы хотите обратить насъ въ свою вѣру. Такъ начинайте обращеніе съ господъ съ фабрикантовъ, а тогда ужъ обращайте и насъ. Покуда считаются христіанами такіе, какъ Сэмъ да Бентли и вся ихъ братія, меня не заманите ни въ церковь, ни въ часовню.

— Такъ значитъ рѣшено?—перебилъ его на этомъ Брикноль.—Мы опять идемъ къ нему въ понедѣльникъ?

— Да, идемъ,—отвѣчалъ Леммеръ.

— Ну, такъ прощайте, товарищи, намъ не по пути,—сказалъ Брикноль, сворачивая въ таверну „Снопы", съ которой они поравнялись какъ разъ въ эту минуту.

— И я съ тобой,—сказалъ Бринтонъ.—Покойной ночи, товарищи. — Хорошій человѣкъ Маттью,—прибавилъ онъ, обращаясь къ своему спутнику, когда остальные ушли.— Нельзя не уважать религіи, коль скоро она создаетъ такихъ людей.

— А сколько святошъ-лицемѣровъ она создаетъ, этого ты не считаешь? Подымаютъ гвалтъ изъ-за всякаго пустяка. Зашли мы съ тобой, скажемъ, выпить кружку пива. Ну что въ этомъ дурного? Вѣдь всякому хочется и погулять когда-нибудь. А вѣдь Маттью и Пли, поди, уже косятся на насъ, что ты думаешь?

— Я знаю. Они и правы, пожалуй. Вѣдь изъ-за нашей гульбы—сегодня кружка пива, да завтра, да послѣзавтра,— нашимъ женамъ не очень-то много остается на домашній расходъ. Приходило тебѣ это когда-нибудь въ голову? Нанси говоритъ мнѣ намедни: „Ты бы весь домъ вверхъ дномъ поставилъ, если-бъ я вздумала тратить на пиво по четыре, по пяти шиллинговъ въ недѣлю". Я засмѣялся и говорю: „Еще бы! Я и половины не пропиваю". „Вотъ те и на!" говоритъ. „Да ты больше пропьешь". „Неправда" говорю. „Нѣтъ, правда!" Мы съ ней даже поругались было. А потомъ она говоритъ: „Чѣмъ ссориться, давай сосчитаемъ". Сосчитали мы и, что-жъ бы ты думалъ? Съ воскресенья я пропилъ три шиллинга три пенса, а до субботы еще два дня оставалось, да еще суббота... Да, между нами сказать, я не удивляюсь, что женщины грызутъ насъ за это. Одно есть хорошее въ водкѣ: за ней всякую напасть забываешь. Хватилъ стаканчикъ, другой, и нѣтъ у тебя ни страха, ни заботъ. Хоть ненадолго, а все легче.

V.

Рабочіе организуются.

Въ понедѣльникъ вечеромъ, пятеро делегатовъ отъ рабочихъ снова явились къ хозяину. Заставивъ ихъ прождать съ четверть часа, онъ приказалъ провести ихъ къ себѣ въ кабинетъ. Онъ не предложилъ имъ сѣсть и прямо приступилъ къ объясненію черезъ столъ, за которымъ сидѣлъ.

— Я долженъ вамъ сказать,—заговорилъ онъ оффиціально-строгимъ тономъ,—что больше не потерплю,—чтобы врывались ко мнѣ въ домъ во всякое время. Если желаете говорить со мной по дѣлу, то говорите, когда я прихожу на работы.

— Мы хотѣли говорить съ вами, сэръ, всѣ пятеро, а работаемъ мы въ разныхъ мѣстахъ,—возразилъ на это Маттью Леммеръ.

— Хорошо. Такъ въ чемъ дѣло? Если вы съ жалобой, такъ лучше уходите. Жалобъ я слушать не стану.

— Нѣтъ, сэръ. Мы только хотимъ потолковать съ вами о нашихъ нуждахъ, сказать вамъ все, какъ есть, на чистоту. Вамъ, сэръ, извѣстно, какъ идутъ дѣла въ Минвэлѣ. Народъ въ такой нуждѣ, какъ еще и не бывало за мою память.

— Ну, такъ что же? Вѣдь я вамъ говорилъ, что въ нашемъ дѣлѣ застой.

— Такъ оно было, сэръ, но теперь прибыль растетъ, а вы намъ обѣщали дать прежнюю плату, какъ только дѣла начнутъ поправляться... Прибыль вездѣ одинакова, сэръ: какъ у другихъ фабрикантовъ, такъ и у васъ, а плата въ другихъ мѣстахъ выше... хоть бы, скажемъ, въ Стакпортѣ. Да и кромѣ того вы намъ обѣщали.

— Я плачу достаточно, Леммеръ, слишкомъ достаточно по работѣ. Я ничего не прибавлю, я это твердо рѣшилъ.

— Вы вычитаете десять процентовъ изъ нашего заработка. Нигдѣ такъ не дѣлается, сэръ. Не говорю уже о томъ, что вы нарушаете свое обѣщаніе. Это нечестно, сэръ. Подумали ли вы о томъ, что значатъ эти десять процентовъ для вашихъ „рабочихъ рукъ“? Вы увеличиваете свою прибыль, а имъ на хлѣбъ почти не хватаетъ, не то чтобы прилично одѣться.

Мистеръ Слэтеръ побагровѣлъ.

— Такъ слушайте же вы, Леммеръ, и всѣ остальные! Я вамъ сказалъ свое послѣднее слово, и я васъ не боюсь. Если вы недовольны, ищите работы въ другомъ мѣстѣ. Я

даже радъ, что вы пришли: теперь я, по крайней мѣрѣ, знаю, кто заводчики всему злу. Съ этого дня я съ васъ глазъ не спущу, и при первой же вашей новой продѣлкѣ выгоню васъ вонъ. Вы мнѣ отвѣтите за всякій безпорядокъ на фабрикѣ среди моихъ рабочихъ. Можете предупредить объ этомъ остальныхъ.

— Намъ очень жаль, сэръ, если это ваше послѣднее слово,—сказалъ Леммеръ твердо.—Мы разсчитывали на лучшій пріемъ. Предупреждаю васъ, сэръ, что вы наживете себѣ много хлопотъ.

Не говоря ни слова, Слэтеръ позвонилъ.

— Выведи ихъ вонъ! — сказалъ онъ вошедшей служанкѣ.

Когда они ушли, онъ засмѣялся, очень довольный собой. „Такъ я и зналъ, что всему голова этотъ старый ханжа", сказалъ онъ себѣ. „Только меня не поддѣнешь: не на таковскаго напалъ".

— Ну что, Маттью, немного помогла твоя молитва,—проговорилъ со смѣхомъ Бринтонъ, глядя на убитое лицо старика.—А всетаки нельзя не восхищаться этимъ старымъ пройдохой. Если-бъ мы умѣли такъ, какъ онъ, отстаивать свои права, намъ бы лучше жилось, я такъ думаю... Что же намъ дѣлать теперь? А, Маттью?

— Готовиться потихоньку къ борьбѣ и организовываться въ союзъ,—отвѣчалъ Леммеръ.—Дѣло это нешуточное, товарищи. Нельзя рубить съ плеча. Мы рѣшили отстоять свои права. Такъ надо хорошо все обдумать, а потомъ уже дѣйствовать, не отступая ни передъ чѣмъ.

— Да, пожалуй, это все, что мы можемъ сдѣлать пока,— неспѣшно выговорилъ Брикноль,—хотя мнѣ, сказать по правдѣ, очень хочется теперь же объявить войну.

— У меня такое же чувство,—сказалъ Бринтонъ.—У меня руки чесались поколотить Сэма. Но Маттью дѣло говоритъ. Лбомъ стѣны не прошибешь. Силу можно взять только силой. Пойдемъ къ товарищамъ, потолкуемъ; они поймутъ, что ужъ коли бороться, такъ надо дѣйствовать дружно, какъ одинъ человѣкъ... Я всегда говорилъ, что нѣтъ хуже тѣхъ хозяевъ, которые сами вышли изъ нашей братіи, рабочихъ... Зайдемъ-ка, Томъ, въ „Снопы", пропустимъ по стаканчику. Мы тамъ теперь застанемъ половину всей фабрики и можемъ, не откладывая, приступить къ дѣлу.

Леммеръ сокрушенно покачалъ головой и заговорилъ нерѣшительно:

— Дивлюсь я, товарищи, какъ это вы не понимаете, что пьянство—лучшій союзникъ хозяевъ противъ рабочаго люда. Вѣдь это имъ на̀-руку, что мы пьемъ.

— Вѣрно, Маттью,—согласился Бринтонъ,—но только, я тебѣ скажу, есть у хозяевъ союзникъ почище: церкви да часовни—вотъ какой! Всѣ вы, молельщики, поклоняетесь золотому тельцу. Кто первый человѣкъ у церковниковъ?—Сэмъ, потому что онъ швыряетъ соверены на бѣдныхъ—изъ нашего же кармана, замѣть,—а изъ насъ грѣшныхъ, и копѣйку-то не всякій можетъ дать. А въ сосѣднемъ приходѣ кто первый человѣкъ?—Бентли—такой же негодяй, какъ и Сэмъ. Я слыхалъ, будто въ тамошней школѣ ребята на молитвѣ читаютъ: „Отче нашъ Бентли, иже еси...“

— Стыдись, товарищъ!—началъ было съ жаромъ Джозія Пли, но Маттью предостерегающе положилъ руку ему на плечо, и молодой рабочій, съ трудомъ пересиливъ себя, замолчалъ.

Дружескимъ тономъ Маттью пожелалъ остальнымъ доброй ночи, и они разошлись.

— Зачѣмъ такъ поддаваться гнѣву?—сказалъ онъ своему младшему товарищу, когда они остались одни.—Не обращай вниманія на Джо: мало ли что онъ скажетъ!

— Да вѣдь живой человѣкъ: не вытерпишь иной разъ.

— Я понимаю твои чувства, парень, но видишь ли ты, Джо самъ того не думаетъ, что говоритъ—это разъ, а второе: намъ иногда полезно послушать, что думаютъ о насъ другіе. Хуже всего то, что есть въ ихъ словахъ доля правды: мы дѣйствительно склонны чтить золотого тельца.

— Только не я,—горячо возразилъ Пли.

— Не ты, но многіе изъ насъ. Оттого-то слова Джо и задѣваютъ насъ такъ больно. Но не стоитъ объ этомъ... Товарищъ! Намъ предстоятъ впереди долгіе, трудные дни, если хозяинъ не сдастся. Я, ты знаешь, противникъ войны, а стачка, говоря по совѣсти, немногимъ лучше войны. И стачка скоро начнется. Ты еще не знаешь, что такое стачка. Легко сказать человѣку: „Не теряй головы“; но въ стачкѣ, все равно какъ на войнѣ, дьяволъ вырывается на свободу и играетъ людьми.

— Съ тобой, Маттью, я ничего не боюсь,—сказалъ Пли.

— Охъ, парень, не говори! Когда дьяволъ сорвется съ цѣпи, онъ носится, какъ левъ рыкающій, и отнимаетъ у людей послѣдній разумъ,—проговорилъ Маттью, горестно качая головой.—Читалъ я гдѣ-то, что одинъ американскій полководецъ называлъ войну адомъ. Сущая правда, товарищъ. А стачка—та же война. Не дай Богъ никому видѣть такія картины, какія я видалъ во время стачки въ Стокпортѣ. Люди совсѣмъ изголодались. У женщинъ молоко высохло въ груди, младенцевъ нечѣмъ было накормить. Мужчины многіе помѣшались отъ горя, глядя какъ умираютъ

Пѣвецъ отчаянія.

По пути изъ Лагады въ Мальдонаду мрачный докторъ Лимуэль Гулливеръ посѣтилъ островъ некромановъ. И здѣсь гостепріимный хозяинъ вызвалъ по желанію путешественника безконечную вереницу тѣней знаменитыхъ и забытыхъ людей. Литература похожа иногда на этотъ созданный фантазіей Свифта островъ Геубдубдрибъ. Изъ мрака могилъ встаютъ забытые авторы, порой ничѣмъ не извѣстные при жизни. Они несутъ новымъ поколѣніямъ свое настроеніе, свои мысли, радости и отчаяніе, не понятые современниками. Нѣтъ ничего болѣе интереснаго, какъ выясненіе тѣхъ соціологическихъ причинъ, которыя вызываютъ изъ мрака забвенія такого писателя. Эти причины, и только онѣ, являются «некроманами». Безконечной вереницей проходятъ предъ читателями трагическія и жизнерадостныя фигуры, облаченныя въ костюмы всѣхъ вѣковъ и народовъ. Предъ нами то безпутный гуляка и вольнодумецъ XI вѣка, говорившій въ великолѣпныхъ «рубаятахъ», т. е. четверостишіяхъ, о страхѣ смерти и внушавшій радостное отношеніе къ жизни, то несчастный французскій поэтъ XV вѣка, замѣчательный, какъ поразительно оригинальнымъ и яркимъ талантомъ, такъ и исключительной судьбой. Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть своеобразнѣе замѣчательнаго поэта, присужденнаго къ висѣлицѣ за участіе въ воровской шайкѣ! Затѣмъ некроманъ—подходящія условія—вызываетъ философовъ, ставившихъ въ центрѣ міропознанія свое преувеличенное *я*, больныхъ людей, мысль которыхъ была сконцентрирована на патологическомъ извращеніи чувствъ, талантливыхъ религіозныхъ маніаковъ, галлюцинатовъ, изобразившихъ праздникъ сатаны со всѣми отвратительными и неудобопередаваемыми подробностями его. Изслѣдованіе общественныхъ причинъ, которыя не только вызвали изъ могилы забытаго писателя, но доставили ему также читателей и подражателей,—даетъ каждый разъ крайне любопытные результаты. Вотъ и теперь «некроманъ», о которомъ я только что упомянулъ, вызываетъ Джемса Томсона, несчастнаго поэта, скончавшагося четверть вѣка тому назадъ. Предъ нами не только громадный и исключительный талантъ, по оригинальности и силѣ имѣющій въ англійской литературѣ сопер-

ника развѣ только въ Шелли, но также одна изъ самыхъ печальныхъ, трагическихъ и глубоко несчастыхъ личностей. Нужно представить себѣ только больного, бездомнаго, голоднаго, измученнаго продолжительной безсонницей и страшными результатами наслѣдственнаго алкоголизма поэта, бродящаго въ туманную ночь по мертвымъ безконечнымъ лондонскимъ улицамъ. Личная жизнь его разбита. Страшное отчаяніе подавило его совершенно. Болѣзнь, безсонница и отчаяніе поэта наполнили и безъ того фантастическій желтый лондонскій туманъ страшными призраками.

«Молчаніе,—описываетъ поэтъ громадный городъ ночью,—отъ котораго чувства или нѣмѣютъ, или напрягаются, какъ туго натянутый лукъ, наполняетъ душу ужасомъ и не выплаканнымъ отчаяніемъ. Неизвѣстно, спитъ ли безчисленное населеніе или бѣжало отъ невѣдомаго мора».

«Какъ въ некрополисѣ, гдѣ на тысячу мертвецовъ приходится одинъ живой, оплакивающій кого-нибудь, здѣсь тоже изрѣдка мелькаютъ живые люди. Они кажутся глухими и нѣмыми, а выраженіе ихъ лицъ подобно трагической маскѣ, высѣченной изъ камня. Они или бродятъ, бродятъ, тяжело ступая, подавленные своею участью, или, въ продолженіе долгихъ безсонныхъ часовъ, низко опустивъ головы, сидятъ въ отчаяніи».

«Они часто бормочатъ про себя, но рѣдко говорятъ другъ съ другомъ, потому что накопляютъ горе въ груди, но не даютъ ему вырваться наружу. И если горе накипаетъ такъ сильно, что должно вырваться наружу бредомъ, никто не обращаетъ вниманія на воклицанія. Развѣ только въ отвѣтъ раздадутся вопли другой жертвы, у которой отчаяніе тоже вырвалось наружу».

Поэтъ въ концѣ концовъ символизируетъ погруженный въ сонъ и туманъ громадный городъ. Это—весь міръ. И онъ такъ же ужасенъ и такъ же мраченъ, какъ городъ въ туманѣ. Немногіе бездомные люди, которыхъ отчаяніе гонитъ по пустыннымъ улицамъ, это—единственные философы, прозрѣвшіе сущность міра. И въ подобномъ настроеніи Томсонъ пишетъ изумительную по силѣ и ужасную по мрачности своей поэму «The City of Dreadful Night», занимающую одно изъ первыхъ мѣстъ не только въ англійской, но и въ міровой литературѣ *). Это—гимнъ смерти, отчаянный вопль, вызванный ужасомъ жизни, представляющейся поэту безпрерывной цѣпью невѣроятныхъ страданій. И Томсону кажется дикимъ безуміемъ вѣчная жалоба человѣчества на быстротечное время.

„Of all things human which are strange and wild
This is perchance the wildest and most strange,

*) Джемсъ Томсонъ у насъ въ Россіи совершенно неизвѣстенъ. Въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза упомянутъ только тезка его, поэтъ XVIII вѣка, авторъ „Rule Britannia“. Это показываетъ, какъ отрывочны, въ дѣйствительности, наши свѣдѣнія объ иностранной литературѣ, не смотря на то, что русскіе—самые усердные переводчики.

And showeth man most utterly beguiled,
To those who haunt that sunbless City's range;
That he bemoans himself for aye, repeating
How time is deadly swift, how life is fleeting,
How naught is constant on the earth but change".

(т. е. «Изъ всѣхъ странныхъ и дикихъ человѣческихъ дѣлъ, вотъ наиболѣе странное и дикое, показывающее всѣмъ, бродящимъ вдоль улицъ мрачнаго города, до какой степени велико заблужденіе людей. Съ незапамятныхъ временъ человѣкъ вѣчно оплакиваетъ свою судьбу и повторяетъ, что время поразительно быстро, что жизнь скоротечна, все на землѣ измѣнчиво и нѣтъ ничего постояннаго»).

Жалобы эти безумны, если принять во вниманіе, что люди глубоко несчастны. «Часы и дни давятъ человѣка,—продолжаетъ поэтъ. Время мѣсяцевъ онъ едва можетъ выносить; часто въ глубинѣ души онъ страстно желалъ бы проспать всѣ мрачные періоды жизни и пробудиться только для наслажденій. Но и они мимолетны и оставляютъ послѣ себя только горькій осадокъ. И человѣкъ опять страстно желаетъ продолжительнаго сна».

„Yet in his marvellous fancy he must make
Quick wings for Time. and see it fly from us;
This Time which crawleth like a monstrous snake,
Wounded and slow and very venomous;
Which creeps blindwormlike round the earth and ocean,
Distilling poison at each painful motion,
And seems condemned to circle ever thus".

(т. е. «И тѣмъ не менѣе удивительная фантазія человѣка надѣлила время быстрыми крыльями и изобразило его отлетающимъ отъ насъ. Фантазія изобразила такъ то время, что медленно ползетъ, какъ раненая гигантская, ядовитая гадина; что передвигается, какъ слѣпой червь, по землѣ и океану, источая ядъ при каждой болѣзненной попыткѣ двинуться впередъ и осуждено кружить такъ вѣчно»).

«И такъ какъ человѣкъ не можетъ употребить осмысленно время, удѣленное ему,—продолжаетъ Томсонъ,—а расточаетъ его на утомительныя и скучныя наслажденія, на глупый трудъ, безсмысленныя заботы, борьбу и алчныя желанія,—то онъ естественно мечтаетъ о вѣчной жизни».

Прозрѣвшіе, то есть тѣ несчастные бодрствующіе люди, которые бродятъ во время желтаго тумана, по «городу, погруженному въ страшную ночь», отбывая каторгу жизни, находятъ, что она безконечна. Ночь, т. е. жизнь, представляетъ собою «эоны медленной муки». Сознательнымъ людямъ не страшна смерть; имъ не нужно безсмертье.

„We do not ask a longer term of strife,
Weakness and weariness and namelles woes:
We do not claim renewed and endless life

When this which is our torment here shall close,
An everlasting conscious inanition.
We yearn for speedy death in full fruition,
Date less oblivion and divine repose".

т. е. «Мы (прозрѣвшіе, сознательные философы) не просимъ продолженія срока борьбы, слабости, усталости и безъименнаго горя. Мы не требуемъ возобновленной и безконечной жизни, когда оборвется наша, представляющая муку и постепенное одряхлѣніе. Мы страшно желаемъ быстрой смерти въ полномъ расцвѣтѣ силъ, безконечнаго забвенія и божественнаго покоя» *).

Поэтъ возводитъ отчаянье въ своего рода категорію. Томсонъ говоритъ, что оно, хотя и означаетъ «смерть и гніеніе души», является важнымъ факторомъ въ искусствѣ. «Это гніеніе души послужило удобреніемъ, на которомъ выросли наиболѣе прекрасные цвѣты искусства и литературы». Выраженіе этого взгляда мы находимъ въ предисловіи, которое Томсонъ написалъ къ своему произведенію «A Lady of Sorrow». «Темная сторона природы (по выраженію Томсона, «ночь природы») являлась чаще, чѣмъ свѣтлая сторона ея, темой литературныхъ произведеній просто потому, что литература, какъ общее правило, является убѣжищемъ для всѣхъ несчастныхъ. Я подразумѣваю подлинную, искреннюю, полную мысли литературу, составляющую самоцѣль, а не только орудіе борьбы, товаръ для продажи или изящную игрушку для забавы. Счастливый человѣкъ рѣдко пишетъ, чтобы выразить свою радость; у него нѣтъ для этого времени». Томсонъ сознаетъ, что пессимизмъ является продуктомъ *настроенія*, а не научнаго познанія истинной сущности вещей. И если между качествомъ предметовъ и содержаніемъ ощущеній нѣтъ ничего общаго, кромѣ постоянства отношеній, какъ говорятъ философы-идеалисты, то пессимизмъ не можетъ быть даже названъ философской системой. «Я хочу обратить вниманіе на тотъ фактъ, что въ зависимости отъ различнаго настроенія въ разные часы одного и того же дня, отношеніе человѣка къ самымъ серьезнымъ проблемамъ жизни бываетъ совершенно противоположно,—говоритъ Томсонъ въ «Essay on Sympathy».—Въ одинъ и тотъ же день человѣкъ можетъ то горѣть вѣрой и быть преисполненъ надежды, то мучиться сомнѣніемъ и погрузиться въ отчаянье. Нѣтъ возможности примирить (философски) этотъ антагонизмъ, такъ какъ оба отношенія непонятны». Въ предисловіи къ «A Lady of Sorrow», гдѣ Томсонъ излагаетъ свою доктрину пессимизма,— поэтъ спрашиваетъ: «Вѣрна ли эта теорія по отношенію къ міру и жизни вообще? Я думаю, что вѣрна, хотя пессимизмъ не вся правда. Вѣрно, что въ природѣ мы знаемъ зиму и черную ночь; но вѣрно также и то, что онѣ смѣняются лѣтомъ и ослѣпительнымъ днемъ. На одной сторонѣ вели-

*) The City of Dreadful Night, глава XIII.

кой медали выбиты слава и тріумфъ жизни; на другой — слава и тріумфъ смерти. Но что изъ нихъ лицевая сторона и что оборотрая,—никто изъ насъ, конечно, не знаетъ. Вѣрно то, что обѣ стороны нераздѣльно соединены на каждой монетѣ, отчеканенной для насъ на монетномъ дворѣ Вселенной». Неудачи личной жизни, тяжелая болѣзнь, складъ ума,—все это дѣлало то, что у Томсона пессимистическое настроеніе преобладало. Оно заставляло его выискивать для переводовъ (Томсонъ далъ англійской литературѣ цѣлый рядъ образцовыхъ переводовъ) писателей, родственныхъ ему по духу. Томсонъ съ любовью переводилъ Леопарди. Итальянскій философъ и поэтъ, какъ извѣстно, напоминалъ ослѣпленнаго соловья, который, по старинному изреченію, поетъ такъ хорошо, потому что оплакиваетъ свое собственное несчастье. Леопарди былъ восторженный поклонникъ женской красоты и жаждалъ любви *), между тѣмъ природа надсмѣялась надъ нимъ и исковеркала его тѣло; кромѣ того, онъ всю жизнь страдалъ отъ различныхъ болѣзней. Леопарди рвался къ простору, между тѣмъ почти до самой смерти вынужденъ былъ провести въ маленькомъ, сѣренькомъ, скучномъ провинціальномъ городкѣ, который ненавидѣлъ всей душой. И для поэта этотъ провинціальный, глупый и пошлый городокъ, который составлялъ весь опытъ Леопарди, — явился символомъ цѣлой вселенной. При оцѣнкѣ нѣкоторыхъ философскихъ системъ нужно иногда имѣть въ виду слишкомъ большую смѣлость авторовъ ихъ въ обобщеніяхъ. Пессимистическое настроеніе внушило Томсону сравненіе несчастнаго человѣка съ часами, съ которыхъ сняты стрѣлки и стерты цифры на циферблатѣ. Часы продолжаютъ идти, хотя въ работѣ ихъ нѣтъ ни смысла, ни цѣли, ни пользы:

„Take a watch, erase
The signs and figures, of the circling hours,
Detach the hands, remove the dial-face;
The works proceed until run down; although
Bereft of purpose, void of use, still go".

(т. е. «Возьмите часы, сотрите цифры, снимите стрѣлки, удалите циферблатъ; ходъ ихъ продолжается, покуда не конченъ заводъ, хотя въ работѣ ихъ нѣтъ ни цѣли, ни пользы»).

Но поэтъ зналъ и другое настроеніе. Тогда онъ увлекался жизнерадостнымъ пѣвцомъ слиянія съ Космосомъ—Уотомъ Уитманомъ, о чемъ дальше и писалъ стихи въ родѣ слѣдующихъ:

«Покуда ты на землѣ, исчерпай всю свободную жизнь. Пользуйся быстропроходящимъ настоящимъ; добудь борьбой побѣдный трофей. Хотя день коротокъ, но въ продолженіе его сверкаетъ солнце. Хотя ночь темна, но она имѣетъ яркія звѣзды и мѣсяцъ».

*) „Дайте мнѣ любви, любви, любви!"—восклицаетъ онъ въ отчаяньи въ письмѣ къ своему брату Карло.

«Люби всей силой любви; ненавидь всей яростью ненависти. Будь безпощаденъ въ схваткѣ съ врагомъ и быстръ, чтобы обнять друга. Истинный законъ это—твои желанія. И въ минуту смерти ты долженъ чувствовать, что былъ самимъ собою всю жизнь».

Томсонъ не только былъ несчастенъ въ личной жизни. Онъ явился поэтомъ «не по времени». Общественныя условія, когда Томсонъ писалъ, были таковы, что родъ поэзіи, какъ мрачная поэма «City of Dreadful Night», не могъ найти оцѣнку со стороны той публики, которая въ то время только одна и читала (средніе классы). Присяжные критики признали въ поэтѣ громадный талантъ, но многіе спѣшили прибавить, что это талантъ «вредный», тлетворный и неприличный. Счастливымъ, только что сытно пообѣдавшимъ, довольнымъ всѣмъ людямъ кажется неприличнымъ, когда въ присутствіи ихъ начинаютъ говорить о чемъ-то очень непріятномъ, больномъ и мучительномъ... И вотъ теперь, когда въ Англіи объявился новый читатель, помимо среднихъ классовъ, счастье которыхъ достигло апогея какъ разъ въ то время, когда появилась поэма *City of Dreadful Night*, — мы видимъ возрожденіе Томсона. Я выбралъ его темой статьи не только потому, что предъ нами звѣзда первой величины, но еще и потому, что Томсонъ поднимаетъ рядъ крайне важныхъ вопросовъ, которые съ большой силой выдвинуты въ самое послѣднее время въ русской литературѣ. Вопросы эти: боязнь жизни, боязнь смерти и то, о чемъ Шиллеръ говорилъ въ своемъ стихотвореніи «Resignation».

II.

Поэты и писатели вообще являются продуктомъ народа, создавшаго ихъ, времени, въ которомъ живутъ они, среды, гдѣ вращаются, и воспитанія. Произведенія поэтовъ, вслѣдствіе этого, такъ или иначе, отражаютъ подъемъ или паденіе общественнаго настроенія. Предположимъ, предъ нами народъ, проявленіе духа котораго и стремленіе къ сознательной жизни долго подавлялись. Наконецъ, рабское оцѣпенѣніе народа проходитъ. Въ средѣ его, въ самой глубинѣ, начинается сознательная жизнь, хотя на поверхности, повидимому, все обстоитъ по-прежнему. Поэты, вслѣдствіе своей болѣе чуткой организаціи, улавливаютъ это нарастающее сознаніе. Появляется литература молодой, бурной, подчасъ неуклюжей силы. Въ энергичныхъ произведеніяхъ, зачастую въ видѣ парадоксовъ, поэты и писатели отстаиваютъ права индивидуума, священныя права разума, законность сильныхъ страстей. Вотъ, напр., Германія конца XVIII и самаго начала XIX в.в. Она только что пробуждается отъ летаргіи, въ которую ее насильственно погрузили результаты тридцатилѣтней войны. Въ 70-хъ и 80-хъ годахъ XVIII вѣка мы имѣемъ періодъ бурныхъ стремле-

ній. «Индивидуализмъ не былъ никогда проповѣдуемъ въ Германіи съ большей страстностью и въ болѣе аггрессивныхъ формахъ, чѣмъ онъ проповѣдывался вождями этого періода,—говоритъ историкъ нѣмецкой литературы *). Низверженіе всѣхъ преградъ, стоявшихъ на пути къ индивидуальному развитію, открытая война съ авторитетами всякаго рода; прославленіе примитивной, неиспорченной природы, инстинкта страсти, таланта, уничтоженіе существующаго общественнаго строя, порядка, учености, сознательныхъ усилій—таковъ былъ лозунгъ, вдохновившій поколѣніе, слѣдовавшее за поколѣніемъ Клопштока и Лессинга... «Природа дѣйствуетъ силою чувствъ и страстей,—говоритъ одинъ изъ авторовъ эпохи бурныхъ стремленій.— Что можетъ ощущать человѣкъ, искалѣчившій эти органы? Вы парализовали мускулы, способные вызвать движеніе? Вы желаете управлять природой и сковываете ваши собственныя руки и ноги? Если страсти—органы безчестія, то онѣ, слѣдовательно, перестаютъ быть орудіемъ мужества? Сердце безъ страстей то же, что голова безъ мыслей». Читатель видитъ, какъ примѣнима эта характеристика, во всѣхъ деталяхъ, къ *каждому* народу въ періодѣ подъема общественнаго настроенія. Въ подобный періодъ поэты и писатели поднимаютъ рядъ самыхъ важныхъ вопросовъ и рѣшаютъ ихъ радикально и смѣло. Нѣтъ, кажется, тогда препятствія, предъ которымъ остановился бы критическій умъ. Въ періодъ, когда вѣра не была еще подорвана, явилась смѣлая поэма, въ которой человѣкъ обращается съ гордымъ протестомъ къ божеству:

«Ich dich ehren? Wofür?
Hast du die Schmerzen gelindert
Ye des Beladenen?
Hast du die Thränen gestillet
Ye des geängsteten»? **)

Герои литературныхъ произведеній эпохъ общественнаго подъема любятъ, ненавидятъ и мстятъ, какъ не дѣлаютъ никогда живые люди. Мы слышимъ разговоры про «автономную» личность, стоящую выше ходячихъ понятій о добрѣ и злѣ и повинующуюся только законамъ, которые она сама же для себя октроируетъ. Въ литературѣ появляются фантастическія изображенія этихъ автономныхъ личностей, будто бы взятыхъ изъ жизни. Литература эта порой неуклонна, всегда парадоксальна; но она бодра, жизнерадостна и проникнута глубокой вѣрой въ то, что пришествіе золотого вѣка только вопросъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Увлеченные своимъ пылкимъ воображеніемъ и по причинѣ своей повышенно-нервной организаціи, поэты и писатели этой эпохи склонны страшно преувеличивать силы общества и слишкомъ уменьшать силы противника.

---

*) Куно Франке.
**) Изъ поэмы Гете: „Prometheus“.

Поэты и писатели эпохи подъема зовутъ къ природѣ, признавая ее единственнымъ источникомъ красоты. Въ сознаніи единства съ нею они видятъ избавленіе отъ страха смерти.

„Vernichtung weht Dich an, so lang Du Einzler bist.
O, fühl im Ganzen Dich, das unvernichtbar ist",—

говоритъ Рюкертъ (т. е. «уничтоженіе тебя страшитъ, покуда ты одинокъ. Сознавай себя во всемъ; оно неразрушимо»).

Ту же мысль, съ большею опредѣленностью, выразилъ и Шиллеръ:

„Vor dem Tode erschreckst Du? Du wünschest unsterblich zu leben?
Leb'im Ganzen! Wenn Du lange dahin bist, es bleibt!"

(т. е. «Ты страшишься смерти? Ты жаждешь безсмертья? Живи во всемъ. Оно останется, когда ты уже давно умрешь»).

Трезвое пониманіе природы, сознаніе своего единства съ ней и съ человѣчествомъ,—создаетъ въ эпохи общественнаго подъема удивительно спокойное отношеніе къ смерти, несмотря на то, что религіозныя традиціи теряютъ свой кредитъ. Классическимъ примѣромъ можетъ служитъ пиръ жирондистовъ въ ночь предъ казнью и гордый отвѣтъ Дантона предъ трибуналомъ на вопросъ, гдѣ онъ живетъ (votre demeure?)

— Ma demeure sera bientôt le néant!

Смерть такъ мало страшитъ тогда, что за минуту передъ нею осужденный не можетъ остановиться предъ хорошимъ каламбуромъ. Палачъ революціи Сансонъ привязываетъ жертву къ доскѣ. Внизу реветъ толпа.

— Monsieur,—говоритъ дѣвушка палачу,—vous êtes Sans «Son» et ils sont sans «Farine» *) Каламбуръ сказанъ, и черезъ мгновеніе голова казненной падаетъ. Уничтоженіе страха смерти дѣлаетъ человѣка Прометеемъ. При наличности его человѣкъ только жалкій червь.

Но вотъ стремленіе общества къ самоопредѣленію потерпѣло неудачу. Силы, державшія долго общество подъ гнетомъ и пошатнувшіяся было, снова напряглись. Начинается реакція, жестокая, мстительная и безсмысленная. И восторженные пѣвцы индивидуализма, опять же вслѣдствіе своей чрезвычайно повышенной нервной чувствительности, первые впадаютъ въ отчаяніе. Какъ прежде они утверждали, что все дѣло только въ умѣніи захотѣть, такъ теперь они доказываютъ, что не только человѣческія стремленія и идеалы, но и весь міръ-глупый или страшный призракъ. Природа—безжалостна. Все ничтожно передъ смертью. Любовь, порывы къ сво-

*) Непереводимый каламбуръ, основанный на игрѣ словъ. Фамилія палача по французски произносится, какъ Sans Son (т. е. безъ отрубей). Дѣвушка указывала, что толпа внизу сидитъ безъ хлѣба (sans farine, т. е. безъ муки).

бодѣ,—все это только безумный и нелѣпый бредъ. И въ періодъ отчаянія, являющагося послѣдствіемъ неудавшагося общественнаго движенія, снова и снова поднимаются вопросы, намѣченные на зарѣ сознательной человѣческой жизни. Вопросы о бренности всего земного, поставленные съ такою силою еще въ Индіи, варіируются на новые лады. Мы слышимъ талантливые и бездарные перепѣвы давно знакомыхъ положеній: міръ—плодъ безумнаго и злого влеченія; онъ по самому существу своему исполненъ противорѣчій и зла... Всякое бытіе въ сущности есть ничтожество, всякое существованіе имѣетъ конецъ. Все, что сложно, должно распасться на части; все рожденное должно умереть. Бытіе міра—одинъ призракъ.—Человѣчество подобно рабамъ, прикованнымъ въ пещерѣ спиной къ выходу. Рабы видятъ только отраженіе предметовъ, тѣни ихъ на стѣнѣ. Тѣни эти уродливы и безформенны, потому что на предметы бросаетъ свѣтъ трепетный огонь отъ костра.

Растерянная мысль человѣка, оторванная отъ великаго космоса, загоняется въ мрачные подвалы метафизики или вѣры, гдѣ ее караулитъ страшный призракъ—смерть. Являются произведенія, какъ будто бы, написанныя на иллюстраціи знаменитаго гольбейновскаго сборника «Пляска смерти», на каждомъ рисункѣ котораго мы видимъ ликующій, отвратительный скелетъ. Смерть то одѣта кардиналомъ, то воиномъ, то пляшетъ подъ звуки волынки и влечетъ за собою глупца, убѣжденнаго, что онъ наслаждается (рисунокъ XLVI) *). Поэты и писатели періода неудавшагося движенія внушаютъ страхъ къ жизни и страхъ къ смерти. Жизнь—несвязный и безсмысленный бредъ,—говорятъ они. Человѣческія страсти—только нелѣпая гримаса, которую заставляетъ насъ продѣлать Нѣкто, глумящійся надъ нами.

«Жизнь—ложь и горечь,—говоритъ Леопарди въ стихотвореніи «A se stesso».

— Только грязи комъ весь шаръ земной; лишь призракъ все творенье! Въ послѣдній разъ въ отчаяніи нѣмомъ ты (сердце) содрогнись надъ участью безцѣльной всего, что рокъ, въ могуществѣ слѣпомъ, обрекъ на смерть и гибель безраздѣльно. И, подавивъ безцѣльный ужасъ своей, простясь навѣкъ съ страданіемъ напраснымъ, сумѣй заставить въ груди моей больной, въ презрѣніи холодномъ и безстрастномъ къ себѣ, къ другимъ и къ грубой силѣ той, что, слѣпо всѣмъ въ природѣ управляя, все сущее лишь къ безднѣ роковой небытія ведетъ не уставая».

Тѣ же мотивы мы находимъ у Гейне. Ими проникнуты почти всѣ произведенія великаго поэта, въ которыхъ переплетаются съ другимъ типичнымъ элементомъ литературы эпохи отчаянія—эротикой. Стоитъ только вспомнить поэму «Сумерки Боговъ».—«Я

*) У меня подъ рукой англійское изданіе «Hamilton and Adams», къ которому и относится ссылка.

проникнулъ строеніе вселенной насквозь; и много я, и глубоко я видѣлъ, и нѣтъ теперь уже радости въ душѣ, и муки вѣчныя терзаютъ сердце. Я вижу все сквозь каменныя стѣны людскихъ построекъ и людскихъ сердецъ; въ тѣхъ и другихъ я вижу ложь и горе; на лицахъ всѣхъ читаю злыя мысли; въ румянцѣ цѣломудрія у дѣвы желаній страстныхъ трепетъ вижу я; на вдохновенно гордой головѣ у юноши колпакъ дурацкій вижу—и ничего я, кромѣ рожъ какихъ-то и испитыхъ тѣней, на всей землѣ не нахожу, и что она—не знаю: больница ли или сумасшедшій домъ».

Поэты эпохи общественнаго подъема внушаютъ человѣчеству преувеличенныя понятія о его силѣ; поэты эпохи отчаянія, наоборотъ, даютъ обществу слишкомъ ничтожныя представленія о томъ же.

Я упомянулъ про другой важный элементъ у поэтовъ эпохи отчаянія—про эротику. Поэты бурныхъ стремленій тоже воспѣваютъ любовь, но любовь здоровую, молодую, опьяняющую, жизнерадостную. Поэты временъ отчаянія говорятъ только о любви больной, экзотической и, зачастую, патологической. Они увѣрены даже, что смѣлость заключается именно въ томъ, чтобы подходить прямо къ такимъ темамъ, которымъ мѣсто въ спеціальныхъ трактатахъ. Поэты и слѣдующіе за ними беллетристы зовутъ художниковъ «въ заброшенныя подземелья сердца, гдѣ кроется плѣсень пороковъ, въ которыхъ человѣкъ стыдится признаться даже самому себѣ». Является литература больная, мучительная, извращенная, иногда совершенно бездарная, иногда крайне мощная, какъ «Fleurs du Mal» Бодлэра. Въ отвратительномъ произведеніи Гюисманса, La-Bas, въ одиннадцатой главѣ, владѣлецъ замка Тифожъ смотритъ даже на природу, на лѣсъ, какъ на громадную порнографическую картину. Въ стволахъ, ушедшихъ въ землю, въ раздвоенныхъ вѣтвяхъ маркизъ видитъ только отраженіе той смѣси эротоманіи съ мистикой, которой, какъ губка брошенная въ воду, напитанъ онъ весь *). Мысль поэтовъ, оторвавшаяся отъ единства съ природой и прикованная вслѣдствіе этого желѣзной цѣпью ужаса къ представленію о смерти, даже въ любви видитъ отвратительное разложеніе и гніеніе. На классическомъ островѣ любви больному поэту, прежде всего, бросается въ глаза «висѣлица съ тремя перекладинами», на которой качается терзаемый стервятниками полуразложившійся трупъ.

„Les yeux étaient deux trous, et du ventre effondré,
Les intestins pesants lui coulaient sur les cuisses,
Et ses bourreaux, gorgés de hideuses délices,
L'avaient à coups de bec absolument châtré".

*) „Il voit l'obscènité des très vieux arbres... Il comprend l'immuable salacité des bois, découvre des priapées dans les futaies". Читатель проститъ, если я оставлю эти строки безъ перевода.

(т. е. «Глаза представляли двѣ дыры. Изъ вспоротаго живота тяжелыя внутренности вывалились и сползали по ляжкамъ. Палачи, насыщенные отвратительной утѣхой, кастрировали его ударами клюва»). Маленькіе поэты, слѣдуя за большими, подражаютъ только формѣ и варіируютъ сюжеты въ родѣ только что описаннаго. Эротическій элементъ въ періоды подъема общественнаго духа никогда не составляетъ самоцѣли. Очень часто онъ является средствомъ для прикрытія крайне важнаго и серьезнаго вопроса, чтобы такимъ образомъ провести его по подводнымъ скаламъ цензуры. Изучившіе спеціально произведенія Вольтера, знаютъ про одно мало знакомое сочиненіе, озаглавленное «Le Sottisier», не помѣщенное ни въ одномъ изъ полныхъ собраній сочиненій великаго писателя. Это —толстая тетрадь, куда Вольтеръ вносилъ отдѣльныя мысли и разныя стихотворенія, не предназначенныя для печати. Тетрадь была, вмѣстѣ съ другими бумагами, пріобрѣтена въ 1778 г. Екатериной II у m-me Denis, племянницы Вольтера, и оставалась неизвѣстной до 1844 г., когда князь Лобановъ нашелъ ее въ библіотекѣ Эрмитажа. Тетрадь была опубликована въ первый разъ, кажется, въ 1880 г. (у меня изданіе 1883 г.). Эта тетрадь любопытна въ одномъ отношеніи. Стихотворенія, помѣщенныя въ ней, въ высшей степени скабрезны, при чемъ фривольность является самоцѣлью. Вольтеръ, однако, не желалъ печатать этихъ пѣсенъ. Между тѣмъ, въ сказкахъ, въ «Facéties», въ поэмѣ «Pucelle», въ «Философскомъ словарѣ» (стоитъ только назвать статьи «Les Pourquoi», «Ezéchiel»), и др. вещахъ, напечатанныхъ при жизни великаго писателя, «неприличный» элементъ находится въ изобиліи; но имъ всюду прикрыта отъ взора цензуры серьезная и глубокая мысль. На этомъ примѣрѣ мы видимъ, какъ относятся къ «скабрезному» писатели эпохи подъема общественнаго духа. Въ эпоху отчаянія, которая слѣдуетъ за неудавшимся общественнымъ движеніемъ, эротика, при томъ подчасъ патологическая, составляетъ самоцѣль. Мы знаемъ теперь основной характеръ литературы эпохи общественнаго подъема и періода отчаянія, созданнаго неудавшимся движеніемъ.

Но вотъ общественное движеніе удалось. Вѣковые барьеры, сковывавшіе свободное проявленіе духа человѣка и останавливавшіе его стремленіе къ счастію—сметены подъ напоромъ новыхъ силъ. Нарождается тогда «литература удачнаго переворота», какъ я назвалъ бы ее. Поэзія, беллетристика, наука—все это получаетъ сильный толчекъ. Литература опьянена успѣхомъ и захватываетъ своимъ оптимизмомъ. Она говоритъ про вѣру въ людей, про прогрессъ къ другому, еще болѣе блестящему будущему. Въ литературѣ наступаетъ полная гармонія. Созерцаніе прекраснаго и наслажденіе имъ не отравлено еще ничѣмъ. Являются поэты обновленной націи, которыхъ можно уподобить прирѣчнымъ камышамъ, звонкимъ и отзывчивымъ на каждое дуновеніе. Таковъ пѣвецъ аме-

риканской демократіи, глашатый единства человѣка съ природой и восторженный защитникъ разумнаго труда. «О, піонеры труда!— писалъ онъ,—все прошлое мы оставляемъ позади; мы вступаемъ на порогъ новаго, разнообразнаго, чуднаго міра, міра труда».

Появляется цѣлая плеяда писателей, освѣщающихъ, какъ факелами, своими произведеніями весь міръ. Лучезарный оптимизмъ ихъ дѣйствуетъ бодряще на всѣхъ угнетенныхъ и рвущихся къ свѣту. Такова плеяда «викторіевской эпохи», т. е. поэты, беллетристы, публицисты и ученые, выдвинутые средними классами, добившимися побѣды. Но до сихъ поръ не было еще полныхъ общественныхъ побѣдъ, а только частичныя. Покуда всегда при дѣлежѣ оказывались обойденные классы. И ихъ огорченіе и негодованіе тѣмъ болѣе сильны, что именно обойденные рѣшаютъ исходъ боя. Въ лагерѣ ликующихъ постепенно начинается разслоеніе, которое неминуемо отражается въ поэзіи и въ беллетристикѣ. Побѣдители, захватившіе себѣ всю добычу, успокаиваются. Они хотятъ разобраться въ томъ, что добыли. Энтузіазмъ тухнетъ; страсти улегаются. Начинается сытая, спокойная, благополучная жизнь. Изъ нея изгоняется все досадливое, некрасивое, страдающее, непріятное,— словомъ, все то, что можетъ разстроить сонъ и аппетитъ. Наступаетъ даже примиреніе съ установленнымъ культомъ, противъ котораго въ эпоху подъема общественныхъ силъ были направлены первые удары. Примиреніе это дѣлается отчасти въ разсчетѣ, что священники будутъ проповѣдывать обойденнымъ при дѣлежѣ смиреніе и терпѣніе, отчасти потому, что заснувшему умственно организму требуются какія нибудь эмоціи. Культъ, къ тому же, наученный опытомъ, становится очень покладистымъ и эластичнымъ. Онъ отрекается отъ своихъ наиболѣе грубыхъ и архаическихъ ученій. Возникаетъ новая вѣра, «респектабельная», усыпляющая, не оскорбляющая «здраваго смысла». Является живопись съ мягкими, ласкающими, красивыми, «сытыми» красками, если можно такъ выразиться. Возникаетъ особый театръ, веселый, не волнующій, безъ сильныхъ и «неприличныхъ» страстей. Человѣкъ, когда наѣстся, видитъ природу совершенно не такъ, какъ голодный. Появляется, наконецъ, поэзія, въ которой форма доведена до совершенства, а содержаніе такое же, какъ и въ живописи. Въ ней пряныя страсти, тонкія чувства, вздохи какихъ-нибудь пажей по прекраснымъ царевнамъ. Являются сонеты со стихами въ родѣ слѣдующихъ:

«Cherchez les effets et les causes,
Nous disent les rêveurs moroses.
Des mots, des mots, cueillons les roses» *).

(т. е. «Ищите причины и послѣдствія,—говорятъ намъ угрюмые мечтатели. Все это—слова, слова. Будемъ собирать розы»). Но

*) Théodore de Bauville.

такъ какъ обойденные при дѣлежѣ не могутъ и не хотятъ довольствоваться совѣтами подобнаго рода, то въ странѣ опять начинается броженіе. Литература общественнаго подъема возникаетъ теперь въ обойденныхъ и обиженныхъ классахъ. Движеніе переживаетъ опять циклы, намѣченные выше.

III.

Талантъ это—умѣнье выразить въ какой-нибудь формѣ свою индивидуальность. Бываютъ таланты, на характеръ которыхъ одна изъ причинъ, опредѣляющихъ индивидуальность (эпоха, среда, національность, воспитаніе, наслѣдственность) дѣйствуетъ сильнѣе, чѣмъ остальныя. Тогда можетъ получиться писатель «не ко времени». Таковъ былъ Томсонъ. Предъ нами поэтъ съ рѣзкой индивидуальностью, но изломанный и исковерканный ужасной наслѣдственной болѣзнью, которая довела его потомъ до послѣдней ступени паденія. Муза его мрачна и трагична. И она тѣмъ замѣтнѣе, что Томсонъ жилъ въ наиболѣе жизнерадостные (для среднихъ классовъ) годы «викторіевской эпохи». Сильные таланты, т. е. люди съ рѣзко выраженной индивидуальностью, пропускаютъ явленія повседневной дѣйствительности сквозь призму личнаго настроенія; но никогда не могутъ отдѣлаться отъ нея. Мрачный пессимизмъ впослѣдствіи сталъ единственной струной въ арфѣ поэта; но въ первые годы и Томсонъ отзывался на событія, волновавшія тогда преисполненныхъ «радости бытія» англійскихъ публицистовъ, поэтовъ и беллетристовъ шестидесятыхъ годовъ.

Біографія Томсона не сложна и, въ извѣстной степени, напоминаетъ жизнь Эдгара Поэ. Родился онъ въ 1834 г. въ Глазго. Отецъ его былъ офицеромъ въ торговомъ флотѣ. Томсоны всѣ отличались своею глубокой религіозностью и талантливостью; но на семьѣ лежало страшное проклятье. «Всѣ члены ея, а въ особенности тѣ, которые выдавались своими способностями, страдали алкоголизмомъ и становились съ теченіемъ времени окончательными жертвами его» *). Отецъ Томсона потерялъ службу, вслѣдствіе наслѣдственной болѣзни, и кончилъ жизнь въ больницѣ, въ припадкѣ бѣлой горячки. Молодой Томсонъ рано долженъ былъ оставить школу и, ради куска хлѣба, сталъ учителемъ въ солдатской школѣ въ Ольдершотѣ. Учитель въ англійской казармѣ числился тогда на положеніи солдата. Должность была подчиненная; Томсонъ имѣлъ начальникомъ тупого, самодовольнаго офицера. Учительская служба не могла дать ничего молодому человѣку, такъ какъ и солдаты попались тупые, грубые. На придачу, у Томсона не было совершенно педагогическихъ способностей. Въ

*) Henry S. Salt, „The Life of James Tomson“, p. 2.

казармѣ Томсонъ впервые замѣтилъ, что наслѣдственное проклятіе не минуло его. Болѣзнь у него появлялась въ самой страшной формѣ,—періодически; но ей приходилось еще сломить сильную и богатую натуру. Въ свободное время въ казармѣ Томсонъ много работалъ надъ самообразованіемъ. Въ короткое время съ помощью словаря и грамматики онъ отлично выучилъ языки французскій, итальянскій, испанскій и нѣмецкій. Результатомъ явился впослѣдствіи рядъ великолѣпныхъ переводовъ—изъ Гейне и Леопарди, а также нѣсколько замѣчательныхъ историко-литературныхъ очерковъ.

Съ казарменной жизнью Томсонъ довольно скоро покончилъ. Съ тѣхъ поръ начинаются поиски за кускомъ хлѣба. Обстоятельства сложились такимъ образомъ, что до самой смерти поэтъ такъ и не нашелъ дѣла, которое всецѣло захватило бы его. Томсону приходилось служить секретаремъ, конторщикомъ и иностраннымъ корреспондентомъ въ рядѣ торговыхъ домовъ. Занятіе терялось каждый разъ, когда наступали періоды запоя. Въ первые годы они были раздѣлены большими промежутками времени, что давало Томсону возможность писать. Стать профессіональнымъ писателемъ онъ не могъ. Это обусловливалось многими причинами: взглядомъ Томсона на литературу и на задачи ея, затѣмъ критическое отношеніе къ той работѣ, которая можетъ найти постоянное помѣщеніе въ журналахъ, философскіе взгляды его, расходившіеся съ оптимизмомъ тогдашнихъ англійскихъ журналовъ. По всей вѣроятности, Томсонъ не способенъ былъ также къ систематической, спѣшной работѣ, требующейся въ періодическихъ изданіяхъ. Въ сентябрѣ 1873 г., вслѣдствіе хлопотъ извѣстнаго члена парламента и публициста Брэдло, относившагося тогда очень дружески къ Томсону (впослѣдствіи двадцатилѣтняя дружба прекратилась по винѣ поэта), газета «New York World» предложила ему отправиться спеціальнымъ корреспондентомъ въ Испанію, гдѣ началось карлисское возстаніе. Газета предложила хорошія условія; Томсонъ поѣхалъ на театръ военныхъ дѣйствій; но за шесть недѣль послалъ только одно письмо. Газета была очень недовольна и телеграммой вызвала своего корреспондента обратно въ Лондонъ.

Томсонъ выступилъ на литературное поприще въ эпоху, когда общественное настроеніе было необыкновенно приподнято. Въ самой Англіи на прибыль шла громадная волна. Въ Италіи дѣятельность Гарибальди приковывала къ себѣ весь міръ. Въ Польшѣ происходила революція. И Томсонъ отзывался и на героическій походъ Гарибальди, и на разгромъ революціи. Въ стихотвореніи «Польскій повстанецъ» онъ рисуетъ ужасъ, охватившій эмигранта въ спокойной странѣ, гдѣ онъ нашелъ убѣжище:

'Tis so easy to go and die,
'Tis so hard to stag and lieve,
In this alien peace and this comfort callous,

Where only the murderers get the gallows,
Where the jails are for rogues who thieve.
'Tis so easy to go and die,
Where our Country, our Mother, the Martyr,
Moaning in bonds doth lie,
Bleeding with stabs in her breast,
Her throat with a foul clutch prest„

(т. е. «Такъ легко пойти на смерть и такъ трудно остаться и жить въ противномъ мнѣ спокойствіи и притупляющемъ удобствѣ въ странѣ, гдѣ висѣлицы удѣлъ только убійцъ, а тюрьмы уготовлены лишь для воровъ».

«Такъ легко пойти на смерть туда, гдѣ наша родина, наша мать и мученица стонетъ въ цѣпяхъ, истекаетъ кровью отъ ранъ въ груди, тогда какъ жестокіе кости врага сдушили ей горло»). Томсонъ глубоко симпатизировалъ всѣмъ угнетеннымъ народностямъ и всѣмъ жертвамъ соціальной несправедливости. Мы находимъ у него сатирическій очеркъ «Bumbleism» *), написанный въ то время, когда англійская литература говорила о благодѣтельныхъ результатахъ свободы и противопоставляла Англію, гдѣ это благо осуществлено, другимъ странамъ. Въ своемъ очеркѣ Томсонъ говоритъ, что хотя въ обсужденіи политическихъ вопросовъ и въ частной жизни англичане пользуются большею свободой, чѣмъ ихъ сосѣди, но совсѣмъ другое нужно сказать о вопросахъ моральныхъ и соціологическихъ. Въ этой области,—говоритъ Томсонъ,—власть кошелька Бамбля правитъ англійской свободной печатью и свободными учрежденіями и сказывается не менѣе тяжело, чѣмъ рука любого деспота. Авторъ доказываетъ, что демократіи приходится освободиться не только отъ политическаго неравенства. Религіозная нетерпимость, за которой стоитъ теперь вліяніе плутократіи, имѣетъ рѣшительное и роковое вліяніе на жизнь свободнаго общества. Господство плутократіи, или «бамблеизмъ», какъ выражается Томсонъ,—не менѣе гибельно, чѣмъ деспотизмъ. «Имперіализмъ» налагаетъ штрафы, сажаетъ въ тюрьму или отправляетъ въ ссылку. Что же касается Бамбля, то онъ просто приговариваетъ строптивыхъ къ голодной смерти». Это было писано въ 1857 г.

Въ то время Томсонъ восторженно увлекался Уитманомъ. Комментируя американскаго поэта, онъ писалъ: «Во всей вселенной я не нахожу намека на добро и зло, на благословеніе или проклятіе. Я вижу только всюду верховный законъ Необходимости» **). Въ предисловіи къ своей поэмѣ «Lady of Sorrow», вышедшей въ 1864 г., Томсонъ говоритъ о своемъ міровоззрѣніи: «Мой другъ

---

*) Bumble — извѣстный грубый и жестокій надзиратель рабочаго дома въ романѣ Диккенса „Оливеръ Твистъ".

**) „I find no hint throughout the Universe
Of good or ill, of blessing or of curse;
I find alone Necessity Supreme".

Вэнъ (псевдонимъ поэта, который подписывалъ всѣ свои произведенія иниціалами» «В. V., или «В. Vane») въ то время заявлялъ, что вѣритъ въ безсмертіе души, какъ матеріалистъ вѣритъ въ безсмертіе матери; онъ вѣрилъ, что міровая душа существуетъ отъ вѣка, точно такъ, какъ матеріалистъ вѣритъ, что матерія существовала всегда, не увеличиваясь и не уменьшаясь, не рождаясь и не умирая. Мой другъ Вэнъ такъ же не вѣрилъ въ безсмертіе каждой отдѣльной души, какъ матеріалистъ — въ безсмертіе каждаго отдѣльнаго тѣла. Только матерія вѣчна, разныя же формы ея безпрерывно мѣняются».

Съ теченіемъ времени мрачный пессимизмъ становится нормальнымъ и постояннымъ настроеніемъ Томсона. Несмотря на преклоненіе предъ Шелли, Томсонъ расходится съ нимъ въ основномъ взглядѣ на человѣчество. Шелли вѣритъ въ постепенное совершенствованіе человѣка, тогда какъ Томсонъ приходитъ къ заключенію, что человѣчество не можетъ вырваться изъ заколдованнаго круга: послѣ многихъ вѣковъ тяжелыхъ страданій оно находится почти въ томъ же состояніи, какъ и раньше, т. е. оно такъ же несчастно.

Вотъ почему, по мнѣнію Томсона, проповѣдь новыхъ взглядовъ на общество и пропаганда истины—безполезное дѣло. «Если бы мнѣ понадобилось высказать практическую мораль, — говоритъ Томсонъ,—я сказалъ бы, что всякая попытка прозелитизма безполезна и нелѣпа. Человѣческій индивидуумъ естественно, органически и нераздѣльно принадлежитъ къ извѣстному виду, входящему въ составъ даннаго общества. Никакимъ повтореніемъ различныхъ формулъ, восклицаній или силлогизмовъ нельзя заставить человѣка отречься отъ самого себя и присоединить его къ другому зоологическому виду». Исходя изъ этого положенія, Томсонъ приходитъ къ опредѣленію «грѣха». Это—насиліе надъ своей собственной природой и стремленіе къ запретной цѣли не вслѣдствіе естественнаго желанія, а только по причинѣ тщеславія или совѣта, заключеннаго въ общераспространенной формулѣ. «Омерзителенъ только грѣхъ, который человѣкъ насильно притягиваетъ къ себѣ, а не тотъ грѣхъ, который самъ влечетъ къ себѣ человѣка».

Съ годами Томсонъ проникается все большимъ отвращеніемъ и ненавистью къ обществу, которому противопоставляетъ «Я». Является, своего рода, эгоцентрическая система. Окружающій міръ замѣняется страшными призраками, давящими и терзающими это «Я». «Въ то время,—говоритъ Генри Солтъ, хорошо знавшій несчастнаго поэта,—Томсонъ иначе не говорилъ объ обществѣ, какъ о сборищѣ изломанныхъ, исковерканныхъ, полуживыхъ уродцевъ, заморившихъ себя компромиссами. Не только общество, какъ коллективное цѣлое, но вообще каждое собраніе, по мнѣнію Томсона, всегда глупѣе индивидуума». Предвидя вопросъ, почему же онъ самъ пишетъ и печатается, если придерживается

подобныхъ взглядовъ,—Томсонъ даетъ отвѣтъ въ очеркѣ «The Sayings of Sigvat». Хотя слова мои не обратятъ никого и не заставятъ человѣка быть не тѣмъ, что онъ есть,—но они утѣшатъ другихъ, подобныхъ мнѣ отверженцовъ, и помогутъ имъ разобраться въ собственномъ настроеніи» *). Глубокій пессимизмъ и отчаянье все болѣе и болѣе пропитываютъ произведенія Томсона, по мѣрѣ того, какъ страшная наслѣдственная болѣзнь разрушаетъ его организмъ. Теперь промежутки между запоями становятся все короче и короче. Томсонъ ищетъ въ міровой литературѣ родственныхъ натуръ. Онъ съ любовью переводитъ діалоги Леопарди и наиболѣе пессимистическія стихотворенія Гейне. По поводу послѣднихъ переводовъ, Карлъ Марксъ, жившій тогда въ Англіи, написалъ Томсону восторженное письмо. «Вы дали не переводъ, а воспроизведеніе оригинала, какое написалъ бы самъ Гейне, если бы владѣлъ англійскимъ языкомъ съ такимъ же совершенствомъ, какъ и нѣмецкимъ». Переводы изъ Леопарди тоже единственные въ своемъ родѣ.

Жизнь поэта, между тѣмъ, становилась сплошной цѣпью страданій и лишеній. Онъ потерялъ всѣхъ своихъ друзей. Матеріальное положеніе его было отчаянное. Болѣзнь подтачивала ослабѣвшій организмъ и проявлялась, между прочимъ, ужасной безсонницей, продолжавшейся по нѣсколько ночей. О мученіяхъ поэта тогда намъ говоритъ трагическая поэма «Insomnia» (Безсонница). Мучительное бодрствованіе выгоняло Томсона изъ его конуры, и онъ бродилъ до утра по соннымъ, темнымъ улицамъ.

„I paced the silent and deserted streets
In cold dark shade and chillier mooonlight grey
Pondering a dolorous series of defeats
And black disasters from lifés opening day" *)

(т. е. «Я шагалъ по безмолвнымъ и пустыннымъ улицамъ въ холодныя темныя ночи и въ еще болѣе холодныя—при сѣромъ свѣтѣ луны. Я думалъ о болѣзненномъ рядѣ неудачъ и черныхъ пораженій, которыя принесетъ жизни наступающій день»).

Въ эти безсонныя, холодныя и полныя отчаянья ночи, проведенныя на улицѣ, Томсонъ обдумывалъ и вынашивалъ самую мрачную въ англійской литературѣ поэму, поразительную по силѣ своей—«The City of Dreadful Night». Погруженный въ непроглядный туманъ, спящій городъ съ печальными тѣнями бездомныхъ, бродящихъ по улицамъ,—становится для Томсона чудовищнымъ символомъ всей вселенной. Человѣчество часто обманываетъ себя и тѣшитъ иллюзіями, какъ власть, вѣра, любовь, чувственныя наслажденія, работа на общую пользу. Пробужденіе и отрезвленіе

*) *Henry S. Salt* „The Life of James Thomson", p. 180.

**) „Insomnia".

даютъ человѣку сознаніе, что онъ находится въ «Городѣ страшной ночи». И невѣдомый странникъ, сжалившись надъ бодрствующими, которымъ чужды иллюзіи, приноситъ имъ въ поэмѣ Томсона «радостныя слова утѣшенія»:

„There is no God; no Fiend with names divine
Made us and tortures us; if we must pine,
It is to satiate no Being's gall".

(т. е. «Нѣтъ божества; нѣтъ врага съ божественнымъ именемъ, который сотворилъ и мучитъ насъ; если мы мучились, то не потому, что какое-нибудь существо желаетъ насытить свою злобу»). «Благая вѣсть» заключается въ томъ, что безсмертія нѣтъ.

«Мы должны терпѣть только до гроба. Священный покой могилы ненарушимъ. Мы засыпаемъ, чтобы никогда больше не проснуться. Отъ насъ не остается ничего, кромѣ разлагающагося тѣла, элементы котораго распадаются и соединяются вновь, образуя землю, воздухъ, воду, растенія и другихъ людей».

«Мы кончаемъ такимъ образомъ. И все несчастное и жалкое человѣчество исчезнетъ, когда придетъ его чередъ; оно уступитъ мѣсто другимъ существамъ, со своимъ собственнымъ приговоромъ во времени. Безчисленные эоны явятся послѣ того, какъ послѣдній человѣкъ уйдетъ въ утробу земли, гдѣ теперь покоится мамонтъ».

«Мы преклоняемся передъ всеобщимъ закономъ, въ которомъ для человѣка нѣтъ особой оговорки, ни жестокой, ни милосердной, ни преисполненной любви или ненависти. Если жабы и стервятники противны на видъ; если тигры красивы и сильны, то неужели это результатъ милости или гнѣва со стороны судьбы?»

«Во всей вселенной нѣтъ слѣда добра или зла, благословленія или проклятія. Всюду я нахожу только верховную необходимость, а затѣмъ безконечную тайну, бездонную, мрачную, не освѣщенную даже ни одной мимолетной искрой».

«О, братья по печальной жизни! Утѣшьтесь: она такъ коротка. Еще нѣсколько лѣтъ, и явится избавленіе. Неужели мы не можемъ вытерпѣть ихъ? Если вы не хотите пройти всю дорогу до конца, вы можете быть свободны каждый моментъ, безъ страха пробудиться послѣ смерти».

Я назвалъ «The City of Dreadful Night» самой мрачной поэмой въ англійской литературѣ. Въ ней есть еще «Рубаятъ» (четверостишіе) Омара Хайяама въ передѣлкѣ Фитцъ-Джеральда, гдѣ тоже говорится о всеуносящей, всесокрушающей смерти. «Я прихожу въ міръ, какъ вода, и исчезаю, какъ вѣтеръ, — говоритъ Омаръ Хайямъ.—Я не знаю, *почему* и *откуда*. И, подобно, вѣтру, уносящемуся въ пустыню, я исчезаю неизвѣстно куда». Но выводъ, къ которому приходитъ персидскій поэтъ и передѣлавшій его англійскій истолкователь, слѣдующій: бери отъ жизни все воз-

можное, покуда она не умчалась. Наслаждайся красотой, поэзіей, любовью, виномъ, покуда ты не превратился въ прахъ. «Моя возлюбленная! Наполни кубокъ виномъ, отгоняющимъ отъ сегодняшняго дня прошлыя заботы и будущій страхъ!.. Пріобрѣтай наибольшее число наслажденій прежде, чѣмъ уйдешь въ землю: Ты—прахъ и превратишься въ прахъ и будешь лежать подъ прахомъ безъ вина, безъ пѣсенъ, безъ пѣвца и безъ конца». Такъ говоритъ персидскій вольнодумецъ. У Томсона мы видимъ только мрачное отчаянье. Единственный свѣтлый проблескъ въ человѣческой жизни—смерть, и она—одна возлюбленная, которой ея вѣрный рыцарь поэтъ слагаетъ стансы: «To our Ladies of Death»

„Weary of erring in this desert Life
Weary of hoping hopes for ever vain
Weary of thought which maketh nothing plain,
I close my eyes and calm my panting breath,
And pray to Thee, O ever-quiet Death!
To come and soothe away my bitter pain".

(т. е. «Я усталъ блуждать въ этой пустынѣ жизни; усталъ отъ вѣчныхъ тщетныхъ надеждъ, отъ безполезной борьбы и отъ мыслей, которыя не въ состояніи ничего уяснить. И я закрываю глаза, удерживаю вздохъ и взываю къ тебѣ, вѣчно-спокойная смерть. Приди и успокой мои горькія муки!» «Мой умъ ослабѣлъ, — продолжаетъ дальше поэтъ,—мое сердце остыло, надежды и вѣра давно умерли» *).

Въ «Agnostic Review» за апрѣль 1889 г. я нашелъ воспоминанія Стьюарта Росса о послѣднихъ дняхъ Томсона. Предъ нами печальная картина, изображающая несчастнаго поэта незадолго до смерти, когда у него вырвались только что приведенные печальные вопли. «Никогда я не забуду послѣдняго свиданія съ Томсономъ,—говоритъ Стьюартъ Россъ.—Я встрѣтилъ его въ редакціи журнала Agnostic, куда онъ зашелъ въ сопровожденіи единственнаго друга, оставшагося еще у него. То было въ маѣ 1882 г. Рука смерти лежала уже на плечахъ поэта; не торжественная и величественная смерть, а горестный и некрасивый результатъ страшной болѣзни. Лицо поэта выражало не гордый вызовъ смерти, а скорѣе покорное отчаянье. Съ перваго же взгляда я убѣдился, что Томсонъ находится въ томъ состояніи отупѣнія, которое слѣдуетъ за долгимъ запоемъ... Редакторъ выдалъ небольшой авансъ, который Томсонъ, не смотря на всѣ увѣщанія, понесъ къ стойкѣ ближайшаго ресторана. Я, какъ теперь, вижу его, оборваннаго и грязнаго среди нарядной публики, толпившейся у стойки... Когда онъ снялъ засаленную, измятую, дырявую шляпу, я увидѣлъ жидкіе, сѣдые, нечесанные, сбившіеся волосы. Смятое, страшно засаленное, изорванное платье свидѣтельствовало, что

*) To our Ladies of Death, стихи 1—7, 12—13.

Томсонъ не раздѣвался уже нѣсколько дней. Къ панталонамъ и сюртуку прилипли комки грязи, солома, глина. Для мая день стоялъ холодный и пасмурный; моросилъ мелкій дождь, переходившій время отъ времени въ ливень. Между тѣмъ на ногахъ автора «City of Dreadful Night» были только истоптанныя, тонкія ковровыя туфли, безъ чулковъ». Черезъ мѣсяцъ послѣ этого несчастный пѣвецъ отчаянья умеръ въ припадкѣ бѣлой горячки. Единственная возлюбленная, которую лелѣялъ въ своихъ мечтахъ Томсонъ, крѣпко и навсегда обняла его... Вмѣстѣ со смертью наступило продолжительное забвеніе и для произведеній поэта. Критики соглашались, что «City of Dreadful Night»—поразительное по силѣ произведеніе; но оно тѣмъ не менѣе попало въ тотъ индексъ «запрещенныхъ» книгъ, куда англійская большая публика по своей волѣ, а не по приказу цензора или начальства, вноситъ все непріятное, все слишкомъ смѣлое и рѣзкое,—словомъ, все то, что можетъ нарушить покой и хорошее расположеніе духа сытыхъ, довольныхъ жизнью людей. И вотъ черезъ двадцать пять лѣтъ для произведеній Томсона наступаетъ теперь возрожденіе.

IV.

Какъ мы видѣли, Томсона постоянно влекли къ себѣ вѣчные вопросы, возникающіе изъ отношенія «я» къ космосу. Отношеніе это можетъ быть двоякое: или признаніе своего единства съ природой, своей «жизни въ цѣломъ», или противопоставленіе своего я всему человѣчеству и природѣ. Въ первомъ случаѣ послѣдствіемъ является радостный взглядъ на жизнь и спокойное отношеніе къ смерти. Мы видимъ его у великихъ естествоиспытателей-скептиковъ: у Дарвина, Гексли, Геккеля, Тиндаля, а также у многихъ великихъ поэтовъ (у Гете, напр.) Отдѣленіе себя отъ природы и противопоставленіе своего я остальному человѣчеству никогда не оставалось безнаказаннымъ. Метафизика постоянно заводила человѣка, въ такомъ случаѣ, въ мрачные подвалы догматизированнаго культа, въ область отчаянія и безумнаго страха смерти. Мои задачи очень скромны. Я хочу привести только нѣсколько иллюстрацій изъ области изящной литературы.

Эгоцентрическое міровоззрѣніе, построенное даже на скептическомъ отношеніи къ существованію закулиснаго режиссера, управляющагося всѣмъ, создавало чувство страшнаго одиночества, въ результатѣ котораго является тотъ же постыдный и унизительный страхъ смерти и отчаянье. Мысль, сбившаяся съ пути яснаго пониманія космоса, неизмѣнно попадаетъ въ трясину. Прежде въ мрачные подвалы отчаянья попадали только вѣрующіе; теперь туда же приводитъ отдѣленіе себя отъ космоса и противопоставленіе своему я всего остальнаго міра. И какъ въ эпоху господства вѣры, теперь

появляются такія же мистеріи, навѣянныя ужасомъ передъ смертью и ужасомъ передъ жизнью. Въ XVI вѣкѣ лондонцы содрогались, смотря на мистерію «Каждый человѣкъ» (Every man); въ началѣ XX вѣка русская публика, замирая смотритъ на мистерію Андреева, въ которой повторяются тѣ же мотивы въ той же почти формѣ. Выводъ изъ обѣихъ мистерій одинъ и тотъ же, хотя у авторовъ различные взгляды на божество. Человѣческую мысль выводитъ на твердую почву сознаніе своего единства съ природой. Это сознаніе и изученіе космоса даетъ человѣку радостное міровоззрѣніе, примѣряетъ со смертью и доставляетъ ему не только представленіе о высшей красотѣ, но даже всѣ тѣ эмоціи, которыя даритъ религія вѣрующимъ.

Къ исторіи міровой литературы ясное пониманіе авторами своего единства съ природой и, какъ результатъ, жизнерадостное міровоззрѣніе и спокойное отношеніе къ смерти *періодически* смѣняется противоположеннымъ взглядомъ, влекущимъ за собою ужасъ предъ жизнью и ужасъ предъ смертью. Я намѣчу только нѣсколько вѣхъ въ этомъ отношеніи въ видѣ великихъ литературныхъ произведеній. Предтечей разумнаго міровоззрѣнія является Лукрецій. Жизнь, доказываетъ онъ въ своей великой философской поэмѣ, даетъ намъ блага, которыми мы не умѣемъ пользоваться. Почему? Потому что мы не научились видѣть ихъ. Мы живемъ въ темнотѣ, которую не пронизываетъ ослѣпительный свѣтъ дня, и не знаемъ природы души. Отсюда выходитъ, что мы создаемъ себѣ тысячи химеръ, рѣшая вопросъ, что станетъ съ нею послѣ смерти. Будь мы твердо убѣждены въ томъ, что душа должна умереть вмѣстѣ съ тѣломъ, мы не страшились бы смерти, а спокойно наслаждались благами жизни. Страхъ смерти отравляетъ намъ наслажденіе жизнью,—говоритъ Лукрецій,—волнуетъ жизнь, «какъ вино въ чашѣ, вслѣдствіе чего на поверхность поднимается весь осадокъ». Это было написано 21 вѣкъ тому назадъ. А вотъ современный документъ. «О, вы не понимаете даже этого слова смерть!—говоритъ старый поэтъ Норберъ де-Варенъ у Гюи де-Мопассана. Въ высшемъ возрастѣ оно ничего не означаетъ. Въ моемъ—оно ужасно. Это слово понимается сразу, неизвѣстно почему и при какихъ обстоятельствахъ; но тогда все въ жизни мѣняетъ свой видъ. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ я чувствую, какъ смерть обрабатываетъ меня, какъ будто я ношу въ себѣ гложущее меня животное. Я чувствую, какъ она изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ часа въ часъ разрушаетъ меня, какъ домъ, который завалится скоро. Она меня до такой степени обезобразила, что я не узнаю себя больше... Да, она, негодная, искрошила меня. Изъ секунды въ секунду она постепенно продолжаетъ процессъ разрушенія моего тѣла. И вотъ теперь, что бы я ни дѣлалъ, я чувствую, что умираю. Каждый шагъ приближаетъ меня къ смерти; каждое мое движеніе, каждое расширеніе легкихъ ускоряетъ ея отвратительную работу. Дышать,

спать, пить, ѣсть, работать, мечтать, все то, что мы дѣлаемъ, означаетъ процессъ умиранія. Жить значитъ умирать... За что удержаться? Къ кому взывать о спасеніи? Во что мы можетъ вѣрить? Всѣ религіи нелѣпы, мораль ихъ ребяческая, а эгоистичныя обѣщанія чудовищно нелѣпы. Вѣрна только смерть» *).

Еще за два вѣка до Лукреція великій греческій философъ училъ человѣчество, какъ избавиться отъ того страха смерти, которымъ проникнуты только что приведенныя слова. Смерть отнимаетъ у насъ только сознаніе. Покуда мы существуемъ, нѣтъ смерти. Когда она наступаетъ, мы не сознаемъ больше. Такъ училъ Эпикуръ. Но Лукрецій далъ болѣе обстоятельный отвѣтъ на занимающій насъ вопросъ.

«Часто одинъ страхъ смерти внушаетъ людямъ такое отвращеніе къ жизни и къ дневному свѣту, что они кончаютъ съ собою въ припадкѣ отчаянія, забывая, что источникомъ всѣхъ ихъ мученій является этотъ страхъ,—говоритъ Лукрецій въ третьей книгѣ своей поэмы... Да, дитя, находящееся въ темнотѣ, пугается и создаетъ себѣ призраки всякаго рода; но мы сами, среди бѣла дня, мы трепещемъ предъ химерами, хотя онѣ не болѣе страшны, чѣмъ привидѣнія, которыми испуганное воображеніе дѣтей населяетъ мракъ. Этотъ ужасъ, овладѣвшій нашимъ умомъ, этотъ мракъ, страшащій его, можетъ быть разсѣянъ не лучами солнца и не ослѣпительнымъ блескомъ дня, но изученіемъ природы» **). Человѣкъ трепещетъ предъ призраками, созданными его собственнымъ умомъ. Онъ—рабъ собственнаго суевѣрія. Существованіе кончается вмѣстѣ съ жизнью. Вѣчна только природа, въ единствѣ съ которой мы должны жить. «И если послѣ нашей смерти время соберетъ матерію, изъ которой мы составлены, возстановитъ ее въ состояніи, въ которомъ она находится теперь, и возвратитъ намъ свѣтъ жизни, то что намъ до этого, если нить нашихъ воспоминаній оборвана?—говоритъ Лукрецій... — Развѣ мы заботимся о томъ, чѣмъ мы были раньше?... Существо можетъ испытывать несчастья и страданія, если оно живетъ въ данный моментъ. Такимъ образомъ, намъ нечего страшиться смерти, потому что тотъ, кто не существуетъ, не можетъ быть несчастнымъ. И что до того, что мы существовали раньше, если смерть, не имѣющая конца, отняла у насъ преходящую жизнь? Если ты видишь человѣка,—продолжаетъ Лукрецій,—котораго ужасаетъ мысль, что послѣ смерти онъ сгніетъ въ могилѣ или что трупъ его пожретъ пламя, или пожрутъ дикіе

---

*) Guy de Moupassant, „Bel-Ami", VI.

**) Блѣдная русская проза даетъ только слабое представленіе о заключительныхъ кованныхъ стихахъ Лукреція:

„Hunc igitur terrorem animi tenebrasque necessest
Non radii solis, neque lucida tela diei
Discutiant, sed naturae species, ratioque.

(Книга III, ст. 91—93).

звѣри,—ты можешь быть увѣренъ, что онъ въ противорѣчіи съ самимъ собою и что тайная заноза мучитъ его. Напрасно станетъ увѣрять этотъ человѣкъ, что онъ не вѣритъ въ сохраненіе чувства послѣ смерти. Онъ—обманщикъ, противорѣчащій самому себѣ. Онъ не можетъ себѣ представить, чтобы смерть окончательно оторвала его отъ числа живыхъ. Ему кажется, что нѣчто останется ему—въ могилѣ. Живой человѣкъ, представляющій себѣ, какъ коршуны и дикіе звѣри терзаютъ послѣ смерти его собственное тѣло,—жалѣетъ себя. Онъ не отдѣляетъ еще себя отъ этого предмета и не говоритъ еще послѣднее «прости» оставленному трупу. Человѣкъ все еще представляетъ, что онъ отданъ звѣрямъ и надѣляетъ трупъ своей собственной способностью чувствовать. Отсюда проистекаетъ, что человѣкъ ропщетъ по поводу того, что созданъ смертнымъ. Онъ не видитъ, что, когда наступитъ смерть, не останется другого *я*, которое огорчалось бы по поводу смерти его или при видѣ того, какъ сжигаютъ его трупъ... «Какъ? ты не увидишь больше семьи, спѣшащей радостно къ тебѣ навстрѣчу; вѣрная жена и дорогія дѣти, добивающіяся твоихъ поцѣлуевъ, не наполнятъ твоего сердца веселіемъ. Ты не прославишься больше своими дѣяніями. О, несчастный! Одно мгновеніе отняло у тебя всѣ утѣхи жизни!» Но, говоря подобнымъ образомъ,—продолжаетъ Лукрецій,—люди забываютъ прибавить: «Сожалѣніе объ этихъ благахъ чуждо твоимъ останкамъ». Если бы эта истина сознавалась ясно; если бы люди были послѣдовательны въ своихъ мысляхъ,—отъ скольких огорченій и ужасовъ избавились бы они?.. Если все сводится къ сну и покою, то что же ужасаетъ въ смерти? Неужели есть основаніе отравлять себѣ всю жизнь» *)! Изученіе природы и законовъ ея, сознаніе своего единства съ нею внушило Лукрецію здоровое, радостное міровоззрѣніе и то спокойное отношеніе къ смерти, которое мы встрѣчаемъ впослѣдствіи у всѣхъ великихъ естествоиспытателей. Но вотъ античный міръ былъ раздавленъ варварами. Въ періодъ какихъ нибудь восьмидесяти лѣтъ Италія была послѣдовательно раззорена вестъ-готами подъ предводительствомъ Алариха, гуннами Аттилы, вандалами Гензериха, суевами Рицимера, герулами Одоакра и остроготами Теодориха. Рабы и пролетаріатъ не имѣли никакого основанія защищать культуру, правда, очень высокую, но всѣми благами которой пользовался только немногочисленный классъ. Явилось ученіе, революціонизировавшее міръ, потому что обращалась къ обойденнымъ и обиженнымъ античной культурой. Но что осталось впослѣдствіи отъ новаго ученія? Правила морали, которымъ не слѣдовали, какъ только люди выбрались изъ катакомбъ. Ссоры и безпрерывная рѣзня сектъ (напр., въ Александріи въ V и VI в.в.). Благочестивые подлоги, продолжавшіеся пять вѣковъ **). Ненависть и взаимное истребленіе. Ученіе, ко-

*) Ib., стихи 860—890.

**) Въ третьемъ вѣкѣ противъ Лактанія выдвинуто было обвиненіе

торое должно было установить миръ, принесло съ собою мечъ, кровь и костры. Оно освятило власть и всѣ насилія послѣдней. Бѣднякамъ, помогшимъ свергнуть классическій міръ, приказано было мириться съ своимъ подчиненнымъ положеніемъ и за это обѣщалось блаженство въ горнихъ селеніяхъ. Новое ученіе принесло съ собою проклятье тѣлу, разуму, духу пытливости, радости, законамъ природы, дерзанію индивидуума. На землѣ нужно только плакать. «земля—тюрьма, а не родина человѣка,—говоритъ старинный трактатъ «De miseria conditionis humanae». — Все здѣсь враждуетъ другъ съ другомъ—тѣло и духъ, дьяволъ и добродѣтель, люди и животныя. Если водворяется на землѣ миръ и тишина, то не надолго и быстро нарушается либо въ силу внутренняго несовершенства, либо вслѣдствіе зависти и насилія. Постоянна одна скорбь и отовсюду близка одна смерть. Мрачныя видѣніи тревожатъ сонъ человѣка; свѣтлыя исчезаютъ при пробужденіи. Несчастіе преслѣдуетъ его повсюду до самой могилы, идетъ за нимъ въ адъ, въ чистилище, до самаго страшнаго суда».

Отняла ли вѣра хоть страхъ смерти? Нѣтъ, мы видимъ въ эпоху наибольшаго вліянія вѣры интенсивный страхъ, внушенный адомъ и вѣчный, безумный трепетъ *). Вѣка господства вѣры

что онъ вставилъ въ предсказанія Сивиллы Эритреи стихи, предсказывавшія пришествіе Христа. Потомъ первыхъ писателей церкви обвиняли въ томъ, что они составили цѣлый рядъ апокрифовъ: письма Христа къ царю Эдесекому, письма Дѣвы Маріи, посланія Сенеки къ св. Павлу, дѣянія Пилата, и затѣмъ--цѣлый рядъ евангелій (пятьдесятъ), которыя одновременно обращались среди вѣрующихъ. Таковы евангелія отъ св. Ѳомы о дѣтствѣ Христа, отъ Никодима, Вѣчное евангеліе, отъ Варѳоломея и пр. Сорокъ шесть изъ нихъ быми признаны потомъ апокрифами, отверженными, и церковь уничтожала ихъ. Анализъ четырехъ евангелій обнаруживаетъ ссылки и цитаты, не находимыя въ ветхомъ завѣтѣ, но имѣющіяся въ апокрифахъ. (Oeuvres de Voltaire. Компактное изданіе 1827 г. v. IV, p.p. 1444).

„Библейская наука нашего столѣтія установила внѣ сомнѣнія, что по крайней мѣрѣ три наши евангелія, такъ называемыя синоптическія, Матѳея, Марка и Луки,—суть компиляціи, которыя достигли своего настоящаго вида только послѣ многихъ измѣненій". Иначе, какъ компиляціей невозможно было бы объяснить противорѣчія въ синоптическихъ евангеліяхъ, а, въ особенности, между первыми тремя и четвертымъ. „Въ синоптическомъ евангеліи говорится о плотскомъ вожделѣніи Христа. Въ четвертомъ евангеліи о немъ говорится, какъ о предвѣчномъ Логосѣ или Словѣ, сосуществующимъ съ Богомъ, сошедшимъ съ неба и явившемся въ человѣческомъ образѣ и пр. (см. „I. Т. Сэндерлэндъ", Библія, ея происхожденіе и отличит. свойства. стр. 106—115).

*) Этотъ безпрерывный трепетъ можетъ быть формулированъ словами нѣмецкаго поэта Платена: „Зачѣмъ веселиться при звонѣ лиръ; зачѣмъ предаваться тысячѣ прелестныхъ игръ и сладкимъ побужденіямъ, когда постоянно, у насъ за спиной стережетъ фурія

Und unser Leben zwei Sekunden dauert?

(„и когда наша жизнь продолжается лишь двѣ секунды").

надъ разумомъ были долгой эпохой банкротства человѣка, грубаго и дикаго насилія, попранія личности. Мысль человѣка, оторванная отъ природы, была загнана въ монастырь. «Естественный источникъ знанія—природа—былъ забытъ на нѣсколько вѣковъ. Слѣпое подчиненіе авторитетамъ повело, какъ всегда это бываетъ, къ умственной смерти... Научное изслѣдованіе замѣнилось вымысломъ, столь же унизительнымъ для человѣческаго ума, какъ современный спиритуализмъ. Явилась схоластическая философія и умственный застой. Человѣческая мысль заблудилась, какъ моряки во время тумана, утерявшіе компасъ, и кружила на одномъ и томъ же мѣстѣ *).

V.

Но вотъ начался протестъ во имя радости жизни, счастья, разума. Человѣкъ, связанный нѣсколько вѣковъ, какъ мумія, освободился отъ савана и поднялъ могильный камень, наваленный на него культомъ. Какъ Фаустъ, человѣкъ могъ сказать:

„Vom Eise befreit sind Storm und Bäche
Durch des Frühlings holden, belebenden Blick;
Im Thale grünet Hoffnungsglück“.

(т. е. «Потоки и ручьи освободились отъ льда подъ вліяніемъ кроткой и оживляющей улыбки весны. Въ долинѣ зеленѣетъ новая трава»). Началась эпоха возрожденія; наступило возвращеніе къ разумному, здоровому пониманію природы. Увлеченіе идеалами языческаго міра въ то время было протестомъ во имя жизни противъ отчаянія и вѣчнаго страха смерти. Впослѣдствіи эпоха возрожденія кончилась такъ же, какъ и классическій міръ: ее задушили завоеватели, явившіеся съ сѣвера. Какъ и въ классическомъ мірѣ, въ итальянскихъ республикахъ обойденный деревенскій пролетаріатъ не нашелъ надобнымъ защитить ту культуру, хотя и очень высокую, которая совершенно обошла его (Всѣ эти причины отлично выяснены у Виллари въ первомъ томѣ его труда «Machiavelli e i suoi tempi»). Но для меня теперь интересно самое яркое литературное произведеніе начала эпохи возрожденія—*Декамеронъ*. Полно глубокаго смысла помѣщеніе въ самомъ началѣ его описанія флорентинской чумы 1348 г. Это—смерть стараго культа. Вѣра могла встрѣтить эпидемію только или безумнымъ страхомъ, или не менѣе безумнымъ разгуломъ. Герои *Декамерона*, т. е. тѣ друзья, которые разсказываютъ другъ другу

*) См. „The Belfast Address“ Тиндаля („Fragments of Science“, p. 482). Этотъ докладъ на засѣданіи Британской Ассоціаціи ученыхъ въ Бельфастѣ я позволилъ бы себѣ указать нашимъ переводчикамъ. Занимаетъ онъ, вмѣстѣ съ апологіей, 91 страницу.

новеллы, поражаютъ насъ среди этого повальнаго страха своимъ спокойнымъ и радостнымъ отношеніемъ къ жизни и смерти. Въ вѣкѣ, когда всюду дымилась кровь еретиковъ, Боккачіо провозглашаетъ широкую вѣротерпимость (Novella di tre anella, т. е. сказка о трехъ кольцахъ *), обработанная впослѣдствіи Лессингомъ). За пять вѣковъ до появленія Вольтера Боккачіо пользуется тѣмъ же пріемомъ, т. е. фривольной сказкой, чтобы высказать поразительныя по смѣлости мысли, за которыя долго потомъ еще жгли на кострахъ. Въ такихъ на первый взглядъ въ высшей степени фривольныхъ новеллахъ, какъ про Алибеку, которую «monaco isnsegna rimettere il diavolo in inferno» **), въ дѣйствительности слышится вольтеровскій смѣхъ. Боккачіо признаетъ только одно «resurrezion della carne». Жизнь въ цѣломъ, пониманіе природы, гармонія между духомъ и тѣломъ даетъ то спокойствіе къ смерти, которымъ насъ поражаетъ вступленіе къ *Декамерону*, полное глубокаго смысла.

Въ исторіи литературы мы не разъ видимъ, какъ повторяется циклъ воззрѣній на природу, который я пытался намѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ. Противопоставленіе *я* космосу, являлось ли оно результатомъ фанатизма или презрѣнія къ человѣчеству,— всегда приводитъ къ отчаянью и страху смерти. Съ другой стороны, пониманіе единства съ природой дало поэтамъ спокойствіе. Стремленіе къ идеалу и наслажденіе жизнью отнюдь не взаимно исключаютъ другъ друга, какъ утверждаетъ Шиллеръ:

„Zwei Blumen blühen für den weisen Finder,
Sie heiszen Hoffnung und Genusz.
Wer dieser Blumen eine brach, begehre".
Die andre Schwester nicht".

(Ѳ. Б. Миллеръ только приблизительно передаетъ смыслъ этихъ стиховъ: «Я цвѣсть далъ двумъ цвѣтамъ, для смертныхъ поколѣній. Мудрецъ ищи ихъ, цвѣтъ есть наслажденій и цвѣтъ надежды есть. И если ты одинъ сорвалъ, стремленье къ другому тщетный трудъ»). Нагляднымъ примѣромъ является американскій поэтъ Уотъ Уитманъ. И тутъ мы опять возвращаемся къ несчастному Томсону, который посвятилъ Уитману одинъ изъ лучшихъ своихъ критическихъ очерковъ.

«Простота есть идеалъ искусства, вѣнецъ литературнаго произведенія, его сіяніе... Нѣтъ ничего лучше простоты...», — говоритъ Уотъ Уитманъ въ предисловіи къ первому изданію «Leaves of Grass». Второй необходимой элементъ истиннаго искусства—признаніе, что нѣтъ дѣйствій человѣка, недостойныхъ поэзіи. Человѣкъ— божественъ самъ по себѣ. Божественна вся жизнь его, во всѣхъ ея проявленіяхъ. Отсюда вытекаетъ назначеніе поэта.

---

*) Третья новелла перваго дня.
**) Десятая новелла третьяго дня.

Вся теорія о сверхъ-естественномъ и все то, что выводилось изъ нея или связывалось съ ней,—разсѣялась теперь, какъ сонъ Во вселенной нѣтъ ничего болѣе божественнаго, чѣмъ мужчина и женщина.

Назначеніе великихъ поэтовъ—ободрять рабовъ и страшить деспотовъ.

«Скоро въ мірѣ не будетъ священнослужителей. Дѣло ихъ кончено. Они, быть можетъ, просуществуютъ еще поколѣніе или два, а затѣмъ исчезнутъ мало по малу. Ихъ замѣнитъ высшая порода. Возникнетъ новый порядокъ. Явятся священнослужители человѣчества, и каждый человѣкъ будетъ собственнымъ священникомъ». А вотъ какъ поэтъ выражалъ въ стихахъ свое міровоззрѣніе.

„I do not press my fingers across my mouth;
I keep as delicate around the bowels as around the head and heart;
Copulation is no more rank to me than death is.
I believe in the flesh and the appetites;
Seeing, hearing, feeling, are miracles, and each part and tag of me is a miracle.
Divine am I inside and out, and I make holy whatever I touch or am touch'd from;
The scent of these arm-pits aroma finer than prayer;
This head more than churches, bibles, and the creeds".

(т. е. «Я не закрываю пальцами рта. Дѣйствія желудка такъ же изумительны, какъ сердца или головы. Я не считаю болѣе грубымъ говорить о совокупленіи, чѣмъ о смерти. Я вѣрю въ плоть и въ отправленія ея. Зрѣніе, слухъ, осязаніе—все это чудеса; каждая частица моего тѣла—чудо. Я божественъ. Божественны мои мысли и дѣйствія. Священнымъ становится все то, къ чему я касаюся или что приходитъ въ соприкосновеніе со мною. Запахъ этихъ подмышекъ лучше молитвы. Эта голова лучше храмовъ, библій и всѣхъ религій»). Изъ сознанія божественности человѣка вытекаетъ глубокая жалость ко всѣмъ униженнымъ и втоптаннымъ въ грязь. Уотъ Уитманъ заявляетъ себя выразителемъ «голосовъ, подавленныхъ въ теченіе вѣковъ», и желаетъ, чтобы были услышаны:

„Voices of the interminable generations of slaves;
Voices of prostitutes, and of deform'd persons;
Voices of the diseas'd and despairing, and of thieves and dwarfs".

(т. е. «Голоса безконечныхъ поколѣній рабовъ; голоса блудницъ, калѣкъ, голоса больныхъ, отчаявшихся, воровъ и карликовъ».

«Я повторяю запретныя до сихъ поръ рѣчи. Я говорю о сладострастіи, о томъ, что прежде прикрывалось тафтой. Нескромныя рѣчи я очистилъ и преобразилъ».

Взглядъ Уитмана на божественность жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ оригинально выраженъ въ слѣдующихъ стихахъ: «Мнѣ кажется, я могъ бы жить среди животныхъ; ослы такъ кротки и

такъ сдержанны, что я могу наблюдать ихъ часами. Животныя не убиваются и не хнычутъ, когда у нихъ дѣла идутъ плохо. Они не оплакиваютъ въ безсонныя ночи своихъ грѣховъ и не произносятъ тошнотворныхъ проповѣдей объ обязанностяхъ къ Богу. Животныя не поражены безуміемъ имѣть собственность; они не преклоняются ни другъ предъ другомъ, ни предъ какимъ-нибудь другимъ сородичемъ, жившимъ за тысячи лѣтъ».

Уотъ Уитманъ воспѣваетъ всю дѣятельность тѣла во всѣхъ проявленіяхъ

„Welcome is every organ and attiribute of me, and of any man hearty and clean;
Not an inch, nor a particle of an inch, is vile, and none shall be less familiar than the rest" *)

Онъ воспѣваетъ жизнь, таинства любви и материнства. Въ поэмахъ *Children of Adam* мы видимъ возрожденіе культа Діониса, но только облагороженнаго, въ соотвѣтствіи съ другимъ временемъ и иной культурой. «Уитманъ не стыдится тѣла, какъ не стыдится души. Онъ пишетъ „Пѣсню открытой дороги». Это—гимнъ про тотъ символическій путь, которымъ долженъ идти всякій, не замуровавшій себя въ темницу условностей. Никто не знаетъ, куда ведетъ этотъ путь. Извѣстно, только, что люди, идущіе имъ, свободны и увѣрены въ свои силы. Всѣхъ, слѣдующихъ за Уитманомъ, поэтъ называетъ своими товарищами. По опредѣленію Уитмана, идеальный поэтъ это—космосъ, въ которомъ отражается весь міръ» **).

Подведу кое-какіе итоги этимъ крайне бѣглымъ замѣткамъ. Зависимость большинства литературныхъ настроеній отъ общественныхъ движеній показываетъ, какія условія необходимы, чтобы появилась литература здоровая, смѣлая, устраняющая страхъ смерти. Необходимо, прежде всего, обезпечить всѣмъ равное право на трудъ. Необходимо устранить изъ жизни нелѣпый элементъ, который даже людей съ такимъ крупнымъ талантомъ, какъ Томсонъ, превращаетъ въ «обломки человѣчества». Это—тотъ коррективъ, при наличности котораго не могли бы погибнуть двѣ великія культуры.

Устранить смерть человѣчество не въ силахъ; но оно можетъ отнять безсмысленность ея; то, что формулировано стихами:

„Дни наши сочтены не нами:
Цвѣлъ юноша вечоръ, а нынче умеръ.
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сгорбленныхъ плечахъ въ могилу".

Даже и теперь, при очень слабыхъ попыткахъ, смертность дѣ-

*) Мы видимъ тутъ выраженіе взгляда, высказаннаго еще Фейербахомъ: „Жизнь вообще, въ своихъ существенныхъ, субстанціальныхъ отношеніяхъ, божественна".

**) J *Thomson*, Poems, Essays and Fragments, p. 188.

тей, въ нѣкоторыхъ англійскихъ городахъ, гдѣ этимъ вопросомъ занялись,—понизилась на 50%. Въ нормальномъ обществѣ, въ недалекомъ будущемъ, смерть должна стать удѣломъ только преклонныхъ стариковъ, взявшихъ все отъ жизни, утомившихся ею и спокойно относящихся къ окончательному сліянію съ великимъ космосомъ. Тогда осуществится легенда древняго міра о счастливыхъ гипербореяхъ, не боявшихся смерти и бросавшихся въ объятія ея, когда жизнь утомляла ихъ. Дальше, для устраненія страха смерти необходимо распространеніе знанія природы. Требуется знаніе не отдѣльныхъ фактовъ, а овладѣніе *методомъ*. Такимъ образомъ, наслажденіе научнымъ творчествомъ станетъ общимъ удѣломъ. Трудно себѣ представить даже тотъ прогрессъ, который сдѣлаетъ тогда знаніе. Впереди всѣхъ будутъ идти поэты и художники, которые, вслѣдствіе своей необыкновенной чуткости, будутъ предугадывать научныя открытія, какъ это сдѣлалъ, напр., Свифтъ. Въ «Путешествіяхъ Гулливера» онъ говоритъ, что жители летучаго острова обладаютъ замѣчательными инструментами, при помощи которыхъ открыли двухъ спутниковъ Марса; одинъ изъ нихъ обращается вокругъ планеты въ десять часовъ, а другой въ $2^1/_2$. Это, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ замѣчательныхъ научныхъ предсказаній. Тридцать лѣтъ тому назадъ оно показалось бы астрономамъ нелѣпостью, потому что разное время обращенія двухъ спутниковъ вокругъ одной планеты безпримѣрно въ нашей солнечной системѣ и противорѣчитъ издавна сложившейся гипотезѣ о происхожденіи планетъ и спутниковъ изъ общаго ядра туманной матеріи. Между тѣмъ предсказаніе Свифта оправдалось черезъ 170 лѣтъ. Въ 1877 г. американскій астрономъ Hall дѣйствительно не только нашелъ двухъ спутниковъ Марса (Фобосъ и Деймосъ), но показалъ, что времена оборотовъ ихъ различны: 7 ч. 39 м. и 30 ч. 18 м., т. е. приблизительно такъ, какъ угадалъ Свифтъ. Когда методъ изученія природы станетъ общимъ достояніемъ, тогда жизнь сразу пріобрѣтетъ необыкновенную многогранность. Исчезнутъ жалобы на пустую, сѣрую, прозаическую, не интересную жизнь. Природа слишкомъ разнообразна для такихъ жалобъ.

Нужно выучиться наблюдать природу; теперь мы оторвались отъ нея, и поэтому непониманіе ея внушаетъ такой же страхъ, какой испытывалъ доисторическій человѣкъ, стоявшій передъ естественными явленіями. Природа одна намъ можетъ дать представленіе о дѣйствительной красотѣ; она одна можетъ внести въ насъ восторженное чувство сознанія жизни въ цѣломъ. Она дастъ также тѣ же высокія эмоціи, какія вѣрующій выноситъ изъ молитвы. Пониманіе природы устанавливаетъ въ наблюдателѣ связь съ прошлымъ и премиреніе со смертью, т. е. сліяніе съ вѣчнымъ. Понимающему ее, природа разскажетъ саги, предъ которыми всѣ великія легенды, придуманныя человѣкомъ, покажутся дѣтскимъ

лепетомъ. И какими жалкими и безпомощными покажутся тогда человѣку тѣ проклятія, которыя талантливый авторъ мистеріи вложилъ въ его уста по адресу «существа въ сѣромъ»!

Діонео.

Наброски современности.

VI.

Новый опытъ.

Вторая Дума прожила 102 дня, всего на мѣсяцъ больше первой. Но жизнь этой второй Думы была существенно иною. Съ перваго момента ея существованія надъ нею нависла угроза роспуска, съ первыхъ же дней думскихъ засѣданій выяснилась полная несовмѣстимость представительнаго учрежденія, якобы обладающаго какими-то правами, и правительства, упорно и демонстративно удерживающаго въ своихъ рукахъ «всю полноту власти». Тѣмъ не менѣе были люди—и ихъ было не такъ ужъ мало,—которые мечтали о томъ, что при надлежащей умѣренности Дума сможетъ сохранить свое существованіе, а затѣмъ постепенно пріучить и правительство къ конституціоннымъ порядкамъ, и что такимъ образомъ она насадитъ конституцію на русской почвѣ. И конституціонно-демократическая партія, въ рядахъ которой по преимуществу группировались такого рода «реальные политики», самымъ старательнымъ образомъ «берегла Думу», энергически отстраняя всякіе поводы для рѣзкаго конфликта ея съ правительствомъ и тщательно возводя вокругъ нея груды «житейскаго мусора», долженствовавшія, по планамъ к.-д. тактиковъ, укрѣпить зданіе народнаго представительства. Но эти тактическіе планы не возымѣли надлежащаго успѣха. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда всѣ поводы къ конфликтамъ, казалось, были уже устранены и «работоспособность» думскаго центра была блестяще доказана, Дума очутилась лицомъ къ лицу съ роспускомъ.

Но однимъ роспускомъ Думы дѣло на этотъ разъ не ограничилось. Конецъ второй Думы явился вмѣстѣ съ тѣмъ и концомъ существованія «конституціонныхъ иллюзій», и даже к.-д. пресса начинаетъ увѣрять теперь, что она такихъ иллюзій «никогда не питала». Лѣтомъ прошлаго года, когда совершился роспускъ первой Думы, органы к.-д. прессы обращали много вниманія на то обстоятельство, что при этомъ роспускѣ не были соблюдены «кон-

ституціонныя гарантіи»,—не былъ сразу назначенъ срокъ новыхъ выборовъ и самый указъ о роспускѣ не былъ скрѣпленъ подписью предсѣдателя совѣта министровъ. Въ настоящемъ году оба эти условія выполнены, но за то эти «конституціонныя гарантіи» и представляютъ собою все, что осталось отъ русской «конституціи» послѣ акта 3 іюня. У правительства, которое оффиціозъ к.-д. партіи такъ старательно уговаривалъ усвоить себѣ парламентскіе пріемы, сотрудничать съ Думой и послѣ «неудачныхъ» попытокъ отысканія себѣ опоры въ союзѣ русскаго народа и въ партіи октябристовъ попробовать опереться на конституціоналистовъ-демократовъ, оказался заготовленнымъ новый избирательный законъ, который и былъ опубликованъ одновременно съ указомъ о роспускѣ второй Думы. Срокъ созыва третьей Думы назначенъ—1 ноября, но порядокъ выборовъ въ эту третью Думу установленъ уже иной путемъ вновь изданнаго «Положенія о выборахъ въ Государственную Думу».

Правовая сущность этого акта не допускаетъ двухъ толкованій. Манифестъ 17 октября категорически обѣщалъ «установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы». Правда, вслѣдъ за тѣмъ правительство не только установило въ законодательномъ порядкѣ различныя «временныя правила», но и издало, передъ самымъ открытіемъ засѣданій первой Думы, неприкосновенные для Думы «основные законы», которые, въ свою очередь, оставили за нимъ право издавать временные законы въ отсутствіе Думы, право, на практикѣ опять-таки использованное правительствомъ послѣ роспуска первой Думы несравненно болѣе широко, чѣмъ это позволялъ самый текстъ основныхъ законовъ. Однако та же самая 87 статья основныхъ законовъ, которая устанавливала для правительства такое право, исключала изъ предѣловъ его дѣйствія положеніе о выборахъ въ Думу, особо оговаривая, что это положеніе можетъ быть измѣняемо лишь въ общемъ законодательномъ порядкѣ, т. е. съ согласія самой Думы. Теперь эта статья основныхъ законовъ нарушена самымъ откровеннымъ образомъ. Манифестъ 3 іюня приводитъ и мотивы такого нарушенія. Дѣло въ томъ, что составъ второй Думы не оправдалъ ожиданій правительства, которое приписываетъ этотъ результатъ выборовъ «новизнѣ дѣла и несовершенству избирательнаго закона». Желательныя же для правительства «измѣненія въ порядкѣ выборовъ не могутъ быть проведены обычнымъ законодательнымъ путемъ черезъ Государственную Думу, составъ коей признанъ неудовлетворительнымъ вслѣдствіе несовершенства самаго способа избранія ея членовъ. Только власти, даровавшей первый избирательный законъ, исторической власти русскаго царя, довлѣетъ право отмѣнить его и замѣнить его новымъ». «Посему,—говоритъ манифестъ—оставляя въ силѣ всѣ дарованныя подданнымъ Нашимъ манифестомъ 17

октября 1905 года и основными законами права, воспріяли Мы рѣшеніе измѣнить лишь самый способъ призыва выборныхъ отъ народа въ Государственную Думу».

Передъ нами, очевидно, одна изъ тѣхъ юридическихъ неожиданностей, которыя съ самаго начала входили въ составъ нашего «конституціоннаго» порядка и порою смущали воображеніе даже «строго конституціонной» к.-д. партіи, заставляя отдѣльныхъ ея дѣятелей временно сомнѣваться въ томъ, подлинно ли у насъ имѣется конституція. Но только на этотъ разъ неожиданность является особенно крупной, настолько крупной, что для сколько-нибудь серьезныхъ сомнѣній не остается уже и мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, и манифестъ 17 октября, и основные законы объявляются неотмѣненными и «всѣ права», признанныя за населеніемъ этими актами, провозглашаются сохраняющими свою силу, а одновременно съ этимъ законъ первостепенной важности, который по точному смыслу не только манифеста 17 октября, но и основныхъ законовъ могъ быть изданъ только съ согласія Думы, составляется и издается помимо Думы. И дѣлается это потому, что правительство признало членовъ созванной имъ Думы «не явившимися настоящими выразителями нуждъ и желаній народныхъ», а тѣмъ самымъ, по его мнѣнію, освободило себя и отъ обязанности считаться съ ихъ голосомъ въ дѣлѣ изданія желательнаго для него закона. Но, если правительство можетъ одинъ разъ опредѣлить за населеніе, какой порядокъ выборовъ слѣдуетъ установить для избранія «настоящихъ выразителей нуждъ и желаній народныхъ», оно, конечно, можетъ дѣлать это и всегда, когда само того захочетъ. А съ другой стороны, если одной только верховной власти «довлѣетъ право» измѣнять избирательный законъ и опредѣлять наиболѣе желательный порядокъ выбора представителей, то отсюда не трудно уже сдѣлать и выводъ, что только той же власти «довлѣетъ право» устанавливать надобность или ненадобность самого представительства и опредѣлять характеръ всѣхъ вообще законовъ, нужныхъ для страны. Выдвигаемый такимъ образомъ принципъ какъ нельзя болѣе рѣшительно ниспровергаетъ идею, положенную въ основаніе манифеста 17 октября, и самый актъ 3 іюня по существу своему является ничѣмъ инымъ, какъ государственнымъ переворотомъ, зачѣмъ-то прикрытымъ ссылкою на основные законы и манифестъ 17 октября, имъ же нарушенные.

Пока, впрочемъ, переворотъ еще не коснулся самаго существованія представительнаго учрежденія и измѣнилъ только порядокъ выборовъ въ него. Въ чемъ же ближайшая цѣль такого переворота? Иначе говоря, какія измѣненія стремится правительство путемъ его внести въ характеръ Государственной Думы? На этотъ вопросъ манифестъ 3 іюня отвѣчаетъ лишь нѣсколькими общими фразами. Въ немъ сообщается о рѣшеніи правительства такъ «измѣнить самый способъ призыва выборныхъ отъ народа въ Государствен-

ную Думу, дабы каждая часть народа имѣла въ ней своихъ избранниковъ». «Созданная для укрѣпленія государства россійскаго,—непосредственно за этимъ говорится въ манифестѣ —Государственная Дума должна быть русскою и по духу. Иныя народности должны имѣть въ Государственной Думѣ представителей нуждъ своихъ, но не должны и не будутъ являться въ числѣ, дающемъ имъ возможность быть вершителями вопросовъ чисто русскихъ. Въ тѣхъ же окраинахъ государства, гдѣ населеніе не достигло достаточнаго развитія гражданственности, выборы въ Государственную Думу должны быть временно пріостановлены». Для того, чтобы уяснить себѣ точный смыслъ этихъ чрезмѣрно общихъ и взаимно противорѣчивыхъ фразъ манифеста, нужно обратиться къ тексту новаго избирательнаго закона, для котораго манифестъ служитъ лишь своего рода предисловіемъ.

Такими мѣстностями, въ которыхъ «населеніе не достигло достаточнаго развитія гражданственности», оказываются, по Положенію 3 іюня, средне-азіатскія владѣнія Россіи и области Акмолинская, Семипалатинская, Тургайская, Уральская и Якутская. Всѣ эти мѣстности совершенно лишены права представительства въ Думѣ. Для другихъ окраинъ это право подверглось весьма существеннымъ ограниченіямъ. Всей Азіатской Россіи предоставлено выбрать только 15 депутатовъ; Кавказъ, вмѣсто прежнихъ 29 депутатовъ, долженъ послать въ Думу, по Положенію 3 іюня, только 10; Царство Польское, вмѣсто прежнихъ 37 депутатовъ, получило теперь только 14. Смыслъ этого сокращенія не трудно вскрыть, если припомнить, что въ первую и вторую Думу только что названныя окраины посылали по преимуществу депутатовъ, крайне оппозиціонно настроенныхъ по отношенію къ политикѣ нынѣшняго правительства. За то теперь обще-государственные вопросы, которые должна разсматривать Дума, объявлены «чисто русскими» и представительство отъ окраинъ сокращено до послѣдняго минимума.

По отношенію къ Польшѣ, впрочемъ, дѣло не ограничивается и указаннымъ сокращеніемъ числа депутатовъ. Изъ 14 депутатовъ, предоставленныхъ Царству Польскому, два назначены на городъ Варшаву, раньше посылавшій одного депутата. Но изъ этихъ двухъ депутатовъ одного должны избрать выборщики, избранные «проживающими въ Варшавѣ лицами русскаго происхожденія, имѣющими право участія въ выборахъ въ Государственную Думу». При этомъ «ближайшее опредѣленіе того, кто именно долженъ быть признаваемъ лицомъ русскаго происхожденія, предоставляется варшавскому генералъ-губернатору» и «разъясненія его по сему предмету считаются окончательными и обжалованію не подлежатъ». Такимъ образомъ ничтожной кучкѣ людей въ силу одного лишь ея «русскаго происхожденія» дано право представительства, равносильное праву населенія цѣлаго города и, какъ бы для того, чтобы не оставить никакого сомнѣнія въ истинномъ смыслѣ такой привилегіи,

самый составъ этой кучки поставленъ въ полную зависимость отъ воли мѣстной администраціи.

Подобный же порядокъ установленъ для двухъ губерній сѣверо-западнаго края. Въ Виленской и Ковенской губерніяхъ «русскому населенію» предоставлено «отдѣльно отъ прочаго населенія избирать изъ общаго числа членовъ Государственной Думы, положенныхъ на данныя губерніи, двухъ членовъ Думы по Виленской губерніи и одного по Ковенской». Лицами русскаго происхожденія въ названныхъ губерніяхъ считаются православные, старообрядцы и лютеране, а «ближайшее опредѣленіе въ отдѣльныхъ случаяхъ, кто именно долженъ быть признаваемъ лицомъ русскаго происхожденія», отдано въ руки виленскаго генералъ-губернатора, при чемъ его разъясненія опять-таки «считаются окончательными и обжалованію не подлежатъ». Точно такъ же и въ Закавказьѣ «русское населеніе» должно отдѣльно отъ остальныхъ группъ населенія избрать одного члена Думы.

Сокращенію подверглось не только представительство окраинъ, но и самостоятельное представительство городовъ. По законамъ 6 августа и 11 декабря 1905 года 26 городовъ имперіи избирали депутатовъ въ Думу отдѣльно отъ населенія своихъ губерній. По Положенію 3 іюня это право осталось только за семью городами. Изъ нихъ въ двухъ, Варшавѣ и Лодзи, порядокъ выборовъ оставленъ старый, съ той оговоркой, впрочемъ, какая указана выше для Варшавы, въ остальныхъ же пяти—Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Ригѣ и Одессѣ—установлена новая система выборовъ. Двухстепенные выборы въ этихъ городахъ замѣнены прямыми, но при этомъ избиратели раздѣлены на двѣ куріи, изъ которыхъ каждая выбираетъ одинаковое количество депутатовъ. Соотвѣтственно этому число депутатовъ отъ городовъ вездѣ сдѣлано четнымъ: въ Петербургѣ и Москвѣ оно осталось старымъ—6 и 4, въ Кіевѣ, Одессѣ и Ригѣ прибавлено по одному депутату, и теперь эти три города могутъ избрать по два депутата каждый. Самыя куріи или разряды городскихъ избирателей построены на началѣ имущественнаго различія. Къ первому разряду отнесены: «1) лица, владѣющія въ предѣлахъ города на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія не менѣе года недвижимымъ имуществомъ, стоющимъ по оцѣнкѣ, опредѣленной для взиманія городского сбора: въ столицахъ—не менѣе 3.000 р., а въ остальныхъ городахъ 1.500 р.; 2) лица, владѣющія въ предѣлахъ города не менѣе года требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ: а) въ столицахъ—торговымъ перваго разряда, промышленнымъ одного изъ первыхъ трехъ разрядовъ или пароходнымъ, по содержанію котораго уплачивается не менѣе 500 р. въ годъ основного промысловаго налога, б) въ прочихъ городахъ—торговымъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, по содержанію котораго уплачивается не

менѣе 50 р. въ годъ основного промысловаго налога». Ко второму же разряду избирателей причислены мелкіе собственники, промышленники и торговцы, лица, имѣющія цензъ по своимъ личнымъ промысловымъ занятіямъ либо по государственной или общественной службѣ, плательщики квартирнаго налога и всѣ вообще квартиронаниматели. Такимъ образомъ половина представительства отъ названныхъ пяти городовъ отдана въ руки количественно немногочисленной крупной буржуазіи и только половина предоставлена всей остальной части городского населенія, пользующагося избирательнымъ цензомъ. Иначе говоря, Положеніе 3 іюня не только сократило самостоятельное представительство городовъ, но и приняло мѣры къ тому, чтобы обезпечить проведеніе въ Думу представителей крупной буржуазіи, ограничивъ въ пользу послѣдней избирательное право другихъ слоевъ городского населенія. Въ виду этого обстоятельства въ значительной степени утрачиваетъ свою важность и фактъ введенія прямыхъ выборовъ для депутатовъ перечисленныхъ пяти городовъ. Изъ 19 депутатовъ, которыхъ должны послать въ Думу непосредственно города, девять, считая въ томъ числѣ и одного представителя отъ Варшавы, должны быть избраны численно ничтожною, но богатою и властною частью городского населенія и лишь десять депутатовъ предоставлено выбрать болѣе широкимъ слоямъ городскихъ избирателей.

Нѣсколько иначе,—иначе, впрочемъ, не въ положительную сторону—стоитъ дѣло съ губернскими выборами. Въ не-окраинныхъ губерніяхъ число депутатовъ, посылаемыхъ ими въ Думу, не подверглось особенно серьезнымъ измѣненіямъ, но за то характеръ губернскаго представительства измѣненъ Положеніемъ 3 іюня еще болѣе круто и рѣшительно, чѣмъ характеръ самостоятельнаго представительства городовъ.

Въ губерніяхъ Положеніемъ 3 іюня сохранена прежняя система многостепенныхъ выборовъ. Сохранено и прежнее дѣленіе избирателей на разряды съ соотвѣтствующими съѣздами—крестьянъ, землевладѣльцевъ, горожанъ и рабочихъ, при чемъ избранные этими съѣздами выборщики объединяются только въ губернскомъ избирательномъ собраніи. Но въ двухъ губерніяхъ (Астраханской и Оренбургской) и въ области Войска Донского къ этимъ разрядамъ прибавленъ еще одинъ въ видѣ самостоятельныхъ выборныхъ отъ казачьихъ станицъ. Разрядъ же горожанъ въ свою очередь разбитъ на два разряда, имѣющіе особые съѣзды. Въ первый разрядъ отнесены: «1) лица, владѣющія не менѣе года въ предѣлахъ городскихъ поселеній уѣзда на правѣ собственности или пожизненнаго владѣнія недвижимымъ имуществомъ, стоющимъ по оцѣнкѣ, опредѣленной для взиманія земскаго или городского сбора: въ городахъ губернскихъ, областныхъ или входящихъ въ составъ градоначальствъ, а равно въ тѣхъ, населеніе коихъ превышаетъ двадцать тысячъ душъ,—не менѣе 1.000 р., а въ остальныхъ городскихъ

поселеніяхъ—не менѣе 300 р., и 2) лица, не менѣе года владѣющія въ предѣлахъ уѣзда требующимъ выборки промысловаго свидѣтельства торгово-промышленнымъ предпріятіемъ: торговымъ — одного изъ первыхъ двухъ разрядовъ, промышленнымъ—одного изъ первыхъ пяти разрядовъ или пароходнымъ, съ котораго уплачивается основного промысловаго налога не менѣе 50 р. въ годъ». Второй разрядъ составляютъ мелкіе собственники, торговцы и промышленники, плательщики квартирнаго налога и основнаго промысловаго налога на личныя промышленныя занятія, служащіе въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ и квартиронаниматели.

Всѣ эти разряды избирателей обращены теперь въ особыя избирательныя куріи. Въ то время, какъ законы 6 августа и 11 декабря 1905 года только крестьянамъ предоставили право отъ каждой губерніи посылать въ Думу особаго депутата, избраннаго изъ состава крестьянскихъ выборщиковъ, Положеніе 3 іюня распространило аналогичное право на всѣ разряды избирателей въ губерніяхъ. Для крестьянъ и землевладѣльцевъ такое право имѣется во всѣхъ губерніяхъ, казакамъ оно дано въ двухъ названныхъ выше губерніяхъ и въ Области Войска Донского, рабочимъ—въ шести губерніяхъ. Что касается горожанъ, то въ 25 губерніяхъ избирается одинъ представитель отъ обоихъ разрядовъ городскихъ избирателей, а въ остальныхъ губерніяхъ, управляемыхъ по общему учрежденію, кромѣ Ставропольской, и въ Области Войска Донского—по одному представителю отъ каждаго разряда. Въ этомъ, очевидно, и надо усматривать проявленіе указаннаго въ манифестѣ 3 іюня принципа,—«дабы каждая часть народа имѣла въ Думѣ своихъ избранниковъ».

Однако и принципъ сословнаго и классового представительства не проводится положеніемъ 3 іюня въ полной чистотѣ. Законы 6 августа и 11 декабря 1905 г., установивъ право крестьянъ посылать особаго депутата въ Думу отъ крестьянской куріи, вполнѣ послѣдовательно отдали и избраніе этого депутата исключительно въ руки крестьянскихъ выборщиковъ. Совершенно иной порядокъ установленъ Положеніемъ 3 іюня. Согласно этому Положенію, депутаты отъ отдѣльныхъ разрядовъ избирателей должны выбираться изъ числа выборщиковъ того разряда, къ которому они принадлежатъ, но выбирать ихъ должны не одни только эти выборщики, а все губернское избирательное собраніе. Послѣднее въ полномъ своемъ составѣ сперва выбираетъ депутатовъ отъ отдѣльныхъ разрядовъ, а затѣмъ и извѣстное количество общихъ депутатовъ, положенное на данную губернію. Такимъ образомъ, хотя значительное количество депутатовъ, по Положенію 3 іюня, является представителями обособленныхъ классовыхъ группъ, но избраніе этихъ депутатовъ производится не выборщиками лишь опредѣленныхъ группъ, а всѣмъ губернскимъ избирательнымъ собраніемъ. Легко

видѣть, какое громадное значеніе пріобрѣтаетъ въ такихъ условіяхъ вопросъ о томъ, кому принадлежитъ большинство выборщиковъ въ губернскихъ избирательныхъ собраніяхъ. Тѣ группы, въ рукахъ которыхъ оказывается такое большинство, при порядкѣ, установленномъ Положеніемъ 3 іюня, обладаютъ возможностью не только поставить въ Думу депутатовъ отъ себя и отъ всей губерніи, но и выбрать депутатовъ отъ всѣхъ другихъ группъ. Подъ прозрачнымъ покровомъ мнимаго равенства представительства этотъ порядокъ скрываетъ безусловное господство однѣхъ группъ населенія надъ другими. Кому же предназначено такое господство?

При дѣйствіи избирательныхъ законовъ 6 августа и 11 декабря 1905 г. крестьянство играло въ выборахъ Думы хотя и слишкомъ скромную по сравненію съ его дѣйствительнымъ значеніемъ въ русской жизни, но все же довольно видную роль. «Будучи и по численности, и по размѣру ценза наиболѣе сильной группой избирателей, крестьянство должно быть сильно представлено въ Думѣ—говорилось въ меморіи совѣта министровъ, посвященной выработкѣ закона 6 августа.—Безъ крестьянъ Дума такого, по преимуществу крестьянскаго, государства, какъ Россія, совершенно немыслима». И далѣе въ томъ же документѣ указывалось, что участіе крестьянъ въ Думѣ представляется особенно необходимымъ, «разъ ей поручается обсужденіе бюджета и связанныхъ съ нимъ вопросовъ о налоговомъ бремени, такъ какъ именно крестьянское населеніе въ своей массѣ является главною платежною силой». Тогда правительство еще разсчитывало найти въ крестьянствѣ, рисовавшемся ему сплошною невѣжественною массой, опору для своей политики. Теперь, когда горькая дѣйствительность заставила его понять всю безплодность этихъ разсчетовъ, Положеніе 3 іюня рѣшительно пошло по тому пути, первые этапы котораго были намѣчены, послѣ опыта крестьянскаго представительства въ первой Думѣ, сенатскими разъясненіями конца прошлаго и начала настоящаго года.

Общее число крестьянскихъ выборщиковъ въ 51 губерніяхъ Европейской Россіи, безъ Кавказа и Царства Польскаго, и въ двухъ сибирскихъ (Тобольской и Томской), благодаря вновь установленному росписанію выборщиковъ, сократилось теперь съ прежняго количества 2.654 до 1.160. Но эта абсолютная цифра говоритъ еще слишкомъ мало. Гораздо болѣе краснорѣчивы цифры относительныя. По старому росписанію крестьянскіе выборщики составляли 43% всего числа выборщиковъ въ губерніяхъ, по новому они составляютъ лишь 22% этого числа. За то выборщики отъ землевладѣльцевъ, по старому росписанію составлявшіе лишь 31% всего числа выборщиковъ въ губерніяхъ, теперь составляютъ 50,4% этого числа. Складывающаяся такимъ образомъ картина выступитъ въ еще болѣе яркомъ свѣтѣ, если принять во вниманіе, что количество выборщиковъ отъ рабочихъ въ губерніяхъ по но-

вому росписанію сокращено почти вдвое, съ 211 до 112, а среди горожанъ первый разрядъ—курія крупной буржуазіи—имѣетъ безусловный перевѣсъ надъ вторымъ, получая на свою долю въ 53 губерніяхъ 745 выборщиковъ, тогда какъ второму разряду предоставлено всего 590 выборщиковъ, при чемъ это отношеніе двухъ разрядовъ сохраняется безъ исключенія въ каждой изъ названныхъ губерній.

При дѣйствіи стараго избирательнаго закона крестьянскіе выборщики имѣли на своей сторонѣ большинство въ 16 губерніяхъ, выборщики отъ землевладѣльцевъ—только въ двухъ губерніяхъ изъ 53-хъ. При новомъ росписаніи крестьянскіе выборщики не имѣютъ большинства ни въ одной изъ этихъ 53 губерній, за то выборщики отъ землевладѣльцевъ имѣютъ абсолютное преобладаніе надъ всѣми остальными въ 28 губерніяхъ и въ 4 губерніяхъ составляютъ половину всего числа выборщиковъ; наконецъ, во всѣхъ 53 губерніяхъ выборщики отъ землевладѣльцевъ и отъ перваго разряда городскихъ избирателей, взятые вмѣстѣ, составляютъ рѣшительное большинство надъ выборщиками всѣхъ остальныхъ группъ. По отдѣльнымъ губерніямъ эта перемѣна отношеній вырисовывается, пожалуй, еще съ большею рѣзкостью и отчетливостью. Вотъ нѣсколько примѣровъ такой перемѣны:

Губерніи:	*всего выборщиковъ:*		*отъ крестьянъ:*		*отъ землевладѣльцевъ:*		*отъ горожанъ:*			*отъ рабочихъ:*	
	было	теперь	было	теперь	было	теперь	было	теперь 1 разр.	теперь 2 разр.	было	теперь
Владимірская . .	108	89	26	13	18	38	48	18	14	16	6
Вологодская . . .	80	75	46	19	21	32	13	13	11	—	—
Вятская	204	109	148	23	18	53	34	17	12	4	4
Обл. Войск. Дон. .	183	142	93	31 *)	47	79	37	18	11	6	3
Екатеринославская	142	108	34	18	38	62	63	15	9	7	4
Казанская	141	117	98	33	23	50	18	18	14	2	2
Курская	153	137	78	31	44	71	28	17	16	3	2
Олонецкая	50	60	27	17	9	26	14	9	8	—	—
Подольская . . .	199	150	82	42	76	76	37	16	14	4	2
Самарская	181	133	97	33	52	76	31	13	8	1	1
Саратовская . . .	154	127	64	27	51	68	35	18	12	4	2
Тамбовская. . . .	183	125	92	26	62	70	26	14	13	3	2

Въ общемъ такимъ образомъ въ представительствѣ отъ губерній безусловно главенствующая роль отдана въ руки землевладѣльцевъ и крупной буржуазіи, а въ большинствѣ губерній—даже въ руки однихъ землевладѣльцевъ. И эти группы, благодаря вновь установленному порядку выборовъ, не только обладаютъ прочнымъ большинствомъ, долженствующимъ обезпечить имъ безусловную возможность проведенія ихъ кандидатовъ на общихъ выборахъ, но и могутъ еще сверхъ того оказывать могущественное вліяніе на вы-

*) Въ этой цифрѣ соединены выборщики отъ волостей и станицъ.

боры специальныхъ представителей отъ другихъ группъ, подбирая среди послѣднихъ наиболѣе желательныхъ для себя кандидатовъ.

Отмѣчая эту наиболѣе характерную черту вновь создаваемаго порядка выборовъ, нельзя пройти безъ вниманія и еще одно обстоятельство: законы 6 августа и 11 декабря 1905 г. допускали возможность существованія нѣсколькихъ голосовъ у одного избирателя: одно и то же лицо. обладая имущественнымъ цензомъ въ различныхъ мѣстностяхъ или въ разныхъ группахъ избирателей, могло и подавать свой голосъ на выборахъ въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ и въ нѣсколькихъ разрядахъ. Позднѣе сенатскія разъясненія уничтожили такое право для крестьянъ и рабочихъ, выключивъ первыхъ изъ разряда землевладѣльцевъ и вторыхъ изъ разряда квартиронанимателей, но за остальными группами населенія оно осталось. Теперь положеніе 3 іюня устанавливаетъ общій принципъ, согласно которому «никто не можетъ имѣть на выборахъ болѣе одного голоса». Однако этотъ общій принципъ находитъ себѣ различное примѣненіе по отношенію къ разнымъ группамъ избирателей. Вообще избирателямъ, обладающимъ различными избирательными цензами, предоставляется «осуществлять свое право на участіе въ выборахъ въ съѣздѣ или разрядѣ, ими избранномъ». Но изъ этого правила установлены два крупныхъ изъятія. Согласно одному изъ нихъ, «лица, принадлежащія къ составу сельскихъ и волостныхъ обществъ уѣзда, не подлежатъ внесенію въ списки землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей по сему уѣзду, хотя бы и владѣли установленнымъ для того цензомъ». Согласно другому, рабочіе, обладающіе правомъ голоса въ рабочей куріи, «не подлежатъ внесенію въ избирательные списки по съѣздамъ землевладѣльцевъ и городскихъ избирателей, хотя бы и владѣли установленнымъ для того цензомъ, а равно не участвуютъ въ избраніи уполномоченныхъ отъ волостныхъ сходовъ и станичныхъ сборовъ». Такимъ образомъ крестьяне и рабочіе поставлены въ совершенно обособленное положеніе и тщательно отдѣлены отъ землевладѣльцевъ и горожанъ, равно какъ и другъ отъ друга. Въ свою очередь тѣ землевладѣльцы, для которыхъ Положеніе 3 іюня создаетъ такую привилегированную позицію, подчиняя ихъ интересамъ и ихъ волѣ чуть не весь механизмъ выборовъ въ Думу, представляютъ собою даже не весь классъ землевладѣльцевъ въ полномъ его составѣ, а исключительно однихъ помѣщиковъ.

Не довольствуясь всѣми этими преградами, поставленными передъ представительствомъ крестьянъ, авторы Положенія 3 іюня позаботились опутать ослабленное въ числѣ крестьянское представительство еще и другими ограниченіями, частью заимствованными изъ сенатскихъ разъясненій, частью созданными на-ново. Уполномоченные отъ волостей — говоритъ 37 статья Положенія 3 іюня, повторяя соотвѣтствующее сенатское разъясненіе, — «избираются волостными сходами изъ числа крестьянъ-домохозяевъ, принадле-

жащихъ къ составу данной волости или приписанныхъ къ ней, которые, владѣя въ предѣлахъ волости надѣльной или пріобрѣтенной въ собственность землей и проживая въ ней не менѣе одного года, лично ведутъ хозяйство». Такое же правило установлено и для уполномоченныхъ отъ казачьихъ станицъ. Съ другой стороны, ст. 83 Положенія предупреждаетъ, что «избраніе уполномоченныхъ отъ волостей и станицъ въ избирательные съѣзды производится наличнымъ составомъ выборныхъ отъ сельскихъ и станичныхъ обществъ, избранныхъ для рѣшенія текущихъ дѣлъ», т. е., иначе говоря, лишаетъ крестьянъ и казаковъ принадлежавшаго имъ раньше права передъ выборами въ Думу переизбрать составъ волостныхъ сходовъ и станичныхъ сборовъ.

Передавая избирательное право въ руки помѣщиковъ и крупной буржуазіи и всячески ограничивая пользованіе этимъ правомъ со стороны болѣе широкихъ массъ населенія, авторы Положенія 3 іюня вмѣстѣ съ тѣмъ постарались создать для администраціи новые способы возможно болѣе непосредственнаго вліянія на выборы среди всѣхъ безъ исключенія разрядовъ избирателей. По прежнимъ избирательнымъ законамъ съѣздъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ не могъ быть раздѣленъ совершенно, предварительные же съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ могли быть раздѣляемы только «по мѣстнымъ удобствамъ» и по распоряженію уѣздныхъ коммиссій по дѣламъ о выборахъ. Теперь же Положеніе 3 іюня предоставляетъ усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ раздѣлять и предварительные съѣзды, и съѣзды уѣздныхъ землевладѣльцевъ на отдѣленія по мѣстностямъ уѣзда и разрядамъ избирателей соотвѣтственно роду имѣющагося у нихъ ценза и по національностямъ избирателей. Положенное на съѣздѣ число выборщиковъ распредѣляется между отдѣленіями въ первомъ случаѣ соотвѣтственно общей площади земли и оцѣночной стоимости иного недвижимаго имущества, принадлежащихъ лицамъ, имѣющимъ участіе въ каждомъ отдѣленіи съѣзда, а во второмъ случаѣ—въ соотвѣтствіи съ общей площадью частной земельной собственности, состоящей во владѣніи лицъ каждой національности. Подобнымъ же образомъ могутъ быть раздѣляемы и съѣзды городскихъ избирателей. Наконецъ, и съѣзды уполномоченныхъ отъ волостей «въ уѣздахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, могутъ быть раздѣлены по національностямъ, съ распредѣленіемъ между ними выборщиковъ въ соотвѣтствіи съ числомъ уполномоченныхъ, входящихъ въ составъ каждаго отдѣленія». Не трудно представить себѣ, какіе богатые узоры могутъ быть вышиты по этой канвѣ такими изобрѣтательными мастерами избирательной техники, какимъ показалъ себя въ минувшую выборную кампанію хотя бы г. Крыжановскій.

Расширило Положеніе 3 іюня полномочія администраціи и въ другомъ направленіи—въ смыслѣ вліянія на предвыборную агита-

цію. По закону 11 декабря 1905 г. и по временнымъ правиламъ о собраніяхъ, изданнымъ 4 марта 1906 г., командированный на подготовительное собраніе избирателей представитель администраціи долженъ въ случаѣ нарушенія порядка немедленно принять мѣры къ его возобновленію и «если послѣ двукратнаго предупрежденія порядокъ въ собраніи не будетъ возстановленъ, то надзирающій за порядкомъ въ немъ обязанъ распорядиться закрытіемъ собранія». Согласно же Положенію 3 іюня, «начальнику мѣстной полиціи предоставляется назначать для присутствія въ подготовительныхъ собраніяхъ избирателей одного изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ, по требованію котораго собраніе должно быть немедленно закрыто». При этомъ собранія «могутъ быть закрываемы полиціей только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда собраніе явно отклонится отъ предмета его занятій; 2) когда въ собраніи высказываются сужденія, возбуждающія вражду одной части населенія противъ другой; 3) когда въ собраніи производятся неразрѣшенные денежные сборы; 4) когда въ немъ оказываются лица, въ собранія не допускаемыя, и лица эти не покинутъ собранія или не будутъ изъ него удалены, и 5) когда нарушенъ порядокъ собранія мятежными возгласами, либо заявленіями, восхваленіемъ либо оправданіемъ преступленій, возбужденіемъ къ насилію либо неповиновенію властямъ, или же распространеніемъ преступныхъ воззваній либо изданій и, вслѣдствіе того, собраніе приняло характеръ, угрожающій общественнымъ спокойствію и безопасности». Иными словами, полиція можетъ всегда, когда ей угодно, закрыть любое предвыборное собраніе, и при томъ даже безъ пресловутыхъ «предупрежденій», до сихъ поръ игравшихъ на этихъ собраніяхъ своеобразную роль символическихъ «конституціонныхъ гарантій».

Таковы наиболѣе существенныя черты вновь устанавливаемаго Положеніемъ 3 іюня порядка выборовъ въ Государственную Думу. Полторагода тому назадъ манифестъ 17 октября, поручая правительству «даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы», вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ «привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости оставшагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе началъ общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку». Законъ 11 декабря и явился шагомъ въ сторону расширенія избирательнаго права, правда, шагомъ въ высшей степени осторожнымъ, неувѣреннымъ и недостаточнымъ. Но уже при выборахъ второй Думы сдѣланныя уступки были въ значительной мѣрѣ взяты назадъ. Когда же опытъ второй Думы наглядно показалъ правительству, что сенатскихъ разъясненій и административныхъ репрессій еще недостаточно для того, чтобы получить «послушную» Думу, оно рѣшилось пойти дальше и, самымъ недвусмысленныхъ образомъ отбросивъ всѣ тор-

жественныя обѣщанія манифеста 17 октября, въ корень измѣнило избирательные законы 6 августа и 11 декабря 1905 г., только не въ сторону «дальнѣйшаго развитія общаго избирательнаго права», а въ прямо противоположномъ направленіи. Не имѣя пока возможности, въ виду своихъ финансовыхъ затрудненій, совершенно уничтожить Думу, такъ какъ въ данный моментъ это могло бы черезчуръ сильно отозваться на его заграничномъ кредитѣ, правительство предприняло по крайней мѣрѣ радикальное измѣненіе ея характера. На мѣсто неправильнаго и несовершеннаго представительства болѣе или менѣе широкихъ массъ, какое было создано прежними избирательными законами, теперь поставлено уже совершенно извращенное представительство, въ конечномъ итогѣ сводящееся къ избранію подавляющаго большинства представителей голосами помѣщиковъ и крупной буржуазіи. Отъ этихъ соціальныхъ группъ, поддерживаемыхъ и поощряемыхъ благосклоннымъ содѣйствіемъ администраціи, правительство ожидаетъ новой не только по составу, но и по характеру Думы, «истинно русской» и вполнѣ послушной. И въ этой новой Думѣ, по счету уже третьей, депутаты тѣхъ 130 тысячъ помѣщиковъ, о «культурѣ» которыхъ съ такимъ чувствомъ и паѳосомъ распространялся во второй Думѣ г. Столыпинъ, должны будутъ, по плану правительства, говорить отъ имени всего многомилліоннаго народа, подмѣнивая его нужды и интересы своими собственными.

Не трудно представить себѣ и характеръ тѣхъ услугъ, которыхъ ожидаетъ отъ этихъ будущихъ депутатовъ правительство и которыми долженъ будетъ опредѣлиться дальнѣйшій этапъ проходимаго имъ пути. Недаромъ, въ самомъ дѣлѣ, министръ юстиціи Щегловитовъ въ послѣдніе дни существованія второй Думы такъ настойчиво подчеркивалъ въ своихъ рѣчахъ «самодержавный» характеръ верховной власти въ Россіи, хотя это подчеркиваніе и шокировало людей, привыкшихъ къ мысли о существованіи у насъ конституціи. Недаромъ и гр. Витте, полтора года назадъ въ дни пребыванія у власти выступившій съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о необходимости немедленнаго водворенія въ Россіи «правового строя на почвѣ гражданской свободы», теперь безъ видимой серьезной причины помѣщаетъ въ газетахъ заявленіе, что «единственный судья» его государственной дѣятельности «есть русскій Самодержавный Государь Императоръ», которому онъ, гр. Витте, «всегда былъ, есть и до гроба пребудетъ вѣрноподданнымъ слугою». Недаромъ, наконецъ, съ еще большею откровенностью становятся на тотъ же самый путь торопливыхъ и недвусмысленныхъ заявленій и рядовые слуги бюрократіи, вродѣ товарища оберъ-прокурора Залѣскаго, при слушаніи одного процесса заявившаго недавно въ сенатѣ, что «въ Россіи и послѣ 17 октября строй остался тотъ же и въ объемѣ монаршей власти измѣненій не произошло», или издателя «Новаго Времени», еще такъ не-

давно восхвалявшаго въ своей газетѣ нашу «конституцію», а теперь радостно констатирующаго, что зданіе русской конституціи оказалось построеннымъ на пескѣ. Сопоставляя всѣ эти заявленія и признанія, не мудрено угадать, какого рода разсчеты и ожиданія связываются въ правительственныхъ сферахъ съ новымъ опытомъ политическаго строительства, предпринятымъ въ разрѣзъ съ обѣщаніями манифеста 17 октября. Не приходится, конечно, удивляться и обнаруженію такихъ разсчетовъ: передъ нами лишь новый и болѣе смѣлый шагъ правительства на пути, по которому оно идетъ уже давно, и самая смѣлость этого шага позволяетъ разсчетамъ, таившимся въ нѣдрахъ реакціи, проявляться яснѣе и откровеннѣе, чѣмъ это возможно было раньше.

Съ другой стороны, неудивительно, конечно, и то, что новый опытъ въ дѣлѣ успокоенія страны по старому рецепту уменьшенія правъ народа на первыхъ же порахъ сопровождается новымъ потокомъ репрессивныхъ мѣръ. Ни на одинъ день не прекращавшіяся за все время думскихъ засѣданій, репрессіи послѣ роспуска Думы приняли еще болѣе ожесточенный характеръ. Въ Петербургѣ, гдѣ уже къ 31 мая, по сообщеніямъ газетъ, въ тюрьмахъ сидѣло 5.580 человѣкъ, съ роспускомъ Думы цифра арестованныхъ сильно выросла. Въ первые же дни послѣ роспуска было арестовано значительное число членовъ соціалъ-демократической фракціи второй Думы и нѣсколько трудовиковъ и соціалъ-демократовъ изъ числа бывшихъ членовъ первой Думы. Одновременно съ этимъ были арестованы сотни обывателей, непричастныхъ къ думской дѣятельности. То же самое происходитъ и въ провинціи. Волна обысковъ, арестовъ и высылокъ идетъ по всей странѣ, все возрастая въ своемъ размѣрѣ и разрушая тысячи человѣческихъ существованій. Вновь участились и случаи смертной казни. Нѣтъ уже, правда, военно-полевыхъ судовъ, но ихъ роль съ успѣхомъ выполняютъ суды военно-окружные, и, благодаря ихъ дѣятельности, газеты опять ежедневно пестрятъ сообщеніями о новыхъ и новыхъ смертныхъ приговорахъ, о новыхъ и новыхъ казняхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ рядѣ мѣстностей вновь расширены полномочія мѣстныхъ властей въ дѣлѣ наблюденія за населеніемъ и наложенія на него каръ. Особымъ указомъ, изданнымъ 3 іюня, архангельскому, вологодскому, новгородскому, олонецкому, псковскому, рязанскому, смоленскому, тверскому и ярославскому губернаторамъ, «въ видѣ временной мѣры, срокомъ на одинъ годъ», предоставлено право издавать «обязательныя постановленія по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія государственнаго порядка и общественной безопасности», устанавливать за нарушеніе этихъ постановленій взысканія не выше трехмѣсячнаго ареста или штрафа въ 500 р. и разрѣшать дѣла о такихъ нарушеніяхъ въ административномъ порядкѣ. Во всѣхъ другихъ губерніяхъ, благодаря дѣйствующимъ въ нихъ разнаго рода исключительнымъ положеніямъ, аналогичное

право находится въ рукахъ губернаторовъ въ еще большемъ размѣрѣ. Но съ роспускомъ Думы правительство, очевидно, признало нужнымъ распространить благодѣянія административнаго законодательства и на тѣ губерніи, которыя пока еще остаются внѣ сферы дѣйствія исключительныхъ положеній.

Въ прямой связи съ новымъ шагомъ, предпринятымъ правительствомъ, въ этомъ законодательствѣ мѣстныхъ администраторовъ особое вниманіе удѣлено печати. Петербургскій градоначальникъ передъ самымъ роспускомъ Думы издалъ постановленіе, карающее штрафомъ до 3,000 р. либо заключеніемъ въ тюрьмѣ или крѣпости или арестомъ до 3 мѣсяцевъ «обнародованіе, распространеніе или сообщеніе фактовъ вымышленныхъ, не соотвѣтствующихъ дѣйствительности, благодаря неправильному освѣщенію ихъ, или вообще фактовъ въ искаженномъ видѣ, могущихъ повлечь за собою возбужденіе къ безпорядку среди населенія». 2 іюня, въ день послѣдняго засѣданія Думы, петербургскій губернаторъ въ свою очередь издалъ обязательное постановленіе, которымъ подъ страхомъ штрафа до 3,000 рублей или тюрьмы либо ареста до 3 мѣсяцевъ воспрещается: «оглашеніе или публичное распространеніе какихъ-либо статей или иныхъ сообщеній, возбуждающихъ враждебное отношеніе къ правительству», «распространеніе произведеній печати, подвергнутыхъ аресту установленнымъ въ законѣ порядкомъ», «всякаго рода публичное восхваленіе преступнаго дѣянія, равно какъ распространеніе или публичное выставленіе сочиненія либо изображенія, восхваляющихъ такое дѣяніе», и «оглашеніе или публичное распространеніе: а) ложныхъ о дѣятельности правительственнаго установленія или должностного лица, войска или воинской части свѣдѣній, возбуждающихъ въ населеніи враждебное къ нимъ отношеніе, и б) ложныхъ, возбуждающихъ общественную тревогу, слуховъ о правительственномъ распоряженіи, общественномъ бѣдствіи или иномъ событіи». И, хотя это постановленіе заключало въ себѣ, между прочимъ, возстановленіе отвергнутаго Думой и признаннаго со стороны правительства потерявшимъ силу временнаго закона, въ ближайшіе же дни, по словамъ газетъ, въ министерство внутреннихъ дѣлъ поступило около тридцати копій съ изданныхъ въ различныхъ городахъ и губерніяхъ обязательныхъ постановленій, однородныхъ по своему содержанію съ постановленіемъ петербургскаго губернатора. Едва-ли такое совпаденіе вкусовъ мѣстныхъ законодателей является совершенно случайнымъ и въ виду его не трудно, пожалуй, повѣрить газетному сообщенію, будто г. Столыпинъ въ ближайшемъ будущемъ намѣренъ воздержаться отъ пользованія 87 статьею основныхъ законовъ для своей законодательной дѣятельности во время отсутствія Думы. Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, трудиться вырабатывать въ законодательномъ порядкѣ тѣ или иныя мѣры, которыя затѣмъ, чего добраго, могутъ быть, пожалуй, отвергнуты даже

послушной Думой, когда такія же мѣры можно принять въ административномъ порядкѣ, вполнѣ надежно застрахованномъ отъ всякаго воздѣйствія со стороны? Къ слову сказать, въ этой любопытной позиціи заключается лишнее, но, къ сожалѣнію, уже запоздалое, поученіе для тѣхъ наивныхъ людей, которые разсчитывали въ законодательной, и въ одной только законодательной, дѣятельности Думы найти могущественное орудіе борьбы съ существующимъ порядкомъ.

Законы противъ печати, изданные мѣстными администраторами, не остались мертвой буквой. Въ первые же дни, послѣдовавшіе за роспускомъ Думы, на органы независимой прессы обрушился рядъ болѣе или менѣе тяжелыхъ каръ. Въ Петербургѣ редакторъ «Рѣчи» и «Реформы» привлеченъ къ суду по 128 ст. угол. ул., редакторъ «Товарища» оштрафованъ на 1,000 руб. Въ Москвѣ ни одной газетѣ, кромѣ черносотенныхъ, не удалось избѣжать штрафа. Въ теченіе только трехъ дней генералъ-губернаторъ Гершельманъ умудрился собрать въ казну съ газетъ 10,000 руб. Одинъ «Парусъ» въ теченіе четырехъ дней долженъ былъ заплатить 7,000 р. штрафа, и пайщики газеты, не вынеся такихъ расходовъ и не видя возможности приспособиться къ вновь установившимся условіямъ издательскаго дѣла, рѣшили временно прекратить ее. Въ другихъ городахъ положеніе печати оказалось не лучше. 8 іюня телеграфъ, между прочимъ, принесъ такое извѣстіе: «редакторъ-издательница «Сызранскаго Утра» Журавлева оштрафована губернаторомъ за напечатаніе ложныхъ, возбуждающихъ статей на 500 руб.; въ случаѣ невзноса Журавлева немедленно подвергнется аресту на 3 мѣсяца». На другой день телеграмма изъ Самары гласила: «третій день на основаніи обязательнаго постановленія конфискуется «Волжское Слово», а телеграмма изъ Витебска сообщала: «закрытъ «Витебскій Голосъ»; типографія газеты запечатана, редакторъ Васильевъ по распоряженію губернатора заключенъ на три мѣсяца въ тюрьму за статьи по поводу роспуска Думы». Подобныя же вѣсти въ теченіе нѣсколькихъ дней приходили изъ многихъ другихъ провинціальныхъ городовъ. По подсчету «Товарища», за 2 недѣли, съ 3 по 16 іюня, на 26 газетъ наложены денежныя взысканія, за невнесеніе штрафа 4 редактора арестованы и заключены въ тюрьму, кромѣ того 2 редактора арестованы по литературнымъ дѣламъ, еще 2 высланы изъ Риги на время военнаго положенія въ этомъ городѣ и, наконецъ, 22 газеты пріостановлены изданіемъ *).

Весь этотъ ливень каръ не остался безъ результатовъ. Уцѣлѣвшіе органы и столичной, и провинціальной печати, почти совершенно задавленные собравшейся надъ ними грозою, крайне слабо реагируютъ на событія 3 іюня и оффиціозная пресса уже готова видѣть въ этомъ благопріятный симптомъ. Но задавить печать легче, чѣмъ

---

*) „Товарищъ", 19 іюня.

остановить жизнь, и въ концѣ концовъ отношеніе населенія къ новому шагу, совершенному правительствомъ 3 іюня, опредѣлится не одной только силой репрессій, пущенныхъ въ ходъ правительствомъ.

На крайнемъ правомъ флангѣ нашего общества, среди пресловутаго «союза русскаго народа», столь близкаго къ правительственнымъ сферамъ, царитъ, конечно, великая радость по поводу событія 3 іюня. Въ газетахъ, между прочимъ, опубликована нижеслѣдующая телеграмма съ которою г. Дубровинъ, предсѣдатель союза русскаго народа обратился къ главѣ верховной власти въ Россіи.

„Его Императорскому Величеству
Государю Императору Самодержцу Всероссійскому.

„Слезы умиленія и радости мѣшаютъ намъ выразить въ полной мѣрѣ чувства, охватившія насъ при чтеніи Твоего, Государь, манифеста, Державнымъ словомъ положившаго конецъ существованію преступной государственной думы. Усердно молимъ Всевышняго, да даруетъ онъ Тебѣ силу и крѣпость въ Твоемъ служеніи Родинѣ, да ниспошлетъ онъ здоровье и счастье Тебѣ и Твоей Царской семьѣ. Мы непоколебимо вѣримъ, что подъ Твоимъ Державнымъ водительствомъ наша бѣдная, изстрадавшаяся Родина выйдетъ побѣдительницей изъ всѣхъ бѣдъ и напастей, что былая мощь и слава Россіи снова возсіяетъ прежнимъ немеркнущимъ блескомъ, что заговоры и ковы враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ не страшны намъ, пока русскій народъ будетъ охраняемъ своимъ Богоданнымъ Неограниченнымъ Самодержцемъ. Вѣрь, Государь, мы всѣ, Русскіе люди, готовы идти за Тобой, мы приложимъ всѣ наши силы, дабы по слову Твоему явиться твердымъ оплотомъ крѣпости, величія и славы Россіи, и не пожалѣемъ ни жизни, ни имущества на защиту нашего обожаемаго Государя.
Предсѣдатель союза русскаго народа Александръ Дубровинъ“.

На эту телеграмму г. Дубровинъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

„Передайте всѣмъ предсѣдателямъ отдѣловъ и всѣмъ членамъ союза русскаго народа, приславшимъ мнѣ изъявленія одушевляющихъ ихъ чувствъ, Мою сердечную благодарность за ихъ преданность и готовность служить престолу и благу дорогой родины. Увѣренъ, что теперь всѣ истинно-вѣрные и русскіе беззавѣтно любящіе свое отечество сыны сплотятся еще тѣснѣе и, постоянно умножая свои ряды, помогутъ Мнѣ достичь мирнаго обновленія нашей святой и великой Россіи и усовершенствованія быта великаго ея народа. Да будетъ же Мнѣ союзъ русскаго народа надежной опорой, служа для всѣхъ и во всемъ примѣромъ законности и порядка.
Николай“.

«Враги упрекали насъ до сихъ поръ — писали вслѣдъ за опубликованіемъ этихъ телеграммъ «Московскія Вѣдомости» — въ томъ, будто бы мы дѣйствуемъ самовольно и тѣмъ сами становимся на «революціонную почву»!.. Лживость этихъ обвиненій, имѣющихъ цѣлью обезоружить русскій народъ и тѣмъ обезсилить Самого Царя, теперь въ корнѣ изобличена и опровергнута словомъ Самого Самодержца. Государь Императоръ не только благодаритъ за такую готовность союза русскаго народа самостоятельно бороться противъ

враговъ Царя и Россіи, но выражаетъ увѣренность, что русскіе, желающіе быть вѣрными сынами отечества, сплотятся еще тѣснѣе и что ряды ихъ будутъ постоянно умножаться. Нашъ возлюбленный Государь Императоръ такимъ образомъ прямо призываетъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи присоединяться къ союзу русскаго народа для умноженія его рядовъ. Мы обращаемъ особое вниманіе русскихъ патріотовъ на этотъ Царскій призывъ. Доселѣ присоединеніе къ союзу русскаго народа было только дѣломъ личнаго свободнаго убѣжденія, и нѣкоторые даже сомнѣвались, будетъ ли это согласно съ волею Государя. Отнынѣ такое присоединеніе становится долгомъ вѣрноподданнаго, какъ обязательный для него откликъ на Царскій призывъ» *). Сколько мнѣ извѣстно, этотъ комментарій московской газеты не вызвалъ никакого опроверженія со стороны правительственныхъ круговъ.

По слѣдамъ г. Дубровина пошелъ и гр. Бобринскій, который въ качествѣ предсѣдателя старшинъ «клуба умѣренныхъ и правыхъ» также отправилъ на высочайшее имя телеграмму и также удостоился получить за нее благодарность. «Общее собраніе членовъ клуба умѣренныхъ и правыхъ — говорилось въ этой телеграммѣ—пріемлетъ смѣлость повергнуть къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества одушевляющія ихъ чувства по поводу манифеста 3 іюня. Съ новыми силами члены общаго собранія, въ сознаніи всего значенія лежащаго на нихъ долга, приступятъ къ отвѣтственной работѣ на мѣстахъ по созданію третьей Думы и устроенію Россіи въ тѣсномъ неразрывномъ единеніи съ Вами, Государь, на началахъ, возвѣщенныхъ съ высоты трона Русскаго Самодержца».

И «союзъ русскаго народа», и объединенные «умѣренные и правые» въ настоящее время готовятся принять дѣятельное участіе въ выборахъ третьей Думы. Изъ приведенныхъ документовъ можно съ достаточною ясностью видѣть, какого рода цѣли ставятъ себѣ эти организаціи въ выборной борьбѣ и въ самой Думѣ и какъ близко эти цѣли совпадаютъ съ тѣми ожиданіями и разсчетами, о которыхъ мнѣ приходилось упоминать выше.

Съ нѣсколько большею стыдливостью, но за то и съ гораздо меньшею откровенностью опредѣляетъ свое отношеніе къ событіямъ «союзъ 17 октября». Октябристы и въ нынѣшній критическій моментъ, казалось бы, неизбѣжно вызывающій на опредѣленныя и ясныя рѣшенія, сумѣли остаться вѣрными той роли, которая была усвоена ими съ перваго момента возникновенія партіи и которая позволяетъ имъ одновременно называть себя конституціоналистами и оправдывать всѣ антиконституціонные акты, исходящіе сверху. Какъ роспускъ первой Думы въ свое время былъ признанъ октябристами «необходимостью», какъ позже г. Гучковъ

---

*) Цитирую по „Товарищу“, 9 іюня 1907 г.

объявилъ «жестокою необходимостью» учрежденіе военно-полевыхъ судовъ, такъ и теперь роспускъ второй Думы и изданіе новаго избирательнаго закона явились въ глазахъ октябристовъ опять-таки лишь «необходимостью». «Мы съ грустью должны признать,—говорится по этому поводу въ воззваніи, выпущенномъ думскою и совѣтскою фракціями и центральнымъ комитетомъ союза 17 октября,—что возвѣщаемыя манифестомъ 3 іюня измѣненія избирательнаго закона осуществляются не тѣмъ путемъ, какой предусмотрѣнъ основными законами, но оцѣнку этого факта мы считаемъ преждевременною, а необходимость его прискорбною». Однако, эту вѣжливую скромность, заставляющую находить оцѣнку фактовъ «преждевременной», октябристы проявляютъ лишь въ одномъ направленіи—по отношенію къ правительству. По отношенію же къ другой сторонѣ они далеко не такъ вѣжливы и скромны и отнюдь не отказываются отъ оцѣнки фактовъ, принимающей къ тому же въ ихъ устахъ весьма своеобразный характеръ. «Первопричиною и виновницей новаго потрясенія нашей жизни—говорятъ они въ томъ же воззваніи—явилась дѣятельность непримиримыхъ враговъ нашего молодого правового строя, ихъ рѣшимость колебать въ самомъ зачаткѣ преобразованія, предпринятыя въ исполненіе Государевой воли, ихъ кровавыя дѣянія по всему простору нашей необъятной родины, ихъ преступная дѣятельность внутри самой Государственной Думы». Казалось бы, всѣ эти обвиненія должны быть отнесены къ ближайшимъ сосѣдямъ и союзникамъ октябристовъ — членамъ союза русскаго народа и участникамъ кабинета г. Столыпина, но авторы воззванія направляютъ свои стрѣлы въ другую сторону. «Мы призываемъ—продолжаютъ они—къ дальнѣйшему совершенствованію закономѣрнымъ путемъ всего дарованнаго монархомъ, памятуя, что это единственный путь прочный и успѣшный. Мы призываемъ къ лишенію народнаго довѣрія тѣхъ, кто, злоупотребивъ этимъ довѣріемъ, взялъ на себя тяжкую отвѣтственность за новую бѣду потрясенной страны. Мы призываемъ самую страну къ спокойной, разумной и твердой вѣрѣ въ тѣхъ своихъ представителей, которые малочисленнымъ отрядомъ защищали до конца знамя свободы и правды отъ лукавыхъ покушеній и насилія многочисленныхъ враговъ государства, порядка и законности».

Эти лукавыя и въ самомъ своемъ лукавствѣ неумныя попытки съ выгодой для себя сѣсть между двухъ стульевъ заставили даже такого близкаго къ октябристамъ человѣка, какъ издатель «Новаго Времени», бросить по ихъ адресу цинически-откровенное замѣчаніе, что «они очень рады роспуску Думы и новому закону о выборахъ, благопріятному для нихъ, но въ своемъ воззваніи сдѣлали гримасу, какъ люди, поступающіе по формулѣ: съ одной стороны, нельзя не сознаться, а съ другой стороны, должно признаться». Впрочемъ, прошло всего нѣсколько дней и на московскомъ земскомъ съѣздѣ октябристы успѣли развернуть свою фор-

мулу и показать, защитниками какой «правды и свободы» они являются. Правда, и въ этомъ случаѣ они лишь шли по стопамъ правыхъ, но все же послѣ урока, даннаго только что упомянутымъ съѣздомъ, даже наиболѣе наивные люди, раньше довѣрявшіе «конституціонализму» октябристовъ, могли убѣдиться, что все отличіе послѣднихъ отъ правыхъ заключается не въ убѣжденіяхъ, а въ темпераментѣ, по существу же тѣ и другіе равно являются сторонниками стараго строя.

И «союзъ русскаго народа», и объединенные «умѣренные и правые», и «союзъ 17 октября», все это—организаціи и партіи, находящія для себя значительное число сторонниковъ среди того помѣщичьяго класса или, точнѣе говоря, того помѣстнаго дворянства, въ руки котораго Положеніе 3 іюня стремится отдать третью Думу, и вмѣстѣ съ тѣмъ все это—партіи, которыя готовы посильно защищать произведенный переворотъ. Однѣ изъ нихъ будутъ защищать его вполнѣ откровенно, стремясь возможно скорѣе продвинуть его дальше и глубже, другія выступятъ на защиту съ гримасой показного недовольства, но защищать всетаки будутъ. И всѣ эти партіи, готовясь къ избирательной кампаніи и взвѣшивая тѣ условія, въ какія она теперь поставлена, уже предвкушаютъ возможность побѣдителями войти въ третью Думу и безпрепятственно выполнить въ ней предназначенную для нихъ роль.

Иную позицію занимаетъ конституціонно-демократическая партія. Правда, теперь конституціонно-демократическая партія уже не совсѣмъ та, что была раньше. За время существованія второй Думы названная партія пережила новый фазисъ своей естественной эволюціи и опредѣленнѣе выяснила нѣкоторыя свои черты. И любопытнымъ симптомомъ этого выясненія явился, между прочимъ, фактъ пріобрѣтенія партіей новаго поклонника въ рядахъ мирнообновленцевъ. Передъ выборами во вторую Думу кн. Е. Трубецкой горячо нападалъ на к.-д. партію и, въ частности, требовалъ отъ нея осужденія политическихъ убійствъ, а П. Н. Милюковъ возражалъ кн. Трубецкому и называлъ его требованіе «провокаціей». Теперь тотъ же кн. Трубецкой горячо восхваляетъ к.-д. партію за всю ея думскую дѣятельность и, между прочимъ, за то, что она пошла-таки навстрѣчу «провокаціи» и сама предложила Думѣ внести въ одну изъ формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ осужденіе политическихъ убійствъ, а руководимая П. Н. Милюковымъ «Рѣчь» съ удовольствіемъ отмѣчаетъ эти похвалы. Это, конечно, лишь мелкій и частный фактъ, но онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ общему ходу той эволюціи, которую пережила к.-д. партія за послѣдніе полгода и которая сильно отклонила ее вправо. «Облетѣли цвѣты», въ томъ числѣ и тѣ цвѣты, какими конституціоналисты-демократы украсили было себя по случаю выборовъ во вторую Думу, и въ самой Думѣ к.-д. партія скромно перешла на свою естественную позицію, которую у насъ почему-то любятъ называть словами: «земскій либе-

рализмъ» и которую нѣкоторые западно-европейскіе публицисты, привыкшіе къ болѣе точной терминологіи явленій политической жизни, предпочитаютъ опредѣлять, какъ «консерватизмъ образованныхъ и зажиточныхъ слоевъ общества». Во второй Думѣ конституціоналисты-демократы, быть можетъ, нѣсколько неожиданно для самихъ себя, почти во всѣхъ коренныхъ вопросахъ думской тактики оказались въ тѣсномъ союзѣ со всѣми правыми элементами Думы противъ всѣхъ лѣвыхъ, начиная съ трудовиковъ. Но желаніе во что бы то ни стало «сберечь» Думу и стремленіе подмѣнить борьбу уговорами и переговорами повели к.-д. партію и дальше—вплоть до пріемной г. Столыпина и, какъ сообщаетъ Анатоль Леруа-Болье, к.-д. партія въ лицѣ одного изъ ея лидеровъ одно время пыталась даже вступить въ переговоры съ премьеромъ объ образованіи «работоспособнаго» большинства въ Думѣ. Въ виду этого, пожалуй, не такъ ужъ удивительно, что и въ роковую ночь на 3 іюня, когда надъ Думой повисъ призракъ неотвратимаго роспуска, гг. Струве, Маклаковъ, Челноковъ и Булгаковъ поѣхали въ ту же пріемную г. Столыпина—говорить неизвѣстно о чемъ и предлагать неизвѣстно что. Г. Маклаковъ позднѣе объяснялъ эту поѣздку тѣмъ, что онъ и его товарищи «чувствовали неотразимую потребность непосредственно выяснить политическое положеніе момента и попытаться предотвратить роспускъ, если есть хотя бы призракъ надежды» *). Быть можетъ, и тогда, когда велись переговоры объ образованіи «работоспособнаго» думскаго большинства для совмѣстной дѣятельности съ г. Столыпинымъ, тоже дѣлалась лишь попытка «непосредственно выяснить политическое положеніе?» Правда, избиратели какъ будто не для того посылали депутатовъ въ Думу, чтобы они «выясняли политическое положеніе» путемъ тайныхъ бесѣдъ съ министрами. Правда и то, что въ такой острой политической борьбѣ, какая происходитъ у насъ сейчасъ, побѣда обыкновенно не достигается путемъ дружескаго увѣщанія противника. Но к.-д. партія, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ руководителей, успѣла, повидимому, основательно забыть эти простыя истины.

За то, забывъ о нихъ, лидеры к.-д. партіи тѣмъ сильнѣе и, надо думать, тѣмъ искреннѣе огорчаются на тѣхъ, кто эти истины помнитъ. Особенно выдѣляется въ этомъ отношеніи г. Струве, о которомъ уже и въ Думѣ трудно было сказать, кѣмъ въ сущности онъ является, ка-детомъ или октябристомъ. Послѣ роспуска Думы г. Струве излилъ свое огорченіе въ рѣчи, сказанной сотруднику «Биржевыхъ Вѣдомостей», рѣчи, по своему тону и содержанію опять-таки мало чѣмъ отличающейся отъ октябристскаго воззванія. «Основную ошибку к.-д. во время выборовъ,—заявилъ въ этой рѣчи г. Струве,—я вижу въ томъ, что партія вмѣсто того, чтобы вступить въ блокъ со всѣми конституціонными партіями и октябри-

*) „Товарищъ“, 10 іюня 1907 г.

стами, предпочитала соглашенія съ лѣвыми партіями, съ которыми лично я допускалъ соглашеніе только въ крайнихъ случаяхъ... Основную ошибку ка-детъ въ Думѣ я вижу опять-таки въ томъ, что съ самаго начала ка-деты не сумѣли отмежеваться отъ лѣвыхъ... Съ самаго же начала слѣдовало повести самую непримиримую борьбу съ интеллигентами, лидерствовавшими среди трудовиковъ. Ибо они отвлекали крестьянъ-трудовиковъ отъ защиты ими естественныхъ, реальныхъ крестьянскихъ интересовъ въ сторону авантюристской политики лѣвыхъ... Теперь, по моему мнѣнію, партіи к.-д. предстоитъ опредѣлить линію своего равненія—направо или налѣво. Направо значитъ слѣдующее: объединиться со всѣми конституціонными элементами, не исключая октябристовъ, противъ партій, исповѣдующихъ революціонную тактику». И для вящшаго успѣха такого объединенія г. Струве предлагалъ, какъ «наиболѣе цѣлесообразный» путь, создать «синтезъ» партіи к.-д. и октябристовъ *).

Въ свою очередь, и оффиціозъ к.-д. партіи, «Рѣчь», подобно октябристамъ и г. Струве, попыталась взвалить вину за роспускъ Думы на лѣвыя партіи или, говоря ея словами, на «бывшихъ друзей слѣва», которые якобы «обнаружили во второй Думѣ безнадежную неспособность здраваго политическаго пониманія и своей доктринерской тактикой сыграли въ руку «заговорщикамъ» справа». Наоборотъ, «конституціонализмъ» октябристовъ, по мнѣнію «Рѣчи», «безспорно выигралъ отъ контраста съ реставраціонными замыслами ихъ черносотенныхъ союзниковъ», такъ какъ дилемму выбора между конституціей и самодержавіемъ «лучшіе представители октябризма во второй Думѣ рѣшали всякій разъ, какъ она открыто ставилась, въ пользу конституціонализма, а не въ пользу самодержавія» **). Болѣе осторожные, чѣмъ г. Струве, руководители «Рѣчи» дѣлали, однако, изъ своихъ утвержденій и болѣе скромный выводъ: отвергая мысль о сліяніи к.-д. партіи съ союзомъ 17 октября, они считали возможнымъ лишь «блокъ» или «техническое предвыборное соглашеніе» съ октябристами, тѣми самыми октябристами, глубоко фальшивую позицію которыхъ они такъ жестоко обличали всего полгода тому назадъ.

Но скоро выяснилось, что на этотъ разъ руководители к.-д. партіи зашли черезчуръ далеко вправо, во всякомъ случаѣ дальше, чѣмъ того хотѣла масса партіи. На совѣщаніи центральнаго комитета партіи съ представителями мѣстныхъ ея комитетовъ планъ предвыборнаго соглашенія съ октябристами былъ отвергнутъ, и партія рѣшила идти на выборы въ третью Думу, но идти совершенно самостоятельно. «Въ настоящее трудное для страны время—говорится по поводу этого рѣшенія въ циркулярномъ письмѣ, вы-

*) Цитирую по „Товарищу“, 8 іюня 1906 г.
**) „Рѣчь“, 10 іюня 1907 г.

пущенномъ центральнымъ комитетомъ партіи согласно съ указаніями совѣщанія,—партія народной свободы не имѣетъ нравственнаго права устраниться отъ участія въ выборахъ. Не мирясь съ положеніемъ дѣла, созданнымъ актомъ 3 іюня, и рѣзко отграничивая себя отъ тѣхъ, кто, подобно союзу 17 октября, признаетъ его государственной необходимостью, партія не можетъ лишить избирателей, раздѣляющихъ ея взгляды, наиболѣе дѣйствительнаго способа выразить отношеніе населенія къ совершившимся событіямъ. По тѣмъ же соображеніямъ партія должна идти на выборы съ прежней программой безъ малѣйшихъ измѣненій въ ней, не ища себѣ союзниковъ ни справа, ни слѣва и ничѣмъ не жертвуя изъ своихъ стремленій для выборнаго успѣха. Только тогда побѣда на выборахъ кандидатовъ партіи народной свободы получитъ полное, ничѣмъ не затемненное политическое значеніе».

Такимъ образомъ союзъ русскаго народа и октябристы идутъ на выборы третьей Думы съ тѣмъ, чтобы поддержать и использовать переворотъ 3 іюня, конституціоналисты-демократы—съ тѣмъ, чтобы протестовать противъ него. Пока еще неизвѣстно, какъ рѣшатъ для себя вопросъ о выборахъ въ Думу соціалистическія партіи. Но уже и теперь можно сказать, что для нихъ вопросъ момента ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть всецѣло сведенъ къ вопросу объ участіи или не-участіи въ выборахъ Думы. Если по отношенію ко второй Думѣ еще возможно было ставить себѣ нѣкоторыя положительныя задачи, то по отношенію къ третьей Думѣ это было бы уже явнымъ абсурдомъ. Въ лучшемъ случаѣ отдѣльные представители соціалистическихъ партій, оказавшись въ этой третьей Думѣ, могли бы играть въ ней только роль оппозиціи, болѣе энергичной и послѣдовательной, чѣмъ оппозиція ка-детская, болѣе рѣшительно напоминающей, что «помѣщичья» Дума не имѣетъ права говорить отъ имени народа и рѣшить за него его судьбы. Эта роль, безспорно, имѣетъ свое значеніе, но преувеличивать его до чрезмѣрности тоже не слѣдуетъ. И менѣе всего, конечно, возможно согласиться съ утвержденіемъ, будто такіе выборы, при которыхъ голосъ народныхъ массъ всегда можетъ быть задавленъ и заглушенъ сравнительно ничтожными общественными группами, стоящими наверху соціальной лѣстницы, яляются «наиболѣе дѣйствительнымъ способомъ выразить отношеніе населенія къ совершившимся событіямъ». Политическая жизнь знаетъ и другіе способы «выражать отношеніе населенія» и отъ энергіи народныхъ массъ зависитъ, какіе именно изъ этихъ способовъ могутъ быть пущены въ ходъ. Считать же эту энергію окончательно исчерпанной нѣтъ никакихъ основаній и даже сравнительное «спокойствіе» страны послѣ роспуска второй Думы вовсе еще не служитъ доказательствомъ исчезновенія энергіи въ народѣ. Вполнѣ возможно, что актъ 3 іюня еще болѣе затянетъ и безъ того уже ставшій затяжнымъ процессъ русской революціи, но остановить этотъ процессъ такимъ актомъ и свести всѣ результаты

революціи къ представительству 130 тысячъ помѣщиковъ, желающихъ тѣмъ или инымъ реставрировать старый строй,—невозможно. Слишкомъ глубоко взволновано море народной жизни и можно смѣло предсказать, что оно таитъ въ своихъ нѣдрахъ много неожиданностей, которыя могутъ стать тѣмъ болѣе грозными, чѣмъ больнѣе бьютъ тѣ бичи, какими хлещутъ великое море усмирители.

В. Мякотинъ.

Стачки 1905 года въ С.-Петербургѣ.

Въ настоящей замѣткѣ мы хотимъ привести самые общіе итоги еще не опубликованныхъ матеріаловъ о стачкахъ 1905 года въ петербургскихъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Матеріалы собраны черезъ заводоуправленія фабричной инспекціей. Въ виду значенія стачекъ 1905 г. не только для политико-эконома, но и для всѣхъ интересующихся этимъ годомъ «борьбы и натиска» и отсутствія какого бы то ни было цифрового матеріала по этому вопросу, мы думаемъ, что опубликованіе этихъ, хотя бы несовершенныхъ данныхъ, не будетъ излишнимъ.

Всего участковъ фабричной инспекціи въ Петербургской губ.— 13; наши свѣдѣнія относятся къ 11. Нѣтъ свѣдѣній по 6 и 7 участкамъ,—наименѣе промышленнымъ, хотя и въ нихъ имѣется не мало заведеній и, въ частности, типографій, которыя, какъ увидимъ ниже, принимали видное участіе въ забастовкахъ 1905 года. Всего вошло въ подсчетъ 452 промышленныхъ заведенія Петербургской губ., подчиненныхъ фабричной инспекціи, съ числомъ рабочихъ въ 125,702 человѣка. Всѣ эти заведенія принимали хотя бы по одному разу участіе въ забастовкахъ 1905 г., кромѣ одного, которое открыло свои дѣйствія лишь въ іюлѣ.

Если мы умножимъ число дней стачекъ на число участвовавшихъ въ каждой изъ нихъ рабочихъ, то получимъ цифру 4.151,809. Другими словами: въ 1905 году, благодаря стачкамъ, петербургскими рабочими было потеряно 4.151.809 рабочихъ дней. Для характеристики этого числа приведемъ аналогичныя цифры о стачкахъ за предшествующее десятилѣтіе (1895—1904 гг.). Тогда число потерянныхъ «дней—рабочихъ» по годамъ на фабрикахъ и заводахъ всей Россіи колебалось между 110.193 (1901 г.) и 444.919 (1903 г.), т. е. было въ 5—10 разъ меньше, чѣмъ въ 1905 г. въ одной Петербургской губ. За цѣлое десятилѣтіе, 1895—1904 гг., потеряно всей русской промышленностью 2.079.408

«дней—рабочихъ».Такимъ образомъ одна Петербургская губ. потеряла въ 1905 году слишкомъ въ два раза больше «дней—рабочихъ», чѣмъ вся Россія въ теченіе 10 лѣтъ *).

По мѣсяцамъ потерянные петербургскими рабочими въ 1905 г. дни распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Январь	920	тысячъ.
Февраль	506	„
Мартъ	104	„
Апрѣль	26	„
Май	136	„
Іюнь	475	„
Іюль	229	„
Августъ	4	„
Сентябрь	10	„
Октябрь	517	„
Ноябрь	667	„
Декабрь	555	„

Такимъ образомъ высшее напряженіе забастовочнаго движенія наблюдалось въ январѣ (9-е число); затѣмъ слѣдовало довольно быстрое паденіе забастовочной волны въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ. Въ маѣ начался новый подъемъ, продолжавшійся и въ іюнѣ (экономическія стачки); далѣе—паденіе въ іюлѣ и еще болѣе рѣзкое въ августѣ, каковой мѣсяцъ отличался въ 1905 г. наибольшимъ спокойствіемъ. Очень незначительное повышеніе въ сентябрѣ завершилось рѣзкимъ подъемомъ въ октябрѣ (17-ое число) и ноябрѣ, послѣ чего въ декабрѣ обнаружилось новое, хотя и незначительное, пониженіе.

Подсчитывая общее число стачекъ въ отдѣльныхъ промышленныхъ заведеніяхъ, внѣ зависимости отъ числа рабочихъ въ нихъ, мы получаемъ 1660 стачекъ за весь годъ. Изъ этого числа 35 стачекъ имѣли мѣсто въ теченіе одного мѣсяца во второй или третій разъ въ одномъ и томъ же заведеніи. Остальныя 1625 стачекъ распредѣляются по мѣсяцамъ такъ:

Январь	432	Іюль	29
Февраль	149	Августъ	3
Мартъ	25	Сентябрь	6
Апрѣль	2	Октябрь	306
Май	35	Ноябрь	333
Іюнь	40	Декабрь	265

Сопоставивъ число стачекъ съ общимъ числомъ промышленныхъ заведеній, получимъ 3,66, т. е. въ 1905 г. каждая фабрика или заводъ бастовали въ среднемъ 3,66 разъ.

Изъ общаго числа 1625 стачекъ продолжались: одинъ день—144, два дня—195, три дня—264, четыре дня—269, пять дней—147, шесть дней—214, семь дней—87, восемь дней—126, девять

*) Соотвѣтствующее число было для всей Англіи въ 1905 г.—2.470.189.

дней—62, десять дней—29, отъ десяти до пятнадцати дней—56, отъ пятнадцати до двадцати дней—17 и болѣе двадцати—15. Соединяя въ болѣе крупныя группы, получимъ такія цифры:

1, 2, 3	дня продолжались	603	стачки или	37,1%
4, 5, 6	„ „	630	„ „	38,8 „
7, 8, 9, 10	„	304	„ „	18,7 „
Болѣе этого	„	88	„ „	5,4 „

Въ нѣкоторые дни стачки принимали всеобщій, генеральный характеръ. Въ январѣ забастовка концентрировалась около «кроваваго воскресенія»: 8-го (суббота) и 10 (понедѣльникъ) не работали 428 промышленныхъ заведеній (изъ 452). 17 и 18 октября бастовало всего 291 заведеніе. Забастовка въ ноябрѣ прошла въ Петербургѣ почти такъ же дружно, какъ и октябрьская. Число фабрикъ и заводовъ, на которыхъ между 2 и 5 ноября не производилось работъ хотя бы въ теченіе одного дня, было 268. Тоже самое надо сказать и о декабрьской забастовкѣ: 8, 9, 10 декабря бастовало 263 заведенія, при чемъ большинство не работало всѣ эти три дня.

Изъ другихъ дней особенно выдѣляется день годовщины освобожденія крестьянъ—19-ое февраля; въ этотъ день не работали 113 заведеній. День 9-го іюля—полугодовщина 9-го января, не смотря на лѣтнее спокойствіе и пріостановку въ движеніи, заставилъ остановить работу болѣе чѣмъ въ 30 заведеніяхъ.

Сведенныя по отраслямъ производства данныя о забастовочномъ движеніи 1905 г. даютъ слѣдующую таблицу:

Производство.	Число заведеній.	Число рабочихъ.	Число потерян. „дней—рабочихъ“.	Число дней на 1 рабоч.
I. Обработка хлопка.	29	21.291	713.814	33½
II. „ шерсти.	9	3.023	170.480	56
III. „ шелка.	4	150	2.201	14½
IV. „ льна, пеньки и джута.	6	3.344	81.817	24½
V. Обработка смѣш. мат. изъ волокн. веществъ	10	1.877	40.951	22
Итого текстильн. производства	58	29.685	1.009.263	34
VI. Обраб. бум. масс. и типографіи	89	10.732	225.809	21
VII. Механ. обр. дерева.	58	4.516	79.576	17½
VIII. Обраб. металловъ.	141	51.991	2.395.460	46½
IX. „ минер. вещ.	16	1.261	16.698	13
X. „ животн. продуктовъ	16	6.202	193.670	31
XI. Обраб. питательн. веществъ	46	13.427	164.396	12
XII. Обраб. химическ. произв.	26	7.991	66.937	8½
Всего	450	125.805	4.151.809	33

Изъ болѣе значительныхъ группъ наиболѣе видное участіе въ стачкахъ принимали рабочіе по обработкѣ металловъ, потерявшіе въ среднемъ по $46^1/_2$ раб. дней, т. е. почти по два рабочихъ мѣсяца (воскресенья и праздники не считаны, за исключеніемъ же ихъ рабочій мѣсяцъ имѣетъ 24—25 дней). Второе мѣсто занимали рабочіе текстильныхъ производствъ. Типографскіе рабочіе по числу потерянныхъ ими дней стоятъ на третьемъ мѣстѣ. Въ среднемъ петербургскій рабочій бастовалъ въ 1905 г. 33 рабочихъ дня, т. е. мѣсяцъ съ третью.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ прямыхъ данныхъ для учета убытковъ, понесенныхъ отъ всѣхъ этихъ стачекъ какъ рабочими, такъ и промышленниками. По свѣдѣніямъ, какія доставляются фабричной инспекціи заводоуправленіями, общая сумма выплаченнаго ими рабочимъ заработка въ 1905 году была приблизительно на 5 милл. руб. менѣе прежнихъ лѣтъ. Ту же приблизительно цифру мы можемъ получить, исходя изъ числа потерянныхъ рабочими дней: рабочій въ Петербургѣ въ среднемъ получаетъ нѣсколько болѣе 1 р. въ день, а всего потеряно, какъ мы видимъ, болѣе 4 милл. рабочихъ дней, при чемъ въ эту цифру не вошли еще данныя по двумъ участкамъ, да и по остальнымъ въ свѣдѣніяхъ о стачкахъ могли быть пропуски.

Необходимо, однако, имѣть въ виду, что недополученіе рабочими 5 милл. руб. заработной платы объясняется, несомнѣнно, не только стачками, но и продолжавшимъ развиваться кризисомъ и сокращеніемъ числа рабочихъ во многихъ заведеніяхъ, въ особенности къ концу года. Съ другой стороны, неся потерю на заработной платѣ во время стачекъ, рабочіе нерѣдко съ лихвою покрываютъ ихъ тѣми улучшеніями въ условіяхъ ихъ труда, какихъ имъ удается достигнуть при помощи тѣхъ же стачекъ.

Точныхъ данныхъ, чтобы учесть экономическіе результаты стачекъ 1905 года, у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ. Имѣющіяся же на карточахъ отмѣтки по этому вопросу,—нужно сказать, далеко не полныя и не всегда опредѣленныя,—могутъ быть сведены въ слѣдующую таблицу:

Результаты стачекъ:	Число промышлен. заведеній.
Сокращеніе рабочаго времени	109
Увеличеніе заработной платы	65
Уплата за время забастовки	53
Мелкія улучшенія	14
Разсчетъ рабочихъ	29
Призывъ и содержаніе охраны: полицейской	18
Призывъ и содержаніе охраны: военной	19

Въ качествѣ безрезультатныхъ отмѣчены лишь единичныя стачки. Въ значительномъ же числѣ случаевъ вопросъ о результатахъ заводоправленіями оставленъ безъ отвѣта.

Какъ видно изъ этихъ данныхъ, наиболѣе многочисленными

оказались случаи сокращенія рабочаго времени и затѣмъ увеличенія заработной платы.

Изъ 7 хлопчато-бумажныхъ фабрикъ, которыя опредѣленно указали на уступку рабочимъ въ ихъ требованіи, и которыя, по нашему мнѣнію, являются типичными почти для всѣхъ остальныхъ, 6 подъ давленіемъ рабочихъ сократили рабочее время на цѣлый часъ,—съ $11^1/_2$ на $10^1/_2$; на одной состоялся переходъ съ $11^1/_2$ на 2 смѣны по 9 часовъ. Были также уступки въ требованіи «англійской субботы», т. е. прекращенія работы въ субботу въ 2 и 3 часа пополудни. Заработокъ по очень неполнымъ даннымъ былъ увеличенъ на 5—15%; въ одномъ заведеніи рабочіе добились minimum'а для поденщиковъ въ 60 коп. въ день.

Типографіи также значительно сократили рабочій день. Изъ извѣстныхъ намъ случаевъ по этой группѣ въ 7 заведеніяхъ рабочій день уменьшился до 9 ч., въ 8—«на 1 часъ», что, вѣроятно, соотвѣтствуетъ тѣмъ же 9 часамъ и только въ 4 случаяхъ онъ былъ сокращенъ лишь до 10 часовъ (слѣдовательно, ранѣе былъ еще длиннѣе). Заработная плата повысилась на 15—25%.

Рабочіе металлическихъ заводовъ особенно интенсивно боролись какъ во время политическихъ забастовокъ, такъ и лѣтомъ экономическими стачками. Наши данныя опять таки могутъ представить лишь очень несовершенную картину результатовъ этой борьбы. Изъ 41 случая сокращенія рабочаго времени, въ 11 случаяхъ оно было уменьшено на часъ, въ 8—до 10 час., въ 7—до 9 час. въ день; 5 заводовъ указываютъ на сокращеніе въ $^1/_2$ часа, 10—неопредѣленно на «сокращеніе рабочаго времени».—Заработокъ повысился, гдѣ есть точныя указанія, лишь на 5 и 10%, но большинство заводовъ неопредѣленно пишутъ лишь о повышеніи, не указывая подробнѣе размѣра его. Въ двухъ случаяхъ былъ такъ же введенъ minimum платы: разъ въ 80 коп., другой разъ въ 1 руб. въ день.

Конечно, всѣ эти завоеванія экономическаго характера, если бы даже установить ихъ гораздо болѣе полно и исчерпывающе, далеко не опредѣляютъ всего значенія выступленій рабочихъ въ 1905 г. Экономическія требованія обыкновенно выставлялись рабочими на ряду съ политическими, и даже, начиная чисто экономическую стачку, рабочіе не упускали изъ виду зависимость успѣха своихъ требованій отъ политическаго положенія.

Учесть политическое значеніе стачекъ 1905 г., конечно, еще труднѣе. Не лишне будетъ отмѣтить, что по отношенію къ октябрьской забастовкѣ на очень многихъ карточкахъ даны такіе отвѣты: причины—«политическія», результатъ—«манифестъ 17 октября». Такъ опредѣляютъ сами промышленники значеніе стачекъ рабочихъ 1905 года.

В. Леонтьевъ.

Выборы въ австрійскій парламентъ.

Настоящій годъ является историческимъ для австрійскаго государства. Въ этомъ году Австрія продѣлала *первый* опытъ всеобщаго избирательнаго голосованія, въ которомъ выразилось настроеніе милліонныхъ народныхъ массъ, опредѣлилась сила различныхъ партій и обозначился относительный вѣсъ отдѣльныхъ классовъ и соціальныхъ группъ.

Внѣшній ходъ событій, которыя въ дѣйствительности развертывались съ большой интенсивностью, былъ таковъ. 26 января 1907 г. былъ принятъ новый избирательный законъ, уничтожавшій прежнюю сословную систему выборовъ и устанавливавшій демократическій принципъ всеобщаго, равнаго, прямаго и тайнаго голосованія. 14 мая состоялись первые выборы во всѣхъ «земляхъ» Австріи, кромѣ Галиціи и Далмаціи. 23 мая были произведены перебаллотировки. Въ концѣ мая и началѣ іюня происходили выборы въ Галиціи и Далмаціи. А 17 іюня (эта, какъ и всѣ другія даты, относится къ новому стилю) состоялось открытіе новаго рейхсрата, призваннаго играть чрезвычайно важную роль въ жизни Австріи и, косвенно, въ жизни западно-европейскихъ конституціонныхъ странъ.

Каковъ же былъ первый, продѣланный Австріей, опытъ при переходѣ отъ ограниченнаго къ всеобщему голосованію? Результаты его оказались болѣе разительными и неожиданными, чѣмъ кто либо могъ ожидать.

I.

Старый австрійскій рейхсратъ представлялъ собой «куріальный» парламентъ. Представители въ него выбирались особыми куріями, т. е. обособленными группами избирателей, объединенными общимъ признакомъ, имущественнымъ или сословнымъ. До 1897 года такихъ курій было четыре, выбиравшихъ въ общемъ 353 депутата,—при чемъ крупные землевладѣльцы (1-я курія) выбирали 85 депутатовъ, городскіе избирательные округа (2-я курія)—118 депутатовъ, торговыя и промышленныя камеры (3-я курія)—21 депутата, сельскіе округа (4-я курія)—129 депутатовъ *). Уже первый взглядъ на составъ парламента, образованнаго при по-

*) Первыя три куріи голосовали прямо за выставленныхъ кандидатовъ; четвертая же курія выбирала сначала выборщиковъ, которые потомъ избрали депутатовъ, другими словами, въ этой куріи была двухстепенная подача голосовъ.

мощи такихъ курій обнаруживаетъ крайнюю односторонность его. Главное мѣсто въ немъ было отведено представительству крупнаго, средняго и мелкаго землевладѣнія и отчасти торговаго и промышленнаго капитала. То, что куріальный парламентъ насчитывалъ въ своей средѣ три обширныхъ національныхъ группы — именно нѣмецкую, польскую и чешскую — нисколько не мѣняло соціальнаго смысла и характера всего представительства. Въ предѣлахъ каждой группы преобладающее значеніе имѣло юнкерство данной націи, то «рыцарство» ея, которое съ удивительной надменностью взирало на низшіе народные слои и всю полноту власти упорно домогалось присвоить себѣ и только себѣ. Даже буржуазія—и это обстоятельство чрезвычайно характерно для Австріи—была представлена въ куріальномъ парламентѣ значительно слабѣе, чѣмъ землевладѣніе. Первая,—если сложить представительство отъ торговыхъ и промышленныхъ камеръ съ представительствомъ отъ городскихъ округовъ,—являлась силой, располагавшей 139 голосами. Второе, слагаясь изъ первой и четвертой курій, располагало 214 голосами. Правда, въ политической борьбѣ, которой характеризуется бурная жизнь многоязычной Австріи, не всегда случалось, чтобы голосованіе по отдѣльнымъ вопросамъ происходило по указаннымъ двумъ линіямъ. Нерѣдко бывали отклоненія, вызывавшіяся большей частью тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Австріи почти всегда вопросы общеполитическаго или хозяйственнаго порядка, а въ особености вопросы культурнаго свойства заключали въ себѣ элементъ національный, сообщавшій борьбѣ за то или иное рѣшеніе даннаго вопроса особую интенсивность и яркость. Но такія отклоненія лишь постольку и тогда имѣли дѣйствительно реальное значеніе, поскольку и когда они вытекали изъ реальнаго факта національнаго соревнованія, изъ реальнаго столкновенія противорѣчащихъ другъ другу національныхъ интересовъ. Случалось, что въ австрійскомъ рейхсратѣ *чешскіе* аграріи шли рядомъ съ *нѣмецкими* промышленниками, но здѣсь съ неумолимой строгостью сказывался все тотъ же соціальный составъ рейхсрата, — ибо выступали рядомъ *аграріи* и *промышленники*, т. е. именно слои, рѣзко дифференцированные въ имущественномъ отношеніи и преслѣдующіе опредѣленную классовую политику. Тѣмъ не менѣе, разсматривая куріальный парламентъ въ его общихъ контурахъ и главнѣйшихъ сочетаніяхъ, необходимо признать, что землевладѣніе было тѣмъ основаніемъ, на которомъ подымалось своеобразное зданіе австрійскаго рейхсрата.

Къ какимъ послѣдствіямъ приводила указанная выше куріальная структура австрійскаго народнаго представительства? Она имѣла своимъ послѣдствіемъ то, что въ рейхсратѣ преобладало самое реакціонное, узкое, сословно-эгоистическое теченіе, стремившееся—и не безъ успѣха—подавить едва распускавшіеся ростки всходящей гражданственности. Австрійскій рейхсратъ недаромъ

пріобрѣлъ славу «несравненнаго» по своей реакціонности парламента. Преобладаніе «рыцарства», — все равно, какое бы національное одѣяніе это «рыцарство» ни носило, — исключало всякую, даже умѣренно-демократическую тенденцію. Если уже буржуазія была слабо представлена въ «высокомъ домѣ», то нѣтъ нужды распространяться о томъ, что *населеніе*, въ широкомъ смыслѣ этого слова, вся та масса народная, трудами и соками которой питается огромное тѣло государства, и совсѣмъ не находила себѣ мѣста въ конституціонно-законодательномъ корпусѣ Австріи. Этотъ корпусъ былъ занятъ реакціонерами отъ феодализма, налагавшими свою прочную и вмѣстѣ съ тѣмъ порочную печать на всю дѣятельность парламента.

Интересно отмѣтить, что такой реакціонный характеръ австрійскаго рейхсрата сохранился вплоть до послѣднихъ дней, несмотря на коррективъ, внесенный закономъ 14 іюля 1896 года. Этотъ законъ, о которомъ мы скажемъ нѣсколько словъ подробнѣе ниже, къ четыремъ прежнимъ сословнымъ куріямъ присоединялъ новую «курію всеобщаго избирательнаго права». Но этотъ поздній и вынужденный коррективъ, который могъ выросты только на почвѣ искаженнаго австрійскаго народнаго представительства, мало помогъ дѣлу. Онъ сообщилъ парламенту крайне блѣдную прогрессивную окраску, которая безсильно тонула въ общемъ черномъ фонѣ, которая, если о чемъ нибудь и говорила, то только о томъ, какъ вопіюще-нелѣпо построена вся избирательная система въ Австріи. И вотъ наканунѣ новыхъ выборовъ, которые имѣли быть произведены на основаніи всеобщаго избирательнаго права, либеральная пресса съ полнымъ основаніемъ говорила, что куріальный парламентъ «*никогда* не былъ народнымъ». Въ этой «ненародности» былъ корренной и глубокій недостатокъ рейхсрата, который собирался на принципѣ высокаго имущественнаго и сословнаго ценза. Нашъ рейхсратъ,—писала «Neue Freie Presse» за два дня до выборовъ,—одержимъ ретрограднымъ духомъ, который, подобно вѣтру въ пустынѣ, высушиваетъ конституціонную основу нашей жизни и живыя формы ея обращаетъ въ мертвый скелетъ; который сводитъ на нѣтъ вліяніе парламента и власть правительства превращаетъ во всевластіе, граничащее съ произволомъ. Въ нашемъ куріальномъ рейхсратѣ всегда имѣлись горячіе защитники реакціонныхъ начинаній, но всѣ тѣ мѣры, которыя способствуютъ росту промышленности и торговли, развитію жизни вширь и вглубь, на которыхъ покоится благосостояніе государства, его мощь и положеніе среди другихъ державъ, всѣ онѣ не только не встрѣчали сочувствія, но сталкивались съ совершенно явной недоброжелательностью въ парламентѣ и поэтому не осуществлялись. Палъ престижъ нашего парламента, и сознаніе этого паденія явилось именно тѣмъ главнымъ мотивомъ, который заставилъ австрійскихъ полити-

ковъ искать въ всеобщемъ избирательномъ правѣ спасенія противъ грозящаго разложенія...

Конечно, указывая на «неработоспособность» австрійскаго парламента въ томъ смыслѣ, что послѣдній не способствовалъ расцвѣту индустріи, не расчищалъ путей для капиталистическаго прогресса, «Neue Freie Presse» тѣмъ самымъ вскрываетъ буржуазно-либеральную сущность своихъ аспирацій. Жалоба ея на куріальный рейхсратъ не лишена специфическаго «денежно-торгово-промышленнаго» оттѣнка. Но тѣмъ характернѣе она. Изъ нея явствуетъ, съ какимъ чувствомъ остраго негодованія относились къ рейхсрату либеральные круги населенія, какъ протестовала культурная часть «общества» противъ куріальныхъ перегородокъ, сквозь которыя въ парламентъ просачивалась одна только аграрная и клерикальная реакція. Если велико было негодованіе буржуазіи, то во много разъ больше было негодованіе «населенія», члены котораго были совершенно исключены изъ участія въ политической жизни страны и лишены возможности влiять на ходъ законодательства черезъ своихъ истинныхъ представителей.

Реакціонный составъ австрійскаго рейхсрата давалъ себя слишкомъ сильно чувствовать для того, чтобы правительство могло слишкомъ долго оставаться глухимъ къ всеобщему ропоту. Могучій токъ жизни требуетъ простора, широкихъ береговъ, не стѣсняющихъ свободнаго движенія. Онъ несетъ въ своихъ водахъ творческіе элементы, которыхъ не въ состояніи заглушить никакая темная реакція, какой бы физической силой послѣдняя ни обладала, какой бы арміей покорныхъ штыковъ она ни располагала. Ураганъ революціи, пронесшійся надъ Западной Европой въ серединѣ прошлаго столѣтія, давно улегся, опрокинувъ абсолютизмъ и поставивъ на его мѣсто конституціонный строй. Но улегшійся ураганъ вызвалъ волну политическаго броженія, которая не перестаетъ жить до сихъ поръ. Мало того, эта волна все ширится и захватываетъ въ кругъ своего вліянія тѣ слои народныхъ массъ, которыя въ теченіе десятилѣтій были чужды политики. Въ послѣднія 10—15 лѣтъ истекшаго столѣтія политическое броженіе вылилось въ форму самой энергичной пропаганды въ пользу всеобщаго и равнаго избирательнаго права. Небольшія государства, какъ Голландія, Бельгія, Швеція, стали очагами демократической агитаціи, избравшей своимъ лозунгомъ значительно расширенную англійскую формулу: one man—one vote, одинъ человѣкъ—одинъ голосъ, при чемъ этимъ «однимъ» долженъ и могъ быть, согласно формулѣ, всякій правомочный гражданинъ своего отечества. Агитація перекинулась и въ Австрію,—ибо нѣтъ тѣхъ стѣнъ, которыя закрыли бы доступъ въ массы народа жгучихъ словъ, отвѣчающихъ его нуждамъ и требованіямъ, какъ нѣтъ тѣхъ пушекъ, которыя могли бы разстрѣлять величественную идею демократизаціи жизни. А идея все-

общаго голосованія, несомнѣнно, является однимъ изъ важныхъ элементовъ такой общей идеи... Впрочемъ, австрійское правительство и не подумало прибѣгнуть къ помощи пушекъ въ борьбѣ противъ непобѣдимой идеи. Оно лишь оттягивало рѣшеніе очередного вопроса, опираясь при этомъ на поддержу реакціоннаго рейхсрата.

Но наступилъ моментъ, когда стало ясно, что оттягивать больше невозможно. И правительство, и рейхсратъ убѣдились, что разнорѣчіе между установившейся формой политической жизни, распространявшей свои блага только на привилегированые классы, и тѣми запросами, которые, благодаря росту культуры, волновали огромную массу населенія, слишкомъ нестерпимо. Нужно было уступить народу. Само собой разумѣется, однако, что о совершенномъ отказѣ отъ куріальной системы и замѣнѣ ея системой всеобщаго голосованія не могло быть и рѣчи. Рейхсратъ ни за что не согласился бы на такую реформу, да и правительство не намѣрено было предлагать ее. Былъ выработанъ компромиссъ, который, съ одной стороны, оставлялъ привилегіи имущихъ классовъ незатронутыми, съ другой—призывалъ къ избирательнымъ урнамъ все мужское населеніе, достигшее 24 лѣтъ отъ роду и не ограниченное въ своихъ гражданскихъ и политическихъ правахъ. Была создана пятая «курія всеобщаго избирательнаго права», которая избирала 72 депутатовъ. Эти депутаты должны были представлять интересы всего трудящаго населенія на ряду съ 353 депутатами, представлявшими интересы землевладѣнія и капитала.

Учрежденіе новой куріи явилось, конечно, новымъ и чрезвычайно важнымъ фактомъ. Достаточно указать на то, что въ то время, какъ число избирателей 2-ой куріи (городскіе округа) составляло 394.196, число избирателей 4-ой куріи (сельскіе округа) составляло 1.490.659,—пятая курія обнимала 5.018.217 избирателей. Такимъ образомъ, закономъ 1876 года давалось участіе въ политической жизни страны новымъ милліонамъ гражданъ, которые до тѣхъ поръ лишены были возможности вліять на составъ и духъ куріальнаго парламента. Слѣдствія этого факта не замедлили сказаться при первомъ же случаѣ. Уже выборы 1897 г. носили характеръ, рѣзко отличный отъ предыдущихъ выборовъ въ рейхсратъ. Благодаря учрежденію пятой куріи, въ австрійскомъ парламентѣ впервые появились соціалъ-демократы въ числѣ 14 человѣкъ, принесшихъ съ собой въ залы парламента шумъ трудовой рабочей жизни съ ея неуклоннымъ и неугомоннымъ стремленіемъ къ движенію, росту, культурѣ. Правда, вмѣстѣ съ тѣмъ и число христіанскихъ соціалистовъ или антисемитовъ возрасло съ 10 (1891 годъ) до 30 (1897 г.), а число нѣмецкихъ клерикаловъ и консерваторовъ поднялось съ 29 до 43. Но и эти «горькіе» плоды, выросшіе на древѣ избирательной куріи, свидѣтельствовали о томъ,

что политическая жизнь пустила глубокіе корни въ толщѣ народныхъ массъ и притянула къ себѣ дремавшія прежде силы.

Мы уже упомянули выше, что созданный новой куріей коррективъ немногимъ улучшилъ характеръ куріальнаго парламента. Механически пристегнутая къ сословнымъ куріямъ, пятая курія лишь оттѣняла всю непригодность старой избирательной системы. Между представительствомъ, посылаемымъ куріей всеобщаго голосованія, и представительствомъ отъ сословій не было того правильнаго соотношенія, которое является единственнымъ основаніемъ и оправданіемъ для перехода отъ менѣе совершенной къ болѣе совершенной системѣ голосованія. Въ самомъ дѣлѣ, если сопоставить число депутатовъ съ числомъ голосовавшихъ за нихъ избирателей по отдѣльнымъ куріямъ въ 1901 году, то получимъ слѣдующую картину.

	Число депутатовъ.	Число избират. на 1 депут. минимумъ.	максимумъ.
I курія	85	16	779
II »	118	1612	8525
III »	21	16	36
IV »	129	4978	19882
V »	72	25135	95614

Эти цифры достаточно рельефно отражаютъ всю уродливость мозаичнаго избирательнаго закона, на основахъ котораго составлялся австрійскій рейхсратъ. Въ то время, какъ число избирателей, посылающихъ *одного* депутата, измѣряется во всеобщей куріи десятками тысячъ, это же число въ куріяхъ сословныхъ достигаетъ только нѣсколькихъ сотенъ или даже десятковъ единицъ. Такая несоразмѣрность объясняется тѣмъ, что, напр., число избирателей, составляющихъ торговыя палаты, равно 591, и избираютъ эти палаты 21 депутата,—число крупныхъ землевладѣльцевъ, составляющихъ первую курію, равно 5431, и избираютъ эти землевладѣльцы 85 депутатовъ,—число же избирателей въ 5-ой куріи превосходитъ 5 милліоновъ, а избираетъ эта курія лишь 72 депутатовъ. Еще болѣе ярко сказывается упомянутая уродливость при сравненіи цифръ, опредѣляющихъ силы отдѣльныхъ конкуррирующихъ политическихъ партій, когда мы принимаемъ во вниманіе крайнюю неправильность распредѣленія избирательныхъ округовъ. Сила какой нибудь партіи внѣ парламента можетъ быть велика,— другими словами, населеніе можетъ обнаруживать значительное тяготѣніе къ извѣстной партіи, программу и тактику которой считаетъ наиболѣе для себя удовлетворительной, и своимъ массовымъ голосованіемъ, которое въ данномъ случаѣ является формой массоваго волеизъявленія, показывать, что оно поддерживаетъ эту партію. И въ то же время сила послѣдней въ парламентѣ можетъ оказаться очень слабой, благодаря нарочито или случайно создан-

ному несоотвѣтствію между корпусомъ избирателей и корпусомъ избираемыхъ. Вотъ примѣръ такого несоотвѣтствія. Число депутатовъ соціалистовъ, попавшихъ въ рейхсратъ въ 1897 году, было 14. Въ 1901 году это число упало до 10. Число же избирателей, голосовавшихъ за соціалъ-демократовъ, составляло въ первомъ случаѣ 37,98% всего числа голосовавшихъ въ пятой куріи, во второмъ—38,60%. Такимъ образомъ, число избирателей, отдавшихъ свои голоса австрійской соц.-демократіи, на протяженіи пятилѣтія не только не уменьшилось, но даже—правда, очень слабо—возрасло. Между тѣмъ, число депутатовъ уменьшилось на четыре. Такое несоотвѣтствіе можетъ быть приписано только той «избирательной геометріи», въ которой такъ искусилось австрійское правительство и которая заключалась въ искусномъ выкраиваніи избирательныхъ округовъ. Избиратели, благодаря административнымъ дѣленіямъ, группировались такимъ образомъ, что представители демократіи съ большимъ трудомъ проникали въ парламентъ. Кромѣ того, избиратели привилегированныхъ курій голосовали также въ пятой куріи и, слѣдовательно, ослабляли демократическую тенденцію послѣдней. Въ этомъ не было бы еще особенной бѣды, если бы «равноправіе» голосованія было признано за всѣми гражданами страны. Но въ томъ-то и дѣло, что члены пятой куріи не могли голосовать въ первыхъ четырехъ куріяхъ и, значитъ, были лишены возможности вліять на составъ привилегированныхъ избирателей. Здѣсь было вопіющее нарушеніе элементарной справедливости, здѣсь совершенно открыто проявлялась тенденція раздавить народную волю или, по крайней мѣрѣ, настолько ее изуродовать, чтобы отнять у нея всякую дѣйственную силу. Но «дарованіе» всеобщей избирательной куріи, избирающей 72 депутата и стѣсненной со всѣхъ сторонъ привилегированными куріями, было максимальной уступкой, на которую могъ согласиться реакціонный рейхсратъ и которую способно было предложить реакціонное правительство. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ послѣдній рейхсратъ, созванный въ 1901 году, носилъ характеръ, если не сплошь реакціонный, то во всякомъ случаѣ «антинародный». Онъ не только не «примирилъ», но и не пытался регулировать соціальныя противорѣчія, рознь между классами; онъ не смягчилъ тѣ національныя распри, которыя парализовали дѣятельность парламента и обращали законодательное учрежденіе въ мѣсто постоянной—то нѣмецкой, то чешской, то польской обструкціи. Онъ не созидалъ, а дезорганизовывалъ жизнь государства и рождалъ одну опасность за другой *).

---

*) Нелишне познакомиться съ составомъ рейхстата 1901 года; характеръ его предстанетъ тогда яснѣе. Вотъ этотъ составъ:

II.

Мы не станемъ подробно излагать исторію борьбы за всеобщее избирательное право въ Австріи и за замѣну куріальнаго парламента народнымъ представительствомъ, возможно правильнѣе отражающимъ какъ умонастроеніе народныхъ массъ, такъ и тѣ запросы и нужды, которыми полна многообразная жизнь австрійскаго государства. Эта длинная и чрезвычайно любопытная страница австрійской исторіи слишкомъ сложна, чтобы о ней говоритъ мимоходомъ. Мы отмѣтимъ лишь въ немногихъ словахъ тѣ силы, которыя играли наиболѣе важную роль—какъ положительную, такъ и отрицательную—въ этой борьбѣ и наклоняли исходъ ея то въ одну, то въ другую сторону.

На первомъ планѣ стоятъ австрійскіе соціалъ-демократы. Честь самой постановки на очередь коренной политической реформы, а равно и заслуга въ неуклонномъ отстаиваніи и упорной пропагандѣ идеи всеобщаго избирательнаго права принадлежитъ имъ. Вполнѣ естественно, конечно, что именно австрійскіе соціалисты первые подняли демократическое знамя гражданскаго равноправія и развернули его надъ всей страной. Вѣдь пролетаріатъ, отъ имени котораго говорила и дѣйствовала соціалъ-демократія, былъ до 1897 года совершенно лишенъ представительства въ парламентѣ, а со времени учрежденія пятой избирательной куріи этому представительству хотя и было отведено мѣсто, но до крайности узкое. Да и добраться до этого мѣста можно было лишь съ большимъ трудомъ, протискиваясь сквозь щель изуродованной избирательной системы, широко открытой для феодаловъ и умѣ-

69—нѣмецкихъ прогрессистовъ и либераловъ	всего 200 нѣм. депутат.
51—членъ нѣмецкой народной партіи	
21—нѣмецкій радикалъ	
22—христ. соціалиста	
37—нѣмецк. клерикала и консерватора . . .	
53—младочеха	всего 82 чешск. депутата.
16—чеховъ-феодаловъ	
5—членовъ чешско-націон. рабочей партіи . .	
6—чеховъ-аграріевъ	
2—чеха клерилала	
62—члена польскаго клуба	всего 71 польск. депут.
5—партіи Стояховскаго	
3—польской народной партіи	
1—независ. польскій соціалистъ	
15—словенъ	
10—русиновъ	
5—румынъ	
19—итальянцевъ	
10—кроатовъ	
10—соціалъ-демократовъ	
2—серба.	

ренныхъ либераловъ и почти закрытой для рабочихъ массъ. Австрійскіе соціалъ-демократы повели энергичнѣйшую агитацію въ пользу новаго избирательнаго закона. Но необходимо прибавить, что соціалъ-демократія, выставляя новый лозунгъ, вокругъ котораго она собирала свои силы, обращалась съ призывомъ не только къ рабочимъ массамъ, но и ко всѣмъ слоямъ населенія, заинтересованнымъ въ измѣненіи состава реакціоннаго рейхсрата. Она будила крупную буржуазію, будила мелкую буржуазію, горячо убѣждала крестьянъ, взывала къ чувству національнаго достоинства всѣхъ населяющихъ Австрію народностей.

Послѣднимъ она говорила: есть великія національныя проблемы, отъ рѣшенія которыхъ зависитъ судьба вашихъ культуръ, зависитъ богатство и развитіе вашей національной жизни; но первымъ шагомъ къ рѣшенію этихъ проблемъ должно быть пріобрѣтеніе всеобщаго избирательнаго права, ибо оно есть начальное и важнѣйшее орудіе, безъ котораго дальнѣйшая борьба немыслима. И «народности», изнывавшія подъ гнетомъ австрійской бюрократіи, съ одной стороны, привилегированнаго юнкерства и духовенства— съ другой страстно ухватились за данный соціалистами лозунгъ. Соціаль-демократія, прекрасно понимая, что безъ активнаго содѣйствія со стороны непролетарскихъ массъ, безъ сочувствія буржуазіи, ей не добиться осуществленія реформы, доказывала необходимость реформы для цѣлей не классовой, а государственной политики. Въ тотъ день, когда министръ-президентъ Гаучъ внесъ въ рейхсратъ проектъ новыхъ законовъ объ избирательномъ правѣ—это было 22 февраля н. с. 1906 года—главный органъ австрійской соціалъ-демократіи писалъ: «Къ буржуазіи всѣхъ національностей мы обращаемся съ серьезнымъ напоминаніемъ взять эту реформу подъ свою защиту и уберечь ее отъ ненависти противниковъ. Мы снова напоминаемъ бюргерству, что оно прежде всего и болѣе всѣхъ выиграетъ отъ этой реформы. Помните, что только всеобщее избирательное право въ состояніи помочь буржуазіи «взобраться на сѣдло» и смѣнить у власти господствующую аристократію». «Мы еще убѣждаемъ васъ, въ надеждѣ убѣдить,—заканчиваетъ свое обращеніе органъ австрійскихъ соціалистовъ,—но вы не должны забывать, что мы умѣемъ и настаивать».

Указаніе на то, что пролетаріатъ можетъ и «настаивать», было совсѣмъ не лишнее. Дѣло реформы имѣло сильнѣйшихъ враговъ и непримиримыхъ противниковъ, которые готовы были на все, лишь бы не дать ей осуществиться. Пропаганда соціалъ-демекратовъ встрѣтила сочувствіе только въ одной вліятельной сферѣ, а именно—въ правительствѣ. Вызывалось ли это сочувствіе сознаніемъ того, что нѣтъ иного пути для того, чтобы смягчить огромныя національныя тренія, какъ путь всеобщаго избирательнаго права, или же передъ австрійскимъ правительствомъ стояла, въ видѣ достойнаго подражанія образца, политика Бисмарка, который при

помощи всеобщаго избирательнаго права создалъ «объединенную» Германію и пріобрѣлъ опору въ рейхстагѣ,—но фактъ тотъ, что правительство пошло навстрѣчу стремленію массъ и взяло на себя иниціативу измѣненія избирательнаго закона. Противниками реформы выступили заинтересованные классы—и прежде всего крупные и средніе аграріи. Когда Гаучъ въ первой своей рѣчи заявилъ, что задача правительства заключается въ томъ, чтобы путемъ уничтоженія ценза и введенія всеобщаго голосованія «создать полное національное представительство», на него обрушились съ двухъ сторонъ. Нѣмцы-націоналисты и такъ называемые «свободные нѣмцы» заговорили, что реформа поведетъ къ децентрализаціи, ослабленію имперіи, вытѣсненію нѣмецкаго элемента славянскимъ; поляки и чехи, наоборотъ, утверждали, что всеобщее избирательное право повлечетъ за собой централизацію, умаленіе національныхъ правъ, деспотизмъ нѣмецкаго элемента.

Сколь страстна была агитація соціалъ-демократовъ и нѣкоторыхъ другихъ демократическихъ группъ (напр., младочеховъ), столь же яростна была аттака противниковъ реформы. Аграріи повели закулисную интригу и нажали тѣ пружины, которыми располагаетъ всякая дворцовая камарилья, окружающая тронъ. Когда правительственный законопроектъ былъ послѣ перваго чтенія въ рейхстратѣ сданъ въ парламентскую коммиссію для изученія и исправленія, ярость антиреформистовъ удесятерилась. Польскій клубъ особенно старался, такъ какъ понималъ, что, съ введеніемъ демократической реформы, наступитъ конецъ его господству въ Галиціи. Всѣ силы онъ направилъ на то, чтобы свалить Гауча,—и успѣлъ въ этомъ. Гаучъ долженъ былъ уйти, благодаря проискамъ Джедушицкаго и Абрагамовича.

Уходъ Гауча вызвалъ тревогу въ рядахъ демократіи. Ужъ не снимается ли съ очереди реформа въ угоду всенѣмцамъ и всеполякамъ? Но на стражѣ реформы стояли соціалисты. «Отвѣтомъ на снятіе съ очереди избирательной реформы, — писала «Arbeiter Zeitung»,—можетъ быть объявленіе массовой забастовки, которая уже рѣшена. Пролетаріатъ готовъ ко всему». А исполнительный комитетъ соц.-демократической партіи заявлялъ, что «первомайская демонстрація будетъ послѣднимъ мирнымъ предостереженіемъ», что «все заготовлено къ проведенію забастовки». Ясно стало такимъ образомъ, что пролетаріатъ дѣйствительно намѣренъ «настаивать». Правительство учло это обстоятельство.

Гауча смѣнилъ Гогенлоэ, который былъ еще болѣе послѣдовательнымъ сторонникомъ реформы, чѣмъ Гаучъ. Поляки, слѣдовательно, обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Но они рѣшили не сдаваться безъ новаго боя. Воспользовавшись тѣмъ, что Гогенлоэ допустилъ конфликтъ съ венгерскимъ правительствомъ, поляки въ союзѣ съ другими реакціонерами свалили и Гогенлоэ. Они полагали, что проектъ реформы будетъ отложенъ на неопредѣленное время,

а тѣмъ временемъ наступитъ перерывъ въ сессіи. Но надежды во второй разъ оказались обманчивы. Корона не могла отречься отъ того, что однажды было ею торжественно обѣщано,—и на мѣсто Гогенлоэ вступилъ Беккъ, которому было поручено довести дѣло до благополучнаго конца. Порученіе это онъ выполнилъ.

Напрасно реакціонная часть рейхсрата, озлобленная до крайности, твердила, что правительство идетъ на поводу у соц.-демократовъ, что оно разрушаетъ основы государства, что оно раскрываетъ широко двери «красному призраку». Беккъ не сдавался; онъ указывалъ на растущее въ массахъ движеніе, котораго нельзя заглушить мѣрами насилія. И положеніе, дѣйствительно, было серьезно. Парламентская коммиссія затягивала разсмотрѣніе проекта, который не получалъ должнаго движенія. Массы волновались. Идея всеобщей забастовки пускала корни. На одномъ соціалистическомъ собраніи, на которомъ обсуждался вопросъ объ избирательной реформѣ, соціалистъ Сигль сказалъ: «въ 1893 году мы собирались заговорить «по-бельгійски», но не могли этого сдѣлать; съ тѣхъ поръ мы сдѣлали большіе успѣхи, и теперь мы сумѣемъ заговорить не только «по-бельгійски», но и «по-русски». Сигль прозрачно намекалъ на нашу историческую октябрскую забастовку 1905 года. Намекъ не былъ пустой угрозой. Въ серединѣ іюня состоялось совѣщаніе 107 делегатовъ соціалъ-демократическихъ организацій, на которомъ рѣшено было, если окажется нужнымъ, объявить всеобщую забастовку сначала въ Вѣнѣ, а затѣмъ и во всей Австріи, при чемъ опредѣленіе подходящаго для этого момента было поручено центральному комитету. Аналогичное постановленіе вынесли и безпартійныя профессіональныя организаціи. Правительство было прекрасно освѣдомлено о замыслахъ рабочихъ массъ, тѣмъ болѣе освѣдомлено, что эти массы никакого секрета изъ своего плана борьбы не дѣлали. Сознавая, что всякія репрессіи были бы въ данномъ случаѣ и безсильны, и безцѣльны, оно упорно шло къ цѣли осуществленія реформы. Но указанія реакціонныхъ депутатовъ, что въ странѣ «готовится возстаніе», правительство отвѣчало: мы никому не можемъ запретить высказывать свое мнѣніе всѣми легальными способами. Когда рейхсратъ въ іюнѣ разошелся на лѣтнія каникулы, оффиціозная газета, отражая, несомнѣнно, точку зрѣнія правительства, писала, что «правительство усматриваетъ свою *важнѣйшую* обязанность въ привлеченіи всего населенія къ политической жизни... и предложитъ законъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ, соотвѣтствующій *демократическимъ* требованіямъ вѣка».

Такимъ образомъ, всѣ стремленія реакціонеровъ отвратить «зло», связанное для нихъ съ введеніемъ новаго избирательнаго закона, разбивалось о твердую рѣшимость правительства провести законъ и объ ясно выраженное настроеніе народныхъ массъ. Либерально-буржуазные круги, правда, не были горячими сторонниками ре-

формы, опасаясь, что реформа повлечетъ за собой приливъ къ политической жизни невѣжественныхъ массъ населенія и что, благодаря этому, въ рейхсратѣ увеличится реакціонный антисемитическій элементъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они не рисковали поддерживать всеполяковъ и всенѣмцевъ, не рѣшались бороться съ министерствомъ изъ-за новаго закона, принятіе котораго они считали неизбѣжнымъ. Позиція ихъ была неопредѣленная, и главныя ихъ усилія были направлены на то, чтобы видоизмѣнить распредѣленіе избирательныхъ округовъ.

Шесть мѣсяцевъ длилась тяжелая «игра», въ которой рѣшался важнѣйшій вопросъ австрійской жизни. Наконецъ, 12 сентября коммиссіей былъ принятъ § 7 проекта. А этотъ параграфъ, въ окончательной редакціи, гласилъ: правомъ избирать депутата пользуется всякое лицо мужского пола, достигшее 24 лѣтъ отъ роду, состоящее въ австрійскомъ подданствѣ, живущее не менѣе одного года въ томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ избраніе, и не лишенное, само собой разумѣется, избирательныхъ правъ по особымъ, предусмотрѣннымъ закономъ, причинамъ (преступленіе, опека, пользованіе общественной благотворительностью, пребываніе на военной службѣ). Правомъ быть избраннымъ въ депутаты пользуется всякое лицо мужского пола, состоящее не менѣе трехъ лѣтъ въ австрійскомъ подданствѣ, достигшее 30 лѣтъ отъ роду.

Принять § 7 значило принять весь законъ, такъ какъ въ немъ заключалась самая суть реформы. Все остальное было подробностью,—правда, подробностью огромной важности, такъ какъ вопросы о числѣ депутатовъ новаго рейхсрата, о распредѣленіи ихъ по округамъ, объ уравновѣшеніи національныхъ представительствъ принадлежали къ числу наиболѣе острыхъ. Но о нихъ можно было сговориться, разъ было признано самое основаніе реформы. Въ коммиссіи, разсматривавшей правительственный проектъ, происходила сильнѣйшая борьба за преобладаніе въ будущемъ рейхсратѣ. Поляки, чехи, нѣмцы вносили поправки, требовали дополненій. Правительство 5 разъ видоизмѣняло свое предложеніе, уступая давленію различныхъ политическихъ партій, которыя соглашались вотировать за проектъ лишь при условіи предоставленія имъ тѣхъ или иныхъ льготъ. И опять-таки наиболѣе успѣшному и быстрому проведенію проекта способствовали соціалъ-демократы, которые шли на всѣ компромиссы и не создавали излишнихъ затрудненій, лишь бы обезпечить утвержденіе законопроекта.

Почти ровно годъ прошелъ съ момента внесенія правительствомъ проекта реформы (23 февраля 1906 г.) до окончательнаго принятія его рейхсратомъ (26 января 1907 г.). Демократія торжествовала свою первую побѣду.

Но выборы принесли ей еще и вторую побѣду, все огромное значеніе которой можетъ быть учтено теперь лишь въ общихъ чертахъ.

III.

Согласно новому избирательному закону, Австрія распадается на 480 избирательныхъ округовъ, избирающихъ 516 депутатовъ (по первоначальному проекту, видоизмѣненному парламентской коммиссіей, депутатовъ предполагалось 455). Разница между числомъ депутатовъ и числомъ округовъ объясняется тѣмъ, что 36 галиційскихъ округовъ выбираютъ сразу по два депутата въ то время, какъ всѣ остальные округа избираютъ по одному. Такая привилегія дана, по настоянію польскаго клуба, Галиціи въ видахъ обезпеченія польскаго представительства въ тѣхъ ея округахъ, гдѣ преобладаетъ русинское населеніе. Въ этихъ округахъ первый кандидатъ въ депутаты долженъ собрать больше $^1/_2$ всего числа голосовъ, второй—больше $^1/_4$. Такимъ образомъ, польскіе представители проходятъ здѣсь при незначительномъ сравнительно количествѣ голосующихъ. Нужно замѣтить, что обратнаго отношенія законъ не предусматриваетъ. Въ тѣхъ округахъ Галиціи, гдѣ преобладаетъ польское населеніе, выбирается только одинъ кандидатъ, и, слѣдовательно, представительство отъ русинъ не только не обезпечено, но и прямо невозможно. Правительство не рискнуло отнять у польскаго клуба его послѣднюю привилегію и тѣмъ самымъ, конечно, нарушило начало справедливости.

Изъ общаго числа 516 депутатовъ Богемія посылаетъ 130, Галиція—106, Нижн. Австрія—64, Верхн. Австрія—22, Моравія—49 (изъ нихъ чешскихъ 30 и нѣмецкихъ 19), Тироль—25, Штирія—30, Силезія—15. Остальныя десять областей посылаютъ 75 депутатовъ.

Главный центръ и интересъ всей избирательной кампаніи сводился къ вопросу: съ какими силами войдетъ каждая партія въ новый парламентъ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія? Трудно было предугадать заранѣе результаты выборовъ. Прежняя система избирательнаго права, дававшая сословно-куріальный рейхсратъ, не представляла возможности судить о томъ, на чью сторону склонится масса избирателей. Продѣлывался только *первый* опытъ всеобщаго голосованія, и потому не было элементовъ для сравнительной оцѣнки. Учрежденная въ 1896 г. курія всеобщаго избирательнаго права могла бы, повидимому, дать нѣкоторыя руководящія данныя, такъ какъ она уничтожала избирательный цензъ и къ ея урнамъ притекало все населеніе. Но двухстепенная подача голосовъ затемняла и спутывала картину голосованія въ предѣлахъ даже этой куріи. Тревожный для всѣхъ партій вопросъ объ исходѣ выборовъ оставался загадочнымъ.

День 14 мая принесъ цифры, которыя, не будучи еще окончательными, разъясняли направленіе избирательной кампаніи. Сначала

стали извѣстны результаты выборовъ въ Вѣнѣ, въ этой «крѣпости» антисемитизма, гдѣ христіанскіе соціалисты въ теченіе многихъ лѣтъ почти безраздѣльно господствовали. Три партіи боролись въ австрійской столицѣ съ неодинаковыми шансами на успѣхъ. Это были: антисемиты (христ. соціалисты), соціалъ-демократы и нѣмецкіе прогрессисты. Особенно рѣзкой и страстной была борьба между антисемитами и соціалъ-демократами, этими представителями двухъ діаметрально-противоположныхъ міровоззрѣній и программъ. Прогрессисты являлись въ роли «безъ вины виноватыхъ», на которыхъ сыпались удары съ двухъ сторонъ. Скрестившіяся, во враждебной схваткѣ, «черное» и «красное» знамена совершенно прикрыли блѣдный флагъ прогрессистовъ и оттѣснили его на второй планъ. Избирательная рѣзня была сильная и упорная. Антисемиты и соціалисты мобилизовали всѣ свои силы. Грандіозныя народныя собранія, которыя не прекращались на протяженіи двухъ мѣсяцевъ до выборовъ, сдѣлали свое дѣло и возбудили энергію избирателей до высшаго напряженія. Въ результатѣ перваго дня всеобщихъ выборовъ въ Вѣнѣ оказалось, что прошло 18 антисемитовъ, 8 соціалъ-демократовъ и 1 прогрессистъ, а въ шести округахъ (всего въ Вѣнѣ 33 округа) выборы не кончились ни въ чью пользу,—предстояли перебаллотировки.

И тотчасъ стало ясно, что главный токъ избирателей направляется по двумъ русламъ: въ сторону соціалистовъ-демократовъ и въ сторону христіанскихъ соціалистовъ. Въ 1901 году, когда въ Вѣнѣ было 20 избирательныхъ округовъ, столица была представлена 8 антисемитами, 5 либералами, 3 соціалъ-демократами. При новомъ избирательномъ законѣ либералы потерпѣли пораженіе и на первыхъ выборахъ получили только одинъ мандатъ. Перебаллотировки мало помогли дѣлу, такъ какъ на нихъ либералы выиграли всего два мѣста и постольку же мѣстъ выиграли христ. соціалисты и соц.-демократы. Въ окончательномъ итогѣ представительство отъ Вѣны въ новомъ рейхстагѣ сложилось, такимъ образомъ, изъ 20 антисемитовъ, 10 соц.-демократовъ и 3 прогрессистовъ.

Совершенно то же происходило и по всей Австріи. Уже первыя вѣсти говорили, что побѣждаютъ оба «крайнихъ» фланга политической и соціальной мысли и что впереди прочихъ идетъ заглушенная до сихъ поръ сила,—сила соц.-демократіи. 14 же мая въ нѣмецкихъ округахъ Богеміи были избраны 12 соц.-демократовъ, а въ чешскихъ 17 соц.-демократовъ. То же самое было и въ Моравіи, Силезіи. Полный подсчетъ кампаніи за день 14 мая далъ 56 христ. соціалистовъ, 56 соц.-демократовъ, 26 клерикаловъ и лишь 19 нѣмецкихъ либераловъ, составившихся изъ 10 прогрессистовъ, 4 свободныхъ нѣмцовъ, 5 «народниковъ». Были забаллотированы пангерманисты Шенереръ и Вольфъ, попалъ въ перебаллотировку такой «несомнѣнный» чехъ, какъ Крамаржъ. Если въ нѣмецкихъ округахъ потерпѣли уронъ либералы, то въ чешскихъ такая

же участь постигла младочеховъ. Въ предвидѣніи возможной неудачи младочехи еще до выборовъ вошли въ соглашеніе съ старочехами и «полюбовно» раздѣлили между собой избирательные округа. Но это былъ «раздѣлъ» шкуры не убитаго еще медвѣдя. Оказалось, что 14 мая прошли только 5 общихъ старо-младочешскихъ кандидатовъ, остальные попали въ перебаллотировку.

Итогъ первыхъ выборовъ, демонстрировавшій блестящій успѣхъ соціалъ-демократовъ, вызвалъ смятеніе въ рядахъ какъ реакціонныхъ, такъ и либеральныхъ партій. Плохо скрытую тревогу обнаруживало также и правительство. Если съ грѣхомъ пополамъ оно могло еще мириться съ черной опасностью, отнюдь не подкапывающей «основъ существующаго строя», то съ большимъ опасеніемъ глядѣло на надвигающуюся красную опасность. И оно не могло удержаться отъ того, чтобы не вмѣшаться въ партійную борьбу. Исходъ выборовъ долженъ былъ рѣшиться на перебаллотировкахъ 24 мая. Соціалъ-демократы имѣли своихъ кандидатовъ еще въ сотнѣ округовъ. Имъ противостояли христіанскіе соціалисты и прогрессисты. Министръ-президентъ Беккъ предложилъ послѣднимъ свои услуги въ роли посредника для выработки компромисса. На совѣщаніяхъ съ депутатами антисемитической и прогрессивной партіи Беккъ проводилъ ту мысль, что эти партіи должны другъ друга поддерживать на перебаллотировкахъ и проваливать соціалъ-демократовъ. Съ тяжелымъ сердцемъ присутствовали на этихъ засѣданіяхъ нѣмецкіе прогрессисты, единственная заслуга которыхъ именно въ томъ и заключалась, что они вели все болѣе и болѣе безпощадную борьбу съ антисемитами по мѣрѣ того, какъ послѣдніе усиливались. Въ этой борьбѣ была ихъ городость. Но гордость пришлось сломить въ виду того безнадежнаго положенія, въ которое попали нѣмецкіе либералы. Нельзя сказать, чтобы они не предугадывали пораженія на выборахъ. Примѣры тѣхъ страхъ (Франція, Германія), гдѣ всеобщее голосованіе давно уже было введено, рисовали либераламъ печальную картину неизбѣжнаго паденія. Да и собственная исторія ихъ партіи, выраженная въ объективныхъ цифрахъ, показывала, что значеніе партіи идетъ на убыль. Въ 1873 году нѣмецкихъ либераловъ было въ рейхсратѣ 200, въ 1879 г.—170, въ 1885 г.—114, въ 1891 г. 114, въ 1897 г.—77, въ 1901 г.—69. Пониженіе слишкомъ очевидно для того, чтобы у либераловъ было какое-нибудь основаніе питать надежду на внезапное возрожденіе. Но австрійскіе либералы ссылались на недавній успѣхъ германскихъ свободомыслящихъ, которымъ удалось, во время выборовъ въ новый рейстагъ, значительно усилиться и во многихъ округахъ побѣдить соціалъ-демократовъ. Идея «истиннаго» либерализма, говорили они, жива; опытъ германскихъ выборовъ показалъ, что при сплоченномъ и дружномъ усиліи всѣхъ искренно преданныхъ дѣлу либерализма элементовъ, можно выйти съ честью изъ борьбы съ врагами справа и слѣва. Никогда еще австрійскіе либералы

не пропагандировали такъ усердно «объединеніе» свободолюбивыхъ прогрессистовъ, какъ въ этотъ разъ. На это объединеніе, которое должно было, по ихъ мнѣнію, не только ослабить силу крайнихъ фланговъ, но и, что еще важнѣе, смягчить національныя тренія, укрѣпить «нѣмецкій» духъ и предохранить послѣдній отъ посягательствъ со стороны славянъ,—возлагали либералы всѣ свои упованія. Однако «объединенія» не произошло, и упованія были жестоко разбиты. Послѣ, когда выборы были уже закончены, нѣмецкіе прогрессисты упрекали себя въ недальнозоркости. Но запоздалымъ раскаяніемъ уже нельзя было исправить печальныхъ итоговъ. «Истинный» либерализмъ въ Австріи не ожилъ.

Борьба на перебаллотировкахъ была не менѣе ожесточенна, чѣмъ на первыхъ выборахъ. Имѣлись уже на лицо результаты голосованій, и шансы тѣхъ или иныхъ кандидатовъ можно было заранѣе учесть. Для того, чтобы такой учетъ оправдался въ дѣйствительности, необходимы были, конечно, предварительныя соглашенія, отказъ однихъ кандидатовъ въ пользу другихъ. Австрійскія перебаллотировки были богаты очень разнообразными соглашеніями. Многочисленность *) конкуррирующихъ въ борьбѣ партій, своеобразныя мѣстныя условія, въ которыхъ протекала избирательная кампанія, заранѣе исключали всякій тактическій догматизмъ. Въ одной области поддерживали другъ друга такія партіи, которыя въ другой области являлись политическими противниками. Соціалъ-демократы, напр., шли на соглашеніе не только съ прогрессистами, но и съ умѣренными націоналистами, если нужно было отразить клерикальную кандидатуру. Они поддерживали сіонистовъ, когда нужно было бороться съ польскимъ клубомъ. Непримиримы они были только по отношенію къ христіанскимъ соціалистамъ и консерваторамъ. Выпущенное соціалъ-демократами наканунѣ перебаллотировокъ воззваніе полно гнѣвныхъ возгласовъ по адресу христіанскихъ соціалистовъ. «Долой христіанскихъ соціалистовъ! — говорится въ этомъ воззваніи.—Голосуйте вездѣ противъ христіанскихъ соціалистовъ и за ихъ непримиримыхъ враговъ, голосуйте за людей свободы и культуры, которые борятся противъ обманчивыхъ спекуляцій христіанскихъ соціалистовъ... Уже давно Вѣна и Нижняя Австрія носятъ на себѣ иго этой партіи. Насталъ день положить этому конецъ. Долой же развратителей народа, которые, куда ни появляются, всюду вносятъ порчу и развратъ! Долой сѣятелей лжи и клеветы, отравляющихъ народъ, раззоряющихъ города и села, причинившихъ, благодаря своему господству въ парламентѣ, странѣ одно только несчастье... Избирайте же соціалъ-

*) Представленіе объ этой многочисленности можетъ дать, напримѣръ, Галиція. Въ этой области боролись 14 политическихъ теченій, а именно: соціалъ-демократы, 2 еврейскія партіи, 4 русинскія, 7 польскихъ. Отъ каждаго изъ этихъ теченій имѣются представители въ настоящемъ рейхсратѣ.

демократовъ и *свободомыслящихъ* гражданъ, поддерживаемыхъ нашей партіей!»

Энергичный языкъ воззванія показываетъ, къ какой неумолимой борьбѣ готовились соціалъ-демократы, стремясь отнять у христ. соціалистовъ спорные округа. Гдѣ ихъ шансы были слабы, тамъ они дѣятельно помогали прогрессистамъ, и не одинъ кандидатъ послѣднихъ прошелъ на вторыхъ выборахъ только потому, что его поддерживали соціалъ-демократы. Излишне прибавлять, что христ. соціалисты объединялись съ аграріями и консерваторами и соединенными силами дѣйствовали противъ общаго имъ врага изъ соціалистическаго или прогресивнаго лагеря.

Когда были произведены всѣ перебаллотировки, выяснилась, наконецъ, общая картина выборовъ и сила отдѣльныхъ партій. Избранными оказались (приводимъ цифры крупнѣйшихъ партій): 87 соціалъ-демократовъ (всѣхъ національностей), 66 христіанскихъ соціалистовъ, 24 нѣмецкихъ либерала, 25 нѣмецкихъ «народниковъ», 18 нѣмец. аграріевъ, 31 нѣмецкій клерикалъ, 22 младочеха, 33 чешскихъ аграрія, 53 представителя польскаго клуба (въ составъ котораго входятъ консерваторы, націоналъ-демократы, прогрессивные демократы, «центровики», просто демократы), 16 представителей польской народной партіи, 16 младо- и 5 старо-русиновъ, 24 словенца, 14 итальянцевъ. Далѣе слѣдуютъ румыны, сербы, кроаты, сіонисты (3 депутата) и нѣсколько «дикихъ». То крайнее разнообразіе политическихъ партій, которымъ отличается современная Австрія, не позволяетъ установить общую физіономію австрійскаго рейхсрата. Въ немъ такъ много перекрещивающихся чертъ, обусловленныхъ какъ неоднороднымъ политико-соціальнымъ и культурнымъ укладомъ страны, такъ и національными разслоеніями ея, что дать простѣйшій и легко усвояемый образъ австрійскаго народнаго представительства является совершенно невозможнымъ. Если бы было иначе, правительству сравнительно легко было бы управлять страной. А между тѣмъ, какъ извѣстно, управленіе Австріей представляетъ труднѣйшую, политическую задачу.

Но тѣмъ не менѣе одну характерную черту, выясняющуюся изъ состава новаго рейхсрата, можно кажется отмѣтить, не боясь впасть въ грубую ошибку, черту, отличающую новый рейхсратъ отъ прежнихъ: въ немъ гораздо слабѣе, чѣмъ раньше, представленъ «націоналистическій» элементъ. Отсюда, конечно, никоимъ образомъ не слѣдуетъ, что національныя аспираціи въ новомъ рейхсратѣ отступятъ на второй, малозамѣтный планъ. Это такъ же мало возможно, какъ мало возможно онѣмеченіе чеховъ или полонизація нѣмцевъ. Но тѣ партіи, которыя реальный вопросъ о національныхъ взаимноотношеніяхъ такъ сильно вздували, что обращали его въ вопросъ шовинистическій, въ вопросъ о преобладаніи во что бы то ни стало одной націи надъ другой,—эти партіи вышли изъ избирательной кампаніи болѣе или менѣе надломленными.

Мы уже указывали на то, что узкіе націоналисты-нѣмцы, такъ называемые пангерманцы, были на выборахъ разбиты. Младочехи также вышли изъ кампаніи съ большимъ урономъ для себя: въ прошломъ рейхсратѣ ихъ была сплоченная группа въ 53 человѣка, нынѣ они представлены всего 22. И польскій клубъ пережилъ чрезвычайно критическій періодъ. Кромѣ того, что число парламентскихъ членовъ его упало 62 (1901 годъ) до 53 (1907 годъ), его составъ сталъ пестрымъ, а потому и неустойчивымъ. Ядро клуба — консервативно-шляхетская группа — было расшатано въ избирательной борьбѣ. Извѣстный Абрагамовичъ едва прошелъ въ депутаты, да и то лишь благодаря тому, что во время избирательной агитаціи онъ замѣтно ослабилъ свои «всепольскія» тенденціи. Правда, въ виду необходимости опираться на непольскіе элементы, принуждены были затушевывать острые углы своего «націонализма» и другія націоналистическія группы: націоналъ-демократы, польскіе централисты, демократы, вошедшіе въ составъ клуба, польско-консервативная группа. Рядомъ съ этимъ значительно выросла (съ 3 до 16 депутатовъ) польская народная партія, которая въ своей практической дѣятельности обнаруживала очень близкую къ демократизму тенденцію. Она вела кампанію независимо отъ польскихъ правыхъ группъ и впослѣдствіи, сохранивъ вполнѣ свою самостоятельность, примкнула къ клубу лишь для того, чтобы, въ случаѣ нужды, совмѣстно съ нимъ отстаивать права польской національности, оставляя за собой свободу дѣйствій во всѣхъ другихъ случаяхъ.

Если произошло ослабленіе «націонализма» худшаго сорта, за то усилилась аграрная и отчасти клерикальная часть рейхсрата. Предвидѣнія буржуазныхъ либераловъ въ этомъ отношеніи оправдались. Число чешскихъ аграріевъ поднялось съ 6 до 33. Нѣмецкихъ аграріевъ попало въ парламентъ 18. Само собой разумѣется, что аграріи, какъ и клерикалы, очень далеки отъ демократизма. Они непрочь поиграть на націоналистической струнѣ, когда это оказывается выгодно. Но несомнѣнно также, что въ ихъ душѣ сильнѣе всякой націоналистической струны играетъ струна хозяйственно-экономическая, которая бьется въ униссонъ съ такой же струной нѣмецкихъ или польскихъ аграріевъ. И можно ожидать, что, когда новый рейхсратъ начнетъ свою законодательную дѣятельность, противорѣчіе между чешскими «молодыми партіями», напр., и чешскими аграріями обнаружится скорѣе, чѣмъ мнимое противорѣчіе между чешскими и нѣмецкими аграріями. Тогда послѣдніе освободятъ себя отъ всякихъ стѣсняющихъ ихъ «національныхъ» привѣсокъ. Распредѣленіе этихъ парламентскихъ группъ произойдетъ по линіи классовыхъ и имущественныхъ интересовъ. За судьбу вопросовъ истинно-національныхъ при этомъ безпокоиться не придется. О нихъ будутъ, вѣроятно, съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ клерикалы и шовинисты—заботиться радикально-демократи-

ческія группы, прошедшія въ рейхсратъ, и главнымъ образомъ соціалъ-демократы. Не нужно забывать, что какъ польскіе, такъ и чешскіе, русскіе и другіе соціалъ-демократы во время избирательной агитаціи выдвигали очень широкую національную платформу. Обращаясь къ пролетаріату, къ трудовымъ классамъ, къ культурной части народа, они въ яркихъ краскахъ изображали ту минимальную программу національныхъ требованій, осуществленіе которой они вмѣняютъ себѣ въ обязанность. Программа была достаточно широка для того, чтобы удовлетворить самыхъ упорныхъ націоналистовъ, искренно и добросовѣстно стремящихся къ защитѣ и поднятію національной культуры. И, нужно признать, эта программа оказала соц.-демократамъ замѣтную услугу, такъ какъ притянула къ нимъ демократическую часть населенія. О характерѣ національныхъ требованій, выставленныхъ соціалъ-демократами тѣхъ народностей, которыя еще не пользуются всей суммой національныхъ правъ, можно судить по избирательному манифесту чешскихъ соціалъ-демократовъ: «Мы будемъ, сказано въ этомъ манифестѣ, стремиться къ тому, чтобы во всѣхъ областяхъ со смѣшаннымъ языкомъ нашъ народъ получалъ *свои* школы, чтобы все учебное дѣло въ Чехіи увѣнчалось учрежденіемъ въ Моравіи *чешскаго* университета. Какъ сыны своего чешско-славянскаго народа, мы будемъ домогаться, чтобы нашъ языкъ сохранилъ всѣ завоеванныя права и былъ признанъ равноправнымъ не только въ стѣнахъ парламента, но и въ сношеніяхъ съ должностными лицами и учрежденіями... Въ единеніи съ парламентскими представителями соціалъ-демократіи другихъ народовъ мы надѣемся сдѣлать первые шаги къ тому, чтобы настоящую государственную организацію обратить въ *федерацію* свободныхъ народовъ и чтобы чешскому народу, равно какъ и прочимъ угнетеннымъ народамъ Австріи, была предоставлена та мѣра полноправія, какая требуется справедливостью».

Аналогичные манифесты выпускались и другими соціалъ-демократами. Исключеніе составляли соціалъ-демократы нѣмцы, которымъ, естественно, не было нужды провозглашать необходимость защиты «нѣмецкихъ» правъ, такъ какъ эти права и безъ того признаны. Но за то они не уставали и устно, и печатно подчеркивать свою солидарность съ чешскими, польскими, русинскими товарищами, выставившими на своемъ знамени требованія полнаго національнаго равноправія.

Въ настоящій моментъ, когда мы пишемъ эти строки, новый рейхсратъ «всеобщаго избирательнаго права» уже собранъ. Состоялись уже и выборы президента рейхсрата. Избраннымъ оказался Вейскирхнеръ, членъ партіи христіанскихъ соціалистовъ, полу-

чившій 321 голосъ. Очевидно, для избранія его сплотились всѣ чисто клерикальныя и консервативныя партіи, располагающія въ суммѣ 174 голосами, и кромѣ того разнаго рода «національные» (правильнѣе — националистическіе) клубы. Несомнѣнно, избраніе христіанскаго соціалиста въ президенты рейхсрата, – поскольку этому факту можно вообще придавать какое-нибудь значеніе,—есть признакъ, который говоритъ не въ пользу демократическаго настроенія парламента. Очевидно, въ парламентѣ будутъ бороться двѣ силы: объединенная христіанско-клерикально-консервативная и демократически оппозиціонная, слагающаяся изъ свободомыслящихъ, радикаловъ и соціалъ-демократовъ.

Но отвѣчаютъ ли выборы президента, да и вообще весь составъ рейхсрата тому отношенію различныхъ категорій избирателей, которое выяснилось въ результатѣ всеобщаго голосованія? Отнюдь нѣтъ. Хотя сейчасъ еще и нѣтъ всѣхъ подробно разработанныхъ статистическихъ данныхъ, которыя позволяли бы съ необходимой полнотой судить о ходѣ избирательной кампаніи,—однако, имѣющіяся на лицо общія и совершенно точныя цифры устанавливаютъ, что демократическая тенденція населенія Австріи бьется чрезвычайно сильно. Вотъ эти цифры.

Изъ общаго числа голосовавшихъ на выборахъ—4.668,155— соціалъ-демократы всѣхъ націй собрали 1.041,548 голосовъ. Ни одна партія, само собой разумѣется, не объединила вокругъ себя такого большого количества избирателей. Христіанскіе соціалисты (нѣмецкіе и итальянскіе) лишь собрали 554.093 голосовъ. Соціалъ-демократическіе голоса по національностямъ распадаются такимъ образомъ:

Въ нѣмецкихъ округахъ	514.279
„ чешскихъ „	399.904
„ польскихъ „	62.993
„ русинскихъ „	28.607
„ итальянскихъ „	21.551
„ словенскихъ „	13.754
„ румынскихъ „	860

Изъ этой таблицы явствуетъ, что въ чисто австрійскихъ провинціяхъ соціалъ-демократы идутъ почти вровень съ христ.-соціалистами, занимавшими до сихъ поръ въ рейхсратѣ мѣсто впереди соціалъ-демократовъ. Далѣе, явствуетъ, что всеобщее избирательное право совсѣмъ не принесло съ собой, какъ того опасались либералы, подавляющаго клерикальнаго большинства въ австрійскихъ провинціяхъ. Напротивъ, это большинство, повидимому, слагается въ пользу соціалистическихъ и оппозиціонно-демократическихъ группъ. И если первый опытъ всеобщаго голосованія съ самаго начала обнаружилъ, что населеніе Австріи начинаетъ сбрасывать съ себя гипнозъ, навѣянный лицемѣріемъ христіанско-соціалистической партіи, то есть основанія думать, что дальнѣйшіе опыты

дадутъ результаты еще болѣе утѣшительные для дѣла австрійской свободы. По крайней мѣрѣ, какъ нѣмецкіе прогрессисты, такъ и соціалъ-демократы твердо вѣрятъ въ счастливую звѣзду демократіи.

И. К. Брусиловскій.

Передъ кризисомъ.

Роспускъ второй Государственной Думы заслонилъ крайне характерное—и по существу, и по многимъ побочнымъ обстоятельствамъ,—дѣло о пяти священникахъ-депутатахъ: Гриневичѣ, Брилліантовѣ, Архиповѣ, Колокольниковѣ и Тихвинскомъ. Синодскимъ указомъ 12 мая они были привлечены къ духовному слѣдствію за принадлежность къ «разрушительнымъ партіямъ», «стремящимся къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго строя и даже царской власти», въ особенности же за «уклоненіе отъ порицанія замысловъ цареубійства». Слѣдствіе производилось митрополитомъ Антоніемъ по обязанности и еп. Иннокентіемъ (тамбовскимъ), если не ошибаюсь, по добровольному его, епископскому, желанію. На основаніи слѣдственнаго матеріала, о. Гриневичъ пока признанъ «взысканію не подлежащимъ». О. Брилліантовъ не пожелалъ давать объясненій, и о немъ 23 мая состоялся синодскій указъ: «извергнуть изъ священнаго сана», а впредь до изверженія—«запретить». О.о. Архиповъ, Колокольниковъ и Тихвинскій объясненія дали. Но ихъ также предписано: извергнуть, а предварительно воспретить.

Это мелкое сравнительно событіе послужило поводомъ для большого шума. Въ газетахъ появился цѣлый рядъ статей и по существу, политическая сторона котораго ясна, и, въ особенности, съ формальной точки зрѣнія, которая оказалась сложной и не столь ясной. Одни, напр., архимандритъ Михаилъ, напоминали, что церковныя правила, которыя имѣетъ въ виду синодское приказаніе «извергнуть», суть правила подложныя, и совершенъ этотъ подлогъ митрополитомъ Филаретомъ, по настоящимъ же церковнымъ правиламъ «священникъ не можетъ перестать быть священникомъ,—печать священства неизгладима» *). Другіе, какъ еп. Евлогій, утверждали, что тутъ чисто семейное церковное дѣло, и хотя въ данномъ случаѣ наказаны депутаты во время ихъ депутатскихъ полномочій, но, что бы ни говорили теоретики государственнаго

*) „Товар.“, 25 мая.

права, а по правиламъ православной церкви и по законамъ Россійской Имперіи въ сіе никто вмѣшиваться не смѣетъ. Депутатъ г. С. Булгаковъ, взирая на участь своихъ товарищей по Думѣ, сталъ доказывать въ «Рѣчи», что власть церковная не только надъ священниками, но, пожалуй, и надъ мірянами абсолютна, а вмѣшательство въ дѣянія этой власти противорѣчитъ принципу отдѣленія церкви отъ государства. Словомъ, говорили долго и кто во что гораздъ. Характерно, однако, что ни еп. Евлогій, ни г. Булгаковъ, ни даже самъ святѣйшій синодъ ни однимъ словомъ не отвѣтили на обвиненіе въ подложности каноновъ.

Конечно, этотъ подлогъ давно не составляетъ секрета для посвященныхъ. Вѣжливо говоря, тутъ просто увѣнчалось успѣхомъ отыскиваніе доказательствъ, что на всякомъ вообще «раскольничьемъ» духовенствѣ не почіетъ преемственное апостольское рукоположеніе. Но передъ большою публикою «подлогъ» всплываетъ наружу едва ли не впервые. Едва ли не въ первый разъ онъ становится достояніемъ общей прессы, получаетъ широкую огласку. Естественно было ждать «сраженія» на этой почвѣ,—тѣмъ болѣе, что позиція синода не такъ уже безнадежна, а позиція архим. Михаила не такъ ужъ неприступна. Правило о «неизгладимости печати священства» содержится въ «Посланіи восточныхъ патріарховъ». Документъ древній, греческій. А кому же неизвѣстно, какой ожесточенный споръ можетъ быть поднятъ при переводѣ любого мѣста изъ древнихъ греческихъ актовъ на церковно-славянскій языкъ. Споръ тѣмъ болѣе возможенъ, что обѣ стороны принуждены одинаково считаться со многими произвольными условностями. Синодъ въ любую минуту можетъ спросить своихъ противниковъ, стоящихъ въ нѣдрахъ православія, и особливо лицъ духовныхъ:

— Въ такомъ случаѣ вы должны признать справедливыми нѣкоторыя указанія, напр., Л. Н. Толстого, что въ одобренномъ русскою церковью переводѣ Евангелія есть неправильности и утайки. Однако, вы, отецъ такой-то, читали своимъ прихожанамъ этотъ переводъ, какъ подлинное Евангеліе, безъ всякихъ оговорокъ и поправокъ.

Словомъ, если у синода и нѣтъ средствъ одержать побѣду, то есть возможность затащить вопросъ въ такія дебри церковной казуистики, что даже посвященные люди перестанутъ различать, гдѣ ложь и гдѣ правда. И казалось, синодъ воспользуется этою возможностью. Долженъ воспользоваться, ибо вопросъ всплылъ на поверхность и предсталъ предъ большою публикою далеко не спроста.

Суть въ томъ, что за послѣднее время накопилось не мало пастырей, которые подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ лишены возможности отправлять священнослуженіе. По сохранившимся у меня газетнымъ вырѣзкамъ, къ сожалѣнію, очень неполнымъ, съ сентября прошлаго года по іюнь нынѣшняго въ одной только Курской губерніи устранено, запрещено или привлечено къ отвѣтственности

по политическимъ дѣламъ 24 священника, изъ нихъ о. Мольтковъ—за лѣвое настроеніе и опасный авторитетъ среди крестьянъ, о. Яструбинскій за сочувственное отношеніе къ крестьянамъ, о. Василій Вишневскій за чтеніе газетъ крестьянамъ, о. Николай Ломакинъ за то, что просилъ начальника карательнаго отряда не стрѣлять по селу изъ пушекъ, остальные 20—вообще за вредную пропаганду. По тѣмъ же даннымъ и за то же время, въ Ярославской губ. удалено и устранено трое; изъ нихъ: о. Заболотскій и о. Корсунскій за принадлежность «къ революціонной конституціонно-демократической партіи» и о. Кремлевскій за укоризненный отзывъ въ печати объ іеромонахѣ Илліодорѣ; впрочемъ, о. Корсунскій, во вниманіе къ его почтенному возрасту, допущенъ къ священнослуженію въ худшемъ приходѣ. Въ Смоленской губ.—трое: одинъ (о. Кутузовъ) за принадлежность къ крестьянскому союзу и двое (о. о. Чаплинъ и Березкинъ) вообще за неблагонадежность. Въ Томской губ. до 10 священниковъ сосланы генералъ-губернаторомъ въ Нарымскій край. Въ Петербургской губ. сильно пострадавшихъ четверо; изъ нихъ, между прочимъ, «запрещены»: протоіерей Бѣлковъ за напечатаніе въ журналѣ «Звонарь» корреспонденціи, непріятной харьковскому архіепископу Арсенію, и о. Паозерскій, какъ «присутствующій на засѣданіяхъ Государственной Думы, въ качествѣ представителя печати»; «преступленія» двухъ остальныхъ: архим. Михаила и о. Петрова, общеизвѣстны. Въ Донской обл.—двое; въ Кіевской г.—двое; въ Воронежской, кромѣ о. Пояркова, пострадавшаго за свою дѣятельность въ первой Государственной Думѣ, пятеро—по обвиненію въ принадлежности къ крестьянскому союзу; въ Казанской г.—трое. Сверхъ того, пострадали: о. Смирницкій (Лужскій у.) «вслѣдствіе жалобы мѣстныхъ землевладѣльцевъ»; о. Уваровъ (Бузулукскій у.) сосланъ въ монастырь за вредные разговоры съ деньщиками; о. Брилліантовъ (Минусинскъ) — за публично высказанное имъ сочувствіе народному представительству; о. Огневъ (Уржумъ); о. Лаптевъ (Тамбовская епархія), о. Брихничевъ (Тифлисъ), о. Преображенскій (Владимірская епархія), посаженный въ тюрьму за разъясненіе крестьянамъ манифеста 17 октября; о. Кузьминъ (Саратовская епархія), административно сосланный за недружелюбное отношеніе къ союзу русскаго народа; о. Ливановъ (Костромская епархія), посаженный въ тюрьму, не взирая на его преклонный возрастъ, за произнесеніе «вредныхъ» проповѣдей; о. Богоявленскій (Симбирскъ), не вынесшій преслѣдованія и покончившій самоубійствомъ (бросился съ соборной колокольни); о. Введенскій (Владивостокъ), запрещенный, высланный съ мѣста службы и вынужденный эмигрировать. Итого около 65, а съ вновь привлекаемыми членами Думы почти 70.

Разумѣется, этотъ перечень случаенъ и далеко не полонъ. Къ сожалѣнію, многія газетныя извѣстія очень неопредѣленны. Передо мною, напр., рядъ такихъ замѣтокъ: «Уфа. Благочинный

К. привлекается къ слѣдствію по обвиненію въ антиправительственной дѣятельности». Никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній объ этомъ благочинномъ К. не имѣется. Вообще говоря, такія обвиненія благочинному даромъ не проходятъ. Но пострадалъ ли К., или оправдался, а если пострадалъ, то въ какой мѣрѣ,—мы не знаемъ. Или—изъ Курской губ., кромѣ свѣдѣній о 24 пострадавшихъ священникахъ, есть замѣтки о другихъ, судьба коихъ окончательно неизвѣстна. Такъ, напр., благочинный 1-го округа Путивльскаго у. о. Андрей Поповъ обвиняется въ томъ, что, встрѣчая, по приказанію преосвященнаго, знамя мѣстнаго отдѣла союза русскаго народа, «облачился не въ свѣтлыя ризы». Т. е. надѣлъ рясу повседневную, поношенную, а не новую и праздничную. Замѣтка оканчивается на томъ, что о. Поповъ пишетъ оправдательныя бумаги въ консисторію и исправнику. Но удалось ли ему «отписаться», или онъ понесъ болѣе рѣшительное наказаніе, я не знаю. Беру, опять таки для примѣра, еще замѣтку: «благочинный о. Филаретъ Павловскій (Прилуки) устраненъ духовной консисторіей отъ должности за отказъ принять участіе въ манифестаціи союза русскаго народа». Человѣкъ, несомнѣнно, наказанъ. Но можно ли приравнивать устраненіе отъ должности благочиннаго къ ссылкѣ въ монастырь, къ заключенію въ тюрьму и вообще къ такимъ карамъ на политической почвѣ, послѣ которыхъ священникъ можетъ попасть лишь «за штатъ»? Въ данномъ случаѣ это зависитъ отъ личныхъ качествъ о. Павловскаго. Мнѣ они неизвѣстны. И я не рѣшился включить прилукскаго благочиннаго въ число 65. По той же причинѣ не включены, между прочимъ: царицынскій (Сарат. губ.) соборный протоіерей Бѣлинъ, лишенный благочинническаго званія за «несочувствіе союзу русскаго народа», и о. Грапачевскій (Подольск. губ.), уволенный, по распоряженію губернатора, отъ должности наблюдателя церковныхъ школъ за «собираніе и передаваніе политическихъ новостей».

Наконецъ, есть цѣлый рядъ свѣдѣній, относительно которыхъ можно лишь сказать: «число пострадавшихъ неизвѣстно». Между прочимъ, настроеніе прошлогоднихъ епархіальныхъ съѣздовъ духовенства оказалось весьма знаменательно. Тамбовскій, напр., съѣздъ высказалъ сочувствіе освободительному движенію. Подольскій—заявилъ, что признаетъ справедливыми крестьянскія требованія. Черниговскій—«позволилъ себѣ» болѣе дерзостную «манифестацію». Съѣхавшихся «пастырей» власть пригласила пожаловать на общее собраніе союза русскаго народа. Но изъ 50 священниковъ на это собраніе пожаловали только трое. Екатеринославскій архіерей «избѣгъ скандала», лишь благодаря чрезвычайнымъ мѣрамъ: онъ, такъ сказать, ввелъ на съѣздѣ военное положеніе и, вооруживъ себя чрезвычайною властью, непокорныхъ священниковъ прогналъ со съѣзда, а остальнымъ запретилъ касаться «недозволенныхъ вопросовъ». Вятскій съѣздъ «выразилъ свое глубокое сожалѣніе» по адресу

высшаго духовнаго начальства и «сложилъ съ себя всякую отвѣтственность за будущее епархіальной жизни». Одинъ изъ съѣздовъ обсуждалъ даже «возможность» «отложиться», если «по прежнему не будетъ признано человѣческое достоинство священно-служителей». Другой съѣздъ, обсуждая предположенія о созывѣ церковнаго собора, прямо постановилъ (правда, въ неоффиціальномъ засѣданіи): «отложиться, если соборъ будетъ фальсифицированъ». Разумѣется, столь крамольный образъ мыслей не оставленъ безъ вниманія. Есть извѣстія, что строптивые екатеринославскіе, напр., батюшки не только были изгнаны со съѣзда, но и болѣе чувствительнымъ образомъ ощутили архипастырскій гнѣвъ. Говорятъ, часть 47 черниговскихъ священниковъ, дерзнувшихъ не явиться на собраніе союза русскаго народа, тоже поплатилась. Есть глухія извѣстія о наказанныхъ за съѣздъ священникахъ пермской епархіи. Отцамъ-депутатамъ тамбовскаго съѣзда было прямо предложено чистосердечно покаяться подъ угрозой жестокими карами. Епископъ Иннокентій требовалъ у своихъ подчиненныхъ отказаться отъ подписи подъ протоколами съѣзда. И не безплодно. По крайней мѣрѣ, въ печати было оглашено покаянное письмо къ Иннокентію одного изъ участниковъ съѣзда о. Орефьева: «Болѣю душой—писалъ раскаявшійся іерей—по случаю этой подписи... Это я завѣряю своею священническою совѣстью. Поэтому усерднѣйше прошу васъ, ваше преосвященство, милостивѣйшій архипастырь и отецъ, зачеркнуть мою ошибочную подпись вашею архипастырскою рукою». Однако, насколько я знаю, не всѣ депутаты тамбовскаго съѣзда, подобно о. Орефьеву, раскаялись. Есть и не раскаянные, каковые и наказаны. Но сколько ихъ, и чѣмъ они поплатились,—на этотъ счетъ у меня нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній.

При такихъ условіяхъ цифра 70 можетъ имѣть лишь одно значеніе. Это крайній минимумъ. Это значитъ, что за послѣдніе 9—10 мѣсяцевъ выброшено за церковный бортъ не менѣе 70 іереевъ. Въ Россіи на каждаго священника приходится болѣе 1800 православныхъ мірянъ. Слѣд., уже теперь вы имѣете обезпеченный составъ священно-служителей для религіозной общины свыше чѣмъ въ сто тысячъ душъ обоего пола. Для человѣка, далекаго отъ каноническихъ умозрѣній, послѣдняя цифра—пустой звукъ. Такой человѣкъ, конечно, учтетъ іерейскія страданія и, навѣрное, скажетъ:

— Что бы тамъ ни говорили о русскомъ духовенствѣ, но оно внесло свою лепту въ освободительное движеніе. И, если хотите, лепту не малую. Насчитываютъ, что за время послѣ такъ называемаго московскаго возстанія правительствомъ сослано, заточено и истреблено до 150 тысячъ человѣкъ: почти по одному на каждую тысячу душъ. Если даже считать, что тяжко пострадало только 70 священниковъ, и то получимъ свыше 3 на каждыя двѣ тысячи общаго числа іереевъ и протоіереевъ въ Россіи (около 46 тыс.). Эти итоги: 1 на тысячу и 3 на 2 тысячи, конечно, несоизмѣримы. Но это не мѣшаетъ

имъ быть краснорѣчивыми. При томъ же цифра 70—минимальная и не за все время послѣ московскаго возстанія, а главнымъ образомъ лишь за послѣдніе 9—10 мѣсяцевъ. Наконецъ, это лишь страданія отцовъ за свои отцовскія дѣла. А вѣдь надо же принять въ разсчетъ іерейскія страданія за судьбу дѣтей, напр., въ духовныхъ семинаріяхъ, академіяхъ и епархіальныхъ училищахъ.

Повторяю, для насъ, для людей, далекихъ отъ церковныхъ умозрѣній, число пострадавшихъ священниковъ горестно и уваженія достойно. Но въ глазахъ истаго церковника оно прямо-таки опасно. Образовался внушительный отрядъ лицъ, которыхъ самъ синодъ вынужденъ признавать хотя и стоящими внѣ церковной іерархіи, но получившими отъ нея «благодать рукоположенія», «даръ Святого Духа» совершать всѣ таинства, все, что полагается по греко-россійскому обряду. По отзыву такого знатока каноновъ, какъ архим. Михаилъ, синодъ собственными карательными указами насаждаетъ новый расколъ, выкраиваетъ изъ собственнаго тѣла «новую церковь». Вотъ собственно та опасность, въ виду которой всплылъ вопросъ о филаретовомъ подлогѣ. И передъ лицомъ этой опасности для синода возможно одно изъ двухъ: либо отказаться отъ массового запрещенія іереевъ, либо настаивать на своемъ правѣ не только запретить любого «попа», но и «слизать», по выраженію протопопа Аввакума, съ него «благодать священства».

Можно благодать священства «слизать» или нельзя? Задерживая читателя на этомъ спорѣ, я невольно чувствую смущеніе. Собсвенно, чужой это для насъ споръ. До такой степени чужой, что мы при всемъ желаніи не можемъ принять его близко къ сердцу. Какъ-то разъ мнѣ пришлось разговориться съ старикомъ евреемъ. Онъ былъ цадикистъ и считался своими единовѣрцами человѣкомъ ученымъ. Я спросилъ, почему евреи считаютъ женщину—тварью низшей и нечистой. И услышалъ въ отвѣтъ, что такова воля Божья.

— Но почему же вы думаете, что воля Божія именно такова?

Старикъ увѣренно, тономъ учителя, который доказываетъ невѣждѣ совершенно элементарную истину, сталъ объяснять. Суть оказалась въ томъ, что слово отецъ по-еврейски начинается первою буквою алфавита, а сынъ не первою? Почему не первою? Потому, что природа испорчена примѣсью материнской крови. Дочь—самое низкое въ семьѣ, ибо она послѣдняя по алфавиту. А мать—средняя, ибо она хотя и была дочерью своего отца, но возвысилась, понеся плодъ своего мужа.

— А по-русски совсѣмъ иначе,—возразилъ я.—У насъ дочь первая по алфавиту, а отецъ на 10 буквъ ниже; мать на 2 буквы выше отца, и на 8 ниже дочери. Послѣдній по алфавиту сынъ. Ставши отцомъ, онъ возвышается черезъ близость къ женѣ своей, а дѣвушка, ставши матерью, унижается черезъ близость къ мужу своему.

— Это неправильно,—возразилъ ученый цадикистъ.

— Почему?

— Потому, что Богъ говоритъ не на русскомъ, а на еврейскомъ языкѣ.

Не трудно представить такихъ собесѣдниковъ, которые готовы до слезъ спорить, на какомъ, въ самомъ дѣлѣ, языкѣ говоритъ Господь-Богъ,—на русскомъ или на еврейскомъ. Можетъ быть, при этомъ до нѣкоторой степени богословскомъ спорѣ найдутся доводы и отъ разума, и отъ писанія. И всетаки для людей, постороннихъ богословію, это споръ о «невидимомъ какъ бы видимомъ». То же до извѣстной степени надо сказать и въ данномъ случаѣ. Архимандритъ Михаилъ и о. Григорій Петровъ, съ одной стороны, и святѣйшій синодъ, съ другой, повидимому, одинаково признаютъ, что если архіерей положитъ человѣку свои руки на голову и произнесетъ нѣкоторыя слова, то человѣкъ немедленно получитъ особый даръ: грѣшниковъ дѣлать безгрѣшными, новорожденныхъ младенцевъ, не имѣющихъ ни малѣйшаго права попасть въ царство небесное, превращать въ христіанъ, вполнѣ обладающихъ этимъ правомъ, прелюболѣевъ, какъ называетъ церковное начальство невѣнчанныхъ мужей и невѣнчанныхъ женъ, претворять въ законныхъ супруговъ, обладающихъ «даромъ Духа Святого къ благословленному рожденію и воспитанію дѣтей» и т. д. Повторяю, обѣ стороны увѣрены, что каждому, рукоположенному архіереемъ человѣку обязательно преподается именно такая сверхъестественная сила. Но обязательно ли берется назадъ, по первому указу синода или консисторіи,—на этотъ счетъ мнѣнія расходятся. Одна сторона утверждаетъ, что указы синода и консисторіи не имѣютъ обязательной въ этомъ смыслѣ силы и въ подтвержденіе ссылается на авторитетъ восточныхъ патріарховъ. Другая сторона говоритъ: нѣтъ, указы имѣютъ силу обязательную... Согласитесь, это споръ не для людей, постороннихъ богословію.

Вы еще болѣе согласитесь съ этимъ, если представите себѣ дѣйствительность въ ея подлинномъ, не прикрашенномъ видѣ. Сейчасъ въ синодѣ товарищемъ оберъ-прокурора состоитъ г. Роговичъ, дѣятельный членъ союза русскаго народа, и первоприсутствуетъ митрополитъ Антоній, членъ того же союза, недавно, по словамъ газетъ, окончательно примирившійся съ его оффиціальными представителями послѣ извиненій г. Дубровина. Въ этомъ же союзѣ состоитъ не менѣе половины всѣхъ россійскихъ епископовъ,—въ томъ числѣ томскій Макарій, тобольскій Антоній, орловскій и сѣвскій Серафимъ, харьковскій Арсеній, саратовскій Гермогенъ, таврическій Алексій, волынскій Антоній, тамбовскій Иннокентій, курскій Питиримъ, пермскій Никаноръ, московскій (митрополитъ) Владиміръ и др. Оказывается нѣчто въ родѣ филіальнаго отдѣленія верховной управы союза русскаго народа. Отдѣленіе воинствуетъ рука объ руку съ гг. Крушеваномъ и Пуришкевичемъ. Его усердіемъ получено и съ его одобренія опубликовано особое посланіе «все-

-ленскаго главы православія», константинопольскаго патріарха, «призвавшаго благословленіе Божіе на союзъ русскаго народа» *). Отдѣленіемъ создано и за подписью митрополита Антонія мѣрами государсгвенными распространено «посланіе епископамъ», призывающее «къ объединенію пастырей, а черезъ нихъ и паствы въ борьбѣ съ угрожающей опасностью для церкви и государства». По знаку отдѣленія, между прочимъ, повсемѣстно было запрещено служить панихиды о рабѣ божіемъ Петрѣ, ежели подъ онымъ, хотя бы и негласно, разумѣется лейтенантъ Шмидтъ. По знаку отдѣленія, во всей Россіи прошлогоднимъ лѣтомъ съ церковныхъ каѳедръ началась «подготовка населенія» къ указу о роспускѣ первой Государственной Думы при помощи проповѣдей о «злоумышленныхъ депутатахъ». По инициативѣ того же отдѣленія, было предписано «отцамъ благочиннымъ» «въ самомъ непродолжительномъ времени» донести, «кто въ каждомъ благочиніи не твердъ къ православно религіознымъ убѣжденіямъ, преданности царю и въ соблюденіи правилъ церковной дисциплины изъ среды священнослужителей и ихъ семействъ» **). Многими бы еще чертами можно охарактеризовать воинственность высшей церковной іерархіи. Да не этою характеристикою мы сейчасъ заняты.

Повторяю, передъ нами филіальное отдѣленіе верховной управы союза русскаго народа. Возьмите, ради примѣра, одного изъ членовъ этого отдѣленія,—ну, хотя бы неутомимаго издателя многопрославленныхъ погромныхъ «Братскихъ Листковъ», Гермогена саратовскаго. Спрашивается, по рукоположенію его, обязательно ли сообщается сверхъ-естественная сила? Обѣ стороны отвѣчаютъ: да, обязательно. Но вотъ еп. Гермогенъ, положимъ, приказалъ «запретить» свящ. Кузьмина. Отнялъ ли Господь, согласно этому приказу, у о. Кузьмина «благодать священства». Одна сторона говоритъ: да, отнялъ, не могъ не отнять до той поры, когда преосв. Гермогенъ напишетъ новый указъ о возвращеніи благодати обратно. Другая сторона утверждаетъ: о. Кузьминъ сохранилъ силу, каковая по указу еп. Гермогена не отнимается, ибо этотъ пунктъ предусмотрѣнъ восточными патріархами, а потому, если прихожане воспользуются новѣйшими указами и законами о вѣротерпимости и оснуютъ самостоятельную религіозную общину, независимую отъ синода, но православную по обрядамъ, то о. Кузьминъ вполнѣ правомоченъ у нихъ священнодѣйствовать. Въ концѣ-то концовъ получается, что верховная управа союза русскаго народа черезъ подчиненныхъ своихъ безспорно правомочна къ преподаванію благодати; а если правомочія ея отнять благодать и оспариваются, то не по существу дѣла, а лишь по силѣ мнѣнія, высказаннаго нѣкогда восточными патріархами.

---

*) Впервые напечатано въ „Колоколѣ“, № 128, 1906 г.

**) Слова въ кавычкахъ взяты изъ секретнаго указа по пермской епархіи отъ 5 сент. 1906 г. № 1472. Цит. по „Перм. Кр.“.

Во всякомъ случаѣ обѣ стороны стоятъ на одной и той же почвѣ, говорятъ въ сущности однимъ и тѣмъ же языкомъ. Въ ихъ аргументаціи мнѣніе восточныхъ патріарховъ одинаково имѣетъ рѣшающую силу. И тѣмъ поразительнѣе, что синодъ ни однимъ словомъ не отвѣчаетъ на обвиненіе въ подлогѣ. Словно такъ и быть должно:

— Ну, и подлогъ... Велика важность... а дальше что?

Дѣйствительно, велика ли важность? Присмотритесь, какъ велось дѣло о неблагонадежныхъ священникахъ-депутатахъ. Дѣло громкое, привлекшее «вниманіе всей Европы» и уже хотя бы по одному этому обязывающее дѣйствовать осторожно. И тѣмъ не менѣе...

Свящ. Колокольниковъ оффиціально заявилъ синоду: «состою въ Государственной Думѣ въ числѣ безпартійныхъ». Каждый мало-мальски грамотный человѣкъ понимаетъ, что депутатъ не можетъ сдѣлать такое заявленіе ложно. Однако, «по распоряженію синода члену Государственной Думы о. Колокольникову запрещено священнослуженіе за принадлежность къ соціалистической партіи» *). Не будемъ подробно говорить, составляетъ ли преступленіе «принадлежность къ соціалистической партіи». «Соціалистическія» партіи разныя бываютъ. Есть вѣдь «христіанскій соціализмъ», воинствующій противъ соціализма революціоннаго и пользующійся кое-гдѣ благосклонностью правительствъ. Не будемъ доказывать, что, налагая кару «за принадлежность къ соціалистической партіи», синодъ хотя бы только приличія ради обязанъ назвать эту партію. Насъ просто поражаетъ единственная въ своемъ родѣ способность «передъ лицомъ всей Европы» формулировать явно неосновательныя обвиненія и не чувствовать при этомъ ни малѣйшаго смущенія.

Другой примѣръ. Въ первоначальномъ синодскомъ указѣ пяти священникамъ депутатамъ, между прочимъ, ставилось въ вину «то обстоятельство, что они... дозволили себѣ показно отсутствовать въ засѣданіи Государственной Думы 7 мая при обсужденіи запроса поводу заговора, угрожавшаго жизни Государя Императора, и этимъ дѣйствіемъ явно уклонились отъ порицанія замысловъ цареубійства». Синодъ «имѣлъ сужденіе о семъ» 12 мая. И къ моменту опубликованія указа, основаннаго на этомъ «сужденіи», исторія «запроса о заговорѣ» до нѣкоторой степени была раскрыта. Запросу предшествовалъ рядъ таинственныхъ совѣщаній, на которыхъ участвовали «видные представители монархическихъ партій». Повидимому, въ этихъ совѣщаніяхъ принималъ участіе и товарищъ оберъ-прокурора синода г. Роговичъ, а можетъ быть, и митрополитъ Антоній. На категорическій вопросъ петербургскаго корреспондента

*) Телеграмма правительственнаго Спб. Агентства изъ Перми отъ 20 мая.

«Petit Parisien», былъ ли въ дѣйствительности заговоръ противъ царя, участникъ совѣщаній гр. Бобринскій отвѣтилъ:

— Имѣются лишь однѣ догадки, но мы, монархисты, желали испытать лойяльность депутатовъ *).

Кстати,—разоблаченія «Petit Parisien» опубликованы русскою печатью одновременно съ синодскимъ указомъ отъ 12 мая, и до сихъ поръ не опровергнуты... Итакъ, вмѣсто заговора, «желаніе испытать». Искуситель евангельской легенды тоже «желалъ испытать» и заслуженно получилъ отвѣтъ:

— Отойди отъ меня, сатано.

Этотъ именно отвѣтъ и варьируется въ объясненіяхъ синоду о.о. Тихвинскаго, Колокольникова и Архипова:

«Заявленіе правыхъ о покушеніи на государя — писалъ о. Тихвинскій — не обосновано никакими фактическими данными, а построено лишь на слухахъ, неясныхъ, неопредѣленныхъ и на столько разнорѣчивыхъ, что самый фактъ покушенія подвергался большому сомнѣнію и даже отрицался». Было убѣжденіе, «что заявленіе правыми внесено съ провокаціонною цѣлью, чтобы устроить только скандалъ, вызвать страсти... Не желая быть участникомъ скандала... я... весь день 7 мая на засѣданіи Государственной Думы не былъ».

«Въ кулуарахъ Думы—писалъ о. Колокольниковъ—всѣ говорили, что правые... провоцируютъ заговоръ, что заговора никакого не было и нѣтъ, и что они сочинили этотъ заговоръ для своихъ цѣлей... Я... рѣшилъ не быть на этой выходкѣ правыхъ».

Не довольствуясь этими объясненіями, священники депутаты изложили свое политическое credo.

О. Тихвинскій «монарха уважаетъ», «террору не сочувствуетъ», «стремится же посильно осуществлять» «правовой строй государства, съ высоко стоящимъ въ немъ конституціоннымъ монархомъ во главѣ». О. Колокольниковъ—«Государя Императора почитаемъ», «считаемъ своевременнымъ введеніе конституціоннаго строя съ отвѣтственнымъ министерствомъ», относительно же «республиканскаго образа правленія глубоко убѣжденъ», что «въ настоящее время онъ совершенно не пригоденъ». О. Архиповъ: «Особу Его Величества уважаетъ и къ ниспроверженію царской власти никогда не стремился», а въ отношеніи не токмо цареубійства, но и вообще «всякаго рода убійства» въ его, о. Архипова, «душѣ глубоко лежитъ отвращеніе».

Отвѣты эти опубликованы. И, казалось бы, синоду остается лишь слова собственнаго указа насчетъ «уклоненія отъ порицанія замысловъ цареубійства», «стремленія ниспровергнуть государственный и общественный строй и даже царскую власть» признать произнесенными неосторожно, а начатое ужъ черезчуръ неоснова-

---

*) «Тов.» 15 мая.

тельно дѣло поскорѣе предать забвенію. Синодъ же издалъ новый указъ (отъ 23 мая), коимъ объявляетъ, что священники Архиповъ, Тихвинскій и Колокольниковъ письменно «подтвердили предъявленное къ нимъ обвиненіе». Право, затрудняюсь найти сравненіе, не слишкомъ рѣзкое, и въ то же время достаточное характеризующее столь откровенную манеру не считаться съ фактами. Предположите хотя бы такой казусъ. Къ митрополиту Антонію является провокаторъ и спрашиваетъ:

— Владыко, порицаешь ли Магомета?

Владыка резонно отвѣчаетъ:

— Отойди отъ меня, сатано.

Затѣмъ сатана пишетъ доносъ. А синодъ, на основаніи провокаторскаго доноса, посылаетъ указъ о привлеченіи митрополита къ суду за умышленное уклоненіе отъ обличенія магометанства и за обнаруженное этимъ стремленіе ниспровергнуть православіе, вѣру христіанскую и даже власть синода. Владыка доказываетъ, что рѣчь шла вовсе не о Магометѣ, а лишь о неприличіи отвѣчать провокатору; въ подтвержденіе своей преданности православію владыка читаетъ вслухъ «никео-константинопольскій символъ вѣры». Синодъ все это выслушиваетъ и опредѣляетъ:

— Митрополитъ санктпетербургскій Антоній сознался и подтвердилъ предъявленное къ нему обвиненіе.

Примѣръ фантастическій. И однако, это лишь блѣдная копія съ синодскаго производства о депутатахъ-священникахъ. Говорю: «блѣдная», ибо въ ней отсутствуетъ заключительный и, быть можетъ, наиболѣе характерный эпизодъ: депутатовъ-священниковъ, все время обвинявшихся только «въ уклоненіи отъ осужденія» и «въ стремленіи къ ниспроверженію» и дававшихъ отвѣты только на эти обвиненія, приказано «извергнуть изъ священнаго чина» за «досажденіе царю не по правдѣ». Политическое значеніе столь неожиданной формулировки весьма прозрачно. Народъ нашъ сѣрый. И по сѣротѣ своей способенъ, пожалуй, повѣрить буквальному смыслу словъ:

— Депутаты наши, значитъ, приходили все къ царю и досаждали. А на повѣрку вышло—не по правдѣ,—обмануть царя хотѣли...

Не берусь судить,—можетъ быть, все это и очень цѣлесообразно. Но когда передъ нами воочію совершаются такія—пусть совершенно цѣлесообразныя — дѣла, право же искаженный переводъ «Посланія восточныхъ патріарховъ» не грѣшно считать мелочью. И невольно хочется спросить:

— Вы называете филаретово искаженіе подлогомъ. Ну, а безъ этого, сравнительно, мелкаго подлога вамъ легче было бы? Вы цѣпляетесь за авторитетъ «восточныхъ патріарховъ», убѣждая насъ, что «досадившій царю» можетъ быть наказанъ, лишенъ «чина», но не благодати священства». Господа, это опасная игра. Ссылками на тотъ же самый авторитетъ во всѣхъ православныхъ ка-

техизисахъ доказывается, что православный царь для каждаго православнаго христіанина есть тотъ же отецъ. А по Номоканону, освященному авторитетомъ тѣхъ же восточныхъ патріарховъ, «аще кто досадитъ отцу или матери своей, *смертію да умретъ*». И согласитесь, что синодъ, чудесно сотворившій изъ ничего «соціалистическую партію», весьма легко можетъ подвести «досажденіе» именно подъ эту «статью».

Въ данномъ случаѣ «досажденіе» по-истинѣ изъ пальца высосано. Но разъ оно высосано, поведеніе синода, съ точки зрѣнія восточныхъ авторитетовъ, страдаетъ мягкостью, граничащей съ попустительствомъ. Если строго держаться общепризнанныхъ, неподложныхъ церковныхъ правилъ, то дѣло вовсе не ограничивается священниками. Всѣ «православные», состоящіе членами всѣхъ оппозиціонныхъ партій, начиная съ к.-д., и «міряне», и «пастыри» могутъ быть преданы церковному суду, который правоспособенъ варьировать наказанія отъ ссылки въ монастырь до смертной казни. Православное населеніе подъ страхомъ смерти не смѣетъ быть «оппозиціей его величества»—вотъ какой смыслъ можетъ быть приданъ «авторитету восточныхъ патріарховъ». Въ «православномъ государствѣ» «православный» депутатъ не смѣетъ выразить недовѣріе министерству, ибо узаконенное Номокапономъ правило апостола Павла гласитъ: «аще кто имать вражду на кого, въ храмъ да не входитъ... дондеже примирится». То есть отлученіе, со всѣми вытекающими изъ него гражданскими послѣдствіями. А истолковать, что недовѣріе ничѣмъ не отличается отъ вражды гораздо легче, чѣмъ обвинить въ «досажденіи царю». Въ «православномъ государствѣ» всякіе толки объ еврейскомъ равноправіи не что иное какъ бунтъ, ибо «правило 11 шестаго собора, иже въ Труллѣ, повелѣваетъ: аще кто въ болѣзни дерзнетъ призвати евреина врача, и отъ него врачуется—аще убо священникъ есть, да извержется, мірскій же да отлучится». Признавая «восточный авторитетъ», надо рѣзко установить религіозную нетерпимость, ибо, напр., по Номоканону, «аще кто пойдетъ на праздникъ... еретическій и... спразднуетъ имъ, лѣта два да не причастится, аще ли священникъ есть да извержется». Недавно рижскій архіепископъ Агаѳангелъ потребовалъ, чтобы казенныя оброчныя статьи въ Прибалтійскомъ краѣ предоставлялись, прежде всего и главнымъ образомъ, православнымъ. Томскій епископъ Макарій пошелъ дальше и заявилъ что судъ, разбирая тяжбы православныхъ съ иновѣрцами, отнюдь не долженъ рѣшать въ пользу иновѣрца, ибо это «можетъ умалить значеніе православія, какъ господствующей религіи». Такъ и слѣдуетъ «вести политику», если руководствоваться «восточными авторитетами». Православіе, по ихъ толкованіямъ, допускаетъ только деспотическую власть семьи, угрожая, какъ мы видѣли, смертною казнью за досажденіе отцу. Для православнаго соблюденіе постовъ есть государственный законъ. Православный обязанъ ежегодно бы-

вать на исповѣди, обязанъ отвѣчать на всѣ вопросы духовника, и... облечители филаретова подлога, напр., о. Григорій Петровъ и архимандритъ Михаилъ, конечно, знаютъ, какія отсюда могутъ проистекать послѣдствія. Для тѣхъ же, кто не догадывается, рѣшаюсь мелькомъ напомнить о нѣкоторомъ, общеизвѣстномъ, впрочемъ, секретѣ.

Лѣтомъ прошлаго года въ «Вятской Газетѣ» крестьяне-корреспонденты отмѣтили чрезвычайно деликатное обстоятельство. Во время исповѣди вдругъ появились настойчивые вопросы: «Сочувствуешь ли нынѣшнимъ безпорядкамъ? Не читаешь ли прокламацій? Не подстрекаешь ли сосѣдей противъ правительства? Не ругаешь ли царя? Не имѣешь ли что сказать противъ царя? Не говорятъ ли у васъ въ домѣ что про царя? Не читаютъ ли чего-нибудь?» Исповѣдь—дѣло темное. Однако, на замѣтку «Вятской Газеты» обратили вниманіе. Кое-гдѣ произвели приблизительный подсчетъ. И, между прочимъ, оказалось, что въ Ярославской, напр., губерніи за нѣсколько мѣсяцевъ по доносамъ священниковъ однихъ только учителей пострадало около 20 *). Суть въ томъ, что, по указу 17 мая 1722 г., «если кто при исповѣди объявитъ духовному отцу своему нѣкое... воровство, наипаче же измѣну или бунтъ на государя или на государство, или злое умышленіе на честь или здравіе государево и на фамилію его величества... то долженъ духовникъ... донести вскорѣ о немъ, гдѣ надлежитъ»... Далѣе слѣдуетъ ссылка на указъ 28 апрѣля 1722 г., изъ котораго явствуетъ, что донесенію подлежатъ не токмо дѣла и намѣренія, но и «слова до высочайшей чести касающіяся и государству вредительныя». При чемъ опредѣлено, что священникъ, донесшій о политической неблагонадежности своего духовнаго сына, даетъ устныя показанія въ качествѣ свидѣтеля. Указъ этотъ, доселѣ не отмѣненный, вошелъ въ Духовный Регламентъ и, такимъ образомъ, понынѣ остается закономъ для русской православной церкви, который, между прочимъ, былъ введенъ въ петровскій текстъ особой присяги для священниковъ: «обѣщаюся и клянуся Всемогущимъ Богомъ передъ святымъ евангеліемъ... какъ отъ святѣйшаго правительствующаго всероссійскаго синода въ Духовномъ Регламентѣ... о исповѣди изъяснено и утверждено, и о чемъ по тому объявленію доносить повелѣно, то буду доносить» **)...

Да, если слѣдовать не подложнымъ церковнымъ установленіямъ, то каждый изъ насъ, записанныхъ въ православныя метрическія книги, можетъ быть не менѣе раза въ годъ «прилежно допрошенъ едино по единому» съ торжественными напоминаніями: «се, чадо, Христосъ невидимо стоитъ», «се и икона Его предъ нами, азъ же точію свидѣтель есмь», какъ положено въ уставѣ объ исповѣди,

*) „Вѣсть", № 6, 1906 г.

**) См. „Полное собраніе законовъ", т. VI, №№ 4012, 4022.

и каждый изъ насъ въ любую минуту, какъ положено Духовнымъ Регламентомъ, можетъ оказаться передъ лицомъ жандарма, имѣя противъ себя свидѣтелемъ духовника. Правда, тотъ же, положимъ, о. Григорій Петровъ можетъ доказывать «неканоничность» такого «порядка» ссылками на Кормчую книгу:

«Аще епископъ или іерей исповѣсть грѣхъ на сына своего духовнаго, на исповѣди отъ него слышанный, никакоже подобаетъ вѣрити сицевому свидѣтельству, по правилу 133 собора карѳагенскаго».

Но вѣдь синодъ уже давно разъяснилъ, что правило 133 карѳагенскаго собора не относится къ «грѣхамъ» политическаго характера. И это разъясненіе Духовный Регламентъ оправдываетъ ссылками на евангельскія слова: «повѣждь церкви» *). Быть можетъ, о. Петровъ назоветъ такія ссылки на евангельскій текстъ кощунственными. По моему мнѣнію, онѣ, дѣйствительно, кощунственны. Но это мнѣніе, разъ оно высказано, обнаруживаетъ, что мы не «вѣруемъ въ синодъ», не вѣруемъ въ его святовдохновенность, а слѣдовательно, не признаемъ святовдохновенность поставленной имъ іерархіи; это значитъ, что мы немедленно должны быть отлучены отъ церкви. Мы не смѣемъ учиться наукамъ, если онѣ не согласны съ космогоническими теоріями церкви. У насъ не должно быть философской системы, не одобренной синодомъ. По 17 правилу Никифора Цареградскаго, нашъ образъ мыслей и наше поведеніе должны быть всецѣло подчинены указаніямъ приходскаго священника, «яко отца духовнаго». На точномъ основаніи правилъ церкви, мы должны быть отброшены, по меньшей мѣрѣ, на 15 вѣковъ назадъ; мы обязаны вѣрить въ существованіе чертей; мы не смѣемъ отрицать силу чародѣйства и волшебства. По авторитету восточныхъ патріарховъ, Россія завтра же можетъ быть покрыта духовно-судебными трибуналами, не военно-полевымъ чета. Военно-полевые трибуналы знали только смертную казнь. Духовно-судебный трибуналъ вооруженъ Номоканономъ, предусматривающимъ и такія тонкости, какъ отсѣченіе рукъ и «ископаніе языка созади».

Погодите вооружаться правилами восточныхъ патріарховъ. Это—страшное орудіе. Восточныхъ правилъ не вынесла и не осуществила вполнѣ даже Византія. Ихъ не смогла осуществить даже Москва XVII вѣка. Больше скажу,—сама церковная власть не рѣшалась и едва ли рѣшится пустить въ ходъ всѣ рессурсы, какими она владѣетъ, благодаря восточнымъ авторитетамъ. Не торопитесь же укрѣплять ее во мнѣніи, будто ея авторитеты и для васъ авторитеты. Не раскаяться бы.

---

*) Ссылка дѣлается на ст. 15, 16 и 17 главы XVIII еванг. отъ Матѳ. См. Полн. собр. закон. т. VI, стр. 701.

II.

Мы достаточно видѣли церковный гнетъ. Но, строго говоря, о настоящемъ православіи большинство изъ насъ знаетъ лишь по наслышкѣ. Наша обрядовая жизнь, вольная и невольная, до сихъ поръ шла, такъ сказать, по домашнему, чудаковато, неуклюже, не безъ ссоръ и непріятностей, но въ общемъ не создавая поводовъ для массоваго безповоротнаго протеста. Правда, интеллигенція наша давно уже чувствовала большую неловкость, вспоминая о своихъ религіозныхъ обязанностяхъ. Но даже интеллигенціи «терпѣть можно было». Интеллигенту, особливо провинціальному, приходилось морщиться:

— ...Въ этомъ году непремѣнно поговѣть надо. Не то—непріятность можетъ выйти.

Скрѣпя сердце, онъ являлся утромъ въ одну изъ пятницъ великаго поста къ обѣднѣ, а вечеромъ на исповѣдь. Духовный отецъ деликатно опускалъ обязательные для него, но ужъ слишкомъ острые вопросы о «малакіи», мужеложствѣ, скотоложствѣ, птицеложствѣ и о «прочемъ подобномъ», чѣмъ наполненъ въ Требникѣ «чинъ исповѣданія». Чаще всего исповѣдь сводилась къ тремъ стереотипнымъ вопросамъ: грѣшенъ ли словомъ, грѣшенъ ли дѣломъ, грѣшенъ ли помышленіемъ? Помню одну свою исповѣдь, сугубо обязательную для меня, какъ для школьнаго учителя. Старичекъ-священникъ, едва я подошелъ къ нему, далъ мнѣ совѣтъ:

— Вы крестъ-то сверху цѣлуйте. Снизу простонародье цѣлуетъ. Больные бываютъ. Заразиться можно.

— Да,—отвѣтилъ я,—у моей знакомой отъ причастья два ребенка дифтеритомъ заразились...

— Долго ли до грѣха!.. У меня въ приходѣ—то-жъ бывали случаи... Ну, наклоните голову. «Господь и Богъ нашъ Іисусъ Христосъ... да проститъ ти, чадо»...

Иногда мирная бесѣда на нѣсколько религіозныя, но во всякомъ случаѣ нейтральныя темы разнообразилась напоминаніями:

— Ну, вы знаете—до причастья теперь ужъ по церковнымъ правиламъ, ни пить, ни ѣсть, ни курить... Такъ что если слабость ваша, то прочтите канонъ.

— Батюшка, какъ мнѣ его прочесть? У меня и книгъ такихъ нѣтъ...

— Ну, что съ вами дѣлать! Можно и такъ. Богъ проститъ. Только завтра пораньше къ утрени приходите. Въ 3 часа звонить начнемъ.

На такихъ же деликатныхъ основаніяхъ интеллигентъ женился, освобождаясь за нѣкую мзду отъ обязанности представить доказательства о бытіи у исповѣди и причастія и не подвергаясь тор-

жественному исповѣданію православія; все торжественное исповѣданіе сводилось къ тому, что, вмѣсто жениха и невѣсты, дьячекъ скороговоркою читалъ символъ вѣры. На такихъ же основаніяхъ интеллигентъ крестилъ своихъ дѣтей. Затѣмъ наши дѣти росли. По церковнымъ правиламъ, мы обязаны причащать ихъ, водить въ церковь, съ 6 лѣтъ доставлять на исповѣдь. Мы знаемъ, что въ противномъ случаѣ, ежели дѣло вести по всей строгости законовъ, можетъ выйти «очень скверная исторіи»: по требованію церкви, наши дѣти могутъ быть отобраны отъ насъ мѣрами полиціи. Но приходскій батюшка деликатно обходилъ этотъ пунктъ. Являясь въ концѣ поста читать молитву, разрѣшающую кушать скоромное, онъ деликатно становился лицомъ къ углу, который въ каждомъ православномъ жилищѣ долженъ почитаться святымъ и украшаться иконами, деликатно не замѣчалъ, что въ вашей квартирѣ нѣтъ не только святыхъ угловъ, но даже иконъ; деликатно не обращалъ вниманія, что у васъ на столѣ, не взирая на Великую Пятницу, мясной обѣдъ; деликатно не напоминалъ, что за сіе полагается на два года «запрещеніе»; деликатно не объяснялъ, почему церковь возбраняетъ вѣнчаніе подъ постные и праздничные дни, и хотя строго заставлялъ подчиняться этому послѣднему правилу, но все же своимъ правомъ властно вмѣшиваться въ интимныя супружескія отношенія не пользовался. По крайней мѣрѣ, я лично имѣлъ удовольствіе встрѣтиться только съ однимъ священникомъ, который публично напоминалъ прихожанамъ о своемъ правѣ вмѣшиваться, но и онъ дѣлалъ это не съ церковными, собственно, цѣлями и въ рѣдкихъ, сравнительно, случаяхъ: при рожденіи ребенка. Онъ, спрашивая прихожанина о днѣ рожденія, «сбрасывалъ» 9 мѣсяцевъ, и это нерѣдко давало ему возможность сдѣлать выводъ:

— Ага, младенецъ-то, выходитъ, постный...

Прихожане почему-то знали, что за крещеніе «постнаго младенца» «попу надо прибавить полтинникъ». Да и полтинникъ собственно прибавлялся лишь во избѣжаніе срама,—«чтобъ языкомъ попъ не звякалъ», а вовсе не изъ страха передъ Номоканономъ, по которому, за «постнаго младенца», буде священникъ заявитъ о нераскаянности супруговъ, полагаются печальныя послѣдствія.

Не говорю объ исключительныхъ людяхъ, въ родѣ Л. Н. Толстого. Не говорю и о рядовыхъ людяхъ, съ повышеннымъ религіознымъ чувствомъ. Я беру среднихъ людей, у которыхъ связь съ церковью опредѣляется либо наслѣдственной привычкой, либо чисто матеріальнымъ разсчетомъ: надо вѣнчаться и крестить дѣтей, ибо нѣтъ другого способа обезпечить дѣтямъ, мужу или женѣ права наслѣдованія, надо поговѣть, ибо иначе тебя прогонятъ со службы, или попъ не станетъ тебя вѣнчать, не признаетъ тебя способнымъ воспитывать дѣтей, не разрѣшитъ похоронить на православномъ кладбищѣ. И вотъ для такихъ среднихъ людей острые углы православія по преимуществу сводились къ вопросу о полтинникѣ. Въ деревняхъ онъ выро-

сталъ въ довольно острые конфликты изъ-за руги, изъ-за поповской таксы. Но всетаки это былъ лишь вопросъ о полтинникѣ, не затрогивающій основъ православной вѣры. Мужикъ платилъ попу таксу и давалъ ругу, попъ читалъ за мужиковъ «Вѣрую». Въ результатѣ получалось, что мужиковы дѣти имѣютъ права наслѣдства, а самъ мужикъ не подвергается мытарствамъ, какія опредѣлены для молоканъ, хлыстовъ, уніатовъ, старообрядцевъ и прочихъ, кого попъ признаетъ отпавшимъ отъ православія. Благодаря такой обоюдной уступчивости, даже не возникалъ вопросъ, какая собственно связь между православіемъ и X т. свода законовъ Россійской имперіи? На какомъ въ сущности основаніи мужикъ считается православнымъ, когда онъ даже «Вѣрую» не знаетъ и ни одного слова въ немъ не понимаетъ? Да и такъ ли онъ вѣруетъ, какъ написано въ этомъ самомъ «Вѣрую». Мужикъ платилъ. Попъ не пользовался статьями Номоканона, возлагающими на него не только право, но обязанность преслѣдовать всяческое не церковное «веселье, даже свадебныя пирушки», не отягощалъ эпитеміями, не наказывалъ прихожанъ за нарушеніе «святости праздника». Въ концѣ концовъ мужикъ не подозрѣвалъ, какая кара ему угрожаетъ даже за работу въ праздничный день или за торговлю на воскресномъ базарѣ, если церковныя правила примѣнить по всей строгости.

Въ концѣ концовъ получалось нѣкоторое подобіе равновѣсія. Конечно, это было равновѣсіе далеко не устойчивое. И откровенно говоря, обѣ стороны—и пастыри, и міряне, поддерживавшіе его обоюдной уступчивостью, не блистали ни искренностью, ни величіемъ души. Мнѣ лично такая позиція очень напоминаетъ политику синода относительно еретическихъ наукъ. Синодъ, напр., не можетъ и по церковнымъ правиламъ не долженъ признавать «систему Коперника». Съ церковной точки зрѣнія, эта система — ересь, и кто держится ея, подлежитъ анаѳемѣ. И тѣмъ не менѣе «коперникова ересь» введена въ курсъ духовныхъ училищъ, и ее преподаютъ тамъ на урокахъ географіи. Разумѣется, ревнующій о чистотѣ православія законоучитель не преминетъ объяснить ученикамъ, что ученіе о вращеніи земли есть лишь гипотеза, допустимая только потому, что она удобна для нѣкоторыхъ чисто математическихъ вычисленій, а по существу вначалѣ Богъ сотворилъ землю, и только на четвертый день солнце, луну и звѣзды, а понимать сіе надо такъ, какъ явствуетъ, напр., изъ словъ Іисуса Навина, сказавшаго: «стой, солнце». Точно также ревнующій о несрамномъ бытіи православія законоучитель считаетъ своимъ долгомъ напомнить, что хотя, молъ, Богъ и сотворилъ міръ въ 6 дней, но среди церковныхъ пастырей есть разногласія, въ какомъ смыслѣ понимать день: иные полагаютъ, что день надо понимать въ аллегорическомъ смыслѣ, и возможно, что нѣкоторые дни творенія продолжались тысячи, а быть можетъ, и десятки тысячъ лѣтъ; и хотя

это мнѣніе нельзя считать православнымъ, ибо оно церковью не признано, однако, съ другой стороны, его нельзя считать и еретическимъ, ибо оно церковью не проклято. Лавируя такими способами, церковь все время находилась въ положеніи двусмысленномъ. Для искреннихъ людей это положеніе трудно пріемлемо. Но практически оно цѣлесообразно. Благодаря ему, корабль, сооруженный «восточными авторитетами», плылъ и плыветъ доселѣ. Не легко ему среди бурныхъ волнъ житейскаго моря. Порою кажется, что онъ умоляетъ о пощадѣ: не прикасайтесь ко мнѣ, не то развалюсь. И, дѣйствительно, не прикасайтесь. Въ ранней юности мнѣ пришлось хоронить близкаго и дорогого человѣка, — хоронить, входя во всѣ подробности установленнаго ритуала, начиная съ погребальныхъ одеждъ, погребальныхъ вѣнчиковъ, погребальнаго «паспорта», и кончая чтеніемъ псалтыря, панихидами и сорокоустомъ. Вѣнчикъ и «паспортъ»... Это клочки бумаги. Одна узкая; на ней напечатано «святый, Боже»; ее требуется класть на лбу православнаго покойника. Другая — широкая; на ней напечатана молитва; ее надо свернуть вчетверо, какъ складываются оффиціальныя бумаги, и всунуть покойнику въ руки. Эту «бумагу» простонародная рѣчь и называетъ, не безъ наивнаго юмора, «паспортомъ». Изданіе этихъ бумагъ составляетъ чью-то монополію; доходъ поступаетъ въ чью-то пользу. Я и раньше видалъ эти бумажки, но только тутъ на похоронахъ узналъ, что онѣ обязательны.

— Почему?

Богомольныя старухи, безъ которыхъ не обходятся похороны, негодующе хоромъ объяснили мнѣ:

— Какъ же душенька безъ ангельскаго вѣнца къ Богу явится! Какъ же душенька безъ паспорта въ царство небесное пройдетъ!..

Ангельскій вѣнецъ? Безъ паспорта? Я вопросительно поглядѣлъ на священника. Онъ покраснѣлъ и отвернулся. Развѣ тутъ можно допытываться? Развѣ можно спрашивать?

— Не прикасайтесь,—не то развалится.

А сорокоустъ? Въ основѣ его лежитъ обязанность служить панихиды во всякомъ случаѣ на 9, 20 и 40 день послѣ смерти. Дѣло въ томъ, что, по ученію церкви, душа въ теченіе шести недѣль «странствуетъ по мытарствамъ». И какъ разъ именно въ названные дни она переноситъ наиболѣе страшныя испытанія, отъ которыхъ и зависитъ судьба: попасть навѣки въ адъ къ дьяволу или навѣки въ рай. Ученіе это не составляетъ догмата; по екатерининскому школьному уставу о немъ запрещалось даже упоминать на урокахъ закона Божія. Но это не мѣшаетъ ученію о мытарствахъ играть видную роль въ обрядовомъ обиходѣ. А на чемъ оно основано,—лучше не спрашивайте. Въ самомъ благопріятномъ случаѣ вы можете получить лишь нѣчто въ родѣ анекдотическаго

отвѣта, авторомъ котораго глухое преданіе считаетъ, если не ошибаюсь, какого-то остроумнаго монаха Бѣлобережскаго монастыря Орловской губ. Въ этотъ монастырь пріѣхалъ любитель церковной живописи. Заинтересовался иконой страшнаго суда, и, желая выяснить себѣ нѣкоторыя детали, задалъ какой-то вопросъ проходящему мимо іеромонаху.

— Ну, что, господинъ, зря пытаете, — сердито отвѣтилъ тотъ.— Сами должны понимать, что это для простонародья нарисовано.

«Нарисовано для простонародья»... Однако, на ряду съ «простонародьемъ» даже благородные и ученые господа, когда это требовалось, публично, по командѣ священника, «дули и плевали на сатану», по меньшей мѣрѣ слышали или читали о случаяхъ зараженія дѣтей и взрослыхъ «черезъ причастье», терпѣливо слушали дьячковское: «господо, госпопо, госпопо» и, смотрѣли, какъ при этомъ дьячекъ считаетъ по пальцамъ до 40—«нельзя иначе,—надо непремѣнно произнести «Господи, помилуй» 40 разъ. Благородные и ученые господа продѣлывали многое другое, что для простонародья полагается. Иногда морщились при этомъ. Иногда смѣялись. Иногда серьезно говорили:

— А вѣдь все это когда-то имѣло большой смыслъ,—даже такой на современной «мірской» взглядъ анахронизмъ, какъ запрещеніе женщинамъ появляться публично съ непокрытою головою, основанное на словахъ апостола Павла *) и сохранившее силу церковнаго закона до сихъ поръ, какъ живой памятникъ протеста противъ вакханаліи. Имѣлъ смыслъ даже такой пережитокъ старины, тоже косвенно основанный на словахъ ап. Павла, какъ запрещеніе мужчинамъ брить бороду, румяниться и пудриться. Вѣдь въ Россіи нѣкогда бритое и нарумяненное лицо мужчины было профессіальнымъ знакомъ позорнаго ремесла, вызваннаго къ жизни чудовищными пороками служилаго сословія и высшаго духовенства. Тутъ была когда-то борьба здоровой трудовой морали противъ безудержнаго разврата тунеядцевъ. Въ этой борьбѣ церковь стягивала силы, брала на себя руководство, несла въ первую голову жертвы. А нынѣ во что все это выродилось!..

Но и смѣясь, и разсуждая серьезно, хорошіе господа «не углублялись въ предметъ», норовили скользнуть по поверхности и пройти мимо. Въ концѣ концовъ средній русскій хорошій господинъ до сихъ поръ ухитрялся проскальзывать мимо не только безчисленныхъ церковныхъ мелочей, но и мимо самыхъ основныхъ вопросовъ:

«Религіозное» чувство, — чувство беззавѣтнаго преклоненія передъ верховными началами жизни, которыя суммируются въ словѣ: «Богъ»... Громадное это, великое дѣло,—быть можетъ, са-

---

*) См. I Коринө. гл. 11, стр. 4—15.

мое важное, самое интимное и самое дорогое для человѣка. Но какое собственно отношеніе имѣють къ нему попы, свѣчи, колокольни, дьячки, считающіе по пальцамъ «господо» 40 разъ?.. Строго индивидуальныя отношенія каждаго отдѣльнаго человѣка къ верховнымъ началамъ жизни въ конечномъ эффектѣ создаютъ нѣкоторое общее представленіе о Богѣ, совершенно различное въ разныя времена и у разныхъ народовъ. Одно дѣло — Богъ Пятикнижія Моисеева. Другое—Богъ первыхъ христіанъ. И третье—Богъ Л. Н. Толстого. Изъ Бога Пятикнижія Моисеева логически и естественно вытекаетъ «религія», какъ договоръ. Старыя еврейскія молитвы построены именно на предположеніи договора: «я Тебѣ, Господи, дамъ то-то, а Ты мнѣ сдѣлай то-то, если Ты не сдѣлаешь, я не буду давать, а если сдѣлаешь больше, чѣмъ прошу, то я и дамъ Тебѣ больше». Но наши представленія о Богѣ совпадаютъ ли съ Моисеевыми, допускаютъ ли они самое существованіе чисто договорныхъ отношеній съ Богомъ? Наше простонародье пусть невѣжественно, пусть суевѣрно, но допускаетъ ли даже оно возможность такой договорной сдѣлки: «Ты мнѣ, Господи, то-то, а я Тебѣ то-то»? Если допускаетъ такую возможность, тогда у насъ въ Россіи имѣется матеріалъ отремонтировать нынѣшній церковный корабль заново. А если такая возможность не допускается, то самый терминъ «религія», до сихъ поръ чужой въ русскомъ языкѣ, придется наполнить какимъ-то новымъ содержаніемъ, ничего общаго не имѣющимъ съ буквальнымъ смысломъ слова.

На горахъ снѣжныя лавины порою держатся только потому, что орлы летятъ мимо и молча—не садятся и не кричатъ. Иногда достаточно орлу сѣсть или крикнуть, чтобы въ горахъ начался обвалъ... Также вотъ и съ нашимъ церковнымъ кораблемъ: онъ расползался отъ собственныхъ противорѣчій, стоналъ подъ тяжестью собственныхъ анахронизмовъ, но плылъ. Отъ него то и дѣло отламывались куски, то большіе, какъ старообрядчество, то поменьше, какъ хлыстовщина или скопчество. Въ послѣдніе годы обломки стали сыпаться безпрестанно. Но колокола звонили, какъ будто ничего не случилось. «Въ воскресенье церковь Божія полна». Лѣтомъ «мужики и бабы» вереницами шли на поклонъ къ святымъ угодникамъ. Корабль плылъ. Время отъ времени появлялся даже охочій человѣкъ и произносилъ горделивую рѣчь о той всемірной роли, какую суждено сыграть этому кораблю. Находились люди, любовно, не за страхъ, а за совѣсть, внимавшіе горделивымъ рѣчамъ. Порою сами кормчіе преисполнялись отваги,—брали на буксиръ то «единовѣрческое» судно, то уніатское. Буксируемыя судна отломали отъ православія, сколько можно было, и, въ концѣ концовъ, уходятъ прочь. А корабль всетаки плыветъ.

Нельзя сказать, что на немъ нѣтъ проблеска реформаторской мысли. Между прочимъ, до 1905 г. существовало нѣкоторое подобіе союза духовныхъ лицъ, жаждущихъ обновленія. Это было

именно подобіе—нѣчто не оформленное, не организованное, не имѣющее ни яснаго плана, ни опредѣленной цѣли и ядовито называемое противниками справа:

«Новый Израиль».

Повидимому, «Новый Израиль» и самъ не зналъ, какія у него силы; возлагалъ онъ нѣкоторыя надежды на реформаторскій геній Антонія Волынскаго, слывшаго, особенно послѣ своей рѣчи о кишиневскомъ погромѣ 1903 г., «либераломъ во епископахъ». «Мечты, мечты! Гдѣ ваша сладость»? Былъ реформаторскій «кружокъ 32». Нынѣ существуетъ болѣе организованное «Братство церковнаго обновленія». Есть, наконецъ, отдѣльныя лица, въ родѣ г. В. Розанова, которыя давно и настойчиво твердятъ, что корабль надо обновить, что оставлять его въ нынѣшнемъ безпомощномъ нельзя. Все это, повторяю, несомнѣнно свидѣтельствуетъ о проблескахъ реформаторской мысли. Но, признаюсь, странное впечатлѣніе производятъ на меня эти проблески.

Вотъ, напр., г. Розановъ уже не мало лѣтъ потратилъ на войну съ «чернымъ епископомъ». Онъ привелъ рядъ неоспоримыхъ доводовъ отъ разума, что архіерей-монахъ есть явленіе вредное. Онъ привелъ неоспоримые доводы отъ писанія, что монахъ не долженъ, не имѣетъ права быть архіереемъ. «Черный епископъ» пронизанъ шпагою г-на Розанова насквозь, но продолжаетъ сохранять архипастырское благодушіе. Казалося бы, г-нъ Розановъ наноситъ своему врагу смертельные удары. И однако, не только мы, посторонніе люди, не чувствуемъ, что г. Розановъ попадаетъ въ настоящее мѣсто и занимается дѣйствительно серьезнымъ дѣломъ; повидимому, этого не чувствуемъ даже какъ будто поражаемый на смерть «черный епископъ».

Недавно въ газетахъ приводились справки, сколько дохода получаетъ высшее духовенство. Если вѣрить этимъ справкамъ, московскій митрополитъ имѣетъ ежегодно 76.000 р., петербургскій—259.000 р., кіевскій 84.000 р., новгородскій архіепископъ 307.000 руб. и т. д. Суммы вообще чрезмѣрныя, а для инока, давшаго обѣтъ нестяжанія, наипаче. Но предположите, хотя бы въ видѣ шутки, что петербургскій «черный епископъ», которому одна только Александро-Невская лавра выплачиваетъ ежегодно 250 т. р., сниметъ съ себя обѣтъ нестяжанія и сочетается законнымъ бракомъ съ «кронштадтскою богородицею». Правило константинопольскаго собора, запретившаго епископу быть монахомъ, будетъ исполнено. Но развѣ г-на Розанова это избавитъ отъ всѣхъ другихъ правилъ, какими скована жизнь «церковнаго человѣка»? Или, напр., отъ близкихъ къ «Братству церковнаго обновленія» мы слышимъ: «устройство русской церкви не канонично», «синодъ не каноничень». Разумѣется, не канонично и не каноничень. Хорошо, устроимъ такъ, чтобы все было канонично. Но вѣдь тогда придется открыть чуть ли не крестовый походъ противъ женщинъ,

обязанныхъ покрывать голову такъ, какъ дѣлают монахини и какъ пишется на иконахъ. Развѣ нынѣшніе головные женскіе уборы каноничны? И не думайте, что это пустякъ. Съ церковной точки зрѣнія это вовсе не пустякъ. Это законъ: женщина должна носить покрывало, какъ «знакъ власти (мужа) надъ нею». (I Кор. XI, 10). Это коренной церковный вопросъ. Какъ понимать слова апостольскихъ посланій, признаваемыхъ церковью за неподложныя? Есть ли это слова самого Духа Святого, подлежащія безспорному исполненію, или только личное мнѣніе писателя Павла, писателя Петра, очень интересное для своего времени, но ни для кого не обязательное?

Для меня, для человѣка, оторвавшагося отъ церковнаго корабля, это, въ извѣстной степени, чужіе вопросы. Я не обязываюсь реформировать церковную жизнь, и потому моя позиція проста. Отдѣлите церковь отъ государства—и предоставьте кораблю плавать самостоятельно. Кому надо, тотъ уйдетъ съ него. Кому хочется—останется. Оставшіеся такъ или иначе выскажутъ свое мнѣніе «о Штраусѣ и о Ренанѣ»; такъ или иначе разрѣшатъ споръ между женскими головными уборами и авторитетомъ церкви, опредѣлятъ свое отношеніе къ анахронизмамъ... Пусть устраиваются, какъ хотятъ,—мое дѣло сторона. Но церковный реформаторъ, даже если онъ стоитъ за отдѣленіе церкви отъ государства, обязанъ заранѣе высказаться. Къ сожалѣнію, реформаторская мысль пока не идетъ дальше робкой оппозиціи Духовному Регламенту и синодскому начальству. Въ ней нѣтъ творчества. Она робко скользитъ мимо «проклятыхъ вопросовъ». И поелику она скользитъ,—поелику въ ней нѣтъ творчества,—холодно возлѣ нея и пусто. Тѣмъ печальнѣе эта пустота, что скользить-то, пожалуй, недолго осталось. И не нынче — завтра это занятіе окончательно придется оставить.

III.

Можно было скользить, когда отъ церковной іерархіи вообще и отъ членовъ Братства церковнаго обновленія въ частности государственная власть требовала обыкновенныхъ услугъ, вошедшихъ въ привычку, оказываемыхъ почти механически.

Уже во времена Побѣдоносцева потребовались услуги не совсѣмъ обыкновенныя: тѣ же хотя бы церковныя школы надо было насаждать вполнѣ сознательно, ясно представляя себѣ, для какой цѣли придумано это мѣропріятіе. Теперь требуются услуги чрезвычайныя. Выше я упоминалъ, какіе «грѣхи» вдругъ стали интересовать приходскихъ батюшекъ во время исповѣди, и для какой агитаціи была использована церковная каѳедра передъ роспускомъ первой Государственной Думы. Послѣ роспуска каѳедра понадобилась для насажденія идеи о «богатыряхъ», для борьбы съ вы-

боргскимъ воззваніемъ *), для предвыборныхъ прокламацій правительства, потомъ снова для агитаціи, которая, судя по газетнымъ свѣдѣніямъ, велась передъ роспускомъ второй Думы, и послѣ этого второго роспуска снова для насажденія мысли, что Думѣ, какъ и всей Россіи, главнымъ образомъ крестьяне мѣшаютъ быть истинно-русской страной, а въ интересахъ насажденія этой во всякомъ случаѣ оригинальной мысли, между прочимъ, особымъ указомъ синода предписано было воспользоваться Троицынымъ днемъ... Я лично знаю одного священника въ Орловской губ., которому осенью прошлаго года, когда онъ выполнилъ предвыборное препорученіе начальства, былъ прихожанами въ упоръ поставленъ вопросъ:

— А ты, батюшка, кому служишь—Богу или эполетамъ?

Батюшка, человѣкъ преклонныхъ лѣтъ, остановился въ царскихъ дверяхъ, подумалъ, поклонился прихожанамъ въ поясъ и отвѣтилъ:

— Простите, отцы и братіе... Я подалъ уже прошеніе... На покой ухожу. А легко ли мнѣ—сами знаете...

Старый священникъ нашелъ таки достойный уваженія способъ ускользнуть отъ рокового для русской церкви вопроса: «кому служишь?» Но этимъ способомъ можно пользоваться только разъ въ жизни. А между тѣмъ ускользнуть надо. Въ интимной бесѣдѣ можно не стѣсняться. Въ интимной бесѣдѣ еписк. тамбовскій Иннокентій могъ склонять о.о. Тихвинскаго, Архипова и Колокольникова къ переходу въ лагерь союза русскаго народа, откровенно заявляя, что «положеніе священника на сторонѣ правительства надежнѣе» **). Но вѣдь то въ интимной бесѣдѣ. А публично въ церкви прихожанамъ не скажешь:

— Служу я, чада мои, не Богу, а правительству.

Между тѣмъ «чада» требуютъ категорическаго отвѣта.

Въ газетахъ далеко не рѣдкостью стали замѣтки, что прихожане своихъ духовныхъ отцовъ и просто выгоняютъ однѣми только угрозами и выгоняютъ сугубо—поджогами и даже побоями. Появилась и такая, напр., замѣтка: «свящ. с. Заболотья, Новгородской губ., проситъ о командированіи ему стражниковъ для личной охраны, въ виду того, что бьютъ его во время хожденія имъ по приходу съ животворящимъ крестомъ». Или вотъ замѣтка, еще болѣе симптоматическая: «Крестьяне с. Миньковецъ и м. Паволочки, Сквирскаго у. (Кіевской губ.) настолько вооружены противъ своихъ священниковъ, что почти перестали посѣщать церкви и обращаться къ своимъ

---

*) Напр., секретнымъ циркуляромъ тверской духовной консисторіи отъ 15 іюля 1906 г. за № 1300 духовенству предписано „разъяснять населенію, что воззваніе это (выборгское) имѣетъ мятежный характеръ и направлено противъ священной царской власти", а также „доносить о случаяхъ распространенія".

**) „Рѣчь", 6. VI. 1907 г.

пастырямъ за совершеніемъ требъ» *). Какъ видите, попытка ускользнуть отъ одного вопроса, приводитъ къ необходимости отвѣчать на цѣлый рядъ вопросовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, «духовнаго отца съ животворящимъ крестомъ» бьютъ. Онъ вызываетъ стражниковъ. Но вѣдь это лишь мѣра охраны. А какъ же быть съ каноническими правилами, на основаніи которыхъ прихожанъ за такіе поступки съ духовнымъ отцомъ надо отлучать? Но о массовыхъ отлученіяхъ легко говорить. А чѣмъ, извините за грубость, попъ съ попадьею питаться будутъ? Кто возмѣститъ потерю консисторскихъ и синодскихъ доходовъ? Да и что отлучать? Вонъ сквирскіе «мужики» сами себя отлучили. По каноническимъ правиламъ, надо немедленно признать фактъ. Но признать можно скоро, а что выйдетъ, если, воспользовавшись этимъ самымъ признаніемъ, мужики объявятъ себя старовѣрами, уніатами или баптистами? Тутъ одно изъ двухъ: либо категорически отвергни, что ты служишь не «эполетамъ», но тогда тебя прогонятъ, ибо на то тебѣ и данъ приходъ, чтобы ты оказывалъ власти политическія услуги; либо категорически признай, кому служишь, но въ такомъ случаѣ надо будетъ признать также, что никакой тутъ, въ сущности, «благодати» нѣтъ, а есть только, фигурально выражаясь, департаментъ полиціи.

Власть гонитъ неудобныхъ ей пастырей и ласкаетъ удобныхъ. Такъ она искони поступала. Но теперь на этой почвѣ проклятые церковные вопросы ставятся ребромъ. Прихожане, напр., о. Смирницкаго (Лужскій у.) писали архіерею: «Если батюшку нашего не возвратятъ, то при другомъ священникѣ мы церковь посѣщать не будемъ». Точно также прихожане о. Клавдія Аѳанасьева писали донскому архіерею: «указомъ святѣйшаго синода батюшку нашего отъ насъ удалили... мы же безъ батюшки нашего, отца Клавдія, не можетъ быть». Появились и такія заявленія: «платить церковный оброкъ не будемъ, въ виду того, что не желаемъ на свои деньги учить поповскихъ дѣтей», «платить (церковный налогъ) не будемъ, потому что деньги наши идутъ на консисторію да на святѣйшій синодъ». Но вѣдь это бунтъ противъ церковной іерархіи, дерзновенный отказъ отъ 9 члена никео-константинопольскаго символа, за отступленіе отъ коего полагается анаѳема. А съ другой стороны, повторяю, нельзя же непрестанно кричать: «анаѳема». И вотъ церковь пока отмалчивается. Но долго ли можно будетъ молчать?

Недавно синодъ «обсуждалъ съ точки зрѣнія каноническихъ правилъ», какъ совмѣстить манифестъ 17 октября съ нормами «касательно семейственныхъ правъ». И, между прочимъ, постановилъ «допускать лишь браки православныхъ только съ пріемлющими православные догматы о Сынѣ Божіемъ сектантами и ста-

*) „Кіевскій Голосъ".

рообрядцами и при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы, во-первыхъ, каждый такой бракъ совершался не иначе, какъ съ разрѣшенія архіерея, а во-вторыхъ, чтобы вступающіе въ бракъ давали подписку воспитывать дѣтей по православной вѣрѣ». Постановленіе строго согласовано съ каноническими правилами, которыя въ данномъ пунктѣ совершенно не считаются съ ап. Павломъ, разрѣшившимъ «братьямъ и сестрамъ во Христѣ» брачное сожительство со всѣми вообще «невѣрными» (I Коринѳ. VII, 12—17). Едва ли нужно подробно доказывать, что синодъ двинулся въ походъ съ цѣлями строго политическими. Это канонизированіе манифеста даетъ совершенно опредѣленный отвѣтъ на всѣ вопросы, связанные со свободой совѣсти и вполнѣ ясно предусматриваетъ вѣроисповѣдную регистрацію населенія, а слѣдовательно, и незыблемость нынѣ дѣйствующей паспортной системы. Разумѣется, постановленіе синода относится только къ православнымъ. Но, согласитесь сами, не можетъ же правительство допустить, чтобы православное населеніе пользовалось менѣе «либеральными» семейственными правами, чѣмъ населеніе иновѣрное и инославное. Разумѣется, историческая власть готова «октроировать» свободу совѣсти. Но, вы понимаете,—есть нѣчто высшее: божественныя установленія, каноническія правила православной церкви. Пока мы дѣлаемъ опытъ канонизаціи манифеста только въ одномъ пунктѣ. Но вѣдь рѣшительно нѣтъ ни одного мѣста въ человѣческой жизни, которое такъ или иначе не предусмотрѣно каноническими правилами. И теперь обстоятельства складываются именно такъ, чтобы ухватиться за Номоканонъ, какъ за основной законъ государства Россійскаго. Фортеція, по крайней мѣрѣ, авторитетная. Во времена Екатерины II, разыскивая авторитетную фортецію, говаривали:

— А что предпринялъ по сему предмету великій Петръ?

Въ наше время всѣ данныя за то, чтобы спрашивать:

— А что опредѣлено по сему вопросу въ Кормчей книгѣ?

Не будемъ предсказывать, какъ долго и какъ далеко можно идти въ этомъ направленіи. Но первые шаги уже сдѣланы. И по линіи уже сдѣланнаго неминуема борьба. Въ предѣлахъ церкви и на церковной почвѣ эта борьба невольно облекается въ форму нѣкоего диспута:

— Ага, вы отрицаете паспортную систему. А признаете ли вы для себя обязательными тѣ каноническія правила, выполненіе коихъ немыслимо въ современномъ государствѣ безъ паспортной системы?

— А вы признаете каноническія правила, на основаніи которыхъ весь нынѣшній синодъ надо признать учрежденіемъ нецерковнымъ?

Пока споръ идетъ именно въ видѣ такого обоюдно уклончиваго диспута. Синодъ не отвѣчаетъ на упреки въ неканоничности, но

ссылается на святость тѣхъ «каноновъ»,—которые по нынѣшнимъ временамъ правительству особенно полезны. Противная сторона не высказываетъ опредѣленно своего мнѣнія объ этихъ полезныхъ правительству канонахъ, но ставитъ на видъ другіе каноны, которые въ данное время правительству вредны. Пока эта обоюдная уклончивость демонстрируетъ, что каноны въ сущности лишь груда историческихъ наслоеній, которая очень интересна для историка, но на которую сами церковные люди смотрятъ нѣсколько скептически. Такія демонстраціи сами по себѣ имѣютъ большое воспитательное значеніе. Но, повторяю, заниматься только демонстраціями можно лишь пока. Рано или поздно придется поставить точку надъ і. И судя по всему это случится скорѣе «рано», чѣмъ «поздно».

Я привелъ лишь нѣсколько штриховъ, которыми иллюстрируется общая мысль: пока «опасныя мѣста» стояли недвижимо, около нихъ можно было скользить; но разъ они стали орудіемъ нападенія и защиты, ускользнуть нельзя. Мнѣ невольно припоминается забавная реплика въ «Новомъ Времени». Когда, въ виду репрессій противъ «крамольныхъ элементовъ среди духовенства», въ общую печать проникъ лозунгъ: «значитъ, остается одно,—образовывать независимыя отъ синода религіозныя общины», «Новое Время» отвѣтило:

— Ну, что-жъ, образуйте, но ваши общины не могутъ быть признаны православными.

Центръ тяжести тутъ, конечно, въ намекѣ на полицейскія воздѣйствія, какія полагаются за отпаденіе отъ православія. Намекъ ехидный, но, когда рѣчь идетъ о массовомъ отпаденіи, въ достаточной мѣрѣ платоническій. Однако, по существу, «Новое Время» обмолвилось правильной мыслью: «наши общины», дѣйствительно, не будутъ православными. Не только потому, что онѣ порвутъ связь съ установленной іерархіей, и отвергнутъ «Регламентъ Духовный». Выросла болѣе глубокая причина: придется переоцѣнить заново самыя основы господствующаго ученія. А что отъ этихъ основъ можетъ остаться, если ихъ серьезно оцѣнить и взвѣсить, мы знаемъ по примѣру русскихъ раціоналистическихъ сектъ. Да, это мысль правильная. Но едва ли слѣдуетъ «Новому Времени» считать ее для себя утѣшительной.

Не такъ давно «Смоленскій Вѣстникъ» отмѣтилъ, что въ двухъ волостяхъ Краснинскаго у.—Мигновичской и Селецкой—«исчезаютъ помѣщики». На обѣ волости остался только одинъ помѣщикъ, да и тотъ земскій начальникъ. Фактъ какъ будто мелкій: на маленькомъ пространствѣ жизнь за $1^1/_2$ года смыла кусокъ великой горы, именуемой «помѣстнымъ сословіемъ». Фактъ какъ будто даже стереотипный: ибо далеко не въ одномъ Краснинскомъ у. наблюдается. И ничего тутъ особо замѣчательнаго нѣтъ, если не считать замѣчательнымъ, что великая гора рушится. И едва ли совсѣмъ не рухнетъ. Ибо «неспокойно синее море». И живемъ мы какъ на по-

ходѣ. Въ полномъ походномъ и даже боевомъ снаряженіи правительство. Въ походномъ настроеніи мы—интеллигенты. Въ походномъ настроеніи дворянство, суетливо сбывающее вотчины крестьянскому банку. Въ походномъ настроеніи и крестьянство. Сейчасъ это обще-русское настроеніе. И я не знаю болѣе яркой характеристики этого настроенія, чѣмъ фразы двухъ ходоковъ — «хохла» и «кацапа», присланныхъ односельчанами во вторую Думу, но пріѣхавшихъ въ Петербургъ послѣ роспуска,—одинъ съ юга, другой изъ центра. Узнавши о роспускѣ, хохолъ произнесъ, что, значитъ, нужно саламату готовить. А кацапъ погладилъ бородку и разсудилъ:

— Ничего не подѣлаешь, надо сухари сушить.

Въ атмосферѣ, невольно напоминающей чисто походныя кушанья: сухари и саламату, исчезновеніе помѣстнаго сословія не остановится. Впрочемъ, никто и не сомнѣвался, что сильнѣйшіе удары народная стихія направитъ именно на эту гору. Боялись даже, что лозунгъ «земля» будетъ слишкомъ преимуществовать надъ лозунгомъ «воля», что, сокрушая одну гору: помѣстное сословіе, волна событій не затронетъ другой горы—самодержавія.

И одно время казалось, что эта другая гора имѣетъ глубокія корни въ «мужицкой» психологіи. Булыгинскій избирательный законъ колебался между вѣрою и невѣріемъ въ эти корни и въ концѣ концовъ больше склонился въ сторону вѣры, чѣмъ невѣрія. И, возможно, что въ свое время, въ іюлѣ—августѣ 1905 г. Булыгинъ былъ отчасти правъ. Столыпинскій избирательный законъ уже не колеблется, и окончательно ликвидируетъ надежды на мужицкую психологію. И, конечно, г. Столыпинъ правъ, оффиціально объявляя мужику войну: основаніе горы подмыто волнами, и «традиціонная власть», потерявъ надежды заключить одновременно бракъ съ мужикомъ по любви, а съ бариномъ по разсчету, посылаетъ нынѣ сватовъ только къ барину и только въ надеждѣ на разсчетъ.

Горы рушатся—вотъ основная причина нашего походнаго настроенія. И, признаюсь, мнѣ лично казалось, что дѣло ограничится только двумя горами. Было жутко, что на долю нашего поколѣнія выпала столь тяжкая и отвѣтственная работа: двѣ горы сразу. И временами думалось: хорошо еще, что волна событій какъ будто идетъ мимо третьей горы—мимо православія. Оно, быть можетъ, и лучше. Пусть это останется на долю нашихъ потомковъ. Всего мы, пожалуй, не осилимъ. Съ насъ достаточно въ эту сторону сдѣлать только первые шаги. Теперь все яснѣе становится, что первоначальныя впечатлѣнія были ошибочны: волна событій идетъ не мимо.

Быть можетъ, это случилось потому, что самодержавіе сугубо вооружилось для своей защиты православіемъ, и послѣднее оказалось какъ бы механически подставленнымъ подъ удары. Быть мо-

жетъ, сама волна событій, кружась вокругъ да около, въ концѣ концовъ пошла хотя и на главную непріятельскую твердыню, но по линіи наименьшаго сопротивленія,—пошла просто потому, что, во-первыхъ, война съ попомъ такъ же общедоступна, какъ и война съ помѣщикомъ, а во-вторыхъ, навлекаетъ не самыя тяжкія репрессіи. Массовые разстрѣлы по случаю «аграрныхъ безпорядковъ» всетаки легче устроить, чѣмъ массовые разстрѣлы за спокойный, «лойяльный» переходъ изъ православія, напр., въ баптизмъ. Быть можетъ, есть и другія причины. Даже навѣрное есть. Но во всякомъ случаѣ счеты съ православіемъ, повидимому, приходится сводить не нашимъ потомкамъ, а намъ. И приходится сводить едва ли не прежде, чѣмъ конченъ вопросъ о двухъ другихъ горахъ.

Меня лично не убѣждали бы въ этомъ постановленія епархіальныхъ съѣздовъ «отложиться». Мало ли что постановляется въ неоффиціальныхъ засѣданіяхъ! Не убѣждали бы извѣстія о стычкахъ съ попами. Не убѣждали бы разсужденія о несмываемости благодати священства, хотя эти разсужденія могутъ появиться въ общей печати лишь тогда, когда подъ ними есть практическая цѣль. Не убѣждали бы даже газетные лозунги о религіозныхъ общинахъ, хотя уже одно появленіе такихъ лозунговъ — важный симптомъ. Можно бы считать неубѣдительной даже совокупность всѣхъ этихъ симптомовъ, изъ которыхъ каждый многозначителенъ. Можно бы, хотя это значительно труднѣе, не обратить вниманія на такіе факты, какъ бойкотированіе церквей, наблюдающееся мѣстами въ Кіевской губерніи, бойкотированіе приходскаго духовенства, а мѣстами и епархіальнаго начальства: напомню, что осенью прошлаго года подъ частичнымъ бойкотомъ паствы оказался, напр., саратовскій епископъ Гермогенъ; можно бы такъ же не учитывать повсемѣстный протестъ противъ синода, какъ мы не учитываемъ усилившійся спросъ на толстовскія брошюры о вѣрѣ.

Недавно въ газетахъ картинно описывался торжественный крестный ходъ съ Псково-Печерской иконой Богородицы въ Ригѣ. Крестный ходъ съ этою иконой совершается ежегодно и до сихъ поръ ничѣмъ отъ обычныхъ крестныхъ ходовъ не отличался. Въ нынѣшнемъ году духовенство съ крестами, иконами и хоругвями «двигалось въ узкомъ проходѣ между шпалерами войскъ, было окружено тѣснымъ кольцомъ солдатъ, шествіе открывалъ отрядъ казаковъ съ пиками, всѣ аллеи бульваровъ и тротуары вблизи процессіи были наполнены чинами наружной и тайной полиціи», а, вмѣсто благочестивыхъ богомольцевъ, издали наблюдали шествіе кучки любопытныхъ. Этотъ краснорѣчивый эпизодъ изъ жизни окраинной Риги можно бы считать произведеніемъ генералъ-губернаторской фантазіи, если бы онъ не совпадалъ съ идущими изъ коренныхъ губерній поповскими мольбами о присылкѣ стражниковъ и съ заявленіями прихожанъ:

— Житья не стало отъ черносотенца-попа. Не иначе, какъ придется секту устроить.

Этотъ неожиданный поворотъ событій даетъ себя знать даже при разговорахъ съ деревенскими ходоками, прибывающими по разнымъ дѣламъ въ Петербургъ. Еще недавно разговоры не шли дальше «политики» и земли. Точнѣе, первоначально разговоръ былъ главнымъ образомъ о землѣ. По крайней мѣрѣ, мнѣ лично во времена «Сына Отечества», куда крестьяне часто обращались съ различными вопросами, приходилось разговаривать только о землѣ; политика если и затрогивалась, то лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ. Потомъ пошли разговоры о землѣ и политикѣ. Приблизительно зимою 1906 г. какъ-то незамѣтно ходокъ сталъ интересоваться политикой и землей. А вотъ съ недавняго времени онъ началъ зондировать почву:

— А какъ вы насчетъ вѣры полагаете? Пріѣзжаютъ къ намъ, знаете ли, разные люди. Такъ они говорятъ,—невѣжество это все, суевѣріе... Одно слово—мракобѣсіе. Мракобѣсіе-то оно, конечно, мракобѣсіе. А только и поповъ терпѣть силы нашей нѣтъ. Надо, значитъ, на счетъ вѣры обдумать.

Касательно ходоковъ я, разумѣется, передаю только личныя свои впечатлѣнія, которыя если и можно учитывать, то лишь какъ симптомъ. Но когда симптомы накопляются и отовсюду заявляютъ о себѣ, было бы непростительнымъ легкомысліемъ уклониться отъ діагноза. И чѣмъ больше я вдумываюсь въ значеніе симптомовъ, тѣмъ рѣшительнѣе прихожу къ выводу:

— Мимо страшной горы мы не пройдемъ. И рѣшительный отвѣтъ «на счетъ вѣры» будетъ вынужденъ дать не только синодъ, не только «Братство церковнаго обновленія», но и всѣ мы, люди завѣдомо оторванные отъ церковнаго корабля.

А. Петрищевъ.

„Враги“—М. Горькаго и „Жизнь человѣка“—Л. Андреева.

XIV Сборникъ „Знанія“. Спб. 1907.—Литературно-художественные альманахи Шиповника. Книга первая. Спб. 1907.

М. Горькій—драматургъ, публицистъ и сатирическій изобразитель американской жизни заставилъ говорить о «концѣ Горькаго».

Думаемъ, что говорить о «концѣ» не только преждевременно, но и совсѣмъ не основательно... Но несомнѣнно, что полоса драматическаго творчества у М. Горькаго не была полосой удачи.

Шестая по счету пьеса: «Враги», напечатанная въ XIV сборникѣ «Знанія», если и выдѣляется изъ болѣе раннихъ, то только рафинированностью соціальной темы, выдержанной безъ участія романическихъ элементовъ.—Только вскользь красавица-актриса, фигурирующая среди «враговъ», приводитъ товарища прокурора, руководящаго дознаніемъ по фабричному «дѣлу», къ безмолвному признанію, что онъ способенъ отпустить политическаго арестанта, если бы она захотѣла купить у него это нарушеніе «принциповъ». Но красавица-актриса ограничивается констатированіемъ факта, что товарищъ прокурора «цѣнитъ принципы ниже поцѣлуя женщины», и сколько-нибудь романическій эпизодъ въ пьесѣ сполна исчерпывается фразой, которую красавица говоритъ, «помолчавъ» и «вздохнувъ»: «Какіе мы съ вами оба дряни»...

Дѣйствіе происходитъ на заводѣ. Въ пору осложненій, заканчивающихся закрытіемъ фабрики и убійствомъ иниціатора репрессій—директора завода. Владѣлецъ, закрывшій заводъ по настоянію убитаго, охотно идетъ навстрѣчу просьбамъ рабочихъ открыть заводъ, взамѣнъ чего рабочіе обязуются найти и выдать оставшагося неизвѣстнымъ убійцу. Но послѣдній представляетъ для рабочихъ видную и цѣнную единицу, и потому вмѣсто него (это слабѣе всего обрисованный эпизодъ въ пьесѣ) рѣшаютъ, съ вѣдома всѣхъ заинтересованныхъ, выдать головой другого, непричастнаго къ убійству, но менѣе цѣннаго человѣка. Но въ послѣдній моментъ рабочій, узнавшій о рѣшенномъ подмѣнѣ, приходитъ къ властямъ, производящимъ дознаніе объ убійствѣ, съ заявленіемъ, что это онъ—убійца.

«Эти люди побѣдятъ»—спокойно, по ремаркѣ автора, говоритъ Татьяна (красавица-актриса) и снова повторяетъ: «Не плачь, эти люди побѣдятъ!»...—утѣшая 18-лѣтнюю Надю, родственницу заводовладѣльца, такъ же какъ и Татьяну, присутствовавшую при всѣхъ перипетіяхъ жандармскаго допроса рабочихъ.

Въ этой фразѣ внутренній центръ «Враговъ». Къ сожалѣнію, она только произносится, но ничѣмъ не доказывается,—въ томъ смыслѣ, какой это слово можетъ имѣть у художника-драматурга... Человѣкъ, готовый взять на свои плечи каторгу за другого, долженъ быть интересенъ *) и можетъ создавать увѣренность, что «эти люди побѣдятъ».

*) Своему Лѣвшину, рабочему съ апостольскимъ складомъ рѣчи, авторъ вкладываетъ, между прочимъ, слѣдующую фразу (по поводу готовности Рябкова взять на себя чужую отвѣтственность): „Хорошій народъ расти началъ... Эдакъ-то пойдетъ, выправимся мы".—Съ этимъ желаніемъ, чтобы все начиналось въ исторіи съ людей, завладѣвшихъ симпатіями автора, читатель уже знакомъ по „Тюрьмѣ". Напомнимъ по этому поводу разсказъ Мачтета съ аналогичнымъ эпизодомъ („Вторая правда:" за мірское убійство, въ сибирской деревнѣ, принимаетъ отвѣтственность молодой крестьянинъ, которому „легче" идти въ каторгу, чѣмъ дѣйствительному совершителю убійства), написанный около 25 лѣтъ назадъ. Въ свое

Выводъ изъ предпосылокъ совершенно правильный. Но для художественной драмы такого алгебраически-правильнаго рѣшенія задачи, конечно, мало. Вамъ нужно не только услышать этотъ выводъ, но и пережить его,—вмѣстѣ съ Татьяной и Лѣвшинымъ.

Къ сожалѣнію, этого нѣтъ во «Врагахъ». Сдѣлали вы тотъ выводъ, который желателенъ былъ автору,—все равно вы не затронуты имъ. Вы оказались освѣдомлены о наличности на заводѣ Бардина рабочаго Павла Рябцова, который заявилъ, что въ товарищескихъ интересахъ онъ беретъ на себя чужую каторгу (если допустить, что необходимость этого достаточно мотивирована въ пьесѣ),—но не видѣли *человѣка*, который такъ просто и дѣловито сдѣлалъ этотъ красивый поступокъ. Отсутствіе человѣка и есть недостатокъ «Враговъ». Въ пьесѣ есть отживающая «интеллигенція» и сильный пролетаріатъ, настоящая сила грядущаго, а человѣкъ, въ живомъ, обширномъ значеніи этого слова, затерялся среди «сценъ».

А вѣдь въ этомъ была какъ разъ особенность прежняго Максима Горькаго, обнаруживавшаго передъ вами человѣка какъ разъ тамъ, гдѣ вы его не ждали. Сравните хотя бы его относительно сложнаго и интереснаго Челкаша съ примитивно простымъ Протасовымъ, который, однако, живетъ въ кругу «лучшихъ идей міра», или съ любымъ изъ героевъ «Враговъ»... Только мѣткій языкъ, яркіе афоризмы да «лучшія мысли міра» служатъ доказательствомъ, что это примитивное изображеніе людского поведенія на желательную тему и для напередъ заданнаго вывода принадлежитъ тому же художнику, который находилъ усложненную душевную жизнь тамъ, гдѣ этого никто не предполагалъ.

Но драма безъ человѣка можетъ быть, въ лучшемъ случаѣ, формулой въ лицахъ, болѣе или менѣе удачно передающей мысль автора. Не больше.

Правда, авторъ тщательно избѣгаетъ этого термина въ своихъ подзаголовкахъ и предпочитаетъ называть свои пьесы «сценами»—изъ той жизни, которую онъ изображаетъ. Но онѣ слишкомъ субъективны и условны и для того, чтобы быть «сценами».

Субъективность М. Горькаго не мѣшала М. Горькому-беллетристу: повѣствуя, онъ всегда имѣлъ возможность окрасить общее впечатлѣніе своимъ собственнымъ вмѣшательствомъ въ качествѣ разсказчика. Въ драмѣ это оказалось болѣе труднымъ. Пришлось довѣрить это особымъ довѣреннымъ (чаще всего это—красивыя женщины), озаботившись тѣмъ, чтобы эти избранныя имъ на 4 дѣйствія лица имѣли въ своемъ распоряженіи достаточное коли-

---

время этотъ разсказъ былъ горячо принятъ читателями. Онъ на самомъ дѣлѣ недуренъ (кромѣ начала), и внутренняя необходимость подставить несовершившаго въ жертву судебной правды въ немъ мотивирована значительно сильнѣе, чѣмъ во „Врагахъ“.

чество репликъ для того, чтобы судить, расцѣнивать и постановлять приговоры «за М. Горькаго». И это отразилось на жизненности многихъ образовъ въ пьесахъ М. Горькаго: въ качествѣ правила — онѣ не обрисованы психологически; на первомъ планѣ темы, а не образы. При этомъ автору не всегда удается найти правоподобную «сцену» для этихъ приговоровъ, и тогда читателю «Враговъ» приходится присутствовать при сценѣ дознанія на заводѣ, которое производится не то жандармскимъ вахмистромъ, не то жандармскимъ ротмистромъ,—по поводу убійства директора завода. При этомъ дознаніи присутствуетъ не только товарищъ прокурора (онъ же братъ убитаго и ближайшій наслѣдникъ), но и дамы-родственницы заводской администраціи... Тутъ же, на глазахъ у всѣхъ, производится собираніе свѣдѣній объ арестованныхъ рабочихъ у добровольца доносчика, и 18-лѣтняя Надя, одна изъ тѣхъ, которымъ авторъ «Враговъ» поручилъ произнесеніе моральныхъ приговоровъ, имѣетъ возможность резюмировать пьесу словами, адресованными «врагамъ». Обращаясь къ Якимову, убившему директора:

...развѣ это вы убили? Это они всѣхъ убиваютъ... это они убиваютъ всю жизнь свою жадностью, своей трусостью (*ко всѣмъ*)!. Это вы, вы—преступники!

Лѣвшинъ (горячо). Вѣрно, барышня! Не тотъ убилъ, кто ударилъ, а тотъ, кто злобу родилъ!..

Такія условности не представляютъ исключенія въ «сценахъ» М. Горькаго.—Но когда рѣчь идетъ о «концѣ Горькаго», мы всетаки думаемъ, что рѣчь можетъ быть только о томъ, что у творчества М. Горькаго есть «враги»: политическая дидактика (и дидактика, плохо обоснованная), которую онъ такъ подчеркнуто вносилъ въ свои послѣднія вещи, и быть можетъ—драматическая форма, которая ему меньше повинуется, чѣмъ повѣствовательная.

Если М. Горькій заканчиваетъ свою пьесу пророчествомъ о тѣхъ, къ кому онъ тяготѣетъ своими симпатіями: они побѣдятъ,—то Л. Андреевъ утверждаетъ, какъ всегда: «Побѣды не существуетъ для человѣка,—онъ всегда побѣждаемъ то тѣмъ, то другимъ: то звѣремъ, который имъ владѣетъ, то духомъ раба, который въ немъ живетъ, то тѣмъ «Нѣкто въ сѣромъ», который руководитъ «Жизнью Человѣка».

Если надъ человѣкомъ нѣтъ никакихъ другихъ хозяевъ, всегда есть этотъ хозяинъ. Назовите его, какъ хотите: судьбой, Богомъ или случайностью, которую не даетъ предвидѣть никакая теорія вѣроятностей,—всетаки есть надъ человѣкомъ что-то, превращающее его жизнь въ эпизодъ изъ театра маріонетокъ, способныхъ мыслить и разсуждать. И счастье, и несчастье приходятъ—вѣр-

нѣе, сваливаются—неизвѣстно откуда. Человѣкъ безсиленъ что-нибудь измѣнить и въ то же время не способенъ примириться съ своимъ человѣческимъ безсиліемъ.

Все это вѣрно даже тогда, когда рѣчь идетъ о Человѣкѣ, какъ въ пьесѣ Л. Андреева.

Авторъ умышленно даетъ передъ вами схему жизни. Чтобы доказать то, что онъ сказалъ въ прологѣ, въ первыхъ же словахъ:

„Вотъ пройдетъ передъ вами вся жизнь Человѣка, съ его темнымъ началомъ и темнымъ концомъ. Доселѣ не бывшій, таинственно схороненный въ безграничности временъ, не мыслимый, не чувствуемый, не знаемый никѣмъ, онъ таинственно нарушитъ затворы небытія и крикомъ возвѣститъ о началѣ своей короткой жизни. Въ ночи небытія вспыхнетъ свѣтильникъ, зажженный невѣдомой рукой—это жизнь Человѣка. Смотрите на пламень его—это жизнь Человѣка.

Родившись, онъ пріиметъ образъ и имя Человѣка и во всемъ станетъ подобенъ другимъ людямъ, уже живущимъ на землѣ. И ихъ жестокая судьба станетъ его судьбою, и его жестокая судьба станетъ судьбою всѣхъ людей. Неудержимо влекомый временемъ, онъ неизбѣжно пройдетъ всѣ ступени человѣческой жизни, отъ низу кверху, отъ верху книзу. *Ограниченный зрѣніемъ,* онъ никогда не будетъ видѣть слѣдующей ступени, на которую уже поднимается нетвердая нога его; *ограниченный знаніемъ,* онъ никогда не будетъ знать, что несетъ ему грядущій часъ—минута. И въ слѣпомъ невѣдѣніи своемъ, томимый предчувствіями, волнуемый надеждами и страхомъ, онъ *покорно совершитъ* кругъ жизненнаго предначертанія".

Передъ вами три важнѣйшихъ момента въ «жизни Человѣка»: цвѣтущей гордой юности, разсцвѣта жизни, увѣнчанной успѣхомъ, и «несчастія», которое приходитъ заключительнымъ аккордомъ къ скучному «балу» въ жизни. -Вы можете въ эти три схематически выдѣленные пункта вложить какое угодно свое содержаніе; Л. Андреевъ вложилъ свое: то, которое ему показалось наиболѣе—по-андреевски—подчеркивающимъ его мысль.

Онъ взялъ человѣка, который имѣетъ право писаться съ большой буквы,—талантливаго, энергичнаго и нужнаго для жизни (онъ—«архитекторъ»), окрыленнаго счастьемъ раздѣленной любви и взаимнаго пониманія. Юный боецъ увѣренъ въ томъ, что онъ хозяинъ своей жизни. Неизвѣстный никому, онъ еще голодаетъ, терпитъ нужду вмѣстѣ съ своей юной женой, но тѣмъ не менѣе ни на минуту не сомнѣвается, что все это временныя препятствія, которыя ему не трудно будетъ одолѣть разъ навсегда.

Эй ты, какъ тебя тамъ зовутъ: Рокъ, дьяволъ, или жизнь, я бросаю тебѣ перчатку, зову тебя на бой! Малодушные люди преклоняются передъ твоей загадочною властью: твое каменное лицо внушаетъ имъ ужасъ, въ твоемъ молчаніи они слышатъ зарожденіе бѣдъ и грозное паденіе ихъ. А я смѣлъ и силенъ и зову тебя на бой.

Твоей зловѣщей косности я противопоставляю мою живую и бодрую силу; мрачности твоей—мой яркій и звонкій смѣхъ! Эй, отражай удары!

У тебя каменный лобъ, лишенный разума—бросаю въ него раскаленныя ядра моей сверкающей мысли; у тебя каменное сердце, лишенное жалости—сторонись, я лью въ него горячую отраву мятежныхъ криковъ!..

Покрытый ранами, истекающій алой кровью, я силы соберу, чтобы крикнуть: ты еще не побѣдилъ, злой недругъ Человѣка!

И онъ на самомъ дѣлѣ выбивается на сравнительные верхи жизни. Но только потому, что въ дѣло вмѣшался случай.—Нѣкто въ сѣромъ, который это и констатируетъ, безстрастно выслушавъ гордыя рѣчи юноши.

За вторымъ пунктомъ сценированной схемы такъ же неожиданно приходитъ третій пунктъ: пора несчастія. Поблекшій талантъ; надломленныя силы; какой-то негодяй ударомъ камня на смерть ранилъ единственнаго сына, и «балъ» въ «жизни Человѣка» смѣняется оскорбительнымъ сознаніемъ своего безсилія жить, какъ хочешь: человѣкомъ и хозяиномъ своей судьбы.

Наконецъ, приходитъ смерть въ такой же по-андреевски оскорбительной и нелѣпой формѣ, какъ и «жизнь».

Какъ мы оговорили, авторъ даетъ только схемы этихъ трехъ смѣнъ случая въ жизни человѣка: вѣры въ себя, высшаго будто бы счастья и единственнаго несомнѣннаго (не кажущагося) — страданія.

Такую же схему, въ сатирически усиленныхъ контурахъ, авторъ даетъ и для внѣшности жизни, поскольку она представлена въ «Жизни Человѣка». Людей въ ней нѣтъ, а есть только ваши и авторскія мысли о людяхъ: враги—всѣ «съ подлыми лицами, низкіе придавленные лбы», съ желтыми розами въ петлицахъ; друзья—«всѣ съ благородными лицами, высокіе лбы и честные глаза», съ бѣлыми розами въ петлицахъ... Затѣмъ передъ вами «балъ» въ жизни человѣка: рядъ до одури скучныхъ условностей, принимаемыхъ за счастье дѣйствительности.—Какъ символическая картина «самой красивой» дѣйствительности, это—самое интересное мѣсто въ пьесѣ, если исключить слишкомъ нелѣпо разсаженныхъ гостей, нелѣпо выкрикивающихъ слишкомъ примитивные образчики человѣческой пошлости... Будто бы музыка... Будто бы весело... Будто бы танцуютъ... А на самомъ дѣлѣ—съ обреченными лицами движутся въ тактъ, похожіе одинъ на другого, въ общемъ кругѣ, подъ печальный однообразный мотивъ нѣсколькихъ музыкантовъ (трехъ), изнемогающихъ отъ усталости,—точно не сами идутъ, а влекомые куда-то и зачѣмъ исполняютъ чью-то болѣе могучую волю... Но «хозяинъ» этого бала, съ видомъ побѣдителя проходящій среди приглашенныхъ имъ гостей,—чувствуетъ себя Человѣкомъ, который имѣетъ право поднимать высоко голову, проходя мимо «Нѣкого въ сѣромъ», настоящаго хозяина этого «бала», безмолвно, глазами не знающими ни жалости, ни участія смотрѣвшаго все время и на скучно-удовлетворенныхъ гостей, и на нелѣпо-торжественнаго хозяина.

Цѣну этого «бала» онъ узнаетъ только потомъ—въ двухъ слѣдующихъ картинахъ «Жизни Человѣка».

Они побѣдятъ,—говоритъ о своихъ герояхъ авторъ «Враговъ». Въ словѣ «побѣда» нѣтъ никакого дѣйствительнаго смысла,—утверждаетъ авторъ «Жизни Человѣка». Все, что доступно и тѣмъ, и другимъ «врагамъ»—это: немножко измѣнить картины «Жизни Человѣка». «Балъ» можетъ быть немножко короче или продолжительнѣе; два послѣднія дѣйствія—немножко менѣе удручающими; вотъ и все, что можно получить въ качествѣ «побѣды».

Объ удачности формы, избранной авторомъ для своей «Жизни Человѣка», можно спорить.

Несомнѣнно, автору удалось завладѣть вниманіемъ читателя-зрителя. Удалось выдвинуть на первый планъ то, что онъ хотѣлъ: случайность, управляющую жизнью его героя отъ момента, когда онъ пришелъ изъ небытія, до момента, когда онъ возвратился въ небытіе. Въ этомъ отношеніи пьеса наиболѣе выигрываетъ при чтеніи, такъ какъ здѣсь авторъ всегда имѣетъ возможность выдвинуть въ вашемъ вниманіи—когда это ему нужно—роль и отношеніе къ происходящему «Нѣкого въ сѣромъ». При сценической постановкѣ это въ значительной мѣрѣ пропадаетъ: авторъ не имѣетъ возможности привлекать ваше вниманіе *только* тогда, когда это ему важно, къ персонажу, который *молча* находится на сценѣ, недвижный и безстрастный. Наоборотъ, на сценѣ сильнѣе выдвигаются цѣнныя особенности символической картины «бала», и жалкій, удручающій, назойливый мотивъ польки, принимаемый всѣми (кромѣ одного несмѣло сомнѣвающагося) за блестящую бальную музыку, преслѣдуетъ васъ долго спустя послѣ того, какъ вы его слышали.

Тѣмъ не менѣе, избранная Л. Андреевымъ форма всетаки допускаетъ сомнѣнія относительно ея художественной цѣлесообразности.

Задачей автора было: объективировать передъ вами не самое жизнь, а схематическую *суть* этой жизни, какъ она представляется автору «Жизни Человѣка».

Всѣ персонажи поступаютъ въ полномъ согласіи съ замысломъ автора. Они кричатъ о томъ, о чемъ въ жизни только скрытно думаютъ и вожделѣютъ. Отецъ, обрадованный рожденіемъ сына (Человѣка), говоритъ врачу-акушеру: «Я заплачу вамъ больше, чѣмъ назначилъ». Докторъ отвѣчаетъ: «Вы должны мнѣ заплатить особо еще за щипцы, которые я накладывалъ».

Точно такъ же во время бала всѣ кричатъ о томъ, какая честь быть на балу у Человѣка. Кричатъ одну и ту же, точно заученную, фразу. Это въ замыслѣ автора: передъ вами должны быть схемы людей въ ихъ подлинной душевной сути. Къ невы-

годѣ для автора, онъ, однако, долженъ эти *схемы* олицетворять при помощи *людей* съ опредѣленными лицами, съ опредѣленными прическами, въ опредѣленной одеждѣ и даже съ извѣстными соціальными признаками. Если бы передъ вами были аллегорическія фигуры Самодовольства, Чванности, Мелочности, Пошлости, Корыстолюбія,—вы бы приняли безъ спора эти выкрики, которые персонажи въ «Жизни Человѣка» неустанно выкрикиваютъ. Но передъ вами люди, и вы не можете отказаться отъ требованій, которыя вы обычно предъявляете къ образамъ людей.

Въ этомъ отношеніи очень характерно главное дѣйствующее лицо,—самъ Человѣкъ. Авторъ имѣлъ въ виду и здѣсь, конечно, схему человѣческаго поведенія. Но сильное художественное чувство прорвалось, и авторъ далъ нѣсколько прекрасныхъ мѣстъ: вызовъ судьбѣ, который мы уже привели, молитва и проклятіе Нѣкому въ сѣромъ, разрушившему эти гордыя мечты, безстрастно допустившему все, что случилось. Вмѣшательствомъ какого-то негодяя уничтожена одна жизнь: жизнь его сына; уничтожена и другая жизнь—его старой жены, осужденной, какъ и онъ, на одинокую обидную смерть. Не помогла молитва, съ которою онъ обратился:

Я молюсь, видишь Ты? Согнулъ старыя колѣни, въ прахѣ разостлался передъ Тобой, землю цѣлую—видишь? Быть можетъ, когда нибудь я оскорбилъ Тебя, такъ Ты прости меня, прости. Правда, я былъ дерзокъ, заносчивъ, требовалъ, а не просилъ, часто осуждалъ—Ты прости меня. А если хочешь, если такая Твоя воля, накажи,—но только сына моего оставь. Оставь, я прошу Тебя. Не о милосердіи я Тебя прошу, не о жалости, нѣтъ, только о справедливости... Ты отнялъ у меня все, но развѣ когда-нибудь я просилъ Тебя, какъ попрошайка: верни богатство! верни друзей! верни талантъ! Нѣтъ, никогда. Даже о талантѣ не просилъ я, а Ты вѣдь знаешь, что такое талантъ—вѣдь это больше жизни! Можетъ быть, такъ нужно, думалъ я, и все терпѣлъ, и все терпѣлъ, гордо терпѣлъ. А теперь прошу, на колѣняхъ, въ прахѣ, цѣлуя землю — верни жизнь моему сыну. Цѣлую землю Твою!

Равнодушно внемлетъ молитвѣ отца и матери Нѣкто, именуемый Онъ.

Сынъ умеръ. Человѣкъ разражается безсильными проклятіями.

Ты женщину обидѣлъ, негодяй! Ты мальчика убилъ! . . . .

Я проклинаю все данное тобою!.. Проклинаю мое сердце, мою голову— и все бросаю назадъ, въ твое жестокое лицо, безумная судьба. Будь проклята, будь проклята во вѣки! И проклятіемъ я побѣждаю тебя. Что можешь еще сдѣлать ты со мною? Вали меня на земь, вали — я буду смѣяться и кричать: будь проклята! Клещами смерти зажми мнѣ ротъ — послѣдней мыслью я крикну въ твои ослиныя уши: будь проклята, будь проклята! Бери мой трупъ, грызи его, какъ собака, возись съ нимъ въ темнотѣ—меня въ немъ нѣтъ. Я исчезъ, но повторяю: будь проклята, будь проклята! Черезъ голову женщины, которую ты обидѣлъ, черезъ тѣло мальчика, котораго ты убилъ—шлю тебѣ проклятія Человѣка!

...Равнодушно внемлетъ проклятію Нѣкто въ сѣромъ.

Эти мѣста, несомнѣнно, самыя сильныя, самыя волнующія мѣста во всей «Жизни Человѣка». Но именно эти мѣста и

представляютъ наиболѣе рѣзкія отклоненія автора отъ задуманной схемы въ область реалистичнаго, многотоннаго изображенія. Въ этихъ монологахъ — не скелетъ мысли и настроенія Человѣка, а сама мысль съ цѣлымъ рядомъ оттѣнковъ: здѣсь и недоумѣніе передъ жизнью; здѣсь и безсильное негодованіе за то, что она именно такъ сложилась; здѣсь и гнѣвная готовность ударить—неизвѣстно кого. И эти монологи, повторяемъ, какъ разъ лучшія мѣста.

Наоборотъ, второстепенные персонажи, выдержанные въ качествѣ схемъ, только *кричатъ*. То, что они кричатъ, вѣрно, но тотъ, кто кричитъ, всетаки не «человѣкъ». То, что онъ кричитъ, слишкомъ однотонно, а человѣкъ, самый примитивный и элементарный, всетаки многотоненъ.—Художественная истина болѣе, чѣмъ всякая другая,—въ оттѣнкахъ, и такихъ простыхъ схемъ, какъ въ «Жизни Человѣка», для нея не достаточно.

Изъ частныхъ замѣчаній, которыя могутъ быть сдѣланы по поводу «Жизни Человѣка», укажемъ на сентиментальность въ сценѣ «Любовь и бѣдность»,—этотъ недостатокъ Л. Андреева тамъ, гдѣ онъ хочетъ передать человѣческую радость.—Мало понятны старухи, привносящія мрачную атсмосферу въ 1 и 5 дѣйствія, и въ силу роковой страсти художника-Л. Андреева къ всякаго рода внѣшнимъ ужасамъ.—загромождена чѣмъ-то ни для кого не нужнымъ сцена смерти Человѣка въ кабакѣ, среди людей, которые схематически выкрикиваютъ фразы о томъ, что у нихъ подъ черепомъ ползаютъ тараканы, и проч. и проч.—Быть можетъ, это тоже символическая картина, какъ и «балъ», но она не мотивирована и связана съ предыдущимъ только замысломъ довести игралище судьбы—Человѣка до самаго отталкивающаго умиранія, сперва нравственнаго, а потомъ уже физическаго.

Но для Человѣка—съ большой буквы—это едва ли художественно необходимо.

Недостатки есть и еще—ихъ даже много, но чувство боли за Человѣка настолько интенсивно, что всѣ эти недостатки почти забываются въ общемъ итогѣ отъ «Жизни Человѣка».

А. Е. Р.

Новыя книги.

П. Кропоткинъ (Томъ пятый). **Идеалы и дѣйствительность въ русской литературѣ.** Пер. съ англ. В. Батуринскаго подъ ред. автора. Изд. „Знаніе", Спб. 1907. Стр. VIII+368. Ц. 1 р.

Въ русское изданіе собранія сочиненій знаменитаго политическаго дѣятеля и писателя включена также его книга о русской

литературѣ. Вѣроятно, этого требовала, главнымъ образомъ, полнота изданія; но по существу этотъ обзоръ русской литературы, предназначенный для иностранныхъ читателей, долженъ былъ бы остаться ихъ достояніемъ.

Книга объ «идеалахъ и дѣйствительности въ русской литературѣ» представляетъ собою, какъ видно изъ предисловія автора къ первому англійскому изданію, курсъ изъ восьми лекцій, прочитанный авторомъ въ бостонскомъ «Институтѣ Лоуэля» въ 1901 г. Аудиторіей опредѣлился составъ книги. Надо было въ видѣ исторіи русской литературы дать о ней первое, самое общее понятіе людямъ, не только незнакомымъ съ нею, но безконечно чуждымъ тому міру, «идеалы и дѣйствительность» котораго воплощены въ русской литературѣ. Авторъ имѣлъ пріятную задачу не только характеризовать, но и передавать ея сокровища своимъ слушателямъ, подробно излагая содержаніе, переводя отрывки. Съ обычной скромностью авторъ отклоняетъ притязанія на самостоятельность. «Литературная критика—оговаривается онъ—всегда имѣла крупныхъ представителей въ Россіи, и взгляды на извѣстныя литературныя явленія, выраженныя въ настоящей книгѣ, опираются на трудъ нашихъ великихъ критиковъ: Бѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева, а равнымъ образомъ ихъ современныхъ послѣдователей: Михайловскаго, Арсеньева, Скабичевскаго, Венгерова и др. Біографическія данныя о современной русской литературѣ заимствованы мною изъ превосходнаго труда о современной русской литературѣ, принадлежащаго перу послѣдняго». Уже изъ этого перечня видно, какъ неравноцѣнны критическіе авторитеты, на оцѣнки которыхъ опираются мнѣнія, высказанныя въ книгѣ; важнѣе, однако, то, что труды указанныхъ критиковъ вполнѣ доступны русскому читателю въ оригиналѣ, который нѣтъ нужды замѣнять несамостоятельнымъ изложеніемъ. Конечно, старый умный писатель не могъ сдѣлать эту передачу чужихъ литературныхъ мнѣній совершенно безцвѣтной: тамъ и сямъ попадаются его собственныя соображенія, не лишенныя интереса. Не всегда, конечно, можно согласиться съ его оцѣнками. Онъ, напримѣръ, при всей своей склонности къ признанію и къ похвалѣ, удивительно низко ставитъ художественныя силы Достоевскаго. Даже «Братьевъ Карамазовыхъ»—«наиболѣе обработанный въ художественномъ отношеніи романъ Достоевскаго»—авторъ «находитъ въ цѣломъ настолько неестественнымъ, настолько искусственно сфабрикованнымъ для спеціальныхъ цѣлей,—въ иныхъ мѣстахъ для морализованія, въ другихъ,—для изображенія какого-нибудь отвратительнаго характера, взятаго изъ психо-патологическаго госпиталя, въ третьихъ, наконецъ, съ цѣлью анализа чувствъ чисто-воображаемаго преступника, — что нѣсколько хорошихъ страницъ, попадающихся кой-гдѣ на пространствѣ романа, вовсе не вознаграждаютъ читателя за тяжелый трудъ прочтенія двухъ томовъ». Характерно,

что въ этомъ суровомъ отзывѣ авторъ какъ бы забылъ свои интересныя и основательныя замѣчанія о томъ, что тенденціозность мирится съ истинной поэзіей; онъ дѣлаетъ эти замѣчанія по поводу Некрасова, напоминаетъ англійской аудиторіи о Шелли и Броунингѣ, которымъ тенденція не мѣшала быть великими поэтами, и указываетъ, что «каждый великій поэтъ проводитъ ту или иную тенденцію въ большинствѣ своихъ произведеній, и дѣло лишь въ томъ,—находитъ ли онъ прекрасную форму для выраженія этой тенденціи, или нѣтъ? Странно, что при такомъ мнѣніи о Достоевскомъ авторъ изъ литературы о немъ указываетъ только «двѣ выдающіяся работы»—Розанова и Мережковскаго, не упоминая, напримѣръ, о «Жестокомъ талантѣ» Михайловскаго. Едва ли онъ справедливъ и въ общей оцѣнкѣ критическихъ статей Михайловскаго, котораго онъ, какъ *литературнаго критика*, считаетъ далеко уступающимъ его предшественникамъ. Непосредственно передъ этимъ авторъ говоритъ о Чернышевскомъ, Добролюбовѣ и Писаревѣ. Казалось бы, что, поскольку рѣчь идетъ о первомъ и послѣднемъ, эта оцѣнка никакъ не можетъ быть признана основательной.

Даже эти спорныя мнѣнія показываютъ, что если бы маститый авторъ взялся за отдѣльную характеристику того или иного изъ любимыхъ своихъ писателей, онъ внесъ бы въ эту характеристику нѣчто вполнѣ новое. Но другое дѣло - цѣлый курсъ, обозрѣвающій тысячелѣтіе литературной исторіи, по изученію и изложенію которой сдѣлано всетаки не мало. Основнымъ недостаткомъ книги Кропоткина представляется намъ слабость историческаго элемента. Это, такъ сказать, не исторія, а географія русской литературы или, вѣрнѣе, путеводитель по ней, разсказывающій о тѣхъ достопримѣчательностяхъ—иногда и мало значительныхъ,—на которыя долженъ обратить вниманіе иноземецъ, не изучающій ни ихъ связи, ни происхожденія. Въ его рукахъ и надлежало остаться этой книгѣ. Имя ея автора будетъ дорого русскому читателю въ связи съ другими его произведеніями.

А. Лазурскій. Очеркъ науки о характерахъ. Спб. 1906, VIII+307 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Обширная область психическихъ явленій можетъ быть изучаема съ разныхъ точекъ зрѣнія. Но наиболѣе отличаются другъ отъ друга задачи тѣхъ двухъ категорій изслѣдователей, изъ которыхъ одни изучаютъ законы психическихъ явленій съ отвлеченной точки зрѣнія, а другіе—занимаются описаніемъ конкретныхъ данныхъ психической жизни. Такъ какъ психологія всегда считалась одной изъ философскихъ дисциплинъ, а люди съ философскимъ складомъ ума всегда обнаруживаютъ наклонность къ отвлеченной обработкѣ изучаемыхъ ими вопросовъ, то, естественно, психологія пышно развилась, какъ отвлеченная наука, тогда какъ описаніе

конкретныхъ данныхъ психической жизни мало привлекало вниманіе психологовъ-спеціалистовъ. Подобное описаніе долго было удѣломъ, главнымъ образомъ, историковъ-біографовъ. Но наибольшей славы и наибольшаго успѣха въ изображеніи конкретныхъ явленій психической жизни достигли не біографы, а художники: драматурги, романисты и др.

Любопытно отмѣтить то обстоятельство, что Теофрастъ, авторъ перваго научнаго описанія характеровъ, имѣлъ явственное стремленіе къ изученію конкретныхъ явленій: онъ съ любовью занимался описаніемъ растеній (нѣкоторые даже считаютъ его «отцомъ ботаники») и минераловъ, а свое сочиненіе о характерахъ написалъ (какъ это доказала филологическая критика) подъ вліяніемъ произведеній аттической драматургіи. «Философомъ»-же Теофрастъ былъ, вѣроятно, лишь потому, что въ его время философія вмѣщала въ себѣ всѣ науки, а сверхъ того и потому, что онъ былъ ученикомъ великаго Аристотеля.

Однако, односторонность подобной чисто отвлеченной обработки психическихъ явленій начала ясно сознаваться весьма многими и, поэтому, особенно въ новѣйшее время, на ряду съ отвлеченно-теоретической обработкой психическихъ явленій, все больше и больше появляются работы гораздо менѣе отвлеченнаго характера, излагающія то психологію народовъ, то психологію отдѣльныхъ возрастовъ, классовъ или профессій, то индивидуальныя различія характеровъ и темпераментовъ, то болѣзненныя уклоненія въ области психическихъ явленій. Всемірная литература уже довольно богата изслѣдованіями подобнаго рода, при чемъ имена многихъ работниковъ въ этой области, какъ то Лацаруса, Вундта, Рибо, Шарко, Фулье, Полана, Перэ, Препера, В. Штерна и др. пользуются достаточной извѣстностью.

Русская научная литература очень бѣдна работами подобнаго рода, и основательный трудъ доктора Лазурскаго является весьма кстати, чтобы познакомить читателей съ современнымъ состояніемъ ученія о характерахъ.

«Двѣ мысли, говоритъ авторъ во «вступленіи», положены въ основу этой книги: во первыхъ, — возможность сознательнаго, научнаго изученія человѣческихъ характеровъ; во-вторыхъ,—необходимость пользоваться для этой цѣли въ широкихъ размѣрахъ понятіемъ наклонности, или душевнаго качества».

Книга разбита на двѣ части. Въ первой части изучается «предметъ, задачи и методы науки о характерахъ»; во второй дѣлается «обзоръ наклонностей, относящихся къ области вниманія, чувствованій, движеній и волевыхъ процессовъ».

Понятіе характера авторъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ: «Подъ характеромъ мы будемъ подразумѣвать совокупность свойственныхъ данному лицу наклонностей, преимущественно основныхъ; каждую изъ этихъ наклонностей слѣдуетъ брать въ наиболь-

шей интенсивности, какая только возможна для даннаго человѣка» (стр. 22).

Понятіе же наклонности опредѣляется авторомъ такъ: «Подъ наклонностью (resp. способностью, душевнымъ качествомъ) мы будемъ понимать возможность неоднократнаго повторенія у наблюдаемаго лица извѣстной стороны того или иного душевнаго процесса» (стр. 4). При чемъ эти «наклонности относятся не только къ содержанію психическихъ процессовъ, но обнимаютъ также и формальныя стороны ихъ, какъ-то: интенсивность, теченіе, способы сочетанія и т. п.» (стр. 9). Такъ что, «быстрота того или иного умственнаго процесса, различныя особенности памяти, воспріятія, мышленія и воображенія, преобладаніе извѣстныхъ эффектовъ, большая или меньшая сила чувствованій, болѣе или менѣе интенсивное волевое усиліе,—все это можно разсматривать, какъ проявленія отдѣльныхъ наклонностей» (стр. 2).

Мы не можемъ согласиться съ подобнымъ опредѣленіемъ «наклонностей». Мы думаемъ, что нѣтъ никакого основанія вгонять въ одну и ту же рубрику и форму, и содержаніе душевныхъ процессовъ, и насъ не убѣждаютъ соображенія, приводимыя авторомъ въ защиту своего взгляда, когда онъ говоритъ: «Извѣстныя особенности въ теченіи душевныхъ процессовъ тѣсно связаны съ тѣмъ, а не инымъ содержаніемъ: сангвиники, т. е. люди съ быстро протекающими, не особенно интенсивными и обильно проявляющимися наружу чувствованіями, обыкновенно бываютъ оптимистами и отличаются добродушіемъ и общительностью; холерическій темпераментъ (быстрота и сила) даетъ энергическихъ людей, борцовъ, которые къ тому же въ жизни бываютъ обыкновенно несчастны (Кантъ). Кромѣ того, существуютъ нѣкоторыя качества, относительно которыхъ невозможно рѣшить съ увѣренностью, идетъ ли дѣло здѣсь о содержаніи или о формѣ душевныхъ процессовъ, и которыя, такимъ образомъ, являются переходною ступенью между наклонностями, относящимися къ содержанію, и наклонностями, относящимися къ формѣ; таковы, напр., способность психической и психологической задержки (съ сопровождающимъ ее чувствомъ усилія), способность узнаванія (чувство знакомости), внушаемость и пр. Въ виду всего этого намъ кажется невозможнымъ противополагать другъ другу эти два рода наклонностей, разсматривая ихъ совершенно отдѣльно» (стр. 9—10).

Такимъ образомъ, нашъ авторъ въ защиту своего взгляда выставляетъ два довода: 1) связь между формой и содержаніемъ наклонностей и 2) существованіе неопредѣленныхъ, переходныхъ качествъ.

Что касается перваго довода, то нѣкоторая видимость его убѣдительности достигается лишь благодаря крайней неопредѣленности выраженій, употребляемыхъ нашимъ авторомъ. Сангвиники, говоритъ онъ, обыкновенно добродушны. Но, спросимъ мы его, что

понимаетъ онъ подъ словомъ «добродушіе?» Если добродушными людьми онъ назоветъ тѣхъ, въ характерѣ которыхъ элементы благожелательные (къ другимъ людямъ) рѣшительно преобладаютъ надъ элементами зложелательными и индифферентно-эгоистическими, тогда его утвержденіе будетъ совершенно голословнымъ. И мы вполнѣ увѣрены, что авторъ не рѣшится утверждать, будто сангвиники не бываютъ эгоистами, будто они заботятся о себѣ менѣе, чѣмъ другіе люди, будто они направляютъ свою дѣятельность въ пользу ближнихъ болѣе другихъ людей и т. п. Если же авторъ называетъ добродушными лишь тѣхъ людей, которые малоспособны долго питать злобу по каждому данному поводу, то, въ такомъ случаѣ, его утвержденіе есть простая тавтологія: сангвиниковъ онъ опредѣляетъ, какъ людей съ быстро смѣняющимися чувствованіями, а людей добродушныхъ онъ опредѣляетъ, какъ людей, неспособныхъ долго удерживать злобность по каждому частному случаю. Слѣдовательно, своимъ утвержденіемъ, что сангвиники добродушны, авторъ просто говоритъ, что люди съ быстро смѣняющимися чувствованіями не долго удерживаютъ каждое отдѣльное злобное чувство (какъ не долго удерживаютъ они и каждое доброжелательное чувство). Но если, напр., человѣкъ только и дѣлаетъ, что быстро переходитъ отъ одного злобнаго чувства къ другому, отъ одной эгоистической заботы — къ другой, то мы не назовемъ такого человѣка добродушнымъ. Не поможетъ г. Лазурскому и то, если онъ заявитъ, что добродушіе есть комбинація быстроты смѣны чувствованій и обилія благожелательныхъ элементовъ, ибо и тогда останется недоказаннымъ самое главное: существованіе закономѣрной связи между быстротою смѣны чувствованій и обиліемъ благожелательныхъ элементовъ. А вѣдь только при доказанности существованія этой связи можно считать, что «добродушіе сангвиниковъ» есть примѣръ зависимости между формой и содержаніемъ душевныхъ качествъ.

Что касается второго довода нашего автора: существованія неопредѣленныхъ, переходныхъ качествъ, то мы думаемъ, что это обстоятельство должно скорѣе служить доводомъ въ пользу еще большаго усложненія классификаціи человѣческихъ характеровъ, т. е. введенія еще новыхъ категорій, на которыя разбиты душевныя качества, а никакъ не доводомъ въ пользу упрощенія этой классификаціи. Такъ, напр., явленіе «внушаемости» выдвигаетъ вопросъ объ устойчивости характера. Такимъ образомъ намъ при изученіи характера придется обращать вниманіе не только на содержаніе душевныхъ качествъ (наличность тѣхъ или иныхъ чувствованій) и на форму ихъ обнаруженія (слабость или сила, быстрота или медленность дѣйствія), но еще и на большую или меньшую способность измѣненій, какъ въ содержаніи, такъ, быть можетъ, и въ формѣ душевной жизни.

Таковы основанія, въ силу которыхъ мы не можемъ слѣдовать

за г. Лазурскимъ въ его стремленіи объединить въ одномъ понятіи душевныхъ наклонностей многоразличные элементы человѣческаго характера.

Но такъ какъ изслѣдованіе г-на Лазурскаго не является попыткой подвести матеріалъ подъ заранѣе установленный принципъ; такъ какъ, наоборотъ, его книга даетъ богатый матеріалъ объективныхъ наблюденій и описаній, — то наше несогласіе съ основной точкой зрѣнія автора не препятствуетъ намъ признать полезность и цѣнность работы г-на Лазурскаго.

Гаральдъ Геффдингъ. Современные философы. Переводъ съ датскаго, съ дополненіемъ по нѣмецкому изданію, вышедшему при участіи автора, А. Смирнова, подъ ред. проф. А. Л. Погодина. Спб. 1907 г. 211 стр. Ц. 50 к.

Имя Геффдинга хорошо извѣстно русской публикѣ, которую наши переводчики уже ознакомили со всѣми главнѣйшими трудами этого философа.

Настоящая небольшая работа Геффдинга является, по его собственнымъ словамъ, какъ бы дополненіемъ и продолженіемъ большой двухтомной его исторіи новой философіи. Въ своей большой работѣ авторъ, излагая новѣйшую философію, остановился на 1880 годѣ. Теперь онъ хочетъ познакомить публику съ успѣхами философской мысли за ту четверть вѣка, которая уже протекла послѣ 1880 года.

Раздѣливъ новѣйшія философскія изысканія на три группы: 1) группу съ «объективно-систематическимъ» направленіемъ; 2) группу съ «гносеолого-біологическимъ направленіемъ» и 3) группу, озаглавленную: «философія опредѣленія цѣнностей», — авторъ излагаетъ въ первомъ отдѣлѣ ученія Вундта, Ардиго, Брэдли, Фуллье, Ренувье и Бутру, предпосылая изложенію трехъ послѣднихъ французскихъ философовъ небольшое «введеніе», въ которомъ говоритъ о Тэнѣ и Ренанѣ; во второмъ отдѣлѣ авторъ сначала излагаетъ ученія естествоиспытателей, занимающихся философіей: Клерка Максуэлля, Маха, Герца и Оствальда, а затѣмъ переходитъ къ Авенаріусу; наконецъ, въ третьемъ отдѣлѣ авторъ говоритъ о Гюйо, Ничше, Рудольфѣ Эйкенѣ и Вильямѣ Джемсѣ.

При обозрѣніи дѣятельности всѣхъ этихъ мыслителей 1880 годъ взятъ, конечно, довольно условно въ качествѣ начала обозрѣваемаго періода. Ибо не только Клеркъ Максуэлль, умершій ранѣе 1880 г. (а именно въ 1879), не можетъ быть причисленъ къ писателямъ, развившимъ свою дѣятельность послѣ 1880 года, не только въ эту категорію не такъ легко зачислить Ренувье, чья первая философская работа появилась въ 1842 году (кстати, философы, завѣдующіе философскимъ отдѣломъ въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона, повидимому, ничего не слыхали о весьма значитель-

ныхъ работахъ Ренувье послѣ 1869 года, ибо, перечисляя труды этого мыслителя, они не упоминаютъ ни одной работы его послѣ 1869 г.),—но и для большинства другихъ мыслителей (особенно для Вундта и Ардиго) 1880 годъ является слишкомъ поздней датой для характеристики ихъ дѣятельности.

Однако, это обстоятельство не такъ важно, хотя его и слѣдовало отмѣтить. Гораздо болѣе важнымъ слѣдуетъ считать неполноту въ изложеніи обозрѣваемаго періода. Такъ, напр., среди англійскихъ мыслителей авторъ не упоминаетъ ни о Шедвортѣ Годжсонѣ, авторѣ четырехтомной «Метафизики опыта», вышедшей въ 1848 г., ни о представителяхъ такъ называемаго «гуманизма» (за исключеніемъ одного Джемса), ни о нѣкоторыхъ другихъ достойныхъ вниманія авторахъ. Гобгаузъ, Бозанкетъ, Лэддъ, Балдуинъ, Шиллеръ, Scotus Novaticus, Дьюи, Маршалъ, Ллойдъ Морганъ и нѣкоторые другіе, во всякомъ случаѣ, достойны упоминанія. Среди нѣмецкихъ мыслителей хотѣлось бы видѣть представителей имманентной философіи и нѣкоторыхъ другихъ авторовъ, напр., Корнеліуса, Липпса, Бенно Эрдмана и др.

Переходя отъ того, чего нѣтъ у нашего автора, къ тому, что у него есть, т. е. къ обзору изложенія системъ и ученій, сдѣланному Геффдингомъ, мы замѣтимъ, что, конечно, это изложеніе сдѣлано съ значительнымъ искусствомъ, но, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, въ общемъ, въ немъ нѣтъ той ясности и стройности, къ которой пріучилъ насъ авторъ въ своихъ предыдущихъ работахъ. Новыя ученія, новыя точки зрѣнія, еще не вполнѣ выяснившіяся, не приведены въ связь съ предыдущими великими теченіями человѣческой мысли, а разъ они не даны намъ лишь какъ модификаціи предшествующихъ идей, то изложеніе автора по большей части является слишкомъ краткимъ, чтобы выяснить абсолютное значеніе излагаемыхъ имъ ученій, ихъ роль въ духовной жизни человѣчества. Быть можетъ, сверхъ того, у автора не всегда имѣется достаточно свѣдѣній. Быть можетъ, нашъ авторъ не достаточно знакомъ съ высшей математикой, чтобы основательно обсудить такія ученія, какъ, напр., ученія Клерка Максуэлля, Герца или Оствальда. Мы думаемъ, что обозрѣватель новѣйшей философіи долженъ прежде всего быть хорошимъ математикомъ; вѣдь, напримѣръ, одно ученіе объ электронахъ грозитъ переворотомъ въ философіи матеріи и силы. Нашъ авторъ, проходя бѣгло (а иногда и совсѣмъ минуя) глубочайшіе вопросы натурфилософіи, съ излишней (конечно, сравнительно съ другими отдѣлами книги) подробностью останавливается, напр., на такомъ и безъ того извѣстномъ писателѣ, какъ Ничше.

Однако, всѣ эти, сравнительно, маловажные недостатки не особенно умаляютъ достоинства книги Геффдинга, всетаки являющейся вполнѣ хорошимъ (и при томъ единственнымъ) изложеніемъ самыхъ новѣйшихъ теченій философской мысли.

Теодоръ Липпсъ. Руководство къ психологіи. Пер. съ нѣм. М. А. Лихарева. Спб. 1907. Ц. 1 р. 50 к.

Весьма своеобразная книга. Ея появленіе во вполнѣ хорошемъ русскомъ переводѣ нельзя, конечно, не привѣтствовать, ибо все, написанное ея авторомъ, извѣстнымъ мюнхенскимъ профессоромъ, отличается, обыкновенно, такими крупными достоинствами, что ознакомленіе русскаго читателя съ идеями столь выдающагося мыслителя является дѣломъ весьма полезнымъ.

И разбираемая нами книга отличается крупными достоинствами; однако, ея построеніе таково, что мы считаемъ себя обязанными ознакомить нашихъ читателей не столько съ ея достоинствами, сколько съ ея недостатками. Эти недостатки являются, главнымъ образомъ, не столько абсолютными недостатками, сколько, такъ сказать, недостатками положенія. А именно: во-первыхъ, содержаніе книги весьма мало соотвѣтствуетъ ея заглавію и ея открыто-заявленному назначенію; во-вторыхъ, книга является, въ сущности, плохо-скомбинированной смѣсью разнородныхъ элементовъ.

Книга озаглавлена: «Руководство къ психологіи» («Leitfaden der Psychologie»), при чемъ авторъ въ предисловіи говоритъ, что она прежде всего предназначается для слушателей его лекцій и предупреждаетъ, что «начинающій, пожалуй, сдѣлаетъ лучше», если пропуститъ нѣкоторыя особо отмѣченныя мѣста. Относительно подобной книги мы въ правѣ предположить: во-первыхъ, что она есть трудъ по психологіи; во-вторыхъ, что она доступна для начинающаго, хотя бы въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя не носятъ особой отмѣтки автора. И, однако, оба наши предположенія окажутся совершенно ошибочными. Ибо, во-первыхъ, книга окажется смѣсью психологіи, логики, теоріи познанія и метафизики, при чемъ настоящая психологія является больше поводомъ для логическихъ построеній и метафизическихъ изысканій автора; во-вторыхъ, эта книга окажется совершенно непригодной для «начинающаго». Этотъ «начинающій», который вздумалъ бы дѣйствительно пользоваться книгой Липпса, какъ руководствомъ, былъ бы сразу поставленъ въ совершенно безвыходное положеніе, уже благодаря одному тому, что авторъ, въ большинствѣ случаевъ, молчаливо предполагаетъ, что его читателю уже знакомы данныя психологіи, которыми онъ просто пользуется для своихъ логическихъ и метафизическихъ изысканій. Правда, иногда авторъ какъ бы вспоминаетъ, что онъ, собственно, пишетъ «руководство къ психологіи», и тогда мы получаемъ блестящія и чисто-психологическія изысканія, въ родѣ, напр., страницъ, посвященныхъ абстракціи и ея отношенію къ апперцепціи; но эти отдѣльныя экскурсіи только увеличиваютъ разнородность изложенія, ибо всетаки во всей книгѣ господствуетъ такое изложеніе, точно психологія занимается не наблюденіемъ и описаніемъ фактовъ переживанія, а метафизи-

ческими размышленіями надъ этими фактами. Поэтому всякій, желающій извлечь пользу изъ чтенія книги Липпса, долженъ предварительно познакомиться съ психологіей по какому-нибудь дѣйствительно психологическому руководству.

Книга разбита на шесть отдѣловъ: 1) Основныя понятія психологіи, 2) Апперцепція, 3) Познаніе, 4) Воля, 5) Чувства и 6) Особыя психологическія состоянія.

Опредѣляя въ первомъ отдѣлѣ «задачу психологіи», авторъ говоритъ: «для психологіи существуютъ двѣ задачи по отношенію къ содержаніямъ сознанія. Первая изъ нихъ заключается въ регистрированіи, анализѣ, сравненіи, приведеніи въ систематическій порядокъ обнаруживаемыхъ нами содержаній, а также въ открытіи закономѣрности, которую можно непосредственно замѣтить въ нихъ. Другая задача состоитъ въ установленіи причинной связи между содержаніями сознанія. Первая задача—феноменалистическая, или чисто описательная, вторая—объяснительная» (стр. 9—10). Самъ авторъ сознаетъ, что «послѣдняя задача сейчасъ же выводитъ психологію за предѣлы содержаній сознанія» (стр. 10), т. е. за предѣлы чисто-психологическіе, и, однако, главнѣйшее содержаніе книги именно и посвящено этой «объяснительной» задачѣ, причемъ въ своихъ «объясненіяхъ» авторъ идетъ очень далеко, наполняя, напримѣръ, отдѣлъ «Познаніе» разсужденіями объ отношеніи «явленій» къ дѣйствительности» и другими чисто метафизическими изысканіями. Хотя авторъ и убѣжденъ, что «причинная зависимость по самой *природѣ* своей есть связь въ *объективной* дѣйствительности» (стр. 208), тѣмъ не менѣе онъ широко вводитъ изслѣдованіе объ этой причинной зависимости въ свой психологическій трудъ, который, казалось бы, долженъ былъ заниматься лишь субъективными состояніями сознанія.

Такъ какъ разбираемое нами сочиненіе, хотя и переполненное экскурсіями въ область логики, теоріи познанія и метафизики, всетаки по внѣшнему своему строенію есть «руководство къ психологіи», то авторъ и не даетъ намъ такихъ цѣльныхъ и стройныхъ логическихъ, теоретико-познавательныхъ или метафизическихъ изысканій, съ которыми мы могли бы познакомить здѣсь читателя: нашъ авторъ съ формальной стороны идетъ по полю психологіи, но только каждый встрѣчаемый здѣсь предметъ даетъ ему поводъ не столько для психологическаго описанія, сколько для изысканій иного рода. Такимъ образомъ нашъ авторъ постоянно выходитъ за предѣлы психологіи, самъ того не замѣчая. Характеренъ, напр., слѣдующій отрывокъ: «Основное условіе психологіи,—говоритъ авторъ на стр. 23,—заключается въ томъ, чтобы всегда и всюду самымъ опредѣленнымъ образомъ устанавливать различія между содержаніями ощущеній и ощущеніями, а также между содержаніями представленій и самими представленіями. Ощущаемый тонъ есть содержаніе ощущенія. Съ феноменологиче-

ской точки зрѣнія, ощущеніе тона есть непосредственно переживаемое отношеніе между мною и тономъ; для той же точки зрѣнія, которая возвышается надъ феноменологической,—ощущеніе тона представляетъ собою реальный процессъ ощущенія». Здѣсь мы имѣемъ передъ собою весьма тонкое и остроумное различеніе, но это чисто теоретико-познавательное различеніе, къ самой психологіи не имѣющее никакого отношенія. Очевидно, нашъ авторъ не замѣтилъ, что онъ настолько «возвысился» надъ чисто-психологической точкой зрѣнія, что и совсѣмъ вышелъ изъ области психологіи.

Вся книга переполнена эпизодами, въ родѣ только что отмѣченнаго. Очевидно, это не дѣлаетъ ее плохой книгой, ибо всѣ замѣчанія автора тонки и остроумны, но только читатель долженъ быть предупрежденъ, что онъ найдетъ не «руководство къ психологіи», а трактатъ, переполненный замѣчаніями изъ области логики, теоріи познанія и метафизики, замѣчаніями, сдѣланными по поводу разныхъ психологическихъ явленій.

Атлантикусъ. Государство будущаго. 2-е изданіе. Переводъ А. Гродзинскаго подъ редакціей и съ предисловіемъ прив.-доц. М. В. Бернацкаго. Изданіе книгоиздательства „Дѣло". 167 стр. Цѣна 40 коп. Спб. 1906 г.

Атлантикусъ. Государство будущаго. Переводъ В. Десницкаго, съ предисловіемъ П. Румянцева. Изданіе Товарищества „Знаніе". 125 стр. Цѣна 35 к. Спб. 1906 г.

Государство будущаго. Дебаты Германскаго Рейхстага. Переводъ С. Н. Кувшинскаго съ предисловіемъ Ю. Стеклова. 217 стр. Спб. 1907 г. Цѣна 1 рубль.

Государство будущаго. Рѣчи Жореса, Вайана и Клемансо во французской палатѣ 6 іюня 1906 г. Издательство „Міръ". Спб. 1907 г. 48 стр. Цѣна 12 коп.

Книга Атлантикуса вышла въ Германіи нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но была встрѣчена довольно холодно. Г. Бернацкій, авторъ предисловія къ русскому переводу г. Гродзинскаго, объясняетъ это политическимъ оппортюнизмомъ Атлантикуса. Намъ кажется, что значительную долю неуспѣха книги нужно приписать сухому и скучному изложенію по существу интересной темы. Главная мысль книги Атлантикуса заключается въ томъ, что соціалистическій строй не только не понизитъ производительности труда, какъ утверждаютъ нѣкоторые противники соціализма, но повыситъ ее въ такой степени, что при чрезвычайномъ сокращеніи труда каждаго работника, общее благосостояніе значительно увеличится. Авторъ одну за другой подвергаетъ статистическому анализу всѣ отрасли національной производительности въ Германіи, и на основаніи цифрового учета приходитъ къ выводу, что во всѣхъ отрасляхъ хозяйства переходъ отъ капиталистиче-

скаго строя къ соціалистическому влечетъ за собой сокращеніе труда и повышеніе прозводительности. Фактическая часть книги—наиболѣе сильная сторона автора.

Что же касается міровоззрѣнія Атлантикуса, то книга его является интереснымъ образчикомъ того удивительнаго соціализма, который, слѣпо преклоняясь передъ «производственными отношеніями», какъ альфой и омегой человѣческой жизни, весь смыслъ будущаго строя видитъ въ измѣненіи этихъ отношеній. Въ мѣщанской психологіи этихъ «соціалистовъ» только судьбы «производственныхъ отношеній» находятъ живой и глубокій откликъ. Вопросы человѣческаго духа, проблемы свободы и справедливости это—для нихъ «частности», «утопіи», «сентиментальности». Судя по изложенію Атлантикуса, лишь «производственныя отношенія» и экономическія условія кореннымъ образомъ измѣнятся въ будущемъ обществѣ; политическія же и моральныя условія жизни останутся очень похожими на современныя.

Государство останется такимъ же авторитарнымъ и принудительнымъ, такимъ же централизованнымъ и милитаристскимъ; церковь по прежнему будетъ служить орудіемъ въ рукахъ политической власти; наконецъ, въ соціалистическомъ государствѣ даже сохранится принудительный трудъ туземцевъ въ колоніальныхъ владѣніяхъ. «Соціалъ-демократы—говоритъ Атлантикусъ—дѣлаютъ серьезную ошибку, требуя отдѣленія церкви отъ государства. Когда наступитъ день побѣды пролетаріата, то окажется, что, благодаря этому требованію, добровольно отдано оружіе, которое могло бы привлечь къ соціализму круги вѣрующихъ, еще сопротивляющихся ему... Если сохранится зависимость церкви отъ государства, то представители ея очень скоро станутъ съ гораздо большимъ рвеніемъ защищать новый порядокъ и новую предержащую власть, чѣмъ они защищали современный строй (стр. 32)».

Въ «государствѣ будущаго» мы находимъ 25.000 офицеровъ, при чемъ поясняется, что «теоріи всеобщаго братства, вѣчнаго міра и т. п. очень красивы и увлекательны на бумагѣ», а не на дѣлѣ. На дѣлѣ же «каждое государство и каждая нація при грядущемъ «раздѣленіи земли», несомнѣнно, получитъ лишь столько, сколько она будетъ въ состояніи взять и закрѣпить за собою при помощи находящихся въ ея распоряженіи реальныхъ силъ и средствъ». Поэтому германское «государство будущаго» должно позаботиться объ усиленіи своей военной силы, особенно флота. «Когда средства производства перейдутъ въ пользованіе государства, сооруженіе военнаго флота будетъ стоить только матеріала и труда; четверть года добавочной службы для мужчинъ доставила бы 125,000 рабочихъ, которые въ 3—4 года построили бы военный флотъ болѣе могущественный, чѣмъ англійскій. И на будущее время Германія могла бы сохранить свое превосходство, такъ какъ населеніе ея гораздо больше (сравнительно съ Англіей).

Англія оккупировала уже несравненно больше земли, чѣмъ это соотвѣтствуетъ численности ея европейскаго населенія; *въ будущемъ и остальныя державы въ правѣ получить свою справедливую* (?!) *долю* (стр. 149)».

Какъ видитъ читатель, г. Атлантикусъ свои вкусы и аппетиты цѣликомъ переноситъ въ «государство будущаго»; и можно основательно опасаться, что «государство будущаго» г. Атлантикуса явилось бы еще большей угрозой для европейскаго мира, чѣмъ «государство настоящаго» г. Бюлова.

Но этого мало. Въ интересахъ «производственныхъ отношеній» Атлантикусъ находитъ болѣе удобнымъ многіе продукты вырабатывать не въ Германіи, а въ тропическихъ странахъ. «Главное затрудненіе заключается въ недостаткѣ рабочихъ рукъ. Но и это препятствіе не окажется непреодолимымъ. Конечно, физическій трудъ бѣлыхъ въ тропическихъ странахъ употреблять нельзя. *Говоря безъ обиняковъ, слѣдуетъ ввести своего рода принудительный трудъ для туземцевъ* (стр. 44)»... «Можно изъ сентиментальныхъ (!) побужденій отказываться отъ подобнаго временнаго принудительнаго труда для чернокожихъ,—тогда, конечно, ничего нельзя подѣлать—но никогда негръ не станетъ добровольно трудиться, пока его потребности будутъ оставаться такими же ограниченными (стр. 45)»... *Упорныхъ негровъ не надо ни вѣшать, ни колесовать* (!)—Когда они... постепенно уяснятъ себѣ выгоды труда, они станутъ совершенно добровольно поступать на работу (46 стр.)». И это пишетъ человѣкъ, который считаетъ себя соціалистомъ! Любопытно, однако, и возраженіе, приводимое по этому поводу Каутскимъ: «Лишь подъ давленіемъ настоятельной экономической необходимости,—пишетъ онъ въ предисловіи къ разбираемой нами книгѣ,—народъ можетъ дойти до такого противорѣчія съ основами собственнаго общежитія, какъ, напримѣръ, введеніе принудительнаго труда для колоніальнаго населенія въ соціалистическомъ обществѣ. Такой необходимости, по нашему мнѣнію, однако, нечего опасаться. Она могла бы возникнуть въ томъ случаѣ, если бы экономическія условія соціалистическаго строя исключали возможность обмѣна продуктовъ между странами. Но этого вовсе не предвидится (стр. 19)». Выходитъ такъ, что если бы «экономическія условія соціалистическаго строя исключали возможность обмѣна продуктовъ между странами», то и Каутскій стоялъ бы за колоніальныя завоеванія и принудительный трудъ туземцевъ. «Этика современнаго пролетаріата, отрицающая всякое рабство», была бы принесена на алтарь «производственныхъ отношеній».

Приведенныя выше выдержки достаточно показываютъ характеръ политико-философскихъ взглядовъ автора. Если мы всетаки рекомендуемъ книгу Атлантикуса русскимъ читателямъ, такъ это потому, что главное значеніе этой книги заключается въ ея фактическихъ и цифровыхъ данныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, для тѣхъ, кто

интересуется положеніемъ европейскаго соціализма, «реалистическая» соціальная философія автора должна представить нѣкоторый интересъ, такъ какъ взгляды Атлантикуса выражаютъ собою теченіе, явно намѣчающееся въ извѣстной части соціалистическихъ группъ.

Изъ двухъ русскихъ переводовъ мы отдаемъ предпочтеніе переводу г. Гродзинскаго, такъ какъ онъ написанъ болѣе легкимъ языкомъ и внѣшность изданія нѣсколько лучше (всѣ наши цитаты сдѣланы по этому изданію). Переводъ г. Десницкаго, впрочемъ, тоже удовлетворителенъ.

Двѣ послѣднія изъ поименованныхъ выше книгъ представляютъ собою переводы отчетовъ о парламентскихъ дебатахъ, по вопросу о государствѣ будущаго, которые происходили въ германскомъ рейхстагѣ въ мартѣ 1893 года и во французской палатѣ депутатовъ въ іюнѣ 1906 года. Пренія германскаго рейхстага въ свое время привлекли вниманіе всего культурнаго міра. Они сохранили нѣкоторый интересъ и въ настоящее время, такъ какъ даютъ богатый матеріалъ для пониманія характера германскихъ политическихъ партій, въ частности германской соціалъ-демократіи и ея взглядовъ на будущій соціалистическій строй. Въ конечномъ же счетѣ, эти пространныя пренія оставляютъ читателя неудовлетвореннымъ: Бебель и Либкнехъ дали, въ общемъ, очень уклончивый отвѣтъ на поставленный имъ вопросъ о томъ, какъ представляютъ они себѣ переходъ отъ капиталистическаго строя къ соціалистическому и какую роль будетъ играть государство въ будущемъ соціалистическомъ строѣ. Несомнѣнно, что въ настоящее время вопросъ этотъ требуетъ болѣе опредѣленнаго разрѣшенія. Уклончивость соціалъ-демократіи въ этомъ вопросѣ является ея больнымъ мѣстомъ, и именно сюда направляются критическія стрѣлы все растущаго среди соціалистовъ синдикалистскаго направленія. Совсѣмъ недавніе дебаты французскаго парламента по этому вопросу не представляютъ особаго интереса и врядъ ли заслуживали отдѣльнаго изданія.

И. И. Янжулъ. Изъ воспоминаній и переписки фабричнаго инспектора перваго призыва. Матеріалы для исторіи русскаго рабочаго вопроса. Спб. 1907 г., стр. 229. Ц. 1 р. 50 к.

Небольшая сравнительно книга г. Янжула даетъ богатый матеріалъ для историка не только рабочаго вопроса, но и всей нашей общественности. Авторъ задался цѣлью нарисовать картину своей службы въ должности фабричнаго инспектора, но вмѣсто этого у него вышла чрезвычайно яркая характеристика нашей бюрократіи, характеристика тѣмъ болѣе поучительная, что она касается самаго либеральнаго изъ бюрократическихъ вѣдомствъ—министерства финансовъ. Еще со времени изданія первыхъ фабрич-

ныхъ законовъ и назначенія на постъ министра финансовъ бывшаго профессора Н. Х. Бунге, т. е. съ начала восьмидесятыхъ годовъ, министерство финансовъ считалось наиболѣе передовымъ среди государственныхъ учрежденій. Задавленное свинцовымъ режимомъ того времени, русское общество въ малѣйшемъ намекѣ на благожелательность со стороны его притѣснителей готово было видѣть чуть не наступленіе новой эры. Такимъ намекомъ явился для общества новый путь, на который, казалось, стало въ это время министерство финансовъ въ рабочемъ вопросѣ, путь законодательнаго вмѣшательства въ отношенія между предпринимателями и рабочими. Въ короткій промежутокъ времени отъ 1882 по 1886 г. изданъ былъ цѣлый рядъ фабричныхъ законовъ и распоряженій, въ числѣ которыхъ законы объ обязательномъ школьномъ обученіи малолѣтнихъ рабочихъ, о сокращеніи рабочаго дня дѣтей, подростковъ и женщинъ, объ урегулированіи отношеній между хозяевами и рабочими и объ учрежденіи фабричной инспекціи занимали центральное мѣсто. Дальнѣйшая судьба всѣхъ этихъ законовъ не замедлила, однако, разочаровать общество въ его надеждахъ и мечтахъ. Бюрократія осталась вѣрна себѣ и послѣ краткаго опыта, убѣдившаго ее, что этотъ опытъ не нравится ея оплоту—крупнымъ предпринимателямъ, снова отдала рабочихъ на милость ихъ поработителей. Г. Янжулъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, главнымъ образомъ, о томъ, какъ министерство финансовъ постепенно сводило на нѣтъ изданные имъ фабричные законы, по мѣрѣ того, какъ предприниматели предъявляли правительству все новыя и новыя требованія объ «обузданіи» рабочихъ и защищавшихъ ихъ интересы фабричныхъ инспекторовъ. Въ эту эпоху вся дѣятельность департамента торговли и мануфактуръ сводилась, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы «не раздражать» вліятельныхъ московскихъ промышленниковъ и быть какъ можно «осторожнѣе» при проведеніи въ жизнь фабричныхъ законовъ. Такъ какъ осторожность понималась въ смыслѣ всемѣрнаго охраненія интересовъ предпринимателей, а фабричные законы, какъ ни какъ, направлены были, хоть отчасти, въ сторону соблюденія интересовъ рабочихъ, то все окончилось тѣмъ, что законы были положены подъ сукно, а фабричнымъ инспекторамъ приказано было не очень усердствовать, наиболѣе же «безпокойныхъ», по просту, выживали со службы. Такая участь постигла и г. Янжула. Послѣ того, какъ смѣнившій Бунге министръ финансовъ Вышнеградскій обѣщалъ обратить фабричныхъ инспекторовъ въ становыхъ приставовъ и дѣйствительно осуществилъ свою угрозу, охрана труда сдѣлалась невозможною, и фабричная инспекція превратилась въ фабричную полицію, а въ роли «крайней лѣвой» въ засѣданіяхъ московскаго присутствія по фабричнымъ дѣламъ очутился жандармскій генералъ Середа, почти всегда высказывавшійся въ пользу рабочихъ противъ натиска поощрявшихся министерствомъ мануфактуръ-совѣтниковъ.

Заканчиваетъ г. Янжулъ свои воспоминанія рядомъ выводовъ сводящихся въ общихъ чертахъ къ гаданіямъ о томъ, что было бы, если бы правительство съ большимъ прямодушіемъ и гуманностью, отнеслось къ рабочему вопросу. Но не этими выводами—не оригинальными и не умными—цѣнна книга. Г. Янжулъ относится совершенно отрицательно къ современному рабочему движенію, считая домогательства рабочихъ «маніей величія» и «обезьянствомъ». Онъ желалъ бы такихъ отношеній между рабочими, съ одной стороны, и предпринимателями и правительствомъ—съ другой, которыя, если и не создаютъ прочнаго мира, то всетаки являются лучше доброй ссоры. Кажется, это достаточно говоритъ о политической умѣренности автора. Однако, этотъ умѣренный человѣкъ долженъ былъ признать, что въ развитіи нашего фабрично-заводскаго законодательства правительство съ 1886 года не только не сдѣлало въ интересахъ рабочаго класса ни одного шага впередъ, но даже не выполняло, старательно искажало и вытравляло немногое изъ того хорошаго, что фабричные законы случайно дали (стр. 210). Если такое серьезное обвиненіе предъявлено самодержавной бюрократіи почти своимъ человѣкомъ, то что же остается сказать о ней тѣмъ, кого называютъ «вредными» людьми и «крамольниками»?

И. Х. Озеровъ, проф. Московскаго университета. **Какъ расходуются въ Россіи народныя деньги?** Критика русскаго расходнаго бюджета и государственный контроль (по неизданнымъ документамъ). М. 1907, стр. V+305. Ц. 1 р.

Книжка г. Озерова, составленная «по неизданнымъ документамъ», содержитъ въ себѣ рядъ интересныхъ и поучительныхъ фактовъ. Г-ну Озерову удалось проникнуть за кулисы той сцены, съ которой демонстрируется россійское финансовое благополучіе, и онъ пересказываетъ читателю то, что тамъ видѣлъ. Правда, видѣлъ г. Озеровъ далеко не все, что стоило посмотрѣть, и пересказываетъ онъ то, что удалось видѣть, не чрезмѣрно толково—но и то, что находится въ его книжкѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія читателя.

Г-ну Озерову удалось заглянуть только въ одинъ уголокъ закулиснаго финансоваго міра. «Благодаря любезности государственнаго контролера», онъ «получилъ доступъ къ центральному архиву государственнаго контроля въ Петербургѣ и Москвѣ»—и извлекъ изъ этого архива тотъ матеріалъ, который онъ считалъ типичнымъ для характеристики пріемовъ нашего государственнаго хозяйствованія. Матеріалъ этотъ, повторяемъ, далеко не полный. Не полный не по винѣ автора, а по свойству самаго источника его свѣдѣній. Когда-то, на зарѣ «эпохи великихъ реформъ» подверглась коренному преобразованію и система государственнаго счетоводства и отчетности. «Контрольная конституція» была одною изъ первыхъ, какія пересчитывалъ въ свое время Щедринъ; она предше-

ствовала и «акцизной», и «земской», и всѣмъ инымъ. Бюрократическое государство возымѣло благое намѣреніе ввести строгій порядокъ въ свое хозяйство, порядокъ, поддерживаемый чиновничьими руками. Созданъ былъ «независимый» чиновничій контроль. Начало гласности внесено въ государственное хозяйство. Первымъ шагомъ въ осуществленіи этой гласности явилось опубликованіе государственной росписи, считавшейся до того глубокою тайною. Затѣмъ стали публиковаться и отчеты государственнаго контроля объ исполненіи этой росписи.

Но и «контрольную конституцію» скоро постигла судьба, общая всѣмъ остальнымъ чиновничьимъ конституціямъ. Полицейское государство постепенно ассимилировало всѣ разнородные элементы, внесенные въ него въ періодъ «реформъ». Во что обратился независимый контроль — характерною иллюстраціею можетъ служить хотя бы такой фактъ, разсказанный, между прочимъ, въ книгѣ г. Озерова. Въ 1898 г. для постройки петербургскаго политехникума куплена была земля, 14 дес. 1450 саж., за 303.000 руб. По справкѣ, полученной государственнымъ контролемъ, оказалось, что эта земля составляетъ часть участка въ 22 дес., незадолго передъ этимъ купленнаго нѣкіими г. и г-жею Сегаль отъ купца Горшкова за 102.000 руб.; отъ этихъ гг. Сегаль казна и пріобрѣла $^2/_3$ участка за цѣну, втрое превышавшую стоимость его въ цѣломъ. Фактъ несомнѣнно краснорѣчивый. Но еще краснорѣчивѣе его послѣдствія. Глава «независимаго» контроля, который, по словамъ г. Озерова, «очевидно боялся всесильнаго тогда министра финансовъ» — испугался неожиданнаго разоблаченія, сдѣланнаго его вѣдомствомъ. На справку была положена резолюція: «спрятать и никому не показывать» (!) Такъ фактъ и остался подъ спудомъ— до нескромности г. Озерова.

Не расцвѣли и начатки финансовой гласности. Правда, и роспись, и отчетъ государственнаго контроля ежегодно публикуются во всеобщее свѣдѣніе,—но кромѣ этой, такъ сказать «экзотерической», отчетности, состоящей изъ голыхъ цифръ, есть еще «эсотерическая», доступная только для посвященныхъ. Всеподданѣйшіе отчеты государственнаго контроля, въ которыхъ излагаются главные результаты его ревизіи, составляютъ строгую тайну. Какъ припомнитъ читатель, сообщенія этихъ отчетовъ тщетно добивалась даже Государственная Дума; не допустили экспертомъ въ ея коммиссію и професс. Озерова, которому неосторожно открыты были тайники государственнаго контроля. Но помимо того, есть и еще финансовая «святая святыхъ», въ которую и государственный контроль можетъ заглянуть только въ полглаза (напр., крупныя операціи государственнаго банка съ такъ наз. «внѣуставными» ссудами и заграничныя банковыя операціи министерства финансовъ) или которыя наглухо отъ него закрыты,—какъ такъ наз. кредиты

«на извѣстное е. и. в. употребленіе», разсѣянные по смѣтамъ разныхъ вѣдомствъ.

По матеріаламъ потускнѣвшаго и полинявшаго учрежденія, какимъ является въ настоящее время контроль, пугающійся своихъ собственныхъ разоблаченій, трудно возстановить полную картину нашего государственнаго хозяйства. Но и то, что даетъ этотъ источникъ, въ высокой степени характерно. Г. Озеровъ сдѣлалъ рядъ выборокъ изъ дѣлъ и отчетовъ государственнаго контроля только за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ,—захвативъ и начало «конституціоннаго» періода. И, однако, получается цѣлая коллекція фактовъ, рельефно обрисовывающихъ самое беззастѣнчивое обращеніе съ казеннымъ сундукомъ. И это во всѣхъ отрасляхъ хозяйничанія казны. Предъ нами проходятъ и громадные обороты желѣзнодорожнаго хозяйства, гдѣ сотни милліоновъ затрачены безотчетно (на восточно-корейскую дорогу), и поощреніе промышленности убыточными для казны заказами, и «внѣуставными» ссудами изъ государственнаго банка, поддерживающими за счетъ казны совершенно нелѣпыя предпріятія, въ родѣ Ленскаго золотопромышленнаго общества или обанкротившихся промышленниковъ, имѣющихъ «сильную руку» въ правящихъ кругахъ (какъ, напр., датскій консулъ Techniques Пализенъ), и пресловутая винная монополія, и казенные подряды военныхъ и штатскихъ вѣдомствъ, ведущіеся по старымъ, фамусовскимъ принципамъ, и пр. и пр. безъ конца. Въ какой уголокъ бюджета ни заглянуть, вездѣ можно натолкнуться на вещи, почти сказочныя. Вотъ одинъ небольшой примѣръ. Въ 1901 задумали казенную Гагринскую дачу на Кавказѣ превратить въ климатическую станцію. Отпущено было на это первоначально 100.000 руб. Въ концѣ концовъ истрачено 3.157.000 р., да придется затратить еще на приведеніе курорта въ порядокъ около 2 милліоновъ рублей. А затѣмъ потребуются постоянныя приплаты на содержаніе этой затѣи, не окупающей своихъ текущихъ расходовъ. Чтобы обезпечить станцію средствами, предположено было распродать тысячу десятинъ земли по цѣнѣ отъ 3 до 20 р. за кв. сажень, т. е. 7.200 до 48.000 р. за десятину. Но въ концѣ концовъ продано было около 12 дес. и поступило въ личную собственность принца Ольденбургскаго 1000 дес. земли съ береговою полосою въ 300 саж. за 39.764 р., т. е. по 39 р. 76 к. дес. А курортъ и климатическая станція такъ и повисли гирею на государственномъ бюджетѣ.

Такіе примѣры далеко не единичны. И, повторяемъ, встрѣчаются они во всѣхъ отрасляхъ государственнаго хозяйства. Когда они проходятъ предъ глазами, дѣлаются совершенно понятными тѣ стремленія забронировать государственный бюджетъ отъ посягательствъ народнаго представительства и отъ нескромнаго любопытства думскаго контроля,—которыя такъ рельефно выступили въ нашемъ «конституціонномъ» законодательствѣ и практикѣ «кон-

ституціоннаго» министерства г. Столыпина. Дѣло идетъ вѣдь о самыхъ реальныхъ интересахъ правящихъ круговъ, высшихъ и низшихъ.

Возвращаясь къ книгѣ г. Озерова, мы должны повторить, что она цѣнна своими фактическими «справками изъ контрольныхъ архивовъ». И только этими справками. Что касается того, что прибавляетъ къ нимъ авторъ,—то съ большимъ успѣхомъ все сіе можно бы опустить, и книга отъ этого только выиграла бы. Даже и самое распредѣленіе фактическаго матеріала въ книгѣ сдѣлано на рѣдкость сбивчиво и безсистемно. Вообще все, что есть интереснаго въ книгѣ, нужно отнести на счетъ ея матеріала. Авторъ въ этомъ интересѣ не мало не повиненъ.

А. Дядиченко и Я. Чермакъ. Статистическій Справочникъ. Выпускъ I. Населеніе и землевладѣніе Россіи. Спб. 1906, стр. 64. Ц. 25 к.— Выпускъ II. Финансы. Спб. 1906, стр. 64. Ц. 30 к.

«Всякій, кому приходилось возиться съ цифрами, относящимися къ народно-хозяйственной жизни — говорятъ въ предисловіи къ «Справочнику» его составители—хорошо знаетъ, какими затрудненіями обставлено у насъ полученіе этихъ цифръ, даже въ столицахъ, не говоря уже о провинціи. Хорошихъ справочниковъ, въ родѣ Юрашека или Statesman's Yearbook, у насъ нѣтъ, имѣющіеся же и дороги, и плохи. Пользованіе оффиціальными изданіями весьма затруднительно, главнымъ образомъ, потому, что это въ большинствѣ случаевъ многотомныя изданія, недоступныя не только для частныхъ лицъ, но даже и для библіотекъ». Желаніе «дать, по возможности, побольше цифроваго матеріала, относящагося преимущественно къ вопросамъ нашей хозяйственно-экономической жизни», и побудило гг. Дядиченко и Чермака составить и издать таблицы, вошедшія въ «Статистическій Справочникъ».

По плану составителей, «Справочникъ» предположенъ въ четырехъ выпускахъ. Два первые лежатъ предъ нами; одинъ изъ нихъ посвященъ даннымъ о населеніи и землевладѣніи, другой—статистикѣ финансовъ. Въ III выпускъ должны войти свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ и фабрично-заводской промышленности и въ IV— о внѣшней и внутренней торговлѣ, о движеніи грузовъ, о дѣятельности банковъ, о желѣзныхъ дорогахъ, о преступности, о народномъ образованіи и т. д.

Несомнѣнно, работа гг. Дядиченко и Чермака отвѣчаетъ насущной потребности читающей публики. Работа эта счастливо задумана и—по крайней мѣрѣ въ той части, которая лежитъ предъ нами—удачно выполнена. Въ очень сжатомъ, компактномъ объемѣ составители даютъ массу цифровыхъ данныхъ, умѣло выбранныхъ и размѣщенныхъ. Мы находимъ въ «Справочникѣ» свѣдѣнія о численности, составѣ и размѣщеніи населенія; о распредѣленіи земле-

владѣнія; о движеніи и задолженности земельной собственности; о доходахъ и расходахъ государственныхъ, земскихъ, городскихъ, мірскихъ. Въ таблицахъ по населенію, землевладѣнію и части финансовыхъ (о государственныхъ доходахъ, о доходахъ и расходахъ земствъ, городовъ и о мірскихъ расходахъ) свѣдѣнія даются по каждой изъ 50 губерній Европейской Россіи въ отдѣльности и въ общихъ итогахъ; данныя о государственномъ бюджетѣ (не детализованныя территоріально) приведены за рядъ лѣтъ; во всѣхъ отдѣлахъ «Справочника» параллельно съ данными Россіи приведены сравнительныя таблички по нѣкоторымъ иностраннымъ государствамъ. Вообще цифровой матеріалъ «Справочника» подобранъ очень тщательно. Составители старались добросовѣстно использовать все, что можно найти въ томъ—не особенно обильномъ и не всегда доброкачественномъ—матеріалѣ, который даетъ наша оффиціальная статистика.

Но они очень скупы по отношенію къ объяснительнымъ комментаріямъ къ этому матеріалу. Скудость введенныхъ въ «Справочникъ» поясненій къ цифровому тексту составители объясняютъ желаніемъ не расширять объема изданія, дабы возможно удешевить его. Это желаніе, несомнѣнно, законное, но столь же законно и понятно желаніе не спеціалистовъ, для которыхъ назначается «Справочникъ», имѣть хотя бы нѣкоторыя указанія о сравнительной достовѣрности тѣхъ цифръ, которыя они въ немъ находятъ. Составители вынуждены были вѣдь пользоваться матеріалами далеко не равноцѣнными и разныя части ихъ таблицъ обладаютъ далеко не одинаковою точностью. Въ особенности это нужно сказать объ отдѣлѣ землевладѣнія, представляющемъ для даннаго момента, можетъ быть, наиболѣе жгучій интересъ. Затѣмъ, сами составители признаютъ, что объяснительныя комментаріи не лишни были бы и для пользованія сравнительными табличками (особенно въ бюджетныхъ сопоставленіяхъ). Они разсчитываютъ, что, можетъ быть, впослѣдствіи имъ удастся издать спеціальный выпускъ, посвященный различнымъ поясненіямъ и примѣчаніямъ къ цифрамъ «Справочника». Нельзя не пожелать, чтобы составители нашли возможность осуществить это намѣреніе и довести до конца свое изданіе, которое мы горячо рекомендуемъ вниманію нашихъ читателей.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются.*** Равнымъ образомъ, контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. И. Д. Сытина. М. 1907. ***И. Катаевъ***. Учебникъ русской исторіи. Вып. I. Ц. 50 к.—***Б. Розингъ***. Физика для народа. Теплота въ восьми лекціяхъ. Ц. 50 к.

Изд. „Трудъ и Борьба". Спб. 1907. ***Н. Огановскій***. Земельный переворотъ въ Россіи, его причины и слѣдствія. Ц. 20 к.—***Мих. Антоновъ***. Евангеліе русской соціалъ-демократіи. Ц. 20 к.

Изд. „Міръ". М. 1907. Проф. ***В. Мейеръ***. Гибель міра. Ц. 45 к.—***Его же***. Происхожденіе міра. Ц. 45 к.

Изд. Осетинскаго общества „Ір." Владикавказъ. 1907. ***Г. Цаголовъ***. Осетинскіе мотивы. Стихотворенія. Ц. 1 р.

Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1907. ***Д. Мережковскій***. Вѣчные спутники. Ибсенъ. Ц. 30 к.—***А. К. Боровдинъ***. Литературныя характеристики. Девятнадцатый вѣкъ. Ц. 1 р. 75 к.

Изд. „Посредникъ". М. 1907. ***Л. Н. Толстой***. Въ чемъ моя вѣра? Ц. 25 к.—***Его же***. I. О самосовершенствованіи. II. О сознаніи духовнаго начала. Ц. 2 к.—***Его же***. Противъ толстовства и др. Ц. 2 к.—***Его же***. Недѣланіе. Ц. 3 к.—***Его же***. Трудъ, смерть и болѣзнь. Ц, 3 к.—***Его же***. Въ чемъ счастье? Ц. 2 к.—Письмо ***Л. Н. Толстого*** къ крестьянину о землѣ. Ц. 1 к.— ***С. Семеновъ***. Немилая жена.

Изд. „Волна". Спб. 1907. Анархизмо-синдикализмъ. Сборникъ I. Ц. 50 к.— ***А. Мюллеръ***. Рабочіе секретаріаты и страхованія рабочихъ въ Германіи. Съ предисл. И. Х. Озерова. Ц. 1 р.

Іосифъ Редлихъ. Англійское мѣстное управленіе. Томъ I. Спб. 1907.

Изд. бр. Башмаковыхъ. Спб. 1907. ***Л. Я. Пясецкій***. Алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Ц. 50 к.

Библіотека свободомыслящаго. Спб. 1907. ***Давидъ Штраусъ***. Миѳическая исторія Іисуса. Ц. 1 р.

Изд. П. Дауге. М. 1907. ***П. Дауге***. Фиилософія и тактика. Ц. 10 к.— ***Генріетта Роландъ - Гольстъ***. Этюды о соціалистической эстетикѣ. Ц. 20 к.—***Іосифъ Дигенъ***. Мелкія философскія статьи. Ц. 80 к.—***Эрнестъ Унтерманъ***. Діалектическіе этюды. Спб. 1907. Ц. 60 к.

Изд. Л. И. Колеватова. М. 1907. ***Вс. Сонинъ***. Изъ жизни земли и труда. Очерки. Ц. 25 к.

Изд. журн. „Русская Школа". Спб. 1906. Пр. ***И. Скворцовъ***. Гигіена воспитанія и образованія. Ц. 1 р.— ***А. А. Красевъ***. Что могутъ и должны давать народу наши начальныя народныя училища. Ц. 75 к.—***А. Готлибъ***. Очеркъ народнаго образованія въ Швейцаріи. Ц. 80 к.

Изд. „Товарищество Просвіта". У. Киіві. 1907. ***М. Загірня***. Страшний ворогъ. Книжка про горілку.—***М. Загірня***. Як визволились північні Американські Штаті. — ***Д. Дорошенко***. Оповидання про Ірландію.—Звідомлення товариства Просвіта у Киіві.

Н. Олигеръ. Разсказы. Томъ I. Спб. 1907. Ц. 1 р.

Баронъ ***Ф. Ф. Врангель***. Остзейскій вопросъ въ личномъ освѣщеніи. Спб. 1907.

С. И. Торскій. Природовѣдѣніе. Курсъ I кл. классич. гимназій. Кіевъ. 1907. Ц. 40 к.

Л. Теннисъ. Изъ архива генерала И. Ѳ. Дитятина 2-го. Спб. 1907. Ц. 75 к.

М. Сукенниковъ. 9-ое Термидора. Спб. 1907. Ц. 15 к.

С. Д. Дрожжинъ. Завѣтныя пѣсни. М. 1907. Ц. 30 к.

М. А. Послѣднее политическое движеніе въ Персіи. Вып. I и II по 40 к.

Михаилъ Бакунинъ. Кнуто-германская имперія и соціальная революція. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Н. Кожановъ. Соціально-хозяйственная эволюція и смѣна цивилизацій. Спб. 1907. Ц. 55 к.

П. Суворовъ. Къ вопросу о равноправіи. Положеніе русскихъ въ Финляндіи и финляндцевъ въ Имперіи. Спб. 1907. Ц. 30 к.

Труды второго съѣзда отечественныхъ психіатровъ, происходившаго въ Кіевѣ въ 1905 г. Кіевъ. 1907.

Изд. аграрной коммиссіи партіи народной свободы. Аграрный вопросъ. Спб. 1907. Ц. 2 р. 50 коп.

С. М. Дубновъ. Письма о старомъ и новомъ еврействѣ. Спб. 1907. Ц. 1 р. 20 к.

Изд. „Шиповникъ". Спб. 1907. Сѣверные сборники. Книга первая. Ц. 1 р.—Ссыльнымъ и заключеннымъ. Сборникъ. Ц. 1 р.

Изд. М. В. Пирожкова. Спб. 1906. ***Д. Мережковскій***. Леонардо. Ц. 3 р. 50 к.

Изд. «Знанія». Спб. 1907. Сборникъ. XVII. Ц. 1 р.—***Леонидъ Андреевъ***. Томъ IV. Разсказы и пьесы. Ц. 1 р.—***Г. Григорьевъ***. Краткій курсъ химіи. Ц. 80 к.—***К. Каутскій***. Классовые интересы, частные интересы и общественные интересы. Ц. 6 к.—***Его же***. Революціонныя перспективы. Ц 10 к.—***Ф. Мерингъ***. Нѣкоторыя замѣчанія о теоріи и практикѣ марксизма. Ц. 8 к.—***Ф. Энгельсъ***. Жилищный вопросъ. Ц. 15 к.

Александръ Крель. Очерки изъ жизни проф. Н. И. Быстрова. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Александръ Богумилъ. Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ. Кіевъ. 1907. Ц. 2 р. 20 к.

Изд. «Новь». ***Уптонъ Синклеръ***. Царь промышленности. Исторія одного америк. милліонера. М. 1907. Ц. 1 р.

Въ помощь рабочему. Сборникъ статей о профессіональномъ и кооперативномъ движеніи. Ц. 20 к.

Изд. „Тѣни". ***В. Васильевъ***. Пастухъ. Спб. 1907. Ц. 75 к.

Изд. т-ва Газетныхъ Работниковъ. Харбинъ и О-во К. В. ж. д. Харбинъ. 1907. Ц. 15 к.

Изд. „Распространитель". ***Перекати-Поле***. Пѣсни босяка. Спб. 1907. Ц. 50 к.

Гр. Съогобочній. Чим шкодять нам евреі? Київ, 1907. Ціна 3 к.

Изд. Статист. отд. Московской губ. земск. управы. Московская губернія по мѣстному обслѣдованію 1898—1900 гг. Томы III и IV.—Псковская губернія. Томъ IV. Торопецкій уѣздъ. Вып. I. Псковъ. 1907. Томъ II. Новоржевскій уѣздъ. Вып. III. Псковъ. 1907.

Статистика за основнитѣ училища въ княжество България прѣзъ учебната 1900—1901 година.—Тоже 1901—1902 г.,—тоже 1902—1903 година; Статистика за срѣднитѣ, специалнитѣ,—професиональнитѣ и висшего училища въ княжество България прѣзъ учебнаго 1900—1901 година;—тоже 1901—1902 година; тоже 1902—1903 година.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

Въ пользу голодающихъ крест. въ разныхъ губ.: отъ А. С. Н.—5 р.; отъ Плаксиной—10 р.; отъ П. А.—2 р.; черезъ бухгалтера Сыръ-Дарьинскаго переселенч. управленія Л. Чупихина—30 р.; отъ А. А. С., изъ Житоміра—15 р.; отъ Е. Лапиной, со ст. Невиномыской—25 р.; черезъ бухгалтера Сыръ-Дарьинскаго переселенч. управленія Л. Чупихина—56 р.

Итого	143 р.
А всего съ прежде поступившими.	389 р. 68 к.
Послано Н. П. Купріяновой въ Казанскую губ.	300 р.
Остается въ конторѣ	89 р. 68 к.

Въ пользу голодающ. крест. и дѣтей, получающихъ пособіе въ Спб. отъ „прямой помощи": отъ Л. Адовой, изъ Полоцка—30 р.

Въ пользу ссыльныхъ и заключенныхъ: черезъ С. Кличъ, собран. въ сел. Кичкасъ, Екатер. губ., кружкомъ сознательныхъ лицъ—40 р.; отъ П. А.—2 р.; отъ Н. М. Г. 5-ый взносъ—10 р.; отъ Е. И. Малиновской—50 р.; отъ А. А. С., изъ Житоміра—10 р.; отъ в-ча Сперанскаго, изъ Тамбова—16 р.; отъ в-ча Николаева, изъ Шлиссельбурга—5 р.; отъ Ш. и Р.—8 р.; отъ Н. Рентельнъ, изъ Велижа—6 р. 80 к.; отъ неизвѣстныхъ изъ Царевококшайска—25 р.; отъ управленія Амгунскихъ пріисковъ „Ельцевъ и Левашевъ"—9 р.

Итого . . . . 181 р. 80 к.

Въ пользу пострадавшихъ депутатовъ первой Государ. Думы: отъ служащ. матеріальнаго склада ст. Бухеду К. В. ж. д.—33 р. 70 к.

Издатель *В. Г. Короленко.* Врем. ред. *В. С. Елпатьевскій.*

Контора «Русскаго Богатства» проситъ руководствоваться, при подпискѣ и доплатахъ, прилагаемыми образцами. Это избавитъ отъ ошибокъ, происходящихъ вслѣдствіе того, что почтовые штемпеля, попадая на адреса, совершенно ихъ закрываютъ.

Подписка.

Прилагая р. к., прошу высылать „Рус. Бог.“ въ теченіе 1907 г.

Имя:
Отчество:
Фамилія:

Городъ или станція:
Губерніи:
Уѣзда (или ул. и домъ)
(или *ж. д.*)

Мѣсто почтоваго штемпеля.

Доплата:

№ бандероли.

Прилагаю:

2-й взносъ р. к.
3-й взносъ р. к.

Имя:
Отчество:
Фамилія:
Городъ
Губернія:
Уѣздъ:
(или *ж. д.*)

Мѣсто почтоваго штемпеля.

BOUND BY
HNM

78 798 168